

Т
е
з
а
у
р
у
с

С

О

Ц

И

О

Л

О

Г

И

И

Тезаурус СОЦИОЛОГИИ

Тематический
словарь-справочник

Под редакцией
члена-корреспондента РАН *Ж.Т. Тощенко*

Москва • 2009

УДК 316(035)
ББК 60.5я22
Т29

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по гуманитарно-социальным специальностям*

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор *А.В. Дмитриев*
доктор социологических наук, профессор *Н.Р. Маликова*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Т29 Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. —
М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 487 с. — (Серия «Cogito ergo sum»).

И. Тощенко, Жан Терентьевич, ред.

ISBN 978-5-238-01638-2

Агентство СІР РГБ

Издание реализует две цели: научно-познавательную и учебно-методическую. Даются описание и характеристика основополагающих понятий социологической науки, которые раскрывают ее содержание, назначение и функции и без знания которых невозможно представить полноценную деятельность социолога. Это руководство как для практикующих социологов, так и для будущих специалистов, помогающее найти ответы на вопросы: какова социальная ценность социологии, что должно стать основой повседневной и перспективной практической деятельности всех непосредственно занимающихся социологическими исследованиями, а также чему и как учить социолога. В конце книги приводится примерный план учебного курса «Основы социологии».

Для студентов, изучающих социологию, исследователей, профессионалов-практиков, в том числе интересующихся социологическими исследованиями и работающих в смежных областях экономического, политологического, культурологического, социально-психологического и исторического знания.

ББК 60.5я22

ISBN 978-5-238-01638-2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2009

Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания.

Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.

© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2009

Введение

Тезаурус — это систематизированная совокупность данных об определенной области знания, представленная в виде ключевых, значимых слов (понятий), соотносенных между собой по одному из оснований, и позволяющая человеку или машине ориентироваться в ней. «В тезаурусе в отличие от обычного толкового или энциклопедического словаря слова расположены не по алфавиту, не в формальном порядке, а в порядке их смысловой близости, ассоциативной и концептуальной связи, относимости к одному семантическому гнезду» (М. Эпштейн). Тезаурус можно уподобить своеобразному словарю, справочнику и даже энциклопедии, но в то же время он существенно отличается от них. Если энциклопедии претендуют на универсальное изложение сведений той или иной отрасли знания, осуществляют всеохватывающую экспансию на всю относящуюся к избранному предмету информацию, то в словарях находят отражение сконцентрированная и прошедшая апробацию терминология, характеризующая сущность, специфику и особенности соответствующей отрасли научного знания. В словарях или словарях-справочниках, как правило, даются представления о специальных областях знания, которые излагают в алфавитном порядке все относящиеся к данной сфере понятия (термины). В справочниках наряду с объяснением необходимой информации осуществляется ее комментирование. Таким образом, тезаурус по социологии — это собрание самого ценного, самого значимого, что составляет суть и содержание этой науки.

Для авторского коллектива такой концепцией, объединяющей замысел по подготовке тезауруса, стала концепция «социологии жизни», которая получила обоснование в работах Ж.Т. Тощенко. В соответствии с этим методологическим подходом настоящий тезаурус вбирает в себя, во-первых, систематизированное изложение основных понятий, отражающих данную концепцию, во-вторых, претендует на изложение сущностных основных понятий, без которых немислимо представление о социологической науке, в-третьих, все они строятся по единому логическому основанию. И наконец, тезаурус олицетворяет единство научного и прикладного знания, ибо каждое понятие имеет не только теоретическую, но и эмпирическую трактовку.

Настоящее издание является фундаментальным специфическим изданием, так как подготовка тезаурусов, так же как и энциклопедий, словарей, справочников — сложный и трудный процесс, требующий значительного напряжения усилий, которые бы в концентрированном и сжатом виде позволили изложить содержание науки или отрасли научного знания. Поэтому они появляются не так часто, как другие виды научного знания.

Не является исключением и жизнь этих изданий в социологической науке.

Напомним, что первый словарь по современной отечественной социологии появился почти 20 лет спустя после возрождения этой науки, если точкой отсчета считать образование Советской социологической ассоциации в 1958 г. Это был «*Краткий словарь по социологии*» под редакцией Д. Гвишиани и Н. Лапина, вышедший в 1978 г. Затем последовал «*Социологический словарь*», подготовленный белорусскими социологами и изданный в Минске под редакцией Г.П. Давидюка в 1982 г. За ним последовало появление «*Социологического словаря*» в Киеве под редакцией В.И. Воловича.

Значительной вехой, наиболее полно отразившей результаты и разработки отечественной социологии, стал «*Энциклопедический социологический словарь*», изданный в 1995 г. под редакцией Г.В. Осипова. Это был результат многолетней работы основных социологических сил, которые имелись в то время в отечественной социологии. Этот словарь и до сих пор сохранил свою ценность и является по сути дела первым уникальным изданием такого рода. Он неоднократно переиздавался в различных вариантах, в том числе и на иностранных языках.

В 2003 г. на пятом десятке лет существования российской (советской) социологии вышла в свет «*Социологическая энциклопедия*» под редакцией В.Н. Иванова (автор проекта Г.Ю. Семигин), которая достаточно объемно и всесторонне вобрала в себя наработанные к тому времени исследования социологов страны, включив в свой состав несколько тысяч слов.

Специфика настоящего издания состоит в том, что он представляет еще один важный вариант энциклопедий и справочников — *тезаурус*, который имеет две основные цели. Во-первых, *дать единое логически последовательное изложение основополагающих социологических понятий, исходя из концепции «социологии жизни»*, что позволяет представить картину жизни (в отличие от нарратива, который претендует на изложение истории жизни). Во-вторых, *дать руководство как для практикующих социологов, так и для будущих специалистов, избравших своей профессией социологическую специальность*, ибо в реальной повседневной практике они оперируют именно этими понятиями и категориями.

Так как авторы тезауруса исходят из концепции *социологии жизни*, предполагающей анализ предмета социологии как особый срез нашего

сознания и видения социальной реальности, то основной массив материалов посвящен анализу тех основных понятий, которыми социолог пользуется в повседневной работе и которые позволяют видеть не только теоретическую, но и эмпирическую их трактовку.

Так как тезаурус охватывает базовые понятия «социологии жизни», он воплощает в себе особое логически выверенное изложение социологического знания в единстве научного их обоснования и апробированного опыта, накопленного в социологии к настоящему времени. В этом одно из принципиальных положений данного издания. Мы не даем понятий, которые подвергаются только теоретической или эмпирической трактовке. Поэтому в тезаурусе представлены понятия, наполненные глубоким научным смыслом и одновременно являющиеся руководством для прикладного исследования.

Первая часть начинается с *краткого знакомства с генезисом идей социологии, определения объекта и предмета науки, ее уровней, структуры и функций.*

В контексте этого подхода читатель знакомится с *основными компонентами социологической структуры сознания* (информация, знание, мнение, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, стереотипы и т.д.). В этом же разделе анализируются специфические формы сознания — идеология, социальное настроение, стереотипы, архетипы, интуиция и т.д. Особое место отводится деформированным видам сознания — отчуждению, парадоксам, аномии, кентавр-проблеме, фрустрации, депривации, стигме.

А так как сознание материализуется в *поведении, деятельности* людей, то дается подробная характеристика их операциональных представлений в виде нормативного, адаптивного, инновационного и деструктивного (девиантного) поведения (деятельности).

Этот раздел завершается *теоретической и эмпирической трактовкой условий окружающей среды*, ибо сознание и поведение во многом зависят от внешних условий, представленных макро-, мезо- и микросредой. Особо выделяется социальная инфраструктура, которая позволяет с позиций социологии, в единстве статистической и социологической информации представить взаимосвязь материально-вещественной среды с трудовой и общественной жизнью человека.

Следующий раздел посвящен *обобщающим, системообразующим понятиям*, которые формируются на более высоком уровне абстракции. Все они — социальные отношения, социальное развитие, социальные процессы, социальная структура, социальные институты и организации и другие — являются воплощением единства теоретических и эмпирических представлений, но не на механическом, а на образующем новый, более высокий уровень логических конструкций.

Затем следуют анализ *структурообразующих понятий*, которые олицетворяют еще более высокий уровень абстракции — представления

о сферах общественной жизни (такой подход коррелирует с выводами социальных философов), предусматривающий характеристику экономической, социальной, политической и духовной жизни, и соответственно компоненты каждой из этих сфер. Например, социологическая интерпретация экономики состоит из анализа проблем рынка, труда, города, деревни, демографии, миграции, экологии. Возможен учет и других компонентов экономической жизни — социальных проблем развития регионов, территорий, социальной инфраструктуры и т.д.

Такое построение курса реализует еще одну важную функцию социологии — *участие ее творцов и исполнителей в управленческом процессе*: социологическая информация используется в процессе управления, вписана в механизм регулирования социальной жизни общества. Это особенно важно для социологического просвещения работников разных специальностей — инженеров, учителей, специалистов сельского хозяйства и других, которым приходится иметь дело с людьми, управлять ими, принимать решения, исходя не только из своих личных представлений о происходящем, а из того, к чему тяготеет большинство людей как во всем обществе, так и в той организации, где работает управленец.

Нужно отметить еще одно важное методологическое и методическое требование, отражающее особенность и специфику данного курса. В нем, несмотря на то, что авторы тезауруса привержены концепции социологии жизни, освещаются и другие подходы, существующие в мировой и отечественной социологии. Однако следует заметить, что современный период *антропоцентрическое направление социологической мысли* находит все больше сторонников. Это тем более важно, что в истории российской (русской, советской) социологической мысли всегда ярко и четко проявлялось внимание к человеку, личности, индивиду, вполне оправданно считая их воплощением социальности реальной жизни. Этот подход нашел особенно яркое воплощение в трудах П.А. Сорокина, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Н.И. Кареева и других представителей органической и социально-психологической школ.

Идея, что человек в его социальном окружении, в реальности повседневных забот и намерений является объектом и предметом социологического анализа, разделяется многими отечественными социологами. И в этом отношении мы не находимся в стороне от мировой социологической мысли. Антропоцентрическая идея в социологии все больше и больше разделяется учеными во многих странах мира, что особенно ярко проявляется в творчестве П. Штомпки, Э. Гидденса, А. Турена и др. Так, в творчестве П. Бергера выражена суть современной социологии — *человек в обществе, и общество для человека*, что ставит человека и его реальные заботы, тревоги, переживания и действия в центр анализа социальной жизни. К этой идее склоняется и большинство современных российских социологов — Н.И. Лапин, Н.Н. Козлова, С.И. Григорьев, Ю.Г. Волков и др.

Поэтому вполне оправдано, что базовые понятия социологии жизни анализируются с точки зрения тех процессов, которые происходят в сознании и поведении людей, специфика проявления которых зависит от конкретных социально-экономических и политических условий их реализации.

И наконец, данным построением тезауруса устраняется однобокое, одностороннее представление о профессии социолога. Ведь кто такой социолог? В обыденном представлении — это человек с анкетой, с которой он обращается к окружающим его людям по месту работы, жительства, а то и просто на улице, чтобы узнать их мнение по тому или иному вопросу. Такой подход, с одной стороны, придает социологу имидж человека, который-де не теряет связи с реальностью (другое дело, как эти усилия оцениваются в обществе). С другой стороны, нет ничего печальнее отождествлять социологию со сбором мнений по случайным (а нередко и глупым) вопросам, что дискредитирует социологию как науку и низводит ее до некоего вспомогательного средства познания, да еще и такого, которым можно манипулировать.

Настоящее издание отражает насущную научную и прикладную потребность в познании социальных процессов и явлений в социологическом ключе.

Это научное издание, во-первых, нужно тем, кто работает в области социологии, для того, чтобы в сжатом и концентрированном виде представить поле данной науки в ее основных базовых понятиях. Оно предназначено для тех, кто не может творить, не обращаясь регулярно к накопленному знанию, кто постоянно нуждается в сопоставлении своих представлений с тем, о чем размышляют его коллеги, что было до него и над чем трудятся коллеги в других странах.

Во-вторых, тезаурус нужен тем, кто интересуется данной наукой, кто стремится расширить свой кругозор, удовлетворяя любопытство, узнавая то, чего он не знал до сих пор, но хотел бы иметь представление. Об этом, в частности, говорит тот огромный интерес, который испытывают многие люди к социологическим данным, публикуемым в средствах массовой информации, в сообщениях по радио и телевидению.

В-третьих, в данной информации испытывают потребность коллеги из других смежных отраслей знания, работающие над сходной тематикой, но в своей профессиональной области. Это знание достижений родственных наук позволяет серьезно обогатить свои представления, а также использовать их в практике своей работы.

И наконец, это издание необходимо тем, кто приступает к изучению социологии, той или иной ее проблемы. Особенно студентам, которые начинают познавать свою специальность, что требует освоения всей совокупности базовых понятий, без чего невозможно профессиональное совершенство. На наш взгляд, ключевым в знакомстве с нача-

лами социологии является понятийный аппарат. Проблема понятийного аппарата — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы являемся свидетелями того, как изменяется понятийный аппарат всех наук, в том числе и социологии, как он совершенствуется, обогащается, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, которые существенно корректируют и уточняют наши представления об изучаемой реальности.

Настоящий тезаурус подготовлен коллективом социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета при участии ученых Российской академии наук и других университетов. Особо следует подчеркнуть, что в данном издании соблюдена логика построения первоначального курса «Основы социологии», который читается студентам — будущим социологам.

По мнению авторского коллектива, данный труд является путеводителем для всех, кто хочет приобщиться к содержанию социологической науки, ее системному изложению, проблемам, достижениям, генезису ее идей. Этим объясняется специфика данного издания, состоящая в попытке объединить сведения социологического словаря-справочника с их использованием в учебном процессе.

Ж.Т. Тощенко,
член-корреспондент РАН,
декан социологического факультета РГГУ

Авторский коллектив

Л.Ф. Адилова, Р.И. Анисимов, Н.И. Белова, Ф.М. Бородкин, М.Б. Буланова, Л.Н. Вдовиченко, Н.М. Великая, Ю.Г. Волков, В.С. Воробьева, В.И. Горбачева, Е.А. Гришина, А.В. Дерновая, Е.И. Иванова, А.Б. Каримова, А.Г. Кобяков, О.Н. Козлова, А.Е. Крухмалев, В.Ф. Левичева, А.М. Лозинская, С.Н. Майорова-Щеглова, Н.Р. Маликова, Д.М. Медведева, М.А. Мирошниченко, Л.Н. Москвичев, Н.Л. Полякова, Е.И. Потоцкая, Н.В. Романовский, А.Б. Росляков, В.В. Солодников, А.В. Стрельникова, Г.В. Тартыгашева, Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко, А.П. Хриенко, О.Н. Хухорева, М.С. Цапко, Г.А. Цветкова, Д.А. Швайбман, И.О. Шевченко, Н.Д. Шутенко, В.В. Щербина.

В работе над отдельными статьями были учтены материалы А.В. Захарова, Е.А. Крыловой, Л.И. Козловой, Е.А. Сидоровой, А.Ю. Сизовой, Т.В. Стародубцевой, Г.К. Урузалиевой.

Раздел I

Что такое социология?

Социология как наука

Когда возникла социология?

Что изучает социология?

Социологическое знание: структура, уровни

Методологические стратегии в социологии

Функции социологии

Социология как наука

Самое общее определение социологии — наука об обществе. Само слово «социология» состоит из греческого и латинского слов (*лат.* *soció* — общество, *греч.* *logos* — слово, наука).

Среди научно-популярных объяснений примечательно объяснение шведского социолога П. Монсона, который сравнивает социологию с «лодкой на аллеях парка», предполагая сложный путь познания жизни и поведения людей. Американо-австрийский социолог П. Бергер, придавая значение роли социологии в проникновении в неизвестное, сравнивал социолога с разведчиком. На наш взгляд, его лучше сравнить с социальным врачом, который проводит анализ и диагностику состояния общественных процессов и на этой основе делает выводы, а если необходимо и предложения, как поступать в сложившейся ситуации.

Если говорить о *научном содержании* социологии как науки, то предстоит ответить на исходные, основополагающие вопросы — *как и какие задачи* она и ее научные направления ставят перед собой. Если исходить из определения социологии как «организованного знания» (Г. Спенсер), то при всем многообразии подходов в трактовке ее содержания, все они направлены на получение следующих ответов.

В о - п е р в ы х, это — история науки, нацеленная на получение ответа: *как и когда* она возникла. Этому отвечает анализ генезиса идей социологии и этапов ее развития, которые оформились в самостоятельную науку в середине

XIX в. Кроме того, социология призвана вскрыть *причинно-следственные связи* — *почему, по какой причине и вследствие чего* возникла эта наука. Социология отражает *новый качественный этап* в истории социальной мысли, когда общество предстало в человеческом измерении, когда не просто люди, а *каждый человек становится субъектом исторического процесса*, а начало этому положили великие буржуазные революции XVII—XVIII вв. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, всех без исключения людей во всех ипостасях их сознания и поведения и превращение их в активных участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Этот процесс активизации созидательных сил всех людей и каждого человека происходил постепенно, с трудом, со срывами и отступлениями, но несомненно, что *человеческое измерение общества* пробивало себе путь, что нашло отражение в постоянном научном поиске. Конечно, появление социологии в процессе развития социальной мысли не могло начаться вдруг, с открытого листа — предпосылки иного подхода к человеку и обществу созревали исподволь: ее зачатки можно вести с тех пор, когда человечество начали волновать вопросы рационального и справедливости строительства общественной и политической жизни. Однако это не означает, что надо исчислять социологическое знание, начиная с Древней Греции и даже Древнего Китая.

В о - в т о р ы х, это теоретические вопросы, которые призваны дать ответ на вопрос, что представляют собой объект и предмет науки, ее понятийный аппарат, уровни и структура социологического знания. *Эти гносеологические вопросы* призваны дать ответ на вопрос, что собой представляет изучаемое явление или процесс, как развивалось и совершенствовалось знание. Специфика социологии проявляется в том, что она как наука призвана оперировать не умозрительными схемами, а *реальными проявлениями жизни*. Социология стремится получить ответ на вопрос: **какова социальная реальность в непосредственном личностном и групповом восприятии**, в каком виде она существует, а также какие новые возможности представляет изучение тех или иных проблем при помощи социологического знания. Это особенно важно, когда мы определяем для себя объект и предмет исследования конкретного изучаемого объекта и соответствующего ему предмета. Это требование, прежде всего, находит отражение в анализе состояния общественного сознания, различных форм и видов деятельности, возможностей их проявления в конкретно-исторических условиях. Иначе говоря, *социология изучает сознание и поведение людей, социальных общностей и групп, которые (сознание и поведение) приобретают социальные характеристики, имеют общественное значение, образуют устойчивые социальные процессы и явления*.

В - т р е т ь и х, социология — это и *методология*, т.е. такой уровень научного знания, который выражен на языке, позволяющем оперировать информацией посредством соответствующих индикаторов и показателей. Применение этих конкретных «носителей» позволяет вдохнуть жизнь во многие понятия, которые в философии или политологии не требуют такой детализации и конкретизации. Методология дает возможность разрабатывать и применять социологи-

ческие *методы* познания социальной реальности. И не только потому, что она этим серьезно отличается от других наук, а потому, что она предполагает использование статистико-математического аппарата, многообразных специфических (в том числе и качественных) способов познания. Строго говоря, *социология имеет дело не с самой реальностью, а с восприятием этой реальности человеком, социальными группами, общностями и слоями*. Для этого она выработала конкретные приемы и инструменты, с помощью которых производится съем (сбор) информации с последующими ее анализом и интерпретацией.

А с чего начинается человек в своем социальном обличье? С сознания, способности познавать мир, оценивать его с личных и общественных позиций, осмысливать, исходя из определенных ценностей, окружающую действительность и на этой основе строить поведение, учитывая влияние как макросреды (всех общественных отношений), так и мезо- и микросреды (опосредованное и непосредственное окружение).

Исходя из этого, с точки зрения методики сознание может быть представлено через такие компоненты, как знание, мнение, потребности, мотивы, интересы, ценностные ориентации, установки, настроение и т.д.

В - ч е т в е р т ы х, социология как наука отвечает на вопросы, связанные с ее *функциями* — **чему и кому** она служит, каково ее предназначение и роль в реализации общественных и в первую очередь социальных отношений, а также всего комплекса проблем социального развития.

В - п я т ы х, это *аксиологические вопросы*, нацеленные на получение ответа **зачем, с какой целью** социология сконструирована (создана). Важность ответа на этот вопрос отражает изучение *реальной включенности* людей в реально существующие отношения, *их оценку и от-*

ношение не только к глобальным проблемам бытия, но и к окружающей людей повседневности и к «мелким проблемам» их бытия.

В - ш е с т ы х, *социология причастна к решению управленческих задач*: как направлять, регулировать или совершенствовать те или иные социальные процессы. В этом качестве социолог выполняет функции консультанта, советчика или представителя подготовки управленческого решения. Более того, с помощью социологии реализуется обратная связь — она позволяет выяснить, насколько эффективны и результативны управленческие решения.

И н а к о н е ц, *социология решает некоторые семантические задачи*, показывая традиции или инновации в трактовке тех или иных понятий (терминов). Многие слова, используемые социологией, серьезно изменили свой первоначальный смысл и приобрели другое значение. Так, слово «стимулирование», активно применяемое в экономической социологии и социологии труда, происходит от лагинского слова «стимул», что в свое время означало острый кий, которым погоняли быков в упряжке. Таких примеров можно привести много, и это, несомненно, представляет большой интерес, в частности для социолингвистики.

Обзор характеристик содержания социологии как науки позволяет утверждать, что все они, не зависимо от того, какие исследовательские концепции они представляют, отражают поисковые и поставленные жизнью позиции. Причем в социологии все большое и большее распространение получает антропоцентрический подход, который ставит во главу угла изучение социальной сущности человека и социальных конструкций, которые он образует, им создаются и в которых он действует (социальные группы, социальные общности, социальные институты и социальные организации).

В таком случае *социология* предстает как исследование *органического единства общественного сознания, поведения (деятельности) и окружающей среды, что позволяет четко определить понятийный аппарат, который является исходной базой для следующей ступени обобщения и теоретического и эмпирического уровня познания социальной реальности*.

Таким образом, социология — это наука не об обществе вообще (общество изучают и социальная философия, и история, и политология, экономические и юридические науки, культурология), а об *обществе в его социально-человеческом обличье*. Не только общество для человека, а человек в обществе — вот что составляет суть социологии (П. Бергер).

Именно убежденность в том, что в основе социологического знания лежит реальный анализ сознания и поведения людей и их зависимости от объективных условий и образуют ту научную парадигму, которая называется *социологией жизни*.

Основная литература

- Лапин Н.И.* Общая социология. М., 2006.
Осипов Г.В. Социология // Социологическая энциклопедия. Т.2. М., 2003. С. 497—498.
Тощенко Ж.Т. Социология. Учебник. М., 2005. С. 6—9.
Тощенко Ж.Т. Социология жизни // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 522—524.

Дополнительная литература

- Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996.
Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
Бурдьё П. Начала. М., 1994.
Волков Ю.Г. Социология. М., 2006.
Дмитриев А.В. Общая социология. М., 2001.
Кравченко А.И. Социология. М., 2001. С. 23—32.
Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001.
Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1995.
Осипов Г.В. Социология. М., 2008.

Когда возникла социология?

Термин «социология» в буквальном смысле слова означает «наука об обществе» или «учение об обществе». Впервые его употребил французский философ Огюст Конт (1798—1857) в своем труде «Курс позитивной философии» (Т. 1—6, 1830—1842).

Возникновение социологии как науки отражает качественно новый этап в истории человечества, когда наряду с государством появилась *новая социальная сила — общество, оппонирующее ему и нередко противостоящее ему*. Возникновение и оформление общества как самостоятельного социального феномена произошло в XVIII в. и означало появление на исторической арене таких ее движущих сил, как политические партии, профсоюзы, различные экономические, культурные и другие образования, которые объединяли людей, преследующих интересы и цели, отличные от целей и интересов господствующего класса, и выраженных в существовании соответствующих институтов и организаций. До этого времени и после него в социальной мысли нередко складывалась такая ситуация — говорили об обществе, а видели государство и размышляли о нем.

Не в меньшей мере возникновению социологии способствовала *революция в естествознании*, ее успехи в биологии, астрономии, физике, химии. Возможности, продемонстрированные этими науками и применяемыми ими методами, произвели огромное воздействие на социальную мысль и побудили попытки применить их в обществознании. Отра-

жением этой тенденции стал даже тот факт, что О. Конт, обратившись к опыту естествознания, в начале своего поиска называл науку об обществе «социальной физикой», высказав глубокую убежденность, что в социальной науке также можно найти подобные индикаторы и показатели, по которым можно судить о развитии общества.

Еще одной из причин и предпосылок возникновения социологии как науки стал свершившийся *факт отделения религии от процесса научного знания*. До Нового времени, вплоть до XIX в. все проявления творческой — научной, художественной, любой созидательной — мысли начинались (искренне или по традиции) со ссылки на волю Божию. И лишь после этого начинались сами научные рассуждения и выводы. Ведь даже все великие открытия в науке всегда сопровождались религиозной аргументацией. Как, например, был выражен второй закон Ньютона? «Божественная сила равна произведению божественной массы на божественное ускорение».

Эта ограниченность религиозной риторикой особенно касалась социальной мысли, которая до этого времени была не в полном смысле обществоведческой и не вполне наукой (в современной трактовке этого понятия). Поэтому огромное звучание получил мужественный ответ П. Лапласа (1749—1827), который в ответ на вопрос Наполеона, а где место Бога в его теории о небесной механике, гордо ответил, что он в такой гипотезе не нуждался.

Социология возникла тогда, когда ее появление уже не требовало ссылок на некоторые теологические постулаты. И это во многом способствовало тому, что социологическая мысль не была скована догмами и канонами религий, что сделало ее облик совершенно светским и не предусматривающим влияния сверхъестественных сил (хотя такие попытки иногда и осуществлялись).

Не менее важное влияние на появление социологии оказал *поворот в стиле и способах мышления, в методах обобщения данных анализа*. До сих пор размышления о сути социальных, политических и духовных проблем шли в так называемом нормативном режиме — так должно быть. Ведь еще Платон размышлял об идеальном государстве, которое должно соответствовать некоему умоглядному идеалу. Этому в той или иной мере следовали все писания, труды, богословские истории. Социология одна из первых поставила перед собой задачу *осмыслить существующую, а не кажущуюся или желаемую реальность*.

Произошло и *расширение объекта анализа*. Ранее вся социальная мысль носила достаточно четко выраженную направленность, связанную с описанием (реже с анализом) политики и действий политических лиц (царей, ханов, королей, князей и т.д.). При рассмотрении проблем общества, особенно гражданского, обнаружилось, что много нового, существенного, значимого имеется за пределами политики — в ее социальной, экономической и духовной жизни (проблемы рынка труда, мировоззрения, идеологии, роли рабочего класса и т.д.).

И наконец, самой основной причиной, приведшей к возникновению социологии как науки является тот факт, что общество предстало в человеческом измерении, ибо в условиях Нового времени *каждый человек превращался в субъект исторического процесса*. Более того, человек становится равнозначным субъек-

том наряду с государством и обществом. (Такая постановка вопроса противостоит спорам и полемике о том, что главнее — общество или человек.) Этот коренной поворот в социальной науке и социальной практике был осуществлен в результате побед великих буржуазных революций — английской и французской. Особенно это ярко было выражено во французской революции в конце XVIII в. Она провозгласила свободу, равенство, братство всех людей, независимо от социального происхождения, социального положения, вероисповедания, национальной принадлежности. Именно с этого периода начинается новое осмысление роли человека, изучение сознания и поведения людей как активных участников экономических, социальных, политических и культурных изменений. Одновременно человек Нового времени стал носителем самых различных мировоззренческих ориентаций, которые в значительной степени были связаны с его социально-классовой и профессиональной принадлежностью. Ответ на эти вопросы могла дать только новая наука, получившая название *социологии*.

Основные вехи (этапы) развития социологии. С середины XIX в. исчисляется первый этап в ее развитии — этап формирования научных основ социологии. Поиск основополагающих идей шел широким фронтом: если О. Конт говорил о возможностях познания общества, то он уподоблял общество природе и поэтому считал возможным познание социальной жизни при помощи естественных — физических — законов или открытия им подобным. *Социально-биологическая школа* и ее основатель Г. Спенсер сравнивали общество с развитием живого организма, ратуя за использование биологических законов при его познании. В этом же веке поиск сущности социологии вела и *социально-психологическая школа*: Г. Тард, Г. Лебон, Ф. Теннис, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский,

Е.В. Де-Роберти основное внимание сосредоточили на проблемах личности, которую они рассматривали как единство биологического и социального начала в человеке, а общественную жизнь представляли как особое проявление мировой энергии. Во второй половине XIX в. большой популярностью пользовалось *географическое направление в социологии*, идеи которого нашли наиболее полное воплощение в трудах Э. Реклю, Ф. Ратцеля, Л.И. Мечникова, отстаивавших представления о решающем влиянии географической среды на развитие общества и личности. В этот же период окрепла и приобрела значительное влияние *марксистская (экономическая) концепция в социологии*, видными представителями которой были К. Маркс, Ф. Энгельс, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и до определенного времени П.Б. Струве, А.А. Богданов и М.И. Туган-Барановский. В основе этой концепции — решающее влияние социально-экономических отношений на процесс взаимодействия различных классов и роль революционной борьбы в решении социальных конфликтов. Кроме того, в России заявило о себе *социально-правовое направление*, представленное Н.М. Коркуновым, Л.И. Петражицким, П.И. Новгородцевым, Б.А. Кистяковским и Б.Н. Чичериным, которые придавали большое значение власти, нормативно-этическим взаимоотношениям в обществе. Они анализировали реально сложившиеся процессы господства и подчинения, обращая особое внимание на роль государства в решении социальных проблем.

Развитие социологического знания на этом этапе не было безболезненным и беспрепятственным. Социологическая мысль нередко отождествлялась с социалистической со все вытекающими отсюда последствиями. Особенно наглядно это появлялось в царской России, когда произведения исследователей, претендующих на развитие этой отрасли знания,

запрещались цензурой и приходилось печатать их за рубежом. В университетах не разрешалось открывать подготовку по этой специальности, запрещалось создание кафедр (появление первой кафедры в 1908 г. произошло в частном учебном заведении).

Второй этап в развитии социологии, который часто называют *классическим*, представлен трудами французского ученого Э. Дюркгейма, немецких исследователей М. Вебера, Г. Зиммеля, российско-американского социолога П.А. Сорокина. Они претендовали на иное видение социологии — не на «всезнайство» об обществе, а на изучение важнейших компонентов общественной жизни: социальных фактов (Э. Дюркгейм), действий и взаимодействий (М. Вебер), социальных закономерностей (Г. Зиммель), социальной стратификации (П.А. Сорокин). Именно они положили начало поиску новых подходов, в том числе и эмпирических, к определению объекта и предмета социологической науки, которые также развивались В. Парето, Г. Моска, У. Дильтеем, М.М. Ковалевским, Н.Я. Данилевским, З. Знанецким и другими крупнейшими представителями социологической мысли первой половины XX в.

Особую роль на этом этапе развития социологии сыграл тот факт, что в этот период приобрели права гражданства эмпирические исследования. Если в XIX в. они существовали в зачаточном состоянии, то начиная с 1920-х гг. такие исследования стали основой многих теоретических концепций. Если в западной социологии эти принципиальные новации были связаны с чикагской школой социологии, то в России они ассоциировались с именами П.А. Сорокина, С.Г. Струмилина, с многими исследователями проблем молодежи, рабочего быта, села, социологии культуры и города.

Эти поиски продолжались в течение всего XX в. и привели к третьему,

современному, этапу в развитии социологии, который представлен следующими основными школами в социологии.

Структурный функционализм. Наиболее полно основы этой концепции изложены американским социологом Т. Парсонсом (1902—1979), опирающимся в своих поисках на концепции Спенсера и Дюркгейма. Базовой идеей является идея «социального порядка», которая олицетворяет стремление поддержать равновесие системы, согласовать между собой различные ее элементы, добиться согласия между ними. Эти представления долгое время господствовали в западной социологии, иногда под видоизмененным названием — *структурализм*. Во Франции его развивали М. Фуко (1926—1984), К. Леви-Стросс (р. 1908) и др. Основной подход этой теории состоит в определении компонентов общества, выявлении их функций. Вместе с тем, структурный функционализм практически отвергал идею развития, призывая к поддержанию «равновесия» внутри существующей системы, согласованию интересов различных структур и подсистем. Такой вывод был сделан на основе анализа общественного и государственного устройства США, которое Т. Парсонс считал эталоном и стабильность которого расценивал как большое достижение.

Совершенствовать структурный функционализм был призван *неоэволюционизм*, который обратился к проблеме человека и пытался объяснить процесс усложнения социальных систем через всевозрастающую дифференциацию функций, выполняемых индивидами. Р. Мертон (1910—2003), пытаясь преодолеть ограниченность структурно-функционального подхода, создал теорию социальных изменений путем введения понятия «дисфункция». Он привнес в функционализм идею изменения, но ограничил изменение «средним» уровнем — уровнем конкретной социальной систе-

мы. Идея социальных изменений вызвала к жизни необходимость поиска и исследования причинно-следственных связей.

Теория социального конфликта. В основе развития, утверждал американский ученый Ч.Р. Миллс (1916—1962), крайне критически относившийся к традиционной социальной науке, лежит конфликт, а не конформизм, согласие, интеграция. Общество всегда находится в состоянии нестабильности, потому что в нем идет постоянная борьба между различными социальными группами, олицетворяющими те или иные интересы. Более того, опираясь на идеи К. Маркса, М. Вебера, В. Парето и Г. Моска, Миллс утверждал, что высшим проявлением этого конфликта является борьба за власть. Другой теоретик-конфликтолог, немецкий социолог Р. Дарендорф (р. 1929) считает, что все сложные организации основываются на перераспределении власти. По его мнению, в основе конфликтов лежат не экономические, а политические причины. Источником конфликтов является так называемый политический человек. Ранжируя конфликты (конфликты противников одного уровня, конфликт противников, находящихся в отношении подчинения, конфликт целого и части), он получил 15 типов и подробно проанализировал возможность их структурирования и регулирования. Еще один сторонник этой теории, американский социолог Л. Козер (1913—2003), определил социальный конфликт как идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп или индивидов в борьбе за власть, за изменение социального статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т.п. Большинство представителей этого направления подчеркивают ценность конфликтов, которые предотвращают окостенение общества, открывают дорогу инновациям, становятся источником развития и совершенствования.

В то же самое время подобная позиция отвергает стихийность конфликтов и ратует за возможность и необходимость их регулирования.

Бихевиоризм. Творческий импульс этой теории, основанный Э.Л. Торндайком и И.П. Павловым и наиболее полно обоснованной в 1920—1930-х гг. американским психологом и социологом Э. Мейо (1880—1949) состоит в том, что на первое место выдвигается необходимость изучения межличностного взаимодействия вместо овеществления социальных отношений, реализуемого структурно-функциональным подходом. Другой особенностью этого направления была опора на изучение конкретного состояния человеческих отношений в рамках определенных социальных организаций и социальных институтов, что позволяло теоретические схемы насыщать «кровью и плотью» окружающей социальной реальности.

Теория социального обмена. Наиболее яркие ее представители американские социологи Дж. Хоманс (1910—1989) и П. Блау (р. 1918) исходили из примата роли человека, а не системы. Они отстаивали огромную значимость психических качеств человека, ибо для того, чтобы объяснить поведение людей, необходимо знать их душевное состояние. Но главное в этой теории, по Блау, заключается в том, что люди постоянно стремятся получить вознаграждение (одобрение, уважение, статус, практическую помощь) за свои действия. И вступая во взаимодействие с другими людьми, они получают это, хотя взаимодействие не всегда будет равным и удовлетворяющим всех его участников.

Символический интеракционизм. В поиске выхода из противоречий бихевиористского подхода представители данной теории стали объяснять поведение людей с точки зрения того значения, которое личность или группа придает тем или иным аспектам ситуации. Американский

социолог Дж. Г. Мид (1863—1931) как создатель этой теории сосредоточил свое внимание на исследовании процессов «внутри» поведения как целого. Сторонники этого подхода огромное значение придавали языковой символической. Для них характерно представление о деятельности как совокупности социальных ролей, которая олицетворяется в виде языковых и других символов, что послужило основанием для наименования этого направления как «ролевая теория».

Феноменологическая социология. Свое начало она берет от философской концепции немецкого ученого Э. Гуссерля (1859—1938). На основе данной теории возникла *социология обыденного сознания*, обоснованная в трудах австрийского философа и социолога А. Шюца (1899—1959). В центре внимания сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у позитивистов, а человек в его специфическом измерении. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится изначально вне субъекта и только посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность конструируется посредством образов и понятий, выражаемых в коммуникации. Социальные события согласно их представлениям лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Поскольку же именно мнения образуют социальный мир, постольку понятие «значение» оказывается в центре внимания этой школы.

В рамках феноменологической концепции сложились две крупные школы — социология знания и этнометодология (последний термин сконструирован по аналогии с этнографическим термином «этнонаука» — зачаточные знания в примитивных обществах). *Социология знания* представлена К. Маннгеймом

(1893—1947), который обращал основное внимание на изучение тех структур, в которых так или иначе присутствуют взаимосвязи мышления и общества. Именно с этих позиций он подходил к трактовке идеологии, истины, роли интеллектуальной жизни в обществе. Эти идеи были развиты П. Бергером (р. 1929) и Т. Лукманом (р. 1927), которые стремились обосновать необходимость «узаконения» символических универсалий общества, ибо внутренняя нестабильность человеческого организма требует «создания самим человеком устойчивой жизненной среды». Американский социолог Г. Гарфинкель (р. 1917), будучи одним из самых ярких и последовательных представителей *этнометодологии*, сформулировал ее программное положение: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении». В соответствии с этим основная задача социологии — выявление рациональности обыденной жизни, которая противопоставляется научной рациональности.

В последнюю четверть XX в. получила распространение *мир-системная социология*, основоположник которой немецкий социолог И. Валлерстайн (р. 1930), работающий в США, рассматривает процессы развития общества с точки зрения глобализационных процессов, интенсивность которых стала ощутимой реальностью.

Современная социология продолжает порождать новые теории и концепции, среди которых видное место занимает *деятельностная (активистская) теория*, всходящая к идеям М. Вебера и П.А. Сорокина. По мнению французского социолога А. Турена (р. 1925), особенность современной социологии состоит в изменении предмета исследования и исследовательских ориентаций. Если в середине XX в. вся проблематика сосредоточивалась вокруг понятия социальной системы, то теперь она сосредоточивается вокруг понятия действия и актив-

ного деятеля (актора). В историческом плане можно сказать, что Макс Вебер и Питирим Сорокин одержали победу над Эмилем Дюркгеймом. Классический подход к социологии, в рамках которого она понимается как наука о социальных системах или структурах, почти исчез. Влияние наиболее видных представителей этой традиции — Парсонса и Мертон — ослабло. Соответственно изменился и категориальный аппарат: понятия социальных институтов, социализации, интеграции не являются более центральными социологическими понятиями. Гораздо большее значение приобретают *понятия действия, кризиса, риска* и близких к ним категорий — *дезорганизации, насилия, хаоса*. Кроме того, в рамках франкфуртской школы, основное содержание теорий которой состоит в определении роли и значения политической власти, исследуется содержание идеологий, причины радикализации поведения, условия формирования социальных движений и акций протеста. Все более популярным вариантом социологического мышления становится *теория рационального выбора*, которую предложил американский социолог Н. Коулмен (1926—1995). Понятие системы им также отрицается. Главное внимание сосредоточивается на понятиях ресурсов и мобилизации.

Оригинальным вкладом в современную социологию является концепция П. Бурдьё (1930—2002) о *социальном поле*, о *социальном капитале* и *социальном пространстве*. Необходимо также назвать труды философа и социолога Ю. Хабермаса (р. 1929), разработавшего *концепцию коммуникативного действия*. Видное место среди новых теоретических конструкций занимают концепции П. Штомпки (р. 1930) о *социальных изменениях* и его трактовка такой специфической формы их проявления, как *социальная травма*.

Особо следует сказать о развитии советской (русской) социологии.

Сразу после Октября 1917 г. первое десятилетие советской власти в целом характеризовалось продолжением традиций социологической мысли, которые сложились на предшествующем этапе с той лишь поправкой, что марксистская школа стала постепенно претендовать на ведущую роль. Под влиянием Н.И. Бухарина (1888—1938) социология стала отождествляться с историческим материализмом. И хотя Бухарин впоследствии был репрессирован, эта точка зрения восторжествовала до такой степени, что исторический материализм вообще вытеснил социологию, превратив этот термин на долгие годы в нежелательное, запрещенное слово.

Сначала социология получила поддержку потому, что это была официальная позиция, выраженная В.И. Лениным в его проекте развития Социалистической академии, в котором он ставил вопрос о социальных исследованиях. Были созданы институты, занимающиеся различной социологической проблематикой. Директором одного из них стал К.М. Тахтарев (1871—1925).

В 1920-е гг. серьезное развитие получили отдельные отрасли социологического знания. В области социологии экономики и труда плодотворно работали С.Г. Струмилин (1877—1974), А.К. Гастев (1882—1938), П.М. Керженцев (1881—1940). В этот период были широко известны исследования Е.О. Кабо, Б.Б. Когана и М.С. Лебединского по изучению быта рабочих, А.И. Колодной по проблемам молодежи, А.Б. Гайстера, П.А. Анисимова по сельским вопросам, И.А. Загорской и А.В. Трояновского по социологии культуры, Л. Паперного и Б. Смужевиича по социологии города, Е.Н. Анциферова по социологии искусства.

Следует сказать, что социология в этот период была представлена не только марксистским направлением. Труды П.А. Сорокина, В.А. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.И. Кареева, С.Н. Булгакова,

А.С. Звоницкой, В.М. Хвостова и других служили базой для становления принципиально новых подходов в этой науке.

В эти годы проводились крупные социально-экономические, этнографические и социально-психологические исследования, среди которых особо хотелось бы отметить комплексный труд А.М. Большакова «Деревня. 1917—1927», в котором дана обстоятельная и весьма противоречивая картина происходящего в советской деревне.

С конца 1920-х гг. развитие социологической мысли было прервано. До середины 1950-х гг. социологию игнорировали и причисляли к «буржуазным» наукам, ложным теориям, якобы уводящим от достоверного знания. Преследованию подверглись не только точные и естественные науки — кибернетика и генетика. Социологии же нанесли сокрушительный удар почти на два десятка лет раньше, на рубеже 1920—1930-х гг.

Справедливости ради следует сказать, что слово «социология» не было полностью запрещено. В работах и выступлениях академика Г.Ф. Александра (1908—1961) можно встретить его неоднократно. Это объясняется принадлежностью академика к высшей советско-партийной номенклатуре и возможностью высказываться более свободно по этому вопросу. Конкретные методы изучения действительности были запрещены (или не поддерживались), ибо данные этих исследований «портили» или «могли портить» картину официальной идеологии, а приравнивание социологии к историческому материализму позволяло произвольно трактовать якобы на научном уровне некоторые социальные проблемы развития общества.

Начиная с конца 50-х гг. XX в., социология стала возрождаться, хотя этот процесс происходил не без серьезных изъянов и издержек. Крепло убеждение в необходимости организации социологических исследований. Первые шаги

сделало социологическое образование. Все большее признание получали методы социологии в экономике, политике, в исторических и правовых науках, в языкознании, искусствоведении, литературе. В конце 1950-х гг. были созданы Советская социологическая ассоциация (президент академик Г.П. Францев, 1903—1968) и некоторое время спустя первое социологическое подразделение в рамках Института философии — сектор труда и быта рабочего класса под руководством Г.В. Осипова.

В 1960—1970-е гг. шел трудный и сложный поиск ответов на фундаментальные вопросы социологической науки, ее связи с другими научными дисциплинами. При всей спорности обсуждаемых идей отечественная социология открывала новые грани предмета, объекта и направлений исследования. Начиная с 1960-х гг., были получены значительные результаты по самым различным вопросам социологии.

В этом периоде сложились или начали формироваться несколько различных концепций.

В о - п е р в ы х, возродилась концепция, когда в явном или скрытом виде под социологией подразумевался исторический материализм (В.С. Немчинов, П.Н. Федосеев, Х.Н. Момджян, Д.И. Чесноков и др.). На основе этой концепции ее представители отказывали социологии в полномочном участии в разработке проблем социальной жизни, сводя ее только к вспомогательным инструментам.

В о - в т о р ы х, в этот период получила развитие социетальная концепция социологии. В.Г. Давидюк, В.Я. Ельмеев, Ю.А. Левада, М.Н. Руткевич, Н.И. Лапин рассматривали общество как систему, хотя выражали разные подходы к этой трактовке.

В - т р е т ь и х, была обоснована точка зрения о роли и значения социальности в жизни общества. В работах Г.В. Осипова, В.Н. Иванова, В.И. Доб-

ренькова, Е.Ф. Молевича и других рассматривались различные аспекты социального в жизни общества. Значение этой концепции проявилось в том, что она положила конец идентификации понятий «общественное» и «социальное», считая его рядоположенным с экономическим, политическим и духовным.

В - ч е т в е р т ы х, ведущее место в 1960—1980-е гг. заняли различные структурные интерпретации социологии, когда в качестве предмета социологической науки рассматривались социальные группы, слои, общности (В.А. Ядов, Л.А. Гордон, Э.Н. Клопов, Р.В. Рывкина, А.И. Кравченко и др.). Ограниченность этой точки зрения проявилась достаточно быстро, и поэтому ее сторонники дополнили свои представления размышлениями о социальных изменениях, о социальных отношениях, о социальных действиях и т.п.

В - п я т ы х, в 1990-е гг. выросли и получили развитие конфликтологические концепции, которые, используя соответствующие теории западной социологии, по-своему трактовали их специфику в условиях современной России (А.В. Дмитриев, А.Г. Здравомыслов и др.).

В - ш е с т ы х, на грани 1980—1990-х гг. появились и окрепли акционистские точки зрения, когда в центре внимания социологии были поставлены поведение людей (Ж.Т. Тощенко, С.И. Григорьев, Ю.Г. Волков, В.Г. Харчева, А.Г. Эфендиев). Социологические исследования акцентировались на сознании и поведении человека, его активных, творческих и созидательных действиях.

И н а к о н е ц, в 1990-е гг. сформировались социологические теории, которые опирались в своих поисках на концепции устойчивого развития или теории глобализации (В.К. Левашов, Н.Е. Покровский и др.).

Становление отечественной социологии как науки прошло сложный путь. Социологическое знание стремилось

вобрать в себя все лучшее, что имелось в трудах предшествующих поколений социальных мыслителей. На каждом этапе исторических преобразований социология обогащалась новыми представлениями, которые определяли ее лицо и имидж. К началу XXI в. российская социология сделала серьезный прорыв в познании социальной реальности и ее особенностей в условиях происходящих кардинальных изменений.

Подводя итог сказанному о гёнезисе идей социологии, необходимо отметить, что особенно привлекательными в новейших концепциях социологии становятся идеи *роли человека как активного социального субъекта*, под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микросреде. В этой связи наиболее распространенными становятся такие определения социологии. «Социология — это наука о социальном поведении» (П.А. Сорокин). «Социология, попросту говоря, это один из способов изучения людей» (Н. Смелзер). «Социология — наука о социальной жизни человека, групп и обществ» (Э. Гидденс). «Социология — это наука о методах исследования человеческого поведения» (Ст. Мур). «Социология — это систематическое изучение общества и социальной активности человеческого бытия. В качестве специфической дисциплины ее рассматривают в виде знания о том, как реальный человек думает и действует в облике социального творца» (Дж. Мейсионис). Предметом социологии считает социальную деятельность человека Н.И. Лапин. Таким образом, лицо современной социологии во все большей мере определяют теории, которые восходят к человеку, его сознанию, поведению в реальных социально-исторических условиях.

Современная социология во все большей мере склоняется к трактовке своей сущности как *социологии жизни* (А. Турен, П. Монсон, Ж.Т. Тощенко, С.И. Григорьев, Ю.М. Резник), так как она опери-

рует показателями отношений и взаимодействий людей к реальным проблемам, ситуациям, ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

В заключение стоит отметить такой существенный факт — некоторые исследователи начинают историю возникновения социологии с древнейших времен. Да, некоторые идеи социальной науки были предвосхищены в трудах Конфуция (ок. 551—479 до н.э.), индийских, ассирийских и древнеегипетских мыслителей. Особое место в обосновании социальных идей принадлежит древнегреческим философам Платону (428—348 до н.э.), Аристотелю (384—322 до н.э.). Французские просветители XVIII в. — Жан-Жак Руссо (1712—1778), Шарль Луи Монтескьё (1689—1755), Вольтер (1694—1778), Дени Дидро (1713—1784), представители утопической мысли — Томас Мор (1478—1535), Томмазо Кампанелла (1568—1639), Клод Анри Сен-Симон (1760—1825), Шарль Фурье (1772—1837), Роберт Оуэн (1771—1858) развили идеи о возможностях совершенствования общества в реалиях Нового времени. Однако все эти социальные идеи, высказанные и сформулированные до XIX в., были *предтечей социологии, ее истоками, но не самой наукой*. Поэтому неправильно вести ее возникновение с древнейших времен — социология была порождением как нового этапа в развитии человечества, так и качественно нового этапа в развитии научного знания (в рамках социального знания появился его новый вид — социологическое знание).

Основная литература

- Волков Ю.Г. и др. Социология. М., 2003. С. 13—32.
- Кравченко С.А. Социология. М., 2001.
- Кульгын В.П. Классическая социология. М.: Наука, 2000.
- Кукушкина Е.И. История русской социологии. М., 2009.
- Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. 1. С. 9—31.

Дополнительная литература

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется // СОЦИС. 1997. № 1.

Вебер М. Избр. соч. М., 1990.

Гидденс Э. Социология. М., 1999.

Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию. М., 1995.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.

Смелсер Н. Социология. М., 1994.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Осинов Г.В. Социология. М., 2008.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М., 1998.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Общая социология / Под ред. проф. А.Г. Эфендиева. М., 2000.

Ж.Т. Тощенко

Что изучает социология?

Объект социологии

Объектом социологии, как и всех других социальных наук, является общество. Однако каждая из социальных наук имеет свой аспект изучения: история исследует общество в его поступательном развитии, экономические науки — развитие национального хозяйства во всем многообразии его модификаций, философия — общие закономерности развития природы и общества, психология — развитие и функционирование индивида и образуемых им групп, общностей и т.д. Необходимость уточнения объекта встала и перед социологией — изучать не просто общество, а какое общество или какой аспект его развития.

Само понятие «общество» стало достоянием научного знания только в XVIII в. До этого времени в науке оперировали понятием «государство» в его конкретном преломлении: «царство», «княжество», «империя», «ханство», «полис» и пр. Однако к этому времени стало очевидно, что в жизни народов, особенно в Ев-

ропе, наряду с государством и его олицетворением в виде определенной политической власти возникают оппонирующие силы в лице общественных организаций и движений, самостоятельных, независимых от государства экономических и социальных образований. Иначе говоря, в жизни человечества в связи с великими буржуазными революциями появилась новая социальная реальность, базирующаяся на принципиально новой экономической и политической основе. Именно в этот период начала рождаться идея о гражданском обществе как наиболее соответствующая утверждающимся реалиям. Потребности в их осмыслении породили новые концепции и новые выводы, ибо ключевой проблемой гражданского общества стал человек как субъект исторического процесса.

Одними из первых соображения о гражданском обществе высказали Г.В. Гегель и К. Маркс, которые, анализируя процесс развития человечества, пришли к выво-

ду, что данный феномен — гражданское общество — рожден только на определенной стадии исторического процесса, а именно как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от буржуазных — английской и французской — революций. По их мнению, гражданское общество — это такая грань и ступень в развитии человеческого общества, которая охватывает «определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов... Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» (К. Маркс).

В разработку идей гражданского общества значительный вклад внесла *концепция социального государства*, которая была выдвинута в начале XIX в. и обоснована немецким государственным и экономистом Л. фон Штейном (1815—1890), чьи идеи сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени. Эта теория исходила из того, что функции государства заключаются в постоянном поддержании равенства и свободы низших обездоленных классов по сравнению с богатыми и сильными, что государство должно заботиться об общественном прогрессе во имя всех членов общества. Однако на практике эти идеи стали использоваться значительно позже — лишь начиная с 40-х гг. XX в. Многие исследователи такой исходной точкой считают «план Бевериджа», представленный его автором британскому парламенту в 1942 г. Этот план стал реализовываться лейбористским правительством в 1945 г. Его суть заключалась в том, *чтобы организовать социальное страхование всех граждан страны, а также гарантировать единый средний доход*, которого бы хватило на скромное, но достойное поддержание жизни каждому человеку, живущему в Великобритании. После Второй мировой войны эта кон-

цепция приобрела статус конституционного принципа и стала воплощаться в жизни Франции, Швеции, Италии, ФРГ и несколько позднее в Испании, Португалии, Японии. Несомненно, что идеи гражданского общества отражены в этой концепции достаточно предельно.

Особое место в разработке идей гражданского общества занимает концепция *общества потребления*, или *общества благосостояния (благоденствия)*, которая родилась в 50—60-е гг. XX в. в ходе научно-технической революции, борьбы профсоюзов за права работников. В реальной жизни получил распространение стандартный семейный бюджет, гарантирующий благополучие и достойное потребление не только работнику, но и членам его семьи. Эта концепция способствовала фетишизации потребления, сначала стандартных бытовых товаров и услуг, а затем и престижных их аналогов, что привело к «власти» и «тирании вещей», к искажению представлений о реальных ценностях человеческой жизни. Но в то же время эти теория и соответствующая политическая практика повлияли на рост культуры производства, на уровень и качество потребления, на использование в личной жизни товаров длительного пользования. Особенно это важно было для молодых семей, которые в результате развитого потребительского и ипотечного кредита получили доступ для организации нормальной частной жизни с первых лет своего существования. Несомненно, что это тоже отражало социальные гарантии, которые входили в представление о гражданском обществе.

Немалая заслуга в обосновании идей гражданского общества принадлежит *концепции постиндустриального общества*, основоположником которой считается Дж. Белл. В своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) он обосновал тезис, что после первого этапа в историческом развитии человечества, когда в основе развития лежал аграрный

сектор, и после второго этапа, отличительной особенностью которого было доминирование промышленного сектора, наступил третий этап, ознаменовавший выдвигание на первый план сферы услуг. Причем Белл понимал сферу услуг шире, чем идеологи общества благосостояния — в нее он включал не только потребление товаров, но и услуги в сфере знания, качественные изменения в образе и стиле жизни. В соответствии с этим он ставил под сомнение существование прежней социально-классовой структуры, доказывая, что исчезновение классов коррелирует с доступом большинства людей не только к материальным, но и к культурным благам. Кроме того, концепция постиндустриального общества настаивает на том, что наступила эра плюралистической демократии с одновременным повышением эффективности работы государственных институтов и структур. Это в свою очередь приводит к тому, что социальные и классовые конфликты замещаются другими основными конфликтами — между знанием и некомпетентностью, эффективностью и неэффективностью.

Принципиальные идеи гражданского общества были воплощены в *концепции информационного общества*, которая появилась как реакция на ограниченность теорий общества благоденствия и постиндустриального общества. Этот термин, впервые предложенный японским теоретиком К. Коямой и развитый его коллегой И. Масудом, был достоянием не только научного знания. Его идеи были воплощены в принятой в Японии в 1972 г. программе «План информационного общества: национальная цель к 2000 г.». В дальнейшем эти идеи развивались Э. Тоффлером, Дж. Нейсбитом и др. Суть этой концепции заключалась в том, что обосновывалась роль и значение еще одного сектора — информационного (наряду с аграрным, промышленным и сферой услуг), в котором признавалась ключевая роль информации

как фактора, превосходящего по значимости все виды материального производства и услуг. Интеллектуальные возможности информационного общества открывают невероятные возможности знаниям, а также интерактивным коммуникациям, которым приписывается роль основных агентов социальных и политических изменений в современном обществе.

Значителен вклад в развитие идей гражданского общества *теории конвергенции*, обоснованной в 50—60-е гг. XX в., которая возникла как альтернатива угрозе третьей мировой войне, историческому абсурду дальнейшей дивергенции. Характерной чертой этой концепции, начала которой положили П. Сорокин, Ж. Фурастье, Ф. Перру, О. Флехтгейм, Дж. Белл, Р. Арон, У. Ростю, С. Хантингтон, являлось признание общих черт капитализма и социализма, позитивного опыта социализма в области решения социальных проблем. Эта теория исходила из того, что сближение двух систем возможно на основе встречного движения, которое в самом деле выражалось в том, что они оказывали влияние друг на друга и усваивали некоторые идеи и практику друг у друга: капитализм — идеи планирования, развития науки и образования, гарантии социальных прав, а социализм — идеи большего внимания к нуждам конкретного человека, обеспечение его свобод и прав, особенно в области личной жизни.

Наконец, развитию идей гражданского общества способствовала *теория и практика социального партнерства*, под которым подразумевалась возможность согласования интересов всех основных субъектов исторического процесса — общества, государства, социальных групп и общностей, личности (индивида). Некоторые идеи этой концепции восходят к разработкам Э. Бернштейна, Л. Блана, П. Прудона. Концепции социального партнерства обращают внимание на существование двух принципов регули-

рования общественной жизни: 1) контроль за общественным развитием в сфере экономики, политики и культуры со стороны государства; 2) упрочение и усиление автономных и независимых от государства общественных движений и политических организаций, выступающих равноправными силами при обсуждении актуальных проблем развития страны.

Именно это многообразие подходов и характеристик развития человечества в XX в., их определенная нацеленность на социальные проблемы общественной жизни привели к тому, что постепенно сформировалось целостное представление о гражданском обществе, позволявшее осмыслить все многообразие происходящих изменений.

Подчеркнем еще раз, что гражданское общество смогло возникнуть лишь на определенном этапе развития человечества. А именно в XVIII в. произошло размежевание понятий «государство» и «общество» не только в научной мысли, но стало складываться в реальной жизни. Хотя на предшествующих ступенях развития европейских обществ существовали его отдельные элементы, незрелые формы, но как самостоятельное, самодовлеющее явление гражданское общество сформировалось на том рубеже, когда человек стал демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни. Это было вызвано процессом становления и развития буржуазного общества, когда люди и созданные ими общественные объединения и организации получили возможность действовать как самостоятельная социальная сила, влияние которой в значительной степени зависело от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. В отличие от рабовладельческих и феодальных отношений человек в массовом порядке становился ответственным за судьбу социально-экономических преобразований, а впоследствии и за устройство политической жизни. О том, что появле-

ние человека как гражданина связано лишь с определенным этапом развития общества, свидетельствует и замечание К. Маркса, что «быть рабом или быть гражданином — это... отношения человека А к человеку Б, которые устанавливаются посредством и при помощи общества».

Именно с появлением капитализма на исторической арене люди на качественно новой основе стали воздействовать на ход общественной жизни. Стало существенно возрастать участие отдельного человека в решении различных жизненных проблем. Люди все чаще начали действовать сообща — не как одиночки в Древнем мире или в Средние века, а как классы, социальные группы и слои, включаясь в политические и другие объединения и организации.

Если подвести итог сказанному, можно утверждать, что для социологии важны следующие характеристики гражданского общества.

Гражданское общество — это *реализация идей взаимответственного и равноправного сотрудничества государства и оппонирующих ему сил в лице общественных организаций, движений и объединений.*

В гражданском обществе *общественная (публичная) и личная (частная) жизнь имеют автономный статус*, который построен на взаимном учете интересов друг друга. Более того, частная жизнь выводится из-под контроля государства и все больше регулируется социальными установлениями, одобренными обществом ценностями, ориентированными на человека.

Гражданское общество — это общество, в котором *неотъемлемым приоритетом пользуются права и свободы личности*, что позволяет дистанцироваться от националистических, теократических и охлократических тенденций. Иначе говоря, актуальной ценностью продолжает оставаться лозунг, провозглашенный еще в период французской революции конца XVIII в. — «Свобода. Равенство. Братство».

Гражданское общество — это общество, в котором постоянно **расширяются возможности самоуправления** во всех его видах и проявлениях, что создает максимум условий и возможностей для участия людей в делах общества и государства.

Гражданское общество — это постоянное **согласование интересов всех участников** исторического процесса, его основных сил, достижение и реализация принципов конвенционализма.

И наконец, гражданское общество — это **общество, которое обеспечивает социальную защиту, гарантирует соблюдение прав и свобод человека.**

Возникновение гражданского общества означало принципиально новый тип общественных отношений, в котором каждый человек независимо от сословной и национальной принадлежности, вероисповедания, материального положения мог претендовать на полноправное участие в решении всех без исключения общественных проблем. И хотя это положение не сразу и не во всех странах полностью реализовано до сих пор, но именно оно служит ориентиром для становления и развития демократии, отстаивания прав и свобод человека. Именно гражданское общество породило (сделало востребованной) социологию, когда стало очевидным, что в его строительстве призваны участвовать не только

цари, ханы, короли, военная, религиозная и светская знать, но и все люди, что их голос должен быть услышан при осуществлении любых изменений в государственной и общественной жизни.

Из сказанного следует вывод: **гражданское общество** — это совокупность организованных, исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности, определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек в своей общественной (публичной) и личной (частной) жизни.

Основная литература

- Голенкова З.Т. Общество гражданское // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2002. С. 87—88.
 Давыдов Ю.Н. Общество // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 132—135.
 Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 41—48.

Дополнительная литература

- Александр Дж.С. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века. М., 1998.
 Гражданское общество России: перспективы XXI века. СПб., 2000.
 Гражданское общество: теория, история и современность. М., 1999.
 Дмитриев А.В. Общая социология. М., 2001.
 Руткевич М.Н. Общество как система. СПб., 2001.
 Резник Ю.М. Гражданское общество как социокультурный феномен цивилизации. М., 1998.

Ж.Т. Тоценко

Предмет социологии

Каждая наука имеет свой предмет. Им обозначается некоторая определенность, выделенная из мира объекта в процессе познания и деятельности людей. Впервые разделение предмета и объекта науки предложил в 1904 г. австрийский философ Г. Амезедер, который трактовал предмет как акт данности объекта в процессе познания. В дальнейшем трактовка предмета науки неоднократно уточнялась, в результате чего существует несколько его интерпретаций. В насто-

ящее время в науковедческой литературе существует несколько определений предмета науки. 1. Это грань объекта, которая определяет содержательную, сущностную ее сторону. 2. Предметом иногда называют один из аспектов объекта, на изучение которого направлены усилия исследователей. 3. Предметом именуют часть (фрагмент) объекта, когда исследуются определенные сегменты (сферы, структуры) объекта. 4. Между объектом и предметом устанавливается

диалектическая связь, когда при определенных обстоятельствах объектом науки становится ее предмет и наоборот. «Категория «предмет науки» связана с фиксацией двуединства: системы объективно существующих закономерных связей и системы понятий, эти связи отображающих» (Е.А. Вавилин, В.П. Фофанов, 1983).

Что касается социологии, то при определении ее предмета как грани, части, аспекта объекта (общества) использовались различные подходы, оформляемые в соответствующие концепции и направления.

В о - п е р в ы х, в качестве предмета социологии рассматривалось *общество в целом* (в этом случае объект и предмет науки отождествлялся). Этой точки зрения придерживался основоположник социологии О. Конт. Ему вторил Г. Спенсер и другие представители социологической науки в XIX в., хотя в то время каждая из школ социологии по своему трактовала общество, уделяя внимание тем или иным аспектам его развития. В русской социологии ее наиболее последовательно придерживался Н.И. Кареев. Эта точка зрения сохраняет свое звучание и до настоящего времени как в зарубежной, так и отечественной литературе.

В о - в т о р ы х, достаточно широко распространена точка зрения, когда социология нацелена на исследование *общих и специфических закономерностей развития и функционирования общества, путей и форм его изменения или совершенствования*. Такая постановка вопроса наиболее полно нашла отражение в марксистской социальной философии (историческом материализме), с которым социология практически всегда отождествлялась (Г.В. Плеханов, Н.И. Бухарин, В.С. Немчинов, М.Н. Руткевич, П.Н. Федосеев). На наш взгляд, при таком подходе реальность во всем ее многообразии перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкты, которые или не имеют отношения к повседневной действительности или слиш-

ком абстрагируются от нее. И если эта трактовка вполне приемлема для социальной философии, то для социологии важно представить не абстрактную, а реальную жизнь в самых различных специфических и особенных аспектах развития.

В - т р е т ь и х, в начале XX в. научная мысль подошла к необходимости сузить предмет социологии до более скромных формулировок. Этот поиск привел к тому, что социологи начали рассматривать в качестве объекта изучения не все общество, а лишь отдельные его фрагменты, связанные с социальной жизнью и такими феноменами, как *социальный факт* (Э. Дюркгейм), *социальное действие* (М. Вебер), *взаимодействие* (Э. Гидденс), *социальная стратификация* (П.А. Сорокин).

В - ч е т в е р т ы х, в начале XX в. ряд социологов начал рассматривать в качестве предмета изучения не все общество, а его социальность, социальную жизнь, а также такие ее феномены, как *социальная сфера, социальные отношения, социальные процессы* (Ф. Тённис, Г. Зиммель, Н. Смелзер, Г.В. Осипов, А.Г. Эфендиев, Ю.Е. Волков). В своих трудах эти социологи выделяли сферу социальной жизни как самостоятельную наряду с экономической, политической, духовной. Согласно этому подходу понятие социального, социальных связей и отношений и способа их организации являются исходными для понимания отличительных особенностей предмета социологического знания, а социального развития — для характеристики его направленности (Н.И. Лапин).

В - п я т ы х, широкое распространение получил подход, объявляющий целью социологии *изучение социальных систем, социальных сетей, упорядоченных совокупностей людей* (Т. Парсонс, М. Кастельс, Г.П. Давидюк, В.Я. Ельмеев, А.В. Дмитриев, В.П. Култыгин). Причем в рамках этого подхода имеются свои нюансы и особенности, согласно которым важнейшей задачей социологии стано-

вится типологизация социальных систем, исследование связей и отношений каждого социального объекта, получение системного научного знания о механизмах и формах их функционирования. Однако ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристична, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его изменение. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии.

В - ш е с т ы х, достаточно широко распространена концепция, которая *основное содержание социологии видит в исследовании социальной структуры во всех ее проявлениях*. Согласно этой позиции, социология — наука о становлении, развитии, изменениях и преобразованиях, о функционировании классов, социальных групп, общностей и формах их самоорганизации. Другими словами, наука о социальных изменениях, вызываемых активностью социального субъекта, социальных общностях, взаимоотношениях между ними и личностью (Г.Е. Зборовский, В.А. Ядов). Однако изучение социальных общностей нередко осуществляется в ракурсе организации и функционирования и недостаточное внимание уделяется их эволюции. Кроме того, следует обратить внимание на то, что ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

В - с е д ь м ы х, получил распространение *мир-системный анализ общественной жизни*, который наиболее ярко воплотился в трудах И. Валлерстайна. Этот анализ не ограничивается рассмотрением взаимоотношений и взаимодействий людей — он претендует на изучение более широкой совокупности общественных процессов — вплоть до человечества в це-

лом, что породило глобалистские концепции социологии. В отечественной социологии эта точка зрения тесно связана с анализом проблем устойчивого развития общества (В.К. Левашов, Н.Е. Покровский).

И н а к о н е ц, получает все большее распространение точка зрения на социологию как на *науку о движущих силах сознания и поведения людей как членов гражданского общества*. Его разделяют многие социологи (П.А. Сорокин, А. Турен, Ю.Г. Волков, С.А. Кравченко, Ж.Т. Тощенко, С.И. Григорьев). Исходя из этого определения, социология изучает *совокупность социальных явлений и процессов, характеризующих реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии, деятельность, действительное поведение людей, а также условия (окружающая среда)*, которые влияют на их развитие и функционирование в социально-экономической, социально-политической и духовной сферах жизни общества. Таким образом, особо следует подчеркнуть, что основным характерным признаком социологии конца XX в. становится антропоцентристский подход, олицетворяющий непреходящую и все возрастающую ценность человека и его деятельности. В этих рамках человек предстает как *ресурс общественного развития (прогностический аспект)* и как *носитель социального капитала (прагматический аспект)*, который является огромным резервом и импульсом общественного развития. Гражданская, нравственная и творческая значимость личности подтверждена как объективно сформировавшимся заказом на гуманистическую компоненту исторического процесса, так и соображениями практической целесообразности. Именно такой подход является, на наш взгляд, наиболее эффективным, позволяющим понять происходящие эпохальные перемены в конце 2-го — начале 3-го тысячелетия.

Анализ сложившейся ситуации в мировой социологии приводит исследова-

телей к выводу: «Микроуровень, уровень социального взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. А каждый из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и тем самым изменить направление социального процесса. Социология в этих условиях из науки, изучающей макроструктуры общества, становится областью исследования механизма складывания социального процесса в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов» (С.А. Кравченко, Н.Е. Покровский, 1997).

Современные подходы, определяющие предмет социологии, заметно смещаются в направлении человековедения, а объектом внимания социологии все больше и больше становится анализ проблем жизни людей. При этом уместно сделать два замечания. 1. Справедливо утверждение, что прошло то время, когда в социальных науках, в том числе и в социологии, общество объявлялось первостепенным объектом анализа. К настоящему времени уже достаточно отчетливо выявилось, что «за концептуальным фасадом социоцентрических теорий обнаружилась пустота и оторванность от реальной жизни: ведь если «единицы» считать «нулями», то теория никогда не сойдется с практикой» (Ю.Г. Волков, 1995). 2. Выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание в том смысле, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по своему предназначению (поэтому социология употребляет понятие «личность»). Социология претендует на анализ таких социальных проблем, которые являются «вечными», проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории.

Первой базовой характеристикой предмета социологии является *реально*

функционирующее общественное сознание во всем его многообразии и многозначности. Социология имеет дело не с общественным сознанием вообще, безликим и аморфным, не имеющим начала и конца, не просто с некоторыми логическими конструкциями, а с реально функционирующим общественным сознанием, к которому следует подходить с особых теоретико-методологических позиций. Обобщая данные выводы и предложения, можно сказать, что базовым понятием для социологии является общественное сознание и соответственно его компоненты: *знание, информация, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и другие эмпирические элементы* (подробнее см. «*Понятия социологии*»). В социологических исследованиях общественного сознания постепенно закрепляется *новый методологический подход*, суть которого при всей его кажущейся очевидности заключается в следующем: люди живут не для теорий, концепций, не ради государственных доктрин или программ политических партий — они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливым образом сочетаются самые различные ориентации, ценности, установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают значимый характер. Люди судят о своем положении не по обещаниям и декларациям, а по той реальной ситуации, с которой они сталкиваются в повседневной жизни. Несомненным фактором является высокая оценка и самооценка «Я» со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые в конечном счете приводят к необходимости считаться с осознанием каждым человеком своей ценности и самоценности. В сознании и поведении людей происходят значительные изменения в структуре стимулов к жизни, к действию: внешние стимулы ослабевают, а внутренние нарастают, что доказывает возрастание роли субъективно-

го фактора, духовного начала в развитии и функционировании современного мира. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что сознание развивается автономно, независимо, не всегда соглашаясь с социально-экономическими тенденциями. Здесь нет автоматизма взаимодействия между сознанием и бытием.

Второй базовой характеристикой предмета социологии является тот факт, что она *не ограничивается анализом состояния общественного сознания*. Оно (сознание) становится только тогда реальной силой, когда оно воплощается *в поведении, деятельности, в действиях людей*. Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, в акциях, в реальных делах. Выяснить, что мешает претворению их в жизнь — одна из важнейших задач социологического исследования.

Поэтому для социологии важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу» (К. Маркс). Процесс реализации прогностической функции сознания — гораздо более богатое по содержанию специфическое явление общественной жизни, в котором переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующее ему действие. Иначе говоря, реальное, практическое поведение — это функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному поведению как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на практическом уровне, в условиях непосредственного жизненного опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) все

формы, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем. В этой связи хотелось бы напомнить характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным (1928) как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных». Следовательно, поведение людей выступает степенью (формой) реализации всех или отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания. Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Иначе говоря, реальное, живое сознание и поведение — самые «богатые» по своим проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Однако, чтобы не впасть в субъективизм, следует отметить, что необходимо брать во внимание не только сознание и поведение, а их функционирование в конкретных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных условиях, олицетворяющих *влияние всех видов общественной макро-, мезо- и микросреды*, что составляет третью базовую характеристику предмета социологии. В свою очередь,

Макросреда характеризует процессы, происходящие во всем обществе, которые опосредуют сознание и поведение людей как граждан, как членов данного общества. *Мезосреда* оказывает воздействие на сознание и поведение человека — представителя определенной территориальной социально-экономической общности, в которой он живет, работает, отдыхает и выполняет функции творца и потребителя. *Микросреда* — это непосредственное окружение, в котором человек взаимодействует на межличностном уровне и контактная среда которого оказывает весьма серьезное влияние на результативность его поведения, организацию его общественной и повседневной жизни. Социолог призван учитывать «особые жизненные обстоятельства», определяющие сознание и поведение людей, «каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете, экономические обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные)...» (К. Маркс, 1867).

Таким образом, изучение сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях переводит социологию из плоскости регистрирующей науки в плоскость *активной общественной силы, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества*.

Однако общественное сознание и поведение становятся предметом изучения только в условиях гражданского общества — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того момента, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнений людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. О том, что творцом и движущей силой развития этого общества являются сознание и поведение людей, говорит и такое образное выражение, автором которого является английский историк и философ Т. Карлейль (1795—1881): «Революции происходят не на баррикадах — они проходят в умах и сердцах людей».

Из сказанного следует вывод: предмет социологии как науки включает: *реальное общественное сознание во всем его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей*. Все это позволяет назвать данную концепцию *социологией жизни*, так как она оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут.

Основная литература

- Волков Ю.Г. и др. Социология. М., 2000. С. 10—13.
 Лапин Н.И. Общая социология. М., 2006. С. 18—25.
 Осипов Г.В. Социология. М., 2008.
 Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 48—56.

Дополнительная литература

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
 Кравченко А.И. Социология. М., 2001. С. 11—23.
 Общая социология / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2000.
 Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд. М., 2008.
 Фролов С.С. Социология. М., 2004.

Социологическое знание: структура, уровни

Структура социологического знания определяется в зависимости от тех методологических принципов, которые применяются в исследованиях социальной реальности (см. *Методологические стратегии*). В социологии обосновываются различные виды ее классификации в зависимости от тех методологических подходов, которые применяет исследователь для познания социальной реальности. Есть предложения определять структуру социологии с учетом всего научного знания, когда в объяснение ее

содержания вовлекается знание, накопленное всеми науками (А.И. Кравченко) или всеми социальными и гуманитарными науками (О.Н. Козлова). Мы же исходим из того, что *структурируется только то знание, которое называется социологическим*. При ответе на данный вопрос *структура социологии* может рассматриваться: во-первых, как *теоретическая и эмпирическая социологии*, а во-вторых, как *фундаментальная и прикладная*, в-третьих, *по объектно-предметному принципу* (табл. 1).

Таблица 1. Структура социологического знания

<i>Структура</i>	<i>Методы исследования</i>	<i>Назначение исследований</i>	<i>Социологические дисциплины</i>
Теоретическая и эмпирическая социология	Общенаучные и специальные социальные методы	Обогащение теории познания	Теория, методология и история социологии
Фундаментальная и прикладная социология	Социологические и статистические методы познания	Обогащение научного знания и способов решения существующих общественных проблем	Отраслевые и специальные социологические теории
Макро- и микро-социология	Историко-логические, системные и эмпирические методы познания	Обогащение научного знания и решение глобальных и локальных проблем	Теория социологии и методика социологических исследований

Первая классификация социологического знания предполагает *обоснование и разработку базового, исходного уровня социологического знания — теории и методологии*, сосредоточивающих свое внимание на определении и уточнении объекта и предмета социологической науки, ее понятийного (категориального) аппарата, закономерностей (тенденций) развития как социальной реальности, так и самой социологии, ее функций, места среди других наук. В рамках этого анализа привлекается и исторический материал (воплощенный в истории социологии), который показывает генезис идей, появление, рождение и угасание поисков (теорий, концепций), а также уточнение места социологии в структуре социального и гуманитарного знания. Кроме того, на этом уровне вовлекается (адаптируется, приспособляется) теоретическое знание других наук в том отношении, как оно способствует уточнению, обогащению и развитию социологического знания. Важнейшей особенностью *теоретической социологии* является *методология и методы познания социальной действительности*. В о - п е р - в ы х, она использует логический метод, когда из совокупности имеющейся информации выводится непротиворечивое, последовательное знание. В о - в т о р ы х, она опирается на исторический метод (онтологию), когда определяется генезис знания, категорий и понятий. В - т р е т ь и х, она руководствуется методами системного анализа, когда учитывается вся совокупность как основных, так и опосредованных связей. Н а к о н е ц, она применяет статистические и математические методы, которые упорядочивают накопленную информацию и позволяют выявить тенденции развития общественной жизни.

Назначение теоретической социологии состоит в том, чтобы, опираясь на накопленное научное знание, осуще-

ствить типологизацию и классификацию имеющейся (накопленной) социальной информации. Она включает в себя и гипотетическое знание, которое в дальнейшем может быть подтверждено или опровергнуто. К компетенции теоретического знания относится выявление закономерностей (законов), тенденций и перспектив развития как изучаемых процессов и явлений, так и самой социологической науки.

Ряд исследователей обращает внимание на необходимость теоретического осмысления метасоциологии, объектом которой является сама социология, ее познавательные возможности, закономерности ее развития. В литературе синонимами метасоциологии являются *социология социологии* и *рефлексивная социология*. Теоретическое знание не только не исключает, а обязательно предполагает анализ познавательных возможностей социологии, ее концепций, взглядов, обобщений и парадигм, а также ограничений и пределов достижения истины в процессе исследований.

Отмечая сдвиг современной социологии «к субъективно-понимаемому», шведский социолог П. Монсон в этой связи поясняет: «Субъективность присутствует здесь двояким образом, частично в самом исследователе, частично — в объектах, в людях, которые он изучает. Вопрос о том, каким образом можно состыковать эти две субъективности, является важной методологической проблемой».

Парной категорией (контрагентом) теоретического социологического знания выступает *эмпирическая социология*, которая характеризует специфическую форму социальной информации. Данная информация может иметь *упорядоченный* характер (т.е. полученная с помощью научных методов) и *стихийный* характер,

когда данные накапливались неупорядочно, по мере осуществления деятельности субъектов исторического процесса самым разнообразным образом. В последнем случае информация приобретает ценность как регистрация происходящих явлений и процессов, их последствий, а фиксация фактов нередко имеет прикладное, утилитарное значение.

Эмпирическая социальная информация может быть представлена в виде статистических и социологических данных, документов, публикаций, сведений личного характера (письма, дневники, воспоминания) и т.д.

Характер и формы эмпирической социологической информации определяют методы ее получения — опросы, интервью, контент-анализ, экспертные оценки и т.д. Эмпирическое знание, таким образом, представлено всеми видами и формами конкретной информации, включающими в себя совокупность статистических и документальных данных, социологических показателей и индикаторов развития изучаемых процессов и явлений.

Очевидно, что без особым образом организованной эмпирической информации не могут быть осмыслены реалии сознания и поведения человека ни в демографическом, ни в профессиональном, ни в национальном, ни в социально-правовом и других аспектах.

Еще одна классификация социологического знания представлена *фундаментальной и прикладной социологией*, призванными ответить на вопрос: каков способ не только получения, но и решения актуальных проблем, ставших предметом социологической науки. Причем и в том и другом случае присутствует и теоретическое и эмпирическое знание, хотя их соотношение отличается. Мно-

голетний опыт социологических исследований показывает, что в них обычно соединены эти группы задач: наличие в фундаментальной и прикладной социологии теоретического и эмпирического уровня может рассматриваться в качестве одного из важных аргументов включения в социологическую науку общесоциологических и конкретных исследований в качестве двух уровней единого знания.

Основной вывод состоит в том, что различие между теоретической и эмпирической, фундаментальной и прикладной социологией состоит в следующем: первое определение характеризует *способ (методы) познания действительностей*, второе — *способы и методы не только познания, но и решения социальных проблем*. Поэтому эти классификации не следует противопоставлять друг другу. Вместе с тем, научный подход базируется в первую очередь на теоретическом осмыслении, которое постоянно обогащается эмпирической информацией, особенно если она получена в ходе фундаментальных исследований. Поэтому, исходя из того, что большое место в социологической теории отводится категориальному и понятийному аппарату, уточнению их интерпретации как в свете накопленных данных, так и новой информации, поставяемой эмпирической социологией.

Социологическое знание может быть представлено по степени осмысления всего объекта и предмета социологии или одной из их сторон, частей, фрагментов. Это говорит еще *об одной классификации социологического знания — по его уровням*, которые отражают *объектно-предметный принцип познания*. Этот принцип предполагает несколько уровней анализа (табл. 2).

Таблица 2. Уровни социологического знания

<i>Уровни (иерархия)</i>	<i>Объект исследования</i>	<i>Социологические дисциплины</i>
Общесоциологические теории	Социальная реальность во всем ее разнообразии	Классические и современные теории, социологические школы
Отраслевые социологические теории	Основные сферы жизни общества	Экономическая, политическая социологии, социология социальной и духовной жизни
Специальные социологические теории	<p>В экономической сфере — труд, рынок, город, село и т.д.</p> <p>В сфере социальной жизни — социальная структура, этносы, молодежь и т.д.</p> <p>В сфере политической — государство, общественные организации, право, армия и т.д.</p> <p>В сфере духовной жизни — образование, наука, культура, СМИ, религия и т.д.</p>	<p>В экономической социологии — социология рынка, социология труда, социология города и села и т.д.</p> <p>В социологии социальной сферы — этносоциология, социология молодежи, социология семьи и т.д.</p> <p>В политической социологии — социология власти, социология партий и общественных движений, социология армии.</p> <p>В социологии духовной жизни — социология личности, социология образования, социология культуры, социология науки</p>
Частные (вспомогательные) социологические концепции	Производные от специальных социологических теорий	Например, в социологии образования изучаются такие отдельные компоненты, как дошкольное воспитание, общее и среднеспециальное образование, высшее образование, непрерывное образование и т.д.

В о - п е р в ы х, социологическое знание представлено *общесоциологическими теориями*, которые отражают и выражают методологические стратегии. В зависимости от них вырабатываются обобщающие теоретические концепции, которые обосновывают формы и методы познания социальной реальности во всем многообразии ее общественных связей. Согласно этому подходу объектом и предметом анализа может выступать или общество, или человек, или их соединение, что находит отражение в различных социологических парадигмах. В свою очередь эти подходы могут дифференцироваться, и тогда количество общесоциологических теорий резко возрастает. Так, некоторые исследователи (Ю.Г. Волков) считают, что все существующие школы в социологии имеют свой общесоциологический подход, выражающийся в постановке ряда принципиальных методологических вопросов.

В о - в т о р ы х, следующий уровень образуют *отраслевые социологические теории* (иногда их называют обобщающими): экономическая и политическая социологии, социологии социальной и духовной сфер жизни общества, которые направлены на анализ не всего общества в целом (как в первом случае), а его основных сфер — экономической, социальной, политической и духовной. Это деление общества на четыре сферы обосновано в социально-философской литературе (см. труды В.С. Барулина, Г.С. Арефьевой, В.П. Рожина и др.) и связано с определенными видами деятельности — трудовой (производственной), социальной (в узком смысле это-го слова), политической и культурной (духовной).

Экономической социологией исследуются социальные проблемы экономической жизни общества, посредством изучения сознания людей и соответствующего типа поведения, связанных с реализацией целей и задач общественного произ-

водства, с процессом удовлетворения потребностей и интересов людей в условиях функционирования социально-экономических отношений.

Обращаясь к другой сфере общества, к *социальной жизни*, следует отметить, что *социология социальной сферы* изучает такие важнейшие и принципиальные проблемы, как образ жизни во всем его многообразии, социальные процессы в семье, среди молодежи, девиантное поведение. В ее рамках исследуются предпосылки, условия и факторы превращения классов, социальных слоев и групп в субъекты созидательной деятельности.

Политическая социология изучает огромный пласт перехода от объективного к субъективному, сознательному развитию. Она изучает политические (классовые, групповые) интересы, которые базируются на (и исходят из них) из воли, знаний и действий, т.е. методов и форм выражения политической деятельности человека, классов и социальных групп и обращена ко всему спектру чувств, мнений, суждений и отношений людей к процессам функционирования властных организаций, что позволяет представить пути функционирования государственности, выявить болевые точки развития политической жизни. К проблемам политической социологии относятся деятельность политических организаций и объединений, формы и методы их работы в новых общественных условиях, способность оперативно откликаться на то или иное развитие событий. И наконец, объектом социологии в сфере политики является политическое сознание, анализ его реального состояния, функционирование политической культуры как одной из существенных предпосылок достижения прогрессивных целей.

Четвертой по счету, но не по значению, обобщающей специальной социологической теорией является *социология духовной жизни* общества, исследующей

деятельность по освоению имеющихся культурных ценностей, созданию новых, распределению и потреблению накопленных. Этот процесс является сложным, многоплановым и неоднозначным. Поэтому так важно определить основные его составляющие. К таким структурным элементам следует отнести процесс социализации личности, образование, массовую информацию, культурно-просветительную деятельность, литературу, искусство, науку. Общим для всех подсистем духовной жизни является тот факт, что сознание и поведение человека выступают объектами главного интереса конкретных исследований, когда многообразие духовного мира порождает возможность различных подходов и способов решения возникающих общественных проблем.

Наконец, к обобщающим (системным) социологическим теориям относится *социология управления*. Она связана с использованием особого класса задач — механизма регулирования социальных процессов — и поэтому может рассматриваться самостоятельно, на уровне выявления неких общих характеристик, независимо от конкретных обстоятельств, а может применяться в рамках каждой из сфер общественной жизни и составляющих их элементов, что требует выявления и анализа специфических особенностей управления в каждой конкретной области сознания и поведения людей.

В - т р е т ь и х, существуют *специальные социологические теории*, предметом исследования которых являются общественные процессы и явления, их специфические связи с другими явлениями и процессами, которые в своей целостности являются неотъемлемой составной частью той или иной сферы общественной жизни. Они рассматривают не глобальные взаимодействия, а характерные связи в рамках конкретной сферы общественной жизни. Иначе го-

воря, каждая из отраслевых социологических теорий состоит из совокупности специальных теорий, изучающих такие процессы, которые образуют социально-экономические явления: социологию труда, социологию рынка, социологию города и села, демографические и миграционные процессы и т.д.

В этом же смысле в рамках социальной жизни и соответствующей социологии изучается социально-профессиональная и поселенческая структуры, этносоциология, социология молодежи, семьи и т.д. В свою очередь, политическая социология состоит из таких теорий, как социология власти, политических партий и общественных движений, социология права (хотя некоторые исследователи выделяют ее в самостоятельную научно-прикладную теорию), военная социология, международных отношений. Что касается социологии духовной жизни, то она представлена социологией образования, культуры, религии, СМИ, науки, литературы и искусства.

Для возникновения и становления как отраслевых, так и основных специальных социологических теорий необходимы, по крайней мере, два условия: 1) теории должны обладать самостоятельным и относительно замкнутым понятийным аппаратом, характеризующим сущность и специфику исследуемых реальностей; 2) должна существовать общественная потребность в их рассмотрении с социологической точки зрения, т.е. в изучении специфических связей между этими явлениями и обществом как совокупностью всех общественных отношений.

Сегодня в социологии в большей или меньшей степени оформлено свыше 50 основных специальных социологических теорий. Их положение все еще полностью не осмыслено и с точки зрения перспектив социологии, и с точки зрения общественных потребностей. Ана-

лиз места системных и специальных социологических теорий в структуре социологического знания предполагает постоянный критический обзор их развития, особенно тех, которые имеют непосредственное значение как для понимания места, роли и функций социологической науки, так и для повышения эффективности и качества исследований.

Системные и специальные социологические теории соединяют теоретико-методологическое знание с эмпирическими данными, полученными в ходе конкретных исследований. Они представляют собой единство теоретического знания (или теоретических замыслов) и эмпирической их проверки, в результате чего уточняются исходные положения, результативность и эффективность методологии и методики.

Однако разделение на теорию и эмпирию, заметное в социологии более, чем в любой другой общественной науке, ни в коем случае не означает, что они существуют раздельно, не взаимодействуя между собой.

В ч е т в е р т ы х, наряду с отраслевыми и специальными социологическими теориями существуют *частные вспомогательные концепции*, объектом изучения которых выступают конкретные, отдельные явления и процессы, производные от более «объемных» процессов и социальных феноменов. Такими объектами исследования являются, например, в рамках социологии образования высшее или дошкольное образование, в рамках социологии молодежи — молодежные движения, группы по интересам и т.д. Такая детализация упомянутых теорий не вызывает возражения, кроме одного — изучение многих частных явлений нередко называют тоже социологиями, в результате чего возникает бесконечная цепочка. И в социологии стоит применить принцип бережливости, названный «Бритвой Оккама», согласно которому сущности не должны

умножаться без необходимости. Исходя из этого принципа следует изучать определенный конкретный процесс или явление и обозначать это как предмет (объект) социологического анализа, не приклеивая к нему без необходимости термин «социология».

В заключение стоит отметить, что в социологии долгое время господствовала (и сейчас ее придерживаются некоторые ученые) так называемая *теория среднего уровня*, которую обычно связывают с именем Р. Мертона. Этот типичный прием, весьма характерный для американской социологии, возник под мощным влиянием прагматических потребностей. В нашей стране этот подход прижился после частичной реабилитации социологии в 1960-е гг. Но весьма своеобразно. Он олицетворял компромисс между официально утверждаемой концепцией об историческом материализме как общесоциологической теории и стремлением все же выделить «свою» социологическую теорию, которая долгое время камуфлировалась под так называемый среднеуровневый срез. Но такой подход, как справедливо отмечал А.В. Кабыща, напоминает русскую матрешку и мало что прибавляет к классификации науки и ее направлений.

В ситуации, когда социология отождествлялась с историческим материализмом, статус теорий среднего уровня (частных теорий) оказался двусмысленным. Когда теоретический уровень социологии был представлен философией, то ему не оказывалось в ней места, так как ее теории являются теориями нефилософскими. Но они в то же время «теории». Так каково же их соотношение с теоретической социологией? Если же их отнести к эмпирическим исследованиям (они образовывали третий, согласно Лазерсфельду, уровень), не означает ли это, что эмпирия не имеет достойного научного статуса? И насколько оправданно выделять все эти уровни по разным основаниям?

Такая структуризация вызвала самые серьезные возражения со стороны многих социологов, в частности, одного из крупнейших социологов современности, П. Бурдьё. Он обвинил в сговоре таких известных ученых, как Т. Парсонс, который взял на себя разработку общесоциологической теории, Р. Мертон, монополизировавшего представление о «среднем уровне», и П. Лазерсфельда, который стал представлять уровень эмпирии. По мнению Бурдьё, это идеологическое господство, раздел сфер влияния позволяет навязывать свою концепцию видения науки, не считаясь с другими заслуживающими внимания и имеющими глубокое научное обоснование подходами. Очевидно, что трехуровневая модель социологии, сыграв определенную роль в ее развитии, исчерпала свои возможности.

И н а к о н е ц, стоит остановиться на еще одной классификации — существуют концепции, которые рассматривают социологию как *макро-* и *микро-*социологию. Если первую интересуется общество как целостный социальный организм, его структура, социальные институты, их функционирование и изменение, то микросоциология обращена к социальному поведению, межличностному общению, мотивации действия, социализации и индивидуализации личности, стимулам групповых поступков.

Но особенно плодотворно рассматривать взаимосвязь фундаментальных и прикладных аспектов социологии в рамках специальных социологических теорий.

Таким образом, современная структура социологического знания состоит из нескольких классификаций социологических теорий, подразделяющихся на *теоретическую и эмпирическую (1), фундаментальную и прикладную (2), по уровням, включающим в себя отраслевые, специальные и вспомогательные социологические теории и концепции (3), макро- и микро-*социологию (4).

Основная литература

- Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2002.
 Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 2005. С. 60—64, 80—84.
 Эфендиев А.Г. Общая социология. М., 2001. С. 99—108.

Дополнительная литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
 Козлова О.Н. Социология. М., 2001.
 Кравченко С.А. Социальная теория: дискурс будущего // СОЦИС. 2007. № 3.
 Добренников В.И., Кравченко А.И. Социология. М., 2001.
 Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 2001.
 Рабочая книга социолога. М., 2008.

Ж.Т. Тощенко

Методологические стратегии в социологии

Длительное время в социологической науке доминировали две основные парадигмы — *социологический реализм* (объект исследования — общество, социальная структура, социальные институты) и *социологический номинализм*

(объект исследования — индивид, личность, человек, социальные группы и общности). В конце XX в. стала интенсивно развиваться еще одна социологическая стратегия — *конструктивистская*. В соответствии с этим структура, уровни и по-

нятийный аппарат социологии зависят от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. С этого и начинается логика построения понятийного аппарата. В зависимости, какой аспект социальной реальности, социаль-

ной жизни выступает предметом анализа, основополагающим исходным понятием выступают или общество, или человек как личность. В целом эти стратегии можно представить в следующей схеме (табл. 1).

Таблица 1. Парадигмы (методологические стратегии) социологии

Парадигма	Время возникновения	Предмет науки
Социологический реализм	Середина XIX в.	Общество, его структура, социальные системы, социальные институты. В XX в. — все человечество, цивилизации
Социологический номинализм	Начало XX в.	Человек, личность, индивид, социальные общности
Социологический конструктивизм	Конец XX в.	Общественное сознание и поведение в условиях социальной среды

Традиция ориентации *социологического реализма* на парадигму «общество» восходит еще к О. Конту и Г. Спенсеру. Она претерпела ряд изменений, особенно в XX в., что нашло отражение и определенную модификацию в работах Э. Дюркгейма, затем Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Дарендорфа и др. Они изучали общество посредством исследования социальных систем, социальных общностей в основном с точки зрения их организации и функционирования, и нередко вне процессов их эволюции. Как было установлено еще на грани XIX — XX вв. (Г. Зиммель, М. Вебер), ориентация на исследование преимущественно структур (систем) не эвристично, ибо она, хотя и может дать строгое описание объекта, закрывает возможность объяснить его развитие и функционирование. Понять причину возникновения данного состояния объекта можно, лишь рассматривая его в развитии. Это признавал уже Р. Мертон (1910—2003), который видел и понимал слабые стороны теории Т. Парсонса (1902—1979). Во-вторых, рассуж-

дения о социальных системах (а под ними стали пониматься не только взаимоотношения и взаимодействия людей, но и более широкая совокупность общественных процессов — вплоть до человечества в целом, что породило глобалистские концепции социологии), оживило никогда не исчезавшую тенденцию к поглощению социологии социальной философией. При таком подходе реальность перестает существовать. Вместо нее появляются некие логические конструкции, которые или не имеют отношения к повседневной действительности или слишком абстрагируются от нее.

Модификация этой парадигмы в виде представлений о социальной структуре, социальных отношениях, социальных общностях как определяющих объект и предмет социологии нашла отражение в работах многих российских (советских) социологов. В то же время во многих работах делаются попытки найти более приемлемую методологическую стратегию, которая бы в известной степени дистанцировалась от такого предельно

широкого понятия, как общество, и была в то же время связана с конкретными исследованиями. Однако, как показало время, трактовка объекта и предмета социологии только на уровне категории «общество» не отвечает на многие вопросы: понятийный аппарат нечеток, включает в себя слишком разные сущности, а многие из них размываются временем, серьезно видоизменяются, а иногда и теряют своей первоначальный смысл. Ведь даже такое классическое понятие, как социальная структура, в настоящее время мало что выражает, ибо многие ее элементы в современной ситуации исчезают (1); ряд ее элементов серьезным образом видоизменился (2); появились новые, ранее неизвестные элементы (3). Такие, казалось бы, классические понятия, как рабочий, крестьянин, приобрели неустойчивость, аморфность, ибо в зависимости от изменившейся жизни, разного социально-экономического положения, перемещения из одной сферы приложения труда в другую эти группы (классы) потеряли свою сущностную основу настолько, что говорить о каких-то содержательных однородных признаках весьма затруднительно. А если посмотреть на некоторые внешние признаки, то об этих группах можно говорить с большой долей приближенности. Соответственно, анализировать эти группы в духе теорий XIX и XX вв. было бы неполным, опрометчивым и поспешным. Как показали социологические исследования еще в 1970-е гг. (а тем более в 1990-е гг.), многие черты сознания и поведения людей из различных страт могут быть ближе друг к другу, чем эти же черты внутри одной и той же социальной группы. Например, мировоззрение и образ жизни внутри социально-профессиональных групп могут быть настолько различными, что теряет смысл объединить их в какое-то заранее зафиксированное, формализованное понятие: ведь внутри этих групп могут быть (и есть) огром-

ные различия по материальному достатку, по их месту в системе разделения труда, по их целям, ценностям, потребностям и интересам, что делает их (по существу) не сводимым к одним и тем же однородным показателям. В этой связи возникает вопрос: что будет выступать реальной социальной силой — профессиональные группы или носители одного (сходного) мировоззрения, но представляющие разные социально-профессиональные группы? Ответ очевиден, что объединяющей характеристикой окажутся идеи, взгляды, мироощущение и стремление их реализовать.

Таким образом, центральное понятие — общество и его производные — социальная структура, социальные отношения, социальные институты — являются важной, но серьезно ограниченной областью получения социологического знания. Эти данные могут в известной мере учитываться, но не могут ответить на злободневные проблемы современности. Они по сути дела являются сущностями второго и третьего порядка, которые надстраиваются над сущностями первого порядка, на что дает ответ другая методологическая стратегия.

Другая парадигма — *социологический номинализм*, восходящая к М. Веберу, Дж. Хомансу, Дж. Миду, к представителям русской социально-психологической школы конца XIX — начала XX в., обращается к человеку, ориентируется на то, что решающая роль в реальной жизни принадлежит *процессам взаимодействия личностей, процессам их интеграции и дифференциации*. Странники этой парадигмы в центр своего анализа ставят личность, считая ее основным понятием социологии. В этой ситуации мы сталкиваемся с восхождением от абстрактного к конкретному с последующей корректировкой наших представлений об абстрактном. Именно анализ такого феномена «человек в обществе» позволяет с наибольшей полнотой судить

как о человеке, так и об обществе. Причем эта ориентация на человека все больше и больше усиливается. В современной социологии эта тенденция находит отражение в работах А. Турена, З. Баумана, П. Бергера. Показательно, что такой известный политический деятель и ученый, как З. Бжезинский убежден, что мы (человечество) все больше сталкиваемся с необходимостью «личностного измерения человеческой жизни» и что в связи с этим мы стоим перед «новой эрой в отношениях между людьми» (1999).

В течение XX в. многие социологи предпринимали попытки преодолеть противоречивость методологической базы любой из названных концепций, деление социологии на макро- и микроуровень, объективно-предметный и субъективно-ценностный подход. Так, Т. Парсонс, ориентируясь на общество как определяющее понятие, стремился учесть влияние и роль социальных действий. Во второй половине XX в. эти попытки преодолеть крайности — соединить макро- и микроподход, объективистский и субъективистский подход осуществлялись П. Бурдьё, Н. Луманом, отчасти Э. Гидденсом.

Однако эти методологические стратегии никак не объясняют тот социальный факт, как люди попадают в эти социальные общности, социальные структуры, другие социальные образования. Ведь явившись в мир, человек проходит ряд промежуточных этапов в развитии, чтобы определиться со своим социальным положением в обществе. А это положение никаким образом заранее не предопределено: оно зависит не только от объективных обстоятельств, но и от воли, действий и других целенаправленных акций самого человека. То, что социальные системы, социальные сети трактуются как предмет социологии, уязвимо. Об этом говорит и другой факт: структурно-функциональный подход встречается с колоссальными трудностями

ми в обществах переходного периода, когда эти системы и общности не имеют четкой определенности и поэтому не могут быть базой достоверной информации. В этой связи хотелось бы обратить внимание на позицию французского социолога А. Турена, который подверг резкой критике структурный функционализм, считая, что он нацелен на обеспечение порядка, равновесия, а не на поиск новых резервов и новых возможностей для развития общества (А. Турен, 1989). Следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство: социальные системы и общности — неподходящий объект для сравнительных кросскультурных (международных) исследований, так как они настолько различны, что при их сравнении сразу же возникает вопрос о достоверности получаемой и сравниваемой информации. И наконец, не следует игнорировать и саму практику социологии, которая не перестает обращаться к одному и тому же источнику информации — человеку, что предполагает анализ не столько акций каких-либо систем, а того, что делает человека участником общественной и повседневной жизни. Впрочем, и сами сторонники социальной концепции в социологии, работающие на эмпирическом уровне, именно так и поступают, обращаясь главным образом к информации, характеризующей сознание и поведение людей. Стоит также отметить, что неудовлетворенность ранее сформулированными определениями объекта и предмета социологии проявилась в поисках иных концепций, претендующих на новое слово в трактовке исходных теоретико-методологических проблем социологии (феноменологическая социология, драматургическая социология, этнометодология, теория рационального выбора, школа ультрадетальных эмпирических исследований и др.).

Ответ на этот вопрос может состоять в том, что следует говорить еще об

одной методологической стратегии — *конструктивистской*, учитывающей взаимосвязи между макро- и микросоциологией, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом, между структурно-функциональной и конфликтологической ориентациями. Зачатки этой методологической стратегии, или *концепции социологии жизни* проявились еще в XIX в., но не привлекли в то время особого внимания. Еще Жан Мари Гюйо (1854—1888) выдвинул положение, согласно которому центральным понятием социологии он провозгласил реальную жизнь. В соответствии с этим Гюйо считал индивида интегральной частью социального целого, в которой органически сочетается все многообразие социального мира со всеми его достижениями, противоречиями и нерешенными проблемами. К сожалению, эта точка зрения не получила своего дальнейшего развития, хотя отдельные моменты этого подхода прослеживаются в теории социального действия (М. Вебер, А. Турен), теории социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау), символическом интеракционизме (Дж. Мид) и особенно в феноменологической социологии. Но многие из этих теорий и особенно феноменология абсолютизировали только одну сторону жизни — ее субъективность, что давало возможность оппонентам справедливо упрекать ее в односторонности, психологизации реальности, игнорировании объективных условий развития. И тем не менее социологи XX в. эту направленность в социологии все активнее разделяли. «Идеи и культуры не меняют ход истории — по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании — в системе ценностей и моральном обосновании — толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов» (Д. Белл, 1999). Еще большую определенность в ориентации на человека как основной предмет ис-

следований социологии выразил Э. Гидденс, назвав ее «ослепительным и захватывающим предприятием, чьим предметом является поведение людей как социальных существ».

Русская социология в XIX — начале XX в. во многом характеризовалась тем, что ей была присуща гуманистическая направленность — обращение к человеку как творцу, активному участнику преобразований в обществе. В подтверждение этой тенденции объектом изучения социологов становилась все большая группа вопросов, характеризующих состояние сознания людей, их поведение и отношение к происходящим в обществе процессам, их профессиональное, национальное и региональное звучание. Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни, что отметил еще на рубеже XX в. А.А. Богданов, когда, раскрывая сущность учения К. Маркса о природе и общества, писал, что в борьбе за существование люди не могут объединяться «иначе, как при помощи сознания».

В современной отечественной социологии такая методологическая стратегия обоснована Ж.Т. Тощенко, которую в определенной степени разделяют Ю.Г. Волков, С.А. Кравченко, С.И. Григорьев, И.М. Попова и др. Своеобразный синтез общества и личности олицетворяет антропосоциетальный подход, обоснованный Н.И. Лапиным. Особо следует отметить поиск в этом направлении Ю.М. Резника. При таком подходе существенным оказываются модусы времени — *настоящее*, представленное в ценности, *будущее*, выраженное в цели, и *прошлое*, связанное с категорией «значение». Кроме того, в центр внимания ставится *сознание* и *поведение* человека, его отношение и реакция на изменения своего статуса, своего места не просто как отдельного индивида, но и как чле-

на определенной социальной группы, представителя определенного общества. Но этим не ограничивается данная концепция — она предполагает одновременный анализ *общественной среды* (макро-, мезо- и микроусловий) социальной жизни человека. Все это образует концепцию *социологии жизни*, которая органически сочетает в себе субъективные факторы и объективные условия, органическое сочетание взаимоотношений общества и человека. Говоря словами Бергера, суть социологии — «человек в обществе, общество для человека».

К этому следует добавить и то, что социология (как и любая другая наука) призвана прежде, чем предлагать свои модели, изучить фрагменты, части объективной реальности. Действительно, мы в реальной жизни встречаемся не со структурами, а с сознанием и поведением людей, через которые мы выходим на анализ различных форм организации общественной жизни — институциональный, стратификационный, управленческий и др. Все это позволяет сделать вывод, что конструктивистская стратегия, выраженная в концепции социологии жизни, позволяет преодолевать край-

ности в трактовках сути социологии, оперируя понятиями социальной реальности — универсальностью, уникальностью и наиндивидуальностью, и в то же время измеряемой посредством элементов сознания, поведения и окружающей среды (см. подробнее объект, предмет социологии).

Основная литература

- Волков Ю.Г. Социология. М., 2006.
 Лапин Н.И. Общая социология. М., 2006.
 Социология: Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова, Л.М. Москвичева. М., 2001.
 Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М., 2005. С. 35—40.
 Тощенко Ж.Т. Социология жизни // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 522—524.

Дополнительная литература

- Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. Введение; С. 7—25.
 Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
 Кравченко С.А. Социология. М., 2003.
 Общая социология / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2002.
 Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

Ж.Т. Тощенко

Функции социологии

Социология выполняет две основные функции — теоретико-познавательную и управленческую (прикладную). В свою очередь, они могут образовывать производные функции, которые иногда в литературе трактуются как самостоятельные. В качестве производных (вспомогательных) функций часто называют мировоззренческую, просветительную, прогностическую, профилактическую,

прикладную и т.п. Но все они зависимы от первых двух.

Теоретико-познавательная и управленческая функции социологии тесно взаимосвязаны. Научный, диалектико-материалистический взгляд на историю является базой для долгосрочного прогноза и в то же время выполняет функции методологии исследования общественной жизни, сознания и поведения

людей. Теоретические основы и концептуальный аппарат социологии позволяют детально анализировать общественные процессы (вплоть до построения имитационных статистических моделей), а также прогнозировать их развитие с учетом многообразных и специфических условий в заданных границах места и времени.

Теоретико-познавательная функция направлена на выяснение сущности, природы человеческого сознания и поведения в определенных общественных условиях, обращена к познанию проблем настоящего и будущего с учетом многообразия конкретно-исторических и социально-культурных условий развития. Она имеет целью изучение и выработку рекомендаций по решению проблем, возникающих во всех сферах общественной жизни, в более или менее широких пространственно-временных интервалах, относящихся к различным социальным группам и общностям. Социология опирается на систематизированные и постоянно обновляемые данные социальной действительности, используя для их установления специальные, свойственные ей методы анализа.

Полученная в процессе социологических исследований информация, как правило, служит основанием для дальнейшего развития теоретических положений. Исходные методологические идеи, которые социолог закладывает в научном проекте, обогащаются выводами проведенных исследований и позволяют получить новое знание.

Вместе с тем прирост нового знания достигается в том случае, если четко сформулирована социальная проблема, которая обычно регистрируется как противоречие между потребностями общественного развития и субъективной деятельностью людей.

Для выработки предложений по устранению имеющихся противоречий анализируется как объективная, так и субъек-

тивная социальная информация. На современном этапе общественного развития все больше и больше повышается интерес к информации, которая характеризует внутренний мир людей, их намерения, мотивы, ценностные ориентации и готовность действовать во имя их претворения в жизнь. Подход к предмету социологии, призванный рассматривать реальное сознание и поведение людей, можно также трактовать как попытку субъективировать общественные процессы. Однако изучение состояния, выявление тенденций и проблем реального, практического сознания и поведения обязательно предполагает учет объективных условий, использование объективной информации. Именно такое сочетание дает реальную картину и достаточно всесторонне фиксирует то, что происходит в жизни страны, социальных групп, общностей и объединений.

Управленческая (прикладная) функция заключается в нахождении рациональных способов решения конкретных общественных проблем *здесь и сейчас*, равно как и проблем, которые могут возникнуть в результате определенных управленческих воздействий *там и потом*. Реализация этой функции тесно связана с обеспечением постоянно обновляемой информации о состоянии и тенденциях развития общественных процессов и явлений. Важным моментом является прогноз ближайших и более отдаленных последствий, что позволяет минимизировать негативные тенденции.

К управленческой функции следует отнести и те способы ее воздействия на общественные процессы, которые нередко выделяют в самостоятельную функцию — *идеологическую, мировоззренческую*.

В настоящее время остро встал вопрос о более эффективном участии социологии в решении социальных проблем модернизации общества. Поэтому нуждается в осмыслении реальный опыт организации и проведения социологи-

ческих исследований, который в большинстве своем складывается под влиянием потребностей практики. Первостепенное значение приобретают исследования, направленные на изучение состояния, тенденций и основных проблем социально-экономической и социально-политической и духовной жизни. Все более значимыми становятся анализ стратификационных процессов, деятельности средств массовой информации, практика изучения общественного мнения, что связано в значительной мере с решением прикладных задач. В приоритетные выходят вопросы этнонациональных отношений. Всплеск конфликтов, этническая напряженность стимулировали деятельность социологов по поиску путей выхода из кризиса. Их данные активно используются в решении проблем малых народов, при определении пределов и границ национальных суверенитетов.

Важное место отводится рыночным отношениям, политическим и социальным последствиям вхождения людей в новую экономическую реальность. Перед социологами труда, специалистами по индустриальной социологии, города, села встали принципиально новые вопросы, которые было трудно предвидеть даже в 80-е годы XX в.: наличие многообразных форм собственности, в том числе и частной, начало функционирования совместных (с иностранными фирмами) предприятий, создание новых, в том числе и горизонтальных, связей между ними. В 1990 г. впервые был зарегистрирован новый фактор экономи-

ческого сознания и поведения людей — *осознание безработицы*, которая вызывает тревогу у большинства населения. Особую значимость приобретает участие социологии в рассмотрении таких проблем, как насилие и преступность в обществе. При изучении реальных ситуаций, на решение которых может быть направлена управленческая функция социологии, возросла роль экологических и духовно-нравственных проблем.

Таким образом, анализ состояния общественного сознания и поведения людей, тенденций их изменения в условиях функционирования экономических, социальных, политических и духовных отношений — все это стало предметом научно-исследовательских и прикладных задач социологической науки. Она призвана обогатить теоретические воззрения о нынешнем этапе развития современного общества, помочь практике рекомендациями о возможностях рационального воздействия на общественные процессы.

Основная литература

- Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1999.
 Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 727.
 Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 56—59.

Дополнительная литература

- Кравченко А.И. Социология. М., 2003.
 Осипов Г.В. Социология. М., 2008.
 Рабочая книга социолога. М., 2008.

Ж.Т. Тощенко

Раздел II

Основные категории и понятия социологии

Категории социологии

Понятия социологии (логическая структура)

Понятия социологии (структура содержания)

Категории социологии

Впервые наиболее полное и систематическое учение о категориях было изложено в трактатах Платона и Аристотеля. Если в ранней греческой философии, когда бытие и мышление еще различались слабо и категории выступали в виде основных элементов материи в ее непосредственной данности (земля, вода, воздух, огонь, эфир), то в связи с возникшим интересом к проблеме сознания и познания, разума и науки категории приобретают логичный вид и формулируются как обобщенные, отвлеченные понятия. У Платона их было пять — сущее, движение, покой, тождество и различие, а у Аристотеля — десять, которые он затем свел к трем основным — сущности, состоянию и отношению. В их интерпретации категории — это схемы суждений и умозаключений: то, что высказывается о сущем, подпадает под ту или иную категорию.

Принципиально новый этап в развитии учения о категориях связан с именем И. Канта (1724—1804). Категории для него — условие возможности синтеза, то, что формирует, конституирует опыт. Категории существуют априори, предшествуют всякому опыту, выражают логические функции всех возможных суждений. В соответствии с видами суждений Кант строит классификацию четырех видов категорий: *категории количества* (единство, множество, всеобщность); *категории качества* (реальность, отрицание, ограничение); *категории отношения* (принадлежность, причинность, общение); *категории модальности* (возможность, существование, необходимость).

В посткантовской философии произошел существенный сдвиг в анализе категорий — предметом исследования стали идеи разума, формы умозаключений, взаимоотношение которых выражается принципами тождества, противоречия и снятия его в синтезе. При этом категории трактовались вне связи со структурой языка, а как нечто сущее само по себе и реализующееся в природе и человеческом духе.

Для социологической науки особое значение имеют идеи Ф. Шеллинга (1775—1854), который, исходя из тождества субъекта и объекта, рассматривал два вида категорий — *категории объективности*, разворачиваемые в натурфилософии, и *категории субъективности*, связанные с актами сознания и самосознания. Такой подход положил начало тому, что в XIX, а затем в XX вв. отчетливо стала складываться и формироваться дифференциация категорий в соответствии с различными областями научного знания. Иначе говоря, каждая наука стала претендовать на то, что ей присуща своя система категорий, которая может частично совпадать со всеобщими категориями и которая в то же время претендует на свое понимание и свою трактовку этих предельно широких универсалий. В этой ситуации при трактовке категорий происходило смешение или абсолютизация то ли онтологического, то ли гносеологического, то ли психологического их понимания, хотя в рамках философско-методологической рефлексии они неразрывно связаны между собой, дополняют друг друга.

В изменившихся условиях социальные науки объектом своих исследований окончательно избрали социальную реальность — общественную жизнь. В соответствии с этим центральной категорией становится *общество*, понимаемое как *многозначная система отношений и процессов, основополагающие характеристики которого становятся всеобщими категориями*. Именно исходя из этого подхода, наряду с категориями рассудка, стали использоваться такие категории, как переживание (В. Дильтей), интуиция (А. Бергсон), понимание (М. Вебер, Г. Зиммель).

Для характеристики общества, общественной жизни существенным оказываются модусы времени — *настоящее, представленное в ценности; будущее, выраженное в цели; и прошлое, связанное с категорией «значение»*. Тем самым *категории историзируются*, лишаются своей вневременной формы и локализируются в конкретно-исторических формах жизни. Подобная трактовка категорий существенно подорвала их значимость и универсальность, усилила тенденцию к их регионализации (что находит выражение в вычленении в науке различных отраслей и областей знания), а значит, к выделению тех из них, которые присущи только одной науке или группе однородных наук.

Процесс научной регионализации категорий не обошел стороной и социологию, которая, не отрицая необходимости изучения прошлого и будущего и даже оперируя в известной степени их характеристиками и показателями, тем не менее сосредоточивает основное внимание на настоящем, на ощущаемых и воспринимаемых времени и пространстве, на том, что является предметом заинтересованности людей, их сопричастности ко всему происходящему и окружающему их. Сосредоточение внимания на существующей социальной реальности

все больше и больше превращает социологию в социологию жизни и соответственно требует уточнения того круга (системы) категорий, которыми она пользуется.

Таким образом, *категории* — это *основные и наиболее общие понятия наук*. Это «не просто высказывание о предмете, но и какое-то важное о нем решение, как бы привлечение его к ответственности, высказывание о нем чего-то важного, внутреннего, существенного» (А.Ф. Лосев, 1967).

Все это позволяет сделать вывод, что категории социологии в аспекте их *структуры* представляют собой следующее. 1. Всеобщие категории, присущие всем наукам (сущность, состояние, отношение, закономерности); 2. Категории общественных (социальных) наук (вселенная, общество, цивилизация, культура и т.д.). 3. Категории социологии, имеющие эмпирическую интерпретацию.

С точки зрения *содержания* категории социологии можно (см. таблицу) представить (классифицировать) в виде определенной системы.

1. *Категории всеобщности*, без них не может обойтись ни один представитель социальных наук (в том числе и социологии), когда он задается вопросом: а какие универсальные и фундаментальные представления о мире могут быть использованы при осмыслении социального бытия. Такая направленность (и необходимость) изысканий породила целый букет различных социальных теорий, которые претендуют на предельно широкие обобщения явлений окружающего мира. Эта тенденция не обошла стороной и социологию. Наиболее наглядно оно проявилось в мирсистемных моделях И. Валлерстайна, в творчестве и в трудах глобалистов, транзитологов, геополитиков, теоретиков безопасного мира.

2. *Категории качества*, которые показывают степень и уровень освоения мира, эффективность их функционирования

и обеспечения рациональной организации общественной, групповой и индивидуальной жизни. Без их использования невозможно осуществить сравнение в рамках «прошлое — настоящее», сопоставлений типа «у них — у нас», по-

нять, что и каким образом характеризует степень оптимальности развития тех или иных социальных групп, институтов, организаций.

Логическая структура категорий в социологии

<i>Категории</i>	<i>Содержание</i>
1. Всеобщности	Вселенная, ноосфера, мир, человечество
2. Качества	Цивилизация, формация, циклическое развитие, устойчивое развитие
3. Объективности	Общественные отношения, общественное развитие, общественные процессы
4. Субъективности	Народ, классы, страты, общности, человек
5. Изменений	Управление, регулирование, модернизация, революция, эволюция, травма

3. *Категории объективности*, которые конкретизируют сущность и содержание той исторической эпохи, в которых живет и творит человек. В их находят отражение основные особенности и специфика, которые характерны для всего мира, но в его конкретно историческом обличье. Именно при помощи этих категорий возможно описание, анализ таких процессов, как довление тех или иных форм общественной жизни, формы политической власти, исторически сложившиеся типы поселенческих структур и т.п.

4. *Категории субъективности*, которые характеризуют активное, творческое (или потенциально творческое), заинтересованное начало в деятельности общества.

Они в своей постановке вопроса содержат самые общие ориентиры, требующие при их применении в исследовательской практике операционализации, ибо их использование в самом общем виде дает только (и то в лучшем случае) — ориентировочный эффект.

5. *Категории изменений*, которые характеризуют механизм, направленность, способы и методы осуществления преобразований. Данные категории претендуют на отражение созидательного участия в преобразовании окружающего мира, что находит выражение в применении таких универсалий, как прогноз, предвидение, программирование, социальный эксперимент, социальные организации. Они в известной степени выражают категории модальности, связанные

с представлениями о необходимости, возможности реализации целевых установок.

Значение этих категорий для социологии велико, потому что, во-первых, они позволяют в обобщенном виде, исходя из специфики социологического знания, трактовать универсальные процессы и изменения, происходящие в социуме с позиций социологии науки. Во-вторых, эти категории выполняют интегрирующую роль для самых различных потоков информации, централизуют ее, объединяют их вокруг коренных, принципиальных вопросов социальной жизни. В-третьих, категории выполняют роль коммуникации, без которой невозможно совместное и сопоставимое творчество, дальнейшее развитие научного знания, его дополнение, обогащение, совершенствование, углубление. И наконец, эти категории роднят социологию с другими социальными науками, образуя единое смысловое поле, без которого невозможно представить эволюцию и прогресс в развитии социальной мысли.

Однако необходимо видеть ограничения, которые накладывает использование в социологии этих универсалий — категорий. Во-первых, они в своем большинстве априорны, декларативны и могут выражать свою сущность в самом общем, предельно обобщенном виде. Во-вторых, они многозначны, по-разному трактуются не только среди различных социальных наук, но внутри самой социологии, различными школами и концепциями. Так, по утверждению ряда исследователей, только определений культуры насчитывается свыше 160 наименований, а личности — более 200. В-третьих, и это особенно важно — они не операционализуемы. В таком случае социология, не отказываясь от использования этих категорий, часто переходит на позиции социальной философии, чтобы иметь возможность обобщения и оперирования некими универсалиями.

В настоящее время проблема категорий в социологии (как и в других науках) актуализировалась, что связано с возрождением интереса к ним как неким универсальным характеристикам социального бытия, которые в то же время выступают константами логики. Она (проблема) возникла как движение контр-постмодерна, (постпостмодернизма), отразив реакцию и намерение возродить критерии научности. По-новому встает проблема статуса (гносеологического и онтологического) этих универсалий: существуют ли они реально или они продукты аналитической работы мысли.

Таким образом, *категории социологии* — это предельно универсальные, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Они выступают характеристиками уровня осмысления и обобщения основных представлений об общественной жизни, о социальной реальности, которые имеют априорное значение и помогают систематизации и организации опытного знания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме. В то же время они претендуют на отражение в обобщенном виде содержания (и специфики) в пределах (в рамках) социологического знания, несмотря на то, что многие из них являются одновременно категориями других социальных наук.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия*. Т. 1. М., 2003. С. 421—423.
Тощенко Ж.Т. Социология. 3-е изд. М., 2005. С. 64—70.

Дополнительная литература

- Лосев А.Ф.* Категории / *Философская энциклопедия*. Т. 2. М., 1962.
Оеурцов А.П. Категории / *Новая философская энциклопедия*. М., 2001. С. 229.

Ж.Т. Тощенко

Понятия социологии (логическая структура)

Термин понятие (от греч. представление) введен древнегреческими мыслителями-стоиками. Один из основоположников этой школы Зенон (ок. 490 — ок. 430 до н.э.) разумел под понятием постигнутое представление, т.е. представление, в котором осознается его согласование с объектом. Понятие — узловая форма движения мысли, обобщенно отражающая предметы и явления социальной жизни посредством фиксации их существенных свойств.

Понятие — одна из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания. По своей сути, понятие — это зафиксированная мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак. Понятия представляют собой идеальные сущности, продукты мыслительной деятельности человека. Каждое понятие имеет две основные логические характеристики — экстенциональную (объем) и интенциональную (содержание). Понятия, используемые в социальных и гуманитарных науках, чрезвычайно многообразны по своей структуре, типам обобщаемых в них объектов и другим характеристикам. Классификация, т.е. выделение и систематизация понятий, проводится по разным основаниям — во-первых, их делят на виды, исходя из особенностей содержания, во-вторых, учитывают объемы и специфику их элементов, в-третьих, исходят из предназначения научного знания.

Если рассматривать объем и содержательные основы понятий, употребля-

емых в социологии, то следует обратить внимание и на общенаучные, философские суждения, и на те, что прошли апробацию в других науках, но с полным основанием могут быть использованы в социологии, а также на рожденные в процессе развития, обогащения и обновления самого социологического знания. Остановимся на этом подробнее и рассмотрим логическую структуру понятий, представленную в таблице.

На основании соотношения *объема понятий* к их родам (универсумам) выделяют *универсальные* и *неуниверсальные* понятия. В этом случае универсальные понятия (например, вселенная, общество, культура, человек) совпадают с категориями, что устанавливает между ними определенную логическую связь. Это частичное совпадение категорий и понятий вводит в заблуждение некоторых исследователей, приводя к тому, что они не видят различий между ними или игнорируют данную проблему, называя одну сущность разными определениями, что не допустимо в принципе с точки зрения научного знания. Но именно разделение понятий на универсальные и не-универсальные ставит четкую грань между категориями и понятиями. В связи с этим необходимо отметить одну принципиальную особенность этой взаимосвязи — *каждая категория является одновременно и понятием, но не каждое понятие может быть категорией, выступать ею.* В силу того, что понятия производны от категорий, являющихся всеобщими, универсальными, фундаментальными формами связи, типами связи субъекта и объекта в суждении.

Логическая структура понятий

Основания классификации	Понятия
По объему	Универсальные — тождественны категориям; неуниверсальные — стимул
По структуре элементов объема	Собирательные — диаспора, партия; несобирательные — человек, родившийся в 1970 г.
По природе	Абстрактные — социальная среда; конкретные — родитель
По содержанию	Безотносительные — установка; относительные — квалифицированный рабочий
По объему и содержанию	Сложные — город, организация; простые — поступок, ориентация
По механизму познания	Методологическая роль — построение программы исследования; методическая роль — выборка, анкета
По предназначению	Обобщающие — социальный институт; констатирующие — забастовка

По *структуре элементов* (его объема) различают *несобирательные* понятия, элементами объемов которых являются отдельно взятые объекты (например, человек, родившийся в 1950 г.) и *собирательные* понятия, элементами объема которых являются совокупность объектов, мыслимая как одно целое (например, когорта, политическая партия).

По *природе* обобщаемых объектов понятия делятся на *конкретные* и *абстрактные*. В конкретных понятиях обобщается то или иное свойство, признак, характеристика (например, мотив) или их множество (например, интересы).

С точки зрения *содержания* понятия могут рассматриваться как *безотносительные* (объект характеризуется сам по себе, например, установка) и *относи-*

тельные (объект характеризуется через отношение к другим объектам, например, «квалифицированный рабочий», чье мастерство соотносится с профессиональной подготовкой другого работника, не имеющего такой квалификации).

В зависимости от *объема и содержания* признаков, посредством которых осуществляется обобщение объектов в понятиях, они делятся на *простые* (их содержание указывает на наличие какого-то одного отдельного свойства (например, «социальная ориентация» или «численность родившихся») и *сложные* (их содержание фиксирует связь между свойствами или его элементами, например, понятие «город» или «предприятие» как сложный экономический, социальный и организационный механизм, который опосредован многими свойствами и зна-

чительным количеством как простых, так и сложных компонентов).

В отношении *механизма* социологического познания понятия могут быть разделены на выполняющие *методологическую* роль (принципы построения программ исследования, гипотезы и т.д.) и *методическую* (инструментальную) роль (выборка, анкета, интервью, контент-анализ и т.д.)

И наконец, они могут рассматриваться как *обобщающие* (потребности, мигранты) и *констатирующие* (забастовка, мнение о конкретном событии) понятия, в которых находит отражение их предназначение и которые включают в себя признаки модальности (возможность, необходимость, достижимость, эффективность).

Проблема понятийного аппарата — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Мы являемся свидетелями того, как изменяется понятийный аппарат социологии, как он совершенствуется, обогащается, как существующие понятия наполняются новым содержанием, как появляются новые, которые существенно корректируют и уточняют наши представления об изучаемой реальности. Особо следует подчеркнуть, что категории и понятия, несмотря на их близость и неразрывное единство — это разные сущности, и необходимо четко видеть их различие.

К этому следует добавить, что понятия не остаются неизменными, что происходит, во-первых, под влиянием постоянно изменяющейся социальной реальности, во-вторых, в связи с модификацией самой науки, отражающей эту реальность. Особенность современного этапа определения теоретико-методологических основ социологии состоит в том,

что в современном мире происходит рост влияния и значения субъективного фактора, что не может не влиять на базовые понятия социологической науки. Вместе с тем, проблема понятий тесно связана с поиском ответа на вопрос: существует ли единая социологическая теория или их много. Если их много, то встает вопрос о том, как используются одни и те же понятия. В этой ситуации мультипарадигмальность с набором одних и тех же (или различных) понятий — это норма или патология?

Таким образом, основное назначение данной классификации понятий — *фиксировать существенные свойства изучаемой социальной реальности, связи и отношения между свойствами, реальные социальные процессы, а также изменение этих свойств и отношений*. Нужно только отметить, что границы категорий (как важный атрибут науки) и понятий (как одна из форм рационального познания) подвижны, могут «переливаться» друг в друга в зависимости от конкретной исследовательской ситуации.

Основная литература

Маркин В.И. Понятие // Новая философская энциклопедия. М., 2001.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 70—73.

Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // СОЦИС. 2002. № 9 (<http://ecsocman.edu.ru/socis>).

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М., 1998.

Дополнительная литература

Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Попов А.В., Самыгин С.И. Социология. Курс лекций. М., Ростов н/Д, 1999.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.

Орловская Е. Логические аспекты изучения понятий / Логические исследования. Вып. 1. М., 1993.

Попова И.М. Социология. Киев, 2000.

Эфендиев А.Г. Общая социология. М., 2001.

Понятия социологии (структура содержания)

Наряду с логической структурой для понимания смысла, сущности и содержания социологии определяющим является содержательный анализ понятийного аппарата.

Содержание понятийного аппарата социологии зависит от того, что считается объектом и предметом социологии как науки. Именно этим обуславливается и структура его построения. В зависимости от того, какой аспект социальной реальности, социальной жизни выступает предметом анализа, основополагающим исходным понятием выступают или личность или общество.

Специфика и качественная определенность подхода к предмету социологии с позиций социологии жизни состоит в том, что *исходными понятиями называются общественное сознание, поведение (деятельность) и среда обитания человека*, ибо жизнь общества начина-

ется с человека, с его сознания и поведения, над которыми «выстраивается» весь остальной мир.

Концепция социологии жизни позволяет преодолеть крайности в трактовках предмета социологии, оперируя понятиями социальной реальности, ее универсальностью, уникальностью и надындивидуальностью. Она начинается с того, что мы прежде всего начинаем оперировать понятиями, отражающими восприятие, отношение и оценку человеком окружающей его среды, взаимодействие с другими субъектами, с другими социальными институтами и организациями. Поэтому понятийный аппарат социологии предполагает операционализацию содержания предмета социологии — общественного сознания, поведения, социально-исторической среды. Содержательная структура понятийного аппарата представлена в таблице.

Содержательная структура основных понятий социологии¹

<i>Элементарные понятия</i>	<i>Синтезирующие (обобщающие) понятия</i>	<i>Структурообразующие понятия</i>
1	2	3
Общественное сознание Знание Мнение Потребности Мотивы Ценностные ориентации Установки Интересы Поведение, деятельность Акт Поступок Действие Виды поведения <ul style="list-style-type: none"> • нормативное • инновация • адаптация • девиация 	Социальное развитие Социальные отношения Социальное пространство Социальные процессы Социальные явления Социальные действия Социальные изменения Социальная структура Социальные институты Социальные организации Социальные движения	Экономическая сфера Рынок Труд Демография Город Село Экология Социальная сфера Стратификация Этноструктура Профессиональная структура Половозрастная структура Семья Молодежь Девиация

Окончание таблицы

1	2	3
Социальная среда Макросреда Мезосреда Микросреда		Политическая сфера Государство Общественные организации Правовые организации Армия Международные отношения Духовная сфера Образование Культура Наука СМИ Религия Литература и искусство

¹ Инструментальные понятия образуют отдельный блок социологического познания и характеризуют методологию и методику эмпирических исследований.

Таким образом, понятийный аппарат состоит из четырех основных групп.

Первая группа охватывает комплекс элементарных понятий, с которыми всегда оперирует социолог в латентном или открытом (явном) виде, ибо они характеризуют составные элементы таких ключевых и в то же время элементарных компонентов, из которых состоит *сознание, поведение (деятельность) и среда*. Без этих компонентов не может быть проведено ни одно социологическое исследование, которое не учитывало бы все многообразие или частично не ориентировалось бы на определенную их часть, но не лишаясь при этом определенной целостности и законченности. Таким образом, согласно концепции социологии жизни исходным понятием является *сознание* (общественное, групповое, индивидуальное), ибо как только человек появляется в мире, он начинает функционировать с помощью и посредством сознания, осваивая, осмысливая и стремясь подчинить окружающую его действительность в процессе своей *деятельности*. И в этом стремлении войти в *окружающую среду* люди вырабатывают некоторые объединяющие их харак-

теристики, черты и признаки, которые делают это общее надиндивидуальным, имеющим уже обобщающие социальные черты.

С позиций социологии жизни нужно ответить на вопрос: а с чего надо начинать изучать сознание? Ответ достаточно прост, ибо все, кто занимался проблемами сознания, всегда анализировали его начальное звено — *знания (сознание)*, которые как особое проявление информации в одинаковой степени необходимы и конкретному человеку, и социальной группе, и любому социальному слою или членам всех социальных организаций.

Знания — изначальный, но не единственный компонент сознания. И элемент не пассивный. Люди постоянно производят *оценку знаний* в отношении их полезности, значимости, применимости в трудовой и повседневной жизни, вписанности в реальные *потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы* и т.д. В структуре общественного сознания нередко в качестве самостоятельных выделяются такие его компоненты, как *социальное настроение, социальное самочувствие, убеждения, опыт*

исследования которых также накоплен в социологии и без которых невозможно представить реально функционирующую общественную жизнь.

Социология исследует не только компоненты общественного сознания, но и их реализацию в поведении, деятельности, которые выступают формой превращения сознания в реальный феномен. Сознание во всем его многокомпонентном богатстве не всегда прямо коррелирует с практической стороной их воплощения в жизнь. В силу объективных и субъективных причин компоненты сознания не всегда приобретают объективированную форму своего выражения — поведение, деятельность. Поэтому вполне правомерна постановка вопроса в рамках концепции социологии жизни: что должно восполнить (дополнить) сознание как изначальный элемент жизни людей для его логического завершения. Логика развития любого общества показывает, что в теоретической и эмпирической социологии найден ответ на этот вопрос — это поведение, которое выражается в действиях людей, в механизме и результатах (социальных фактах), которые не только постулируются, но и могут быть измерены при помощи уже апробированных исследовательских процедур.

Анализируя этот компонент социологии жизни, следует отметить, что в ней чаще используется понятие «поведение», чем «деятельность», несмотря на их близость по содержанию и смыслу. Деятельность же рассматривается: 1) как форма активного отношения к окружающему миру с целью его изменения и преобразования; 2) как включающая в себя цель, средства, результат, хотя цель является только основанием для деятельности, но лежит вне ее; 3) как главное (основное) условие существования человека и общества. Она несет на себе печать мировоззрения, мировосприятия. Под поведением в социологии подразумевают:

1) действия по поддержанию своего существования; 2) нацеленность на реализацию той или иной функции (что особенно важно в социологии, когда, как правило, исследуется один из аспектов жизни людей); 3) общие характеристики с некоторыми явлениями физического и биологического мира (говорят о поведении электрона, поведении животных, но не об их деятельности). Огромное значение имеют стереотипы и архетипы в поведении человека, что опосредуется опытом, накопленным на предшествующих стадиях развития. Понятие «поведение» имеет определенное ограничение в употреблении: оно приложимо к человеку, группам людей (общностям, слоям и т.д.), но не к обществу, а тем более к миру. В социологии понятие «поведение» появилось в 1920-х гг. в рамках концепций бихевиоризма, который провозгласил поведение главным предметом анализа через систему «стимул — реакция». В дальнейшем этот подход был признан ограниченным, но не отвергнутым — это понятие развивалось, уточнялось, обогащалось. В настоящее время поведение рассматривается через последовательность сменяющих друг друга привычных действий, которые реализуются в повседневной и общественной жизни. Они имеют четыре уровня: 1) реакция на окружающую среду (акт); 2) сам поступок; 3) осуществление последовательной совокупности поступков (действий); 4) результат этих поступков (действий). В самом общем виде, поведение трактуется как такие поступки человека (людей, социальных групп и слоев), которые выражаются во внешних актах активности, в то время как деятельность рассматривается как органическое единство объективных условий и субъективных факторов.

Социология жизни не ограничивается изучением сознания и поведения людей. Она дополняется анализом среды, тех внешних, объективных обстоя-

тельств, в рамках которых протекает жизнь людей. Поэтому предмет социологии жизни непременно ориентирован на изучение окружающей людей социальной среды во всем ее многообразии — макро-, мезо- и микросреды. Такое расчленение объективных обстоятельств имеет свое логическое объяснение: если на уровне макросреды обеспечиваются условия развития и функционирования человека *как гражданина*, то на уровне мезосреды выявляются условия и факторы, влияющие на жизнь людей *как жителей* определенной пространственной организации (региона, города, села). Уровень микросреды объединяет объективные внешние обстоятельства, которые окружают человека *как члена конкретной социальной группы, слоя, когорты* или иного социального образования, в рамках которых осуществляется непосредственное взаимодействие между ее членами или участниками.

Вторая группа понятий — *синтезирующие, обобщающие понятия* — создает следующий уровень базовых понятий, так как синтез элементов сознания, поведения в определенных социально-экономических отношениях образует более общие понятия — *социальные отношения, социальное развитие, социальные явления и процессы, социальная структура* и т.д., которые могут быть социологически познаны через определенную комбинацию элементарных индикаторов, характеризующих социальную реальность. Познание этих понятий является более сложным и трудным процессом, предполагая использование самых различных методов и подходов. Элементы этого уровня не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают реально сложившуюся ситуацию, ибо ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

Третья группа понятий — *структурообразующие понятия*, которые опираются на утверждение социальной философии о возможности интерпретировать развитие общества через экономическую, социальную, политическую и духовную сферы, в рамках каждой из которых можно выделить наиболее обобщающие формы организации общественной жизни. Но в процессе их познания, например, города, нации или образования, могут использоваться самые различные методы и подходы, самые различные их комбинации, но непременно предполагающие анализ как элементарных (сознание, поведение, среда), так и обобщающих (социальное развитие, социальные явления, социальная структура и т.д.) понятий.

Четвертая группа — это понятия из области методологии и методики, используемые в социологии весьма специфично по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна *совокупность как методологических категорий* (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), *так и методов* (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфичными предстают перед читателями проблемы обработки социологической информации, ее анализа, интерпретации полученных результатов. Особо хотелось бы обратить внимание на операции деления, обобщения и ограничения. Они являются критериями содержания, специфики и предназначения социологии, той основной особенностью, которая обеспечивает автономию и самостоятельную нишу в системе социальных наук.

Деление понятий (синоним операции анализа, квантификации) — это процедура перехода от данного понятия к совокупности подчиненных ему с точки зрения некоторых характеристик, которые называются основанием деления. В ходе этой операции элементы объема исходного делимого понятия распределяются по подклассам, которые образуют объемы результирующих понятий на основе уче-

та их компонентов. В качестве основания деления могут выступать, во-первых, факт наличия или отсутствия у элементов объемов делимого понятия некоторого признака; во-вторых, предметно-функциональная характеристика (например, пол, возраст, национальность), модифицирующая свои значения в результате приложения к различным объектам исходного класса (такую операцию называют делением по видоизменению основания). В социологии, как и в любой другой общественной науке, исходя из положений логики, выработаны правила корректного осуществления данной операции: требования соразмерности (равнообъемности делимого понятия и совокупности элементов деления), непустоты их деления, их взаимной несовместимости по объему, единственности основания. Деление понятия представляет собой необходимый элемент важнейшей и широко используемой в науке познавательной процедуры — классификации, которую можно трактовать как систему взаимодополняющих друг друга делений.

Что касается *обобщения понятий*, то под этой процедурой подразумевается переход от понятия с данным объемом к понятию с более широким объемом, но тем же родом (например, понятия «труд» или «инфраструктура» можно обобщить до понятия «экономика» или понятие «образование» до понятия «духовной жизни»). Кроме того, в социологии, как правило, используется прием, когда данные выборочной совокупности распространяются на генеральную совокупность, правомерность и правомочность чего подтверждается как аналогичными приемами (методами), так и при сравнении исследуемых характеристик с реальными показателями (результатами).

Обратный переход от понятия с данным объемом к более узкому по объему понятию называют *ограничением*. Пределом ограничения являются единичные понятия, а пределом обобщения —

универсальные понятия (объем которых совпадает с родом). Операции обобщения и ограничения можно осуществлять посредством модификации содержания понятия, опираясь при этом на закон обратного отношения между содержанием и объемом понятий: чтобы более обобщить, необходимо перейти к информативному, а чтобы ограничить — к менее информативному понятию (В.И. Маркин, 2001). В эмпирических исследованиях социологи часто сталкиваются с необходимостью осуществления такой процедуры, когда из множества признаков, свойств операционализируемого понятия отбираются основные, принципиальные, позволяющие сохранить общую картину изучаемого процесса или явления при уменьшении, сокращении доли малозначимых признаков и свойств, характеризующих данные явления и процессы.

Сущность и содержание социологической науки характеризуют еще несколько групп понятий, используемых при обозначении функций и (или) уровней социологического знания.

Первая группа связана с анализом объекта социологии, а также с характеристикой связей (взаимосвязей) социологии с общенаучными представлениями о мире. Поэтому социологу предстоит знать точки зрения других наук на общество, государство, нации (компетенция общенаучной теории) и на гражданское общество и его структуру (компетенция теоретико-методологических основ науки).

Вторая группа охватывает большую совокупность понятий, трактующих и объясняющих предмет социологии. Во-первых, те, которые связаны с характеристикой сознания (индивидуальное, групповое, общественное), его видами (политическое, экономическое, нравственное, религиозное и т.д.), структурой (знание, убеждение, ценности, мотивы, установки и т.д.), специфическими характеристиками (общественное мнение, массовое сознание). Во-вторых,

эти понятия, характеризующие реальное поведение (действия) людей, предполагают их дифференциацию и интерпретацию как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Это относится к видам поведения (деятельности) людей, их взаимосвязям с сознанием (социальное настроение) и между собой. Такой подход предполагает анализ как позитивных, так и негативных видов деятельности. В-третьих, в понятийном аппарате нуждается и заключительный компонент предмета социологии: условия, в которых реализуется (или не реализуется) сознание и поведение людей. Поэтому без понятия макро-, мезо- и микросреды, социальной инфраструктуры трудно понять всю сложность социального мира.

Третья группа касается субъектов исторического процесса, их реального сознания и поведения: индивида, социальной группы (слоя), класса. Значительное место занимают особые группы субъектного действия — народности, народы, этносы. Многие понятия связаны с семьей. Сюда относятся также группы отклоняющегося поведения.

Четвертая группа касается методов социологического познания, тем более что они весьма специфичны по сравнению с другими социальными науками. Здесь важна как совокупность методологических категорий (программа, гипотезы, сценарий и т.д.), так и методов (наблюдение, опрос, контент-анализ, интервью, эксперимент и т.д.). Специфичными предстают перед читателями проблемы обработки социологической информации, ее анализа, интерпретации полученных результатов.

Пятая группа — это понятия, углубляющие наши представления о функциях социологии. Но если первая из них — теоретико-познавательная — коррелирует с аналогичным аппаратом других групп, то управленческая функция ставит необходимость познания и использования предвидения, прогнозиро-

вания, проектирования, планирования, программирования, социальных технологий и т.д.

Н а к о н е ц, особо следует сказать о тех понятиях, которые одновременно служат и социологии, и другим социальным отраслям научного знания. Так, у социологии имеется много родственных понятий с демографией (миграция, продолжительность жизни, здоровье и т.д.), социальной психологией (общение, эмоции, самочувствие и т.д.), политологией (власть, электоральное поведение и т.д.).

Таким образом, данный понятийный аппарат позволяет четко представить: 1) *логику его построения*; 2) *его иерархичность, ступени обобщения теоретического и эмпирического уровня познания социальной реальности*; 3) *увидеть рядоположенность понятий, используемых в фундаментальных и прикладных исследованиях*. Этот аппарат, его составные элементы не конструируются произвольно, сами по себе: они отражают логику и содержание социальной реальности. Содержательный анализ начинается с того, что составляет основу социологии жизни — реально функционирующее сознание, ибо ни один человек заранее не соотносится ни с социальной структурой, ни с социальными организациями или институтами — он включается в них в процессе реализации своего сознания, своей деятельности (поведения) в зависимости от условий окружающей его среды.

Основная литература

- Большой толковый социологический словарь.* Т. 2. М., 1999. С. 51, 259—261, 448—449.
Волков Ю.Г. Социология. Ростов н/Д, 2006. С. 6—13.
Осипов Г.В. Социология. М., 2008.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 73—79.

Дополнительная литература

- Тощенко Ж.Т.* О понятийном аппарате социологии // СОЦИС. 2002. № 9.
Турен А. Возвращение человека действующего. Очерки социологии. М., 1998.
Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1960.

Раздел III

Эмпирические понятия социологии

Человек — индивид — личность

Общественное сознание: типы, виды,
функции

Основные компоненты общественного,
группового и индивидуального сознания

Специфические формы общественного
сознания

Деформированные формы общественного
сознания

Поведение и деятельность как реализация
форм и видов общественного сознания

Условия реализации сознания, поведения
и деятельности

Человек — ИНДИВИД — ЛИЧНОСТЬ

Понятия «человек», «индивид», «личность» тесно взаимосвязаны. В обыденной речи они часто употребляются в одном и том же значении. Но в науке эти понятия используют в разных контекстах, наделяя их различным смыслом.

Человек: 1) высшая ступень развития живых организмов на Земле; 2) представитель вида Человек разумный (*Homo sapiens*), по своей природе сочетающий социальные и природные качества и выступающий в качестве целостной, многосложной биопсихосоциальной системы; 3) продукт общественного бытия и самообщественное бытие; 4) субъект общественно-исторической деятельности. Это наиболее общее понятие, которое используется для характеристики присущих всем людям качеств и способностей, способа жизнедеятельности, сформированного культурой в ходе исторического развития.

Словом *индивид* (от *лат.* *individuus* — неделимое, особь) обозначается: 1) единственный представитель человеческого рода или социальной группы; 2) обладатель специфических, уникальных с биологической точки зрения особенностей; 3) неповторимое сочетание природных и социальных свойств; 4) конкретный носитель социальных и психологических черт человечества: разума, воли, сознания, деятельности.

Отличие понятия *личность* от понятия «человек» заключается в том, что «понятие человек есть понятие природно-общественное, а понятие личность есть понятие социальное» (В.П. Тугаринов, 1978).

Интересно происхождение слова личность. Древнегреческое *προσωπον* первоначально обозначало маску, которую надевал актер в греческом театре. Маска позволяла исполнителю «стать» другим человеком или даже богом. Каждой роли соответствовала особая маска. При этом человек, с одной стороны, маскировал свое Я, а с другой — соотносил себя с определенной социальной группой. Затем актера и его роль стали называть персонажем. Позднее это слово получило значение «личность», став эквивалентным латинскому слову *persona*. У римлян слово «личность» употреблялось не иначе, как с указанием определенной социальной функции, роли — личность отца, царя, обвинителя. В русском языке получило распространение слово «личина», однокоренное со словами «лик», «лицо», «личность». С точки зрения социологии личность олицетворяет человека, проявляющего социально-значимые черты индивидуальной жизнедеятельности в процессе взаимодействия с другими людьми и тем самым способствующего стабилизации и развитию общественных отношений. Главное в личности «не ее абстрактная физическая природа, а социальное качество» (К. Маркс).

Понятие личности многозначно. С одной стороны, оно обозначает конкретного индивида (лицо) как субъекта деятельности в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее); с другой стороны, личность понимается как социальное свойство человека, совокупность интегрированных в нем социально значимых черт,

образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающими его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения (И.С. Кон, 1967).

В определении понятия «личность» особый акцент делается на социальных качествах человека, его социально-культурных, моральных, волевых, интеллектуальных особенностях, которые находят выражение в поведении и мышлении индивида, делающих его неповторимым и уникальным. Личность рассматривается как продукт социальных отношений, как некая характеристика индивида, формирующаяся в результате взаимодействия с окружающими людьми. Рассмотрим специфику социологических подходов подробнее.

В о - п е р в ы х, *личность трактуется как набор свойств человека*. В соответствии с этим выделяются следующие признаки личности: 1) разумность, способность мыслить; разум характеризуется способностью образовывать понятия, это регулятор его поведения, его поступков, это есть основание ответственности; 2) ответственность, т.е. способность человека предвидеть результаты своей деятельности и определять ее исходя из того, какую пользу или вред она может принести обществу; это моральная сторона практического применения разума, способность человека решать и приводить решения в исполнение; 3) свобода как возможность мыслить или действовать не по внешнему принуждению, а согласно своей воле; 4) индивидуальность — совокупность черт, отличающих одного индивида от другого, причем различия на самых разных уровнях (психологическом, социальном и др.); 5) личное достоинство, т.е. осознание человеком высокого значения личностных качеств, характер поведения человека, связанного с охраной своих прав и осуществлением своих обязанностей и выражающегося в достойном личности образе жизни

(В.П. Тугаринов, 1978). Такой подход дополняется трактовкой сущности личности в психологической литературе: личность — это «некое неповторимое единство, некая целостность, высшая интегрирующая инстанция, управляющая психическими процессами» (А.Н. Леонтьев, 1965).

В о - в т о р ы х, *личность определяется как набор характеристик — первичных* (статус, роли, ценностные ориентации) *и вторичных* (мотивация поведения, структура общественного поведения). В результате взаимодействия первичных и вторичных свойств формируется характер человека, его склонности. «Основная форма развития личностных свойств человека — его жизненный путь в обществе, социальная биография» (П.И. Смирнов, 2001). Это коррелирует с трактовкой личности в западной социологии как «конкретной совокупности характеристик и стремлений, обуславливающих те общие и индивидуальные особенности поведенческих проявлений (мыслей, чувств и действий), которые обладают устойчивостью во времени и могут или же не могут быть объяснены только через анализ социальных и биологических факторов, влияющих на актуальную ситуацию функционирования человека» (С. Мадди, 2002).

В - т р е т ь и х, *личность определяется через диалектику общего, особенного и единичного*, вследствие чего личность предстает как особенное, взятое в социальном аспекте. Преимущество этого подхода в том, что он позволяет избежать противоречий, связанных с делением людей на личности и неличности. Все люди обладают определенными общими — биологическими и социальными чертами. В то же время каждый человек имеет свои, только ему присущие особенности, свою биографию, профессию, свои отношения в обществе. Если соотнести общие характеристики человека, связанные с социальной сферой его

жизнедеятельности, с его индивидуальными особенностями, то получается особенное, т.е. личность. С этой точки зрения, понятие личности применимо ко всем людям без исключения, поскольку каждый человек является носителем индивидуальных и общих признаков (Г.В. Осипов, 1995).

В - ч е т в е р т ы х, специфика социологического подхода к определению понятия «личность» заключается в ее рассмотрении не в качестве неповторимой индивидуальности, а как устойчивой целостности социально-типических и индивидуальных свойств, потенций, способности к активному действию, ее самосознания, реализуемых в практической деятельности (В.А. Ядов, 2000). Причем личность является как объектом, так и субъектом социальных отношений. С одной стороны, на формирование личности оказывают влияние общие социальные условия: социокультурные особенности общества, включая исторические традиции, политические и идеологические отношения; социальная стратификация, определяющая специфику интересов различных социальных слоев общества; состояние социальных институтов (например, образования) — это наиболее важные компоненты общих социальных условий развития личности. С другой стороны, специфические социальные условия, к которым относятся характер, содержание, условия труда и быта, ближайшее социальное окружение, которое обучает человека ролевому поведению. Общие и специальные социальные условия, а также такие характеристики, как пол и возраст (стадия жизненного цикла) определяют социальное положение индивида — принадлежность к определенной социальной группе и его место в системе социальных позиций и общественных связей. Социальное положение индивида задает социальные функции-роли в конкретной социальной ситуации. Социальные условия формируют поле

возможностей для самореализации личности, которая действует, руководствуясь своими определенными интересами, потребностями, связанными с общественным положением и социальным окружением. На основе предшествующего опыта у каждой личности формируются определенные диспозиции (предрасположенности, готовности) к восприятию условий деятельности и целенаправленному способу действия, складываются ценностные ориентации и социальные установки. Освоение социальных ролей, формирование новых потребностей, интересов, диспозиций стимулирует нестереотипное поведение, творческое преобразование действительности, внеролевое поведение.

И н а к о н е ц, в трактовке сущности личности внимание уделяется *социальному механизму ее формирования* двумя взаимосвязанными процессами: с одной стороны, общество формирует личность, оказывая непосредственное влияние на ее становление и развитие, а с другой — личность во взаимодействии с окружающими людьми, социальными группами формирует общество. В этом случае личность определяется как «общественный индивид, объект и субъект исторического процесса» (Б.Г. Ананьев, 2000).

Таким образом, социология рассматривает личность, прежде всего, как деятельное существо, в контексте определенной среды, которая обуславливает не только ее сущность, но и структуру. В соответствии с этим подходом выделяются две структуры личности: функциональная, включающая в себя компоненты деятельности и компоненты отношений, и социальная, содержащая объективные (статусы и роли) и субъективные (диспозиции и ожидания) черты. Социальный статус обозначает место личности в системе общественных отношений, а также наделяет ее конкретными правами и обязанностями.

Если обобщить имеющиеся определения, то понятие личности используется в социологии, по крайней мере,

в двух основных значениях. Согласно первому, под личностью понимается нормативный тип человека, соответствующий требованиям общества, его ценностно-нормативным стандартам. Часто, говоря о человеке как о личности, подразумевают совокупность черт поведения, включают некоторые стереотипы, такие, например, как трудолюбие или веселый, общительный нрав, деловитость, коллективизм и т.д. Второе определение личности сугубо социологическое. Оно анализирует человека как члена социальной группы, общества, коллектива, организации, т.е. посредством своей деятельности, включенного в различные виды социальных отношений. Здесь личность рассматривается в неразрывной связи с социальной системой, которая без него не может существовать, так же как и личность не может быть полноправным человеческим существом вне социальной группы, общности, слоя.

Личность человека формируется постепенно: человеком рождаются, индивидуальность проявляется в раннем возрасте, но личностью становятся в процессе социализации. Поэтому личность — это социализированный индивид. Личность как объект общественных отношений может рассматриваться как результат успешной первичной социализации ребенка.

Условиями развития личности являются: биологически и генетически заданные предпосылки; наличие социальной среды, культуры; уникальный индивидуальный опыт.

Подлинными основаниями и движущей силой развития личности выступают совместная деятельность и общение, посредством которых осуществляется движение личности в мире людей, приобщение ее к культуре данной среды. Личность как субъект социальных отношений обладает характеристикой относительной автономности, степенью не-

зависимости, способной в определенных ситуациях противопоставить свою позицию обществу. Творческая личность обладает особыми способностями и качествами для инновационной деятельности, харизматическая личность — для деятельности в качестве лидера в управлении, власти.

Социально значимые черты личности — это качества индивида, отражающие его включенность в общественные отношения и проявляющиеся в совместной деятельности и общении. К таковым сегодня относят: знания, навыки, привычки, убеждения, интересы, установки, ценности и др. Одной из важнейших черт личности является развитое чувство самоконтроля — внутренний контроль, с помощью которого человек сам регулирует свое поведение, согласовывая его с общепринятыми нормами.

Основная проблематика социологии личности связана с процессом формирования личности и развития ее потребностей в неразрывной связи с функционированием социальных групп, общностей, изучением закономерной связи личности и общества, личности и среды, с исследованием регуляции и саморегуляции социального поведения личности.

К основным теориям личности относят статусную, ролевую, нормативную, диспозиционную. Согласно *статусной теории* различают приписанный статус (по этническому и социальному происхождению, положению в обществе) и приобретенный, достигнутый статус (который приобретается в процессе социальной деятельности людей и воплощается в должности, профессии, месте человека в социальной организации общества). Большое значение при трактовке личности с этих позиций имеет стартовая социальная позиция личности, наличие власти и богатства. Основоположниками этой теории были Т. Знанецкий и Ч. Томас, которые полагали, что социолог

должен понимать индивида не только так, как он «действительно есть органически и психологически», а то, как он «сделан» другими и самим собой и его собственным опытом.

Ролевую теорию личности разрабатывали Ч. Кули, Дж.Г. Мид, Т. Парсонс, Р. Мертон, в отечественной социологии — И.С. Кон. Согласно этой теории личность есть функция от совокупности социальных ролей, исполняемых индивидом в обществе. Личность предстает как драматический актер в театре общества, и его деятельность определяется ролевым набором. Человек играет различные роли как на разных этапах своей жизни, так и в зависимости от пространственной, социально-экономической, социально-политической и культурной ситуации. Выполнение ролей тесно связано с мотивационной характеристикой и нередко жестко регламентировано (роль военнослужащего, пожарного, охранника).

Нормативная теория личности тесно связана с изучением ценностей и ценностных ориентаций, начало разработке которой положил немецкий философ И. Кант (1724—1804), сопоставляя представления о должном (ценностях и нормах) и о сущем (о том, что есть). Эта концепция трактует характеристики личности как обязывающие и ориентирующие, предписывающие человеку определенные формы восприятия, оценки и поведения в окружающей его действительности. Разработка и обоснование этих идей связано с именами Т. Парсонса, В. Франкла, в отечественной социологии — Н.И. Лапина.

К этой теории примыкает *диспозиционная теория*, под которой (в отечественной социологии эту теорию разрабатывал В.А. Ядов) подразумевают предрасположенность личности к определенному восприятию условий деятельности и к оп-

ределенному поведению в этих условиях, которые обусловлены предыдущим социальным опытом.

Все существующие концепции личности выходят на общую проблему — социализацию личности, которая, по сути, является специфической формой присвоения человеком общественных отношений и реализуется в процессе его активного взаимодействия с окружающей (макро-, мезо- и микро-) средой.

Основная литература

- Личность* // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 567—569.
- Осипов Г.В.* Социология. М.: Наука, 1995. С. 136—162.
- Смирнов П.И.* Социология личности. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2001. С. 288—368.
- Тоценко Ж.Т.* Социология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. Гл. «Социология личности».
- Энциклопедический социологический словарь* / Под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 357—358.

Дополнительная литература

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. М., 2000.
- Артёмьев А.И.* Социология личности. М., 2001. С. 7—25.
- Кон И.С.* Социология личности. М., 1967.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977.
- Мадди С.* Теория личности: сравнительный анализ: Пер. с англ. СПб., 2002.
- Пикунова А.А.* Лицо и маска: к генезису понятия «личность». М., 1999.
- Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М., 1994. С. 94—129.
- Тугаринов В.П.* Личность и общество. М., 1995. С. 42—78.
- Ядов В.А.* Социологические исследования: Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1987.

А.В. Дерновая,
С.Н. Майорова-Щеглова

Общественное сознание: типы, виды, функции

Общественное сознание представляет собой специфическую форму идеального отражения и духовного освоения действительности, целостное духовное явление, обладающее внутренней структурой (тип, формы, виды).

Общественное сознание в течение длительного времени изучалось в основном в рамках философской мысли и соотносилось с таким понятием, как общественное бытие. В основе рассуждений многих ее представителей лежит утверждение, согласно которому «общественное бытие определяет общественное сознание» и «общественное сознание отстает от общественного бытия». Однако анализ научной информации показывает, что данные заключения не являются абсолютной истиной, а лишь одним из возможных аспектов оценки взаимодействия общественного сознания и общественного бытия. 1. *Общественное сознание во многих жизненных ситуациях может отставать от общественного бытия* и иногда нужно значительное время, чтобы это отставание преодолеть (если это вообще возможно). 2. Не менее реальна и не менее распространена ситуация, когда *общественное сознание может достаточно адекватно отражать окружающий мир*, вполне соответствовать тем объективным тенденциям в развитии общества, которые происходят в нем и в мире. 3. В условиях революционных, кардинальных общественных перемен *сознание, воплощенное в идеях, может опережать (порой весьма значительно) общественное бытие*, воздействуя на него и заставляя его изменяться в соответствии (может

быть частичным) с объективными потребностями общества. В этом смысле можно говорить, что сознание творит мир и только в процессе практики человек доказывает «истинность», т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления». В истории человечества общественное сознание неоднократно становилось материальной силой и предопределяло развитие общества. И в этом утверждении нет ни грани субъективизма, идеализма, непонимания научной истины о роли материальных отношений, экономического базиса.

Таким образом, *общественное сознание*, отражая многообразие связей и отношений объективного мира, *может быть активной, нейтральной или пассивной общественной силой*. В период революционных потрясений, коренных изменений в общественной жизни оно активизируется, начинает в большем объеме влиять на ход общественного развития. Залогом действенности общественного сознания в этом случае выступает степень глубины познания объективного хода общественного развития и использование его в исторической деятельности классов, социальных групп и слоев, их политических и общественных объединений.

Не менее значимо понимание, вскрытие механизма *органической связи материального и идеального, объективного и субъективного*. Если материальное существует вне и независимо от сознания, то идеальное трактуется как то, что порождается сознанием и олицетворяет воображаемое (виртуальное) существование.

Однако в социологии по-другому интерпретируются эти понятия: объективным могут выступать многие субъективные моменты в жизни общества, на которые исследуемый субъект лишен возможности влиять и для которого они будут выступать независимой силой (например, министерство образования по отношению к школьнику выступает некоей объективной данностью, которая ему неподвластна и неподконтрольна).

В философии общественное сознание обычно рассматривается в двух измерениях: как *теоретическое* и как *обыденное*. В научной литературе при выявлении их сущности, роли и функций наиболее распространена точка зрения, которая противопоставляет их друг другу, отождествляет обыденное сознание с более низким его уровнем. Все это справедливо, пока осуществляется гносеологический анализ этого явления. Но, как показывает жизнь, в чистом виде ни то, ни другое не существует. Практика заставляет нас по-иному взглянуть на эту проблему — в общественной жизни мы имеем дело не с обыденным или теоретическим, а с реальным, практически функционирующим сознанием.

При такой постановке вопроса возникает необходимость выяснить не только соотношение теоретического и обыденного сознания, но и роль первого в решении судеб общественного развития. Если обыденное сознание возникает в процессе повседневной жизни, являясь продуктом стихийного отражения внешней стороны действительности, то теоретическое сознание представляет собой познание существенных связей, отражающих глубинные процессы, что требует научного осмысления, проникновение в суть вещей. Теоретическое сознание находит свое воплощение в научных взглядах, концепциях, идеях, которые претендуют на более высокий уровень познания и отражения действительности,

вскрытие новых пластов знания, проникновение в новые неведомые ранее стороны жизни общества. Вместе с тем, научная обоснованность и жизненность теорий и концепций, которые предстояло объективизировать, реализовать, не всегда коррелируют с потребностями общественного развития. Нередко теории и концепции лишь частично, в неполном объеме отражают объективные закономерности общественного развития, состояние и проблемы функционирования реальной социальной практики. Более того, они нередко искажают реальную картину, ибо, претендуя на абсолютность своей истины, не допускают иных подходов и объяснений происходящих общественных процессов. Анализ функционирования теоретического сознания позволяет сделать вывод, что, во-первых, само по себе оно не может превращаться в материальную силу, во-вторых, многие теоретические воззрения, которые претендовали на эту роль, не были реализованы, так как в своей основе были ущербны, односторонни, догматичны и не сопоставлены с реальной жизнью, в-третьих, истинно передовые взгляды и идеи, стихийно пробивавшие себе дорогу, нередко торпедировались, замалчивались, ограничивались при любой попытке воплотить их в практику.

Социологическое же видение общественного сознания начало оформляться на рубеже XIX—XX вв., исподволь накапливая разрозненную информацию. Оно в значительной степени исходило из того, что общественное сознание возникает, функционирует и развивается как компонент практической деятельности общественного человека. Оно включено в эту деятельность и является моментом взаимодействия между предметом и человеком, которое существует в практической деятельности. Активность сознания находит свое выражение в избирательности, в целенаправленности, в специ-

фических его характеристиках (акты сознания, их содержание, познавательные средства, цель и др.). Исследуя общественное сознание во всем его многообразии, социологическая мысль сосредоточила внимание на осмыслении феномена субъектов этого сознания, что привело к выводу о том, что его можно рассматривать и в социальном аспекте: как *общественное*, как *групповое (классовое)* и как *индивидуальное (личностное)*. Для социологии важное значение имеет тот факт, что процесс усвоения личностью содержания общественного сознания детерминирован объективными и субъективными обстоятельствами. К объективным относятся условия общественного и личного бытия. Субъективные детерминанты освоения личностью содержания общественного сознания обусловлены той социальной атмосферой, которая создается в данном обществе и выражается в господствующих морали, традициях, национальных обычаях и других проявлениях духовности. Они также выражаются в ее социально-психологических особенностях, а также в таких социальных характеристиках, как мировоззрение, убеждения, интересы и т.д.

Современная социологическая интерпретация общественного сознания использует несколько вариантов его исследования. Основой для всех из них является признание того, что оно (общественное сознание) представляет собой *реальное, практически функционирующее сознание*, в котором в самых различных комбинациях, в самых разных сочетаниях органически переплетаются теоретическое (научное) и обыденные его компоненты. Варианты этого сочетания весьма разнообразны, и социологи в большинстве случаев стремятся выявить уровень и степень присутствия того или другого и возможные их соединения в практическом, реально функционирующем сознании. Иначе говоря, в жизни (а не

в теории познания) мы имеем дело с *реальным (реально функционирующим, практическим) сознанием*, в котором в самой причудливой форме, в самых разнообразных пропорциях переплетены и научные взгляды, и обыденные представления, мифологизированные суждения и заблуждения, политизированные установки и примитивные ориентации, существенно варьируемые и видоизменяемые у разных социальных групп и слоев. Можно только предположить, что по мере социального развития общества обыденное (повседневное) все больше будет замещаться научным, теоретическим знанием, но полного вытеснения обыденности никогда не произойдет.

Признавая реально функционирующее общественное сознание, социология, в о - п е р в ы х, исходит из того, что *оно вырастает из непосредственно практической деятельности, не отделено от общественного бытия*. Более того, оно отражает (и думается, вполне обоснованно) не только случайные, стихийные связи и отношения, но и устойчивые закономерности и тенденции развития общества (пусть и в несовершенном виде). Человек развивается как родовое, общественное существо и прежде всего при помощи своего сознания и его реализации во всех сферах общественной жизни.

В о - в т о р ы х, *реальное сознание по своему содержанию представляет собой сочетание рационального и эмоционального*, переплетение мировоззренческих элементов, устоявшихся традиционных связей и привычек. И если эмоциональный компонент реального сознания больше связан с непосредственным впечатлением, сиюминутным воздействием, то его рациональная часть может интегрировать (синтезировать) и прошлый опыт, и уроки не только личной, но и общественной жизни, улавливать социальное звучание происходящих событий. В этом и проявляется то, что роднит отдельные

элементы практического восприятия действительности с научным, теоретическим сознанием. Преобладание стихийного, эмоционального в реальном сознании и поведении ни в коей мере не снимает значимости рационального, возможности, что оно в конечном счете будет определять направленность и зрелость общественного сознания и общественной деятельности.

В - т р е т ь и х, *реальное сознание* присуще не только отдельной личности или случайным группам людей. Оно — *продукт коллективного творчества, характерного как для всего общества, так и для социальных групп, слоев и общностей.* Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение сложившихся условий существования, реальное сознание приобретает самостоятельную роль, выражаясь в мировоззрении, мировосприятии, общественном мнении, умонастроении людей.

В - ч е т в е р т ы х, *реальное сознание* включает в себя *здоровый смысл,* который не отрицает возможности познания глубинных сущностных процессов; он предполагает его постоянное обогащение и использование в практической жизни. Реальное сознание не является результатом какой-то специализированной деятельности (в отличие от конкретных ее видов — политической, эстетической, нравственной и т.д.) и воспроизводится всеми видами деятельности человека. Так как деятельность человека несет в себе принципиальные, сущностные моменты общественной деятельности, то можно сказать, что сознание, порожаемое этой деятельностью, способно фиксировать общую линию развития. То, что это сознание оперирует первичными мыслительными формами, ни в коей мере не означает, что сфера реального, практического сознания ограничивается только мелкими вопросами бытия. Именно

это противоречие — личностное отражение непосредственно окружающей действительности и возможность глубинного, а не поверхностного ее восприятия — и характеризует состояние реального сознания и соответствующее поведение людей.

Хотя реальное сознание формируется под влиянием непосредственного опыта, в общественном воплощении оно образует своеобразное явление, творцом которого выступают класс, нация, социальная группа или социальный слой. Реальное сознание не есть собрание или механическое обобщение идей и взглядов — оно образует *новую специфическую сущность,* в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им общественно-го бытия.

И н а к о н е ц, *реально функционирующее сознание отражает социальные противоречия, широкую гамму повседневных коллизий и иллюзий, нередко очень близких по своей сути к обыденному сознанию.* Оно также включает расходящиеся, парадоксальные и даже противостоящие друг другу мнения, суждения, действия, которые существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей, одновременно и искренне исповедующих взаимоисключающие установки и ориентации. Иначе говоря, живое, практически функционирующее сознание — это и есть сознание деятельного человека.

Реальное сознание в социологии может рассматриваться по уровням: индивидуальное, групповое, общественное, которые в свою очередь могут анализироваться по-особому, исходя из того, что все они представляют определенную социальную реальность. Так, *индивидуальное сознание* интересует социологию только в связи с проявлением повторяемости неких социальных характеристик, которые присущи определенной совокупно-

сти людей. *Групповое сознание* проявляет себя в самых разнообразных ипостасях — как профессиональное, национальное, классовое, территориальное, поселенческое и т.д. В *общественном сознании* выявляются тенденции и направления развития его основных модификаций. Так как общественное сознание никогда не бывает однородным, то оно представляет интерес для определения основных показателей его состояния и главных изменений в течение определенного отрезка времени. Все эти уровни сознания имеют как общие, так и специфические характеристики. В этой цепи рассуждений общественное сознание выступает в качестве высшей формы, которое охватывает восприятие всех сторон общественного бытия; всю совокупность общественных проблем.

Для социологии реальное сознание предстает и как *политическое, экономическое, правовое, эстетическое, этическое сознание и другие его виды*, которые обычно связаны с видами деятельности, в которых реализуются устремления людей, социальных групп и общностей, направленные на достижение намеченных целей. Отражением этого является значительное количество исследований, которые стали объектами изучения как отечественными, так и зарубежными социологами.

Реальное сознание представлено также превращенными его формами — *парадоксальное, катастрофическое, патологическое, демагогическое, сумеречное, протестное, утопическое, иллюзорное и т.д.* Интерес к ним также значительно вырос в конце XX — начале XXI в. Им посвящены многочисленные исследования, которые дали весьма интересные результаты и по которым можно судить о ценностном мире людей, об аномии, фрустрации, эксклюзии, о таких новых явлениях, как парадоксальность, кентавризм, фантомность. Говоря о реальном сознании, уместно сделать еще два замечания.

В о - п е р в ы х, его нельзя отождествлять с массовым сознанием. Последнее олицетворяет такое общественное явление, которое оперирует понятиями «массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности» (Б.А. Грушин, 1987). Такой подход ограничивает анализ общественного сознания, ибо ставит вопрос: а куда отнести сознание немассовое, отражающее позиции небольших, незначительных групп и слоев, отдельных личностей? Понятие «массовое сознание» пренебрегает этими формами сознания. Его применение ведет к игнорированию и отвержению (особенно в политической жизни) того сознания, которое в самом деле не отражает мнения массы, но способно предвидеть и определять будущее состояние общественной жизни. Не об этом ли говорит жизнь академика А.Д. Сахарова, гражданские позиции которого долгое время не разделялись официальными органами, не были поняты широкими кругами общественности, ибо его сознание не подпадало под понятие «массовое»? Иначе говоря, в понятие «массовое сознание» никогда не будет включено сознание новатора-художника, писателя, композитора, хотя по ряду показателей оно мало чем отличается от жизненных установок большинства людей. Под массовое сознание не подпадают и взгляды, мнения тех групп людей, которые в силу исторических причин не вошли в полный контакт с мировой цивилизацией и сохраняют приверженность особому, например, патриархальному укладу жизни. Преувеличение роли массового сознания в недавнем прошлом являлось основанием для игнорирования и даже преследования тех, кто не вписывался в его рамки, «выпадал» из привычного, санкционированного, официально одобренного.

Несовпадение массового сознания с реальным, практическим проявляется и в случае его функционирования в негативном плане, когда ценности, установки, взгляды характеризуют деформированную позицию, ущербный уклад жизни и специфическое восприятие действительности.

Поэтому, признавая большое значение такого явления, как массовое сознание, целесообразнее рассматривать реальное, практически функционирующее общественное сознание во всей его сложности, противоречивости, конфликтности, без изъятия из него сознания не только отдельных социальных общностей, но и каждой личности.

В о - в т о р ы х, исследования общественного сознания не следует сводить к общественному мнению. Исследование последнего, как правило, нацелено на изучение реакции населения на актуальные, злободневные проблемы, волнующие людей на данном этапе развития общества. Эти исследования дают оперативную информацию, но обычно затрагивают поверхностный слой общественного сознания и поэтому о нем можно судить с известной степенью условности.

Логика исторического развития свидетельствует, что общественное сознание приобретает все более значимую роль в решении социальных проблем, растут масштабы его влияния на процессы, происходящие как в мире в целом, так и в любом обществе (государстве), в экономических, социальных, политических и других организациях, в жизнедеятельности всех социальных групп, слоев, общностей. Этот процесс соответствует общей тенденции возрастания роли субъективного фактора, субъектности, значимости и влияния таких характери-

стик общественного сознания, как достоинство, самоутверждение, самоуважение, что служит возвышению человека в условиях непрестанных попыток подчинить его ум и разум то политическим, то экономическим, то техническим новациям, которые сами по себе не могут (и не должны) быть самодовлеющими факторами.

Таким образом, **реальное, практическое сознание** — это функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как ее закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к общественному сознанию как реально функционирующему сознанию, как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, и образует сущность его социологической интерпретации.

Основная литература

- Лекторский В.А.* Сознание // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 567—589.
Сознание общественное, Сознание политическое // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 436—439.
Сознание // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 681—683.
Тощенко Ж.Т. Социология. М. 2005. С. 48—56.

Дополнительная литература

- Барулин В.С.* Социально-философская антропология. М., 1994.
Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. М., 1999.
Леонтьев А.Н. Деятельность — сознание — личность. М., 1975.
Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
Михайлов Ф.Г. Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990.
Общественное сознание и его формы. М., 1986.

*А.Е. Крухмалев,
Ж.Т. Тощенко*

Основные компоненты общественного, группового и индивидуального сознания

Знание (1)¹

Анализ исторического пути генезиса идей о знании позволяет сделать вывод, что **знание** — это *результат познавательной, мыслительной деятельности человека в форме представлений, суждений, понятий, идей, теорий об окружающем мире и о самом человеке*. Знание как интеллектуальный феномен является предметом изучения философии (гносеологии). Она рассматривает знание в первую очередь с точки зрения адекватности, объективности, истинности отражения в нем реальной действительности и отвечает на вопросы: «Что есть знание? Что есть истина? Как возможно познание?»

Различают широкое и узкое понимание знания.

В *широком смысле* знание — знание законов природы, знание знаков и символов вообще, приобретенные из учебников или научных книг: знание правил и знаков уличного и дорожного движения, полученные в семье и школе, знание традиций, ритуалов, религиозных верований, как следствие повседневной жизни, знание прогноза погоды, примет, сообщения СМИ и т.д. Таким знанием в той или иной форме, в той или иной степени обладают все люди, оно им необходимо в обыденной и трудовой жи-

ни. Американский ученый Ф. Махлуп выделяет пять типов знания в широком смысле: 1) практические знания, которые пригодны в работе и в быту; 2) интеллектуальные знания, удовлетворяющие творческую любознательность человека; 3) бесполезные и развлекательные знания — слухи, чтиво, шутки, игры и т.д.; 4) духовные знания — о морали, религии, боге, спасении души; 5) нежелательные знания — вне сферы интересов и целей человека. По мнению В.Д. Плахова, знание можно классифицировать на: повседневное, образное (литература, искусство, журналистика), фиктивное (теология, богословие, каббалистика), научное, основанное на наблюдении, анализе, эксперименте.

Знание в *узком смысле* — знание, полученное научными методами, обоснованное логически и (или) экспериментально, в том числе практикой, знание, организованное в некоторую систему и способное к передаче другим через средства коммуникации. Элементы такого знания люди получают в процессе образования, и чем выше уровень образования, тем большим объемом таких знаний располагает человек, но тем меньшее количество людей им обладают.

¹ В словаре-справочнике даются две статьи, в которых трактуется понятие «знание» с различных методологических позиций.

Однако большая часть наших знаний состоит из знаний в широком смысле. Даже у очень образованных людей, ученых, удельный вес научных знаний значительно меньше общего объема знаний. Во всяком случае у большинства людей доля знаний в широком смысле гораздо больше, чем доля научных знаний.

Социальные аспекты знания интересовали мыслителей практически во все времена (Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Ш. Монтескье, И. Кант). Социология как самостоятельная наука формирует собственно социологические — методологические, теоретические и эмпирические — подходы к анализу знания. Причем социологический подход к изучению знания существенно отличается от философского. Социология исследует знание прежде всего как *продукт* и *фактор* социальной жизни людей. Как продукт она предстает в двух формах: 1) как теоретическое и эмпирическое; 2) как научное (специализированное) и повседневное.

Основатели социологии и классики социологической мысли считали исследование знания ее важнейшим направлением. К концу XIX в. и в XX в. социологический анализ знания становится все более востребованным в теоретическом и практическом отношениях, в результате чего формируются отраслевые социологические дисциплины: социология знания (познания), социология науки, наукометрия, социометрия, информатика и др. Во второй половине XX в. социологический анализ знания, прежде всего научного, и информации становится важнейшей составной частью теорий постиндустриального и информационного общества, «третьей волны» и т.д.

В XX в. проблематика взаимосвязи между духовными продуктами (знанием в широком смысле) и их экзистенциальными (обуславливающими) факторами стала основным предметом исследований *социологии знания* (М. Шелер, К. Мангейм и др.). По их мнению, эта дисциплина

ориентирована на то, чтобы представить все знание (а не только идеологии) в той или иной форме как социально обусловленное. Важнейший принцип социологии знания гласит: человек есть то, что он знает, а то, что он знает, детерминируется знанием социальной группы. Согласно Р. Мертону, социология знания включает пять групп проблем: 1) обоснование элементов и структур «экзистенциального базиса» знания (такowymi могут быть социальные позиции субъектов, социальные и классовые интересы, ценности, организационные структуры и т.д.); 2) определение типов духовных продуктов, которые подлежат социологическому анализу (идеологии, верования, достижения позитивной науки и т.д.); 3) анализ характера обусловленности духовных продуктов их «экзистенциальным базисом» (причинная, функциональная и т.д.); 4) выявление явных и латентных социальных функций знания (поддержание или критика существующей власти, вуалирование, мифологизация социальной действительности и т.д.); 5) анализ условий, при которых достигается соединение, интеграция определенных духовных продуктов и «родственных» им экзистенциальных факторов.

В целом круг проблем социологии знания очень широк, они носят зачастую междисциплинарный характер. В качестве примера можно привести классическое исследование отечественного историка науки Б.М. Гессена о социально-экономических корнях механики И. Ньютона.

Одним из важнейших направлений в социологии знания в XX в. стало исследование социальных факторов, способствующих получению достоверного научного знания (таковы, например, социальные условия и гарантии свободы научного исследования, свободы выражения научных взглядов и мнений и т.д.). На феноменологических посылках основывается широко распространенная ныне, прежде всего в американской социоло-

гической литературе, версия социологии знания как изучение процессов «социального конструирования реальности» (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Суть ее — в переносе исследовательского интереса с идеологий, философских мировоззрений, категорий мышления на сферу обыденного сознания и повседневного знания людей. Такое знание имеет четко выраженную социальную природу и существенно различаются в разных типах обществ. Это означает, что сама социальная реальность «конструируется» из совокупности знаний, представлений людей о социальном мире в процессе взаимодействия (интеракции) индивидов. Социальная реальность такова, как она существует в человеческом сознании — коллективном (объективная реальность) и индивидуальном (субъективная реальность). Она детерминируется представлениями людей, в этом и заключается социальная функция знания.

Наиболее важными являются следующие направления социологического анализа знания.

1. *Социально-генетическая обусловленность знания, генезис представлений о нем, определение и описание типов, уровней и отраслей знания в отношении их содержания и времени и места их возникновения.* Такой подход к знанию нашел отражение в марксистском направлении в социологии (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, А.А. Богданов, А. Грамши и др.), которое акцентировало внимание на классовых корнях социальных теорий и особенно социальной детерминированности ложного сознания, прежде всего идеологий, мифов, массовых иллюзий и т.д.

2. *Знание как продукт человеческого общения, как социальный продукт.* При такой трактовке определяются его качественные характеристики в отличие, например, от некоторых «знаний» и «умений», имеющих в животном мире, даже у человекообразных обезьян. Феномен знания определяется не только

физиологическими и анатомическими особенностями человека, но в первую очередь социальными потребностями людей получать знания об окружающем мире и самих себе, обмениваться ими, накапливать и передавать последующим поколениям в процессе совместной жизни и деятельности. Не существует «чистого» знания, не связанного с социальными условиями существования познающего субъекта, будь то индивид или социальная группа. Любое знание всегда или определяется, или опосредствуется социальными факторами — социальным положением человека, его культурным и интеллектуальным уровнем, окружающей средой и т.д. Этим важнейшим обстоятельством определяются основные характеристики знания, в том числе его объем, дифференциация и интеграция.

3. *Знание как фактор человеческого поведения и как фактор любой активной (производственной, научной, общественной и т.д.) деятельности в частности.* Эта проблематика анализировалась в свое время еще П.А. Сорокиным (1889—1968). Он указывал, что знания (в широком смысле, независимо от того, истинны они или нет) являются настоящей силой, повелительно побуждающей человека действовать таким, а не иным образом. При этом он различал знание как внутренний субъективный фактор (мотив) индивидуального поведения и деятельности человека и как объективный фактор, дающий возможность человеку, социальным группам, организациям, государствам планировать коллективную познавательную и практическую деятельность. Знание таким образом объективируется, овеществляется в материальной среде, производительных силах, общественных отношениях. Весь наш предметный и социальный мир есть в той или иной форме реализованное, овеществленное знание. Познавая природу, ее законы, люди меняют свое поведение,

меняют структуру, характер и направление своей деятельности. Познавая социальную реальность, общественные связи и отношения, люди также меняют или во всяком случае должны менять свое поведение. В этом также заключается одна из социальных функций знания.

4. *Знание как непосредственная производительная сила общества.* Это положение яркое воплощение впервые получило в формуле Ф. Бэкона: «знание — сила». Особую значимость оно приобрело во второй половине XX в., когда в индустриально развитых странах стала разворачиваться научно-техническая революция и наступал период постиндустриального развития. В зарубежной и отечественной социологической литературе в этой связи обращалось внимание на два момента. Первый касается взаимодействия науки и техники, технологии: если в XVIII и XIX вв. техника создавалась на базе эмпирического опыта, путем проб и ошибок, а наука (математика, механика, физика) формулировала свои законы и теории исходя из уже имеющегося опыта, то в XX в. такое положение изменилось коренным образом. Теперь создание техники и технологии становится возможным только на основе уже сформулированных научных положений. Технология становится материальным воплощением науки и получает название «высокая технология». Технологические возможности общества определяются его научным потенциалом. Машинная технология уступает место интеллектуальной технологии, т.е. технологии выработки нового научного знания и его реализации. Этот переворот имеет глубокие социальные последствия, обуславливает изменения в социальной структуре общества. Кроме того, изменяются взаимоотношения фундаментальных и прикладных исследований. В условиях становления постиндустриального общества приоритет приобретает фундаментальная наука. Это обусловлено изменениями в характере

технологических новаций и их реализации. Основным принципом новаторства, как доказывают теоретики постиндустриального общества, становятся фундаментальные прорывы в области теоретического знания (биофизика, микробиология, нанотехнологии, информационные технологии и другие науки).

5. *Знание как фактор власти человека над человеком, человека над природой, одной социальной группы (государства) над другой (над другим государством).* Тема «знание как источник власти» все больше становится в центре внимания философов, правоведов, социологов. Ныне в условиях беспрецедентного роста объема и возрастания социальной роли знания и информации эта тема приобретает новое звучание. В частности, Э. Тоффлер обращает внимание на то, что именно знания дают начало новой экономической системе, основанной на использовании информационных технологий общества «третьей волны». Знания — это особая форма богатства («символический капитал») и высшая (по сравнению с силой и богатством) форма власти в постиндустриальном (информационном) обществе. Д. Белл определяет информационное общество как такое, в котором существуют научный потенциал и способность трансформировать научные знания в конечный продукт.

6. *Знание как фактор социальной стратификации и как структурообразующее начало в современном постиндустриальном (информационном) обществе.* Производство знаний (и информации) становится самостоятельным и все более расширяющимся сектором всего общественного производства. Значительная часть занятого населения (в развитых странах — более половины) трудятся в различных отраслях этого сектора. Возрастает объем затрат на производство знаний и их распространение, в том числе через образование, в общегосударственном (общенациональном) и региональ-

ном масштабах, а также в структурах бизнеса. Возрастают и семейные затраты на получение качественного образования молодым поколением. Анализ этих и других новейших тенденций современного социального и интеллектуального развития дает основание ряду зарубежных и отечественных авторов говорить о том, что эти тенденции свидетельствуют о формировании такого типа общества, которое можно называть *обществом знаний, обществом, обладающим знаниями, информационным обществом*.

Таким образом, знание само по себе в чистом виде вне связи с субъектом, его гносеологическими (познавательными) способностями, и социальной памятью не существует. Знание выступает в виде *формы* (материализованное знание) и в виде *содержания* (в том числе и в виде научного знания). Причем познание зависит от времени и места (в XX в. оно не такое, как было в предшествующие эпохи), от особенностей познающего субъекта (так представление о человеке у верующего и ученого разные), от интерпрета-

ции в различных областях знания — в философии, экономике, праве, теологии и других науках.

Основная литература

Москвичев Л.Н. Социология знания // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.

Дополнительная литература

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.

Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1992.

Мегрелидзе Р. Основы социологии мышления. Тбилиси, 1973.

Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.

Тоффлер Э. Третья волна. М., 1997.

Л.Н. Москвичев

Знание (2)

Знание — это знаковая система, которая формируется в процессе производства и освоения человеком представлений об окружающей его реальности.

Знание возникает как непосредственный результат познания (отражения) действительности в мышлении. Оно неразрывно связано с восприятием и опытом, осуществляется в форме внутренней речи, которая «есть озвученное мышление», в нем также большое значение играют чувственные образы, выступая промежуточным этапом между действительностью и понятиями. Знание выступает результатом интерпретации человеком действительности, в ходе которой он не разделяет свое Я и отражение реальности

в собственном мышлении. Как считал А. Шопенгауэр (1788—1860), внешний мир, будучи познанным, становится представлением. При формировании знания большое значение имеет повторение процесса познания определенных внешних объектов.

Если в детстве мы узнаем от родителей, что подарки на Новый год приносит именно Дед Мороз, то мы уже кое-что знаем о нем, несмотря на то, что в реальности его никто и никогда не видел.

Знание каждого человека многогранно и формируется под воздействием различных явлений и процессов, но прежде всего в результате социальной коммуникации. Поэтому знание называют ге-

терогенным явлением. Было бы наивно объяснять обусловленность представлений только одной какой-то причиной, будь это обладание средствами производства или резкое падение уровня доходов.

Коллективное знание или коллективные представления обладают для социологии повышенной важностью и включаются в реальности, которые обозначаются понятиями «социальное знание» и «общественное сознание», поскольку общество — это не коллектив, а отношения, существовавшие или существующие между людьми.

Под представлением чаще всего понимают знание, обладающее именно социальной природой.

Н.Н. Козлова связывает употребление понятия «представление» в социальных науках с необходимостью обозначить «три важнейшие реальности»: 1) коллективные представления людей (классификации социального мира); 2) формы маркирования человеком собственной социальной позиции; 3) длительное проявление социального качества в представителе группы. О чем бы ни шла речь: о стереотипах, социальной роли или социальном статусе, социальном воспроизводстве или о чем-то другом, в современной социологии все социальные феномены могут быть рассмотрены и в конечном счете рассматриваются с учетом знания о самом знании как социальном феномене.

Несмотря на то, что знание идеально по форме и содержанию, мы имеем дело с его материальным по форме и содержанию воплощением — в речах и текстах, магии, технике, науке и т.д. Эмиль Дюркгейм (1858—1917) и Марсель Мосс (1872—1950) небезосновательно считали подлинными социальными институтами именно схемы мышления. Исследованием знания традиционно занимается отдельная отрасль социологии — социология знания.

Хотя в настоящее время стало возможным объяснять понятие «знание», осно-

вываясь на социологических данных, стоит понимать, что язык социологии в этом вопросе значительно обогащен данными философии, лингвистики, а также психологии. Социология в свою очередь оказывает значительное влияние на перечисленные отрасли знания. Но только на социологическом уровне осмыслить столь сложный феномен вряд ли удастся, впрочем, как и только на уровне психологии, лингвистики или философии. Поэтому в изучении знания часто используется междисциплинарный подход. Это связано с гетерогенностью и универсальностью знания, необходимостью понять не только знание другого или других, но и свое собственное.

Следует помнить, что категория «знание» в социологическом мышлении безоченна, нельзя сказать, что кто-то знает, а кто-то не знает и поэтому он хуже. Не существует людей, которые воспитывались и жили в коллективе и которые бы ничего не знали. На взгляд социолога, и студент и профессор обладают знанием. Но не менее важно, что это знание разного качества. Это качество социально обусловлено.

Согласно установке классического фундаментализма, знание в процессе мышления могло выводиться из другого знания и основываться на самом себе. Природа знания в фундаментализме связывалась с рациональным (рационалисты: Р. Декарт, Б. Спиноза) или же с эмпирическим (опытным) основанием мышления (эмпирики: Дж. Локк, Д. Юм, Э. Кондильяк). И рациональное и эмпирическое мышление в процессе познания опирается на конечные истины, полагая целесообразность своим отправным пунктом. Рациональное мышление приписывает чистую объективность окружающему миру и сведение к минимуму субъективности познания. В силу конечности мышления в классическом рационализме, субъект обладает безграничными возможностями в познании мира, и пола-

гает его внешним по отношению к человеку. Возможности мышления человека казались безграничными. Такой вид рационализма в настоящее время принято называть «классическим». Именно в рамках фундаментальных концепций проблемы познания, как ключевая для понимания феномена знания, оформилась практически в современном виде.

Как считал Р. Декарт (1596—1650), к группе универсальных представлений относится, например, идея о превосходстве целого над его частью.

И. Кант (1724—1804) показал, что посредством чувств объекты нам даны, мыслятся же они рассудком. Априорное знание — это знание субъекта с его собственными законами чувственности и интеллекта (соответственно, апостериорное — это знание, возникающее после обретения опыта). Субъективное Я (самопредставление), которое ранее рассматривалось как индивидуальное Я эмпирического субъекта, выступает, по Канту, структурой мышления. Трансцендентальным знанием И. Кант называет знание, которое делает возможным само применение априорного познания. В действительности мы улавливаем не сам объект, а то, каким он предстает для нас. Особую роль И. Кант приписывает категориям пространства и времени, которые и реальны и идеальны одновременно. Любой объект становится реальным в результате его определения в пространственно-временном континууме, но ведь категории пространства и времени — это особые формы чувственности субъекта. И только для Бога, но не для человека, по мысли Канта, объективный мир выступает полностью открытым. Важно понимать, что И. Кант не отрицает объективный мир и, тем более, объективность познания, но полагает его объективность исходя из специфики познания.

Уже в современной эпистемологии (философском учении о знании) выделяются следующие виды знания: перцеп-

тивное знание (знание-восприятие), обыденное знание или повседневный опыт и научное знание (критический реализм). В реальности эти виды знания сосуществуют и тесно связаны друг с другом.

1. *Перцептивное знание. Например, наблюдая цветок, мы можем видеть лишь его определенную часть: лепестки с внешней стороны, но мы подразумеваем существование их внутренней стороны и так далее, следовательно мы «мыслим» цветок, а не просто воспринимаем его. Лишь часть увиденного ведет нас к определению объекта в качестве «цветка».*

2. *Обыденное знание. Во время одного из опросов, проводившихся среди желающих поступить в вуз, некоторые респонденты называли в качестве цели получения высшего образования желание иметь и воспитывать собственных детей. Но очевидно, что для того, чтобы иметь и воспитывать собственных детей, совершенно не необходимо иметь высшее образование. Однако, с точки зрения респондентов, эта мысль совершенно обоснована, поскольку в той социальной группе, в которой они сами выросли, готовность к воспитанию детей зависит в конечном итоге от определенной степени социальной зрелости, которая подтверждается наличием диплома о высшем образовании. Все, что подпадает под «определенную степень социальной зрелости», было пропущено как «само собой разумеющееся», и это выразилось в языковом клише. Обыденное знание формируется в реальности повседневной жизни: то, что считалось соответствующим «здоровому смыслу» еще вчера, сегодня может оказаться полной нелепицей. Обычно обыденное знание принято отождествлять с локальным знанием.*

3. *Научное знание. Хотя мы можем называть кусты роз на даче «цветами», но в ботанике розу принято относить к «кустарникам».*

П. Бергер и Т. Лукман приписывают К. Марксу основную идею социологии знания о том, «что социальное бытие

определяет человеческое сознание». Но только немецкий философ М. Шелер указал на то, что социальность знания есть непереносимое условие смыслового порядка индивидуального сознания, который оно может воспринимать в качестве самоочевидного. Желая показать двойкий характер априорного знания, М. Шелер назвал его «относительно-естественным мировоззрением». Социолог Карл Мангейм показал, что не только сами идеи, но и их содержание может быть рассмотрено как результат общественных отношений. С одной стороны, он выступал против идеализма, в котором знание довлело над социальным субъектом. А с другой — против марксизма, в котором знание выступает результатом классовой борьбы (к которой сводится бытие), а идеология определяется главным образом как ложное сознание.

Джон Остин, создавший теорию социального взаимодействия в форме «речевых актов», показал, что целью речевой деятельности выступает не столько передача знания, т.е. непосредственное описание объектов, а прямое воздействие на социальную реальность.

То, что выражено посредством языка — это не единственная форма знания, хотя и единственная, доступная для наблюдения исследователям. М. Полани предложил концепцию «неявного знания». По его мнению, логико-вербальным формам передачи знания противостоят неконцептуализированные формы трансляции знания, к которым относятся демонстрация, подражание и пр. Ведь в каждом познавательном акте познание обращено как на объект, так и на систему, в которую этот объект включен, причем чем эта система значительнее, тем знание о составляющих целого менее выражено.

В соответствии с теоретической установкой феноменологической социологии, в которой категория «знания» является центральной, грань между научным и обыденным знанием не имеет принципиаль-

ного значения (но это не означает, что ее не существует в реальной жизни!). Знанием в феноменологической перспективе является все, что считается знанием в обществе. Обыденное знание обеспечивает реальность окружающего мира и человека как единого целого.

Знание социально распределено в обществе. Причинно-следственная связь, очевидная для одних, совершенно непонятна другим. Социальное распределение знания, в свою очередь, связано с процессом легитимации или признанием той или иной идеи соответствующей реальности. Необходимость в легитимации знания возникает, когда существует потребность в его передаче следующему поколению, она связана с процессом социального воспроизводства. Процесс легитимации включает в себя несколько этапов, начиная с поиска приемлемого ответа на вопрос ребенка «почему?» и заканчивая формированием «сложных символических универсумов», к примеру науки. Особенностью «символических универсумов» является то, что они уже совсем не связаны с повседневной жизнью (например, научное знание становится таковым, потому что в нем реальность принимает форму научной теории). Но проблеме связи теоретического, научного знания с повседневным можно описывать и в чисто исторических категориях, например, как процесс складывания классовых отношений в XIX в., как это делал К. Маркс.

П. Бурдьё настаивал на принципе исторического рационализма как основном методе социального познания. Он предложил определенный вариант примирения субъективизма и объективизма в интерпретации знания в рамках развития позитивного научного познания. По его мысли знание, выступающее объектом социологического анализа, является неотрефлексированным знанием, существующим в габитусе, т.е. совокупности определенных предрасположенностей восприятия, мышления и действия, ко-

торые выражены в практическом действии. Таким образом, чтобы понять специфику чужого знания, социолог должен постоянно объективировать предпосылки собственного мышления, тем самым обеспечивая автономию социальных агентов как познающих субъектов. Изучение знания — это умение найти баланс между релятивизмом, ведущим к относительности добра и зла, и фундаментализмом, абсолютизирующим источники истинного познания. Выступая универсальной объясняющей категорией, знание не может быть адекватно интерпретировано социологом вне реконструкции

особенностей процесса познания, причем как познания «другого», так и своего собственного.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Медиум», 1995.

Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма '97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996.

Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: «Университетская книга», 2000.

Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.

А.Б. Росляков

Информация

Обычно под *информацией* понимаются сведения, сообщение, уведомление, известие, представление о чем-либо, позволяющее узнать что-то новое, ранее неизвестное или подтвердить то, что уже известно.

Первые попытки научного изучения информации (от лат. *informatio* — разъяснение, изложение, осведомленность) относятся к 20—30-м годам XX в. До этого времени информация понималась только как сведения, некоторая совокупность сообщений. Радикальное изменение представлений о ней связано с созданием статистической теории информации К.Э. Шенноном (1916—2001), кибернетики Н. Винером (1894—1964) и У.Р. Эшби (1903—1972). Шенон предложил способ измерения количества информации, содержащейся в одном случайном объекте (события, величины, функции и т.д.) относительно другого случайного объекта. Этот способ позволяет выражать количество информации числом. В то же время в теории К. Шеннона под информацией понимались не любые сообщения, которыми обмениваются люди и которые передаются по техническим каналам связи, а лишь уменьшающие неопределенность у получателя определенных сведений.

Неопределенность существует тогда, когда происходит выбор одной из двух или большего числа возможностей. Это имеет место не только в процессе познания, но и в коммуникации, в управлении, как в общественных сферах, так и за их пределами.

На первых этапах развития кибернетики понятие «информация» было значительно расширено и конкретизировано, но все же оно понималось только в рамках восприятия окружающего мира, трансформированного через возможности ЭВМ. Н. Винер по этому поводу писал: «Информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств».

Последующие исследования показали, что понятие «информация» значительно более емкое и, что очень важно, существующее не только в нашем сознании, но и вне нашего восприятия. Другими словами, весь окружающий нас мир, как доступный, так и не доступный, имеет информационную структуру.

ру. Обмен сведениями происходит не только между людьми, но и между человеком и автоматом, автоматом и автоматом, а также в процессе обмена сигналами в животном и растительном мире. В результате современная трактовка информации отражает в основном сведения от трех классов систем: 1) искусственных (технических) — от простейших регуляторов до глобальных компьютерных комплексов; 2) естественных (живых) — от генов до социальных сообществ, 3) смешанных (человек-машина).

Понятие информации, получившее развитие в сфере частных наук, стало постепенно приобретать черты общенаучности. Оно вышло за рамки специальных дисциплин, и даже такой широкой, как кибернетика. Проблема информации заняла особое место в науке, что потребовало решения ряда важных вопросов теоретико-методологического и социального характера. И в первую очередь это вопрос *соотношения информации и знания*.

Как уже было сказано, мир имеет информационную структуру, существующую по своим законам независимо от человека. Информацию о себе несут камни, цветы, насекомые, животные. Когда же происходит процесс «чтения», «раскодирования» этой информации, у человека возникает частное знание о предмете. Другими словами, информация трансформируется под воздействием познающего субъекта, т.е. становится элементом сознания человека. Таким образом, *сознание устанавливает связь между информацией и знанием*.

Информация в процессе превращения ее в знание претерпевает качественные изменения. Сознание играет роль «фильтра» информации. Оно ее упорядочивает, сокращает, типизирует, приводит в соответствие с предыдущим опытом: иначе человек не смог бы ориентироваться в бесконечном потоке информации. Таким образом, можно утверждать, что информация о мире всегда больше нашего знания

о нем. И хотя наше знание всегда субъективно, но это не свидетельствует, что оно не истинно: это означает только то, что оно не полно и является относительным.

В свою очередь *знание может трансформироваться в информацию*, когда отделяется от своего непосредственного носителя. Это происходит тогда, когда знание обретает смысл. Под смыслом здесь понимается не глубинное знание природы вещей, а такая интерпретация информации, с которой соглашаются (признают) другие люди. Подобное соглашение происходит благодаря удалению всего индивидуального, своеобразного и неповторимого, что есть в знании одного человека и аналогичной деятельности в знании другого человека, т.е. благодаря процессу типизации. Типизация подобна вывариванию соли или добыче золота. В конечном счете остается только общее, присущее всем людям. В этом случае знание начинает иметь характер объективированности, приобретая свойства информации, т.е. становится автономным от субъекта исследования. Следует оговориться, что эта информация второго порядка, имеющая свои отличия от информации, полученной непосредственно из мира. Таким образом, можно сказать, что информация, объективно существующая в мире, в процессе ее осознания трансформируется сначала в частное индивидуальное знание, которое в свою очередь в процессе обретения им смысла трансформируется в объективированное, несущее в себе характеристики, как информации, так и индивидуального знания. Отсюда становится очевидным, что знание является следствием диалога, т.е. имеет конвенциональный (договорной) характер, а также то, что любое знание является информацией, но не любая информация является знанием.

Обобщая сказанное, можно резюмировать: *информация отвечает на вопросы: «что», «где», «когда», «сколько», в то время как знание концентрирует внимание на вопросах «как», «почему», «что».*

Особо следует подчеркнуть, что знание претендует на понимание причинности.

Важнейшей особенностью информации является *двойственность ее природы*. Как отражение явлений, процессов, закономерностей объективного мира, по природе своей она идеальна и проявляется в материальных объектах, знаках.

Информацию о себе несет все живое и неживое в мире. Однако полезным будет разделить эти потоки информации по видам их источников, так как очевиден тот факт, что к различным объектам необходимо применять и различные методы сбора информации об этих объектах. Социологов интересует не вся информация, представленная в этих источниках, а только та, которая имеет социальное значение, а последнее в свою очередь определяется той специфической предметной областью, которую изучает социология.

Источники информации в свою очередь имеют ряд носителей.

1. *Материальные вещи*, все предметы живой и неживой природы. Для социологов представляют интерес все артефакты социально-культурной деятельности человека. Дома, предприятия, пашни, убранство квартиры, орудия труда и войны могут многое сказать нам об уровне социального развития общества, образе жизни людей, о тех нормах-ценностях, которых они придерживаются.

2. *Человек* (его тело) является неисчерпаемым источником информации. Например, полнота человека свидетельствует об образе жизни человека и его трудовой деятельности. Или, например, если человек выглядит старше своих лет, то можно предположить, что он занимается тяжелым физическим трудом, а характеристика «старше своих лет», данная исследователем, живущим в том же обществе, может позволить выявить ценностные ориентации этой группы людей. И определение «старше своих лет» относит индивида к девиации, ибо говорит, что в данном обществе ручной

труд не является ценностью. Важным являются все производные характеристики, например количество заболеваний, уровень смертности, количество рождений, количество и качество принимаемой пищи и т.д.

Особым источником информации является лицо человека, его мимика и жесты.

3. *Слово (символ, знак)* являются наиболее распространенным источником информации, но в то же время и самым проблемным. Во-первых, в отличие от тела или мимики слово легко контролировать, а значит, утаивать невыгодную или неудобную информацию, во-вторых, чтобы быть понятным другим, слова обладают «смыслом», т.е. упрощают действительность посредством трансформации индивидуального в типичное. В-третьих, в разных культурах одни и те же слова\знаки\символы имеют разное значение, разные значения и разную оценочную нагрузку.

4. *Текст* является отдельным видом информации. Текст является не просто совокупностью слов, но обладает собственными качественными характеристиками и структурой, делающей его цельным и осмысленным.

Названные источники информации накладываются друг на друга. Например, в художественном портрете человека пересекаются три вида носителя. Во-первых, картина нарисована на *материале*, она отражает *тело человека*, в то же время она является непосредственно *символом*, который хотел выразить художник. Какая информация является приоритетной в этом случае, определит исследователь. Можно изучать материал, на котором изображена картина, для того, чтобы определить торговые коммуникации, если она, например, нарисована в Америке, а доставлена из Голландии. Можно изучать по портрету время написания картины, а можно моду или стили искусства, господствующие в ту эпоху, что будет относиться к системе знаков.

Информация может быть типологизирована по следующим основаниям: 1) уровню материальности (материальные, нематериальные); 2) уровню вербализированности (вербальные, невербальные); 3) каналам восприятия (зрительный, звуковой, осязательный, обонятельный, вкусовой); 4) каналам передачи (печатные, электронные СМИ, устная); 5) типу носителя (печатный, аудио, аудиовизуальный, цифровой); 6) виду представления (текстовый, знаковый, нотный, графичный, табличный).

Информация представляет собой различные *виды*: 1) по отношению к окружающей среде (или к использующей ее среде) — *входная, выходная и внутренняя*; 2) по отношению к конечному результату — *исходная, промежуточная, результирующая*; 3) по стадии использования — *первичная, вторичная*; 4) по полноте — *избыточная, достаточная, недостаточная*; 5) по отношению к цели — *стратегическая, тактическая*; 6) по отношению к состоянию — *статическая, динамическая*; 7) по отношению к управлению — *директивная, регулирующая, советующая, смешанная*; 8) по отношению к уровням власти — *федеральная, региональная, местная*; 9) по доступности — *открытая или общедоступная, закрытая или конфиденциальная, смешанная*; 10) по характеру использования: *производственная, коммерческая, нормативная, справочная, научная, учебная, методическая и т.д.*

Для социологов первостепенное значение имеет информация социальная и ее подвид информация социологическая.

Социальная информация — это совокупность сведений, объективно необходимых для устойчивого функционирования общества. Она является комплексом знаний о состоянии и взаимодействии различных институтов общества, связи реальной деятельности людей с развитием их сознания и обратном воздействии общественного сознания на общественную практику.

Социологическая информация является подвидом социальной, которая полу-

чена в результате целенаправленной познавательной деятельности, применения методологии, методов и процедур, которые продуцированы и обоснованы социологической наукой. Она включает в себя «сведения», «сообщение», «известие», «уведомление».

В социологии различают две разновидности информации в зависимости от уровня обобщения, на котором они функционируют: концептуально-теоретическую информацию и инструментально-эмпирическую. *Концептуально-теоретическая социологическая информация* включает научные теории. *Инструментально-эмпирическая информация* включает методы познания и результаты исследований и соответствует прикладному уровню социологического знания.

Разновидности социологической информации находятся в сложном взаимодействии. Инструментально-эмпирическая информация содержит описание и объяснение многообразных конкретных проявлений принципов, сформулированных в концептуально-теоретической информации, определяющей логику, в соответствии с которой формируются массивы инструментально-эмпирической информации.

В свою очередь инструментально-эмпирическая информация подразделяется по следующим двум критериям.

В о п е р в ы х, различают первичную и вторичную информацию. *Первичная информация* — это все те сведения об объектах социальной реальности, которые могут быть получены с помощью методов социологической науки: анкетного опроса, интервью, наблюдения, социального эксперимента, анализа личных документов и первичной документации организаций, учреждений и предприятий. Характерная особенность этого вида информации состоит в том, что она получена в форме, не всегда приспособленной для непосредственного ее использования. Под *вторичной информацией* понимаются сведения, обработанные

и представленные в виде таблиц, графиков, коэффициентов и других характеристик изучаемого процесса или явления. Вторичная информация — это сжатые, обобщенные, построенные на определенных методических принципах, удобные для использования в научных исследованиях и управлении сведения, полученные в результате проведенных эмпирических исследований.

Во-вторых, инструментально-эмпирическая социологическая информация дифференцируется на качественную и количественную. *Качественная информация* включает часть содержания сведений, выраженных вербально. К *количественной информации* относятся сведения о социальных объектах, выраженные числами. Эта дифференциация информации обусловлена исторически сложившейся в прикладной социологии практикой обязательного представления результатов исследования в количественных показателях.

Социологическая информация имеет свои особенности. Главной особенностью является то, что определенная ее часть (первичная информация) создается по замыслу или заказу исследователя: социолог опрашивает людей, интересуясь подчас тем, о чем респондент не задумывался. Например, просит подготовить записи об использовании рабочего или свободного времени, вспомнить о привычках друзей, коллег, записать финансовые траты, сообщить о взаимоотношениях членов семей и т.п. Следствием применения специфических методов и источников информации является не только содержание, а также качество и особенности отражения действительности.

Социолог, таким образом, инициирует создание информации о повседневной реальности, о массовых фактах индивидуального поведения, реально функционирующего сознания.

Социологическая информация включает результаты исследований, во-первых, осознанных и неосознанных элементов жизнедеятельности людей, во-вторых, проявлений социального и личного опыта, в-третьих, фактов целенаправленной и специально организованной мыслительной деятельности, событий рационально-эмоциональной сферы жизнедеятельности больших групп людей.

Таким образом, социальную (социологическую) информацию можно рассматривать как *переданное или потенциально переданное сообщение, т.е. как форму связи между объектом (передатчиком), и познающим субъектом (приемником), о свойствах и характеристиках объекта.*

Основная литература

Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма; ИНФРА-М, 1999.

Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 390—392.

Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999.

Дополнительная литература

Афанасьев В.Г. Социальная информация. М., 1994.

Паниото В.И. Качество социологической информации. Киев, 1986.

Саганенко Г.И. Социологическая информация. Л.: ЛГУ, 1979.

Соколова И.В. Социальная информатика. М.: Изд-во МГСУ, 2002.

Соколова И.В. Социальная информатика (социологические аспекты). М.: Союз, 1999.

Р.И. Анисимов

Общественное мнение

Общественное мнение — продукт оценочного осмысления действительности, отражающий представления об актуальных, злободневных, тревожащих и волнующих

людей проблемах социально-экономического, социально-политического и духовного порядка.

Впервые представления об общественном мнении были сформулированы в античной философии и отражали борьбу политических и военных сил в греческих полисах. Философское осмысление этой борьбы проявилось в платоновском мифе о пещере. В нем мнение противостоит знанию. Связанные узники пещеры, видя отражения на стене, создают «мнения» о том, что они видят, ошибочно предполагая, что отражения и есть реальность. Путиами, связывающими людей, по мнению Платона (428—347 до н.э.), являются чувства (осознание, зрение и т.д.), из которых и складывается здравый смысл и мнение большинства людей. По Платону, мнение людей изменчиво, так как чувствами можно познать только случайное и единичное и поэтому оно не истинно, так как истина универсальна и статична, инструментом познания которой является разум. Так как обычный человек свои мнения составляет из непосредственного опыта, который также частичен и складывается под влиянием органов чувств и непосредственного окружения людей, то такой человек не может выдвигать истинные суждения о чем-либо и, соответственно, не может принимать участия в политической жизни страны. В древнем Риме Цицерон (106—43 до н.э.) широко использовал выражение «*Vox populi — Vox Dei*» (Глас народа — Глас Божий) как обоснование своих политических решений. Однако концепция Платона привела к закреплению негативного отношения к «мнению» в западной философии более чем на 1000 лет, что отражало интересы правящего меньшинства и способствовало сворачиванию демократии.

В эпоху Возрождения одним из первых феноменов общественного мнения пытался определить итальянский политический мыслитель Н. Макиавелли (1469—1527). Он считал, что государь должен считаться с мнением народа, чтобы тот не восстал, внушая ему любовь либо

страх. Эти же взгляды были присущи и Эразму Роттердамскому (1469—1536), гуманисту эпохи Возрождения, рассматривавшему понятие *consensus populi* как такое состояние сознания народа, на которое может опираться правитель.

В XVIII—XIX вв. вновь возникает интерес к общественному мнению. Французский просветитель Жан Жак Руссо (1712—1778) использует это понятие для обозначения контролирующего, осуждающего, оценивающего отношения некоторой группы к определенному человеку, его действиям. Руссо считал общественное мнение источником неписанного нравственного закона, на который в конечном итоге опираются все иные виды законов. Другой крупный мыслитель этого времени Дэвид Юм (1711—1776) полагал, что общественное мнение является инструментом масс, влияющих на правителей. При этом он считал, что оно представляет собой не «кнут» общественного порицания и не угрозу отчуждения, как у Руссо, а «пряник» — общественное признание, славу. В этот период общественное мнение стало отождествляться с понятием «социальный контроль». Например, Алексис де Токвиль (1805—1859) характеризовал общественное мнение в Америке как мощное давление, гнет, подчиняющий индивида обществу, принуждающий его к конформности. Нечто аналогичное ранее было высказано английским философом Дж. Локком (1632—1704), который, используя понятие «закон мнения», ставил поведение индивида в жесткую зависимость от оценки общества.

В конце XIX — начале XX в. возникают эмпирические исследования общественного мнения. Начинают проводиться массовые опросы населения, создаются институты, организации, специализирующиеся на проведении массовых опросов. Одним из пионеров массовых опросов являлся Джордж Гэллуп (1901—1984), известный тем, что на основе ответов

нескольких тысяч американцев правильно предсказал победу Франклина Рузвельта на президентских выборах 1936 г., тогда как издание *Literary Digest*, в течение двадцати лет удивлявшее американцев точностью своих прогнозов, разослало 10 миллионов опросных листов владельцам телефонов и автомобилей и получил два миллиона ответов, говорило о его поражении. В это же время ученые начинают уделять внимание инструментарию изучения общественного мнения (правила построения выборки, корректность вопросов, интерпретация результатов) для увеличения точности прогнозов.

В XX в. в теоретических концепциях изучения общественного мнения особое внимание было уделено его связи со стереотипами, механизмами формирования и манипуляции общественного мнения, и, в конце концов, был поставлен вопрос о существовании независимого, несконструированного общественного мнения. Первым на этом пути стал Уолтер Липпман (1889—1974). Он исследовал взаимосвязь общественного мнения и стереотипов и пришел к выводу, что общественное мнение по многим вопросам застывает в форме стереотипа, что происходит при значительном участии средств массовой информации. Карл Поппер (1902—1994) обратил внимание на главный миф относительно общественного мнения: «*Vox populi — Vox dei*» далеко не всегда является истиной. Никлас Луман (1927—1998) полагал, что главной особенностью общественного мнения является его сиюминутность, адекватность данному моменту. По его мнению, для общества важно обратиться к актуальным, злободневным, приковывающим внимание темам. Утверждение темы происходит по определенным «правилам внимания»: она оглашается на «повестке дня», становится благодаря стереотипам предметом обсуждения, затем вокруг тех или иных взглядов формируются позиции и после того, как все сказано, тема закрыта.

Французская критическая школа ставит под сомнение следующие постулаты, применяемые к общественному мнению, а значит, и к инструментам его изучения. Первый постулат предполагает, что все люди могут иметь мнение или, иначе говоря, производство мнения доступно всем. Второй постулат предполагает, будто все мнения значимы. П. Бурдьё (1930—2002) считал возможным доказать, что это вовсе не так и что факт суммирования мнений, имеющих отнюдь не одну и ту же реальную силу, ведет к производству лишенных смысла артефактов. Третий постулат проявляется скрыто: тот простой факт, что всем задается один и тот же вопрос, предполагает гипотезу о существовании консенсуса в отношении проблематики, т.е. согласия, что вопросы заслуживают быть заданными. Эти три постулата предопределяют, по мнению автора, целую серию деформаций, которые обнаруживаются даже, если строго выполнены все методологические требования в ходе сбора и анализа данных.

Среди современных исследователей общественного мнения следует отметить Элизабет Ноэль-Нойман (ФРГ), которая обосновывала теорию «спирали молчания», суть которой состоит в том, что в спорных вопросах люди склонны умалчивать свое мнение, противоречащее мнению большинства или агрессивно пропагандирующее мнение меньшинства. Если у человека нет собственного мнения по тому или иному вопросу, то он склонен присоединяться к мнению большинства или мнению, высказанному публично.

Первыми среди отечественных ученых, разрабатывающих проблемы общественного мнения, были А.К. Уледов, Б.А. Грушин, В.С. Коробейников, М.К. Горшков. В настоящее время общепризнанными центрами исследования общественного мнения являются ВЦИОМ, Левада-Центр, фонд «Общественное мнение» и др.

Современные трактовки общественного мнения сводятся к следующему.

В о - п е р в ы х, как своеобразное явление духовной жизни общественное мнение непосредственно связано с материальным носителем, который определяет реальную силу этого мнения, его черты и свойства. При этом, чем более широкие слои выступают носителем общественного мнения, тем большим социальным авторитетом и действенностью оно отличается, тем в большей степени заставляет с собой считаться.

В о - в т о р ы х, в каждом конкретном случае общественное мнение уходит своими корнями в те или иные потребности и интересы людей, заявляя самим фактом своего существования о важности их учета и удовлетворения.

В - т р е т ь и х, общественное мнение как социально-психологический феномен является активным стимулятором социальных действий и поступков масс, способным придавать им широкий размах и стабильность в течение различного, нередко довольно продолжительно-го времени.

В - ч е т в е р т ы х, все более расширяющаяся практика действительных, неформальных выборов руководящих органов, хозяйственных руководителей всех рангов вольно или невольно заставляет учитывать общественное мнение даже тех, кто пока недостаточно полно понимает важность изучения и учета общественного мнения в повседневной практической работе.

Рассмотрение *сущности и содержания* общественного мнения приводит к следующим суждениям.

1. Рассматриваемый феномен есть конкретный вывод определенной общности людей по тем или иным объектам, своего рода итог мыслительной деятельности людей.

2. Критериями отбора при формировании общественного мнения служат общественные интересы и потребности. Только те явления или факты обществен-

ной жизни становятся его объектами, которые приковывают к себе внимание, вызывают потребность в выработке по ним общего суждения.

3. Массовые суждения людей обладают различной степенью объективности (истинности). Это объясняется тем, что мнения могут формироваться на основе как научных знаний, так и ложных взглядов и ошибочных представлений. Недостаток объективной информации люди компенсируют слухами, интуицией и т.д. Общественное мнение, не имеющее в своей основе твердого научного фундамента, может быть ошибочным. Суждение научной критики нередко заменяется предрассудками, выдаваемыми за общественное мнение.

4. Этот феномен выступает в качестве специфической побудительной силы, регулирующей поведение людей, их практическую деятельность. Общественное мнение в этом случае не только отражает определенный уровень знаний людей по тому или иному вопросу, но и фиксирует их активное отношение к объекту мнения, образуя подобие сплава рационального, эмоционального и волевого компонентов. Этот феномен существует в сознании людей и выражается публично, выступая в свою очередь как мощное средство общественного воздействия.

5. Общественное мнение представляет собой специфический продукт взаимодействия людей, своего рода соединение мнений, нивелированных, измененных, образовавших новое качество, не сводимое к простой сумме индивидуальных мнений.

Все это позволяет сделать вывод, что не любое групповое, коллективное мнение становится или не становится общественным, а лишь то, что соответствует критериям — социальный интерес, дискуссионность, компетентность. А его выразители — классы, социальные слои, содружество классов, народ. Значит, мнение можно классифицировать как индивидуальное, групповое, или общее, мнение общественности, или общественное.

Рассмотрев сущность и содержание общественного мнения, остановимся на *механизмах его формирования*.

Механизм формирования общественного мнения включает в себя следующие основные этапы:

1) восприятие информации (объективной, субъективной, тенденциозной и т.д.) на уровне отдельных людей;

2) выводы и оценки индивидуума — на основе имеющихся знаний, опыта, умения анализировать, уровня информированности;

3) обмен имеющейся информацией, выводами, дискуссии с другими людьми;

4) на этой основе формирование определенного мнения небольшой группы людей;

5) обмен между небольшими группами и формирование мнения социального слоя;

6) возникновение общенародного мнения.

Остановимся подробнее на *соотношении индивидуального, группового и общественного мнения*.

Индивидуальное мнение формируется под влиянием личного непосредственного опыта и опосредованного опыта, который приходит к нему через советы друзей, родителей, образование, телевидение, газеты. Основу любого личного мнения составляет интерес индивида, формирующийся в процессе его деятельности. Этот интерес очерчивается кругом проблем, решаемых мышлением индивида. В рамках собственного личного интереса любой человек является носителем мнения, основанного на проверенных суждениях. Чем дальше от личного интереса индивида стоит проблема, тем меньше индивид склонен подвергать эту проблему рефлексии и больше склонен доверять ее решение тому референтному субъекту (индивиду или группе), интерес которого наиболее ближе затрагивает данную проблему. По

сути, можно утверждать, что мнение индивида относительно огромного числа проблем, лично его не затрагивающих или затрагивающих опосредованно, состоит из некритичного принятия чужих положений, стереотипов и этим самым создаются возможности для манипуляций его сознанием.

Далее, следует рассмотреть *соотношение мнения и знания*. Любое знание чего-то или о чем-то всегда является плодом человеческой способности к осмыслению действительности. То же самое можно сказать и о мнении. Но в отличие от мнения знанием обладают многие, тогда как мнение может быть присуще только одному субъекту. Когда человек, осмысляя действительность, приходит к открытию нового, то это открытие не является знанием, оно является мнением открывателя. Когда же с мнением этого человека соглашаются другие люди, то мнение превращается в знание. Это происходит посредством придания «смысла» этому мнению. «Смысл» здесь понимается не как «сокровенная сущность вещей», а как нечто общее, такая интерпретация действительности, с которой согласны другие люди. Подобное соглашение происходит благодаря удалению всего индивидуального, своеобразного и неповторимого, что есть в интерпретации действительности одним человеком, и аналогичному процессу в интерпретации действительности других людей, т.е. благодаря процессу «типизации». В результате остается только общее, и мнение приобретает «смысл»: оно уже не столь субъективно, становясь знанием, т.е. автономной сущностью, не имеющей автора. Таким образом, можно сказать, что мнение есть продукт индивидуального творчества человека, тогда как знание есть продукт коллективного творчества.

Таким же образом происходит становление группового мнения. Для представителей одной группы мнение о чем-

то является знанием (т.е. обладает свойством объективности), так как оно разделяется представителями этой группы, но для представителей другой группы, обладающей «своим» знанием об этом же объекте, знание другой группы будет являться всего лишь мнением (т.е. обладать свойством субъективности). Если же мнения различных групп о чем-то сводятся к консенсусу, то из групповых мнений образуется общественное мнение, т.е. мнение большинства, для которых это мнение будет являться объективным знанием. Но для изучающих общественное мнение таковым оно являться не будет, так как для исследователя необходима дистанцированность от объекта изучения, что обуславливает «взгляд со стороны» на общество. А это в свою очередь заставляет исследователя наделять общественное мнение критериями субъективности и относительности.

Можно выделить основные стадии формирования и функционирования общественного мнения: 1) рождается; 2) достигает определенной степени развития; 3) умирает или реализует себя в конкретных проявлениях жизни.

Практика показывает, что если необходимые меры, в частности пропагандистские, приняты в период зарождения или на начальном этапе формирования общественного мнения, его значительно легче сориентировать в позитивном, нужном направлении, либо локализовать, не дать перерасти в неверные убеждения и последующие затем действия и проявления в жизни.

Существование *индивидуального, группового и общественного* мнения может быть объяснено с точки зрения конструктивистской методологии, когда одновременно учитываются как объективные, так и субъективные условия, а также факторы его возникновения, развития и функционирования. Общественное мнение не может существовать вне экономических, социальных, политических,

идейно-нравственных отношений. Оценочные суждения, содержащиеся в этом феномене, имеют социальный характер. Еще Г.В. Плеханов в «Очерках по истории материализма» писал, что общественное мнение имеет свои корни в социальной среде и в конечном счете в экономических отношениях; это не противоречит тому, что всякое данное общественное мнение начинает стареть, как только начинает стареть вызывающий его способ производства.

С этих позиций можно трактовать *функции общественного мнения*.

Экспрессивная функция связана с оценочной позицией по отношению к фактам и событиям в жизни общества. Эта особенность придает данному феномену характер силы, стоящей над институтами власти, одобряющей, поддерживающей или противостоящей ей, а в идеале и контролирующей деятельность институтов и лидеров партий, государства.

Консультативная функция дает рекомендации относительно способов разрешения тех или иных проблем. Прислушиваясь к этим советам, лидеры, кланы, группы вынуждены корректировать решения, методы управления.

Директивная функция проявляется в том, что общественное мнение выносит решения по тем или иным проблемам социальной жизни, имеющие предписывающий характер, например волеизъявление народа во время выборов, референдумов. Народ в данных случаях не только высказывает свое мнение, но и дает мандат доверия тому или иному лидеру, той или иной политической силе.

В зависимости от содержания суждений, сформированных общественностью, мнение может быть оценочным, аналитическим, конструктивным и регулятивным. *Оценочное* мнение выражает отношение к тем или иным проблемам или фактам. В нем больше эмоций, чем аналитических выводов, умозаключений. *Аналитическое и конструктивное*

общественное мнение тесно связаны между собой: принятие какого-либо решения требует глубокого и всестороннего анализа, для чего необходимы элементы теоретического мышления, а порой и напряженной работы мысли. Но по своему содержанию аналитическое и конструктивное мнения не совпадают. Смысл *регулятивного* общественного мнения состоит в том, что оно вырабатывает и внедряет определенные нормы общественных отношений и оперирует целым сводом неписанных законом норм, принципов, традиций, обычаев, нравов и т.д. Обычно оно реализует тот кодекс правил, который закреплен в нравственном сознании людей, групп, коллективов. Общественное мнение также может выступать в форме *позитивных и негативных суждений*.

В настоящее время дискуссии вокруг проблемы общественного мнения сложились по следующим *реперным точкам*.

1. Старый спор между реализмом и номинализмом о том, имеет ли общественное мнение качественные отличия от совокупности частных мнений, в дискуссиях об общественном мнении всегда имел важные последствия. Общественное мнение не есть простая сумма мнений. Оно обладает качественными отличиями: является автономным от его носителей и выражает скорее интересы, нормы ценности группы, нежели интересы индивида и поэтому можно сделать предположение, что его субъектом (творцом) является группа, общность, народ. Это означает, что *субъектом общественного мнения является группа и групповое сознание*. Основным предметом изучения сторонников этого подхода являются *установки, интересы, мотивы, ценностные ориентации группы*. Сторонники противоположной позиции считают, что так как общественное мнение есть совокупность частных мнений, то наибольший интерес представляет изучение механизмов распространения мнений, в частности СМК.

2. *Эгалитарная (элитарная) сущность общественного мнения*. Представители эгалитарной точки зрения считают, что подлинным субъектом общественного мнения является народ и элиты подчинены ему. Представители элитарной точки зрения считают, что формируют общественное мнение элиты (не обязательно политические), а народ же лишь выбирает из предложенных ему альтернатив.

3. *Манипулятивность общественного мнения*. Манипуляция сознанием в СМИ формирует мнение, которого у народа не было (элитарная точка зрения) или деформирует «подлинное» общественное мнение в своих интересах (эгалитарная точка зрения). Данная проблема тесно пересекается с предыдущей, но в основе своей имеет мировоззренческие установки исследователей. Рассмотрим их. Сторонники первой точки зрения считают возможности PR безграничными, общество воспринимается ими как аморфное «нечто», с которым можно сделать все, что угодно при наличии знания и технологии, являются сторонниками технократии и меритократии, относятся к реальности и ее проблемам, как к социальному конструкту, поэтому используют в основном понятие «игра». Проблемы истины и лжи для них не важны, так как истина и ложь также являются социальными конструктами. Данные установки отражают мировоззрение третичного сектора экономики, который во многом имеет отношение не с реальностью, а со знаками. С ростом этого сектора экономики количество сторонников, придерживающихся этих установок, будет расти. Представители второй точки зрения не считают реальность социальным конструктом, обосновывая это существованием сопротивления народа манипуляциям, которые выражаются в неответах на вопросы, в отказах от участия в выборах. Анализируя манипулятивные техники и их действенность, они считают, что массовые опросы не затрагивают глубинных основ сознания, и по-

этому вводят в науку дополнительные понятия, такие как социальное настроение, социальное самочувствие. Для анализа глубинных основ сознания они разрабатывают альтернативные методики изучения общественного мнения. Данные установки отражают мировоззрение вторичного сектора экономики. С падением этого сектора количество ученых, придерживающихся этих взглядов, будет уменьшаться.

Исследователей общественного мнения условно можно разделить на ориентированных на изменения в рамках существующего строя и на изменение самого строя. Представители первой группы основным средством против манипуляций сознанием видят в увеличении информированности масс, считают ситуацию с общественным мнением ненормальной, дисфункциональной, выступают за демократизацию образования, СМИ, стоят на пути реформизма. Сторонники второй группы, наоборот, считают современное положение дел нормальным, функциональным, соответствующим логике исторического развития. Пассивность масс считают симптомом реального отчуждения этих самых масс от политики. Поэтому реформы в этой области могут лишь сгладить противоречия, но не уничтожить их, а поднять активность масс и их сознательность до уровня, необходимого для освобождения человека, сможет только революция.

В настоящее время социология обладает обширным инструментарием для изучения общественного мнения. Наиболее распространен метод анкетирования, дающий количественный срез мнений различных слоев и населения в целом. Но также применяются качественные методики изучения общественного мнения, позволяющие выявить глубинные установки респондентов (например, глубинное интервью, метод фокус-групп). К инструментам следует отнести изуче-

ние статей в прессе и выступлений на телевидении (метод контент-анализа, метод качественного анализа). Важное место в инструментарии отводятся опросам специалистов (экстренное интервью). Относительно недавно начали производиться обследования интернет-пользователей (онлайн-опросы, анализ блогов ЖЖ-пользователей). Но особое значение имеют мониторинговые исследования общественного мнения, дающие динамику его изменения за продолжительный период времени. \int

Основная литература

Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2005.

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали умолчания. М., 1996.

Тюриня И.А. Общественное мнение // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 80–83.

Дополнительная литература

Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. М.: Институт социологии РАН, Институт фонда «Общественное мнение», 2004.

Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М.: Социо-логос, 1997.

Интернет-сайты ведущих российских организаций, изучающих общественное мнение

<http://www.fom.ru/> — Фонд «Общественное мнение».

<http://wciom.ru/> — Всероссийский центр изучения общественного мнения.

<http://www.levada.ru/> — Аналитический центр Юрия Левады «Левада-центр».

<http://www.romir.ru/> — Исследовательский холдинг Romir.

<http://www.zircon.ru/> — Исследовательская группа Циркон.

<http://www.tns-global.ru/rus/> — Группа компаний TNS (TNS Gallup Media, TNS Gallup AdFact и TNS Маркетинговый информационный центр (МИЦ)).

Потребность

Первой занялась исследованием потребностей экономика. Именно экономисты начали изучать потребности и их роль в процессе производства. Понятие «потребность» (*англ.* need — нужда) было введено А. Смитом в XVIII в. Он рассматривал потребность как побудитель к трудовой деятельности, присущий индивиду, группам населения и обществу в целом.

Изучая функционирование капиталистического производства, К. Маркс подчеркивал, что оно подчинено определенной цели — удовлетворить потребности общества. В свою очередь, потребности не возникают на пустом месте, и одной из предпосылок их возникновения является производство. Производство создает потребление каких-либо благ, однако субъект приспособляется именно к тем из них, которые получаются в процессе производства. Производство новых товаров формирует появление потребности в них. Это же происходит при появлении новых средств удовлетворения потребностей, когда получить блага становится проще, следовательно, возрастает потребность в них. И наоборот, при отсутствии каких-либо благ потребность в них замещается необходимостью в других благах.

Со временем к изучению потребностей приступила и психология, делая акцент на связи внутреннего мира человека с миром внешним. *Философская трактовка* понятия потребности характеризует ее как состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его нормальной жизнедеятельности. Как видно, это определение касается в первую очередь биологических и физиологических потребностей всего живого, которое при переносе этого смысла на человека приобретает характеристику общественных

потребностей. Человек в отличие от животного не является изолированным, а живет в обществе, и это общество не может не наложить отпечаток на деятельность индивида. Кроме этого отличительная черта человеческих потребностей — их способность к развитию.

Что касается *социологии*, то она, во-первых, начала изучать потребности индивидов и их групп, связанные непосредственно с их жизнедеятельностью в обществе: потребности в общении, самосохранении, саморазвитии, самовыражении, которые складываются в результате взаимодействия индивида со средой, которая его окружает. Во-вторых, социология стала исследовать особенности конкретных проявлений и способы удовлетворения потребностей. Одни и те же потребности могут удовлетворяться различными способами в зависимости от многих условий: способа производства, господствующей идеологии, степени развития общества в целом. В-третьих, социология обратила внимание на наиболее значимые потребности в определенный момент общественной и личной жизни.

В социологии сложилось несколько подходов к исследованию потребностей. Самую популярную и часто используемую в литературе *классификацию потребностей* создал А. Маслоу, иерархическая модель которых представлена на рисунке.

Согласно Маслоу, сначала начинают удовлетворяться потребности низшего уровня — физиологические. Индивид не может стремиться к высоким целям, пока он голоден или не имеет крыши над головой. В соответствии с иерархией потребностей далее следуют удовлетворение потребности в безопасности и потребности в социальных связях (общении), затем потребности в самоуважении и, наконец, потребности в самоактуализации, которая находит воплощение в творчес-

ком самовыражении, в реализации собственных возможностей и способностей. Они могут активизироваться и определять поведение индивида только тогда, когда удовлетворены остальные потреб-

ности. В случае конфликта между потребностями, принадлежащими различным иерархическим уровням, побеждает потребность более низкого уровня.

Иерархическая модель потребностей А. Маслоу

Кроме того, получила распространение модель потребностей Уильяма Тэлли, представляющая круг с четырьмя секторами: индивидуальность, ближний круг, социетальные связи и общение, когнитивная сфера. Эта модель сохраняет иерархию, признается существование любой потребности. Вектор удовлетворения каждой из них начинается в любой точке. Эта модель предусматривает взаимозаменяемость, замещение, вытеснение, а также возможность регрессии потребностей.

Еще один подход связан с классификацией потребностей по трем признакам-критериям: 1) потребности для себя; 2) потребности для других; 3) потребности вместе с другими.

Потребность для себя — это потребность самоутверждения в обществе, потребность самореализации, потребность

самоидентификации, потребность иметь свое место в обществе, в коллективе, потребность власти и т.д. Потребности для себя потому называются социальными, что они неразрывно связаны с потребностями для других и только через них могут быть реализованы. В большинстве случаев потребности для себя выступают как иносказательное выражение потребностей для других. Об этом единстве и взаимопроникновении противоположностей — потребностей для себя и потребностей для других — пишет П.М. Ершов: «Существование и даже «сотрудничество» в одном человеке противоположных тенденций «для себя» и «для других» возможно, пока речь идет не об отдельных и не о глубинных потребностях, а о средствах удовлетворения тех либо других — о потребностях служебных и производных. Притязание

даже не самое значительное место «для себя» легче реализовать, если при этом по возможности не задевать притязания других людей; наиболее продуктивными средствами достижения эгоистических целей являются такие, в которых содержится некоторая компенсация «для других» — тех, кто претендует на то же место, но может довольствоваться и меньшим...»

Потребности для других — это потребности, выражающие родовую сущность человека. Это — потребность общения, потребность защиты слабого. Наиболее концентрировано потребность «для других» выражается в альтруизме — в потребности жертвовать собой во имя другого. Потребность «для других» реализуется, преодолевая вечный эгоистический принцип «для себя».

Что касается потребности *вместе с другими*, то она выражает побудительные силы: потребность безопасности, потребность свободы, потребность обуздания агрессора, потребности мира, потребность смены политического режима и др.

Особенности потребностей вместе с другими состоят в том, что они объединяют людей для решения назревших задач общественного прогресса. Так, наступление немецко-фашистских войск на территорию СССР в 1941 г. стало мощным стимулом для организации отпора, и эта потребность носила всеобщий характер. Имеется и ряд других подходов к изучению потребностей. Они изучаются в рамках социологии организаций (С.С. Фролов, В.В. Шербина), социологии управления (А.В. Тихонов, А.И. Кравченко), социологии личности (И.С. Кон, А.И. Артемьев, Г.А. Смирнов). В концепции социологии жизни (Ж.Т. Тощенко) потребности выступают как один из важнейших компонентов сознания, посредством которого человек осваивает и стремится подчинить окружающую его действительность.

Понятие «*потребность*» фигурирует в научной литературе, по крайней мере,

в трех значениях. Во-первых, как *обозначение объекта внешней среды* (потребность в жилье, образовании, услугах и т.д.), во-вторых, как *состояние психики*, отражающее эмоциональную напряженность вследствие нехватки чего-либо, в-третьих, как *фундаментальные свойства личности* (высокий уровень развития познавательной потребности соответствует таким ее свойствам, как любознательность, увлеченность, усидчивость и т.д.). Но все они так или иначе отражают трактовку потребностей как совокупность жизненных средств, необходимых для функционирования человека и общества.

Таким образом, если потребность представляет собой связи между субъектом и объектом, то эта связь, исходя даже из традиционного представления о потребности как о нужде или нехватке определенных условий жизни, выступает как противоречие между тем, что требуется, и тем, чего не достает. Следовательно, если потребность рассматривается как движущая сила, источник поведения и развития и если источником развития является противоречие, то и потребность должна быть понята как противоречие. На этом основании выделяются три необходимых сущностных признака потребности:

- 1) потребность есть отношение личности;
- 2) потребность есть противоречие;
- 3) потребность есть движущая сила поведения.

Собственно, исходя из данного положения, определяется потребность как *отношение личности, переживаемое как противоречие и выступающее движущей силой поведения*.

Необходимо различать понятия «потребность» и «благо». Благо — это непосредственно то, что необходимо индивиду, в чем он нуждается. Потребность же есть состояние отсутствия какого-либо блага.

В современной социологической литературе существует несколько классификаций потребностей. В о - п е р в ы х, потребности выступают как *личные, групповые и характерные для всего общества*. Личные — это потребности, которые возникают и развиваются в процессе жизнедеятельности отдельного человека. Примером являются потребности в пище, одежде, самоутверждении. Общественные и групповые потребности вытекают из требований нормального существования всего общества и отдельных его групп соответственно. Это — потребности в государственном управлении, производстве, обеспечении прав, обороне, охране окружающей среды.

В о - в т о р ы х, потребности делятся на *материальные и духовные*. Материальные возникают в сфере трудовой и повседневной деятельности человека (нужда в продуктах питания, предметах одежды, коммунальных услугах). Духовные потребности связаны с деятельностью человека в среде культуры, образования, науки, религии и т.д.

В - т р е т ь и х, существует деление потребностей на *первичные и вторичные*. Их различие состоит в том, что первичные, в отличие от вторичных, не могут быть заменены друг на друга, т.е. мы можем вместо театра посетить кино, но если мы испытываем потребность в пище, мы не удовлетворим ее сном или одеждой. Таким образом, потребность в досуге — вторичная, а в пище, сне и одежде — первичные.

В - ч е т в е р т ы х, нередко осуществляется деление всех потребностей на *реальные и идеальные*. Реальные потребности подразумевают под собой переживание нужды в дыхании, питании, сне, самосохранении, т.е. в том, что необходимо человеку для поддержания нормальной жизнедеятельности. Примерами реальных потребностей могут быть нужда во взаимоотношениях с другими людьми, в самореализации, в уважении, —

те потребности, которые связаны с существованием индивида в обществе и взаимоотношениями его с другими индивидами. Идеальные потребности — это потребности в познании окружающего мира, нахождении своего места в нем, осознании смысла своего существования. Идеальные потребности представляют собой высшую форму нужды человека.

В - п я т ы х, потребности бывают *постоянные (жизненно-важные) и временные (эпизодические)*. Нужду в предмете постоянных потребностей субъект испытывает на протяжении всей его жизнедеятельности, удовлетворение таких потребности один раз не приведет к исчезновению их в будущем. Примером таких потребностей может служить нужда в пище, сне, защите, общении. Временные же потребности исчезают после их удовлетворения. Так, выпускнику школы необходимо определиться с местом дальнейшей учебы, и эта потребность отпадает с поступлением выпускника в учебное заведение.

В - ш е с т ы х, еще одна классификация подразумевает деление потребностей в зависимости от *вида деятельности*, к осуществлению которой потребности *побуждают* субъекта. Все эти виды потребностей можно разделить на два класса. Первый из них — субстанциональные потребности, жизненная значимость которых определяется необходимостью взаимодействия с объектом потребности (например, коммуникативная познавательная). Вторым классом являются функциональные потребности, побуждающие к деятельности, главной частью которой является сам процесс в сфере экономики, политики, духовной жизни.

В - с е д ь м ы х, потребности делятся на *высшие (сложные) и низшие (элементарные)*. Высшие потребности менее насущны и обнаруживаются позже, чем низшие. Для актуализации высших потребностей требуется больше предварительных усилий и внешних условий. Низ-

шие потребности — более ограниченные и в отличие от высших не приобретают субъективной значимости для человека. Иными словами, низшие — это «животные», врожденные потребности — нужда в пище, защите. Высшие же формируются в результате внешнего воздействия на человека, в условиях взаимосвязи с другими членами этого общества. К высшим следует отнести потребность в любви, похвале, уважении.

И н а к о н е ц, различают потребности *традиционные* и *новые*. Традиционные были характерны для человечества на протяжении всего его существования (например, в пище, защите), новые же возникают в процессе развития общества и его изменения. К последним можно отнести потребность в образовании, информации, продвижении в карьере.

Функции потребностей многообразны. Две наиболее значимые функции потребностей — это *сигнальная* и *побуждающая*, причем они тесно взаимосвязаны. Сигнальная выражается в выработке сигнала о возникновении определенных несогласований. Эти несогласования могут быть внешними (между условиями внешней среды и условиями, необходимыми для нормального существования субъекта потребности) и внутренними (нарушение внутренней стабильности организма). Этот сигнал может восприниматься бессознательно, нервной системой, или же осознаваться человеком. Вторая функция вытекает из первой. Побуждающая функция проявляется в активизации субъекта к действию, целью которого является преодоление несогласованности. Уже отмечалось, что отсутствие какого-либо блага является ключевым моментом в данном понятии, а действие не возникает стихийно, оно имеет определенную причину, и причиной деятельности и действий в частности являются потребности. Потребность — состояние недостатка ка-

кого-либо блага, и целью деятельности может быть получение данного блага.

Особо необходимо сказать о практической применимости социологических исследований потребностей. Они могут выявить, в чем население испытывает недостаток — это могут быть как конкретные предметы, так и просто определенная сфера, скажем, нехватка материальных средств или возможностей для досуга, например ограниченный доступ в театр. Знание этого помогает эффективнее разрабатывать политику государства. Определение основных потребностей дает возможность судить о степени развитости того общества, в котором эти потребности реализуются.

Целенаправленное регулирование процесса развития и функционирования потребностей (управления ими) включает следующие этапы: 1) удовлетворение потребностей; 2) выравнивание потребностей; 3) отбор (выбор) средств для их реализации; 4) действия по их достижению; 5) методы вознаграждения за их реализацию; 6) прогнозирование возникновения новых потребностей.

Основная литература

- Большой толковый социологический словарь*. Т. 2: Пер. с англ. М., 2001.
Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.
Юдин Э.Г. Потребность // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 302.

Дополнительная литература

- Баранова Л.А., Левин А.И.* Потребности. Доходы. Потребление. М., 1988.
Ершов П.М. Потребности человека. М., 1990.
Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.
Самсин А.М. Социально-философские проблемы исследования потребностей. М., 1987.
Соколова М.И., Дементьева А.Г. Управление человеческими ресурсами. М., 2005. С. 76–85.

*Н.Д. Шутенко,
 Д.М. Мегведева*

Мотив

Первые попытки изучить мотивы (от *лат.* *movete* — приводить в действие, толкать) были предприняты в конце XIX в., что было связано, во-первых, с возникновением динамических теорий личности, во-вторых, с преодолением концепций атомизма при объяснении процессов развития общества и человека.

Несомненно, что в обосновании этого понятия заслуга принадлежит прежде всего психологической науке. Первое его объяснение принадлежит А. Шопенгауэру, который в своей статье «Четыре принципа достаточной причины» (1900—1910) употребил его для объяснения причины поведения человека и животных.

В отечественной литературе одной из первых работ была книга профессора Петербургского университета Л.И. Петражицкого «О мотивах человеческих поступков», в которой был поставлен вопрос о создании научной теории мотивации. Одновременно в 1906 г. А.Ф. Лазурский опубликовал книгу «Очерк науки о характерах», в которой, анализируя волевой процесс, выделил в нем «силу и слабость желаний и влечений», склонность «к борьбе мотивов», «к обсуждению мотивов», «ясность и определенность желаний». Мотивы рассматривались как побудитель, свойственный этапам принятия решения и его исполнения.

В советский период одним из первых исследованием мотивов занялся А.А. Ухтомский, анализируя поведение человека. Его задачей было найти детерминанты функционирования организма. Это привело к обоснованию известного принципа доминанты, которую он рассматривал как двигатель поведения и его вектор. Проблему мотивов, которая оказалась в центре его научных интересов, он исследовал в различных аспектах: физиологическом, психологическом, мировоззренческом. Кроме того, Ухтом-

ским были выдвинуты положения о роли «социологизмов» как отражающих влияние общества на побуждения человека.

Важное значение для понимания проблемы мотивов имели и положения В.М. Боровского, изложенные им в книге «Введение в сравнительную психологию».

В изданной в 1935 г. С.Л. Рубинштейном книге «Основы психологии», опиравшейся на принципы марксистской философии, мотивация упоминалась главным образом в связи с волевыми действиями. Важное значение для теории мотивации имело то, что в своих работах Рубинштейн развивал потребностный подход к рассмотрению мотивов. Он анализировал понятие мотива и цели деятельности человека, а также мотивы и направленности личности. Изучением мотивов занимался В.Н. Мясищев, который анализировал мотивы как отношения личности.

В XX в. мотивы стали исследоваться и в социологической науке. Среди появившихся подходов следует отметить вклад Т. Парсонса (теория типовых переменных и индивидуального выбора), С.И. Барнарда и Х.А. Саймона (теория баланса между побуждением и вкладом), Д.Х. Голдторпа и Д. Локвуда (теория ориентации на работу), В. Врума (теория ожидания), Дж. Хоманса и К. Арджириса (теория справедливости). В *социально-экономических теориях* мотивации (Макклелланд, Херцберг) на первый план выступают намерения и ценности индивидов, реализующих свои цели в организации. Особо следует отметить вклад в изучение мотивов такого исследователя, как Г. Мюррей, который считал, что сущность мотива составляет достижение чего-либо, что проявляется: 1) в преодолении трудностей; 2) в обладании желаемым; 3) в умении делать быстро и пра-

вильно; 4) в стремлении к совершенствованию своих действий.

Среди заслуживших внимания концепций можно выделить концепцию Ф. Херцберга, выявившего две группы факторов, влияющих на поведение и поступки людей — физиологические и мотивационные. Теория Х и теория У Д. Макгрегора также разделяет мотивы на два противоположных вида, которые обусловлены разными ориентациями индивидов.

Анализируя природу мотивов, следует остановиться на *различии понятий «потребность» и «мотив»*. Прежде всего, потребность предшествует мотиву. Далее, потребность сама по себе часто еще не является побуждением к деятельности. Для того чтобы потребность выполнила роль движущей силы поведения, необходимо наличие особого пускового механизма, называемого мотивом. Другими словами, для инициации деятельности необходимо соотнесение устремлений человека с предметом, который способен данную потребность удовлетворить. Мотив опредмечивает потребность, находит для нее объект, пригодный для употребления. Мотив — это то, ради чего совершается деятельность.

Однако нет прямолинейной зависимости между потребностью и мотивом. Мотив может характеризоваться устойчивым стремлением к достижению цели, сопровождаться волевыми усилиями, обладать непреодолимостью.

Если потребность — это объективная характеристика, то мотив это скорее субъективная пружина деятельности человека. И наконец, мотив является понятием, в большей степени выражающим индивидуальные особенности его носителя, его социальные характеристики, в то время как потребность имеет некоторые обобщающие показатели, в них велика доля биологических компонентов, несмотря на их социальную окраску.

В мотиве происходит опредмечивание потребности, связанное с направленностью на побуждение к конкретному действию. Причем если в потребности отражаются личные, то в мотивах — общественные устремления к потребности. Следует особо отметить *изменчивость мотивов* (тесная зависимость от жизненных ситуаций), выражающуюся, в частности, в том, что если цель не достигается, то мотив исчезает.

При объяснении взаимосвязи потребностей и мотивов необходимо учитывать иерархическое строение потребностно-мотивационной сферы личности. При анализе потребностей низшего уровня вполне возможно отождествление потребности с мотивом в том смысле, что эти потребности имеют собственную побудительную силу, чего никак не скажешь о потребностях высшего уровня. Отличие мотива от потребности легко подтвердить тем, что одна и та же потребность может быть реализована посредством множества совершенно разных мотивов. Например, потребность в общении может быть удовлетворена через мотив поговорить по телефону или в желании встретиться с друзьями, пойти в людное место и познакомиться с кем-нибудь. И наоборот, несколько различных потребностей могут быть удовлетворены через один мотив: побуждение пойти на дискотеку может возникнуть из потребности в самовыражении (освоен новый танец и не терпится продемонстрировать его друзьям), из потребности в общении, из-за эстетической потребности, если выступает любимая группа. Таким образом, при всем внешнем сходстве, и даже родстве, потребность и мотив не одно и то же. Потребности — явление *субъект-объектное*, они предопределены, заданы человеку социальными отношениями, тогда как мотив — явление *чисто субъективное*, «мое» и ничье больше.

Нужно также различать понятия «стимул» и «мотив». Если трактовать мотив как побуждение человека к действию, то следует помнить, что поведение человека определяется взаимодействием различных внешних и внутренних побудительных сил, среди которых следует прежде всего выделить стимулы и мотивы. Стимул понимается как внешняя причина, побуждающая людей к деятельности, а мотив выступает как внутренняя побудительная сила. Если стимул замечен, его можно заранее спланировать или отменить, то мотив скрыт, его действие часто незаметно для окружающих людей.

Виды мотивов различают по следующим критериям.

1. Значимость для жизни и развития субъекта — выделяют, с одной стороны, биологически важные фундаментальные мотивы, соответствующие базовым потребностям, и производные от них, а с другой — самостоятельные мотивы личностного развития (самоактуализация).

2. Социальная адекватность мотива (в отличие от лежащих за ним потребностей) — подлежат общественной оценке и может быть нормативной, желательной, запретной и т.д.

3. Место в иерархии потребностно-мотивационной сферы. Мотивы смыслообразующих видов деятельности, в ходе осуществления которых происходит развитие человека; отличаются от подчиненных им (мотивов-стимулов), побуждающих к действию в конкретных ситуациях.

4. Источник побуждения к решению определенной задачи — если внешнее требование может оставаться для субъекта только понимаемым, то его внутренний мотив является реально действующим.

5. Отношение к сознанию — мотив выполняет свои функции даже тогда, когда остается неосознаваемым; осознание мотива может быть адекватным (мотив-цель) и неадекватным (мотивировка). Мотивы могут проявляться в форме

эмоциональных переживаний (в том числе имеющих личностный смысл), а также желаний, стремлений, склонностей и т.п.

Следовательно, мотив означает побуждение к деятельности, побудительную причину действий и поступков. Мотивы могут быть различные: интерес к содержанию и процессу деятельности, долг перед обществом, самоутверждение и т.п. Например, к творческой деятельности могут побуждать следующие мотивы: 1) самореализация, 2) познавательный интерес, 3) самоутверждение, 4) материальные стимулы (денежное вознаграждение), 5) социальные мотивы (ответственность, стремление принести пользу обществу), 6) идентификация с идеалом.

Если человек стремится к выполнению определенной деятельности, можно сказать, что у него есть мотивация. Например, если ученик прилежен в учебе, значит у него мотивация к учебе; у спортсмена, который стремится достичь впечатляющих результатов, уровень мотивации достижения высок. Желание руководителя всех подчинять свидетельствует о наличии высокого уровня мотивации к власти.

Определенный мотив (или совокупность мотивов) однозначно не определяют мотивацию деятельности. Необходимо учитывать вклад факторов конкретной ситуации. Например, чрезмерная сложность деятельности, отсутствие нормального взаимодействия с руководителем приводят к снижению не только мотивации, но и эффективности деятельности.

Типологию мотивов можно строить по разным основаниям. В зависимости от классификационного признака выделяются следующие виды мотивов: 1) по *значимости*: фундаментальные (биологически важные), соответствующие базовым потребностям, и текущие, временные, хотя и самостоятельные мотивы *личностного развития* (самоактуализация); 2) по *ценностной ориентации*: позитивные (поиск подкрепляющего дав-

ления со стороны ситуации) и негативные (избегание негативного воздействия со стороны опасных элементов ситуации); 3) по *внешнему источнику и причинам*: явные (легко наблюдаемые в действиях и поступках индивидов) и латентные (проявляемые только в игровых действиях, фантазиях); 4) по *адекватности* (нормативные, желаемые, запретные); 5) по *месту в иерархии: ведущие и подчиненные*; 6) по *степени усвоения: осознаваемые и мало (не) осознаваемые*.

Мотивы поведения человека выполняют функции, основные из которых можно определить следующим образом: 1) *ориентирующая* — мотив направлен на выбор человеком поведения, наиболее приемлемого для него в данной ситуации; 2) *смыслообразующая* — мотив определяет субъективную значимость принятого вида поведения для человека, придает смысл отдельным действиям, целям, условиям их достижения; 3) *опосредующая* — мотив возникает на стыке внешних и внутренних побудителей к действию, опосредуя их в отношении личности и влияя на ее поведение; 4) *мобилизующая* — мотив мобилизует внутренние резервы человека, если это необходимо для реализации значимых для него видов деятельности; 5) *оправдательная* — в мотиве заложено отношение человека к должному, нормативному, принесенному извне образцу, эталону поведения, социальной норме.

Иногда функции мотивов, особенно когда они касаются социально-экономических проблем, рассматриваются как побуждающие, направляющие, регулирующие.

Среди всех понятий, которые используются для описания и объяснения мотивов, следует отличать их от мотивации.

Термин «мотивация» представляет более широкое понятие, чем термин «мотив». Он используется в двояком смысле: как обозначающий факторы, детерминирующие поведение (сюда входят, в част-

ности, потребности, цели, намерения, стремление), и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне.

Мотивацию, таким образом, можно определить как *совокупность причин, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность*, т.е. своеобразное сочетание мотивов в соединении с актуализацией, ситуативностью и необходимостью решения жизненных проблем.

Представление о мотивации возникает при попытке объяснения, а не описания поведения. Это — поиск ответов на вопросы «почему?», «зачем?», «для какой цели?», «ради чего?», «какой смысл?» и другие подобные. Обнаружение и описание причин устойчивых изменений поведения и есть ответ на вопрос о мотивации поступков. Нужно отметить и то, что мотивация во многом опосредована социальными нормами.

Мотивация в данном случае мыслится как процесс *непрерывного выбора и принятия решений* на основе взвешивания поведенческих альтернатив. Иначе говоря, мотив в отличие от мотивации — это то, что принадлежит самому субъекту поведения, является его устойчивым личностным свойством, изнутри побуждающим к совершению определенных действий. Если *мотивация* — это факторы, детерминирующие поведение, то *мотив* — конкретный фактор, воздействующий на поведение. Мотивация — *динамический процесс управления поведением* (включающий его инициацию, направление, организацию, поддержку); мотив — *внутренняя устойчивая причина поведения*. Таким образом, *мотивация* — это *совокупность побуждающих факторов (как личностных, так и ситуативных)*, которые вызывают активность человека и определяют направленность его деятельности.

Термин «мотивация» в широком значении используется во всех областях со-

циологии и психологии, исследующих причины и механизмы поведения человека. *Побуждающие факторы* можно распределить на два относительно самостоятельных класса: 1) потребностей и инстинктов как источников активности; 2) мотивов как причин, которые определяют направленность поведения или деятельности.

К мотивации можно также отнести следующие акции сознания и поведения: размышляют (обдумывают, раздумывают, продумывают), обсуждают, советуются (спрашивают мнения других), детализируют, проверяют, анализируют, оценивают, взвешивают, сопоставляют, соизмеряют, учитывают, обосновывают, намечают, планируют, набрасывают, прогнозируют, предусматривают, просчитывают, гадают, сомневаются, согласовываются, ссылаются, зондируют, узнают (собирают информацию).

Иногда в научной литературе употребляется такой термин «мотиваторы» (факторы, влияющие на зарождение, развитие и функционирование мотивов). Мотиваторы — социально-психологические факторы (образования), участвующие в конкретном мотивационном процессе и обуславливающие принятие человеком решения. Они при объяснении основания действия или поступка становятся аргументами принятого решения.

Можно выделить следующие группы мотиваторов: нравственный контроль (наличие нравственных принципов), предпочтения (интересы, склонности), внешняя ситуация, собственные возможности (в данный момент), социальное положение в данное время, условия достижения цели (затраты усилий и времени), последствия действия, поступка.

Таким образом, мотив — это 1) побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением определенных потребностей

субъекта; совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность; 2) определяющий выбор направленности деятельности, ради которого она осуществляется; 3) осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности. Мотив также характеризуется как образ успешно заверщенного действия по реализации потребности, чувственно окрашенное, обязательно притягательное представление будущей процедуры достижения и обладания. Это предвкушение достигнутого и становится той внутренней силой, которая побуждает действовать.

Основными характеристиками мотива является устойчивость и интенсивность, а также направленность на удовлетворение избранных потребностей. В ряде исследований при характеристике мотивов в качестве особых их видов рассматриваются мотивы выгоды, мотивы достижения и моральные мотивы.

Основная литература

Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003.

Большой толковый социологический словарь. Т. 1: Пер. с англ. М., 2001.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.

Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995.

Дополнительная литература

Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1988.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.

Сосновский Б.А. Мотив и смысл. М., 1993.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986.

*Н.Д. Шутенко,
Д.А. Швайбман*

Ценности и ценностные ориентации

На ценностные отношения в обществе было обращено внимание в древности, хотя термин такой не существовал. Так, Платон считал, что благо, истина и красота — неизменные, вечные, никем и ничем не рожденные идеи, которые душа человека созерцала еще до физического рождения. В его учении эти идеи были доступны лишь наиболее возвышенной части души; они постигались человеком, после чего не могли быть забыты.

Представления о ценности менялись по мере развития научного знания и по-разному объяснялись и трактовались. Однако чаще всего под ценностью понималась неизменная и вечная сущность, которая самостоятельно существует в некоем идеальном мире и оттуда проникает в разум человека.

В XX в. сложилось несколько направлений (теорий, концепций) по трактовке сущности и содержания ценностей. Так, Э. Дюркгейм (1858—1917) считал, что ценности есть идеалы, функция которых состоит в преобразовании реальностей, к которым они относятся.

По мнению М. Вебера (1864—1920), ценность — один из мотивов социального действия; в таком случае действие основано на вере в «самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет». В ценностях, как он считает, в концентрированном виде выражается смысл культуры. Согласно концепции Т. Парсонса (1902—1979), ценности суть представления о желаемом типе социальной системы: они регулируют принятие решений субъектами действия, обеспечивают сохранение и воспроизводство культурных образцов.

З. Фрейд (1856—1939) и его последователи полагали, что ценность — это удовлетворенный эрос, поскольку иска-

ли природу этого явления в сексуальных влечениях бессознательного.

Ж.П. Сартр (1905—1980) и М. Хайдеггер (1889—1976) дали экзистенциально-психологическое понимание ценностей. Ими была выделена сфера человеческой реальности, человеческого бытия, отличающаяся вечной неудовлетворительностью и несамотождественностью. Ее фундаментальными характеристиками являются выбор, беспокойство и ценность. Каждый человек не таков, каким бы хотел быть; основная черта сознания состоит в том, что оно всегда стремится быть иным, не совпадает с собой. Сартр называет нехваткой такую постоянную неудовлетворенность и выводит из нее понятие ценности. Она определяется как состояние сознания, когда нехватка восполнена.

Марксистские теории утверждают, что идеология играет решающую роль в поддержании ценности. Сторонники марксизма высоко оценивали значение классовой интеграции в современных обществах и в то же время недоценивали способность социальных групп к созданию этих ценностей.

В отечественной литературе, в работах О.Г. Дробницкого, В.П. Тугаринова, ценность характеризовалась как свойство общественного предмета или явления удовлетворять потребности социального субъекта (человека, группы, общности, класса), имеющих для них важный жизненный смысл.

Современная трактовка заключается в том, что ценности придают жизненный смысл устремлениям людей, групп, общностей и т.д., способствуют интеграции общества, и указывает на предпочтении тех или иных альтернатив при решении актуальных общественных проблем. Если обобщить все имеющиеся определения ценности, то их можно све-

сти к следующим чертам: образуют ядро культуры; связаны с целеполагающей деятельностью людей и общества; являются смыслом жизни; имеют внеличный, надличностный, а иногда внеисторический характер; позволяют разделить мир сущего и мир должного; задают одну из возможных предельных рамок социальной деятельности; являются важным фактором социальной регуляции.

Таким образом, *ценности* образуют *фокус общественных социальных устремлений*. Важно подчеркнуть тот факт, что ценностные отношения не возникают до тех пор, пока субъект не обнаружил для себя проблематичность удовлетворения актуальной для него цели, связанной со значимыми жизненными ориентациями.

Аналогом философского понятия ценностей в социологической литературе стали *ценностные ориентации*, представления о которых вошли в научный оборот социологии в 20-е гг. XX в. и связываются с именами У. Томаса и Ф. Знанецкого. Они считали их высшей формой проявления установки, которая демонстрирует относительно устойчивое и социально обусловленное избирательное отношение к совокупности идеалов, к материальным и духовным благам, к их достижению и к ориентирам в жизни, в сознании и поведении людей. Среди современных исследователей можно отметить работы В. Франкла, который сгруппировал ценности как *ценности творчества, ценности переживаний, ценности отношений*.

Назначение понятия «ценностные ориентации» заключается в том, что ценности, являясь общепризнанными ориентирами общественного сознания и поведения, приобретают различную степень актуальности, значимости, проблематичности для разных людей, социальных групп и общностей, тех или иных социальных слоев, зависят от пола, возраста, профессии, места жительства, тех или иных мировоззренческих установок, пре-

вращаются тем самым в ценностные ориентации, в которых отражена субъективная их интерпретация личностью, группой, слоем, общностью и т.д.

Ценностным ориентациям присуща прежде всего *регулирующая функция*, позволяющая на основе их анализа делать выводы о поведении, целях и мотивах личности. Ценностные ориентации определяют *направленность* мировоззрения, восприятие социальной реальности, которые обуславливают поступки и действия людей. Они играют огромную роль в *интеграции общества*. Поскольку они направляют вектор социальной активности, их изучение и использование позволяет успешно выполнять управленческую функцию, обеспечивая формулировку как политических, так и маркетинговых программ, согласовав преследуемые цели с потребностями и желаниями населения.

Анализ ценностных ориентаций помогает определять выбор жизненного пути и смысла жизни личности, группе, общности. И что особенно важно, дает возможность выявить типологические группы людей, которых объединяют общие существенные мировоззренческие черты. И хотя ценностные ориентации не должны рассматриваться в качестве единственного и решающего группобразующего фактора, их изучение имеет немаловажное значение для понимания путей преодоления одного из главных препятствий на пути сбалансированного и эффективного развития общественного организма — его разобщенности.

Необходимо уточнить различие в трактовках ценностей и ценностных ориентаций. Если ценности — это материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для всех социальных субъектов с позиций удовлетворения потребностей общества, то производные от них ценностные ориентации есть установки личности, групп, общностей на избранные ими ценности. Стремясь осмыслить специфику ценностных ориентаций, в оте-

ческой литературе сравнивают их со своеобразными «маяками», ориентирами (В.Б. Ольшанский, 1966), называют «призмой», которая усиливает одну информацию и ослабляет другую (А.И. Титаренко, 1980), «локаторами нравственного сознания личности» (Н.Ф. Наумова, 1988), «осью сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека» (В.А. Ядов, 1966), «внутренний стержень культуры, духовная quintэссенция потребностей и интересов индивидов и социальных общностей» (Н.И. Лапин, 1996).

Следовательно, *ценностные ориентации* по сути являются конкретизацией ценностей, воплощаясь в достаточно четкие показатели, и представляют собой сложное образование, в котором можно выделить три основных компонента: когнитивный, эмотивный и поведенческий. Когнитивный есть элемент знания, эмотивный — эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки; поведенческий — связан с реализацией ценностных ориентаций в процессе жизнедеятельности. Соединение этих трех видов представлений дает возможность дать объективную их оценку во всем их многообразии.

Анализируя ценностные ориентации в контексте общественного сознания и поведения людей, можно получить достаточно точное представление о степени развитости индивида, уровне усвоения им всего богатства человеческой мысли и опыта. Вот почему они соотносятся с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой возникла данная ценность или к которой она преимущественно относится: *традиционные ценности*, ориентированные на сохранение и воспроизводство сложившихся целей и норм жизни; *современные ценности*, возникшие под влиянием изменений в общественной жизни. В данном контексте весьма показательны сравнения ценностных ориентаций старшего и молодого поколений, что дает возможность понять их взаимодействие, в том числе и причины конфликтов между ними.

В социологии часто используется понятие *базовые ценности*, которые характеризуют основные ориентации людей как в жизни в целом, так и в основных сферах их деятельности — в труде, в политике, в быту и т.д. Эти базовые ценности, имеющие предметное содержание, могут быть основой для типологизации как сознания, так и поведения, и давать характеристику интеллектуальному богатству человека. К базовым ценностям, формирующим личность, относятся: *здоровый образ жизни*, основанный не на господстве над природой, а на единстве, партнерстве, сотрудничестве, гармонии с ней; *новое качество жизни*, включающее в себя характер труда и его смысл, новую культуру досуга и т.д.; *гуманистическая культура общения* между людьми, в которой другой человек — не средство достижения утилитарных целей, а цель, самоцель, стимулирующая личный интерес; наконец, наиболее важное — *возрастающая потребность в самореализации*, в творчестве, в развитии способностей, в духовном обогащении и т.п. Эти ценностные ориентиры достаточно заметны и являются одними из ведущих (хотя и противоречивых) показателей. Они же отмечают недолговременность ценностей одностороннего эгоизма и в то же время возрастание значения «социальности» форм общения, духовного родства, человеколюбия. Теоретически эту же альтернативу между «вещными» и человеческими ценностями в пользу последних сформулировал известный американский психолог Э. Фромм (1986): «цель человека быть многим, а не обладать многим».

Очевидно, что базовые потребности окончательно формируются в процессе первичной социализации индивида, а затем остаются достаточно стабильными, претерпевая существенные изменения лишь в кризисные периоды жизни человека и его социальной среды. Дальнейшие изменения в жизни затрагивают не столько состав, сколько *структуру*

ценностных ориентаций, т.е. их иерархические соотношения друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми.

Широко используются понятия терминальных и инструментальных ценностей, которые ввел М. Рокич, эмпирически исследовав восемнадцать тех и других. *Терминальные ценности (ценности-цели)* выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей, такие, как ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда и аналогичные им.

В *инструментальных ценностях (ценностях-средствах)* запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения первых. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с другой — качества, способности людей (такие, как независимость, инициативность, авторитетность и др.).

Как показывают социологические исследования, инструментальные ценности в большей мере, чем терминальные, вызывают разное понимание, поддержку и даже трактовку. Более того, иногда они противопоставляются друг другу или игнорируются. Так, в условиях кризисной экономики России резко упала ценность нравственных норм поведения — их заменило стремление к обогащению любой ценой, что привело к резкой девальвации понятий чести, совести, долга. Но одновременно выросла значимость таких черт личности, как самоуважение, самостоятельность, независимость. Следует подчеркнуть, что противоречие между терминальными и инструментальными ценностями является одной из причин формирования девиантной, склонной к преступности личности (Р. Мертон, 1966).

Социологические исследования показывают, что в жизнедеятельности общества огромную роль играют *ценности-*

потребности: в знаниях, информации, а также в формировании своего эстетического и этического видения мира, потребность в общении, а также в определенных средствах удовлетворения своих вкусов и наклонностей.

Иногда используется деление ценностей ориентаций на *материальные и духовные*, а также по *типу деятельности* — экономические (прибыльно — неприбыльно), политические (власть — ее отсутствие), социальные (справедливо — несправедливо), нравственные (добро — зло), эстетические (гармония — хаос).

Имеют определенный эвристический потенциал анализ ценностей ориентаций как *социально одобряемых и социально отвергаемых*, как *положительных и отрицательных*. Так как ценности ориентации людей, социальных групп, общностей, слоев, классов могут существенно различаться, то возможны конфликты. Их разрешение возможно на базе признаваемых большинством социально одобряемых ориентаций, а также достижение культурной и идеологической консолидации общества. Дифференциация ценностей на одобряемые и отрицаемые не имеет ничего общего с делением их на положительные и отрицательные. Речь идет о другом: разные люди по-разному относятся к одним и тем же ценностям, по-разному выстраивают их иерархию в своем сознании.

Анализ современных ценностей-потребностей позволяет утверждать, что в 1990-е гг. возросли темпы появления новых и дифференциации старых. И дело скорее не в том, что люди не испытывали эти потребности, а в том, что их удовлетворение ранее сдерживалось различными ограничениями, надуманными запретами, попытками регулировать вкусы и наклонности человека. В условиях рыночных преобразований возникли и получили распространение такие цели, как умение жить, при достижении которых допускались корысть, неразборчи-

вость в средствах наживы и т.п. Кроме того, стали эксплуатироваться и даже пропагандироваться с помощью средств массовой информации порнография, патологические наклонности. Свобода творить привела к оживлению далеко не бесспорных жизненных ориентиров, что было продиктовано стремлением выделиться, завоевать себе место под солнцем.

В то же время очевидно, что в условиях становления новых эталонов жизнедеятельности важное значение приобретает не запрет, а постоянная поддержка истинных духовных ценностных ориентаций в расчете на то, что время внесет поправки и поставит точки над «i» в потребностях человека.

Таким образом, социология рассматривает ценностные ориентации как ориентированные оценки окружающей действительности. Подобный подход предполагает исследование ценностных ориентаций как элементов общества, которые выполняют нормативные функции. Тогда ценностные ориентации рассматриваются как компонент, связывающий ценности общественного сознания и духовный мир личности, бытие общественное и индивидуальное. Социология изучает, таким образом, степень осознанности ценностей общества и силу их воздействия на поведение людей в конкретных жизненных условиях.

Анализируя ценности в контексте общественного сознания и поведения людей, можно получить достаточно точное представление о степени развитости индивида, уровне усвоения им богатства человеческой мысли и опыта истории. Ценности соотносятся с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой они возникли или к которой они пре-

имущественно относятся: традиционные ценности, ориентированные на сохранение и воспроизводство сложившихся целей и норм жизни; современные ценности, возникшие под влиянием изменений в общественной жизни или в ее сферах.

Все это позволяет сделать вывод, что структура ценностных ориентаций состоит из: 1) целей, в которых в обобщенной форме формулируется то, к чему следует стремиться, что находит отражение в требованиях (стремлениях, пожеланиях, чтоб нечто было осуществлено); 2) критериев (экономических, политических, моральных и т.д.) как меры определенности того, что особенно важно для жизнедеятельности; 3) оценки социального явления (или поступков и действий) с точки зрения желаний и стремлений; 4) средств, с помощью которых возможно достижение желаемой ценности.

Основная литература

Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 741—744.

Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт-Издат, 2005. С. 472—480.

Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 870—873.

Дополнительная литература:

Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2: Пер. с англ. М.: Вече; АСТ, 2001.

Волков Ю.Г. Социология. М.: Гардарики, 2003.

Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.

Динамика ценностей в России / Под ред. Н.И. Лапина. М., 2001.

Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб.: Питер, 2003.

Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века. М., 2000.

Фролов С.С. Социология. Учебник. М., 2003.

Установка

Понятие «установка» было введено в экспериментальную психологию Л. Ланге в 1888 г. в рамках исследования особенностей восприятия и понималось как *«целостная модификация состояния субъекта, направляющая его реакции и взаимодействие»* (Цит. по: Всемирная энциклопедия: Философия. С. 990).

В социологии понятие «социальная установка» (*англ.* attitude) было впервые употреблено в 1918 г. У. Томасом (1863—1947) и Ф. Знанецким (1882—1958) в работе «Польский крестьянин в Европе и Америке». В этом труде данный термин обозначал «ориентацию индивида в качестве члена группы относительно ценностей группы».

Следующий шаг в разработке понятия «установка» сделали ученые Чикагского университета. Один из наиболее известных представителей этой школы, Дж.Г. Мид считал, что установки порождаются и поддерживаются социальными факторами, среди которых центральное положение занимают опыт общения с людьми и способность видеть себя и мир таким образом, которым это определено социальными символами. Мид выдвинул гипотезу, согласно которой индивиды развивают свои установки посредством принятия установок других индивидов.

В ходе более поздних исследований выяснилось, что, независимо от ситуации, влияние других индивидов на установки определяется отношением к информатору, степенью доверия к нему как носителю установок. В дополнение к этому и доверие или недоверие к источнику информации может также рассматриваться как установка.

В современной науке существуют две основные модели установок — *трехмерная и одномерная*. Ученые, придерживающиеся первой модели, считают, что структура установки состоит из трех

уровней: когнитивного, или познавательного (убеждения и мнения относительно объекта: «это должно быть так...»), эмоционального, или аффективного (чувства в отношении объекта: симпатия или антипатия) и поведенческого (деятельностные намерения или тенденции поступков). При этой трактовке установка отождествляется со стереотипом. Три эти компонента существуют автономно друг от друга, однако в то же время и тесно связаны. В рамках этого подхода установка определяется как *«тенденция оценивать некоторую сущность в какой-то мере положительно либо отрицательно, выражаемая обычно в познавательных, эмоциональных и поведенческих реакциях»* (М. Айзенк, ред. С. 341).

В основе одномерной модели установок лежит утверждение о том, что описанные компоненты установки практически не коррелируют друг с другом. Ученые этого направления считают, что только эмоциональная составляющая может считаться надежным показателем направленности установки на объект, и используют термины «эмоции» и «оценки» как взаимозаменяемые. Такие взгляды на структуру установки отразились и на понимании этого термина. Исследователи Р. Петти и Дж. Качиоппо (1981) определили установку как «общее, устойчивое положительное или отрицательное чувство, испытываемое в связи с каким-либо человеком, предметом или вопросом» (В. МакГвайр, 1985) применил рассматриваемое понятие для обозначения *«реакции, посредством которой „предметы мысли“ локализируются в „координатах мышления“»*.

В ходе эмпирических исследований не было найдено окончательного подтверждения той или иной модели, установленные факты свидетельствуют, что различить три составляющие установки очень трудно.

Что касается определений отечественных исследователей, то в рамках концепции известного психолога Д.Н. Узнадзе установка рассматривалась в качестве целостного состояния субъекта, определяющего в его трактовке *get*, направленность сознания на некоторую активность. При этом он полагал, что в качестве необходимых условий возникновения установки к поведению выступают наличие потребности и возможности ее удовлетворения. В таком понимании человек осмысливается как активно действующий субъект, в сознании которого действительность получает определенную оценку, отношение. Иначе говоря, установки предшествуют и обуславливают любую человеческую деятельность. К представителям этой школы относятся Ш.А. Надирашвили, Ш.Н. Чхартишвили, А.С. Прангишвили.

Другое понимание установки связано с именем А.Н. Леонтьева, который развивал деятельностный подход, заключающийся в том, что сутью установки является *предрасположенность к действию*. Такой подход позволяет выделить три функции: интеграционную, координационную, регулятивную. Очень важное положение, по мнению Леонтьева, связано с тем, что установка выступает *регулятором социальных отношений*.

В современной науке понятие «установка» обычно используется при рассмотрении «достаточно стабильной совокупности представлений и оценок, касающихся какой-то идеи, объекта или личности» (цит. по: Глейтман Г. и др. С. 509).

Понимание сущности установки предполагает осознание проблемы сопоставления понятий «установка» и «социальная установка». В этом смысле значима когнитивная теория гипотез экспериментальных психологов Дж. Брунера и Л. Постмана, которые суть установки видят в таком факторе, как согласие с некоторой референтной группой. Другой подход выделен необихевиористом А. Гринвальдом, который полагает, что установка

состоит из четырех последовательно расположенных блоков, включающих: а) условные рефлексы; б) инструментальное научение; в) процесс познания; и г) поведение. Оба подхода, впрочем, были подвергнуты критическому анализу.

Д.М. Булышко определяет социальную установку как «фиксированную в социальном опыте личности (группы) предрасположенность воспринимать и оценивать социально значимые объекты, а также готовность личности (группы) к определенным действиям, ориентированным на социально значимые объекты» (цит. по: Всемирная энциклопедия: Философия. С. 990).

Д. Катц (1960) выделил четыре функции, которые, по его мнению, выполняют установки: *познавательную* — координирование деятельности человека по познанию социального мира, в котором он обитает, посредством структурирования и организации получаемых сведений; *утилитарную* — способствование достижению целей, получению вознаграждения и избеганию наказаний; *ценностно-экспрессивную* — формирование понимания человеком того, чем он является; *эго-защитную* — сокрытие каких-либо чувств относительно себя или своего положения.

Большое теоретическое и практическое значение имеет вопрос о наличии *связи и установки поведения*. Предположения о ее существовании делаются на основании трехмерной модели установок. В ее основе лежит предположение о том, что показателем того, положительна или отрицательна установка, являются как оценочные и эмоциональные, так и поведенческие реакции на ее объект. Значит, существует возможность наличия определенной степени соответствия между оценочной и поведенческой реакциями.

Теория когнитивного диссонанса (Л. Фестингер, 1954) утверждает, что при обнаружении каких-либо несоответствий в своих познаниях индивид стремится путем изменения установок уменьшить или

устранить появившийся в его сознании когнитивный диссонанс.

В то же время исследование, проведенное Р. Лапьером в 30-х гг. XX в., позволило ему сделать вывод о том, что установки далеко не всегда связаны с поведением.

А. Уикер обобщил 45 исследований, посвященных данной проблеме, и выяснил, что в большинстве случаев корреляция между поступком и установкой не превышала величину 0,3, только 10% поступков могли быть объяснены установками.

Реакция ученых на исследования 1970-х гг. в области взаимосвязи поведения и установок проявилась в изучении таких факторов, которые могли бы влиять на силу соотносительности поступков и установок, а не на собственно его наличие и масштаб.

Однако подходы к рассмотрению связи действий и установок, о которых говорилось выше, весьма индивидуальны. В них не идет речи о контексте, в рамках которого проявляются рассматриваемые явления. С учетом этого была разработана *теория обоснованного действия*, совмещающая такие показатели поступка и установки, как действие, предметный контекст и временные составляющие, и полагающая установку одной из возможных детерминант поведения, в то время как под непосредственной ее детерминантой понимается поведенческое намерение. Эта теория имеет дело главным образом с произвольными поступками, в отношении которых индивидам приходится осуществлять выбор.

Теория обоснованного действия была несколько пересмотрена и «превращена» в теорию *планируемого поведения*, цель которой — найти объяснение поступкам не только произвольным, но и таким, которые не определяются волей индивида. Эта теория вводит новый критерий оценки поведенческого намерения — воспринимаемую управляемость поведением.

В отечественной социологии разработке проблем установки уделял большое внимание В.А. Ядов. Он рассмат-

ривал диспозиционно-установочные явления в рамках общей диспозиционной структуры личности как целостного субъекта деятельности. Ядов полагал, что главной функцией диспозиционной системы выступает психическая регуляция поведения индивида в социальной среде. Согласно его представлениям, через диспозиционную систему устанавливается связь между потребностью, ситуацией и действием: *под воздействием ситуации и соответствующих потребностей диспозиционные образования формируются как готовности к действию*. Ядов разработал иерархическую систему диспозиций, включающую четыре уровня. К низшему уровню относятся элементарные фиксированные установки, формирующиеся в простейших ситуациях на основе витальных потребностей и регулирующие поведение в некоторой предметной ситуации. Второй уровень включает систему социальных установок (социальных фиксированных установок). Они регулируют социально значимые поступки в данных обстоятельствах. Базовые социальные установки, составляющие третий уровень иерархии, представляют собой общую направленность интересов личности на ту или иную сферу социальной активности. Определяющее значение в регуляции социальной деятельности личности в целом имеют ценностные ориентации на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей, составляющие высший уровень диспозиционной иерархии. Если элементарные фиксированные установки неосознаваемы, в них отсутствуют когнитивные компоненты, то следующие уровни установок включают когнитивный, эмоциональный (оценочный) и поведенческий компоненты.

На первом уровне формируются элементарнейшие установки человека, которые отчасти могут выступать как бессознательное, нечто привычное. Здесь установки понимаются так, как их трактовал Узнадзе. На втором уровне выступают уже более сложные диспозиции, которые представляют собой аттитюды.

На этом уровне вырабатываются некоторые отношения, поэтому и выделяются предложенные М. Рокичем «аттитюд на объект» и «аттитюд на ситуацию», которые имеют при этом трехкомпонентную структуру (аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты). На третьем уровне установки связаны со сферой деятельности человека: они выступают уже как базовые социологические характеристики, определяющие направление интересов человека. Так же как и установки предыдущего уровня, эти имеют трехкомпонентную структуру и определяют отношение, но уже не к объекту, к целой сфере. Четвертый уровень составляют ценностные ориентации личности. Этот уровень имеет такую же структуру, как и три предыдущих, но с тем отличием, что когнитивный компонент проявляет себя сильнее других, поскольку такие ситуации, которые складываются в обществе, требуют размышлений.

Обобщая различные подходы к пониманию социальной установки, можно вернуться к попытке найти теоретическое объяснение социально значимого поведения. Примером такого плодотворного подхода является концепция В. Мак Дугала (1908). Он считал возможным трактовать установку через такие понятия, как «инстинкт», «привычки» и «чувства». Уточняя трактовку, можно сказать, что социально значимое поведение обусловлено: 1) инстинктивными побуждениями, которые подсказывает социально-психологическая природа индивида; 2) привычными действиями ближайшего окружения и социальной организации (места работы, отдыха, времяпровождения и т.д.); 3) волевыми ориентациями (волевой установкой), которую сформировал жизненный опыт и которую человек намерен реализовать («я поступлю так, как считаю целесообразным и важным для себя»), исходя как из личных, так и из общественных потребностей.

Изменение и стабильность установок — принципиальный вопрос, возникающий в ходе их исследования. Несмотря на

возможность изменения установок из-за убеждения (если источник информации располагает к доверию и авторитетен) и из-за потребности человека в поддержании своего знания (информации), они достаточно стабильны, без чего невозможен был бы полноценный процесс самоидентификации. Стабильность установок встречается чаще, нежели их изменение: в основном люди не выходят за пределы своего социального и экономического окружения. Данный принцип лежит в основе существования стереотипов.

Цель такого явления, как *убеждающая коммуникация*, состоит в формировании у индивидов сознания необходимости совершить какое-либо действие. Среди обширного набора факторов, определяющих успех такого рода сообщений, не последнее место занимают их содержание, а также характеристики личности, от которой исходит информация. Поведение может изменять установки, если между ними существует определенное разногласие. Для его преодоления нужно менять единственно пригодную для этого в такой ситуации величину — установку, так как поведение постфактум изменить невозможно.

Обобщая различные подходы к пониманию социальной установки, можно вернуться к попытке найти теоретическое объяснение социально значимого поведения. К такой плодотворной попытке относится концепция В. Мак Дугала, выдвинутая еще в начале прошлого века. Он считал возможным трактовать установку через такие понятия, как «инстинкт», «привычки» и «чувства». Уточняя трактовку, можно сказать, что социально значимое поведение обусловлено: 1) инстинктивными побуждениями, которые подсказывает социально-психологическая природа индивида, 2) привычными действиями ближайшего окружения и социальной организации (места работы, отдыха, времяпровождения и т.д.), 3) волевыми ориентациями (волевой установкой), которые сформировал жизненный опыт человека и которые он намерен ре-

ализовать («я поступлю так, как считаю целесообразным и важным для себя»), исходя как из личных, так и общественных потребностей.

В заключение надо отметить, что социальная установка является специфическим явлением, тесно связанным с такими компонентами сознания, как потребности, мотивы, ценности, интересы.

Социальную установку, таким образом, следует рассматривать как *детерминированную социальным опытом модель восприятия и отражения идеальных или материальных объектов действительности, рациональное и чувственное представление о возможности осуществления тех или иных действий для достижения поставленных целей.*

Следует подчеркнуть тот факт, что в современной науке прослеживается тенденция отказа от определения установки как готовности к конкретному способу реагирования в пользу предрасположенности личности к данной реакции.

Основной метод измерения социальных установок — *шкалирование* посредством шкал Р. Лайкерта, Л. Гутмана, Л. Терстоуна, Э. Богардуса.

Знание о социальных установках имеет большое фундаментальное и прикладное значение при изучении общественного сознания и поведения личности и социальных групп, механизмов влияния средств массовой информации, по-

литического поведения избирателей, формирования общественного мнения.

Основная литература

Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001.

Цапко М.С. Установка социальная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 688—689.

Шихирев П.Н. Установка социальная // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 844—845.

Ядов В.А. Диспозиционная концепция личности // Социальная психология. М., 1979.

Дополнительная литература

Айзенк М. (ред.) Психология: комплексный подход / М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др. Минск: Новое знание, 2002.

Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии / Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М.: Изд-во МГУ, 1977.

Глейтман Г. и др. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Майерс Д. Социальная психология. 6-е изд. СПб.: Питер, 2002.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.

McGuire W.J. The nature of attitude and attitude change // Lindzey G., Aronson E. (Eds.). Handbook of social psychology. Vol. 2. New York: Random House, 1985. P. 233—346.

McDougall W. An Introduction to Social Psychology. Courier Dover Publications, 2003.

Е.И. Потоцкая

Интерес

Понятие «интерес» (от *лат.* interest — иметь значение) появилось в социологии в XIX в. и стало одним из ее ключевых понятий. По мнению И. Канта (1724—1804) и Г. Гегеля (1770—1831), *интерес* — *реальная причина деятельности социальных субъектов*, лежащая в основе непосредственных побуждений, идей, действий, определяющаяся положением и ролью этих субъектов (индивидов, социальных групп) в системе общественных отношений. Социальный интерес — это форма, в которой индивид (социальная группа,

сообщество) непосредственно осознает свое реальное положение и свои потребности, выражающиеся в форме целей, которые ставит себе индивид.

Другую трактовку интереса дал А. Адлер (1870—1937), который рассматривал *интерес* как *элемент мотивационно-потребностной сферы индивида*. По его представлениям, социальный интерес является основой интеграции в общество и способствует устранению чувства неполноценности. Понятие социального интереса определяется как стремление

к кооперации с другими людьми для достижения общих целей, готовность к состязательности, ответственному выбору, творчеству.

Еще одна трактовка интересов связана с характеристикой *осознанного и объективно обусловленного пути удовлетворения значимых (а не просто повседневных) потребностей*. В этом случае интерес выступает и как путь, и как совокупность средств, вещей, услуг, позволяющих удовлетворять потребности. Однако их связь нельзя назвать прямолинейной: важен аспект осознания потребностей.

Особое внимание этому понятию уделено в трудах советских (российских) социологов. А.Г. Здравомыслов, признавая, что интерес является непосредственным побудительным мотивом деятельности человека, обращает внимание на другую его сторону — интерес есть также нечто *объективное*, не зависящее от воли и сознания человека. Интерес, таким образом, это не просто социальное положение, а положение, рефлексирующееся в сознании, и вместе с тем сознание, переходящее в действие. Интерес является и объективным отношением, и субъективным побудителем — единством объективного и субъективного, отражая положение индивидов и групп в социально-экономической и политической структуре общества.

Г.Н. Соколова утверждает, что *интересы — это предметно выраженные общественные отношения*. По ее мнению, социальные интересы, во-первых, всегда имеют своих носителей, т.е. принадлежат реальным субъектам, вступающим в отношения между собой. Во-вторых, социальные интересы по природе своей объективны, являясь отражением роли соответствующих субъектов в процессе общественного разделения труда, их связи с определенным типом общественного присвоения. В-третьих, общественные отношения, проявляясь в интересах, обретают характер движущих сил общественного развития. Интерес трактуется так же, как окрашенное положительными эмоциями сосредоточение внимания

на определенном предмете, объекте, являясь воплощением познавательной потребности и направленности личности. Интерес может рассматриваться как *непосредственный интерес* (обусловленный привлекательностью самого объекта), так и *опосредованный* (как средство достижения поставленной цели (В.Г. Зазыкин).

Обобщая имеющийся в литературе материал, можно сказать, что в самом общем виде интерес отражает избирательное отношение к предмету. Исходя из этого, различают следующие трактовки сущности и содержания интересов: 1) *интерес как реальная причина*, лежащая в основе мотивов и целей. В таком случае интерес представляет собой «фокус устремлений» его носителей; 2) *интерес как отношение*, обычно выражающееся в устном заявлении об осознанном отношении к тому или иному объекту; 3) *интерес как потребность*, выражающееся в стремлении удовлетворить ту или иную нужду посредством участия в личной или групповой деятельности; 4) *интерес как установка*, сложившаяся в процессе длительного взаимодействия с другими людьми и окружающей средой и сохраняющей свою направленность в различных социальных ситуациях; 5) *интерес как ориентация на достижение главного* (часто это значимая и актуализированная потребность), что обычно выражается в направленности на получение определенных результатов в результате взаимодействия и сопоставления с ориентациями других людей и групп, так как от этого зависит распределение ценностей и благ.

При характеристике интереса различают *познавательный, волевой и эмоциональный компоненты*. Если нельзя реализовать интерес, то вступает в действие или механизм адаптации, т.е. приспособление человека к окружающей среде, или аномия, когда человек понимает невозможность удовлетворения своих интересов и наступает период полного отвержения или равнодушия к обязывающим их нормам.

Классификацию интересов можно осуществить по следующим основаниям.

В качестве *субъекта интереса* его носителями могут выступать индивиды, различные социальные и этнические группы, слои, когорты, классы, общества, государства и даже мир в целом.

По *степени общности* — индивидуальные, групповые, национальные, общественные интересы. Особенность этой точки зрения в понимании интереса как структурного элемента личности — он всегда побуждает к познавательной деятельности. В данном смысле интерес тесно связан с освоением человеком окружающего мира в форме знаний. Поэтому интерес может быть охарактеризован как познавательное влечение. Что касается групповых интересов, то с них начинает преобладать волевой компонент, как стремление добиться реализации поставленных целей. Общественные интересы могут существовать как в латентном (неосознанном) виде, так и в форме открытой, осознаваемой идеи. В первом случае для осознания общественных (например, классовых) интересов большую роль играют политические силы (партии) или ученые, которые их выявляют.

По *предметной направленности* — экономические, политические, духовные, экологические, образовательные и другие интересы.

По *широте охвата* — утилитарные либо общественно значимые интересы. Они могут быть сосредоточены в рамках интересов одной личности, одной организации или касаться интересов всего человечества.

По *глубине* — могут быть воплощены в прагматическом сиюминутном предпочтении или они могут касаться перспективных проблем развития. Это наглядно видно при анализе интересов предприятия и особенно национальных интересов.

По *отношению к объективным тенденциям общественного развития* — интересы могут отражать прогрессивные, регрессивные, консервативные и другие идеи.

По *характеру* — альтруистические, индивидуалистические, эгоистические, классовые и корпоративно-групповые интересы.

По *возможности осуществления* — интересы могут характеризоваться как реальные или мнимые (проектерские).

По *длительности* — краткосрочные, среднесрочные и долговременные интересы.

Кроме того, интересы могут различаться по *укорененности*, по *устойчивости*, по *силе* влияния на личную и общественную жизнь, а также по *степени осознанности* (действующие стихийно или на основе разработанной программы).

Таким образом, *интерес* — свойство любого социального субъекта, *выступающее в качестве побудительного механизма познания и деятельности, подталкивающего данного индивида к более глубокому ознакомлению с новыми фактами, событиями, теориями в любой сфере действительности, к преобразованию последней в соответствии со своими устремлениями, представлениями, целями*. В интересе важен элемент сопоставления, который рождает состязательность, соревнование, конкуренцию при осознанном стремлении к его экспансии, что нередко рождает конфликт.

При социологической трактовке интереса особое внимание обращается на следующее: 1) сосредоточение внимания и действий на достижении определенных целей; 2) факторы, активизирующие интересы человека, группы, общности; 3) осознанные потребности; 4) возможность полного развития своих возможностей и самого себя (по Э. Фромму).

При выяснении сущности интереса выделяют четыре основные позиции: 1) социальное положение субъекта, или совокупность его связей с обществом; 2) степень осознания положения (может варьироваться от полного непонимания до ясного осознания); 3) мотивы деятельности, направленные на определенные объекты интереса; 4) само действие, представляющее собой утверждение субъекта в объективном мире. Интерес, таким образом, отражает социальное положение субъекта и определяется им же. Эту объективную зависимость интересов индивидов от материальных условий их жизни можно классифицировать как закономерность. Их разное положение в обществе обуславливает различие интересов и соответственно средств их удовлетво-

рения, их роль в системе социально-экономических и социально-политических отношений, в том числе и на рынке труда.

Следовательно, интерес — это направленность субъекта на значимые для него объекты. В отличие от потребностей, которые сосредоточены, прежде всего, на предмете их удовлетворения, интерес направлен на социальные институты, нормы взаимодействия в обществе, от которых зависит перераспределение ценностей и благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей. Интересы выступают важнейшей детерминантой деятельности. Они трансформируют действия социальных тенденций (закономерностей) в цели людей, побуждают их с объективной необходимостью следовать в своем поведении логике этих тенденций. Поэтому общественные отношения проявляются прежде всего как интересы людей.

Интересы в мировой истории редко выступали в чистом виде; обычно они облекались в те или иные идеологические (идеология) или нравственно-этические (мораль) одежды, с помощью которых частный (личный, групповой) интерес приобретает вид общественного.

Таким образом, интерес лежит в основе любых форм сотрудничества или борьбы между социальными субъектами, порождая различные формы взаимодействия — от содружества, согласования до подчинения прямого или косвенно-

го, вплоть до их экспансии, что нередко лежит в основе конфликта. Каждая социально-экономическая и социально-политическая трансформация общества сопровождается резким изменением баланса интересов, что порождает борьбу, конфликт классовых, национальных, государственных интересов, лежащих в основе революций и социальных переворотов в мировой истории.

Основная литература

- Психологический словарь*. М.: Педагогика, 1983. С. 138—139.
Социологическая энциклопедия. М., Мысль. 2003. Т. 1. С. 382—384.
Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 185—186.
Экономико-социологический словарь. Минск, 2002. С. 144—146.
Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 242—243.

Дополнительная литература

- Зазыкин В.Г.* Психологические основы гуманистической рекламы. М.: РАГС, 2000.
Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.
Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М., 1988.
Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма; ИНФРА-М, 1998.
Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение: СПб.; М.; Харьков; Минск, 1997.
Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

Ж.Т. Тощенко,
 О.Н. Хухорева

Специфические формы общественного сознания

Идеология

Термин идеология (от *греч.* idea — идея, представление и *logos* — слово, учение) — был введен в общественное знание французским философом и экономистом А. Дестют де Траси в самом на-

чале XIX в. для обозначения особой отрасли знания, которая должна изучать происхождение и функционирование идей в том или ином обществе. С его точки зрения, идеология — это наука об

идеях. Ей он посвятил четырехтомный труд «Элементы идеологии» (1801—1815).

Понятие «идеология» — одно из тех, смысловое значение которых коренным образом менялось несколько раз. Множественность трактовок идеологии сохраняется и поныне, острые научные и политические дискуссии по ее проблемам продолжают до настоящего времени. В о - п е р в ы х, идеология трактовалась как ложное знание. Наполеон Бонапарт употреблял это слово в смысле не науки об идеях, а как некоторой совокупности идей, которые оторваны от реальной жизни, не имеют непосредственного практического применения, но могут нанести огромный вред. Для него «идеологи» — пустые мечтатели, не способные к практическим действиям. Их учения — «опасная метафизика».

В о - в т о р ы х, важнейшую роль в истории философия и социологического понимания идеологии сыграла ее марксистская трактовка. С помощью понятия «идеология» обозначалась обусловленность сферы идей материальными общественными отношениями и интересами. При этом само понятие идеология употреблялось в широком и узком смыслах. Разрабатывая материалистическое понимание истории, К. Маркс (1818—1883) доказывал, что идеология в широком смысле — это один из компонентов общественного сознания, идейная часть надстройки, которая детерминируется базисом общества, прежде всего экономическими отношениями. Ф. Энгельс (1820—1895) неоднократно подчеркивал, что политическое, правовое, моральное, религиозное сознание — все это идеологии. Они подчеркивали также, что социалистическое учение является наукой, а не идеологией. И в этом видели коренную противоположность своей социально-политической и философской доктрины как науки и различных либеральных, консервативных, религиозных и других течений общественной мысли как проявлений идеологического сознания.

В - т р е т ь и х, идеология в узком смысле слова трактовалась как искаженное, иллюзорное сознание, которое детерминируется интересами господствующих классов или групп, а потому односложно отражает и описывает картину социальной реальности. Такая трактовка получила большое распространение в творчестве многих общественных деятелей — теоретиков анархизма, последователей Прудона, легальных марксистов и др.

В - ч е т в е р т ы х, важным поворотом в понимании сущности идеологии стала ленинская концепция. Основываясь на марксистском положении о классовом характере общественных идей и теорий, В.И. Ленин ввел в оборот понятие «научная идеология» и таким образом провел решающее разграничение не между наукой и идеологией, а между «научной» и «ненаучной идеологией». Он провозгласил марксизм идеологией рабочего класса, идеологией революционной борьбы за свержение капитализма и построение социализма. Так, на передний план выдвигалась функциональная проблематика: функции идеологии в обществе в целом и в отдельных его сферах, взаимосвязи идеологии и практически-политической деятельности, природа непосредственно идеологической деятельности и ее организационных форм, институционализация идеологии в массовом сознании посредством механизмов пропаганды и агитации, печатного и устного слова, необходимость противостояния классово «чуждым», «враждебным» системам идей.

В XX в. К. Мангейм (1893—1947) обосновал либеральную трактовку идеологии: хотя он отталкивался от некоторых марксистских идей, в частности идеи о социально-классовой обусловленности и принципиальной противоположности научного и идеологического знания, он стремился конкретизировать понимание феномена идеологии посредством введения нескольких дополнительных ее определений. Из них наиболее важные — «частичное (партикулярное)

понятие» (т.е. идеологии классов, групп и т.д.) и «тотальное (всеобщее) понятие идеологии» (идеология всего общества, эпохи). Оба понятия отражают несовместимость идеологии и науки. Мангейм считал, что идеология — это сознание господствующих в обществе групп и классов. Ему противостоит утопическое сознание — сознание классов и групп, борющихся за власть в обществе. Он также классифицировал основные массовые политические идеологии своего времени и дал их описание. В своем главном труде «Идеология и утопия» (1929 — немецкое издание, 1936 — расширенное английское издание) он выделил пять социально-политических (идеологических) течений: бюрократический консерватизм, консервативный историзм, либерально-демократическое буржуазное мышление, социалистическо-коммунистическая концепция, фашизм.

Проблемы идеологии активно разрабатывали представители Франкфуртской философско-социологической школы. Опираясь на понимание идеологии как разновидности ложного сознания, они сосредоточили внимание на анализе социальных функций идеологии, подчеркивали опасности, которые возникают в такой ситуации для человека и общества. Критика идеологии служила для них формой критики современного капиталистического и социалистического общества. В частности, Г. Маркузе («Одномерный человек», 1965) акцентировал внимание на анализе идеологии как формы нормативного сознания, которое ограничивает свободу мышления человека и искажает его. По его мнению, идеология устанавливает правила, стандарты, нормы, а значит, и пределы творческого мышления. Идеология господствующих классов проникла во все сферы жизни современного общества и стала фактором идейного подавления, идейной репрессии по отношению к человеку.

Следует отметить еще два взаимосвязанных, но внешне противоположных

течения в западной общественной мысли 1950—1980-х гг. Это, во-первых, теории «заката идеологического века». Д. Белл («Конец идеологии», 1960), С.М. Липсет («Политический человек», 1960) и ряд других исследователей утверждали, что идеологическое сознание — специфический исторический феномен, порожденный экономическими, политическими условиями и классовыми отношениями западного общества периода конца XVIII — середины XX в., для которого характерны недостаточная экономическая развитость индустриального общества, острая классовая борьба, политические революции, слабость социальных наук. К 1960-м гг. этот период, по их мнению, закончился, западное общество становится обществом «массового потребления», оно решило свои фундаментальные экономические и политические проблемы, стало «хорошим обществом», классовые и идеологические конфликты в нем «затухают», на первые места в нем выдвигаются наука, профессионализм, компетентность в решении общественных проблем, в государственном управлении и бизнесе, а не идеологические споры. Эта теория «деидеологизации» была встречена остро критически не только марксистской мыслью, но и практически всеми «новыми левыми» (Р. Миллс). Во-вторых, одновременно большое влияние приобрели теории, отстаивающие представления о «реидеологизации», т.е. глубоком осознании социальной значимости и политической силы идеологии не только в прошлом, но и в современных условиях, усилении внимания к идеологическим проблемам своих стран, усилении противостояния коммунистическим и социалистическим идеям (Р. Дарендорф, Э. Гидденс).

К началу XXI в. сложились следующие важнейшие направления исследования идеологии.

1. *Структурное*: идеология рассматривается как феномен духовной жизни общества, специфический уровень обще-

ственного (массового) сознания; выявляются формы соотношения идеологии и науки, идеологии и искусства, идеологии и общественной психологии, идеологии и мировоззрения и т.д. Исследователи показывают, что идеология — это в той или иной форме систематизированное теоретическое сознание, в отличие от таких несистематизированных форм, как обыденное сознание, общественная психология. Необходимым структурным элементом идеологии является ее ценностная ориентированность; наличие классовых, групповых и других оценок социальной действительности, существующих общественных порядков, государственного устройства, политики правящих групп и оппозиционных сил и т.д.

2. *Генетическое*: основные проблемы связаны с изучением социокультурных, исторических, экономических, политических и иных условий происхождения идеологии. Особое внимание уделяется анализу механизмов детерминации конкретных идеологических концепций общенациональными или классовыми, групповыми, клановыми интересами различных социальных и политических сил, обусловленность содержания этими интересами. Многие исследователи подчеркивают такой важный момент идеологии, как наличие различной степени социально-классовой детерминированности различных идеологических доктрин и наличие разной степени адекватности выражения общенациональных, классовых, групповых интересов в разных идеологиях.

3. *Функциональное*: изучение социальных функций идеологии в различных социокультурных и политических средах, ее ориентированность на оправдание или критику и отрицание данной среды, механизмы осуществления такой ориентированности. Идеология изучается так же, как фактор индивидуального коллективного поведения в условиях, например, массовых социальных (груп-

повых, классовых, религиозных и др.) движений.

4. *Институциональное*: изучение институционализации идеологии в социальных и социетальных системах, идеологических аппаратов государств, партий, движений, средств и методов пропаганды, идеологического влияния, механизмов и форм манипулирования сознанием и поведением людей.

Обобщая эти представления, можно сказать, что *идеология* — это совокупность (система) теорий и идей, которые выражают интересы (осознанные или стихийные) социальных классов, групп, общества и государства, объясняют сквозь призму этих интересов социальную реальность и содержат директивы, программы, рекомендации практического действия по достижению поставленных целей.

Исследовательские ориентации проблем идеологии в отечественной социальной науке последних десятилетий претерпели существенные изменения. В Советском Союзе в первые годы перестройки основные усилия исследователей были сосредоточены на уточнении и комментировании положений, высказанных классиками марксизма. При этом расхождения между пониманием идеологии основоположниками марксизма и Лениным обычно интерпретировалось как дальнейшее развитие марксистского учения. В связи с расширением поля конкретных социологических исследований большое место стала занимать проблематика общественного мнения, изучения теории и практики идеологической деятельности КПСС, ее эффективности. Важное место отводилось так называемой критике буржуазной и ревизионистской идеологии, под которыми нередко понимались не только непосредственно политико-идеологические доктрины, но и философские, социологические, экономические, нравственные концепции.

В 1990-е гг. общий вектор исследований по проблемам идеологии существен-

но изменился. Отчуждение властных структур от самого понятия идеологии, осуждение ими не только ортодоксальной коммунистической доктрины во внутренней и внешней политике предыдущего периода, но и любой идеологии нашло соответствующее отражение как в политике, так и в научно-исследовательских и пропагандистских публикациях. Заметное место стали занимать концепции, обосновывающие необходимость деидеологизации внутренней и внешней политики государства, деидеологизации общественных наук, искусства, художественной литературы и т.д. Этот антиидеологизм, как представляется, был в значительной степени реакцией на жесткий идеологический контроль со стороны КПСС того периода, когда партия обладала монополией в области идеологии, была «руководящей и направляющей силой» советского общества. Критический настрой в отношении идеологии дал возможность в социологической и социально-философской мысли отойти от догматизма и примитивизма, более детально проанализировать природу, социальные функции идеологии, такие традиционные проблемы, как взаимосвязь идеологии и науки, идеологии и политики, идеологии и массового сознания. Но вместе с тем абсолютизация антиидеологизма вела к некорректным теоретическим выводам, неверной ориентации в исследовании общественного мнения и ценностных ориентаций населения, к дезориентации в отношении целей и средств осуществления внутренней и внешней политики государства. Реальная политика и новые исследовательские прак-

тики начала нового столетия свидетельствуют о том, что наступает период более трезвого, взвешенного подхода к идеологической проблематике без крайностей, без эйфории. Важное место в них занимают коренные вопросы теории идеологии, идеологической ситуации, места и функций идеологии в демократическом обществе, ее роли в формировании стратегических целей развития российской государственности.

Основная литература

- Мангейм К.* Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии».) М., 1966.
Москвичев Л.Н. Идеология // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003.

Дополнительная литература

- Волков Ю.Г.* Идеология современной России. М., 2004.
Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. М., 1999.
Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994.
Тощенко Ж.Т. Идеология и жизнь. М., 1984.
Тощенко Ж.Т. Идеологические отношения (опыт социологического анализа). М., 1987.
Формирование новой российской идеологии // Свободная мысль. 2000. № 3.
Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe, 1960.
Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. Frankfurt am Main, 1964.
Lipset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. New York, 1960.

Л.Н. Москвичев

Настроение социальное

Заслуга в исследовании феномена «настроение» принадлежит психологам, которые долгое время трактовали его как способ, метод проявления эмоций и

чувств, что формировало представление о нем, как нечто случайном, эфемерном, быстро проходящем и неустойчивом явлении.

Такие выражения, как «настроение испортилось», «настроение поднялось», «настроение изменилось», отражают состояние внутреннего мира человека, реакцию на происходящие процессы в личной и общественной жизни. Уже иное, более глубокое и весомое имеется в виду, когда говорится: «сделано под влиянием настроения», «настроение у меня на работе хорошее (плохое)». В данном случае появляется не просто ситуативная характеристика одного из компонентов сознания и поведения: возникает картина особого типа восприятия и отношения к миру, которая во многом определяет оценку происходящего в непосредственном окружении.

Еще более значительный смысл вкладывается, когда характеризуется степень воздействия на окружающий мир: «настрой на дела», «настроение поддержать (дело, руководителя, партию)» и другие подобные выражения, когда подразумеваются две существенные характеристики: активность и длительность функционирования важных позиций в сознании и поведении людей.

И наконец, совсем по-иному звучит данное понятие, когда люди характеризуют или описывают свое настроение по отношению ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут. В этом случае человек, не всегда сознавая или осознавая частично всю совокупность происходящих вокруг него процессов, аккумулирует в своем сознании многие элементы восприятия и суждения о самых разнообразных проявлениях и реакциях в обществе, окружающей действительности и, взвешивая на невидимых миру весах свое отношение к окружающему миру, выносит окончательное суждение о процессах, в нем происходящих. Это уже не случайное, не ситуативное, временное образование — это вполне весомая характеристика активнейшего взаимодействия с окружающей средой. Причем такое, которое

выступает решающим фактором, доминантой по отношению к другим компонентам сознания и поведения.

Социальное настроение как реальное социально-психологическое образование является продуктом духовно-практического освоения мира. Его специфика состоит в том, что оно отражает действительность, реальность, исходя из содержания коренных интересов субъекта, его конечных целей и идеалов. Действительность, отраженная через социальное настроение, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей социальной и духовной жизни.

Социальное настроение является регулятором человеческой деятельности в процессе преобразования мира и самого субъекта деятельности. Оно формируется при воздействии различных факторов человеческой практики, непосредственно вплетено в жизнедеятельность. Социальное настроение, следовательно, проявляет себя как функциональная единица социального и психосоциального освоения действительности. Такие его компоненты, как эмоции, чувства, складывающиеся под воздействием социальной практики, формируют умонастроения, ценностные ориентации и убеждения, которые воплощают «те или иные представления о реальном объекте внешнего мира и выступают как устойчивый интерес и мотив действия по отношению к этому субъекту, являющемуся для человека определенной ценностью» (С.А. Рубинштейн, 1940).

Социальное настроение наряду со статическим обладает и динамическим измерением, которое определяет не только его изменяющиеся элементы, стадии и формы, но и его сущность. Социальное настроение порождается противоречиями в социальном бытии, специфически отражает социальные цели людей, вступающих нередко в конфликт, с возможностями их удовлетворения.

Одной из характерных его черт является его транслируемость от одного человека к другому, от одной группы людей к другой, а следовательно, возникают социальная взаимосвязь и взаимозависимость индивидов одного настроения.

В социальном настроении опосредованно отражается социальный опыт людей, живущих в различных условиях и обладающих дифференцированными знаниями, привычками, стремлениями. По своей сути оно представляет эмоционально-рациональное состояние, реакцию, предполагающую взаимный обмен между участниками реального или предполагаемого события и зависящую от степени решаемости социальных проблем

в интересах людей, социальных групп, организаций, институтов. Роль социального настроения связана с его способностью выступать в одних случаях в качестве ускорителя, катализатора, а в других, наоборот, в качестве сдерживающего рычага социальной деятельности индивидов и социальных групп.

Социологическое видение (структура) социального настроения — это многоплановое, многокомпонентное явление, которое в силу своей значимости и своего влияния представляет уникальный в научном и практическом отношении социальный феномен, оказывающий важное, а порой решающее воздействие на общественные процессы (приводится на схеме).

1-й уровень	<i>Социальное самочувствие</i> Актуальное знание Эмоции Чувства Историческая память Общественное мнение
2-й уровень	<i>Оценка и самооценка</i> социального статуса социального положения социальной роли социального престижа
3-й уровень	<i>Социальные ожидания и притязания</i> Жизненные цели Ценности и ценностные ориентации Установки Интересы Воля
4-й уровень	<i>Социальная позиция</i> Мировоззрение Убеждения Жизнеощущение Оценка социального опыта

Принципиальная схема социального настроения

Вместе с тем каждый из этих элементов характеризует часть, лишь одну из сторон социального настроения. Его содержание проявляется лишь во всем богатстве взаимосвязей всех элементов, выражая в концентрированном виде их

многообразную сущность, в которой нередко трудно выделить отдельные составляющие социального настроения.

Следовательно, *сущность социального настроения* проявляется в том, что оно всегда имеет *общественно-значимое содержание*

жание; определенные условия и среда характеризуют различные стадии его проявления; конкретных носителей (субъектов). Оно формируется реальной жизнью в процессе освоения действительности и затем конструктивно влияет на эту действительность, выражаясь через эмоциональные состояния, умонастроения, ценностные ориентации и убежденность индивидов.

Важнейшей сущностной характеристикой социального настроения является его способность аккумулировать в себе влияние и воздействие различных субъективных и объективных факторов, взаимодействие внешнего и внутреннего мира человека, сложный алгоритм взаимоотношений активных общественных сил с мироощущением индивида. В результате социальное настроение выступает как такое жизненное образование, которое концентрирует ведущие элементы (доминанту) сознания и поведения человека, актуализирует их и превращает в важнейшую, а иногда и главную основу, базу общественной (публичной) и личной (частной) жизни.

Таким образом, социальное настроение, будучи зависимым от психофизиологических элементов (состояния здоровья), складывается из непосредственного восприятия мира (чувств, эмоций), мировоззренческих компонентов (умонастроения, убеждений), оценок социального опыта, социальных целей и интересов,

а также духовных запросов и устремлений, что проявляется в социальных ожиданиях и социальной позиции его субъектов. Оно дает ответ не только на содержательную характеристику общественного сознания, но и в известной мере характеризует степень устойчивости общества, уровень его толерантности и конфликтности.

Все это позволяет сделать вывод, что социальное настроение — целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания, отражающего уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением социальных целей и интересов. Социальное настроение формируется под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуется (или не реализуется) в практической деятельности.

Основная литература

Настроение социальное // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 19—20.

Настроение // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 430—440.

Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1965.

Дополнительная литература

Левада Ю.А. Советский человек. М., 1996.

Ольшанский Д. Социальное настроение. М., 1999.

Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996.

*Ж.Т. Тощенко,
С.В. Харченко*

Стереотип

В социальные науки термин «стереотип» (от *греч.* *stereos* — твердый и *typos* — отпечаток) ввел американский исследователь У. Липпман. В работе «Общественное мнение» (1922), посвященной изучению расовых проблем, он воспользовался им для обозначения предвзятых образов, оценок, эталонов, которые используют

ся представителями этнических и других групп.

Первоначально стереотип исследовался как антропостереотип или в еще более узком смысле — как этнический стереотип, как предрассудок. Его суть — схематизм, который используется для регулирования, упорядочивания пред-

ставлений об окружающем мире. Долгое время стереотип характеризовался исключительно как негативное явление.

В дальнейшем трактовка и представления о стереотипе существенно изменились.

Новое осмысление стереотипа получило в психоаналитическом подходе, в рамках которого можно выделить теории различного уровня анализа — от индивидуалистских теорий З. Фрейда (1856—1939) и А. Адлера (1870—1937) до собственно социальных теорий К.-Г. Юнга (1875—1961), Э. Фромма (1900—1980) и С. Московичи (р. 1926).

К наиболее полно разработанным индивидуалистским теориям относятся концепция Т. Адорно (1903—1969) и М. Хоркхаймера (1895—1973), разработанная ими в рамках исследовательского проекта «Авторитарная личность», и концепция «потребности в статусе и принадлежности». В рамках социальных теорий разрабатывались концепции С. Московичи и К.-Г. Юнга. Несмотря на существенное отличие указанных теорий, ими дано схожее определение социального стереотипа как эмоционально окрашенного образа определенной социальной группы.

Основным постулатом социальных теорий стереотипа (С. Московичи, К.-Г. Юнг) становится положение о социальном генезисе стереотипа. Стереотипы создаются коллективным субъектом. Важно подчеркнуть, что исследование стереотипа в русле данного подхода является одним из направлений изучения массового сознания — сознания невротичного, детерминированного бессознательными импульсами — в кризисные периоды развития социума. В работах З. Фрейда («Массовая психология и анализ человеческого «Я») и С. Московичи («Социальные представления: исторический взгляд») выделяются основные характеристики стереотипов: не критичность, ирреальность, аффективность. Все эти черты являются следствием ирраци-

ональной природы стереотипа, берущей начало в коллективном бессознательном.

Предпринятая Т. Адорно и группой исследователей попытка теоретического осмысления феномена социального стереотипа до сих пор считается одной из наиболее разработанных концепций. Теоретической основой данной концепции стал классический фрейдовский психоанализ. Стереотип рассматривается авторами «Авторитарной личности» прежде всего как продукт групповой деятельности, как готовые формулы, воспринимаемые извне. Однако индивид имеет большие возможности «достройки» общепринятого образа, придания ему специфических черт. Стереотип выполняет ряд функций, такие как защита личности от внутренних конфликтов путем «канализации» социального и психологического дискомфорта и идентификация личности с группой. Природа стереотипа — псевдорациональна.

Концепция «потребности в статусе и принадлежности» отличается от теории стереотипа Т. Адорно — понятие стереотипа здесь интерпретируется как эмоционально окрашенный негативный образ. Данный подход постулирует стереотип не как групповое образование, а как личностное, индивидуальное. Ключевая идея данной теории — положение психоанализа, утверждающее, что люди придерживаются определенных взглядов, удовлетворяющих их неосознанные потребности. Любая угроза социальному статусу сознательно или бессознательно воспринимается индивидом как обвинение в собственной неполноценности, угрожающее разрушением внутреннего комфорта, вследствие расхождения реального образа и «идеального Я». Именно в попытке разрешить внутренний конфликт следует искать истоки стереотипов.

Еще один подход был создан в рамках необихевиористского направления. Предложенная Адорно концепция «козла отпущения», объясняя генезис стереоти-

па, рассматривает образование стереотипа в качестве закономерной реакции индивидов на стимул внешней среды, каковым, по мнению авторов, выступает агрессия. В качестве недостатков данной теории следует указать на ограниченность понимания стереотипов — отождествления его с негативным образом социальной группы, на отсутствие проработки вопроса о причинах их формирования и наделение стереотипа только защитной функцией, что не может служить исчерпывающим объяснением его социальной роли.

Дальнейшее развитие представлений о стереотипе было реализовано *когнитивным подходом* (Г. Олпорт, 1897—1967). С позиции данного подхода стереотип понимается как специфическое отражение реальности — рациональное образование. Основной акцент переносится на изучение стереотипа как продукта когнитивного (познавательного) процесса и его регулятивного воздействия на поведение индивида.

Из новых современных идей о стереотипе следует отметить ряд исследований, в частности Лемайра и Смита (1985), Томпсона и Крокера (1985), которые показали, что стереотипы часто более ярко выражены у тех, кто занимает невысокое социально-экономическое положение или чье положение резко ухудшилось, а также у тех, чей позитивный «Я-образ» находится под угрозой. В отечественной литературе идеи стереотипа разрабатывались А.В. Меренковым, Т.Е. Васильевой.

Обобщая все имеющиеся разработки, можно сделать вывод, *стереотип* — это *упрощенный, стандартизированный, устойчивый, ценностно определенный, эмоционально насыщенный образ (схема, клише, шаблон), который олицетворяет суть представления о социальном объекте (индивиде, группе, явлении или процессе)*. В основе формирования стереотипа лежит реальный социально-психологический

феномен обобщения, схематизации, генерализации данных личного жизненного опыта на основе возможных источников информации. Стереотипы активно разделяются сообществом, исторически и систематически формируются и закрепляются в социокультурном опыте, отличаются однообразием. Они проявляют и транслируют себя посредством устоявшихся образов поведения социальных субъектов (социальных групп, индивидов).

Повышенный интерес социологической науки к данному феномену объясняется отнесением его к разряду *регулирующих начал социального поведения личности*. Если социальная психология занимается исследованием стереотипа на индивидуальном уровне, то социология исходит из понимания стереотипа как собственно социального феномена с определенной ролью в процессе регуляции социальных коммуникаций, социального поведения. В рамках данного подхода осуществлена попытка исследования функций стереотипа не только на индивидуальном уровне, но и в процессе функционирования социальных групп и особенно в процессе социализации.

На современном этапе можно говорить о трех основных концепциях в изучении данного явления: «стереотип-установка», «стереотип-образ», «стереотип-представление».

Согласно первой концепции *«стереотип-установка»* стереотип выступает концентрированным выражением социальной установки, обладающей ярко выраженной аффективной составляющей (поляризующей объект), схематизированным и генерализированным содержанием, устойчивой к внешним воздействиям. Необходимо отметить, что под установкой следует понимать направленность сознания на то или иное явление (процесс) действительности, выражающее предрасположенность личности, готовность ее действовать определенным образом в отношении данного объекта.

В отечественной социальной традиции разработки в рамках концепции «*стереотип-образ*» осуществлялись П.Н. Шихиревым. Им рассматривается стереотип как социальное образование — продукт деятельности общности и личности.

Наконец, в рамках концепции «*стереотип — представление*» он рассматривается как продукт нормального познавательного (когнитивного) процесса. Обращаясь к пониманию природы стереотипа, приверженцы данной концепции (В.С. Агеев, О.Ю. Семендяева и т.д.) отмечают, прежде всего, его рациональные основания. Стереотип является одним из результатов процесса категоризации — организации окружающего мира путем выделения общих свойств различных объектов.

Обобщая эти позиции в рамках социологического знания, следует отметить, что стереотип способен: 1) формировать упрощенное представление, направленное на упорядочивание опыта и информации; 2) обладать возможностью деформировать сознание и поведение; 3) нести искажения (соотносится не с реальностью, а с предвзятостью); 4) противостоять новому знанию; 5) обладать повышенной устойчивостью, «закрытостью».

В структуре стереотипа выделяют: *аффективный уровень* («курить вредно», но...); *когнитивный уровень* (рациональное понимание и убеждение, что курить не надо); *поведенческий уровень, или программа действий* (я реализую эти представления).

Наличие стереотипов играет весьма существенную роль в социальной жизни, когда при отсутствии какой-либо информации о происходящем или наблюдаемом невозможен ни адекватная оценка, ни адекватный прогноз. Поэтому к функциям стереотипа следует отнести: 1) *поддержание идентификации* (я — россиянин, я — студент, я — ученый); 2) *оправдание* (я — такой как все); 3) *пре-*

дубеждение (я не как те); 4) *расширение* (обобщение) представлений (я — человек, я — гражданин мира). Таким образом, во-первых, стереотип позволяет резко сократить время оценивания постоянно меняющейся реальности; во-вторых, ускорить процесс познания; в-третьих, предоставить предварительное основание для ориентации в происходящем. В то же время, возникая в условиях информационного голода, стереотип часто оказывается ложным и играет консервативную роль, формируя превратные представления людей о происходящем (предубеждения), деформируя процесс интерпретации происходящего и характер межличностного взаимодействия. Но это не ложное знание. Это особый вид знания, который возникает по причине так называемой «экономии мышления».

Стереотипы характеризуются также *длительным существованием и сложной изменяемостью*. Решающим условием трансформаций стереотипа является столкновение с их опровержением на личном опыте. Однако данные свойства стереотипа трудно поддаются эмпирическим исследованиям. К другим свойствам стереотипа относятся: *генерализация* — обобщение ряда однородных явлений на основе редуцирования специфических характеристик каждого из них; *схематизация* — выделение и фиксация наиболее значимых (ярких) характеристик явления; *высокая степень эмоциональной окрашенности*, поляризующей воспринимаемый объект.

Свойства социального стереотипа широко используются в практике средств массовой информации, в пропаганде, рекламе, искусстве.

Таким образом, стереотип — упрощенное, схематизированное, устойчиво-эмоционально окрашенное отношение индивида к явлениям и процессам окружающего мира.

Основная литература

Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003.

Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 771.

Дополнительная литература

Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании (социально-философские аспекты). М.: ИНИОН АН СССР, 1988.

Ванина О.Н. Стереотип экономического сознания россиян / Социологические исследования. 1998. № 5.

Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001.

Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. М., 1986.

Allport G.W. The Nature of Prejudice. NY, 1958.

Lippman W. Public Opinion. NY, 1966.

Taifel H. Intergroup behavior. Oxford, 1981.

Ж.Т. Тощенко,

О.Н. Хухорева

Архетип, генотип, фенотип

Впервые понятие «архетип» (от *греч.* *arche* — начало и *typos* — образ) ввел швейцарский психоаналитик и исследователь мифов К.Г. Юнг (1875—1951). Он возводит термин «архетип» к Филону Александрийскому (ок. 25 до н.э. — ок. 50 н.э.), а затем к Иринею и Дионисию Ареопагиту. В позднеантичной философии архетип означал прообраз, символ, отражал значение. Архетипы — это некие структуры первичных образов коллективной бессознательной фантазии и категории символической мысли, организующие исходящие извне представления. Мифология была изначальным способом обработки архетипических образов. Поэтому существует выражение: «мифы — это глубинная суть души».

Опираясь на эти представления, Юнг содержательно связывает этот термин с платоновским эйдосом и кантовскими априорными идеями. Он определял архетипы как первичные схемы образов, первообразы, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому выявляющиеся в мифах и верованиях, снах, и ритуалах. Их проявления можно видеть в произведениях культуры и искусства (например, образ героя, демона, добра и т.д.).

Несколько позднее (в 1934 г.) Юнг рассматривает архетипы в качестве мифобразующих структурных элементов бессознательного. Но если личностное бессознательное — это поверхностный слой сознания, то коллективное бессознательное — это глубинный его слой, который и порождает архетип.

Юнг наметил симптоматику архетипов: *архетипы, связанные с процессом индивидуации — тень* (другая сторона души, литературные варианты этого архетипа Вагнер и Мефистофель в гетевском «Фаусте», Хаген в «Нибелунгах», Локки в «Эдде» и т.п.), *анима (анимус)* (часть души, скрывающая противоположный пол в индивидуальном опыте) и *мудрый старик (старуха)* (архетип духа, значения, скрытого за хаосом жизни, выявляемый в таких образах как мудрый волшебник). Наряду с этими архетипами, Юнг выделяет другой класс архетипов: *архетипы трансформаций в виде типичных ситуаций, мест, путей и средств*, которые символизируют тип трансформации.

Теорию Юнга развили его последователи, среди которых можно выделить Джозефа Кэмпбелла (1904—1987), который, опираясь на Шопенгауэра и Ницше, дополняет идеи Юнга концепциями других психоаналитиков, а также ритуа-

листов, сводящих всю культуру к обряду («Герой с тысячью лиц», «Маски бога»); Эриха Ноймана (1905—1960), рассматривающего архетипические корни и эволюцию сознания, выделяющего архетип «Великая Мать» («Происхождение и история сознания»).

Таким образом, архетип первичен по отношению к социализации человека и являет собой базу, основание для дальнейшего формирования у индивида представлений о мире.

Социальный архетип нередко передается человеку по наследству (через сказки, мифы, верования) от предыдущих поколений, существует в его сознании на невербальном уровне. Ценностная структура личности погружена в ее архетипы, а те элементы, которыми личность соприкасается с окружающим миром — типичные действия — составляют ее этический характер, лежащий в основании характера индивидуального.

В России вклад в изучение архетипов внесли такие ученые, как К.К. Касьянова (вопросы формирования социальных архетипов в национальном самосознании), А.Я. Гуревич, И.Н. Ионов, А.В. Квакин, В. Шкуратов (формирование архетипов в русской истории, культуре, национальном самосознании) и др.

Проблема формирования архетипов рассматривается в различных отраслях научного знания. В литературе вопрос формирования архетипов занимает довольно важное место. Можно выделить таких исследователей, как В.Я. Пропп (1895—1970), изучающий формирование архетипа в героическом мифе («Исторические корни волшебной сказки»), М. Бодкин, соединяющий ритуализм с юнгианством в исследовании архетипов («Архетипические образцы в поэзии»), Ж. Дюран, дающий классификацию архетипических образов, противоположную юнгианскому редуccionизму («Антропологические структуры воображения»).

В политической мифологии (Л.Г. Ионин, В. Полосин) архетип рассматривается через образ Матери: Родина-мать как концентрированное выражение национальной самости и зеркальное отображение, рефлексия национального самосознания. Визуальные детали ее образа являются обобщенным символическим портретом нации (например, Мать-Грузия в Тбилиси, Родина-мать на Мамаевом кургане). В политике архетип — исходная социокультурная установка политического действия, образ субъекта политики. Используется архетип и при изучении специфических состояний людей — при раздваивании личности, при шизофрении и других ментальных заболеваний. С позиций архетипов дается характеристика процессу возникновения религиозно-мифологических образов, методам и приемам лжепророков, бредовым представлениям душевнобольных.

Из сказанного следует вывод, что *архетипы* — это не сами образы, а *схемы образов, первообразы, прообразы, их социопсихологические предпосылки проформы поведения, их возможность устойчивого существования*. Они имеют не столько содержательную, сколько исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику прообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта.

В рамках социологической науки тема архетипа применима при изучении гендерных, национальных, культурных особенностей людей. Однако многие архетипы (например, душа) могут исследоваться только с позиций мифологии, религии, даже искусства, но не эмпирически и не в лабораториях.

Архетипы являются фундаментом для формирования гражданской идентичности и менталитета. Они формируют наиболее глубокий пласт представлений о Родине. Выделяются также особые

архетипы российской политики: ценности общности, приоритет справедливости, персонификация власти, пиетет перед государственностью.

Таким образом, архетип являет собой устойчивое представление, базирующееся на традиционных ценностях, различных неукоснительных образцах и нормах, которые на протяжении длительного времени передаются из поколения в поколение как непосредственно с помощью обмена информацией, так и с помощью других источников — мифы, сказки, литературные и иные тексты и пр. Архетипы могут быть «спрятаны» внутри самых современных информационных сообщений и выстраивать их как некий символический каркас.

С архетипом тесно связаны еще два понятия — генотип и фенотип. Понятие *генотипа* введено в 1903 г. датским биологом Б. Иогансенем, который трактовал его как совокупность особенностей организма, обусловленных в своем развитии действием генетических, наследственных факторов. Генетическая структура отдельного организма, т.е. специфический набор генов, полученный от родителей, и называется генотипом.

На первом этапе это понятие разрабатывалось и обосновывалось в рамках биологической науки. Генотип трактовался биологами как характеристика того, что присуще многим поколениям. Проводя опыты над однойцовыми близнецами, Иогансен выявил многие общие характеристики. Но его больше интересовали те различия, которые все же отличали близнецов друг от друга, а также те условия и факторы, которые формировали отличительные особенности. В связи с поставленной задачей были сделаны попытки и проведены специальные исследования, чтобы выявить зависимость в первую очередь от родителей, предков (бабушек и дедушек и далее), а также ближних и дальних родственников.

Эти опыты и исследования дали толчок развитию специальных отраслей ме-

дицины и психологии. Что касается медицины, то этот подход позволил сформулировать некоторые предложения по усилению роли наследственных факторов в формировании здорового молодого поколения, а также определиться с причинами некоторых наследственных болезней. На научной основе были доказаны важность и значение табу и запретов, которые были сформированы у многих народов по предупреждению вырождения народа (запрет на кровосмешительство, отбраковка больных наследственной болезнью людей, ограничения в питании, выявление вредного влияния некоторых природных факторов и т.д.).

Психология и особенно психогенетика определяли влияние наследственных факторов и среды, в которую они включали не только влияние природы, климата, но и некоторые психологические особенности, складывающиеся в рамках определенных сообществ. Но в любом случае особо пристальное внимание уделялось наследственным факторам, которые передаются будущим поколениям, даже если они не появлялись у конкретного индивида. В связи с такой постановкой вопроса о среде были проведены исследования о приемных детях, когда социально-психологическое окружение вносило существенные коррективы в наследственные факторы.

Таким образом, постепенно при трактовке проблем генотипа начали учитывать влияние на генную структуру социальных факторов, которые привели к тому, что в науке появилось еще одно понятие — *фенотип*. Причем возникло противоречие, когда при исследовании генотипа принимались во внимание социальные аспекты развития человеческих организмов, а исследователи фенотипов уделяли внимание социальным аспектам развития человека, не забывая о биологической составляющей.

В результате возник своеобразный кентавр — генотип-фенотип, который мог

существовать только в процессе логического размышления, но отнюдь не в реальной практике. Термином «фенотип» обозначают анализ развития человека и человечества в едином синтезе как генетических, наследственных факторов, так и условий влияния внешней среды, в рамках которой происходит их развитие. Это влияние внешней среды приобретает значение при характеристике рас (белой, желтой, черной), различных видов (подвидов) этого деления (монголоидная; семитская, индийская и т.п. группы народов). Фенотипы в определенной степени совпадают с языковыми группами народов, так как каждая из них имеет определенные особенности, сформированные под воздействием внешней среды.

В XX в. при изучении проблем генотипа-фенотипа было выявлено значительное воздействие социальных факторов, позволивших говорить о них как о самостоятельном явлении: под влиянием социальной среды, событий, происходящих в мире или в стране, были зафиксированы существенные изменения и сдвиги в формах поведения, изменение признаков и свойств, как биологических, так и прижизненно приобретаемых.

Эти сдвиги и изменения произошли, в о - п е р ы х, в результате войн. Первая мировая война закончилась гибелью 20 млн чел. Вторая мировая — 70 млн чел. Особенно пострадали непосредственные участники войн в основном в Европе. Россия в Первой мировой потеряла 6 млн чел., во Второй — 20 млн. Причем, как отмечается многими исследователями, погибали в первую очередь те люди, которые составляли так называемый цвет нации. Имелись в виду не только умственные, но психофизиологические характеристики, что не могло не повлиять на качество воспроизводства населения. Кроме того, миллионы женщин не смогли выполнить своего предназначения по воспроизводству населения, по сохранению заложенных в них отобранных при-

родой высококачественных биологических характеристик.

В о - в т о р ы х, это революции и сопутствующие им гражданские войны. Они тоже унесли миллионы жизней не только в России, но и в Германии, Венгрии, Югославии и ряде других стран. В них тоже гибли отобранные многолетней естественной селекцией лучшие представители человеческого рода.

В - т р е т ь и х, на качество генотипа-фенотипа повлияли такие социально-природные факторы, как голод, который поражал неоднократно многие страны. По России он прокатился, унеся миллионы людей, в 1890-гг., затем в начале 1920 и затем в 1930-е гг. Огромный урон нанес голод и в 1946—1947 гг., разразившийся вследствие огромного неурожая и неспособности власти ослабить его влияние.

В - ч е т в е р т ы х, губительное воздействие на качество нового поколения оказали кровавые расправы в конце 1930-х гг., которые такженесли смерть или лишение свободы миллионам наиболее инициативных и жизнеспособных людей.

И н а к о н е ц, в 1990-е гг. начался процесс вымирания русского (российского) народа под воздействием двух факторов: стресса от распада великой страны и неумения освоиться в новой исторической реальности, а также вследствие распространения таких социальных болезней, как алкоголизм и наркомания. Начиная с 1992 г. и по сей день население страны уменьшается практически на 1 млн чел. в год. Никогда в истории нашей страны в таких объемах смертность не превышала рождаемость. По сравнению с 1980-ми гг. средняя продолжительность жизни уменьшилась почти на 14 лет, а мужчины не стали доживать до пенсионного возраста — средняя продолжительность их жизни за последние 10 лет составила 57—58 лет.

Все это свидетельствует о резком снижении качества генофонда народа, вымирании русского (а в европейском мас-

штабе белого) населения. Исследование этих факторов и составляет предмет особых забот науки, в том числе и социологии.

Основная литература

Большая психологическая энциклопедия. М., 2007. С. 39—40, 108, 482.

Петренко Е.Л. Архетип // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 65.

Философский энциклопедический словарь. М., 2000.

Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 26—34.

Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1998.

Дополнительная литература

Аверинцев С.С. О современной буржуазной эстетике. М., 1972. Вып. 3. С. 110—155.

Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 110—111.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995.

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Российский государственный гуманитарный университет. М., 1994.

Самуэлс Э. Юнг и постюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа: Пер. с англ. М., 1997.

М.А. Мирошниченко

Интуиция

В истории не так уж редко складывались ситуации, когда интеллект оказывался неспособным проникнуть в сущность процесса или явления. В этой ситуации на помощь иногда приходила интуиция (от *лат.* *intueri* — пристально, внимательно смотреть) как «высочайшее откровение», как бессознательное проникновение (постижение) будущего при помощи инстинкта и других компонентов подсознания.

Проблемам понимания интуиции много внимания было уделено в философской (начиная с идей Платона и Аристотеля, обогащенных И. Кантом, Р. Декартом, Ф. Шеллингом, А. Шопенгауэром, Н.А. Бердяевым и завершая современными идеями Ф. Фукуямы, Э. Тоффлера, А. Сахарова и А. Солженицына) и психологической литературе (А. Бергсон, Н.О. Лосский, З. Фрейд). В XX в. к этим проблемам обратилась и социологическая наука, сосредоточив свои усилия на определении возможностей интуитивного познания социальной действительности.

До сих пор непревзойденным интуитивным предсказателем будущего считается Мишель Нострадамус (1503—1566) — лицо реальное и исторически уважаемое. Будучи врачом, он остановил эпидемию чумы во Франции, чем заслужил нема-

лую известность. Свои предостережения он начал писать в 1550 г. в состоянии надлома, испытав немало несчастий и потеряв семью во время эпидемии. Книгу пророчеств, содержащих более 900 предсказаний, он издал в 1555 г. и наметил конец света в 3797 г. В его труде содержится ряд таких утверждений, которые можно отнести и к нашему времени: см. например, слова катерна 2.10 (перевод Завалишина): «Мне горько сказать, что жестокие эры / Опять завладеют мятежной землей / И рабская будет царить атмосфера / Под маской любви и свободы большой».

Для понимания границ и возможностей интуиции приведем также данные о пророчествах Пьетро Убальди (1896—1972). Он изучал право в Римском университете, но одновременно увлекался философией, физикой, историей религии, древними языками. Получив диплом, занялся самообразованием и литературной деятельностью. Писал эссе по теологии, биологии, космогонии, истории философии и этики. Уделял серьезное внимание социальным проблемам своего времени. Основными трудами Пьетро Убальди считаются трактат «Большой синтез» и книга «Пророчества», посвященные достижениям науки 1930-х гг.

В них рассматриваются и вопросы эволюции Вселенной, и проблемы появления жизни на Земле. В 1931 г. он записал в своем дневнике, что его пером водит «внутренний голос». Убальди предупредил медиков, что дальнейшее загрязнение атмосферы приведет к вспышке раковых заболеваний, которые станут бичом горожан. Он раньше всех других осудил вырубку лесов и безрассудную эксплуатацию земных недр, говорил о необходимости экономии топлива, поисков альтернативных источников энергии, что привлекло внимание ученых лишь после 1950 г. Убальди задолго до Второй мировой войны, когда в воздухе еще и не пахло порохом, писал, что война неизбежна, ибо весь мир занят поисками современных средств уничтожения. Люди стали располагать огромным разрушительным потенциалом, но не обзавелись моральной ответственностью. Но не закат Европы предрекал он, а ее последующее возрождение. В середине 1930-х гг. он писал, что наступает грозное противопоставление оси Берлин — Рим Красной Москве. Ось прольет много крови, но неизбежно разломится, а потом наступит другое диалектическое противостояние СССР и США. При установлении мира между двумя крупными державами и разоружении наступит долгожданная социальная справедливость. Из социальных пророчеств привлекательны его идеи о религии: в 1930-е гг. П. Убальди предрекал, что к концу века религия перестанет воевать с наукой. Пропасть между атеистическим познанием окружающего мира и религиозным будет преодолена к пользе всех людей. Это будет и победа над бездуховностью цивилизации XX в. В своих интуитивных прогнозах он предложил биологам и философам свое уточнение теории Дарвина, к чему европейские ученые обратились лишь двадцать лет спустя на основе генетики, расцвет которой интуитивно предвидел итальянский пророк.

Он ожесточенно спорил с Эйнштейном о гравитации, чем только в наши дни занялись астрофизики. Одним из первых Убальди стал утверждать, что возможно существование в дальнем космосе волнового движения со скоростями выше тех, с которыми распространяются электромагнитные колебания, например свет.

Так что же можно сказать о данном продукте сознания человека — интуиции и ее роли в таком явлении, как социальное предвидение?

В настоящее время существует несколько теорий (концепций) интуиции, которые призваны по-своему объяснить ее сущность и содержание (как гносеологическая, мистическая, как первичная сверхрациональная ступень постижения «целостного бытия» и т.д.). Современные научные представления об интуиции не опровергают возможности «мгновенного схватывания» истины, но определяют *интуицию* как *исключительно важный момент сложного и неосознаваемого по своему механизму взаимодействия чувств, разума и опыта*. Иногда ее трактуют как определенное средоточие знания, которое по своей сути является не начальным этапом знания, а переходным звеном от одного уровня познания к другому. Под влиянием идей экзистенциализма (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) интуиция потеряла гносеологические характеристики и превратилась в особый способ бытия человека в мире, что и сделало возможным переложить ее на язык социологии.

Долгое время этот феномен объясняла *теория интуитивизма*, которая исходила из того, что интуиция иррациональна, что необходимо ориентироваться не столько на разум, мышление, сколько на «прозревающую симпатию».

Дальнейшее изучение интуиции показало, что она может проявляться, во-первых, *в форме, основанной на чувствах*. Это достаточно характерно для межличностного общения как в семье, так и на работе, когда мельчайшие детали во взаимоотношениях людей постепенно фор-

мируют общее впечатление о поступках и поведении других людей, на основе чего выстраиваются ожидания будущих событий и возможных перемен.

Во-вторых, интуиция основывается на *рациональном мышлении (интеллектуальная интуиция)*. Поэтому озарение приходит не просто так, а как особым образом осмысленная реальность, знание огромного количества информации, как, например, это случилось с Д. Менделеевым в процессе открытия периодической системы элементов.

Вместе с тем необходимо знать те ограничения, которые сопровождают интуицию как метод познания, как форму социального предвидения. Интуиция может приобрести прочность предрассудка, *заблуждения*, если, будучи эффективна в отношении одного социального процесса, будет беспрекословно переноситься на другие социальные процессы и явления.

Интуиция может превратиться в прожектерство, если не будет опираться на значительную информационную базу. В этом случае она становится сродни шарлатанству, которое оперирует случайными, мало связанными между собой сведениями, опирается на домыслы и произвольное толкование попавших под руку событий.

В этой связи важно понять роль и значение *врожденных идей*, которые даны мышлению изначально, не приобретенны из опыта и не могут быть изменены на основе опытного знания. Обычно это: 1) готовые идеи или понятия, которыми люди оперируют как истинными; 2) идеи, заложенные в мышлении в качестве потенциальных способностей и задатков. Главное состоит в том, чтобы эти возможности были осознаны, увидены и поддержаны, а также использованы при решении будущности того или иного социального процесса или явления.

Именно использование интуиции (на основе большого количества разрозненных данных) позволяет утверждать, что

в XXI в. социальные противостояния, обусловленные межрасовыми, межнациональными противоречиями, сместятся в направлении религиозного противостояния (и даже религиозных войн) крупнейших конфессий мира.

Для социологии интуиция особое значение приобретает при решении проблем управления, политической власти, ибо она используется практически каждым руководителем (осознанно или стихийно), в том числе при решении не только оперативных, но и перспективных проблем развития своей организации. И чем больше руководитель будет знать достоинства и ограничения интуиции, тем успешнее он будет применять ее в преобразовательной деятельности.

Таким образом, интуиция — это знание, возникающее помимо осознанных, логически обусловленных путей, средств и условий его получения. Интуиция является эвристическим процессом, состоящим из нахождения способов решения проблем, на основе поиска, не связанного или мало обусловленного логически с целью получения достоверных результатов. Для интуиции характерна быстрота (иногда мгновенность) формулирования гипотез и принятия решений, а также недостаточное понимание логических оснований.

Основная литература

- Новиков А.А. Интуиция // Новая философская энциклопедия. Т. II. М., 2001.
Психологический словарь. М., 1983.
 Тощенко Ж.Т. Роль интуиции в социальном предвидении // Ж.Т. Тощенко. Социология. М., 2005. С. 522—526.

Дополнительная литература

- Асмус В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. М., 1963.
 Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.
 Гоффлер Э. Футуршок. М., 2002.
 Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М., 1992.
 Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1992.
 Шудря Е.П. Художественное предвосхищение будущего. Киев, 1978.

Ж.Т. Тощенко

СИМВОЛ

Символ обозначает и выражает чувства и представления о людях и их действиях, о мире и о том, что в нем происходит. Нередко в символе содержится нечто, что другими способами не может быть выражено (например, человек — символ Бога). Понятие символа носит междисциплинарный характер. Еще Платон говорил, что «имя есть некое орудие поучения и разбора сущности» и понимал символ как указание на высшую идеальную форму объекта. Гегель видел в символе средство коммуникации, условный знак. В теории философа Э. Кассирера символ — это смысл, проявляющийся в чувственном, чистейшее и свободное измышление, строящееся познанием с целью овладеть миром чувственного опыта. Символ является основой всех форм культуры, так как конкретно-чувственное восприятие в духовной деятельности человека может обобщать только становясь знаком, символом. Объект становится знаком, символом другого объекта, т.е. его символически заменяет.

На употребление понятия «символ» в социологии большое влияние оказали науки о языке. Согласно одному из основателей семиотики Ч.С. Пирсу, символ, в отличие от знака, не указывает прямо на денотат (означаемое в первичном смысле, т.е. объект или агент реального мира, взятый как целое), а отсылает к спектру значений, которые связаны в сознании с материальным или идеациональным объектом. Его можно назвать символом только тогда, когда означаемое и означающее связаны только ассоциативной мнемонической связью. У Пирса символы образуют особый класс знаков, а сам символ неотделим от знака и его значения. Последнее, согласно другому основателю семиотики Ф. де Соссюру, содержится в принципе, на основании которого символ побуж-

дает к тем или иным действиям. Кивание головой может быть знаком одобрения, а покачивание — знаком несогласия в рамках одной культуры и иметь противоположное значение в другой. В основе социологической интерпретации этого акта лежит не само действие, а различие между двумя типами движения головы. Например, одежда может отражать социальное различие, так как в ней содержится значение, которым наделяют ее элементы, свидетельствующие о социальном статусе ее обладателя. В социологии, в отличие от лингвистики, понятие символа используется в теоретико-философском аспекте и как инструмент расшифровки и описания конвенциональных значений, т.е. области коллективных представлений, объективаций, сопровождающих индивида на протяжении его жизни.

Коллективные представления, которые были обозначены в социологическом измерении Э. Дюркгеймом (1858—1917), соотносимы с так называемым коллективным символом (к примеру, тотемом), являющимся продуктом совместных действий индивидов. Коллективные представления, например, о времени, презентуют реалии групповой жизни. Понятие символа является важнейшим в концепции символического интеракционизма, представители которого интерпретировали символ на основе его социальной природы, а истоки социальности видели в единстве значения, которым наделяют символ два взаимодействующих индивида (в социальной феноменологии это единство называется символической универсалией).

Один из основоположников символического интеракционизма американский философ Дж. Г. Мид считал, что знак становится символом для индивида только тогда, когда индивид говорит с самим

собой и другими от лица группы. Символ — это жест, знак, слово, которые адресуются самому себе в то время, когда они адресуются другому индивиду. И наоборот, когда эти действия адресуются самому себе, они облекаются в такую форму, в которой они могут быть адресованы другому. Знак сам себе не может считаться символом. Таким образом, символ, по Миду, можно рассматривать как результат социализации, в силу чего поведение человека и состоит главным образом из «выражающих» действий, релевантных по отношению к существующей системе значений.

Социолог У. Уорнер понимал символ как комбинацию знака и его значения и декларировал целостный характер символа. Человек чаще всего не задумывается, как именно ему выразить значение, а действует в рамках сложившейся системы символических способов выражения. В основе теории Уорнера лежала мысль о том, что общество существует, пока успешно организует чувства, референтом которых выступают, как правило, неосознаваемые людьми, но актуализируемые в процессе взаимодействия с миром в ситуации здесь-и-сейчас эвокативные символы. Он настаивал на том, что значение первично, а знак вторичен, и поэтому исходил из необходимости социологической типологии мира значений, которыми люди наделяют знаки и объекты. Те и другие он делил на «чистые» (знаки — метки значения, т.е. знаки, сразу же отсылающие к другим вещам: салют, химическая формула; объекты — в ситуации, когда они означают лишь то, чем сами по себе являются) и «посредующие» (знаки — обозначающие нечто иное, чем они на самом деле являются: змея — символ зла, кошка — символ несчастья; объекты — когда комплекс примыкающих значений делает их самих по себе чем-то большим, чем на самом деле: дом или столица государства). Уорнер полагал, что ситуации

действия, в которых существуют символы, отличаются друг от друга в зависимости от трех типов контекстов: морального, сверхъестественного и технического. В соответствии с ними он обосновал существование трех основных видов символов: 1) моральных символов, которые регулируют значения групповых правил поведения; 2) сакральных символов, конечное значение которых лежит за пределами обыденного опыта; 3) технических символов, верифицируемых (значения которых подлежат проверке). Все они могут быть консолидированы в процессе человеческой деятельности в символические системы (например, этикет, религию и науку). Таким образом, обмен значениями, деятельность по созданию значений и шире — социальные процессы и явления рассматривались Уорнером преимущественно целиком через призму социального происхождения символов.

Антрополог Э. Лич выстраивал свое понимание символа исходя из типологии поведения, подразделяя его на естественную биологическую активность тела, технические действия и выражающие действия. Лич вслед за Дж. Малдером и С. Херви, авторами наиболее исчерпывающего анализа употребления понятия «символ» в науках о языке, видел в символах разновидность индексов. Индексы он рассматривал в контексте коммуникативного события. Последнее возможно при наличии коммуникативной пары (*A* как носитель послания передает информацию о послании *B*). Символы (*A* указывает на *B*) существуют наряду с сигналами (когда *A* вызывает *B* автоматически, виды сигналов также различаются на знаки, уникальные символы и изображения) и относятся к сигналам (*A* замещает *B* в результате произвольного выбора). Сигнумы, в отличие от различных видов сигналов, статичны и описательны.

По Личу, существуют три вида символов: 1) обычный символ (*A* замещает *B* в силу произвольной ассоциации); 2) стандартизированный символ (связь между *A* и *B* произвольна, но привычна); 3) условный, но полностью произвольный символ (например, змея — символ зла). В каждом конкретном прикладном социологическом исследовании социальные интенции индивидов и социальных групп могут быть изучены с помощью анализа символов, классифицируемых и интерпретируемых на основе анализа широкого историко-культурного контекста в рамках социологической модели мышления.

ИМИДЖ

Изучение имиджа, особенностей его конструирования, трансляции и восприятия началось с попыток научного анализа ряда уникальных коммуникативных феноменов во второй половине XIX в. Однако целенаправленный поиск способов изучения имиджа был предпринят несколько позднее и связан с именами Г. Лассуэлла, У. Липпмана, Э. Бернайза, Г. Шиллера, рассматривавшими интегрированные коммуникации как фактор, который по многим причинам станет ключевым. Наиболее разработанной в XX в. стала концепция информационного общества. По мнению Ф. Уэбстера, «превращение информации в товар способствовало развитию публичной сферы, появлению специалистов по управлению имиджем и восприятием». С ними связан бурный рост различных средств и методов убеждения людей. Эти методы широко используются в политике, социальной сфере и глубоко проникли во все сферы жизни.

В современном словоупотреблении понятие «имидж» может использоваться в самых разных смыслах, например, «имидж лидера», «имидж корпорации», «имидж политического движения», «имидж го-

сударства». Чтобы социологически корректно анализировать динамичную стихию символа, необходимо провести анализ того, как именно он функционирует в обществе.

Основная литература

- Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004.
 Мид Дж. От места к символу // Американская социологическая мысль. М., 1994.
 Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980.

Дополнительная литература

- Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М., 2001.
 Уорнер У. Живые и мертвые. М.; Спб., 2000.

А.Б. Росляков

сударства». Процесс конструирования и трансляции имиджа, его взаимосвязь с другими явлениями бытия человека, его влияние на социум нашли свое отражение в работах философов, историков, политологов, социологов, психологов, маркетологов, специалистов в области связей с общественностью и коммуникативистики.

В конце XX — начале XXI в. понятие «имидж» концептуализируется, дифференцируется и приобретает отчетливое понятийное содержание. Имидж — это логический конструкт, имеющий теоретическое и технологическое обеспечение. Выделились новые направления, которые приобрели специальные обоснования: создание благоприятного образа личности, управление корпоративным имиджем, управление процессом восприятия аудитории и сообщениями и построение отношений со СМИ. Имидж часто трактуется как образ реального факта, события, явления, лица, формирующийся под воздействием СМИ, которые способны в силу тех или иных причин исказить действительность и воплощать это в псевдореалистической модели. Особую роль в создании имиджей играет реклама,

распространяемая по каналам массмедиа и имеющая для этой цели своих специалистов — имиджмейкеров. Каждое из этих направлений представляет собой схему управления информацией, связанную с теми или иными способами производства, событий, новостей, привлечения внимания аудитории, интерпретации и рассмотрения каждого информационного проекта с учетом его специфических черт, трансформацией шаблонных технологий в нестандартные и творческие. Эти направления ориентируются на конструирование духовной и политической среды коммуникаций. В целом такая коммуникативная конструкция выражает стремление коммуникаторов не навязывать людям те или иные позиции, а завоевывать, покорять их сознание идейными методами. Одним из концептуализирующих подходов является создание положительных образов политических объектов (персоналистское направление). Такими объектами могут быть как отдельные личности, так и корпоративные структуры, а также государства в целом или межгосударственные организации.

В связи с этим базовые понятия, используемые при исследовании соотношения различных ключевых моментов отражения общественным сознанием объективных процессов (образ, имидж, бренд, репутация, стереотип, фрейм и т.д.) неоднозначно трактуются в научной литературе. Однако в рамках исследований уже вычленены общие моменты и характеристики, которые понимаются примерно однозначно. Так, большинством исследователей признается, что имидж — это эффективный способ работы с массовым сознанием, результат обработки информации, наиболее экономный способ порождения и распознавания сложной социальной действительности, апробированный путь идентификации объекта, в результате чего он становится узнаваемым, или его идеализации — способа выдать желаемое за действительное.

Образ в свою очередь является результатом воспроизведения предмета на носитель информации. Однако он творчески конструируется сознанием и поэтому самостоятелен по отношению к своему объекту. Образ похож на то, что он отображает с некоторой субъективной точки зрения. Образ играет активно-действенную роль в поведении человека, регулирует поведение, осуществляет функции управления действиями. Стандартизированный устойчивый образ близок к стереотипу — стандартизированному и устойчивому восприятию, что позволяет получить обобщенное представление о целой категории однородных объектов или явлений. Стереотипы сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений, являются одной из наиболее распространенных форм существования национальных представлений об образе другого в общественном сознании. Представления о других и представления о себе — новое направление научных исследований, стремящихся выявить в условиях глобализации разнообразие представлений о других странах и о собственной стране, сохраняющихся в памяти и представлениях народов, несмотря на изобилие информации, получаемой ими по регионально-национальным и транснациональным каналам СМИ. Имиджу свойственны определенные функции в политической жизни: идентификации, адаптации, социализации, интеграции, коммуникации, программирования. Так, политический имидж является основной коммуникационной единицей, обеспечивающей контакты между агентами на рынке политики. Это дает возможность различать имидж как результат сознательного, в определенном смысле искусственно сконструированного образа, который зависит от динамики политического процесса.

Предназначение имиджа как инструмента управления состоит в налаживании интеракций между субъектом

и объектом. Поэтому имидж можно рассматривать как инструмент достижения конкретной цели и концептуальный продукт, смоделированный с учетом социально-политических национальных культурных особенностей. В одном случае можно рассматривать имидж как набор определенных качеств, которые ассоциируются с определенным объектом, а в другом — как конструкт, способный придавать свойства и характеристики, не присущие ему, превращать эти качества в главные составляющие образа, радикально изменяя его содержательные компоненты. Имидж можно исследовать как конструкт, выполняющий инструментальные функции, позволяющие концептуально сформулировать модель презентации объекта. В то же время информационные технологии, дающие возможность успешно осваивать коммуникативное пространство и конструировать собственный имидж, массированно воздействовать на общественное сознание, не всегда обеспечивают его адресность, убедительность.

Политика образов — это целенаправленная интерпретация культурных и национальных символов для формирования новой идентичности. Работа над новой идентичностью столь важна, что нередко ведет к структурным изменениям формата позиционирования субъекта, стремящегося скорректировать свой образ, т.е. при конструировании имиджа меняется сама сущность, индивидуальность как субъекта, так и объекта. Эти изменения значимы и существенны на начальном этапе позиционирования. Сам факт существования понятной идентичности и индивидуальности свидетельствует об их стратегической значимости для успешного продвижения имиджа. Научно обоснованная работа должна вестись на основе стратегического моделирования и управления восприятием. Так как имидж — это отражение значимых сторон объекта, то можно наполнить его

набором заданных характеристик и описать их с помощью различных методов и технологий.

Характеристиками имиджа являются: группы восприятия, набор воспринимаемых и измеримых свойств, характеристик, национальной истории, политической культуры. Построение модели имиджа, наполнение ее конкретной информацией о стране, четкая идентификация целевых групп внутренней и внешней общественности необходимы для адекватного восприятия. Только на основе и в результате моделирования имиджа может вестись целенаправленная работа по созданию имиджевых параметров.

Существуют три группы технологий формирования позитивного имиджа: *перцептивные, информационно-модульные, технологии PR и рекламы*. Механизм реализации предполагает их собственное технологическое обеспечение, а также изменения, происходящие в обществе. В основе формирования имиджа лежат процессы его идентификации и индивидуализации. Структура имиджа образуется тремя составляющими.

1. *Ядро имиджа*, включающее весь исходный материал о субъекте и объекте: ее содержательные и национальные особенности самовосприятия, исторической памяти, менталитета, этнонациональных образов, сложившихся национальных стереотипов и объединительных идей солидарности и идентичности. Поведение в публичном пространстве предполагает собственный стиль, содержательные поведенческие репертуары и приемы трансляции образов, формирование новых смыслов и освоение символического пространства. Ключевой вопрос в создании ядра имиджа «who is in, and who is out?», т.е. кто внутри, а кто снаружи.

2. *Собственно имидж* — заявленная позиция, т.е. видоизменение исходного материала и корректировка позиционирования в мировом сообществе. Проектируется определение новой роли в мо-

делируемом смысловом пространстве, самоотождествление с духовными, культурными, ценностными приоритетами, символическими смыслами. Концептуальное определение геополитической идентичности, отождествление страны и ее народа с определенной политико-культурной и исторической территорией через визуальные и сущностные признаки, имеющие сильную выраженность и высокий уровень устойчивости исторической миссии. Поэтому имидж можно рассматривать как инструмент достижения конкретной цели и концептуальный продукт, смоделированный с учетом социально-политических национальных культурных особенностей страны, который ее олицетворяет и складывается из представлений о ней ее граждан, вызывает позитивную реакцию и уважение.

3. *Квалифицированное информационное сопровождение*, т.е. актуализация и продвижение смоделированного образа в имидже в условиях информационного шума и давления. Таким образом, в одном случае можно рассматривать имидж как набор определенных качеств, которые ассоциируют с объектом, а в другом — как образ, способный придавать явлению характеристики, ему не присущие, превращая их в главные составляющие внутреннего образа, радикально изменяя представления о внешнем образе. Поэтому после определения внутренних и внешних составляющих образа принимается решение о том, как донести моделируемый информационный продукт, преодолеть полосу отчуждения в восприятии. Как сделать достоянием обществу внутренние и внешние составляющие имиджа, модифицировать их. На этом этапе формируется новая идентичность, которую можно рассматривать как систему символов, знаков, мифов, ритуалов, коммуникативных средств, отражающих индивидуальность субъекта. Она призвана отражать миссию и ценности, является продуктом исто-

рии и культуры, результатом синтеза взглядов народа и элит, общественного мнения в целом. Имидж как вариант свернутого текста, как символ присутствовал всегда, но в наше время его значение резко возрастает. Это можно объяснить тем, что имидж является естественным продуктом обработки больших массивов информации. Поскольку хранить весь объем информации невозможно, люди начинают пользоваться свернутой информацией.

Имидж представляет собой вторичную информационную структуру по отношению к воспринимаемому объекту. Как целенаправленно структурированная и рукотворная часть образа он всегда носит оценочную и мотивационную нагрузку, благодаря чему оказывает большее влияние на поведение людей, носителей этого образа, на их отношение к реальным событиям, людям, городу, региону, стране в целом. Как относительно самостоятельный мотивационный фактор имидж воздействует на стратегическую линию поведения людей на базе лежащих в его основе социальных установок и стереотипов, ориентированных не только на прошлый социокультурный опыт, но и на заявленную позицию. Будучи устойчивым духовным образованием, в массовом сознании, имидж моделирует реакции масс населения на новые, зачастую непредвиденные ситуации.

Имидж занимает место между реальным и желаемым, между восприятием и воображением, искусственно расширяя восприятие данного объекта, но в заданном направлении, поощряя воображение воспринимающего индивида, его соучастие в формировании имиджа. Следует особо отметить, что такое специфическое свойство имиджа, как доминантность, проявляющееся когда приходится оперировать свернутой основной информацией вместо полного объема информации. Специфика имиджевой коммуникации заключается еще и в том, что реакция получателя информации конт-

ролируема. Сообщения создаются с учетом ожидаемой реакции населения. В отличие от образа имидж занимает место между реальным и желаемым, между восприятием и воображением, искусственно расширяя восприятие данного объекта, но в заданном направлении, поощряя воображение воспринимающего индивида, его соучастие в формировании имиджа.

Специфика коммуникативного воздействия заключается еще и в том, что реакция получателя информации контролируется.

Все это позволяет сделать вывод, что изучение имиджа, особенностей его конструирования, трансляции и восприятия становится одним из важнейших объектов исследования прикладной социологии. В то же время в научной литературе и в практической работе все чаще ставится вопрос о формировании отдельной научной дисциплины — имиджологии. Это связано с тем, что современные научные исследования и публикации по проблематике имиджа характеризуются комплексностью: имидж изучается специалистами, обеспечивающими тесные междисциплинарные связи. Возникнув на стыке различных отраслей социогуманитарного знания, это новое научное направление формулирует свое объектное и предметное поле — имиджологию, которая исследует поведение участников общественных и особенно политических процессов, закономерно-

сти формирования представлений об экономических, социальных, политических и культурных институтах, а также о функционировании субъектов политики, их установках и стереотипах, побуждениях к тому или иному типу поведения.

Основная литература

Адилова Л.Ф. Имидж лидера в современных политических практиках. Алматы, 2003.

Горчакова В.Г. Прикладная имиджология. М., Академический проект, 2007.

Комаровский В.С. Имидж//Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 35—351.

Почепцов Г.Г. Имидж от фараонов до президентов. Киев: Адеф-Украина, 1997.

Семигин Г.Ю. Имидж политический//Политическая энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 427—428.

Шепель В.М. Имиджология. М.: ЮНИТИ, 1997.

Дополнительная литература

Берд П. Продай себя! Тактика совершенствования вашего имиджа. М., 1996.

Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? М., 1996.

Егорова Е. Имидж лидера. М., 1995.

Егорова-Гантман Е.В., Минтусов И. Политическое консультирование, имидж лидера: политическое пособие для политиков. М., 1999. Т. 1.

Имидж лидера: Психологическое пособие для политиков. М., 1994.

Канетти Э. Масса и власть. М., 1997.

Кузнецов В.Ф. Связи с общественностью. Теория и технологии. М., 2006.

Цуладзе А.М. Формирование имиджа политика в России. М., 1999.

Л.Ф. Адилова

Социальная идентификация

Понятие идентификации (от *лат.* *identificare* — отождествлять) было введено З. Фрейдом в работе «Групповая психология и анализ Эго» (1914), где идентификация рассматривается как один из важных аспектов и механизмов взаимодействия между индивидом и социальной группой, предполагающий в том числе усваивание образцов поведения зна-

чимого «другого». Трактовка социальной идентификации в рамках психоаналитической традиции (Э. Фромм) предполагает, что потребность в идентичности входит в число важнейших, универсальных человеческих потребностей. По Фромму, стремление к идентичности, с одной стороны, психобиологический принцип поведения, обусловленный необходимо-

стью выжить, а с другой — потребность в обретении социального статуса. В интерпретациях символического интеракционизма (Дж. Мид и др.) идентификация рассматривается в первую очередь как результат социального взаимодействия (интеракции), когда в процессе социальной коммуникации, в частности в общении с другими людьми, человек сравнивает себя с ними и начинает видеть себя как бы со стороны, «отражаясь» в ответных реакциях и поступках других. В этом случае он смотрит на себя уже как на социальный объект, обладающий определенными признаками и свойствами.

Усилиями социальной психологии, в основном благодаря работам Э. Эриксона, исследования идентичности заняли одно из центральных мест в современных социальных науках. Им в определенной мере разграничиваются понятия «идентичность» и «идентификация». Эриксон выделяет в личности два уровня — персональный и социальный и считает социальную идентичность продуктом взаимодействия личности и общества. Поэтому идентичность рассматривается им в двух аспектах: 1) эго-идентичность и 2) собственно социальная идентичность, где есть групповая и психосоциальная составляющие. Процесс формирования социальной идентичности можно представить как состоящий, по крайней мере, из трех этапов. На первом этапе индивид самоопределяется как член некоторой социальной группы (групп), на втором — включает в свою Я-концепцию общие характеристики своих групп, усваивает характерные для них нормы и стереотипы поведения, а на третьем — усвоенные нормы и стереотипы социальной группы становятся уже внутренними регуляторами личности. В трактовке Эриксона, наибольшее значение для формирования социальной идентичности имеет период отрочества, когда относительно завершается формирование личности, но процесс станов-

ления идентичности не может быть завершен окончательно никогда. В связи с этим есть некоторая неизбежность периодического возникновения кризисов идентичности на протяжении всей жизни человека. Если идентичность формируется в процессе социальной интеракции, то в случае, когда интеракция осуществляется неадекватно, она порождает отчужденность. Как следствие — возникает кризис идентичности. Трактовка кризисов идентичности Т. Парсонсом осуществляется через проблему идентификации индивидом себя с различными социальными ролями. По его мнению, большое значение приобретает практическая неизбежность внешнего и внутреннего оценивания ролей (даже гендерных или возрастных!) и качества их исполнения. Давлением подобных оценок и может быть спровоцирован кризис идентичности, особенно с достижительными ориентациями.

В современной российской социологии представлены различные трактовки социальной идентичности: в контексте культуры — через отождествление с смыслами и знаками (семантикой и семиотикой) различных культурных тезаурусов (В. Луков); функциональный анализ идентификаций в системе социального воспроизводства (В. Чупров); изучение социальной структуры и перспектив ее развития через понимание идентификаций как своего рода социальных «солидарностей» (В. Ядов); интерпретация социальной идентичности — через интериоризацию ценностей и норм в процессе социализации (А. Ковалева).

Обобщая накопленную информацию, можно сказать, что *социальная идентификация* — это процесс формирования социальной идентичности посредством соотнесения и отождествления с социальными образцами, группами, ролями, типами, признаками, качествами и свойствами. *Социальная идентичность* — результат социальной идентификации. Разделение этих понятий сопряжено с определенными сложностями, поскольку они взаи-

мообусловлены и одно невозможно без другого: идентичность определяется качеством идентификаций, идентификации в свою очередь зависят от состояния и свойств идентичности. Социальная идентификация и социальная идентичность личности — соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как свои, по отношению к которым он в наибольшей степени способен (или хотел бы!) сказать и почувствовать «мы» (гендер, семья, религия, этнос, профессия и т.п.). В такого рода общностях реализуются основные человеческие потребности (от самых примитивных до творческих и духовных). Хотя в обоих понятиях налицо признаки амбивалентности, *идентификации можно присвоить больше динамических характеристик, идентичности — статических*. отождествление себя с кем-либо или чем-либо может осуществляться через поиск и распознавание общих признаков, посредством классификации и обобщения этих признаков до целостных образов и социальных типов (в том числе через анализ знаковых и символических систем, присущих соответствующей общности) и последующее их воспроизводство. Но идентификация может рассматриваться и как своего рода копирование поведения другого, близкое к страстному желанию походить на этого человека. Подобная идентификация базируется не столько на наличии общих признаков, сколько на желании их иметь, и носит достижительный характер.

В сложном социуме XXI в. присутствует множество достигаемых идентификаций. Радикальным примером такого поиска и конструирования идентичности может служить изменение пола. Идентификация со «своими» группами и общностями одновременно предполагает определенное дистанцирование от «других» или «чужих», выбор соответствующих моделей поведения и взаимодействия (толерантных, конфликтных, построенных на солидарности или противостоянии и т.п.), а также осуществление со-

ответствующих социальных практик. Социальная идентичность зависит не только от межгрупповых различий, но и от степени гомогенности собственно группы. Социальная идентичность личности включает иерархизированный набор различных социальных положений, среди которых есть главные и второстепенные, центральные и периферийные, место в иерархии которых определяется как социальными, так и индивидуально-личностными факторами. В частности, актуализация той или иной идентификации может быть ситуативной, вызванной соответствующими ей обстоятельствами.

Социальная идентичность личности стремится к целостности и позитивности и безусловно базируется на основаниях социокультурного контекста общества. В определенном понимании такая идентичность есть смысл и непрерывность Я. В процессе социальной идентификации личности происходит своего рода квалификация индивидом групп и их признаков, когда посредством социального сравнения им присваивается определенный статус, позитивно или негативно окрашенный. «Своя» группа, с которой добровольно идентифицирует себя индивид, должна давать ему возможность для позитивной самореализации, поскольку индивид стремится к поддержанию стабильной личной идентичности. Поэтому в «своей» группе социальное сравнение может быть не вполне адекватным и осуществляться в таких измерениях и по таким основаниям, которые придают ей позитивную отличительность от других, а значит, допускают позитивную идентификацию, которая необходима для психологического комфорта личности и поддержания целостности личности. Подобная идентификация может носить характер своеобразного ингруппового фаворитизма, обратной стороной которого может являться аутгрупповая враждебность (например, по отношению к другим этническим группам), которая может возникать и без выраженного про-

тивостояния, но лишь на базе существующих стереотипных представлений. Если результаты сравнения с другой группой неблагоприятны, оценки «своей» группы негативны, позитивная идентификация здесь не представляется возможной. В этой ситуации могут быть использованы различные стратегии социального поведения индивида, направленные на достижение более позитивной социальной идентичности: 1) социальная мобильность, когда человек будет стремиться покинуть свою группу и перейти в более высокостатусную, 2) социальное творчество или 3) социальная конкуренция, которые могут выглядеть как своего рода вызов или даже перерасти в прямой конфликт с большинством. Все эти стратегии связаны с определенным социальным риском, могут сопровождаться формированием отклоняющихся идентификаций и кризисом идентичности.

Очевидно, что в различных типах общества социальная идентификация личности имеет специфику реализации. Чем более развито общество, тем шире и разнообразнее пространство идентификаций, тем сложнее структура социальной идентичности и меньше ее устойчивость, возможность сохранения целостности. Особенно это касается периодов активных социальных изменений, которые отличаются кризисом ее механизмов и оснований и соответственно идентичности. Социальная идентичность молодежи, ее идентификации всегда отмечены определенной спецификой, связанной с социальными и психологическими особенностями данной группы, ее местом и функцией в обществе. В социологии молодежи сложилось понимание идентификации как процесса отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, образцом, характерного для социализации, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стре-

мится принадлежать индивид. Именно в процессе социализации происходит непрерывная идентификация, определяющая качество социальной идентичности. Поэтому социальная идентичность в значительной степени есть результат социализации, наиболее активная фаза которой приходится на период молодости, когда усваиваются базовые ценности и нормы, присущие данной социокультурной системе. А идентификация здесь выступает как один из механизмов социализации личности. Молодой человек в процессе социализации и идентификации как бы примеривает на себя различные социальные роли, типы и стандарты, модели поведения и т.п., осуществляет выбор из широкого спектра идентификаций, присутствующих в социокультурном контексте общества. Как правило, формирующиеся в процессе социализации идентификации носят институционализированный характер (семья, образование, экономика) и реализуются через соответствующие институтам стандарты поведения. Разрушение или резкие изменения в институциональной структуре общества неизбежно приводят к массовой утрате идентификаций и кризису идентичности. В первую очередь это касается молодежи. Наглядным примером могут служить последствия социальных трансформаций в России в конце XX в., когда разрушаются старые идентификационные основания и возникают и реализуются новые — как позитивного, так и негативного свойства. Структура социальной идентичности молодежи сложна и противоречива. Очевидно, что идентификация российской молодежи с культурными образцами меняется, происходит поляризация культурных стандартов: для большинства они снижаются до упрощенных образцов западного и отечественного китча (от видеопродукции и музыки до религиозных убеждений), для меньшинства повышаются, в том числе за счет усвоения элитарных западных ценностных и культурных образцов.

Многие из активно проявившихся сегодня «новых» социальных групп (нищие и бизнес-элиты, бомжи и политические лидеры, криминальные группы, группы нетрадиционной религиозности и т. п.) привносятся в пространство социальных идентификаций свои образцы поведения, стилистические особенности и черты, которые осваиваются в основном молодыми людьми. Происходит отождествление с кризисным социумом в различных его проявлениях, идентификации служат базой для соответствующих социальных практик, конструирующих социальную реальность. Это проявляется через социальное поведение молодежи во всех сферах жизни общества, влияет на процесс социального воспроизводства. Поэтому социологическое изучение проблемы социальной идентичности молодежи, как и в целом исследование динамики процесса социоидентификаций в российском обществе могут служить базой для достоверного социального прогноза.

Основная литература

Анциферова А.А., Соснин В.А. Идентификация // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 206—207.

Гришина Е.А. Идентичность гражданская. Идентичность социальная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 336—340.

Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 1999.

Дополнительная литература

Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.

Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4.

Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996.

Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.

Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996.

Парк Р.Э. Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Серия Социология. М., 1998.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Сулаков Б.А. Идентификация социальных систем. М., 1997.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.

Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в социальном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000.

Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Этнометодология. М., 1995.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3, 4.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

Е.А. Гришина

Деформированные формы общественного сознания

Отчуждение

Отчуждение — процесс, в котором от людей отделяются результаты их деятельности, сама деятельность, а также те силы, которые эту деятельность сделали возможной и ее реализовали. Про-

дукты этого отделения приобретают относительную самостоятельность, выходят из-под контроля их создателей и обретают затем господство над породившими их человеческими силами, а человек

превращается из цели в средство общественного развития.

Проблему отчуждения в свое время разрабатывали французские просветители. Суть их выводов ясно выразил Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), объявивший, что «Человек рождается свободным, а повсюду он окован».

Г. Гегель (1770—1831) сводил отчуждение человека ко всякому процессу опредмечивания им своих сил и целей, в процессе деятельности, в том числе и трудовой. Например, столяр в процессе производства стола, придает дереву форму стола отчуждая из собственного сознания идею стола. Таким образом, материя идеализируется, а идея материализируется. В таком понимании отчуждение представляется ценностно нейтральным и даже позитивным моментом, к тому же оно неустранимо и существует вечно.

Наиболее полно и революционно объяснил проблему отчуждения К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.». По Марксу, сущность отчуждения человека в истории сводится к постепенному отрыву от него и господству над ним тех сил, которые он сам создает. Чтобы раскрыть смысл этого определения, необходимо уточнить следующее: что понимает Маркс под человеком и какие механизмы обуславливают его отчуждение. Остановимся на этом поподробнее.

Прежде всего, в определении человека как особого существа необходимо выявить, чем человек отличается от других живых существ. По Марксу (вслед за Гегелем), прежде всего отношением к другому человеку. Если для животного другое животное выступает, прежде всего, средством для удовлетворения собственных потребностей, то человек может вступать в качественно иную связь с другим человеком, где другой выступает целью. Таким образом, если в животном мире господствуют субъект-объектные отношения, то в человеческом должны

господствуют субъект-субъектные отношения, и именно эти отношения делают биологическое существо человеком. Человеческое общество возникает благодаря ослабленным инстинктам в человеке и, следовательно, возможностью преодоления животной природы в нем (по Гегелю, преодоление страха перед смертью, по Марксу, благодаря процессу труда, который преобразует и внешнюю и внутреннюю природу). Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: от животного человек, прежде всего, отличается *отношением с другими людьми, которые возникают в процессе творческого (свободного) преобразования природы (труда), как внутренней, так и внешней*. Таким образом, человек — коллективное творческое существо или ансамбль человеческих отношений, и, следовательно, подлинно человеческие поступки являются и подлинно общественными, а подлинно общественные интересы тождественны подлинно личностным. Маркс создает свой «идеальный тип», анализируя отчуждение, сущность которого дает диагноз эпохи. Прежде всего, основной единицей анализа является не «естественный индивид», а «естественное сообщество», *Gemeinwesen* — истинная, неотчужденная социальность, «родовая сущность» человека. Собственно, весь процесс истории (по Марксу, предыстория) представляется как процесс разложения и деформации подлинной общности. Если в идеальном типе человеческого общества господствует солидарность и отношение к человеку как к цели, то в реальном типе гражданского общества господствуют конкуренция и отношение к человеку как к средству, что делает современное Марксу общество, пользуясь терминологией Гегеля, «духовным животным царством», где господствуют нужда и необходимость, а не изобилие и свобода. Такая деформация происходит благодаря процессу отчуждения в сфере труда, кото-

рое в капиталистическом обществе обуславливает все другие формы отчуждения: отчуждение от условий труда, орудий труда, продуктов труда, родовой сущности человека, человека от человека, человека от общества, самоотчуждение (отчуждение человека от самого себя). Анализируя все эти виды отчуждения, Маркс приходит к выводу о тотальности отчуждения человека в буржуазном обществе. Проследим генезис развития видов отчуждения.

Отчуждаясь в сфере труда, работник становится безразличным к цели своего труда, так как она задается ему извне, а не является его собственным производением. Таким образом, он выступает как средство реализации целей капиталиста. Это негативно влияет как на трудовой процесс, так и на личность. Труд как характеристика родовой сущности человека, т.е. делающий биологическое существо личностью, становится ненавистным бременем для индивида, отупляющим его, сводящим его к животному. Происходит одухотворение машины и овеществление человека. В машине объективируются человеческие способности, в человеке же развиваются способности машины. Высшей точкой такого отчуждения становится труд на конвейере, где рабочий уподобляется «дрессированной обезьяне», и в то же время все общее у человека с животным превращается в желанную цель и видится средством самореализации личности и «подлинной человеческой жизни». Это всевозможные виды потребления, досуга, отдыха, т.е. все, что не связано с активностью, напряжением и преодолением себя, а все, что связано с пассивностью и потаканием своим желаниям. Таким образом, происходит отчуждение личности от своей родовой сущности. Отчуждение от родовой сущности приводит к отчуждению человека от человека, что проявляется в отношении к другому как средству для удовлетворения своих по-

требностей, и тем самым другие низводятся на уровень одушевленных вещей. Все это в конечном итоге приводит к самоотчуждению человека. Так как, по Марксу, человек — ансамбль общественных отношений, то, следовательно, какие отношения господствуют в обществе, таким и является человек. Если в обществе господствуют отношения между людьми, как между вещами, то по теории «зеркального Я» (мы видим себя такими, какими видят нас другие) отношение к себе будет так же как к вещи. Но так как родовая сущность человека, хоть и отчуждена, но не исчезла, то она трансформируется в желание стать первовещью, в результате чего возникает конкуренция между индивидами. Рождается искусственная социальность — товарно-денежные отношения. Деньги в капиталистическом обществе являются субстанцией общения. Возникает товарный фетишизм — оценка себя и других сквозь призму товарно-денежных отношений, которые объективируются в показном потреблении, социальном маркировании «своих» и «чужих» и т.д. Отчуждение от труда и родовой сущности приводит к отчуждению личности от общества. Социальные институты (государство, религия, школа), созданные человеком, начинают обладать собственным бытием и в свою очередь конструировать индивида, его свойства, необходимые для успешного их функционирования. Вследствие этого возникает ситуация, когда «мертвые правят живыми», т.е. традиции, законы, стереотипы, созданные давно ушедшими поколениями благодаря процессу социализации, определяют мысли, чувства, поведение ныне живущих людей. Вследствие этого сознание человека расщепляется (на должное для общества и желаемое для человека). Возникает внутриличностный конфликт между «должен» и «хочу». Появляется «шизоидный тип личности» или человек, у которого внутриличностная сущность не совпадает с внешним

существованием. Именно в это время (XVII в.) появляется и распространяется осознание личного, неповторимого, отличного от других «Я». В обществе, с одной стороны, набирает силу процесс индивидуализации, т.е. отказ от всего общественного, удовлетворение личных интересов даже в ущерб общественным, эгоизм, утилитаризм. С другой стороны, имеет место процесс тотализации, т.е. отказ от всего личного ради общего, способность пожертвовать своей и чужой жизнью ради интересов «дела», отказ от субъективных эмоций и межличностного общения в общих делах и возникающая отсюда аморальность войн, политики, бизнеса и т.д.

Рассмотрев типы отчуждения, перейдем к анализу причин этого процесса. Основными причинами являются эксплуатация, частная собственность на средства производства и разделение труда.

Маркс констатировал, что отчуждение возникло еще до возникновения частной собственности и, следовательно, уничтожение частной собственности (советский вариант) и уменьшение эксплуатации (западный вариант) не влечет за собой снятие отчуждения. «Поскольку частная собственность превратилась в средство самоотчуждения труда, постольку условием ликвидации отчуждения труда должна стать ликвидация частной собственности. Но поскольку частная собственность сама представляет собой продукт самоотчуждения труда, постольку ликвидация частной собственности представляет собой необходимое, но еще недостаточное условие снятия отчуждения» (К. Маркс). Для того чтобы снять отчуждение, необходимо уничтожить труд, как систему разделения труда и заменить его свободным творчеством индивидов. Таким образом, Маркс создает эстетическую модель труда, которая рассматривается как чистая самореализация творящего индивида, его самовыявление для другого, а сам потребитель этого продукта нуждается не столько в данном предмете,

сколько в другом человеке, воплотившем в этом предмете свою индивидуальность. При уничтожении труда умирает и его носитель — рабочий. Взамен возникает творчество и его носитель — новатор, восстанавливается подлинная естественная социальность, а человечество из царства необходимости переходит к царству свободы, и из предьстории — в подлинно человеческую историю.

К проблеме отчуждения проявляли интерес многие западные мыслители. Так, например, Шпенглер считал, что отчуждение усиливается по мере превращения культуры в цивилизацию, для которой характерны безличные формы социальных связей между людьми. М. Вебер описал аналогичные процессы бюрократизации социальных организациях, в которых человек теряет свою индивидуальность и свободу. Зиммель рассматривает отчуждение как выражение извечного противоречия между застывшими, мертвыми формами культуры и творческими проявлениями жизни.

В социологии с отчуждением связываются многие фундаментальные изменения сознания и поведения, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Американский социолог Р. Мертон считал, что отчуждение становится причиной бегства от действительности — эскапизма или ретреатизма, состоящего в отрицании целей и средств, принимаемых группой. Формами проявления отчуждения являются также апатия, ритуализм, основанный на отрицании общественно одобряемых целей, но при одновременном использовании общественно одобряемых средств их достижения.

В разработке социологических аспектов отчуждения принял активное участие Г. Маркузе (1898—1979). Он заострил внимание на проблемах общества потребления. По его мнению, члены современного общества перестают искать удовлетворение в самовыявлении или общении с другими людьми, а находят его в предметах материального потребления, в ре-

зультате этого современный человек отчуждается от большинства сфер собственной жизни. Человек продолжает трудиться, но только для того, чтобы потреблять. Однако удовольствие от малого, именуемое Маркузе «эйфорией несчастья», приводит к еще большему сужению потребностей, разрушению трудовой мотивации, что становится стимулом к девиантным способам удовлетворения материальных потребностей. П. Бурдьё (1930—2002), анализируя пассивность электорального поведения отдельных групп населения (женщины, молодежь), причиной, лежащей в основе этого процесса, считал отчуждение от политического пространства этих групп.

Основные попытки снять отчуждение производятся в основном в двух направлениях. Это либо стремление к отмене частной собственности революционным или эволюционным путем, либо смягчение эксплуатации посредством увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня, допуска наемных рабочих к управлению, развитие корпоративной

культуры и т.п. Однако отчуждение все равно воспроизводится, так как одна из главных его причин — разделение труда, не уничтожается, а следовательно, сохраняется актуальность этого понятия для анализа современности, не утратившей важности за свою более чем полуторавековую историю.

Основная литература

История теоретической социологии. Т. 1. М.: Канон+. 2002.

Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма—ИНФРА-М, 1999.

Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 133—135.

Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 41—174.

Дополнительная литература

Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика: Культурная революция. 2006.

Давыдов Ю.Н. Труд и искусство: Избранные произведения. М.: Астрель, 2008.

Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2003.

Нарский И.С. Отчуждение и труд. М.: Мысль, 1983.

Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2000.

Р.И. Анисимов

Парадоксы

«Что за химера этот человек? Какое новшество, какой монстр, какой хаос, какой узел противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, слабоумный земной червь; носитель истины, клоака недостовренности и ошибок; слава и хлам вселенной. Узнай же, гордец, каким парадоксом являешься ты для себя! Смирись, бессильный разум, замолчи, глупая природа; узнайте, что человек бесконечно превосходит человека». В этих словах французского математика, физика и философа Б. Паскаля (1623—1662) выражено предельное изумление перед непостижимой и неустранимой внутренней противоречивостью, интеллектуальной и этической амбивалентностью человеческого

существа. Это образное высказывание великого мыслителя отражает одну из попыток познать сущность человека, его неоднозначную природу, его место и роль в решении злободневных общественных проблем.

Парадоксы и их роль в жизни общества и человека заинтересовали мыслителей еще в древности. Но если Б. Паскаль это высказал по отношению к человеку, пытаясь познать его сущность, то мыслители древних цивилизаций решали проблемы парадоксальности применительно к процессу познания, процессам логического мышления.

Одно из первых представлений о парадоксах было сформулировано в Древ-

ней Греции, когда ими обозначались противоречия в рассуждениях, возникающие при соблюдении их логической последовательности. Трактовка их близка к понятию «*апория*» (от *греч.* — затруднение, недоумение), по своей сути обозначающего трудноразрешимое положение, возникающее в результате противоречий в рассуждениях. Классическим примером апории считаются парадоксы Зенона Элейского (ок. 490 — ок. 430 до н.э.) в его рассуждениях об Ахиллесе и черепахе. Специфика этого парадокса заключается в том, что в нем *отождествляются и считаются совпадающими два процесса — физическое движение и возникновение в нашем сознании последовательности его частей.*

В Средние века философская мысль приступила к осмыслению *антиномии* (от *греч.* — противоречие закона самому себе, противоречие внутри закона), которым обозначалось *соединение в ходе рассуждения двух прямо противоположных утверждений, каждое из которых может быть одинаково обосновано.* Понятие «антиномия» имело первоначально юридический смысл и означало противоречие между двумя законами или внутри одного закона. В Кодексе Юстиниана (535) предусматривается случай, когда закон вступает в противоречие с самим собой. Эта коллизия названа антиномией в изданном в 1613 г. «Философском словаре» Р. Гоклениуса.

У И. Канта (1724—1804) антиномии трактуются как противоречия, которые неизбежно рождаются вследствие того, что понятие абсолютного, бесконечного, приложимое лишь к миру вещей в себе (тезис), применяется к миру опыта, где наличествует только преходящее, конечное и обусловленное (антитезис). Он сформулировал четыре антиномии. Для примера назовем первую из них: «Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве. — Мир не имеет начала во времени и бесконечен в пространстве».

Это и подобные утверждения в одинаковой степени и доказуемы и недоказуемы. Эти противоречия, по Канту, возникают только потому, что разум отважился пуститься в исследование вещей, как они существуют сами по себе («вещь в себе»).

Антиномии Канта оказали серьезное влияние на уточнение логических основ математики в XIX в., с одной стороны, и возникновение гегелевской диалектики, с другой. Известные трудности, ощущавшиеся в основаниях математики после открытия И. Ньютоном (1643—1727) и Г. Лейбницем (1646—1716) дифференциального и интегрального исчислений, попытался преодолеть Г. Кантор (1845—1918) на основе теории множеств. К этому времени произошли великие кризисы в основаниях математики, связанные с открытием иррациональных чисел, бесконечно малых величин. В дальнейшем открытый в 1902 г. Б. Расселом (1872—1970) парадокс о множестве всех нормальных множеств показал, что и положительный и отрицательный ответы в равной степени доказуемы. Именно открытие Г. Кантором в 1893 г. и Б. Расселом в 1902 г. серии парадоксов, связанных с актуализацией бесконечных множеств, породило Третий — Великий кризис оснований математики, который продолжается по сей день. Но если разобраться по существу, парадокс, связанный с актуализацией бесконечных множеств, является не чем иным, как попыткой интерпретации знаменитого парадокса «лжеца», автором которого является древнегреческий мудрец Евбулид (VII в. до н.э.).

В 1926 г. английский математик и логик Ф. Рамсей предложил первую (и получившую наибольшее распространение) классификацию парадоксов, разделив их на две группы: *логические парадоксы* (парадокс Рассела, парадокс Кантора) и *семантические парадоксы*.

Последние образовали особую группу парадоксов только в начале XX в., когда теория познания столкнулась с необхо-

димостью объяснения и интерпретации нового класса противоречий, связанных с тем, что многие слова имеют различные значения и в каждом конкретном случае только анализ смысловых связей позволяет отбросить те, которые являются посторонними.

В современную эпоху было осуществлено новое прочтение парадоксов. Великая заслуга Паскаля состояла в том, что он один из первых применил понятие парадокса к исследованию реального бытия человека, его сознания и поведения. Он поставил вопрос о необходимости выявить и изучить парадоксы и их проявления в реальной жизни, в процессе осуществления тех или иных видов деятельности. Однако новый шаг в их изучении стал реализовываться только в XX в., когда социальная мысль предприняла попытки познать сущность человека, выразить его основные черты и особенности в условиях экономических, политических и социальных изменений, происходящих так глубоко и с такой быстротой, что это не могло сказаться на сознании и поведении человека. Пытаясь объяснить эти изменения, в этот период появились такие характеристики его сущности, как «одномерный человек» (Г. Маркузе), «бунтующий человек» (А. Камю), «одинокий человек» (Ф. Кафка), «замкнутый» (Н. Элиас), «человек-зверь» (Ж. Бодрийяр). За каждой такой характеристикой стоит обстоятельный анализ противоречивых тенденций в сознании и поведении людей.

В отечественной научной литературе также были предприняты попытки описать человека и его состояние в постсоветской России. В ряде работ человека называли совком, лукавым человеком, потерянному, катастрофическим. Но каждое из этих определений, на наш взгляд, затрагивало лишь одну из существенных сторон человека и не может претендовать на его всестороннюю характеристику.

Парадокс как реальное проявление противоречия в общественном сознании

и поведении отражает и воплощает в себе следующие характеристики.

В о - п е р в ы х, в нем находит отражение противоречивость процесса познания. Существующие рассуждения о том или ином процессе или явлении в равной степени доказывают как истинность, так и ложность некоторого предположения. Иначе говоря, имеющееся знание (информация) не позволяет делать однозначные выводы и получать бесспорные умозаключения. Эта возможность получения не просто других, а взаимоисключающих результатов является базой (основой) для продолжения существования сложившихся и возникновения новых парадоксов. Другим вариантом возникающих парадоксов в процессе познания выступает неоднозначность (вариативность) трактовки того или иного понятия, что может быть преодолено посредством согласования смыслов тех или иных определений.

В о - в т о р ы х, парадоксы в сознании и поведении людей порождаются противоречиями жизненного опыта. Реальная практика показывает не только возможность существования взаимоисключающих ценностей и установок у отдельных социальных групп и людей, но и культивирование этого противоречия, в результате чего появляются противостоящие друг другу утверждения, действия и поступки.

В - т р е т ь и х, парадокс проявляет себя в ситуации, когда отождествляется реальный процесс и представление (знание) о нем. Чаще всего это случается в процессе преобразующей деятельности человека. Это отождествление реальности и знания о ней нередко приводит к трудно разрешимым противоречиям, когда процесс познания может отражать реальность приблизительно, а иногда и односторонне и тем самым не соответствовать практике, которая на этом основании отвергает не только это, но и все научное знание.

В - ч е т в е р т ы х, *абсолютизация прежних знаний приводит к появлению, порождению парадоксальных ситуаций*, когда изменившаяся жизненная ситуация диктует иную логику и иную программу поведения людей. Особенно наглядно это проявляется в общественно-политической деятельности, когда парадоксом становится достижение политической партией целей, отвергаемых полностью или частично предшествующим опытом.

В - п я т ы х, *парадоксы порождаются ситуативностью в деятельности субъектов* экономического, политического, социального или духовного процесса, когда ими принимаются решения и осуществляются действия, творцы которых ориентируются на ограниченные источники информации, не учитывают данные во всей их совокупности и игнорируют не совпадающее с их мнением знание. Важным условием и причиной парадоксальности выступают те объективные противоречия, которые помимо воли и сознания человека или групп людей возникают в процессе познания и реализации его выводов и результатов. На это в первую очередь обращают внимание исследователи, занимающиеся логикой познания. Так, А.А. Зенкин приводит следующий пример: «Один великий ученый открывает совершенно абстрактную формулу $E = mc^2$, другой великий ученый открывает новый химический элемент U-238, третий, талантливый инженер, изобретает технологию обогащения урана и производит из него атомную бомбу, четвертый, политик, принимает решение использовать эту атомную бомбу в самых «высоких и гуманных» целях, пятый, пилот-исполнитель, доставляет этого «Малыша» куда надо и делает с ним то, что приказано. «Гуманитарные» последствия такого «подарка» напоминают о себе до сих пор. Кто виноват? Вопрос, на который не существует ответа. Так, один из величайших факторов промышленного прогресса — прин-

цип разделения труда ради повышения его эффективности «во благо...» имеет своим следствием вначале разделение ответственности, а затем — и разделение совести. Не этой ли глобальной исторической ситуацией создаются условия для возникновения парадоксов, когда каждый отдельный акт сам по себе имеет правомочность и правомерность, но результат этих совместных последовательных действий приводит к непредвиденным, неприемлемым для человечества последствиям?

И н а к о н е ц, *парадоксы проявляют себя в случае, когда самые разнородные действия, сами по себе в отдельности являющиеся рациональными, будучи соединены воедино, в систему, обнаруживают не просто несогласованность, а абсолютную противоположность, несовместимость друг с другом*. К причинам появления таких парадоксов можно отнести ситуации, которые Т. Кун называет аномалиями и кризисами, когда в орбиту исследования незаметно втягиваются новые объекты, наличие которых постепенно ставит под сомнение истинность существующей картины мира и ее составляющих. Эти ситуации приводят к тому, что в системе знания накапливаются необъяснимые факты, нередко приобретающие форму парадоксов.

Парадоксальность усиливается и потому, что современный «мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, стрессами, разрушающими его здоровье. Социологические исследования выявили парадоксы прежде всего в тех сферах общественной жизни, которые подверглись существенным изменениям и влияют на повседневную жизнь человека, его настроение и самочувствие. Особенно актуален для людей в нынешней ситуации поиск ответа на вопрос: кто ответствен, виноват в таких

неутешительных для большинства населения изменениях в обществе?

Парадоксальность поведения и сознания постоянно проявляется в том, что как общественные институты, так и многие люди заявляют или декларируют одни цели и жизненные ориентации, а на деле осуществляют иные, иногда прямо противоположные установки. Парадоксальность поведения особенно наглядно обнаруживается в конкретных жизненных ситуациях, когда публично и словесно провозглашаемые суждения опровергаются практическими действиями.

Все сказанное о парадоксе можно обобщить в следующих его характеристиках.

1. *Странное, расходящееся с общепринятым мнение или высказывание, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу.* Такая ситуация широко распространена и охватывает значительный спектр явлений — от заблуждений до новых, пионерных идей.

2. *Явление, кажущееся невероятным (или невероятный, удивительный случай).* Под эту трактовку подпадает достаточно большой круг реальных процессов и явлений — от неопознанных летающих объектов до ситуаций, когда производителю невыгодно сеять хлопок, гречку или растить сады (или платить налоги) при внешне доброжелательной официальной экономической и социальной политике.

3. *Процесс, при реализации которого достигается результат, прямо противоположный ранее провозглашенным целям или, по крайней мере, принципиально отличающийся от первоначальных замыслов или намерений.*

Но особенно наглядная и объемная парадоксальность характерна для обществ с неустойчивым развитием, находящихся в состоянии нестабильности, аморфности, неопределенности вектора

исторического процесса. В этих условиях парадоксы сознания и поведения становятся массовыми, всеобъемлющими, порождающими причудливые сочетания добра и зла, чести и умысла, верности и предательства, безрассудного новаторства и упрямого традиционализма.

Суть парадоксального сознания и поведения заключается в том, что люди неосознанно, не по злему умыслу олицетворяют удивительнейший феномен — в одном и том же человеке *уживаются противоположные, а иногда и просто взаимоисключающие друг друга оценки, установки, ориентиры и намерения.* Человек как бы бежит сам от себя и от общества одновременно в прямо противоположных направлениях. Наш дезориентированный современник нередко, сам того не замечая, исповедует противостоящие друг другу истины и, что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируется на них вполне искренне, часто не замечая этого явного несоответствия.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия.* М., 2003. Т. 2. С. 151—154.
 Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 423—428.
 Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2007. Гл. 3.

Дополнительная литература

- Барулин В.С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения. СПб., 2000.
 Левада Ю. Советский человек. М., 1998.
 Мнацаканян М.О. Парадоксальный человек в парадоксальном обществе // Социологические исследования. 2006. № 6.
 Сидорина Т.Ю. Парадоксы кризисного сознания. М., 2002.
 Томалинцев В.И. Человек на рубеже тысячелетий. Парадоксы духовного развития. СПб., 1999.

Кентавр-проблема

В XIX—XX вв. естественные, социальные, гуманитарные науки обнаружили ряд специфических парадоксов. Их определяли различными терминами (понятия-ми). Долгое время казалось: речь идет о разной их природе, о несопоставимости и специфичности. Физики называли их волной-частицей и пространством-временем; биологи — фенотипом-генотипом; психологи — сознательным-бессознательным; лингвисты — синхронией-диакронией; математики — бинарной системой исчисления; писатели — потоком сознания, новым романом; художники — коллажами, инсталляциями, ассамбляжами; музыканты — классической-легкой музыкой; искусствоведы — ренессансом-барокко и иконологией-иконографией; историки — подвижной-неподвижной историей; философы — феноменологией-структурализмом; юристы — авторским правом — свободой слова.

Со временем выяснилось, что при кажущейся несравнимости они обнаруживали удивительное единство, что позволяло говорить о феномене, имеющем общую, хотя и парадоксальную природу. В попытке осмыслить открытое явление наука вернулась к забытому термину, который ранее употреблялся в мифологии и в литературе. Речь идет о термине *кентавр-проблема*, который позволяет охватить единым понятием разнообразный класс процессов и явлений, встречающийся в познавательной и преобразующей деятельности человека.

Впервые слово «кентавр» появилось в мифах Древней Греции: в фессалийских городах жило племя, мужчины которого никогда не спешивались с коней, образуя нечто единое целое. Этот образ породил представления о кентаврах, сочетавших возможность объединения взаимоисключающих начал — человеческо-

го и животного. Миф о человеке-лошади, представлявшем собой нечто единое, воплощен в художественных образах (битва с кентаврами), в символах-знаках (созвездие Стрельца), в мифах, сказаниях. Образ кентавров вдохновлял античное искусство, к нему обращались художники эпохи Возрождения (П. Веронезе, Б. Шпрангер, Г. Рени и др.), нового времени (А. Бёклин, О. Роден, Л. Коринта, П. Пикассо).

В русле наших рассуждений важно не забыть одно принципиальное положение: кентавр реально никогда не существовал; он порождение фантастических представлений людей о неких мыслимых образах, явлениях и процессах. Образ кентавра отражал парадоксальное состояние сознания, порождавшего феномен, которого не было в реальном мире. Своеобразное осознание (представление) воображаемого мира воплощалось в образе, означавшем возможность совмещения несовместимого. Иначе говоря, *кентавр* — воплощенная несовместимость разных начал, каким-то образом преодоленная, что можно представить как метафору сочетания несочетаемого.

Если ограничиться этими примерами, данное порождение человеческого разума можно отнести к разряду временных протуберанцев сознания. Но такое видение людьми окружающего мира отнюдь не исключение. Можно вспомнить о египетских *сфинксах*, представление о которых жило в древней Элладе в виде крылатой полудевы-полульвицы, обитавшей в пещере возле Фив. В древней мифологии мы встречаем и такое уникальное создание, как *химеры*, причудливее кентавров и сфинксов: голова льва, на спине вторая голова козы, а хвост то ли змеи, то ли дракона.

Такие порождения разума присущи практически каждому народу. У славян

русалки — полулевы-полурыбы. В мифологическом сознании русских, украинцев, белорусов живут *леший* (хозяин леса в шкуре со звериными атрибутами — рогами, копытами), *домовой* (старик, покрытый белой шерстью или превращающийся в кошку, собаку, иногда змею, крысу или лягушку), *водяной* (мужчина с чертами животного — лапы вместо рук, рога на голове), *кикимора* (злой дух, женщина-невидимка) и другие чудища народных сказаний.

В религиозной мифологии мы встречаемся с *ангелами* — человекоподобными существами с крыльями, которые несут людям добро, благие вести, поддерживают в трудную минуту. Средневековая история сохранила представление об образах людей, которые оборачивались для их носителей бедами — *колдунах*, *ведьмах*, воплощавших в себе человеческие и нечеловеческие начала.

Анализируя данные проявления человеческого разума, можно возразить, что эти примеры совмещения несовместимого существуют в воображении людей, в мифологии, в сказках тех времен, когда человек не научился выделять себя из окружающей природы, когда он и все вокруг него сливались в образ неделимого мира. С точки зрения научного знания любой биолог скажет, что человек и конь (змея, лев, коза и т.д.) — существа разнородные, что у них разный набор хромосом и как виды они генетически несовместимы. Значит ли это, что кентавры существуют только в фантазии и никакого отношения к реальному миру не имеют? Но зачем, для чего человеческий разум создал такие образы? Только ли из-за ограниченности познавательных возможностей?

Более обстоятельный анализ свидетельствует, что в ходе познания окружающего мира человечество столкнулось с необходимостью дать объяснение не просто определенным противоречиям, их специфическим проявлениям, полу-

чившим название кентавров, а их особым формам реального существования, по своей сути отражавшим проблему, возникшую в результате сопоставления данных наблюдения (опыта, исследования) и их мысленного анализа.

К таким микрокентаврам можно отнести электроны и позитроны. В самом деле, как представить себе, что эти элементарные частицы одновременно олицетворяют и частицы и волны, что противоречит не только классической физике, но и здравому смыслу, который отвергает такую двойственность как физическую бессмыслицу. А сколько драм сопровождало путь к этому выводу, ибо ум ученых и их эксперименты долгое время отвергали это предположение. Макс Борн, Альберт Эйнштейн, Эрнест Резерфорд много лет не могли осмыслить противоречивость открытых ими явлений. Лишь Луи де Бройль, а затем Нильс Бор рискнули соединить несоединимое, согласно которому атом предстал кентавром. Они доказали, что электрон способен пребывать в двух ипостасях — частицы и волны. Это была революция, положившая начало новейшему физическому мировоззрению.

Перечисляя проявления кентавр-проблем, можно привести пример суждения, а потом доказательства осуществленного В. Гейзенбергом внешне абсурдного утверждения: A умноженное на B может не равняться B умноженному на A . Перечень таких феноменов в истории науки, ее поисков и экспериментов можно продолжать. Наряду с этими казусами существовали и такие, которые подбрасывала сама природа, например, феномен НЛО (неопознанные летающие объекты), таящий в себе много взаимоисключающих положений, отраженных в столь же взаимоисключающих суждениях.

Д. Данин в книге-раздумье «Неизбежность странного мира» рассуждает: если бы человек смог двинуться в путь (только вперед) по Вселенной, через эн-

ное время он пришел бы в исходную точку, с которой начал свое путешествие. Абсурд? Нет, мы имеем особый случай (правда, гипотетический) парадоксальности, который отражает невозможность представить в нашем видении мира сочетание несочетаемого. Иначе говоря, в новой истории открыты явления, которые нельзя объяснить противоречиями процесса познания. Наука столкнулась с реальными казусами, которые опровергали существовавшее прежде знание и которые в отличие от представлений о лешем или ведьме не исчезали.

При анализе кентавр-проявлений обратим внимание, что художественная мысль также ввела в оборот приемы, характеризующие способность человеческого мышления распознавать и создавать сочетания несочетаемого, если это служит раскрытию странностей истории, человеческой жизни. Со времени Эллады известен стилистический прием *оксюморон* (остроумно-глупое) — сочетание несочетаемого по смыслу. Так, у Л. Толстого мы находим «Живой труп», у И. Тургенева — «живые мощи», у А. Блока — «жар холодных чисел», у А. Ахматовой — «Смотри! Ей весело грустить такой нарядно обнаженной!». Согласитесь, у нас не возникает возражений против таких словосочетаний, мы не называем эти образы вздором, нелепицей, не испытываем недоумения, напротив, восхищаемся сравнениями и необычным словесным мастерством.

Подводя итог, можно сказать, что открыты явления в мире (вначале, в микромире, а затем и в обществе), которые предстали в общественном, групповом или индивидуальном сознании кентавр-проблемами, внося коррективы в осмысление и трактовку многих ситуаций общественной жизни.

Что касается общества, мы встречаемся с особым классом феноменов общественной жизни, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как

«сочетание несочетаемого». Попытка выявить сущность и специфику каждого феномена потребовала осмыслить специфические моменты, которые как реальность духовной жизни человечества на предшествующих этапах его развития осмысливались или трактовались с иных позиций по сравнению с постулатами современной теории познания. Исследование кентавр-проблем позволяет обратить внимание на малоизвестные и спорные проблемы природы познания и преобразовательной деятельности, их взаимодействия, выявить ряд особенностей соотношения знания и реальности, условия достоверности и истинности знания.

Если анализировать симбиоз взаимоисключающих ориентацией в сознании и поведении человека или групп людей, то кентавризм можно объяснять по-разному. Прежде всего, еще раз напомним, что *кентавр* — особая форма противоречия, особое проявление парадоксов. Это не просто противоречие, которое присуще общественному или групповому сознанию. Это такое состояние сознания (и знания тоже), которое отражает сочетание несочетаемого, т.е. разум не может объяснить одновременное существование двух (нескольких) взаимоисключающих начал. Следовательно, мы столкнулись с классом явлений и процессов, которые имеют характерные особенности в познании мира.

Обобщая, можно сказать, что, в о п е р ы х, *кентавр-проблема является особенной, специфической, но не исключительной формой парадоксальности*, которая существовала на всех этапах развития человечества. Современное состояние общественного сознания и деятельности не избавляет от самых разных проявлений кентавризма. Более того, по мере проникновения в макро- и микромиры, в тайны общественной жизни мы все больше встречаем явлений и процессов, которые на прежнем уровне и при существующих методах познания невозможно объяснить.

В о - в т о р ы х, кентавр-проблема отражает особый случай поиска ответа на непознанные объективные процессы. Они, как правило, возникают на стыке науки и практики, где наши познавательные возможности по каким-то причинам ограничены. По мнению М. Поланьи, рождению парадоксов (кентавр-проблем) немало способствует отсутствие «логического моста» между теорией и фактами, ибо «в каждом акте сознания присутствует (в качестве насущно необходимого элемента знания — Ж.Т.) страстный вклад познающей личности».

В - т р е т ь и х, для познания кентавр-проблемы очень важно применение принципа неопределенности, ибо она может проявлять себя по-разному. Процессы, связанные с открытием принципа неопределенности, позволили Л. Ландау утверждать, что «человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить» (курсив мой — Ж.Т.). Кентавр-проблема может существовать на подсознательном уровне, когда человек не подозревает, что является носителем парадоксального сознания и поведения. То, что он обладает кентавристикальным сознанием, очевидно для исследователя, а не для самого человека, который почти всегда не замечает свою противоречивую позицию, демонстрирующую иррациональный потенциал реально функционирующего сознания. Не менее редки ситуации в природе и обществе, когда встретившиеся исследователю феномены не могут быть объяснены предшествующим знанием. Тогда на первый план может выйти интуиция, гипотезы (нередко внешне абсурдные), ассоциации, когда решение проблемы в одной области знаний может быть перенесено и апробировано в другой, даже при кажущейся недопустимости такого приема.

В - ч е т в е р т ы х, особые трудности возникают при встречах не с естественно-

научной, а с социальной, политической, духовной кентавр-проблемой. Исследуя феномен семантического дифференциала, русский психолог В.Ф. Петренко показал, что у многих людей на уровне восприятия социалистических и либеральных ценностей происходит их смешение; на этой основе происходит создание кентавристикальных образований, которые трудно поддаются логическому объяснению.

В - п я т ы х, кентавр-проблема имеет выраженную тенденцию к росту своих проявлений в период деформации общественных отношений, нарушенных социальных связей, нестабильности. В период кардинальных общественных изменений она в определенной степени становится нормой, характерной для сознания и поведения людей.

И н а к о н е ц, незнание или игнорирование кентавр-проблемных ситуаций в обществе обрекает политиков и обслуживающие их научные центры на ложные выводы, создает условия для провала их действий, особенно тогда, когда они продолжают мыслить по принципу линейности развития, не видя не только противоречий, но и парадоксальности многих ситуаций.

Выявление, изучение и обоснование новых открытых противоречий объективной реальности существенно обогащает теорию познания. В частности, нуждается в уточнении то, как соотносится кентавр-проблема с законом единства и борьбы противоположностей, с универсальной формулой диалектики, которая допускает, предполагает, а порой и требует преобладания одного из противоборствующих начал над другим.

Особенно трудно объяснимы ситуации, когда научное познание сосредоточено на проблемах общественной жизни, представляющих своеобразными социальными кентаврами. Внимательный анализ окружающей действительности вынуждает признать факт постоянных встреч с кен-

таврами. Они рождаются, функционируют, окружают нас повсеместно. Но с одной поправкой. Они проявляют себя в наших представлениях о непонятных и непознанных нами процессах и явлениях. Сам объект исследовательского интереса не всегда осознает свою «кентавричность».

И в заключение приведем слова писателя Д.А. Данина, который в 1948 г., работая над книгой «Неизбежность странного мира», написал: «Можно напроорочить, хотя бы шутки ради, что когда-нибудь возникнет целая наука — кентавристика. Ее предметом будет тонкая структура парадоксов (и многое другое)». Это в значительной мере относится и к нашей науке — социологии.

Фантомы

Слово «фантом» по-разному звучит в обыденной, литературной и научной речи. В словаре С.И. Ожегова фантомы объясняются как «причудливое явление, призрак». В Академическом словаре русского словаря фантом трактуется в трех смыслах: 1) призрак, привидение; 2) вымысел, игра воображения; 3) модель тела или части его в натуральную величину, служащая наглядным пособием. В «Психологическом словаре» представление о фантомах связывается с фантомными болями в послеоперационном или последующем этапе жизни после контузии, ранения, операции, когда нет, например, руки или ноги, но человек в определенные моменты чувствует их через боль как реально существующие. И хотя последнее определение апеллирует к специфическому, узкопрофессиональному лексикону (в данном случае, к медицинскому), мы сталкиваемся с особым явлением, когда физической реальности нет, но в то же время его мнимое функционирование существует как бы объективно, реально, так как приносит вполне осязаемые стра-

Основная литература

- Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1.
 Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2007. Гл. «Кентавр-проблема...».
 Чуцин-Русов А.Е. Возвращение кентавров // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

Дополнительная литература

- Данин Д. Неизбежность странного мира. М., 1964.
 Данин Д. Старт кентавристики // Вестник РГГУ. Вып. 1. Кентавристика: опыт сочетания несочетаемого. М., РГГУ, 1996.
 Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.
 Фантомы // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 697—698.
 Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.

Ж.Т. Тощенко

дания и переживания. Практически аналогично протекают и фантомные воспоминания о некоторых событиях в жизни человека, когда они заставляют переживать с той же нестерпимой остротой, как и в момент их проявления в прошлом. Иногда к разряду фантомов относят возникновение, существование и функционирование различных мистических обществ и орденов, внутренняя жизнь которых остается тайной не только для современников, но и для последующих поколений. А если случайно приоткрывается их жизнь, то ровно настолько, чтобы вызвать догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности.

В реальной научной и политической лексике этот термин стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений, выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной или культурной жизни. А исследователи, политики и общественные деятели стали обращать внимание на все более частые

появления в общественной жизни аномальных явлений. Во-первых, в реальной жизни появились милиционеры-мистики, серийные убийцы с философским складом ума, упыри-насилыники, наемные киллеры, количество которых значительно возросло, хотя их появление с трудом поддается объяснению. Некоторые исследователи считают своей «сверхзадачей в творчестве раскрытие тех внутренних бездн, которые таятся в душе человека» (Ю.В. Мамлеев). Во-вторых, систематически возникают своеобразные фантомы разного масштаба. Когда рухнул советский строй, появилась «как в сказке — чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы, потом на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, затем Невзоров и Доренко с их информационными медитациями. За ними Березовский — совершенно паранормальное явление» (Ю. Богомолов). Поэтому в публицистике, в политической риторике данное понятие стали употреблять к некоторым экстравагантным фигурам современной общественно-политической деятельности и необычным игрокам политической сцены.

В этой ситуации общество породило еще один класс явлений — своеобразные «протуберанцы» на политическом и общественном поприще, которые можно отнести к классу фантомов. Некоторые из них занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения. К ним можно отнести такие имена, как Бурбулис, Шахрай, Шумейко и прочие, которые в недавнем прошлом вершили судьбы страны и более того, способствовали тому, что Советский Союз перестал существовать. Но почему эти деятели внезапно появились и почему также стремительно исчезли со страниц текущей истории общества и государства, предстоит осмыслить. А так как эти фантомы родились в среде ин-

теллигенции, то мы вправе задуматься и попытаться выяснить сущность и латентные причины, приведшие к появлению этих фантомов в российской жизни вообще и особенно в политике.

Иначе говоря, понятие «фантом» в настоящее время серьезно расширилось и включает в себя достаточно разнообразный класс процессов и явлений в общественной жизни. Описание и классификация этих уникальных явлений позволяют обогатить теоретические представления о сущности и характере общественного сознания и поведения, что имеет не только научное, но и прикладное, управленческое значение.

Научное осмысление социальной реальности, заставляющее взглянуть на это явление с позиций как теории познания, так и повседневной практики, позволяет выяснить, что фантомом может выступать не только вымысел, игра ума, но и явление, выбивающееся из типичных, повторяющихся, носящее специфический, особенный характер явлений и событий.

Сначала ответим на вопрос о причинах, порождающих данный феномен.

Если характеризовать современное состояние общественного сознания в России, то можно прийти к выводу (практически никем не оспариваемому), что оно не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально, а нередко и фантомно. В общественном сознании зреют и продолжают существовать взаимоисключающие ориентации, которые противопоставляются друг другу и нередко претендуют на то, чтобы быть единственными, спасительными средствами выхода из того кризиса, в котором очутилась Россия. Смысл нашего анализа состоит не в том, чтобы включиться в этот спор, а чтобы разобраться, почему он бесперспективен, пока не будет найден ответ на одну из фундаментальных проблем нашего времени: почему не только общество, не только

многие социальные группы и слои, но и сам человек расколот в своем сознании, представляет собой уникально противоречивое явление, которое во многом олицетворяет сегодняшний облик страны.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что именно в человеке, конкретном индивидууме сосредоточивается эта противоречивость, когда он одновременно доверяет взаимоисключающим утверждениям, верит в приемлемость и ценность их для своей и общественной жизни. Такой подход дает возможность охарактеризовать сознание и поведение многих людей, как находящихся в конфронтации с самими собой, в борьбе с самими собой, что затем переносится и на общественное поприще. Люди словно бегут от себя одновременно в прямо противоположных направлениях.

Почему это произошло? Распад СССР привел к краху устоявшегося образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей десятков миллионов людей. Исчезла не только страна — исчезла база того мировоззрения, на которую опирались люди в своем взаимодействии с обществом, с государственными и производственными организациями, с своими коллегами, друзьями, соседями по месту жительства, со всем окружающим миром. Осознание того, что необходимо менять состояние советского общества, существовало уже в доперестроечный период. Ведь именно ожидание перемен, стремление к ним и породило то общественное движение, которое наглядно показало себя во второй половине 1980-х гг.

Все это привело к тому, что к причинам, породившим фантомы в современной России, относятся следующие.

1. Несовершенство механизма взаимодействия общества и государства с людьми, населением страны. Этот механизм не позволял и не позволяет выявлять и затем активно использовать творческие возможности и силы людей, согласовы-

вать объективные потребности с субъективными устремлениями интеллигенции. В результате на различные уровни управления или воздействия на жизнь страны попадают не лучшие, а иногда и случайные персонажи, которые не отвечают этим объективным потребностям.

2. К причинам появления фантомов можно отнести тот факт, что некоторых людей не устраивает достигнутый ими в результате реформ социальный статус: они считают, что их социальное положение не соответствует их знаниям, заслугам, творческому потенциалу, что они способны на большее. С этим они не хотят мириться и активно ищут средства и методы, которые бы позволили самим активно добиваться изменения своего социального положения. Подчеркнем, что эти люди стремятся повисить его не только теми средствами, которые предлагает существующий политический строй, но и нередко асоциальными методами.

3. Этими фантомными людьми, как правило, руководит неумная жажда власти, безразлично какой — политической, экономической, психологической или просто надуманной, но властью. Обычно в этом стремлении они безмерно настойчивы, используют все мыслимые и немыслимые средства ее достижения.

4. Часть этих фантомных людей испытала травмирующее чувство при советской власти, которая по тем или иным причинам не признавала их «исключительности», препятствовала, как им казалось, их росту, мешала реализовать стремления к тем или иным постам, должностям, позициям и т.д.

5. Фантомы предстают пред нами как чрезвычайно амбициозные субъекты, которые не ограничиваются мечтаниями и пожеланиями — они весьма действенны, наступательны, настойчивы до абсурда и непреклонны пред возникающими препятствиями. Причем всю ответственность за все возникающие препятствия они перелаживают на общество, на окружа-

ющих их людей, на общественные и государственные организации. Они никогда не сомневаются в правильности выбранного курса, не приемлют критику их действий, постоянно претендуют на то, чтобы их исключительность признавалась всеми, и в первую очередь их окружением.

6. Для многих из них материальное благополучие также выступает немаловажным фактором, ибо они всегда считают себя так называемой референтной группой (они всегда выше той планки, к которой они принадлежат).

7. Общей характеристикой всех фантомов политической и экономической жизни России роднит еще одно: все они обстоятельно занимаются своим возвеличиванием, оправданием своих действий, доказательством своего «вклада» в «процветание» России. Они болезненно реагируют на все возможные попытки усомниться в их «вкладе» и готовы на сопротивление, вплоть до судебных разбирательств.

Анализ имеющихся данных, в том числе и социологических, позволяет дать характеристику различных типов парадоксального сознания и поведения.

Первый тип — *хищники*. Это идеология современных олигархов, различных комбинаторов и просто мелких жуликов, устремления которых сводятся к тому, чтобы обосновать законность и правомерность хищения, присвоения национального богатства под флагом «заботы» о будущем страны, народа. Именно от них можно слышать утверждения, что, мол, построенные дворцы, накопленное богатство хотя и принадлежит лично кому-то из них, но оно все равно образует национальное достояние, оно может перейти и в другие руки и что, мол, общество в конечном счете выиграет от этого. Нередко хищники используют и такой прием: да, мол, первое поколение владельцев богатств (как, например, в Америке) — это поколение хищников, гра-

бителей, но их дети, внуки (следующее поколение) — это законопослушные и уважаемые члены демократического общества.

Следующий тип фантомов — *мародеры*. Эта категория людей пытается поживиться тем, что осталось от прошлого, невзирая на то, имеет ли оно какую-то ценность для сегодняшнего дня или нет. Обстановка после распада СССР напоминает поле битвы, когда еще не ясно, кто победил и что ждет участвующих в ней завтра. Но есть короткий перерыв, когда еще нет четкого представления о результатах боя. Именно в условиях экономической и политической неопределенности возникает стремление урвать побольше при полной уверенности в своей безнаказанности.

Своеобразный фантом образуют *мутанты*, число которых значительно. Для них характерен следующий алгоритм поведения. В течение значительной части жизни они придерживались одного мировоззрения, а затем — в период перелома — объявляют себя приверженцами прямо противоположных идей и убеждений. Причем этот отказ от прежних убеждений, отречение сопровождается жесточайшей их критикой и превращается в распродажу этого отказа, торговлю новыми убеждениями и критики старых идей. Не лучше ли руководствоваться христианской моралью: при изменении своей концепции жизни ты должен оставаться наедине с богом, со своей совестью и только с ним размышлять об изменении своей жизненной позиции. В ином случае эта мутация говорит не об изменении сознания и поведения, а о перерождении всех человеческих начал.

Не менее характерен для общества переходного периода и фантом, который можно отнести к *различным видам шовинизма*. Их носители, с одной стороны, нередко декларируют общечеловеческие ценности — уважение к другим народам, признание их права на свой язык и куль-

туру. Но с другой стороны, в конкретных обстоятельствах они убивают или унижают других людей, сжигают их дом лишь потому, что они придерживаются других взглядов и «мешают» устройству своего народа. Именно на этой основе так называемые интернационалисты становятся носителями бытового шовинизма. Именно они являются сторонниками и морального насилия. Именно они возрождают социальные мифы, тасуют историю, «на научной основе» доказывают претензии к другим народам и государствам.

Особый фантом представляют персонажи, которых можно назвать *блуждающими форвардами*. Мы можем наблюдать многочисленные примеры «миграции» таких людей из одной партии (или общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую и так до бесконечности. Причем это почти всегда сопровождается коренным изменением ранее провозглашенных принципов, отказом от прошлых приверженностей, славословиями в адрес новых предпочтений или выгодных для себя «открытий». И все это прикрывается тем, что очередные новые ориентации объявляются воплощением «гласа народа», отражением его чаяний и желаний. По сути же дела — это участие в борьбе за власть, за капитал, за жадную удовлетворить амбиции за счет народа.

Распространен и фантом, который можно отнести к группе *симулянтов*. Поведение его носителей — это поведение значительной части чиновничества в современной России. Эта группа людей неустанно и дружно изображает симуляцию заботы об общественном благе, которая очень образно проявляется, с одной стороны, в риторике (болтовне), а с другой — в накопительстве и разграблении бывшего народного достояния. Причем это нередко прикрывается ширмой — оказанием помощи дому престарелых или детскому дому, спортивной команде

или больнице. Как показывают результаты выборов, такая «забота» приносит весьма ощутимые дивиденды в виде депутатских мест или должностей глав администраций. Именно этой категории людей присуще осознанное поддержание парадоксальности поведения и сознания населения, ибо сулит немалые выгоды и приносит значительное приращение личного благополучия.

Наконец, стоит сказать о таком фантоме, как *новые диссиденты*, которые, как это не звучит парадоксально, комплектуются из бывших диссидентов. Многие из них, выступавшие против различных аспектов государственной политики в СССР, с той же настойчивостью и убежденностью выступают против того, что творится в сегодняшней России. К этой категории можно отнести и многих общественных деятелей первой демократической волны, которые по прошествии определенного времени отреклись от создаваемого ими или при их помощи нового режима. Новые реальности превратили многих из них в стойких борцов против того, за что они рдели в первые «розовые» годы новой России. И их парадоксальность часто проявляется в приверженности по-прежнему идеям демократии, но уже в сочетании с патристическими или социальными ориентациями.

Данный перечень фантомов условен. Он может быть продолжен, если исходить из методического принципа, по которому можно классифицировать данное явление: власть, капитал, слава. Это сочетание может выступать в различных комбинациях и олицетворять разные формы проявления фантомного сознания и поведения.

Таким образом, анализ современного состояния фантомов общественного сознания и поведения позволяет говорить о многообразии форм их проявления. Но очень хотелось обратить вни-

мание на то, что именно переходный период обнажил эту противоречивость, сделал более определенной картину того, что сейчас представляют эти парадоксальные явления.

Основная литература

- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991.
 Психологический словарь / Под ред. А. А. Давыдова и др. М., 1993.
 Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2008. С. 162—180.
 Фантомы // Социологическая энциклопедия. М.: 2003. Т. 2. С. 697—698.

Дополнительная литература

- Бочаров Л. И., Ефимов Н. Н., Чачук И. М., Чернышев И. Ю. Заговор против русской истории (факты, загадки, версии). М., 1998. С. 11, 222.
 Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: исследования и материалы. М.: Аграф, 2000.
 Ракитянский Н. М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М., 2001.
 Ракитянский Н. М. Портретология власти. Теория и методология психологического портретирования личности в политике. М., 2004.
 Словарь русского языка. Т. IV / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984.

Ж. Т. Тощенко

АНОМИЯ

Термин «*anomos*», который обозначал такие понятия, как «беззаконный», «безнормный», «неуправляемый», стал употребляться еще в Древней Греции. У Еврипида аномия символизировала жестокость бытия. Платон видел в аномии проявление анархии и неумеренности. В Ветхом Завете аномия связывалась с грехом и порочностью, в Новом Завете — с беззаконием.

На несовершенство нравственных и правовых норм и их роль в деформации жизни человека обращал внимание и один из основателей социологической науки в XIX в. Герберт Спенсер (1820—1903). Спенсер был критически настроен по отношению к законодателям и государству. Он обвинял их в массовом неуважении норм и законов, что порождает не только индивидуальную, но и социальную аномию.

Окончательное закрепление в науке понятия «аномия» связано с именами Э. Дюркгейма (1858—1917) и Р. Мертона (1910—2000). Следует отметить, что в современной социологической литературе имеют хождение два по-разному пишущихся и неодинаково произносящихся термина «аномия» — *anomie* и *anomia*. Термин *anomie* использовался Э. Дюркгей-

мом и Р. Мертоном для описания состояния социальной (общественной) безнормности в применении к большим и малым общностям. Лео Сроул, современный американский социальный психолог и социолог, предложил понятие *anomia*, восходящее к его греческому произношению и обозначающее состояние индивидуальной депривации (в отличие от аномии социальных систем в целом). Это различие имеет принципиальный характер, ибо позволяет анализировать аномичные состояния как со стороны социальных групп и общностей, так и со стороны личности.

Что касается Дюркгейма, то он использовал это понятие в своих основополагающих работах — «О разделении общественного труда» (1893) и «Самоубийство. Социологический этюд» (1897).

В «Разделении общественного труда» аномия рассматривается как результат неполного перехода от традиционного общества с его механической солидарностью к органической солидарности индустриального общества. Объясняется это тем, что общественное разделение труда, составляющее основу этого общества, развивается быстрее морального сознания. Возникает необходимое усло-

вие существования аномии, заключающееся в противоречии между целями, с одной стороны, и возможностями их удовлетворения, с другой. Вследствие ощущения индивидуумом своего неопределенного положения в обществе происходит потеря связи с конкретной социальной группой и в итоге со всем обществом, что ведет к росту склонности к отклоняющемуся саморазрушительному поведению. Дюркгейм отмечал, что особенно сильной степени аномия достигает в экономической сфере, где уже царят новые методы хозяйствования, а новых моральных установок еще не выработано. Состояние аномии вытекает из ненормальных форм разделения труда. Ее объективные причины — частные промышленные и торговые кризисы, финансовые неурядицы и банкротства, а также антагонизм между трудом и капиталом, вытекающие из чрезмерного разделения функций. Следовательно, путь ослабления аномии не в искусственной реставрации институтов традиционного общества с их патриархальной дисциплиной, а в развитии «либерального индивидуализма» новых профессиональных групп, способных взять на себя функции нравственного контроля и защиты своих членов от посягательств государства. Иначе говоря, в отличие от фрустрации, означавшей полную дезориентацию индивидуального, группового и общественного сознания, аномия означает полную атрофию, стабильное равнодушие и полное безразличие не только к настоящему, но и к прошлому и будущему.

Особое место в изучении аномии занимает труд Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд», в котором был поставлен и исследован процесс суицида. Именно в его работе и работе его последователей были вскрыты главные социальные и социально-психологические причины самоубийства — утрата социальных связей, депрессия, потеря социального статуса, семейные неурядицы, разочарование в жизненных перспекти-

вах, т.е. то, что образуется в результате формирования аномии.

Следует отметить, что Э. Дюркгейму был присущ известный негативизм, т.е. стремление сосредоточить внимание на темных, отклоняющихся характеристиках социальной среды.

Наряду с Э. Дюркгеймом значительный вклад в разработку понятия «аномия» внес Р. Мертон. Основное внимание он уделил исследованию социальной ситуации в категориях дисбаланса между культурно осознанными целями поведения и требованиями «институционализированных норм» и связанных с ними «законных институционализированных средств» достижения целей в силу определенных причин, препятствующих их реализации. Согласно Мертону, аномия вовсе не обязательно должна всегда и при всех обстоятельствах носить тотальный характер. Она обладает своей собственной динамикой. Она может быть эпизодической (смена разочарований периодами бурной целеустремленной активности) или же *сегментированной* (т.е. охватывать отдельные «зоны» социальной деятельности индивида, скажем семейные отношения или же профессиональную среду). Но при этом в своем развитии аномия охватывает большую часть или все области социальной жизнедеятельности индивида, в чем, в конце концов, и состоит смысл аномии. Настоящая аномия наступает именно тогда, когда оставшиеся островки социальной стабильности и рациональности поглощаются ценностным вакуумом и нравственной бессмыслицей.

В основе возникновения аномии, согласно концепции Мертона, лежит обострившееся противоречие между определяемыми культурой целями и институционализированными средствами их достижения. Сопутствующая этому противоречию аномия заставляет индивида (группу) искать иные, незаконные способы удовлетворения потребностей, об-

ходя институционализированные средства достижения целей. Причем, говоря о незаконных способах достижения цели, Мертон совсем не обязательно имеет в виду преступность как таковую. Незаконность понимается им шире — как отклонение от нормативных средств, включая и инновационные методы, и любые иные противопоставления существующим нормам. И тем не менее *основным видом проявления аномии, по его мнению, становится именно преступность в ее различных формах.*

В социологии имеются и другие подходы к трактовке аномии. Э. Фромм (1900—1980) в своих взглядах на «больное общество» указывает на глобальную опасность аномии. Основная его идея заключается в том, что главнейшим показателем болезни общества является равнодушие к человеческой личности. В связи с этим можно оценить и аномические результаты, представленные Фроммом в понятиях «нарциссизма», «некрофилии», «сэдизма», «мазохизма» и др. Ясно, что основы этих психопатологических отклонений находятся не в самих людях, а в общественных структурах. Наконец, вкладом, внесенным Фроммом в трактовку понятия аномии, можно считать разработку его психопатологического аспекта понятия аномии, что, по существу, было Р. Мертоном отвергнуто. Э. Фромм обратил внимание на естественный аспект аномии, в то время как Мертон и его единомышленники больше заостряли внимание на факте существования аномических отклонений, обусловленных субъективной активностью, т.е. на отклонениях от нравственных и юридических норм.

Стоит отметить и разработки Р. Маккайвера, Д. Рисмена и Л. Сроула. Согласно Маккайверу, социальная аномия — это состояние сознания, при котором чувство социальной сплоченности — движущая сила морали индивида — ослабевает или полностью разрушается; аномия есть «разрушение чувства причастности

индивида к обществу». Маккайвер связывает это явление с тремя проблемными характеристиками современного демократического общества — конфликтом культур, капиталистической конкуренцией и быстрым темпом социальных перемен. Соответственно он выделяет три типа аномии как состояния сознания индивидов. Индивиды аномичны: 1) когда их жизнь бесцельна из-за отсутствия ценностей, что, со своей стороны, является результатом конфликтных столкновений, различных культур и систем ценностей: «Теряя указывающий путь в будущее — компас, они утрачивают будущее»; 2) когда они используют собственные силы и возможности лишь для себя — результат потери моральной ориентации в обществе капиталистической конкуренции; 3) когда они изолированы от значимых человеческих взаимоотношений и связей, «лишившись почвы прежних ценностей».

Д. Рисмен рассматривает аномию как синоним неприятия. Он делит не соответствующих характеру эпохи индивидов на автономный и аномический типы. Первый обладает способностью приспособления к поведенческим нормам собственного общества; аномические индивиды же соответствуют отличным от господствующих поведенческим нормам.

Л. Сроул предлагает измерять психологическое чувство аномии индивидуально. Он выделяет пять параметров аномии и представляет их на пятипунктной шкале, которая включает сферы политики, культуры, экономики, интернализованных социальных норм и ценностей, а также первичного отношения к окружающим. Вопросы касаются: 1) ощущения индивидом того, что общественные лидеры далеки от него и равнодушны к его нуждам; 2) пессимистического восприятия индивидом социального строя как преимущественно непорочного и непредсказуемого; 3) такого взгляда индивида, согласно которому он и ему подобные отстают назад от уже достигнутых

целей; 4) ощущения индивидом бесцельности жизни; 5) ощущения, что сеть отношений личности не подлежит предвидению и не имеет поддержки.

Среди отечественных исследователей следует обратить внимание на работы Н.Е. Покровского, разрабатывающего теоретические основы этого явления, и Ж.Т. Тощенко, который дает анализ поведения парадоксального человека.

В современной социологической науке *аномия* трактуется как *состояние, характеризующееся отсутствием цели, самоидентичности или этических ценностей у отдельного человека или общества в целом, дезорганизация общественного сознания и поведения.*

Аномия заявляет о себе присутствием также постоянно расширяющегося спектра социальных девиаций. К числу легко наблюдаемых и легко определяемых индикаторов аномии можно отнести: социальный хаос, смятение душ, неясность жизненных целей («главное для нас — выжить»), резкое снижение предсказуемости во времени тех или иных явлений, связанных с данной социальной системой («мы живем только сегодняшним днем»), возрастание значимости материальных ориентаций, как противоположных нравственным и духовным («нам сейчас не до духовных запросов») и т.д. В этом смысле аномия раскрывается как однозначно отклоняющееся, аномальное состояние социальной структуры.

Следовательно, аномия представляет собой тотальное изменение индивидуальных или групповых ценностей и норм, приводящее к рассогласованию поведенческих структур и «вакуумизации» социального пространства. В этом смысле аномия близка к понятию «отчуждение». В ситуации, когда кардинальные изменения в экономической, политической и социальной сферах разрушают установленный порядок и сложившиеся социальные связи, человек оказывается в пустом социальном пространстве, лишенным ори-

ентиров, т.е. ценностных и нормативных установок. Он сразу же начинает испытывать кризис ожиданий (надежд на будущее, стремлений). Происходит то, что можно назвать опрокидыванием традиционных норм, и одновременно утрачиваются ограничивающие нравственные рамки (укореняется вседозволенность). В итоге человек оказывается в вакууме, который окружает его извне и «наполняет» (если так можно выразиться) изнутри.

Не обнаружив устойчивых долговременных ориентиров, человек впадает в состояние усталости от своего собственного бытия. Причем эта усталость приобретает окраску неизбежности, непреодолимости, если угодно экзистенциальности. Никакие рациональные усилия, направленные на преодоление аномии (поиски работы, нового партнера, психотерапевтического лечения и т.д.), не приводят к желаемому результату (в случае, если аномия носит охватывающий характер). Происходит саморазрушение личности, рост пассивности, безразличия. В социальном плане это проявляется в отказе от участия в выборах, от общественной деятельности, в замкнутости ко всем касающимся человека проблемам.

Согласно шкале Лоуи, аномия наиболее адекватно описывается 22 суждениями, среди которых присутствуют следующие: «Будущее совершенно пусто для меня», «Все в мире угасает», «Как бы ты не старался, ты все равно в итоге придешь туда, откуда начал свой путь» и т.д.

Понятие «аномия» тесно связано с разработкой и обоснованием таких важных, но еще слабо разработанных терминов, как «одиночество» и «ценностный вакуум». Аномия создает благоприятную почву для возникновения *одиночества* в качестве своеобразной формы своего проявления или опредмечивания на уровне личности. Одиночество, если далеко не всегда совпадает с аномией, то, по крайней мере, как бы обменивается с ней своими предметными областями, обнаруживая при

этом многие смысловые переходы и пограничные зоны. Сравнивая характеристики одиночества и аномии, У. Садлер и Т.Б. Джонсон приходят к выводу, что одиночество предшествует аномии, если оно многомерно, а не носит временный и фрагментарный характер. В этом смысле аномия представляется более универсальным глубоко проникающим явлением.

Особого внимания требует понятие *ценностный вакуум*. Оно означает фрагментированность и рассогласованность ценностных регуляторов поведения. В различных поведенческих эпизодах индивид может подчиняться ценностям направляющим локального, или низшего, уровня. Но в целом эти эпизоды не складываются в единую систему поведения, они легко дробятся на составляющие, постоянно видоизменяются. На практике это означает поведение, характеризующееся частой сменой убеждений (причем сменой, активно и «доказательно» аргументируемой).

Чтобы подвести итог обзору имеющихся концепций, следует представить несколько основных трактовок аномии, существующих в настоящее время в науке.

Аномия — философско-социологическое понятие, используемое для обозначения состояния общества, при котором отсутствие или неустойчивость регулирующих отношений между индивидами и обществом и правил приводит к тому, что большинство населения оказывается вне общества, в пассивном состоянии по отношению к нему.

Аномия — социологическое и социально-психологическое понятие, обозначающее нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется разложением ценностей, обусловленным кризисом общества, противоречием между провозглашенными целями и невозможностью их реализации для большинства. Выражается в отчужденности

человека от общества, апатии, разочарованности в жизни, нигилизме.

Аномия — как философско-психологическое понятие характеризует состояние неопределенности социальных суждений и классификаций, норм и правил, принципов и догматов. Это ситуация невозможности обращения к общепризнанным идеям и принятым на веру словам, ситуация, которая сопряжена с кризисом, все, что так или иначе соотносится с допущением факта существования некоего вездесущего здравого смысла.

Аномия — нравственно-психическое состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей и этических норм. Состояние аномии характерно для общества в периоды смут и перестроек, когда многие его члены утрачивают доверие к существующим общественным ценностям и социальным институтам.

Аномия — это дезинтеграция нравственных ценностей, смешение ценностных ориентаций, появление ценностного вакуума по принципу «все дозволено». Аномия — опаснейшая болезнь, несовместимая с поступательным движением общества, болезнь, способная незаметно, но действительно разрушить изнутри любую конструктивную программу социально-экономических преобразований.

Аномия — это рассогласованность ценностного мира, дисперсия базовых и производных ценностей, приводящая к смешению норм и идеалов, законного и незаконного, должного и сущего, нарушение сетки регулятивных и контролирующих координат общества и утрата личностью ответственности перед обществом за свои социальные действия.

Из приведенных определений аномии видно, что это прежде всего состояние (как единичного человека, так и социальных групп и всего общества в целом), характеризующееся распадом и разложением ценностей, норм и пра-

вил, неопределенностью целей, апатией, обусловленное кризисом общества.

Основная литература

Бычков В.М. Аномия социальная // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 49—50.

Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Издательская группа Норма; ИНФРА-М, 2000.

Тощенко Ж.Т. Социальная аномия // Парадоксальный человек. М., 2001. Гл. «Между прошлым и будущим».

Яковлев А.М. Теория социальной аномии // Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 811—812.

Дополнительная литература

Аберкромби Н. Социологический словарь: Пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004.

Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного поведения. СПб., 1993.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // СОЦИС. 2004. № 3.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // СОЦИС. 1992. № 2.

Покровский Н.Е. Проблемы аномии в современном обществе (вопросы теории). М., 1995.

В.С. Воробьева

Фрустрация

Фрустрация (от *лат.* *frustratio* — обман, неудача) сравнительно новый объект научного исследования. Отдельные стороны этого явления ранее освещались в ходе изучения феномена человеческой агрессии (З. Фрейд, У. Мак-Дуголл, Д. Доллард, Д. Миллер, А. Бандура, А. Бертковиц, К. Лоренц и др.), стресса (Г. Селье, Р. Лазарус, Н. Браун, С. Силсбергерд, Л. Леви и др.).

Обращение к термину «фрустрация» или к понятиям, по сути отражающим ее, встречается в теориях, концепциях, гипотезах, касающихся проблем мотивации, эмоций, поведения, деятельности индивида.

В современной науке *фрустрация* определяется как *остро критическое состояние, проявляющееся в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве агрессии как формы протеста против сложившейся ситуации*. Такое состояние общественного сознания и поведения возможно в любом обществе, но оно особенно заявляет о себе в периоды переломных, трансформационных изменений, когда общество охватывает разочарование, порожденное неосуществимостью значимой цели, обусловленное крушением надежд, оущест-

нием неизбежности беды, неуверенностью в завтрашнем дне. Нахождение человека в экстремальной жизненной ситуации порождает состояние активно-го или пассивного протеста против невозможности удовлетворения значимой жизненной потребности, реализации мотива деятельности. Этот протест по своей сути представляет стремление преодолеть разрыв между мотивом деятельности и его результатом, что не может не сопровождаться появлением акций, имеющих не столько созидательную, сколько асоциальную реакцию. Эти акции (действия) возникают на грани исповедания прежних ценностей и осознания невозможности их осуществления, на грани противостояния сложившихся ориентиров жизни и вновь формирующихся, по причине разрушения и утраты прежних не только политических, но и гражданских идеалов и отсутствия новых.

К понятию «фрустрация» и исследованию отдельных сторон этой проблемы в последние годы стали обращаться и в отечественной литературе. Появились первые специальные исследования, посвященные этому вопросу. Если сум-

мировать все имеющиеся подходы, то можно выделить важные характеристики фрустрации вообще и социальной фрустрации в частности, под которой понимается *факт агрессивного, деформированного и асоциального преодоления преграды, помех на пути реализации мотива как ответная реакция на воздействие травмирующего фактора*. Но так как фрустрация появляется в результате перехода человека (группы людей) из уравновешенного, сбалансированного, нормального состояния в дискомфортное, дезорганизованное, ее необходимо рассматривать как феномен, объединяющий в своем предметном содержании взаимообусловленные, взаимосвязанные и взаимодействующие элементы внешнего мира (условия среды, фрустраторы) и состояние субъекта (внутреннее социально-психическое, зафиксированное сознанием и подсознанием ощущение дискомфорта и неблагополучия), и внешне наблюдаемое — эмоциональные реакции, действия, поведение.

Анализ этого феномена применительно к российскому обществу показывает, что блокируют удовлетворение значимых жизненных потребностей определенные условия и факторы (фрустраторы). Что касается условий, то они проявляются в том, что произошло резкое ухудшение социально-экономического положения людей, обусловленное потерей социального статуса, снижением социального престижа многих профессий, массовым «освобождением от труда», выразившимся в росте всех форм открытой и скрытой безработицы, снижением жизненного уровня большинства населения. Немалое воздействие на развитие фрустрации оказывает отсутствие четких мировоззренческих ориентиров — неясностью того, в какой стране живем, потерей национальной идеи, которая ассоциировалась бы с возвышающей человека идеологией, недоверием к тем, кто управляет страной, так же как и к тем, кто стремится получить власть. Все это создает весьма

неблагоприятный фон для самочувствия людей, для их уверенности в завтрашнем дне, в будущем, для ощущения гарантий их безопасности и защищенности. К ним можно добавить факторы (фрустраторы), которые активно влияют на настроение, на самоощущение, на возможность удовлетворить коренные интересы и потребности. Это проявляется в том, что человек не может обеспечить гарантию благоустроенной жизни ни себе, ни близким, наличие профессии обесценено и сводится к официальному положению, которое далеко не всегда согласовывается с личными и профессиональными потребностями, сокращаются возможности для организации свободного времени, отдыха, для удовлетворения культурных, образовательных, спортивных и других потребностей. В этих условиях нередко происходит примитивизация потребностей и сосредоточение людей только на самом жизненно важном, без чего невозможно и само дальнейшее существование нормальной человеческой жизни. И выход из этого положения видится в основном в двух вариантах: нанесение ущерба себе под влиянием стрессовых ситуаций (самоубийство, бродяжничество, разрыв с прежней жизнью, в том числе и с ближайшим окружением) или нанесение ущерба окружающему миру, что проявляется в различных видах агрессии, в девиации (деликвентности).

Реальными социальными проявлениями фрустрации в современной России являются вспышки насилия на национальной или конфессиональной основе, призывы к погромам, расправы над инакомыслящими. К ее крайним формам можно отнести некоторые виды преступности, которые вызваны протестом против несправедливостей современного мира.

Основная литература

Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., Политиздат, 1990. С. 433—434.

Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. С. 181—215.

Тощенко Ж.Т. Фрустрация // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 726—727.

Дополнительная литература

Атоян А.И. Социальная маргиналистика // Полит. исслед. 1993. № 6.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.

Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М., 1999.

Попова И.П. Маргинальность // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 592—594.

Пузанова Ж.В. Одиночество (Опыт философско-социологического анализа). М., 1998.

Тощенко Ж.Т. Фрустрация и парадоксальность // Ж.Т. Тощенко. Парадоксальный человек. М., 2001. С. 92—104.

Тощенко Ж.Т., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996.

Ж.Т. Тощенко

Депривация

Первоначальное значение термина «депривация» (от *lat. deprivatio* — лишение, потеря) связано с финансовой практикой средневековой католической церкви и буквально означает лишение духовного лица определенной статьи дохода (бенефиция). В настоящее время термин «депривация» широко циркулирует в научном обороте социального и гуманитарного знания, в частности социологии, социальной психологии и психологии и носит междисциплинарный характер.

В науку этот термин ввели психологи благодаря английскому психоаналитику Д. Боулби, который считал, что результатами неудовлетворенных в раннем детстве потребностей в материнской любви и заботе становятся задержки в эмоциональном, физическом и интеллектуальном развитии ребенка. Длительное время с понятием «депривация» работали преимущественно психологи, обозначавшие этим термином психологическое состояние особого рода, которое возникает в условиях продолжительного лишения или существенного ограничения возможностей удовлетворения человеком жизненно важных потребностей: физических, психологических, духовных. *Двигательная депривация* возникает в результате ограничения в движениях, связанного с болезнью, увечьем, либо с жизненными условиями и обстоятельствами, которые приводят к ярко выраженной

хронической гиподинамией. *Сенсорная депривация* — следствие «сенсорного голода», невозможности удовлетворить важнейшую потребность во впечатлениях — зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и др. Подобная ситуация может быть связана как с физическими недостатками человека, так и его жизненными обстоятельствами. Психологи здесь используют термин «обедненная среда».

Постепенно это представление об ограничениях стало распространяться на социальную жизнь. В результате ограничений, разрывов или искажений социальных контактов, связей и отношений, значимых для человека, а также в силу социальной изоляции возникает *социальная депривация*. Человек может оказаться в социальной изоляции по разным причинам — вынужденно (кораблекрушение), добровольно (отшельник, монах и пр.), принудительно (тюрьма, армия, детский дом и т.п.) и добровольно-принудительно (закрытый лицей, военное училище и др.). Поэтому о наличии или отсутствии депривации, специфике ее проявления нужно говорить отдельно в каждом из этих случаев. Так, материнская депривация — синдром патологии детского психического и личностного развития — возникает в результате изоляции младенца от матери. В первую очередь это так называемый госпитализм, когда ребенок, помещенный в социальные или лечебные учреждения,

лишается необходимых ему для полноценного развития контактов и впечатлений. Специалисты утверждают, что материнская депривация является мощным патогенным фактором в отношении целого ряда серьезных личностных расстройств, влечет нарушения психического и интеллектуального развития. Полная материнская депривация (отказ от ребенка) в последующим помещением детей в приют, дом ребенка и другие подобные заведения, как правило, влечет за собой раннюю социальную депривацию, увеличивает риск ее появления в зрелом возрасте. Психологические концепции депривации представлены в работах таких зарубежных и отечественных авторов, как Д. Дэвис, А. Маслоу, К. Левин, Э. Эриксон, Д. Майерс, Ш. Тейлор, Д. Доллард, Л. Божович, М. Буянов, Л. Выготский, С.А. Стивенсон, Н.Н. Толстых, А.Б. Холмогорова, С.Г. Шабал и др.

Понятие «депривация» тесно связано с понятием «фрустрация» (см. *фрустрация*), но не тождественно ему. Фрустрацию можно расценивать как одно из последствий депривации, когда человек в силу сложившихся обстоятельств оказывается лишен чего-либо чрезвычайно значимого, важного, жизненно необходимого. Состояние фрустрации, как правило, бывает кратковременным, носит ситуативный характер, порождает импульсивные реакции, эмоциональные всплески.

Депривация почти всегда носит длительный характер и расценивается специалистами как существенно более тяжелое, часто болезненное и личностно разрушающее состояние. Психологи, говоря о депривированной личности, отмечают повышенную тревожность, страхи, чувство глубокой, нередко необъяснимой для самого человека неудовлетворенности собой, своим окружением, своей жизнью. Эти состояния находят свое выражение в потере жизненной активности, устойчивой депрессии, всплесках немотивированной агрессии.

Если психология понимает депривацию преимущественно как состояние личности (патологическое, длительное, негативно окрашенное), то социология интерпретирует ее скорее как *социальный процесс, в ходе которого происходит сокращение для индивидов и групп возможностей удовлетворения их основных жизненных потребностей*. При этом психологическое и социологическое толкования депривации дополняют и обогащают друг друга, характеризуют данное социальное явление на макро- и микроуровнях. Фактически их можно рассматривать как две стороны одной медали.

Существует мнение, что впервые термин «социальная депривация» приобрел социологическое звучание в исследованиях П. Лазарфельда и С. Стауффера. Обобщенная интерпретация термина в современном его понимании приводится в известном британском социологическом словаре Collins и звучит следующим образом: «Депривация — недостаток экономических и эмоциональных опор, общепринятых в качестве базисных основ человеческого опыта. Они включают доход и обеспеченность жильем, а также родительскую заботу (или адекватную ей замену) о детях. Это означает признание того, что забота, кров и обеспеченность — суть потребности человека, обладание которыми ведет к более полному, более удобному жизненному опыту и делает возможным более полное развитие потенциала личности...»

Абсолютная депривация трактуется как невозможность для индивида или социальной группы удовлетворять свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным ресурсам: продуктам питания, жилищу, медицине, образованию и т.д.

Относительная депривация предстает как субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение ценностных ожиданий и стандартов с реальными возможностями достижения жизненных благ.

В современной российской социологии понятие «депривация» выступает как одно из значимых концептуальных понятий в методологии изучения социальной структуры и стратификации постсоветского общества. Данный термин вполне применим практически к любой сфере общественной жизни — экономической, культурной, духовной, политической и другим, поскольку лишение и поражение в правах возможны в любой из них. В социологии и социальной психологии термин «депривация» все чаще используется в сравнительных исследованиях различных социальных слоев общества. Депривация находится в тесной связи с такими понятиями, как «аномия» (см. *аномия*), «социальное неравенство», «социальная эксклюзия», «бедность». Известно, что социальные изменения в российском обществе в конце XX в. привели к образованию новых иерархий, основанных прежде всего на имущественном положении. В результате перераспределения собственности образовалась сверхбогатая «верхушка», основная же часть населения страны оказалась в той или иной степени экономически депривирована. Для отдельных социально-профессиональных групп «перестройка» обернулась обнищанием и фактически материальной катастрофой. В первую очередь это коснулось работников бюджетной сферы и социально незащищенных групп (инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи, дети-сироты и т.п.), традиционно нуждающихся в государственной поддержке. Все они попали в категорию «новых бедных», поскольку их доходы оказались на грани прожиточного минимума. Возникло обширное социальное «дно», которое продолжает пополняться и сегодня. Другими словами — экономическая депривация значительной части российского населения в конце XX в. породила массовую бедность и привела к тому, что в стране существенно увеличилось число людей, подвергнутых социальной эксклю-

зии (социальному исключению). В связи с этим следует упомянуть о так называемом цикле депривации, где воспроизводство бедности рассматривается через механизм семьи. Передача социальной депривации из поколения в поколение приводит к возникновению своеобразной культуры бедности, о которой все чаще говорят российские социологи.

В качестве наиболее многочисленных социально депривированных групп в современном российском обществе могут рассматриваться беспризорные и безнадзорные дети, инвалиды, пенсионеры, лица, пребывающие в закрытых лечебных и социальных учреждениях, заключенные и т.п.

В последнее время все чаще возникает тема социальной депривации мигрантов и жителей территорий, переживающих последствия вооруженных конфликтов (в частности, Северного Кавказа).

Основная литература

- Большая психологическая энциклопедия.* М., 2007. С. 130.
Гидденс Э. Социология. М., 1999.
Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 271.

Дополнительная литература

- Балабанов А., Балабанова Е.* Социальное неравенство: факторы углубления депривации // *СОЦИС.* 2003. № 7.
Левченко И. Феномен социальной смерти // *СОЦИС.* 2001. № 6.
Майерс Д. Социальная психология. СПб., 2000.
Муздыбаев К. Переживание бедности как неудачи: атрибуция ответственности, стратегия со- владания и индикаторы депривации // *Социологический журнал.* 2001. № 1.
Современная западная социология. Словарь. М.: Политиздат, 1990.
Тейлор Ш. и др. Социальная психология. СПб., 2004.
Тихонова Н. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.
Чернина Н. Депривация и бедность как новый социальный феномен в регионе с падающей добычей сырья // *Регион: Экономика и социология: Известия СО РАН.* 1992. Вып. 3. С. 47—52.

Поведение и деятельность как реализация форм и видов общественного сознания

Социальное поведение

Первые попытки научно понять поведение возникли в биологии на основе механистического детерминизма, который трактовал поведение как взаимодействие физических тел. В дальнейшем этот подход был усовершенствован эволюционистским учением Ч. Дарвина (1809—1882), который трактовал поведение как целесообразное поведение живых существ. В дальнейшем посредством биологического детерминизма И.П. Павлов (1849—1936) сформировал свое учение о высшей нервной деятельности. В естественности термин «поведение» применялся к анализу жизни любого живого организма, который трактовался как взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью. Затем на поведение обратили внимание психологи, которые сосредоточили его не только на биологических, но и социально-обусловленных компонентах. В XX в. понятие «поведение» стало употребляться и в точных науках в применении к некоторым физическим явлениям, например, поведение электрона.

В социологии понятие «поведение» появилось в 1920-х гг. в рамках *концепций бихевиоризма*, который провозгласил поведение главным предметом анализа через систему «стимул — реакция». В дальнейшем этот подход был признан ограниченным, но отвергнут не был. Понятие развивалось, уточнялось, обогаща-

лось, особенно в отношении концепций операционализма, на который опирались необихевиористы (они придавали значению мотивационным и познавательным компонентам как базе поведения). В *теории социального обмена* (Дж. Хоманс) был преодолен бихевиористский отрыв сознания от поведения, введено понятие «элементарное социальное поведение». Оно стало трактоваться как уравнивание вознаграждений и затрат. *Символический интеракционизм* трактовал поведение как непрерывный диалог, когда люди «смотрят друг на друга как в зеркало и соответственно строят свои поступки и действия. В концепции социально-культурного развития П.А. Сорокин (1928) трактовал социологию как «науку, изучающую поведение людей, живущих в среде себе подобных». В этой связи он уделял большое внимание структуре взаимных ожиданий. В рамках прагматизма и ряда позитивистских концепций поведение трактуется как детализация и социологическая интерпретация деятельности.

В настоящее время *поведение* рассматривается через последовательность сменяющих друг друга привычных действий, которые реализуются в повседневной и общественной жизни. Оно включает в себя три уровня: 1) *поведенческие акты* — актуальная реакция на окружающую среду, особенно если это касается нестандартных ситуаций; 2) *привыч-*

ные действия — поступки как реакция на стандартные ситуации; 3) совокупность поступков — последовательность действий, направленных на реализацию жизненных целей. В самом общем виде поведение трактуется как такие поступки и действия человека (людей, социальных групп и словеч), которые выражаются во внешних актах активности, в то время как деятельность рассматривается как органическое единство объективных условий и субъективных факторов.

Что касается **актов поведения**, то они по своей сути означают такие поведенческие реакции, которые связаны с реагированием на отдельные раздражители окружающей среды, когда приходится принимать оперативное решение. Особенно ярко специфика актов проявляется при реакции на нестандартные, неожиданные единичные ситуации, когда поведение людей ориентируется на неотложное принятие решения, продиктованное обычно нестандартной или нетипичной ситуацией. В этом случае акты могут быть не всегда продуманы, всесторонне оценены для адекватной реакции на происходящие изменения. В этой системе координат акт имеет своим следствием такие варианты, как а) человек делает; б) человек не делает; в) человек воздерживается или терпит.

В этом ярко проявляется индивидуальность поведенческих актов.

Другой уровень — **поступок** — означает реакцию на стандартную ситуацию, когда человек (группа, общность) знает, как поступать в данной ситуации. Последнее может рассматриваться из актов воздержания и актов терпения. Этот уровень в значительной степени связан с установками и стереотипами, ориентирующими людей на схематизм в решении повторяющихся событий и процессов. При оценке поступка значительное влияние оказывает и убеждение. В процессе реализации поступка осознанно реализуются такие характеристики, как «дозволено — не дозволено», «рекомендуе-

мо — не рекомендуемо», «разрешено — запрещено».

Третий уровень — **действия** — означает систему поступков, которые дополняются новым качеством, проистекающим из их единства и системности (см. подробнее *Действие социальное*). На этом уровне происходит оценка результата поведения, его истинности и соответствия ранее сформулированной цели. «Этот уровень поведения личности имеет для социологии первостепенное значение, так как связан с процессом реализации жизненно важной для индивида цели — превращения идеального в реальное» (Г.В. Осипов). На этом уровне происходит уточнение цели, вносятся, если необходимо коррективы, уточняются средства ее достижения.

При характеристике поведения важно определение его качества, которое может рассматриваться как 1) нормативное (предписываемое соответствующими законами и традицией); 2) одобряемое (поддерживаемое существующим правом и моралью); 3) рекомендуемое (предлагаемое обществу как ориентир, эталон, который не всегда записан в законе, но, что особенно важно, в рамках конкретных профессиональных, этнических и других групп); 4) деструктивное (вред себе); 5) асоциальное (вред другим); 6) противоправное (вред обществу, государству).

Следовательно, говоря о поведении, социология имеет в виду:

1) акты, поступки и действия по поддержанию своего существования;

2) нацеленность на реализацию той или иной функции (что особенно важно в социологии, когда, как правило, исследуется один из аспектов жизни людей);

3) общие характеристики, присущие явлениям физического и биологического мира (говорят о поведении электрона, поведении животных, но не об их деятельности);

4) стереотипы и архетипы, которые опосредуются опытом, накопленным на предшествующих стадиях развития;

5) поведение имеет определенное ограничение — оно употребляется при анализе действий человека, групп людей (общностей, слоев и т.д.), но не по отношению к обществу, а тем более к миру. Следует иметь в виду, что поведение нередко тождественно имитации, подражанию, выполняет роль элемента (компонента) в социальных играх.

Поведение может выступать как характеристика поступков и действий людей при анализе основных сфер общества и быть соответственно — экономическим, социальным, политическим, духовным.

Таким образом, *поведение* — это внешне выраженное взаимодействие с окружающей средой, которое конкретизируется как в субъект-субъектных, так и субъект-объектных отношениях. Иначе говоря, реальное, практическое поведение — это функционирующая общественная жизнь во всем сложном переплетении как закономерных связей и отношений, так и случайных, единичных, а иногда и противоположных социальному прогрессу взглядов, идей и представлений. Именно такой подход к реальному поведению как к живому, полному противоречий и драматизма общественному явлению, функционирующему на практическом уровне, в условиях непосредственно жизненного опыта, способному предвосхитить (или включить в себя) все формы, позволяет объяснить на языке социологии многие процессы, выявить общее, присущее им не только во всех сферах общественной жизни, но и в условиях различных социально-экономических систем.

Реально функционирующее, живое поведение — самый «богатый» по своим проявлениям общественный процесс. Фактически оно вместе с сознанием отражает как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях состояние общественных связей и взаимодействий во всем их многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они (сознание и поведение) выступают чут-

ким показателем состояния, хода развития и функционирования общественных процессов, всей общественной жизни. Поэтому их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни — от экономической до духовной.

Поведение людей выступает ступенью реализации как всех, так и отдельных компонентов реально функционирующего общественного сознания. Сознание и поведение неразрывно связаны между собой, обуславливают друг друга, постоянно взаимодействуют, обогащают друг друга и конфликтуют между собой. Поэтому их нужно анализировать в неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Таким образом, поведение человека как этап реализации общественного сознания в конкретной социально-исторической обстановке обуславливает появление и функционирование различных социально-демографических, национальных, социально-профессиональных структур. Изучение сознания и поведения людей в определенных социально-исторических условиях делает социологию активной общественной силой, участвующей в решении всех без исключения актуальных проблем развития человечества.

В этой связи уместно напомнить, что поведение (как и общественное сознание) становится предметом научного изучения только в условиях гражданского общества — общества, рожденного на определенной стадии исторического процесса, как результат эры новой истории, ведущей свой отсчет от периода великих буржуазных революций, от того времени, когда общество отделилось от государства. Такое утверждение отвечает на вопрос, почему в условиях тоталитаризма, диктатуры, монополии власти не требуется изучение настроений, мнe-

ний людей, их судеб и перспектив жизни (как не требуется и сама социология).

Только в условиях гражданского общества человек может демонстрировать принципиально новые черты поведения и образа жизни, когда он получает возможность действовать как самостоятельная общественная сила, влияние которой в значительной степени зависит от уровня и степени сознательности, творчества участников реального исторического процесса. То, что творцом и движущей силой развития этого общества является сознание и поведение людей, подтверждает и такое образное выражение, автором которого является английский историк и философ Т. Карлейль (1795—1881): «Революции происходят не на баррикадах — они происходят в умах и сердцах людей».

Деятельность

Жизнь человека есть его деятельность, ибо человек по своей природе деятельное существо. При изучении социальной реальности нельзя ограничиваться только анализом состояния общественного сознания. Оно (сознание) становится только тогда реальной силой, когда оно воплощается в поведении, деятельности, что в конечном счете находит выражение в социальных действиях людей. Не секрет, что общественные намерения, желания, ориентации по тем или иным причинам не всегда реализуются в поступках, акциях, реальных делах. Что мешает их претворить в жизнь — в этом состоит одна из важнейших задач социологического исследования.

Социология исследует не только компоненты общественного сознания, но и их реализацию как в поведении, так и деятельности, которые выступают формой превращения сознания в реальный феномен общественной жизни.

Основная литература

Боровик В.С. Поведение социальное // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 197—199.

Осипов Г.В. Поведение социальное // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 549.

Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 3-е изд. М., 2005. С. 48—56.

Философский энциклопедический словарь. М., 1999.

Дополнительная литература

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М., 1968.

Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.

Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.

Саморегуляция и прогнозирование поведения личности. Л., 1979.

Сорокин П.А. Общество. Культура. Личность. М., 1993.

Харчева В.Г. Основы социологии. М., 1998.

Ж.Т. Тощенко

Дело в том, что сознание во всем его многокомпонентном богатстве — знания, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д. — не всегда прямо коррелирует с практической стороной их воплощения в жизнь. В силу объективных и субъективных причин компоненты сознания не всегда приобретают объективированную форму своего выражения — поведение, деятельность. Поэтому вполне правомерна постановка вопроса в рамках концепции социологии жизни — что должно восполнить (дополнить) сознание как изначальный элемент жизни людей для его логического завершения. Логика развития любого общества показывает, что теоретической и эмпирической социологией найден ответ на данный вопрос — это поведение и деятельность, которые находят воплощение в действиях людей, в механизме и результатах (социальных фактах) и которые не только постулируют

ются, но и могут быть измерены при помощи уже апробированных исследовательских процедур.

Но несмотря на близость этих понятий, они имеют серьезные различия по содержанию и смыслу.

Анализируя этот компонент социологии жизни, следует отметить, что в ней чаще используется понятие «поведение», чем «деятельность», несмотря на их близость по содержанию и смыслу.

Деятельность олицетворяет не только отношение к окружающему миру и взаимосвязи с ним, а и преобразование мира, подчинение его человеческим целям. По мнению одних исследователей (В.П. Филатов), деятельность — это специфическая форма человеческой активности по отношению к окружающей среде (природе), другим людям, обществу, посредством которой человек целесообразно преобразует окружение в своих интересах. По мнению других исследователей, деятельность — это преобразование человеком природных и общественных условий существования. По мнению еще одной группы ученых, деятельность — это не только преобразование природы и общества, но и создание новых социальных свойств и способностей человека, новое качество жизни.

Главное в деятельности — труд, в процессе которого решается вопрос о производстве материальных и духовных благ, в результате чего происходит общение, изменение и развитие человека.

Структура деятельности включает в себя четыре подсистемы: 1) объективные предпосылки (потребности и интересы); 2) субъективно-регулятивную (установки и ценностные ориентации); 3) исполнительскую (совокупность поступков, совершаемых во имя реализации поставленной цели); 4) объективно-результатирующую (результаты деятельности). В этой подсистеме важно сначала предвидеть, а затем оценить последствия деятельности.

Деятельность рассматривается в следующих аспектах: как форма активного

отношения к окружающему миру с целью его изменения и преобразования; как включающая в себя цель, средства, результат, хотя цель является только основанием для деятельности, но лежит вне ее; как главное (основное) условие существования человека и общества; кроме того деятельность несет на себе отпечаток мировоззрения, мировосприятия.

Для деятельности важны такие характеристики, как внутренние ее побудители — цели, стремление к совершенству (качеству), участие в управлении, в воспитании, в обучении, в подготовке и обеспечении эффективного функционирования социальных отношений.

Сушностные силы деятельности выражаются в создании, в усвоении, в сохранении, в распространении эталонов и образцов поведения наряду с созданием, творчеством, с проявлением активности.

Деятельность предполагает учет и таких глубинных (латентных) характеристик, как национальный характер и менталитет народа.

Деятельность может быть охарактеризована на различных уровнях — макро- (в рамках всего общества), мезо- (в границах места жительства человека — городе, селе и т.д.) и микроуровне (в семье, в первичной организации, в социальных группах непосредственного взаимодействия).

Все многообразие деятельности можно свести к следующим функциям: 1) изменению данной социальной ситуации или условий деятельности; 2) стабилизации; 3) адаптации; 4) интеграции, направленной на включение личности, группы в более крупную социальную общность; 5) прогностической функции, т.е. определению перспективы.

Поэтому для социологии важно познать процесс «превращения общественного сознания в общественную силу» (К. Маркс). Процесс реализации прогностической функции сознания — гораздо

более богатое по содержанию специфическое явление общественной жизни, в котором переплетаются как научные, обоснованные знания, суждения и умозаключения, так и стихийное, продиктованное практическим опытом, непосредственное восприятие действительности и соответствующей им деятельности.

Основная литература

Иванов В.Н. Деятельность социальная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 277—278.

Осинов Г.В. Деятельность социальная // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 172—174.

Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 3-е изд. М., 2005. С. 48—56.

Философский энциклопедический словарь. М., 1999.

Дополнительная литература

Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Харчева В.Г. Основы социологии. М., 1998.

Ж.Т. Тощенко

Социальное действие

Социальное действие — это система взаимосвязанных актов и поступков, ориентированных на прошлое, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других людей и воздействующих на них.

В самом общем виде структуру человеческой деятельности (см. *деятельность*) можно разделить на единичные акты, повторяющиеся акты (поступки) и сами действия (творческая реализация единичных актов и поступков, направленных в конкретное русло). Таким образом, человеческие действия содержат в себе составные части (например, принятие решения, реализация действия, контроль за его осуществлением), которые объединены в осознанный процесс.

Человеческие действия являются: 1) преднамеренными, т.е. всегда обладают определенным смыслом для того, кто их воспроизводит; 2) зависящими от ранее поставленных задач; 3) зависящими от ресурсов, имеющихся в распоряжении субъекта. Наличие такой внутренней логики означает, что действия и поступки людей поддаются как обыденному истолкованию, так и научному исследованию, в том числе в рамках социологической науки.

Необходимость в выделении понятия «социальное действие» можно объяснить следующим образом. Поскольку многие поступки людей становятся объектом социологического анализа, может возникнуть иллюзия, что любые действия человека являются социальными действиями. Однако это не так. Если поступки индивида вызваны потребностями, связанными с какими-либо неодушевленными предметами или явлениями природы, либо с потребностями, реализация которых не подразумевает какого-либо участия других людей, то оно не может быть названо социальным действием. Действия людей становятся социальными только тогда, когда они находятся в связи с действиями других людей и могут испытывать влияние поведения других. При этом подразумевается, что для данных поступков можно выявить определенную мотивацию индивида или группы, т.е. социальное действие является осознанным со стороны действующего и его осуществление вызвано теми или иными потребностями и интересами. Таким образом, субъектом социального действия является действующий субъект (актор), а объектом

социального действия является тот, на кого направлена деятельность.

Понятие «социальное действие» непосредственным образом связано с концепциями мотивации, потребностей, ценностных ориентаций (как регуляторов действий), норм и социального контроля.

Это понятие введено в научный оборот М. Вебером (1864—1920) для обозначения действия индивида, направленного на разрешение жизненных проблем и сознательно ориентированного на других людей.

В своей «понимающей» социологии он говорит о том, что предметом социологического исследования должно быть действие, связанное с субъективно понимаемым смыслом и ориентированное на других людей. При этом социальные институты и социальные группы могут рассматриваться только как способы организации действий отдельных индивидов, но не в качестве субъектов действия, поскольку только мотивы и установки индивида можно истолковать однозначно.

М. Вебер выделил четыре идеальных типа социальных действий: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное.

Целерациональное действие подразумевает высокую степень ясности и осознанности своей цели со стороны действующего субъекта; при этом средства для достижения цели выбираются рационально, с точки зрения целесообразности и ориентации на успех, а также учитывающего отношение общества к этому виду деятельности. Это, по Веберу, наиболее важный тип социального действия, так как он служит моделью, с которой соотносятся все остальные его виды. С методологической точки зрения целерациональное действие является самым понятным, его проще всего истолковать, его мотивы максимально очевидны. По мере убывания рациональности действие становится все менее понятным, его не-

посредственная очевидность становится все меньшей.

Ценностно-рациональное действие подразумевает, что действующий субъект ориентируется не на возможные последствия, а в первую очередь на свои сознательные убеждения, и выполняет то, что, как ему кажется, требуют от него его ценности: этические, эстетические, религиозные. Иными словами, ценностно-рациональное действие может не быть ориентированным на успех, но зато всегда осуществляется в соответствии с нормами или требованиями, которые действующий считает предъявленными к себе. То есть целью и результатом такого действия является само действие, подразумевающее выполнение «заповедей».

Аффективное действие подразумевает, что действующий ориентируется на чувства и аффективное восприятие действительности. Поскольку такие действия наполняются смыслом через эмоции, рациональный расчет у подобного действия обнаружить затруднительно.

Традиционное действие означает ориентацию на соблюдение сложившихся норм, правил, привычек, т.е. действующий может не задумываться о его смысле. Традиционные действия могут быть лишены непосредственной практической целесообразности. Цель данного типа социального действия — символизировать определенные социальные отношения, служить формой их наглядного выражения и закрепления.

Ф. Знанецкий (1882—1958), развивая идеи М. Вебера, обратился к разработке структуры социального действия. По Знанецкому, в социальном действии в качестве объекта и субъекта выступают осознающие себя и сознательно действующие индивиды или группы людей. При этом социальные действия подразделяются на *приспособление* (изменения происходят без угроз и применения насилия) и *оппозицию* (изменения происходят под воздействием угроз и репрессий).

Знанецкий также пришел к выводу о том, что основой для формирования и оценки социальных действий являются ценности, но оговаривается, что это справедливо только для стабильной социальной системы.

Т. Парсонс (1902—1979), работая над типологией социальных систем, обращался как к проблемам классификации социальных действий, так и к дальнейшей разработке их структуры. Парсонс выделил три исходные подсистемы действия: культурную, личностную и социальную, и ввел понятие «элементарное действие». *Элементарное действие* является базовой единицей системы действия и включает в себя следующие компоненты: действующее лицо, цель, ситуацию и нормативную ориентацию. В теории социального действия Парсонса действие рассматривается так, как оно представляется самому действующему лицу, т.е. субъективно. Действие производится в определенных условиях; при этом оно, как и в концепции М. Вебера, может различаться по типу целеполагания: цели социального действия могут быть произвольными, случайными или выбранными на основе какого-либо знания.

Американский социолог Дж. Александер, рассматривая социальное действие на макроуровне, приходит к выводу о том, что оно зависит от трех ключевых компонентов: культуры, индивидуальности, социальной системы. Это перекликается с идеями Т. Парсонса.

Ряд авторов, в том числе и сам М. Вебер, разделяют социальное действие и социальное взаимодействие. Социальное взаимодействие можно определить как обмен действиями между двумя и более акторами, в то время как социальное действие, хотя и ориентируется на внешнюю среду, может в ряде случаев остаться односторонним. Таким образом, социальное взаимодействие складывается из отдельных, направленных друг на друга социальных действий. Более того,

сама социальная структура, социальные отношения и социальные институты являются результатом различных видов и форм социального взаимодействия. Так, по мнению П. Сорокина, социальное взаимодействие — это социокультурный процесс, т.е. такой взаимный обмен коллективным опытом и знаниями, высшим результатом которого является возникновение культуры.

Наибольшее развитие теория социального действия и социального взаимодействия получила в рамках таких подходов, как концепция социального обмена (Дж. Хоманс), символический интеракционизм (Дж. Мид), феноменология (А. Шюц), этнометодология (Г. Гарфинкель).

В концепции социального обмена социальное взаимодействие рассматривается как ситуация, в которой каждая из сторон стремится получить максимально возможные вознаграждения за свои действия и минимизировать затраты. Для представителей *символического интеракционизма* во взаимодействии особое значение приобретает не столько само действие, сколько его интерпретация через символы, связанные с этим действием. В рамках *феноменологического подхода* обращение к смыслу действия непосредственным образом связано с изучением жизненного мира деятеля, а следовательно, и субъективной мотивации тех или иных действий. Для *этнометодологов* особую важность приобретает раскрытие «истинных смыслов» тех или иных социальных действий.

Среди современных концепций анализа социальных действий особый интерес представляет *концепция хабитуса*, разработанная П. Бурдьё. Согласно этой концепции, хабитус является социальной предрасположенностью агентов (активно действующих субъектов) поступать определенным образом. Это своеобразная «схема откликов» на жизненные события, которая формируется в результате предшествовавшего жизненного опыта. Таким образом, социальное действие на-

ходится в локальной системе координат хабитуса. Бурдьё говорит, что хабитус является устойчивой структурой и сам себя защищает от кризисов, т.е. он отрицает ту новую информацию, которая способна поставить под сомнение уже накопленную. Следовательно, человек делает выбор мест, людей и событий, поддерживающих ту устойчивую среду, к которой хабитус приспособлен. Человек, совершая социальное действие, имеет те или иные потребности. И он выбирает, какие именно социальные институты из всего многообразия действующих в сфере удовлетворения данной потребности подходят в рамках его хабитуса, т.е. включается процесс «социального распознавания». Мы ощущаем, как что-то позволяет нам вступать в контакт или же мешает, дает нам возможность совершить одноразовое социальное взаимодействие либо участвовать в нем регулярно, а также позиционировать себя в той или иной роли.

В современную эпоху для формирования и оценки социальных действий ценностных ориентаций и установок, как полагал Знанецкий, недостаточно — в постоянно меняющемся обществе подобная основа не может считаться устойчивой. Принимаемые информационные потоки требуют гибкой и динамичной реакции, ориентации на непосредственный опыт «здесь и сейчас». Поэтому с позиции современной социологической теории наряду с ценностными ориентациями и традиционными регуляторами социальных действий приходят социальные практики — программы в условиях неопределенности, гибкие сценарии согласованных поступков и акций.

Здесь уместно привлечь внимание к теории структуризации Э. Гидденса, отрицающей парсоновскую трактовку действия. Он предлагает пользоваться понятием «агенсу» (агентность), что близко идеям западноевропейских марксистов 1970-х гг., согласно которым человек

всегда субъект, и он волен поступать так или иначе или не действовать вообще. По Гидденсу, агентность — это не ряд дискретных актов, соединенных вместе, а непрерывный поток поведения, «поток реальных или планируемых вмешательств телесных существ в постоянный процесс события-в-мире». Агентность — осознанный, целенаправленный процесс, сопровождаемый «мониторингом» субъекта действия своего поведения, ситуации и т.д. (Э. Гидденс, 1979).

Социальное действие является одним из базовых социологических понятий. Специфика социологического подхода в использовании данного понятия заключается в способах классификации человеческих действий, а также в способах их операционализации.

Операциональное определение социального действия состоит из описания направленного процесса (На что направлен? Кем направлен? В каких условиях направлен? Каков выбор программы действия? Как происходит реализация действия? Как происходит контроль за результатами?).

Следовательно, классификация человеческих действий в социологии может быть сделана по следующим основаниям: *способу функционирования* (произвольные и непроизвольные); *степени включенности эмоционально-волевых компонентов* (волевые, импульсивные); *прагматическому основанию* (управляющие, мнемические, исполнительные, утилитарно-приспособительные, перцептивные, умственные, коммуникативные); *степени рациональности* (целерациональные, ценностно-рациональные, аффективные, традиционные).

Многообразие социальных действий можно свести к четырем основным группам:

- 1) действие, направленное на стабилизацию (нормативное поведение);
- 2) целенаправленное действие, связанное с изменением данной социальной системы или условий деятельности (инновация);

3) действие, преследующее цель адаптации к данной социальной системе и условиям деятельности (социальная адаптация);

4) девиантное действие, предполагающее исключение личности, группы или какой-либо другой общности из нормативно одобренных норм права и морали (социальная девиация).

Таким образом, современная трактовка социального действия обогащает и превосходит представления и аргументацию Т. Парсонса и Дж. Мида, которые остаются своего рода идеальными образцами, показывающими полярные подходы к обоснованию действия. Получая свое развитие в современном ракурсе, теория социального действия создает новые модели, которые все больше тяготеют к индивидуалистическому истолкованию действия как процесса в противовес его холистически однопорядковому подходу.

Основная литература

Вебер М. Основные социологические понятия // Изб. произв. М., 1990. С. 613—630

Давыдов Ю.Н. Действие социальное. Действие целерациональное. Действие ценностно-рациональное // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

Давыдов Ю.Н. Действие социальное // Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 255—257.

Действие // Большая психологическая энциклопедия. М., 2007. С. 128.

Дополнительная литература

Бергер П.Л. Приглашение в социологию. М., 1996.

Бурдьё П. Начала. М.: Аспект Пресс, 1995.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

Волков В.В. О концепциях практик(и) в социальных науках // СОЦИС. 1997. № 6.

Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Логос, 1998.

Каген М.С. Человеческая деятельность. Опыт системного анализа. М., 1974.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002.

Смелзер Н.Д. Социология // СОЦИС. 1991. № 8. С. 89—98.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

А.В. Стрельникова

Социальные нормы (нормативное поведение)

В процессе взаимодействия личности и общества огромная роль принадлежит социальным нормам. Понятие социальной нормы одно из базисных понятий социологии. Социальные нормы определяют как общепризнанные правила, образцы и стандарты, определяющие поведение людей в обществе. Упорядоченность, регулярность социального взаимодействия индивидов и групп обеспечивается с помощью социальных норм. Если бы люди не выполняли предписанные правила, социальная жизнь превратилась бы в хаос. Разработанные правила позволяют нам

жить, делают наши социальные связи предсказуемыми.

Социальные нормы (лат. *norma* — образец, правило) — *принятые стандарты деятельности, формирующие действия и поведение людей в соответствии с определенными ценностями, присущими данному обществу, общности, группе. Их можно характеризовать следующим образом.*

1. Они складываются исторически, обусловлены культурно, изменяются под влиянием социальных и иных факторов.
2. Включают набор требований и ожиданий, запретов и разрешений, предъявляе-

мых обществом (общностью) к индивиду или группе. 3. Через социальные нормы осуществляется *интеграция общества*, реализуется функция поддержания социального порядка и стабильности, воспроизводства социального образца. 4. Они формируются на основе социальных *ценностей* и выступают регулятором социальных отношений на всех уровнях социальной структуры (функция социального контроля). 5. Являются *конституирующей базой* как для социальных институтов, так и для статусно-ролевых комплексов, выступают в качестве основы соответствующих социальных практик. 6. Имеют трехпозиционную структуру: *гипотеза* (кто и при каких обстоятельствах выполняет данную норму), *диспозиция* (собственно правило поведения) и *санкция* (меры воздействия на субъекта, реализующего норму — поощрение или наказание).

Социальные нормы могут носить *разрешительный* (права), *предписанный* (обязанности) и *запретительный* (недопустимые варианты поведения) характер и иметь различную степень жесткости (обязанности) исполнения.

Различают также формальные и неформальные социальные нормы. К *формальным* относятся нормы, которые одобрены обществом, его институтами. Они поддерживаются законом или служебными инструкциями, их выполнение строго контролируется специальными людьми и организациями. Формальные нормы всегда содержат ответы на вопросы: 1) кто и когда должен ее исполнять; 2) в чем должно состоять это исполнение; 3) каковы последствия неисполнения нормы и в чем будут состоять поощрения за ее поддержание. Нормы права действуют длительное время до их отмены в порядке, предусмотренном законодательством.

К *неформальным* нормам относятся такие правила поведения, которые в боль-

шей мере опираются на нравы, обычаи, традиции, мораль, на силу воздействия общественного мнения. Они носят спонтанный характер, могут иметь даже большую легитимность, чем формальные.

Некоторые неформальные нормы постепенно могут трансформироваться в формальные. Также наблюдается и обратная тенденция — ослабление формальных норм и их локализация.

Н. Смелзер выделяет нормы-правила и нормы-ожидания, разделяя их по степени важности и суровости наказания за нарушение норм. Мы ожидаем от соседей доброжелательных отношений, взаимоподдержки в бытовых вопросах, общей заинтересованности в организации безопасности жилища. Но это нормативное ожидание; ни в одном документе эти правила не прописаны.

Социальные нормы различают и по масштабу их применения. *Универсальные* (*общие*) нормы зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека и имеют международно-правовой характер. Существует огромный арсенал универсальных общечеловеческих норм: уважение к старшим, гостеприимство, любовь к детям, верность дружбе и т.д. Каждое конкретное общество помимо всеобщих, общечеловеческих норм и ценностей имеет свои специфические представления о том, что разрешено, а что не одобряется, вредно или запрещено. Многоженство невозможно в христианской традиции, но является обычным и естественным в мусульманстве.

Социальные нормы могут носить также *локальный* (*групповой*) характер. Они усваиваются индивидом в процессе социализации и формируют базовый для данного социума тип личности. Степень конформности большинства по отношению к легитимным и доминирующим в данном обществе нормам, их интернализация выступают одним из показателей стабильности социальной системы.

Существуют нормы, связанные с возрастом, классом, профессией, расой, национальностью. То, что нормально для ребенка, воспринимается как неправильное для взрослого.

Основные типы социальных норм:

- реальные, отражающие реальное поведение, которое проявляется в статистическом большинстве случаев;
- нормативные, представляющие стандарты поведения;
- идеальные, отражающие правила и правила и стандарты ожидаемого поведения.

Если расположить правила, образцы и стандарты поведения по степени общности, то можно выделить следующие социальные нормы.

Привычки — это установившаяся схема (стереотип) поведения в определенных ситуациях. Большинство привычек не встречает со стороны окружающих ни одобрения, ни осуждения. Но встречаются так называемые вредные привычки (громко разговаривать, читать за обедом, грызть ногти), они свидетельствуют о плохих манерах.

Обычаи, традиции, нравы, более глубоко характеризующие черты нормативного поведения, являются отражением сущности человека и его окружения. Их следует отличать от манер — внешних форм поведения человека, получающих положительную или отрицательную оценку у окружающих. Они основаны на привычках. Свод хороших манер называется этикетом, т.е. свод принятых в особых социальных кругах правил поведения, составляющих единое целое.

Самой строгой нормой является *табу*. Табу — абсолютный запрет, накладываемый на какое-либо действие, слово, предмет. Различные табу действуют в от-

дельных странах, нациях на определенные продукты питания. Абсолютный запрет в цивилизованных обществах введен на каннибализм (поедание человеческого мяса) и инцест (половые отношения между кровными родственниками). За нарушение табу наступает и самое строгое наказание по закону, и полное презрение, отстранение, изгнание из сообщества.

Социальные нормы поддерживаются в обществе социальными санкциями: позитивными — орден, медаль, премия, похвала и др.; негативными — бойкот, штраф, казнь, выговор, порицание.

Основная литература

Гидденс Э. Социология. М., 1999. Гл. «Кой-формность и девиантное поведение».

Социологическая энциклопедия. В 2 т. М.: 2003. Т. 2. «Нормы нравственности». С. 66—67; Нормы правовые. С. 67—68; Табу. С. 619.

Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс: Учебник. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. Гл. «Девиантное поведение».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 451—456. Нормативы. Нормы. Нормы социальные. Нормы групповые.

Дополнительная литература

Асеев В.Т., Шкаратан О.И. Социальные нормы и социальное планирование. М., 1984.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Богданов А.А. Цели и нормы жизни // Социология в России. М.: 2001. С. 573—583.

Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект Пресс, 1998.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: Пер. с фр., 1995.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

Е.А. Гришина,
С.Н. Майорова-Щеглова

Социальная адаптация

Процесс приспособления социального субъекта (индивида, группы, института) к социальной среде при взаимном взаимодействии и постепенном согласовании целей деятельности и средств для их достижения. *Адаптация — важнейший вид поведения, деятельности, имеющих цель обеспечить устойчивость и стабильность социального опыта.*

Данный термин заимствован из биологии, где адаптация рассматривалась как общебиологическое свойство формирования адекватных связей организма с внешними условиями жизни внутри определенной экосистемы и понималась как процесс уравнивания организма с окружающей средой. Современное представление об адаптации раскрывает ее как непрерывный внутренне противоречивый процесс; непрекращающийся ни на одно мгновение от момента зарождения организма до момента смерти. Эта непрерывность обусловлена в первую очередь постоянной изменчивостью самого организма и, конечно, изменчивостью внешней среды.

Социальная адаптация относится не к какой-либо одной области жизнедеятельности общества, а внутренне присуща всем социальным общностям, группам, индивидам и может происходить в структурных компонентах любой сферы общества — экономической, социальной, политической, духовной. Социальная адаптация имеет своей целью интегрирование личности в сложившуюся систему социальных связей и отношений.

По мнению исследователей, главное отличие социальной адаптации от приспособления биологического организма к среде своего обитания заключается в том, что обе стороны социальной адаптации представляют собой активные системы.

В качестве конкретных отличий социальной адаптации от биологической называют взаимность приспособлений личности и социальной среды, активность и целесообразность социальной адаптации. Можно назвать эту особенную характеристику интерактивностью. Важными свойствами социальной адаптации являются также комплексность, целостность, динамичность, относительная устойчивость и непрерывность. Т. Парсонс выделял в качестве важной характеристики естественность адаптационного процесса, когда личность «впитывает» определенные нормативные структуры, символы культуры.

Структуру социальной адаптации можно считать состоящей из двух взаимообусловленных компонентов: адаптивной ситуации и адаптивной потребности. Адаптивная ситуация характеризуется изменением в социальной среде или переходом личности из одной социальной среды в другую, в каком-то отношении для нее новую. Под адаптивной потребностью понимается неизбежно возникающая потребность личности сблизить, в какой-то степени «уравнять» свои шаблоны поведения, привычки, представления с изменившимися условиями социальной среды.

Субъект социальной адаптации не только приспособляется к данным природным и социальным условиям, но изменяет, приспособляет к себе эти условия, преобразует свою среду в той мере, в какой это оказывается целесообразным для нормального функционирования и деятельности человека. Так, например, при адаптации студента-первокурсника к жизни в вузе его активность как субъекта адаптации заключается в корректировании целей и средств

своей деятельности для соответствия общим целям коллектива, организации, но одновременно обеспечивая возможность реализовать свои индивидуальные потребности (в образовании, признании и др.).

Социальная среда воздействует на человека или группу, которые избирательно воспринимают и перерабатывают эти воздействия в соответствии со своей внутренней природой, а человек или группа со своей стороны активно воздействуют на социальную среду.

Важнейшим условием успешной адаптации является оптимальное сочетание адаптивной и адаптирующей деятельности человека или группы, варьируемое в зависимости от конкретных ситуаций, т.е. правильное определение того, как, насколько и ко всему ли возможна и необходима адаптация. Основой этого процесса является творческая деятельность, непрерывный содержательный обмен с социальной средой, способствующие качественному обновлению среды, человека или группы, переходу их на более высокий уровень.

Социальная адаптация не может сводиться к простому повторению, подражанию, воспроизведению групповых правил и норм. Источник адаптации находится не только в социальной среде, но и в самой личности, в ее стремлении к развитию.

В обществе могут быть созданы специальные условия для более успешной адаптации человека или социальной группы и ее самореализации. Например, при адаптации в вузе используются различные средства и методы (курс «Введение в специальность», кураторство групп и т.д.).

По характеру можно выделить *добровольную* и *вынужденную* адаптацию, также возможно определение видов по сферам жизнедеятельности: профессиональная,

политическая, социально-психологическая и др. Негативная адаптация предполагает приспособление индивида к социальным условиям с помощью неодолимых обществом средств (например, социальное иждивенчество).

Итог адаптации описывается с помощью понятия «адаптированность». Под адаптированностью подразумевается определенное состояние соответствия личности характеристикам и требованиям социального окружения. По Р. Мертону, неуспешная адаптированность особенно часто является результатом несогласованности, конфликтов между разными элементами ценностно-нормативной системы, аномии общества. Дезадаптация возникает как результат неспособности, нежелания или невозможности социального субъекта приспособиться к социальной реальности.

Основная литература

Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 16—18.

Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // СОЦИС. 1995. № 9.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 7—8.

Дополнительная литература

Аврамова Е., Логинов Д. Адаптационные ресурсы населения: Попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. М., 2002. № 3.

Гордон Л.А. Социальная адаптация в современных условиях // СОЦИС. 1994. № 8. С. 3—16.

Ковалева А.И. Социализация личности: норма и отклонения. М., 1996.

Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.

Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (Дальневосточная ситуация) // СОЦИС. 2002. № 1. С. 90—95.

Социальная инновация

Инновация является одним из распространенных социальных процессов, связанных с *переходом в качественно иное состояние и сопровождающихся тщательным пересмотром устаревших положений и норм, формированием новых групповых общностей*. Термин «инновация» образован от позднелатинского *innovatio* — новация, новшество, нововведение. Он означает: 1) процесс создания, распространения и применения новшеств, удовлетворяющих потребности человека и общества, вызывающих значимые социальные изменения; 2) результат творческой деятельности, направленный на преобразования во всех сферах общественной жизни, предназначенный для практического использования. Понятие «инновация» активно начало использоваться в антропологии и этнологии в XIX в. в значении процесса введения элементов одной культуры в другую.

Концептуальные основы теории инноваций заложили Г. Тард, Н. Кондратьев, Й. Шумпетер. В начале XX в. термин довольно широко начинает использоваться в научной литературе. Наибольший вклад в формирование первоначальных представлений о феномене инновации внесли Г. Тард, Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер. Ключевые аспекты исследований Г. Тарда и Н.Д. Кондратьева, по сути, являются основой современной концепции инновации. В своих работах ученые не используют термина «инновация», но в них исследуются закономерности появления и распространения открытий и изобретений, как реализации запросов практической действительности, роль изобретений, новшеств в общественном развитии, проблема человека — субъекта творчества и т.д. В своих работах Г. Тард (Г. Тард, 1901) исследует значение изобретений в общественном прогрессе, ис-

точники их возникновения, отношение общества к изобретениям и новшествам, проблемы освоения нововведений индивидом в процессе социализации и т.д. В теории «больших циклов» экономиста Н.Д. Кондратьева показывается прямая зависимость между появлением изобретений и определенной фазой большого цикла, где изобретения и новшества оказывают могущественное влияние на весь ход экономической динамики, социального прогресса в целом. Термин «инновация» в современном контексте начинает использовать австрийский (позднее американский) ученый Й. Шумпетер. Инновации рассматривались им как средство преодоления экономических спадов, как новая научная организованная комбинация производственных факторов, мотивируемых предпринимательским духом. Й. Шумпетер подчеркивает ведущую роль предпринимателя в инициации инновационных процессов, тем самым намечая основы субъективного, предпринимательского подхода в теории инновации.

Разработка проблематики инноваций в социальных исследованиях осуществлялась также Т. Парсонсом, который ввел понятие «харизматическая инновация» для обозначения процесса социальных изменений, обусловленных сознательной активностью личности.

Социологи и социально ориентированные экономисты, преодолевая ограниченность функционализма, во второй половине XX в. стали рассматривать инновации как механизм общего процесса социальных изменений. Особенно активно изучались социальные факторы инноваций в экономической сфере. В работах П. Друкера, Э.М. Роджерса, Дж. Залтмена, Х.Г. Барнетта, Р. Данкана инновации означают изменение привычного

образа жизни и образа мыслей, внесение подвижности в экономический порядок, более высокий уровень неопределенности и риска, а стало быть, предприимчивости и творчества. Выделение нововведений в относительно самостоятельный предмет изучения началось с исследований социальных последствий автоматизации производства. Особо следует отметить работы К. Левина, который исследовал проблемы внедрения инноваций, преобразования нововведений в социально-культурные нормы и образцы и выделил три фазы инновационного процесса: размораживание, изменение, замораживание.

Большое значение имеют отечественные исследования инновационной деятельности организации (А.И. Пригожин, Н.И. Лапин, Е.В. Иванцов, М.Ю. Ефимова и др.). Вводятся понятия «инновационный потенциал организации», «инновационная стратегия» и «инновационная тактика» (Е.В. Иванцов, 1988). Н.И. Лапин считает, что инновационная деятельность — метадеятельность, изменяющая рутинные компоненты репродуктивных видов деятельности.

В научной литературе существует широкий спектр подходов к концептуализации понятия «инновация». Инновации рассматриваются с разных точек зрения, в разных сферах общественной жизни, в контексте различных общественных наук, в связи с технологиями, коммерцией, социальными системами, экономическим развитием и формулированием политики. Тем не менее, можно выделить некоторые общие основания: инновация обычно понимается как внедрение чего-либо нового и полезного, например, введение новых методов, техник, практик, продуктов или услуг; инновация рассматривается как результат и как процесс. Инновация — это всегда изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция изменения.

В научной литературе понятие «инновация» часто смешивается с поняти-

ем «изобретение», обозначающее создание новой технической разработки или усовершенствование старой. Кроме того, понятия «инновация» и «нововведение» чаще всего используются как синонимы, хотя существует точка зрения, согласно которой инновация более сложный процесс, чем нововведение. Различают инновацию и новшество. Новшество — это оформленный результат фундаментальных, прикладных исследований, разработок или экспериментальных работ в какой-либо сфере деятельности по повышению ее эффективности. Инновация — внедрение, получение результата, конечный результат внедрения новшества. Понятия «изменения» и «креативность» также иногда могут быть употреблены вместо понятия «инновации». Особенность инновации в том, что она позволяет создать дополнительную ценность, позволяет инноватору получить дополнительную ценность и связана с внедрением.

Дальнейшая концептуализация понятия «инновации» происходит через исследование системы взаимосвязанных представлений, включающих инновационный процесс, инновационную деятельность, инновационные отношения, инновационную культуру, инновационный потенциал, инновационное поведение, инновационное сознание, инновационную личность, инновационную парадигму и т.д.

В качестве основных механизмов инновационного процесса выделяются диффузия и механизм формирования значений и ценностей данного нововведения для личности и общества. Диффузия — процесс распространения инноваций внутри данной социальной системы, а также от одной социальной системы к другой. Одна из выявленных социологами закономерностей диффузии инноваций — тенденция ускорения и уплотнения времени ее осуществления. Если в предыдущие исторические эпохи процесс распространения какого-либо

нововведения занимал несколько столетий, то в конце XX в. развитие средств коммуникаций, снятие информационных барьеров способствовали резкому ускорению процессов диффузии.

Основными характеристиками инновационного процесса являются обратимость (необратимость), завершенность (незавершенность), эффективность (неэффективность), успешность (неуспешность).

Ряд ученых настаивает на четком разграничении инновации и более простого процесса — улучшения, локального усовершенствования продукта. Инновационный процесс требует для своего внедрения комплекса организационно-технологических изменений, реорганизации производственного процесса, обучения персонала, изменения поведения людей, трансформации общественного мнения и многого другого. Условиями успешного внедрения инновации признаны следующие: 1) предварительная подготовка благоприятных экономических и социальных оснований; 2) обеспечение эффективной демонстрационной поддержки; 3) активное использование примеров успешного применения новинки, учитывающее когнитивные возможности потенциальных последователей. Успешность инновационного процесса зависит и от субъективных факторов: уровня информированности, заинтересованности, понимания, имеющихся у субъектов человеческих ресурсов. Как пишет Э. Тоффлер, неожиданная новизна вносит почти революционные изменения в природу решений, которые необходимо принимать человеку. Выделяются несколько стратегий адаптации личности к высокоскоростным изменениям: полное отрицание; специализация — принятие изменений в узком секторе жизни; автоматическое воспроизведение старых решений-шаблонов, маскирующееся под революционность.

Важным является введенное понятие инновационной аномии. Она выражается в том, что навязывание в той или иной форме инновационного процесса, изменения, обновления входит в противоречие с ценностными установками индивидов, призванных реализовать данное новшество. Парадокс ситуации состоит в том, что вместо того, чтобы улучшить ситуацию, инновации способны в действительности дестабилизировать ситуацию в обществе. Поэтому в качестве одного из параметров процесса выделяется своевременность инновации — она отражает тот момент, в границах которого инновационное действие действительно способствует совершенствованию социального процесса.

Среди групп людей, участвующих в инновационном процессе, возможно выделять основные (непосредственно, долговременно или постоянно включенные в процесс) и периферийные группы (являющиеся редкими потребителями или пользователями результатов внедрений нововведений). Также следует различать собственно инноваторов — носителей новаторства и участников процесса.

Американский социолог П. Друкер (1909—2005) выделил семь основных источников нововведений: неожиданное изменение ситуации, чей-то успех или неудача, реакция на непредвиденное внешнее воздействие; несоответствие между изменившейся реальностью и представлениями, ожиданиями людей; выявление недостатков в ходе, ритме, логике какого-либо процесса; изменения в структуре производства или потребления; демографические изменения; изменения в общественном сознании (настроения, установки, ценности); появление нового знания.

Учитывая тот факт, что любое нововведение есть процесс, протекающий во времени, исследователями разрабатывается концепция *жизненного цикла ново-*

введения. В процессе нововведения выделяются этапы, различающиеся по видам деятельности (действий), обеспечивающим создание и исполнение нововведения. Приведенная ниже схема последовательно сменяющих друг друга этапов инновационных действий представляет собой очень упрощенную последовательность разворачивания реального процесса.

1. Этап рождения новой идеи или возникновения концепции нововведения. Условно этот этап называют также этапом открытия, которое является, как правило, или результатом фундаментальных и прикладных научных исследований, или результатом «внезапного озарения».

2. Этап изобретения, т.е. создания новшества, воплощенного в какой-либо объект.

3. Этап нововведения, при котором полученное новшество находит практическое применение. Завершается этот этап, как правило, получением устойчивого эффекта от данного новшества.

4. Этап распространения нововведения, заключающийся, в частности, в его широком внедрении в новые сферы.

5. Этап реализации нововведения в конкретной области, при котором нововведение фактически перестает быть таковым и постепенно утрачивает свою новизну. Как правило, этот этап завершается появлением реальной альтернативы или замены данного нововведения более эффективным.

6. Этап сокращения масштабов применения нововведения, связанный с заменой его последующим нововведением.

Указанные этапы могут иметь различную продолжительность. Конкретный инновационный процесс не обязательно включает в себя все рассмотренные этапы в их строгой последовательности.

К изучению инновационных действий применяются два основных подхода: организационно-ориентированный и индивидуально-ориентированный.

При организационно-ориентированном подходе определяется, прежде всего, сочетание, конкуренция, последовательная смена друг друга и другие формы взаимодействия отдельных нововведений. Второй подход — индивидуально-ориентированный разделяет структуру процесса нововведения на части с содержательной его стороны, т.е. рассматривает процесс воплощения некоторой новой идеи в действительность через реальных акторов-субъектов. При этом подходе описывается процесс, посредством которого некий социокультурный объект (новшество) становится частью набора образцов поведения индивидов и одной из составляющих их когнитивной сферы. Инновация рассматривается как изобретательская деятельность, когда особым образом пересекаются две ранее не связанные между собой системы: индивид и новация.

Один из видов инновации в современном обществе — информатизация, которая олицетворяет динамический, комплексный, целенаправленный, инновационный процесс создания, распространения и использования определенного нововведения — информационно-коммуникационных технологий. Она характеризуется внутренней логикой внедрения определенного технического и интеллектуального новшества и внешним взаимодействием с окружающей средой. Этот процесс может быть охарактеризован как глобальный, охватывающий все общественные сферы.

Основная литература

Инновационный менеджмент / Под ред. С.Д. Ильенковой. М., 1997.

Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики. СПб., 2004.

Лапин Н.И. Нововведение // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 449—451.

Усманов Б.Ф. Социальная инноватика. М., 2000.

Чупров Н.И. Социальная инновация // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 456—457.

Дополнительная литература

- Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М., 1993.
- Друкер П. Бизнес и инновации. М., 2007.
- Дудченко В.С. Инновационные игры. М., 1989.
- Лалин Н.И. Теория и практика инноватики. М.: Логос, 2008.

- Основные направления исследования инновации в американской социологии // СОЦИС. 1996. № 5.
- Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). М., 1989.
- Фатхутдинов Р.А. Инновационный менеджмент. СПб., 2004.
- Фоломьев А.Н., Гейгер Э.А. Менеджмент инноваций. Теория и практика. М., 1997.

С.Н. Майорова-Щеглова,
Г.В. Тартыгашева

Социальная девиация

Под *девиацией* (от лат. *deviatio* — отклонение) понимается *отклонение от принятых в обществе норм поведения*. Если нормативным называют такое поведение индивидов, которое соответствует ролевым ожиданиям и ориентировано на признанные обществом ценности и нормы, то к отклоняющимся или девиантным относят любое отклонение от общепринятых и регламентирующих норм, принципов. Это может быть единичное действие, поступок индивида, не соответствующие принятым в данном обществе нормам, но сюда же относятся социальные явления более широкого плана (криминализация общества, коррупция чиновников, увеличение числа разводов и пр.).

Понятие нормы и отклонения всегда определяется социально. В условиях повсеместно распространенной малодетности, когда в семье рождается один или два ребенка, именно такое количество детей становится социально приемлемой нормой. При этом многодетность, т.е. трое и более детей в семье в одних государствах оценивается как позитивное и заслуживает всяческого поощрения, а в других — осуждается как безответственное родительство, которое по своим последствиям наносит ущерб нормальному развитию общества (Китай).

Существует несколько социологических объяснений девиации.

Так, Э. Дюркгейм (1858—1917) видел основную причину девиации в социальной нестабильности. Используя категорию аномии, как особое состояние общества периода радикальных изменений, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились, ученый использует функциональный подход, объясняющий отклоняющееся поведение. Р. Мертон считал, что отклонения — следствие несогласованности между заявленными в обществе социально одобряемыми целями и неэффективностью законных средств их достижения. Современная реклама навязывает высокие стандарты жизни, для реализации которых нужны немалые ресурсы. Но законными средствами (честным трудом, ответственным поведением) их трудно достичь. Согласно концепции Р. Мертона, именно в этой ситуации появляются люди и группы, пользующиеся запрещенными способами реализации целей. Интересна позиция о порождении девиантного поведения структурой сравнительных возможностей. Например, согласно этой теории, в городе совершается больше преступлений, чем в деревне, так как горожане имеют возможность постоянно сравнивать жизнь разных слоев населения, сильнее ощущают неравенство возможностей, положения, это их и толкает на нарушение норм.

В русле теорий конфликта (К. Маркс, Л. Козер, Р. Дарендорф и др.) девиация определяется как результат конфликта интересов различных социальных слоев и групп. Так, правящий класс может произвольно установить новые законы в своих интересах и объявить какое-то поведение незаконным, ненормативным. Многие направления борьбы против наркотиков или проституции направлены не столько на укрепление нравственности или здоровья, сколько против нелегального бизнеса. Теория наклеивания ярлыков (стигмы) утверждает, что девианты «появляются» как результат объявления какого-то человека отклоняющимся от общепринятой нормы, ненормальным. Например, в младших классах школы ребенок совершает какой-то незначительный проступок (в таком случае говорят о первичной девиации). Взрослые объявляют его «хулиганом», «отстающим», сулят ему карьеру преступника, начинают подозревать именно его в возникновении любых конфликтов в школе. В этом случае подростки, молодые люди принимают девиантную идентичность, происходит вторичная девиация («Раз все меня считают хулиганом, вором, я и буду таким!»).

По мнению других социологов, девиация возникает в результате неуспешной или неадекватной социализации. Э. Сазерленд полагал, что девиант формируется под воздействием девиантных групп, «плохих компаний» и это явление наиболее распространено в подростковом и юношеском возрасте, когда референтная группа ровесников диктует стандарты и образцы поведения.

Некоторые социологи сосредоточили свое внимание на изучении иных аспектов девиации. Так, Хирши (1985) выявил условия, при которых «соблазны девиации» не срабатывают. Условия, которые удерживают людей от совершения негативных социальных действий, следующие: привязанность (прочные семейные, дружеские, соседские, родственные свя-

зи, любовь), уверенность в будущем, оптимистический настрой, включенность в законную, социально одобряемую деятельность (общественная работа, учеба, спорт, профессиональный труд), убежденность (установки воспитания).

Данная теория имеет широкое практическое значение, так как на ее основе возможно выстраивание профилактической работы в молодежной среде.

В 1951 г. Т. Парсонс (1902—1979) изучал значение медицины в индустриальных обществах и рассматривал болезнь как основание для социальной идентичности. Он приходит к выводу о социально санкционированной девиации больного человека, который в данной ситуации характеризуется следующим: освобождается от нормальных социальных обязанностей, имеет возможность изменить ритм жизни, отдохнуть, не выходить из дома; не в состоянии сам о себе заботиться — о нем заботятся другие члены семьи, друзья; как правило, желает вернуться к нормальной жизни, понимает вынужденность такого состояния и его временный характер; обычно обращается за компетентной профессиональной медицинской помощью.

Но Т. Парсонс предполагает, что человек может тяготиться повседневными социальными обязанностями и стремиться освободиться от них. Иногда статус больного очень желателен (ученик не желает идти в школу, ссылаясь на болезнь), и медицина выполняет функцию социального контроля сдерживания симулянтов.

Рассмотрим концепцию первичного и вторичного отклонений, сформулированную Х. Беккером. Она позволяет увидеть процесс становления личности законченного девианта.

Под *первичным отклонением* понимается такое отклоняющееся поведение личности, которое в целом соответствует культурным нормам, принятым в обществе. Совершаемые индивидом откло-

нения незначительны и терпимы и он социально не классифицируется девиантом и не считает себя таковым. Для окружающих это выглядит как шалость, эксцентричность, ошибка. «Девианты остаются первичными до тех пор, пока их действия укладываются в рамки социально принятой роли» (С.С. Фролов, 2001).

Вторичным отклонением называют отклонение от существующих в группе норм, которое окружающими определяется как девиантное. Личность при этом идентифицируется как девиант. Например, если подросток из благополучной семьи разбил стекло витрины, то его действие может быть признано случайным и легко оправдываемым. Но если подобное действие совершает подросток из неблагополучной семьи, может быть, малообеспеченной, проживающей в криминальном районе, многодетной или неполной, то окружающие обвиняют его и наклеивают на него ярлык девианта. Одни и те же действия, совершаемые людьми разных социальных слоев, разного социального происхождения, по-разному оцениваются в обществе.

Обобщая идеи о девиантном поведении, можно сказать, что термин «социальное отклонение» означает поведение индивида или группы, которое не соответствует общепринятым нормам, в результате чего эти нормы нарушаются. Оно интерпретируется как исторически возникшее социальное явление, поскольку человеческая деятельность не всегда соответствует официально установленным или фактически сложившимся нормам.

Девиация может быть позитивной (например, герои и гении) или негативной (преступник, террорист, наркоман).

Отклоняющееся поведение различается по многим основаниям:

- субъекту (индивид, группа, страта и др.);
- характеру проявления (первичные, вторичные, или рецидивные);
- форме проявления (латентные и открытые);

- частоте проявления (случайные и регулярные);
- целевой направленности (корыстные, протестные, агрессивные и др.);
- типу нарушения норм (мораль, право, традиции, этикет и др.);
- образу жизни (преступные группы, фанаты, любители азартных игр).

Нарушение неформальных норм носит название *девиантного (отклоняющегося) поведения*; нарушение формальных норм носит название *делинквентного (преступного) поведения*.

Социальные следствия девиации однозначно негативны. Постоянные и широко распространенные девиации способны нарушить или подорвать организованную социальную жизнь. Если поведение большинства членов общества не соответствует социальным ожиданиям, то страдает вся система.

Наиболее опасные формы отклоняющегося поведения называют *социальными патологиями*. К ним относят преступность, киллерство, похищение людей, терроризм и экстремизм, алкоголизм, наркотизацию населения и особенно детей и подростков, самоубийства.

В 30-х гг. XX в. Э. Сатерленд (1883—1950) высказал предположение о том, что девиации обучаются. Каждая из групп имеет собственную устоявшуюся систему обычаев, нравов и норм, и индивид должен разделять определенный минимум культурных норм, составляющих формальный и неформальный кодекс поведения. Каждое отклонение от такого порядка немедленно приводит к осуждению поведения группой. В зависимости от важности нарушаемой нормы возможен широкий диапазон санкций — от осуждения до изгнания из группы. Групповое давление на индивида, нарушающего нормы, зависит от статуса индивида внутри группы. Лидер группы обладает большей «непотопляемостью» внутри группы, чем рядовой ее член. Но существует определенная грань,

за которую не может переходить даже лидер. Если сплоченность группы велика, повышается степень социального группового контроля над каждым ее членом.

Структурно-функциональный подход выделяет не только негативные, но и положительные функции девиации, настаивает, что без возникновения девиации невозможно было бы развитие общества. Отклонение имеет следующие функции:

- подтверждает культурные ценности и нормы;
- уточняет границы дозволенного;
- побуждает к социальным изменениям;
- реакция на девиацию объединяет людей.

Ни в одном обществе невозможно четко разделить его членов на тех, кто отклоняется от нормы, и тех, кто им следует. Кто-то не оплачивал проезд в общественном транспорте, кто-то употреблял алкоголь, будучи несовершеннолетним. Кто-то нарушал правила дорожного движения, превышая допустимую скорость. В любом школьном классе, как правило, есть ученик, который отвергает нормы школьной жизни и демонстрирует полное безразличие, индифферентность к последующему наказанию.

Представления о норме и девиации связаны с социальным контекстом и варьируются в различных обществах и субкультурах.

Изучение отклоняющегося поведения — одно из направлений социологии. Типов нарушений правил так же много, как много социальных норм и ценностей. Нормы различных культур, а также субкультур в рамках одного общества существенно различаются. То, что нормально для одного сообщества, может быть отклонением в другом. Так, курение марихуаны в европейских странах — отклонение от нормы, а в странах Ближнего Востока таковым не является. Для племени пигмеев — самых низкорослых

жителей планеты, проживающих в экваториальных лесах Африки, у которых даже женщины и дети активно употребляют растения, содержащие наркотики в пищу, считают это нормой. Социологическое объяснение социальных девиаций в своей основе имеет социальный контекст. К социальным отклонениям нередко относят *социальный паразитизм* (бомжи, шарлатанство, часть нищенства).

Кроме того, все *правонарушения* делятся на *преступления и проступки*. Преступность является наиболее опасной формой делинквентного поведения. Формы насилия различаются: как физическое посягательство на жизнь и здоровье людей, корыстно-насильственные действия (грабежи, разбои), духовно-нравственное унижение (оскорбление, угнетение); по социально-демографическим показателям: по форме вины — умышленные и неумышленные преступления; по субъектам совершения преступления — несовершеннолетние и взрослые; мужчины и женщины; преступность случайная и рецидивная.

Классификация отклоняющегося поведения может быть осуществлена по *сферам жизнедеятельности людей*. Экономические преступления концентрируются в производственной, трудовой сфере. В политической жизни девиации проявляются в бюрократизме, карьеризме, национализме, экстремизме. Нищенство, пьянство, пренебрежение по отношению к семье, детям, родителям, супругам имеет место в сфере быта и образе жизни. В сфере общения как социальные девиации оцениваются хамство, клевета, высокомерие, грубость, нечестность.

Анализируя негативные стороны жизни, социологи объединяют социальные девиации в следующие основные группы: алкоголизм и алкоголики; наркомания и наркоманы; преступность и преступники, самоубийство, проституция.

Американский криминолог Э. Шур вводит понятие «преступления без жертв». Он считает, что потребление алкоголя, наркотиков, производство аборт, занятие проституцией наносит вред только самому индивиду и предлагает отказаться от полицейского преследования таких людей. Данная позиция исследователя вызывает критику оппонентов, поскольку алкоголики, наркоманы создают напряженную ситуацию в тех социальных группах, членами которых они являются: в семье, трудовом коллективе, учебной группе, в социуме в целом. Их поведение непредсказуемо и они являются источником повышенной опасности для окружающих.

Особо следует сказать о таком явлении, как стигма, которое именуется по-разному: теория лейблов, клеймения, наклеивания ярлыков. Стигмация является социальной реакцией на отклонение. Концептуально теория стигмации опирается на два основных положения. Во-первых, окружающие реагируют на нарушение социальной нормы индивидом посредством наклеивания на него ярлыка или клеймения. Во-вторых, «клеймение» усиливает девиацию и ведет к повторному отклонению от социальной нормы. Запускается процесс формирования девиантной карьеры.

Теория стигмации изучалась Г. Беккером и его формулировка оказалась классической: «Действия не являются естественно хорошими или плохими; нормальность и девиация определяется социально». «Девиация является не качеством совершаемого личностью действия, а скорее следствием применения другими правил и санкций к «нарушителю». Процесс навешивания ярлыков может стать поворотным пунктом в жизни индивида. Индивид принимает девиантную идентичность.

Ф. Танненбаум в работе «Преступление и сообщество» (1938) сформулировал следующую идею: чрезмерная негативная реакция значимых других на проступок, совершенный подростком, способна инициировать активное вовлечение индивида в социально неодобряемую деятельность — пренебрежение занятиями в школе, хулиганство, воровство, побеги из дома, грубость и т.п. Человек, совершающий неблагоприятные поступки поступает плохо, следовательно, и сам он становится плохим. После многократных повторений, что он плохой, подросток все более убеждается в мысли, что он не может быть хорошим.

Первичная «драматизация зла» имеет серьезные социальные последствия для дальнейшей социализации, поскольку многие общественно опасные деяния совершаются подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступление.

Стигмация образует порочный круг, излишняя «драматизация зла» нежелательна. Чем меньше будет сказано о проступке как преступлении, тем лучше. Исследователи предостерегают, прежде всего, педагогов в школе и родителей от поспешного навешивания ярлыков на подростков. Не следует называть учеников хулиганами, двоечниками, бандитами, тупицами и т.д. Можно лишь обозначить свою озабоченность тем, что у ребенка проблемы с математикой или химией, его поведение оставляет желать лучшего, т.е. избегать прямой негативной стигмации. Рецидивы девиантного поведения могут стать реакцией на давление со стороны общества, реакцией на социальный контроль. Э. Шур назвал данный процесс «ролевым поглощением». Он выделил основные этапы формирования девиантной карьеры:

1) непреднамеренное или случайное совершение антиобщественного поступка;

- 2) осознание факта, что девиация принесла выгоду или удовлетворение;
- 3) обретение опыта ареста и официальной стигмации девианта;
- 4) социальная изоляция индивида;
- 5) вступление в банду или преступное сообщество.

Само понятие девиации относительно и зависит от системы социальных «координат». Девиация связана с процессом социального развития, устареванием и ломкой социальных стереотипов, критериев и стандартов, необходимостью обновления «неработающих» норм. Девиация широко распространяется в периоды активных социальных изменений. Так, за последние двадцать лет в России фиксируются всплески разнообразных негативных девиаций (самоубийств, преступности, отказного материнства, рост смертности, психических заболеваний, аварий и несчастных случаев на производстве и пр.). Но статистическая распространенность явления не переводит его в разряд нормы. Большинство в обществе обозначают эти явления как негативные и считают, что им необходимо непременно противостоять.

Между нормативным и отклоняющимся поведением может быть выделена некоторая пограничная область, которая не может быть обозначена как девиация, но поведение в этой области регулируется не столько специальными нормами, сколько свободным выбором человека. Вкусы, увлечения и мода относятся к данному случаю. Вкус — склонность или пристрастие к чему-либо, в одежде, например, формирует индивидуальный стиль, манеру одеваться. Увлечение — кратковременное очень сильное эмоциональное пристрастие. Смена увлечений, овладевших большими группами, называется модой, порой такие явления подобны психозам и аналогичны действиям толпы.

Основная литература

Гидденс Э. Социология. Гл. 5. Конформность и девиантное поведение. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 118—151.

Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2004.

Гилинский Я., Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учеб. пособие. СПб., 1993.

Гришина Е.А. Девиация социальная // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 254—255.

Тощенко Ж.Т. Социология. Гл. 15. Отклоняющееся поведение. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 316—332.

Дополнительная литература

Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2004.

Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избр. статьи. СПб.: Юридический Центр-Пресс, 2004.

Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 587—609.

Грошева И.А. Социальный контроль в практиках профилактики девиации // СОЦИС. 2008. № 2.

Девиантность и социальный контроль в России (XIX — XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я. Гилинского. СПб., 2000.

Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: Учеб. пособие. Казань, КЮИ МВД России, 2006.

Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // СОЦИС. 2004. № 3.

Полтавцева А.О. Молодежные девиации в Приморье // СОЦИС. 2003. № 4.

Фролов С.С. Социология. М., 2001.

Шереги Ф. Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2004.

Условия реализации сознания, поведения и деятельности

Социальная среда (макро-, мезо- и микросреда)

Среда — понятие, которое широко используется во многих науках. Среда в биологии — совокупность условий, в которых существуют организмы. В экологии — это совокупность внешних факторов обитания организмов или сообществ, особенно антропогенных, которые изменяются деятельностью людей. В социологии под средой понимается совокупность социальных условий жизнедеятельности человека и общества.

Среда как важнейшее условие жизнедеятельности человека изучалась в течение всей истории развития человеческого общества. В философских концепциях Древнего Китая, Древней Индии, включая даосизм, конфуцианство, а в последующем в буддистских социальных теориях среда рассматривалась как одно из решающих условий формирования и развития личности и общества.

В работах древних греков, преимущественно у Сократа (470—399 до н.э.), Платона (427—347 до н.э.) и Аристотеля (384—322 до н.э.), под «средой» понимается комплекс факторов, который оказывает существенное влияние на весь процесс становления и развития человеческих взаимоотношений. Древние римляне в содержание данного понятия вкладывали преимущественно социально-правовые отношения, которые должны определять устойчивость функционирования всей государственной системы и ее управления.

Средневековое понятие среды имело свои особенности в том, что все со-

циальные институты рассматривались в контексте религиозной детерминации.

Современное понимание понятия «среда» начинает складываться в эпоху Возрождения. Наибольшее распространение оно получило среди философов, педагогов и психологов, изучавших процесс определения места человека в социуме, и наоборот, влияния социума на становление и развитие личности.

В Новое и Новейшее время происходит гносеологическая дифференциация родового понятия «среда». В научный оборот вводятся новые (родственные) понятия, такие как «географическая среда», «среда обитания», «воздушная среда» и другие, применяемые как в естествознании, так и в обществоведении. Первоначально социальные процессы рассматривались в контексте развития географической среды, под которой понималась часть земного природного пространства, в той или иной степени измененного (и изменяемого) человеческой деятельностью. Однако в последующем понятие «социальная среда» выделилось в самостоятельную социологическую категорию и получило логически завершённую интерпретацию.

С точки зрения генезиса и развития понятие «социальная среда» рассматривается преимущественно в контексте следующих парадигм.

1. Ортодоксально-материалистические парадигмы влияние социальной среды на развитие человека и общества определяют как доминантное. Наиболее ярко

такое направление представлено французскими материалистами XVIII в. (Ламетри, Гельвеций, Дидро, Гольбах и др.). Французские материалисты пришли к выводу, что человек со всеми своими чувствами, мыслями и стремлениями составляет исключительно продукт окружающей его общественной среды.

2. В идеалистических парадигмах, где влияние нематериальной субстанции, идей, сознания человека является исходным условием возникновения, становления и развития всей среды обитания человека. В философии первоначально такое направление определено Платоном, который считал, что идеи являются исходным и решающим фактором существования среды обитания человека. В религиозно-идеалистических концепциях теологическая обусловленность среды является абсолютной.

3. Диалектико-материалистические парадигмы социальную среду рассматривают как продукт взаимодействия объективных и субъективных процессов в развитии общественных отношений. Содержание объективного составляют закономерности развития природы, а субъективного — сознательную деятельность человека и общества. Диалектика объективного и субъективного — источник развития и трансформации социальной среды. Наиболее последовательно диалектический подход отражен в работах К. Маркса (1818—1883), Ф. Энгельса (1820—1895), Г.В. Плеханова (1856—1918), трудах советских представителей диалектического материализма.

Представленные парадигмы функционирования социальной среды являются основными. Однако имеются их модификации и авторские интерпретации в различных социологических школах. В наибольшей степени категория «социальная среда» используется в современных концепциях марксизма и позитивизма.

По мнению большинства специалистов, социальная среда оказывает на

формирование и развитие личности решающее воздействие. В то же время под влиянием творческой деятельности человека она видоизменяется, преобразуется. В процессе таких преобразований изменяются и сами люди. В социологической науке объем понятия «социальная среда» включает макросреду, мезосреду и микросреду.

Макросреда (от греч. makros — длинный, большой) — совокупность институтов и отношений, охватывающих существующую в обществе социально-экономическую систему с соответствующей политической надстройкой (политическим режимом). К институтам макросреды относятся способ материального производства, производительные силы, производственные и общественные отношения, политическая система, цивилизация и др. В социологии она изучается как взаимоотношение человека с государством, общественными и политическими институтами. В данном контексте человек рассматривается как гражданин, член макросообщества или государства. Макросреда в социологической науке является объектом изучения преимущественно общесоциологических теорий.

Мезосреда (от греч. mesos — средний, срединный, промежуточный) — совокупность институтов и отношений, составляющих основу социально-антропологической структуры общества. К мезосреде относятся институты, образующие и представляющие взаимоотношения человека с обществом, как горожанина, сельского жителя, члена определенной социальной группы, партии или организации. Мезосреда в социологической науке является объектом изучения преимущественно частных (специальных) социологических теорий.

Микросреда (от греч. mikros — малый) — совокупность институтов и отношений, составляющих непосредственное социальное окружение человека и оказывающих решающее влияние на формирова-

ние и развитие личности. К институтам микросреды относятся: семья, первичные трудовые коллективы, малые социальные группы и общности. Микросреда в социологической науке является объектом изучения преимущественно прикладной социологии, социометрии.

Социальная среда — это совокупность всех уровней экономических, политических, социальных, духовных условий, являющихся основой существования, формирования и деятельности человека.

Среди экономических условий наиболее существенными являются те, которые определяют систему производственных отношений, а именно: общественные отношения между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

Политические условия определяются спецификой развития общества. Экономические и политические условия развития общества находятся в диалектической взаимообусловленности и порождают соответствующую специфику социальных отношений.

Важнейшей составляющей социальной среды являются духовные основы жизнедеятельности социума, которые выполняют одну из важнейших его регулятивных ролей.

Экономические, политические, социальные и духовные отношения органически взаимообусловлены и составляют фундаментальную основу содержания категории «социальная среда» как одной из важнейших в социологической науке.

В современном научном знании понятие «социальная среда» используется в большинстве социологических теорий и коррелирует с таким фундаментальным понятием, как социальная инфраструктура, означающая совокупность материально-вещественных элементов, создающих общие условия для обеспечения рациональной организации трудовой и повседневной жизни людей.

Среда в органической связи с общественным сознанием и поведением людей образует предмет социологии жизни.

Основная литература

- Социология: Учебник* / В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов, О.А. Шабанова, Г.С. Лукашова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 131—143, 254—264.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 55—58.
Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 763.

Дополнительная литература

- История философии.* М., 1941. Т. II. С. 71—86, 417—432.
Кравченко А.И. Социология: Общий курс. Учебное пособие для вузов. М.: ПЭРСЭ: Логос, 2000. С. 182—217.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 2—3.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1997. С. 758.
Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избр. филос. произв. В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 507—701.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М., 2001. Т. 3. С. 296.

А.П. Хриенко

Социальная инфраструктура

Термин инфраструктура появился в конце 1940-х гг. и был заимствован из военного лексикона, в котором он означал комплекс вспомогательных сооружений, обеспечивающих взаимодействие различных родов войск. В 1950-х гг. ученые

обратились к этому понятию для объяснения процессов экономической жизни. Одно из первых определений инфраструктуры принадлежит американскому экономисту П. Розенштейн-Родану: «совокупность условий, способствующих

благоприятному развитию частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности населения». Особенно популярным он стал среди экономгеографов.

Постепенно данный термин стал употребляться при изучении социальной жизни. Важным моментом в социологической трактовке является не просто материально-техническое содержание, но и оценка людьми, населением его качества, степени удовлетворения их потребностей.

В аспекте исторического развития инфраструктура общества формировалась постепенно. Первоначально функционирование производства и сельского хозяйства не включали в себя эти элементы. Затем объективное развитие общества заставило создавать и поддерживать элементы инфраструктуры, такие как дороги, транспорт, складное хозяйство и т.д. По сути, это были материальные условия для функционирования производства, которые «не входят в него, но без них он или совсем не возможен, или будет происходить лишь в несовершенном виде. Примером этого рода средств труда ... могут служить рабочие здания, каналы, дороги и т.д.» (К. Маркс). Такой анализ предполагает разделение материальных условий на *внешние* (созданные самой природой, климатом, географической средой) и *общие*, которые созданы человеком и входят в качестве важнейшего компонента в так называемую вторую природу. Материально-вещественные элементы второй природы создают общие условия, обеспечивающие рациональную организацию всех видов общественной и прежде всего трудовой деятельности людей. Они органически связывают воедино различные сферы общественного производства, а также многообразные подразделения внутри каждой из них. Именно эти элементы образуют то, что называют инфраструктурой.

Постепенно в XX в. наука и практика стали обращать внимание на материальные условия, обеспечивающие процесс труда, т.е. выполняющие социальные функции (жилье, питание, медицинское обслуживание). Затем было признано насущной потребностью создание необходимых условий для жизнедеятельности не только самого работника, но и его семьи. При проектировании производства начали делать расчет соотношения между занятыми на производстве и жителями. В соответствии с этим формировалась социальная инфраструктура района или города.

Следующий шаг в развитии инфраструктуры общество пережило в период распространения массового образования, прежде всего среднего и профессионального. С постепенным сокращением рабочего дня возникла возможность более рациональной организации свободного времени, более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей. Было признано, что создание этих условий прямо влияет на эффективность производства, на рациональную организацию повседневной жизни людей.

Социальная инфраструктура изучается специалистами разных научных направлений — демографами, экономистами, социологами и архитекторами. Поиск разных направлений призван ответить на насущные вопросы общественного развития.

В 1950—1970-е гг. использовались понятия производственной и бытовой инфраструктуры, употребление которых было связано с необходимостью создания условий для функционирования производственной и непроизводственной сфер. Такое разделение имело как положительные, так и отрицательные последствия. На практике производственная сфера часто выдвигалась на первое, ведущее место, а быту придавалось второстепенное значение. Про-

изошло механическое соединение понятий «социальные факторы» и «бытовая инфраструктура», при этом последняя стала восприниматься как часть непродуцированной сферы.

Сегодня это деление признается не вполне корректным. Понятие «бытовая инфраструктура» стало замещаться социальной инфраструктурой. Условия социальной деятельности связывают воедино как производственные, так и непродуцированные проблемы, не противопоставляя их, а, наоборот, органически соединяя в единое целое. Поэтому сегодня устоялось деление инфраструктуры на *производственную* и *социальную* (Б.С. Хорев, Д.В. Белоусов, И.И. Панфилов, В.А. Сеников, Ж.Т. Тощенко и др.). Иногда выделяют *институциональную инфраструктуру*.

Основные элементы социальной инфраструктуры:

- учреждения и организации;
- техническая обеспеченность, технологические принципы их функционирования;
- социальная оценка этих материально-вещественных условий.

Социальная инфраструктура состоит из *социально-экономической, социально-политической, социально-культурной, социально-бытовой*. Эти виды можно подразделить на отдельные подвиды. Так, в социально-культурной есть инфраструктура дошкольного, среднего и высшего образования, учреждений культуры, СМИ. Она может рассматриваться также по уровням социальной организации — на уровне *общества, региона, отрасли экономики, предприятия (объединения)*. Возможен анализ социальной инфраструктуры экономических зон, промышленных узлов, малых поселений, производственных объединений территориально-распределенного типа. Важным аспектом рассмотрения социальной инфраструктуры является ее анализ в рамках *макросреды* (всего общества), *мезосреды* (горо-

да или другого населенного пункта) и *микросреды* (непосредственных условий жизни людей).

Социальная инфраструктура может быть представлена как линейная или как точечная. Под линейной понимается сеть железных, автомобильных дорог, связи, линии электропередачи и т.д. Точечная инфраструктура включает непосредственно сами объекты (в том числе школы, театры, вузы и т.д.).

Также может быть предложена типология инфраструктуры в зависимости от субъекта социальной сферы, т.е. той социально-демографической группы, на реализацию потребностей которой она направлена. В такой типологии могут быть выделены детская, молодежная, семейная инфраструктура, инфраструктура инвалидов, пожилых людей и т.п.

Так как социальная инфраструктура решает задачи социального развития, то в количественном выражении она определяется как разность между величинами нормы и достигнутым уровнем. Чем ближе эта разность к нулевому значению, тем больше возможностей для развития общества дает инфраструктура. Для определения нормы применяют особый расчет: сколько благ приходится на одного человека, на 10 тыс. или 100 тыс. населения. Применяемые нормативы потребностей населения в коммунальных и бытовых услугах, а также физиологические нормы питания, рациональные нормы потребления обуви, тканей, важнейших товаров длительного пользования не всегда согласуются с требованиями, предъявляемыми реальной жизнью.

Показатели инфраструктуры одной организации, населенного пункта, регионов возможно сравнивать с показателями развития аналогичных образований и на этой основе получить более полную информацию о достижении, опережении и отставании анализируемого объекта для принятия действенных мер.

Совершенствование социальной инфраструктуры происходит на основе анализа, желаний, потребностей и ценностных ориентаций людей. Поскольку она рассматривается с позиций удовлетворения всех потребностей людей, т.е. совершенно исключается, что одни элементы могут «заменить» другие. Хотя сегодня существует практика закрытия в сельских регионах здравпунктов, школ, маршрутов транспорта как экономическѣ невыгодных.

С точки зрения социологии социальная инфраструктура обслуживает не отдельные стороны, а всю совокупность деятельности людей. Только при целостном подходе к условиям, обеспечивающим рациональную организацию труда и повседневную жизнь людей, возможно эффективное или оптимальное развитие всего социального организма и отдельных его составных частей.

В современных условиях социальная инфраструктура — важная характеристика степени экономической и социальной развитости общества, показатель широты и глубины использования материальных возможностей для рациональной жизнедеятельности людей. Основная роль ее в современном обществе в том, что социальная инфраструктура может повышать или уменьшать эффективность действующей хозяйственной структуры.

Таким образом, *социальная инфраструктура* представляет собой *устойчи-*

вую совокупность вещественных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые создают условия для рациональной организации всех основных видов его деятельности — трудовой, общественно-политической, культурной и семейно-бытовой. Условия обеспечивают эффективную жизнедеятельность человека не только на производстве, но и во всех основных сферах общества. Все элементы инфраструктуры функционируют только в комплексе, взаимодействуя и дополняя друг друга.

Основная литература

- Сидорина Т.Ю.* Социальная политика. М., 2004.
Социальная инфраструктура // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. Гл. «Социальная инфраструктура». М., 1998—2003.

Дополнительная литература

- Государство и отрасли инфраструктуры в современной рыночной экономике. М., 2001.*
Денисов Н.А. Социальная инфраструктура России: состояние, проблемы, пути развития. М., 1988.
Кураков В.Л. Ресурсное обеспечение социальной сферы. М., 1999.
Тенденции и перспективы развития социальной инфраструктуры. М., 1989.
Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980.
Юферов О.В. Планирование социально-бытовой инфраструктуры: социологический подход. М., 1990.

С.Н. Майорова-Щеглова

Раздел IV

Синтетические понятия социологии

Социальное развитие
Социальные отношения
Социальные процессы
Социальные явления
Социальный институт
Социальная организация
Социальная структура
Социальная стратификация
Социальная мобильность
Социализация
Социальное изменение
Социальные конфликты
Социальный контроль

Социальное развитие

Идея социального развития широко представлена как в теориях классической социологии — социологии индустриального общества, так и в социологии постмодерна (постиндустриального общества).

Теории *классической социологии* структурализма при всем различии солидарны в том, что *исторический процесс эволюции (развития) представляет собой результат взаимодействия, экономической и социальной, политической и культурной сфер жизнедеятельности индустриального общества*. Социальное развитие осмысливалось исторически через актуальные характеристики его состояния и включенности в индустриализацию, демократическое социальное устройство и массовую культуру.

Социальное развитие, социальная динамика для О. Конта (1798—1857) воплощались в *общественном прогрессе*, позитивных изменениях в обществе, так или иначе нарушающих его статическое состояние. Динамика подчинена статике, ибо «*прогресс — это развитие порядка*». В связи с этим он настаивал на различении социологических законов двух разрядов — *законов порядка и законов прогресса*. Суть контовской теории общественного прогресса можно представить следующими положениями. 1. Каждое последующее общественное состояние совершеннее предыдущего. 2. Прогресс достигается развитием прежде всего сознания людей, проявляющимся в позитивных переменах в науке, морали и религии. 3. В истории человечества прогресс выразился в *смене теологической стадии* (периода господства традиционной религии, охватывающего рабовладение и фе-

одализм) *метафизической стадией* (временем сокрушения теологии и феодализма) и переходом от последней к *позитивной фазе*, основанной на позитивной науке об обществе, которая должна стать новой религией человечества. Каждая из трех стадий рассматривается в двух аспектах: изменений человечества и изменений человека, что дает основание говорить, согласно О. Конту, о четырех *видах прогресса — материальном, физическом, интеллектуальном и морально-нравственном* и двух *типах прогресса — эволюционном и революционном*. О. Конт — убежденный эволюционист, однозначно признающий целесообразность и полезность (как человечеству, так и отдельным людям) постепенных позитивных изменений в отличие от революций — резких, скачкообразных общественных преобразований. О. Конт претендовал на открытие универсального теоретического закона *двойной эволюции* на следующих основаниях: эта эволюция относится одновременно и к социальному, и к интеллектуальному развитию общества; такого рода эволюцию претерпевает процесс развития отдельно взятого индивида (онтогенез) и человечества в целом или отдельных общностей (филогенез). О. Конт утверждал, что эти три состояния и стадии прогресса общества, каждое из которых является господствующим в свое время, пронизывая все стороны общественной жизни, образуют основу социальной организации. Так, теологическое состояние умов приводит к *созданию военно-авторитарного режима*. «Нетрудно понять, — говорит он, — что военный порядок не может быть установлен без

теологического освящения. Без него необходимая подчиненность будет недостаточно полна и недостаточно внушительна». Своей максимальной полноты и логического завершения теологическая стадия достигает при феодальном режиме. Однако по мере развития индивидуального и социального интеллекта пробуждается критицизм, подрывающий религиозные убеждения, которые образовывали «жизненный нерв» старого социального порядка. Разложение веры и связанный с этим упадок социальной ответственности достигает своего апогея в период революционных кризисов, которые, кстати говоря, Конт считает совершенно необходимыми (точнее, неизбежными) для развития общества. Так наступает метафизическая эпоха, для которой характерно господство разрушительных воззрений. Наследием революционной эпохи становится анархия умов. С ней-то и призван покончить *позитивный синтез* научного знания — как основа прогрессивного социального развития.

Г. Спенсер (1820—1903) углубил понятие социального развития. По его мнению, *эволюция есть интеграция*, которая сопровождается рассеянием движения, в течение которой осуществляется *переход из состояния неопределенной, бессвязной разнородности в состояние определенной связанной разнородности*. Спенсер подходит к проблеме раскрытия сущности эволюции, рассматривая ее как *восходящее движение*, как *переход от простого к сложному* и прежде всего *противопоставляя эволюцию процессу разложения, распада, социальной дезинтеграции*. Два противоречивых процесса — интеграция (т.е. объединение, слияние) и распад единого тела — дезинтеграция находятся в антагонизме друг с другом. Эти процессы эволюции и дезинтеграции Г. Спенсер в своих «Основных началах социологии» иллюстрирует многочисленными примерами процессов перехода самых разнообразных форм из однородного (гомогенно-

го) состояния в неоднородное (гетерогенное). Важнейшим проявлением усиления разнородности выступает *дифференциация*. В филогенезе (процессе исторического развития целого рода организмов) этим понятием обозначают *расчленение единой большой группы (рода) организмов на множество подгрупп, различающихся по своим функциям (видам)*. Г. Спенсер ввел в социальную теорию понятие *социальной дифференциации*, применив его для описания универсального для всей общественной эволюции процесса возникновения специализированных институтов и разделения труда. Он считал, что по мере развития общества комплексы социальных деятельностей, выполнявшихся прежде одним социальным институтом, распределяются между другими вновь возникшими или прежде существовавшими институтами. Дифференциация представляет собой возрастающую специализацию различных частей общества, создавая тем самым внутри общества все большую гетерогенность. Например, было время, когда семья обладала вначале и репродуктивными, и экономическими, и образовательными, и отчасти политическими функциями. Однако по мере развития обществ комплексы различных социальных деятельностей, выполнявшихся прежде одним социальным институтом — семьей, становятся *разделенными между другими институтами*.

Одним из первых развернутое представление о социальном развитии общества как системы разработал К. Маркс (1818—1883). Общественная формация, по Марксу, — это система, состоящая из взаимосвязанных элементов и находящаяся в состоянии неустойчивого равновесия. Ключом для осмысления проблем развития общества является *способ производства материальных благ*, который лежит в основании структуры общества и составляет его экономическую подсистему. Способ производства имеет две стороны: *производительные силы об-*

щества (средства производства и ресурсы, в том числе и человеческие) и *производственные отношения* (различные формы собственности). Обе стороны способа производства находятся в состоянии соответствия и взаимодействия. При этом ведущую роль играют производительные силы: именно способ производства создает *качественную определенность общественной формации*. Помимо производительных сил и производственных отношений, которые составляют реальный базис, структуру общества, формация включает в себя и надстройку: юридические и политические отношения и институты, а также мораль, нравственность, религию, искусство. Формация также включает в себя и определенную структуру классов, групп, слоев, которая также зависит от способа производства. Движущей силой социального развития является *классовая борьба* (классы, противоборствующие социальные группы, которые различаются по их отношению к способу производства). Борьба между классами — это выражение борьбы между развивающимися производительными силами и отстающими от них производственными отношениями. В определенный исторический период один класс («реакционный») воплощает отжившие производственные отношения, а другой («прогрессивный») — нарождающиеся производственные отношения, соответствующие развивающимся производительным силам. Таким образом, по Марксу, *динамика социального развития* обусловлена *постоянно возникающим противоречием, конфликтом между развивающимися производительными силами и производственными отношениями*. Эти социальные противоречия, конфликты, противоборства всякого рода — *источник социального развития*.

В XX в. появляются другие социологические интерпретации социального развития. Так, П.А. Сорокин (1889—1968) решающее значение придает разуму. По его мнению, сознание, духовное как внут-

ренний аспект жизни общества, доминирует над его материальной оболочкой. Именно *сознание* определяет *целостность социальных явлений и направленность социального развития*. В строении общества Сорокин выделяет два уровня социальной организации: *уровень культурных систем и уровень социальных систем*. Первенство принадлежит культурным системам, поэтому все подсистемы общества связаны с ведущими ценностями, в результате чего направления *социального развития* обусловлены доминирующими ценностями, традициями, обычаями.

Наряду с этими представлениями получили распространение концепции, согласно которым общества стали делить на традиционные и индустриальные. *Традиционное общество* имеет аграрный уклад, малоподвижные структуры и традиционные способы социокультурной регуляции (примитивное общество, подавляющее свободу личности). *Индустриальное общество* имеет производственную основу (машины), развитую систему коммуникаций и социальную мобильность. В нем разумно сочетаются свобода и интересы индивида с общими социокультурными нормами. Это общество выступает в двух вариациях — *капиталистическом и социалистическом* — по формам хозяйствования и системам социальной организации.

В капиталистическом обществе социальное развитие основано на принципах доминирования частной инициативы, гражданских прав и свобод, защиты собственности и поиске баланса социальных интересов, что создает новую социально-экономическую систему — *государство всеобщего благоденствия*. Социалистическое общество представляет собой «закрытую систему», основанную на общественной ответственности и приоритете коллективного над индивидуальным.

В рамках концепции единого индустриального общества получила развитие *теория конвергенции* (схождение в одной

точке): сближение разнотиповых обществ с главной тенденцией движения к обществу потребления, которая апеллировала к объективной основе — наличию таких универсалий, как мировой рынок, промышленные технологии, глобальные проблемы и др. В теории конвергенции выделяются две концепции. В одной (У. Ростоу, З. Бжезинский и др.) обосновывается ориентация социального развития: на *насаждение западных идей* в странах социализма в процессе *индустриализации (модернизации) и демократизации*. В другой (П. Сорокин и др.) обосновывалась идея *параллельной эволюции*, где имеет место заимствование системами друг у друга сильных сторон, сглаживание различий. Теория конвергенции была альтернативой марксистской схеме однолинейного социального развития с обязательной заменой капитализма социализмом.

С развитием индустриализации развивалось и количество сфер массовой деятельности, само общество участвовало в массовом производстве и потреблении всевозможных благ, в связи с чем возникли и соответствующие теории социального развития: *доктрина массового общества*, которая включает всевозможные течения *плюралистической демократии, общества благоденствия, общества согласия, социального партнерства* и др. Массовое общество — это такая ступень социального развития, когда доминируют массы, господствует массовое производство и потребление, массовая коммуникация и культура, функционирует гражданское общество, опирающееся на общественное мнение. Выделяются несколько концептуальных трактовок «массового общества».

Сторонники *элитарной концепции* (Г. Лебон, Г. Тард, Ортега-и-Гассет и др.) рассматривали массу как толпу; угрозу массы для развития общества в том, что, несмотря на неспособность руководить своим собственным существованием,

толпа необоснованно стремится занять место элиты — природного лидера. Сторонники *анти тоталитарной концепции* (Х. Арендт и др.) критиковали проявление государственно-монополистической организации, тоталитаризма, где своекорыстная элита осуществляет свое господство с помощью популизма и тоталитарного (бюрократического) аппарата — заигрывая с массой и манипулируя ею.

С середины XX в. стали утверждаться *технократические концепции социального развития*. Принято считать 50–60-е гг. XX в. эпохой тотальной индустриализации, в которой научно-техническая революция выступала движущей силой перехода цивилизации в качественно новое состояние, базирующееся на техноразуме. Приоритет технологического детерминизма (техномания) стал ведущим в трактовке развития общества и социальных процессов.

Ориентирами социального развития стали: 1) в сфере деятельности — *рост материального производства*; 2) в сфере организации производства — *инновационное предпринимательство*; 3) в сфере организации обмена, обращения — *рыночное хозяйство*; 4) в сфере политических отношений — *правовое государство и гражданское общество*; 5) в социальной сфере — *обеспечение социальной безопасности, правил общественной жизни* (с помощью закона и порядка); 6) в сфере социальных структур — *приоритет профессиональных, стратификационных интересов перед классово-антагонистическими*; 7) в сфере отношений народов — *диалог культур, взаимобмен* как движение к взаимопониманию на основе компромиссов.

Применительно к массовому обществу исследователи выделяли две тенденции возможного развития общества, закрепленные в соответствующих концепциях.

1. *Либеральная концепция* (Ч. Миллз, Д. Рисмен и др.) представляла «массо-

визацию» как неизбежное зло, развращающее массу людей с помощью эзотерических ценностей и манипуляций со стороны элиты. Правящая же элита при этом получает власть и прибыль.

2. *Демократическая концепция* (Д. Белл, С. Липсет, Э. Шилз и др.) рассматривала массовизацию как разрыв узды, сковывающей массы в традиционном обществе. Эффективное развитие экономики обеспечивает рост массового производства и потребления. Правовое государство и гражданское общество обеспечивают права человека и механизмы самоуправления общественных и политических структур. При этом политика рассматривается не как отношение классов, а как социальная технология управления.

В социально-политической теории существует целый ряд *социально-политических моделей развития общества*. Их принято делить на традиционные, социалистические, новейшие «современные» и религиозные. К *традиционным* социально-политическим течениям относятся либерализм и консерватизм. Идеология *либерализма* тождественна признанию высшей ценностью социального развития и общественного устройства, приоритета интересов и прав индивидуума, благосостояния, что наиболее наглядно выражено в трудах экономиста Ф. фон Хайека (1899—1988). С наступлением современной стадии цивилизации сформировался *неолиберализм*. Неолибералы пересматривают концепцию государства как «ночного сторожа», характерную для либералов прошлого века, шире трактуют основные функции государственной власти, обосновывают необходимость усиления централизованного регулирования рыночной экономики в связи с динамизмом эволюции производительных сил, усилившейся неравномерностью развития векторов социально-экономической жизни. Неолиберальная концепция *государства благосостояния* отводит государственным структурам ведущую роль

в социальной защите от экономической и социальной деградации, в предотвращении и преодолении социально-политических конфликтов, решении проблем безработицы.

Оформление современного *консерватизма* в относительно стройную систему взглядов о социальном развитии произошло на базе произведений социальных мыслителей XVIII—XIX вв. — Э. Берка, Ж. де Местра и Л. Бональда. Из известных социологов XX в. к числу последователей этой традиции можно отнести Г. Моска (1858—1941) и Д. Белла (р. 1919) и др. Основные положения идеологии современного социального консерватизма: *общество — это духовная реальность, имеющая свою внутреннюю жизнь и очень хрупкую структуру, общество — это организмы, и его нельзя перестраивать, как машину*. Одно из центральных понятий в консерватизме, касающееся социального развития — это понятие *порядка, противостоящего хаосу*. Доминирующими чертами современной модификации этого течения — *неоконсерватизма* — выступают две идеи: *подчинение индивиду государства* и *обеспечение политической и духовной общности нации, как обязательного условия социального развития*.

Говоря о *социалистических концепциях* социального развития, следует отметить, что они исходят из того, что только коллективное общество, основанное на *принципах равенства и социальной справедливости*, способно *преодолеть эгоизм и взаимотчуждение людей и обеспечить поступательное прогрессивное социальное развитие*. В русле этого течения возникли и развиваются коммунистическое, социал-демократическое, социалистическое и ряд других социальных движений.

Помимо указанных существуют и другие концепции: *эгалитаризм* — установка на достижение всеобщего равенства без отказа от частной собственности на средства производства, главным образом

путем введения *уравнительности в распределении*; *этатизм* — направление политической мысли, рассматривающее государство как высший результат и критерий общественного развития.

Во второй половине XX в. появились теории, претендующие на системный анализ социально-экономических и политических процессов развития общества — *концепции постиндустриального (информационного) общества и государства всеобщего благоденствия*, или, по более поздней терминологии, *социального государства*.

Социальное развитие в теориях постиндустриального общества рассматривается как способ разрешения основных проблем капиталистического общества. В 70-е гг. XX в. стали появляться оптимистические сценарии будущего развития. Этот период характеризуется фундаментальной сменой методологической парадигмы в области социологической теории общества. Для всех этих концепций характерно несколько общих положений, позволивших объединить их под общим названием. Их можно разделить на две группы. Первая группа — это теории, которые примыкают к концепциям постиндустриализма и непосредственно произрастают из них. Их появление относится к концу 60-х — началу 70-х гг. XX в. К ним относятся версии Д. Белла и примыкающие к ней теории (например, А. Турена). Вторую группу составляют теории, сформировавшиеся в 1980-е гг. XX в. — концепции Тоффлера, Феррароти, Кастельса и др. Они описывают и фиксируют новые явления и черты, которые характерны в целом для постиндустриального социального развития:

- *существенные трансформации экономической системы*, при которых ключевым элементом производства становится информация;
- *существенные трансформации структуры формальной и неформальной власти*, проявляющиеся в ее децент-

рализации (делегирование властных полномочий сверху вниз, возникновение глобальных явлений на основе символической информационной культуры и т. д.);

- *существенные изменения социальной дифференциации*, в результате которых классовая структура общества заменяется статусной иерархией, базирующейся не на основе профессионального признака, не на обладании собственностью, а на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций.

Один из родоначальников теории *постиндустриального общества* Д. Белл считал, что определяющими факторами данного общества являются теоретические инновационные знания (а не капитал) как организующее начало и кибернетическая революция, обуславливающая технологический рост в производстве товаров. Д. Белл сформулировал пять основных компонентов модели будущего:

- 1) сфера экономики: *переход* от производства товаров к *производству услуг*;
- 2) сфера занятости: *преобладание класса профессиональных специалистов и техников*;
- 3) осевой принцип: *ведущая роль теоретического знания* как источника нововведений и определения политики в обществе;
- 4) предстоящая ориентация: *контроль над технологией и технологическими оценками деятельности*;
- 5) процесс принятия решения: *создание новой интеллектуальной технологии*, связанной с электронно-вычислительной техникой.

Иной подход в оценке индустриальной цивилизации к поиску контуров социального развития «новой цивилизации» (вариантов «третьего пути») представлен в *радикальных футурологических концепциях* Маклюэна, Тоффлера и др. Так, Э. Тоффлер критически оценивал индустриальную цивилизацию: «Этот путь ведет к конфликту между природными и социокультурными аспектами человеческого существования». Более со-

вершенное общество возможно на основе «информационного редуционизма», что предполагает переход от индустриализма к новой постиндустриальной цивилизации, с господством информационных технологий. В работе «Третья волна» (1980) Тоффлер представил «волны» — исторические циклы, которые человечество прошло в своем социальном развитии до перехода к «постиндустриальному» («сверхиндустриальному») обществу. *Доиндустриальная волна* — сельскохозяйственная цивилизация (до 1650—1750 гг.), основанная на простом разделении труда, кастовой структуре общества, авторитарной власти и децентрализованной экономике. Технологическая основа здесь — соха. *Индустриальная волна* — промышленная цивилизация. Ее технологическая основа — машина. Индустриализм разрушил сельское хозяйство, изменил образ жизни миллионов, дав им массу материальных благ. Но досталось это дорогой ценой: отрывом человека от природы, диктатом массовизации, утратой индивидуальности, властью машины над человеком и т.д. *Постиндустриальная волна* (посткапиталистическая и постсоциалистическая) — компьютерно-информационная цивилизация. Она уже рождается и имеет следующие контуры: 1) информационные (гибкие) технологии; 2) демассифицированное общество, в котором классы теряют свое значение, а различные меньшинства образуют переходные формы; 3) антиципарная (предвосхищающая) демократия, обеспечивающая участие граждан в жизни общества; 4) транснациональные институты, решающие глобальные проблемы человечества.

На этой основе выстраивается множество концепций будущего общества. Так, по мнению некоторых ученых, технологическая революция на информационно-компьютерной основе в социально-экономической среде ведет к тому, что мир становится «глобальной дерев-

ней» (М. Маклюэн): электронная культура обеспечивает общую вовлеченность и сопричастность в социальных пространственно-временных структурах. Данная концепция дополняется концепцией «электронного дома» (Тоффлер); коттедж с земельным участком, оснащенный электронной техникой и производственно-бытовыми автоматическими системами, обеспечивает комфорт, высокий уровень общения, доступ к информации, одомашнивание труда и т.д. Жилище и семья вновь становятся центром социальной жизни.

И наконец стоит охарактеризовать идеи социального развития *глобального общества*. Термин «глобальное общество» родился в недрах Римского клуба, ареопага выдающихся ученых современности, которыми создано около 20 глобальных моделей, предполагающих варианты решения стоящих перед человечеством *проблем социального развития* («пределы роста» Д. Медоуза, «мировая динамика» Д. Форрестера, «интегрированная модель мира» Г. Месаровича-Пестеля и др.). И. Валлерстайн, автор мир-системного анализа глобализации, описывает это новое мироустройство, с углубляющимся межстрановым неравенством в социальном развитии населения развитых стран Севера и бедного Юга, центра и периферии современного глобального общества: «Это — система, чьи институты призваны выделить из общей массы и поощрять тех, кто в своей деятельности соблюдает первенство накопления капитала, и наказывать тех, кто пытается следовать другим приоритетам. Совокупность институтов, рассчитанных на эти операции, включает в себя обустройство товарных связей, объединяющих географически разделенные производства и оптимизирующих системную норму прибыли; сеть государственных структур, складывающихся в межгосударственную

систему; создание подоходно дифференцированных семейных хозяйств как основных единиц социальной репродукции; наконец, интегрированную геокультуру, легитимирующую институциональные структуры и сдерживающую недовольство эксплуатируемых классов».

Основываясь на концепции постиндустриального общества, ряд социологов предложили рассматривать в качестве критерия социального развития свободный доступ к современным информационным коммуникациям. Так, М. Кастельс (1996) выдвинул пять черт информационной экономики *современного глобального «сетевого» взаимодействия*.

1. Информация стала основным ресурсом экономического и социального развития.

2. Информационные технологии глубоко влияют на общество.

3. Информатизация обеспечивает такой уровень обработки информации, при котором логика сетей может применяться к социальным процессам и организациям.

4. Информационная технология и сетевая логика позволяют обеспечивать гибкое социальное взаимодействие, в результате которого социальные процессы, организации и институты могут легко изменяться при постоянном возникновении новых форм.

5. Индивидуальные технологии сливаются в одну интегрированную систему.

Критики концепций информационного, глобального развития обращают внимание на его негативные социальные последствия, проявившиеся как в системе международных отношений, так и в глобальных проблемах жизнедеятельности *мирового сообщества*. В специальном докладе «Перестройка мирового порядка», подготовленном по инициативе Римского клуба Я. Тинбергенем, обосновывается

мысль, что существование международной системы требует фундаментальных структурных реформ и создания нового международного социального и экономического порядка. В июне 1992 г. конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро указала, что путь социального развития западных стран к благосостоянию является тупиковым. Другие международные конференции по глобальным проблемам только подтвердили, что *ни одна страна не располагает оптимальной социально-политической моделью общественного развития*, в связи с чем кризисные явления социального развития не могут не углубляться.

Основная литература

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004.

Гидденс Э. Устройство общества. М.: Академический проект, 2003.

Развитие социальное // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 305—307.

Развитие социальное // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

Социология / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева и др. М., 2003.

Турен А. Возвращение человека действительного. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.

Дополнительная литература

Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни. СПб., 2000.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.

Кастельс М. Новое общество. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: 1996.

Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

Социальные отношения

Понятие «социальные отношения» в отечественной научной литературе употребляется в двух основных вариантах: 1) в широком смысле, когда им обозначается все относящееся к обществу в отличие от природных явлений (т.е. термин равнозначен слову «общественные»); 2) в узком смысле социальные отношения рассматриваются как часть общественных явлений, которые стоят в едином ряду с другими, однопорядковыми их разновидностями — экономическими, политическими, духовно-идеологическими. Такой подход коррелирует с делением общества на сферы экономической, социальной, политической и духовной жизни (Г.С. Арефьева, В.С. Барулин, Б.А. Чагин).

Существует несколько вариантов трактовки социальных отношений во втором узком смысле. В о - п е р в ы х, их суть видят в том, что они соединяют людей в социальные общности (Г.В. Осипов). Согласно этой точке зрения отношения между людьми, образующими какую-то одну социально-профессиональную группу, выражают схожесть интересов объединяемых соответствующими признаками людей.

В о - в т о р ы х, довольно распространено представление, что социальными являются отношения, складывающиеся по поводу равенства-неравенства, деятельности социальных субъектов по поводу их неодинакового положения в обществе и роли в общественной жизни (Т.И. Заславская).

В т р е т ь и х, имеются трактовки социальных отношений, которые определяются как вид или класс общественных отношений, которые складываются между разными социальными субъектами — индивидами, их различными общностями и объединениями, а также между индивидом и социумом любого

масштаба — по поводу схожести или различий в социальном статусе, в возможностях удовлетворения жизненных потребностей и способах жизнедеятельности (А.И. Кравченко, Н.И. Лапин).

При анализе этих точек зрения следует сделать небольшое уточнение. Человек все-таки никогда не действует полностью осознанно, различные эмоции (симпатии, антипатии), физическое состояние (например, усталость, эйфория от удачи), склад характера и темперамент, социальные факторы: образование, профессия и ряд других оказывают влияние на установление и ведение отношений в группах (Ю.Г. Волков, 2003).

Социальные отношения могут быть только взаимными, но необязательно позитивными, положительными с обеих сторон. Если стороны по-разному воспринимают и оценивают друг друга, например, одна сторона навязывает дружбу, предлагает совместную деятельность, а другая агрессивно отказывается, провоцирует скандалы — это также социальные отношения. Социология различает три самых общих типа взаимоотношений: кооперацию (сотрудничество), конкуренцию (соперничество) и конфликт.

При *кооперации* участники взаимодействия имеют согласованные ценности, их деятельность не противоречит ни установкам, ни поведению других и она осуществляется с обоюдной выгодой для взаимодействующих сторон. *Соперничество* основано на желании одной стороны установить властные отношения. Власть (способность одних контролировать действия других, даже вопреки желания вторых) имеет определяющее значение в жизни человека и общества. Соперничество нередко сравнивают с соревнованием, когда различные субъекты участвуют в сопоставлении своих действий и их результа-

тов по согласованным правилам, признающим права соперника и придерживающимся установленных формальных требований и нравственных установлений. *Конкуренция* — основа социально-экономических, рыночных отношений — это борьба за преимущества (капитал, власть, доход) в условиях, когда возникают чувства неприязни, озлобления к сопернику, ненависти, страха, а также желание во что бы то ни стало опередить конкурента. При *конфликте* наблюдается открытое, прямое противостояние, иногда с оружием в руках (см. *Социальный конфликт*).

Среди социальных отношений выделяют также отношения *социальной зависимости*. Одна сторона (индивид, группа) выступает при этом доминирующей, именно совершение ею каких-то действий обязательно влечет за собой действия другой стороны. Часто на практике возникают двойственные взаимозависимые отношения: между молодыми и старшими членами семьи, между студентами и преподавателями, между странами-соседями.

Социальная зависимость основывается и на различии положения в группе. Индивиды с низкой позицией зависимы здесь от индивидов или групп, которые имеют более высокий статус; подчиненные зависят от руководителя. Зависимости могут проявляться как явные, но могут быть также и латентными (скрытыми). Так, ребенок, конечно, зависит от родителей, но и родители в своей жизнедеятельности учитывают интересы детей.

При характеристике социальных отношений следует иметь в виду как субъективную, так и объективную их основу. Так как взаимодействие между людьми, социальными группами и социальными общностями в значительной мере характеризуется осознанными актами поведения (деятельности), в процессе которых возникают явления и процессы, носящие сугубо субъективные черты — деп-

ривация (см. *Депривация*), фрустрация (см. *Фрустрация*), anomия (см. *Anomia*), стигма. Однако в этих отношениях происходит процесс их объективизации — они становятся важным, а нередко и решающим фактором развития и функционирования всей общественной жизни. Этот процесс связан с тем, что во многом социальные отношения опосредуются в первую очередь экономическими отношениями, определяющими основу любого общества.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что социальные отношения — это осознанные совокупности повторяющихся значимых для людей взаимодействий. Если индивиды соотносят свои взаимодействия по своему смыслу друг с другом и придерживаются образцам соответствующего поведения, тогда можно говорить об установлении между ними социальных отношений. Взаимодействия (контакты и единичные действия) становятся социальными отношениями благодаря ценностям и ценностным ориентациям (см. *Ценностные ориентации*), на которые индивиды и группы людей ориентируются и хотели бы их достичь.

Основная литература

Волков Ю. Г. Социальность // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 489—490.

Осадчая Г. И. Социология социальной сферы. М., 2003.

Осипов Г. В. Социальное. Отношения социальные // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 510, 689—690.

Социологический энциклопедический словарь. М., 1998.

Дополнительная литература

Волков Ю. Е. Социальные отношения и социальная сфера // СОЦИС. 2003. № 4. С. 45—52.

Гидденс Э. Социология. М., 1999. Что может социология сказать о наших действиях? С. 33—34.

Образ жизни, социальная сфера // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 72—74, 467—468.

Социальные процессы

Современное общество не является статичным, неизменным, в движении находятся отдельные люди и большие сообщества, социальные структуры (организации, общественные институты, государство).

Согласно позиции П.А. Сорокина, под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или эволюции, т.е. любое изменение объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве либо модификация его количественных или качественных характеристик. При акцентировании внимания на социальном процессе появляется необходимость уточнения данного подхода: это последовательная смена состояний или движение элементов социальной системы и ее подсистем, любого социального объекта.

В этом множестве движений могут быть выделены однонаправленные и повторяющиеся социальные действия, которые отличаются от других (хаотичных, случайных, единичных и др.) действий. Совокупность таких действий и принято в социологии называть *социальными процессами*. Процессы происходят на различных уровнях социальной системы. Процессы на микроуровне приводят к развитию социальной группы или личности, в результате чего осуществляется направленное изменение их социальных качеств и положения личности в обществе. Социальные процессы на макроуровне провоцируют последовательную смену состояний или движение элементов социальной системы или подсистем, любого социального объекта.

Применительно к структуре общества выделяются процессы, протекающие на уровнях малых групп, слоев, классов, сообществ, человечества в целом. Суще-

ственно различие между стихийными, естественно-историческими и сознательными, целенаправленными (телеологическими) социальными процессами.

Социальные процессы могут иметь следующие формы.

Направленные и ненаправленные. *Направленные процессы* предполагают определенную цель или тенденцию в своем движении. Они в определенной степени являются предсказуемыми или явными. Например, такими являются процессы компьютеризации средней школы, создание единого европейского сообщества, процесс воспитания. *Ненаправленные процессы* носят случайный, хаотичный и непредсказуемый характер. Например, процессы возбуждения, охватывающие толпу футбольных фанатов, конфликты между юным и старшим поколениями в семье.

Обратимые и необратимые. *Обратимые процессы* — это процессы, которые приводят объект, явление, систему к определенному рода изменениям (даже радикальным), но впоследствии в связи с новыми факторами может произойти восстановление каких-то основных структурных элементов или даже возврат к прежнему состоянию. Если происходящие изменения невозможно повернуть вспять, то в этом случае речь идет о *необратимых процессах*. К таким процессам сегодня относят процесс урбанизации (развития городов), на микроуровне примером может служить процесс взросления человека.

Восходящие и нисходящие. *Восходящие процессы* предполагают развитие в сторону улучшения, усовершенствования, прогресса. *Нисходящие процессы* приводят систему к негативным дисфункциональным изменениям — регрессу.

Кроме того, различают *линейные процессы* — постепенные, непрерывные изменения в системе, вне зависимости вос-

ходящие они или нисходящие. Если процессы происходят прерывно, скачками, то их принято называть *ступенчатые*.

Периодическое повторение определенных фаз развития — это *циклические* процессы. Например, процесс расцвета организации сменяется периодом спада, застоя, за которым может последовать очередной период активности.

При *спиралевидной форме* изменения, проделав цикл, возвращают систему в исходное состояние, но уже на качественно ином уровне. Примером может быть последовательное продвижение студента с курса на курс.

Часто социальный процесс воспринимается как поток или последовательность событий, модификаций, трансформаций. Без процессов, приводящих к тем или иным изменениям, социальная система существовать не могла бы.

Многие социальные процессы являются парными. Они в таком случае имеют

симметричные по структуре механизмы, отличающиеся знаком направленности: интеграция и дезинтеграция, сплочение и конфликты, текучесть и стабильность, эмиграция и иммиграция, социальная однородность и социальная дифференциация, занятость и безработица и т.д.

Основная литература

Козырев Г.И. Социальные процессы и изменения // СОЦИС. 2995. № 4.

Развитие. Социология развития // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 301—308.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Дополнительная литература

Смелзер Н. Социология. М., 1994.

Сорокин П.А. Социология и культурная динамика. СПб., 2000.

Руткевич М.Н. Социальные противоречия современного российского общества. М., 2001.

Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества. М., 2002.

С.Н. Майорова-Щеглова

СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Человеческое общество весьма часто определяют как сумму, совокупность социальных явлений, а сами общественные явления рассматривают как основные его элементы.

Социологи обозначают сущность общественного явления через взаимосвязанное действие поведения индивидов, производящее определенные изменения, которых не было бы без этого действия. *Общественное явление*, таким образом, есть *взаимосвязанное действие поведения индивидов, вызывающее определенные изменения в природе, обществе, а также в поведении этих индивидов и в них самих* (Д. Маркович, 1993). В подобной дефиниции выделяются три важнейших элемента: *взаимная связь поведения, поступков людей, воздействие такого совместного поведения и в результате осуществление*

перемен, которых не было бы без данного взаимодействия. Во взаимодействие при этом вступают как отдельные индивиды, так и социальные группы.

По мнению П. Сорокина, социальное явление представляет собой комплекс фактов и процессов, настолько сложный, что изучить его, не разложив на составные части, невозможно. Он полагал, что явление необходимо рассматривать через призму взаимодействия двух или большего числа индивидов. Именно эту модель взаимодействия он называл «родовым понятием социальных явлений». Чтобы явление взаимодействия было возможным, по мнению классика, необходимо соблюдение трех основных условий: наличие двух или большего числа индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга; наличие актов,

посредством которых они обуславливают взаимные переживания и поступки; наличие проводников, передающих действие или влияние от одного индивида к другому.

Сторонники органической школы простейшим социальным явлением считали человеческого индивида. Но с позиций современной социологии необходимо точно проводить различия между общественными и природными явлениями, а также различия, существующие между общественными и личностными явлениями.

Следовательно, социальные явления могут одновременно выступать и личностными, и общественными, хотя между ними нельзя ставить знак равенства, точно так же, как нельзя и противопоставлять их друг другу.

Отдельные социологические теории дают дефиницию общественных явлений и определяют их отношение к личностным и природным явлениям в контексте своих представлений о сущности общества и человека. Но чаще всего, давая дефиницию общественных явлений и осуществляя их классификацию, исходя из их нераздельной связи с личностными явлениями и рассматривают их как взаимосвязанные действия индивидов. Сущность человека есть совокупность общественных отношений, поэтому из единства, существующего между индивидом и обществом, и проистекает взаимосвязь личностных и общественных явлений.

Поведение отдельных людей вызывает изменения, означающие возникновение чего-то нового, что отличается от существующего и от самих индивидов, согласующих свое поведение. Таким образом, общественные явления возникают из личностных, хотя и отличаются от них.

Социальное явление представляет собой тот элемент общества, который оказывается неразложимым далее без того, чтобы не потерять при этом свою социальность, т.е. социальный характер.

Действия и поступки индивидов остаются индивидуальными и не являются общественными явлениями до тех пор, пока между ними не установится связь и в результате их совместного действия не будут осуществлены некие изменения.

Существует определенная связь между характером общественного явления и особенностями, качествами личностей, в результате взаимодействия которых осуществляются определенные перемены. Социология, исследуя характер общественных явлений, учитывает этот факт.

Аналогичные сложные соотношения мы можем проследить в отношении социальных и природных явлений. Сами по себе землетрясение, ураган, смерч — явления природы, но в современном мире довольно часто вызывают вслед за собой многие негативные социальные явления: бездомность, сиротство, безработицу и т.д. Желание людей минимизировать потенциальные угрозы природных явлений ведет к созданию специального взаимодействия: организации служб профилактики, спасения, реабилитации после стихийных бедствий.

В обществе существует множество социальных явлений, которые могут быть разделены на виды на основании разных признаков. Среди видов общественных явлений принято выделять *простые и сложные*.

Наиболее значительные общественные явления — это социальные группы и общественные отношения. Согласно точке зрения Р. Лукача, общественные явления делятся на два наиболее общих вида: социальные процессы и социальные образования. Подобным образом можно разделить общественные явления, которые существуют во всех обществах и во все периоды человеческой истории.

В результате связи отдельных общественных явлений образуются сложные социальные образования. Социальное образование определяют как сравнительно уравновешенное, кристаллизованное

состояние, которое возникает как результат социальных процессов. Образование может быть рассмотрено как сгусток, целостное скопление социальных процессов, отличное от других подобных целостностей, составленных из них же, но в ином сочетании.

Заметим, что взаимосвязанное поведение людей может носить физический характер или включать в себя психическую деятельность. Это поведение выражается как в действии, так и в бездействии, т.е. в воздержании от действия.

По результативности социальные явления подразделяются на явления, ведущие к изменениям в природе, изменениям, происходящим с самим человеком, и изменениям в социуме.

Явления должны изучаться в процессе их возникновения и формирования, так как при таком подходе обнаружива-

ются их связи с остальными общественными явлениями и может быть установлена их причинная связь в составе общественного целого.

Основная литература

Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. С.137—142.

Социология / Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М., 2003. Гл. «Социальное».

Социальное // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 689—690.

Волков Ю.Е. Социальность // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 479—480.

Дополнительная литература

Козлова О.Н. О методах анализа социокультурных явлений // СОЦИС. 1993. № 11. С. 138—146.

Маркович Д. Общая социология. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993.

С.Н. Майорова-Щеглова

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Для характеристики социальных связей в социологии используется понятие «социальный институт» наряду с понятием «социальная организация».

Термин «институт» (от *лат.* *institutum* — установление, устройство) был перенесен в социологию из юриспруденции, где он употребляется для обозначения совокупности норм, регулирующих правовые отношения: институт собственности, институт наследования, институт брака. В социологической литературе термин «институт» стал использоваться с момента возникновения социологии и получил распространение в связи с применением анализа общественных явлений и процессов через понятие институтов и поэтому называемый институциональным. В отличие от экономики и права, термин этот в социологии охватывает широкий диапазон общественных отношений олицетворением социальных связей.

Одним из первых развернутое представление о социальных институтах дал американский социолог и экономист Т. Веблен (1857—1929). Он определял его как совокупность общественных обычаев, воплощение определенных привычек, образа мысли и образа жизни, передаваемых из поколения в поколение и меняющихся в зависимости от обстоятельств и служащих орудием приспособления к ним.

В настоящее время существует несколько определений социального института.

Первое трактует институт как устоявшийся, организованный способ действия, регулярно воспроизводящийся в повседневной жизнедеятельности людей (Р. Макивер, Р. Бершtedт). Этот подход именуется *бихевиористским*.

Авторы второго определения концентрируют свое внимание на образцах и правилах поведения людей, полагая,

что именно эти устойчивые варианты и предстают в обществе как институты. Так полагали основоположники подхода У. Томас и Ф. Знанецкий. Т. Парсонс уточнил данную позицию — эти образцы должны приобрести статус нормы, т.е. должны быть законными, ожидаемыми большинством. Поскольку нормы концентрируются вокруг признаваемых обществом ценностей, этот подход получил название *аксиологически-нормативного* (Г.В. Осипов, Ю.Г. Волков).

Третье определение называют функциональным, так как приверженцы отводят институту социальную роль, направленную на выполнение определенных важных социальных функций (Э. Гидденс, С.С. Фролов).

Авторы четвертого определения, используют *организационный* подход и рассматривают институт как объединение людей, совместные реализующих какие-то цели с помощью необходимых, продуманных средств (А.И. Пригожин, Ю.Д. Красовский, В.В. Щербина). При этом подходе понятие института становится схожим с понятием формальной организации.

В пятом определении *в качестве основного критерия* принято происхождение института. И тогда исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей, выполняющие общественно значимые функции и обеспечивающие достижение целей, носят название социальных институтов (Т. Веблен).

Основы институционального анализа были заложены О. Контом и Г. Спенсером. Они предлагали рассматривать жизнь общества сквозь призму особых форм социальной организации, которые в дальнейшем и получили название социальных институтов. Социологи — представители марксистского направления — применяли институциональный анализ к рассмотрению основных социальных институтов общества, таких как семья, государство, гражданское общество.

Социальные институты предполагают существование социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальных организаций. В современной западной социологии понятие «социальный институт» часто принято обозначать устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему. Социальное изобретение (новое социальное явление, факт социальной жизни) проходит процесс опривычивания, типизации, стандартизации, узаконивания и институционализации; результат этих процессов — формирование социального института.

Существуют различные основания для *классификации социальных институтов*. Характер организованности является классификационным признаком формальных и неформальных социальных институтов. Есть и иные основания: *зрелые и незрелые; универсальные и неуниверсальные; первичные, вторичные и третичные* институты. С точки зрения Т. Парсонса, следует различать три группы социальных институтов: *реляционные* (определяющие ролевую структуру общества), *регулятивные и культурные*. Я. Щепанский предлагает различать следующие основные социальные институты: *экономические, политические, воспитательные, или культурные, социальные, или общественные* (в узком значении этого слова) и *религиозные*. В современных обществах можно найти социальные институты, не охваченные данной классификацией.

Тип общественной потребности положен в основание классификации по сферам: 1) экономические институты, предназначенные для производства товаров и услуг (виды собственности, рынок, занятость и др.); 2) политические инсти-

туты, регулирующие осуществление власти и доступ к ней (государство, многопартийность, гражданство); 3) социальные институты и институты родства (семья, этнические сообщества, стратификационные группы, группы по социальному положению); 4) институты культуры, духовной жизни (образование, идеология, литература, искусство, религия как социальные феномены).

Социальные институты выступают специфическими механизмами организации и управления процессами жизни людей, обеспечивают тем самым стабильность общественной системы и дальнейшее ее развитие. В качестве регуляторов процессов взаимодействия и взаимосвязей людей они призваны способствовать удовлетворению их материальных и духовных, личных и общественных потребностей в конкретно-исторических условиях.

Социальный институт может быть представлен как система, состоящая из некоторых подсистем или элементов. Можно вычленить шесть элементов: социальная группа, учреждения, обычаи, материально-вещественные условия, организация, определенная цель. Я. Шепаньский к базовым элементам строения социального института относит цель, функции, учреждения и средства достижения цели, социальные санкции.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что *социальный институт* состоит из следующих базовых элементов: *действующие лица (субъект и объект социального действия), побудительные силы (потребности, цель, задачи и мотивы), условия (материальная база), средства и результаты социального действия*. К условиям и средствам часто относят специальные учреждения, организации, в рамках которых организовано функционирование данного социального института.

Социальные институты могут быть охарактеризованы как с содержательной стороны, т.е. деятельности, так и формальной, внешней стороны, создающей

условия для функционирования субъектов и объектов этой деятельности.

Социальный институт — полифункционален. Его специфику определяет, с одной стороны, совокупность предписанных ему многих социальных функций, а с другой — главная (основная) социальная функция. *Можно выделить следующие фундаментальные функции: производственную, распределительную, регулятивную (социального контроля), коммуникационную, воспроизводственную, защитную.*

Результатами функционирования социального института могут быть удовлетворение личных и общественных потребностей, изменения в процессах общественной жизни, материальные и духовные ценности.

Современная социология активно изучает как проблемы функционирования различных институтов, так и их взаимодействие, взаимовлияние и противоречия. Для изучения применяется весь арсенал прикладных методов, выбор которых зависит от того, что каждый социальный институт характеризуется наличием своей цели или функции деятельности, набором социальных статусов и ролей, типичных для данной общности. Каждый социальный институт стремится обеспечить своим членам (субъектам) возможность удовлетворения их потребностей. Он также обеспечивает согласованность, интегрированность их действий. Так, институт семьи включает в себя не только проблему супружеских отношений, но взаимодействие родителей и детей, а в многопоколенных семьях — отношения с третьим и даже с четвертым поколением. Сюда же относятся отдельные проблемы женщины как матери; права и гарантии социализации ребенка. Институт семьи невозможно анализировать без инфраструктурных элементов — жилья, сферы услуг, учреждений образования, культуры, религии и т.д. Иначе говоря, институт семьи — это

сложное целостное, многоуровневое, социально-экономическое и социально-духовное образование, многообразные аспекты развития и функционирования которого можно понять только при комплексном подходе.

Социальным институтам отводится видное место в структурно-функциональном анализе социальных процессов и явлений, подразумевая возможность обобщения наиболее существенных типов деятельности и соотнесение их с фундаментальными целями и интересами всего общества. Нужно отметить, что данное понятие породило еще один термин — институционализация. Он означает процесс, в ходе которого социальные практики становятся достаточно регулярными и долговременными, что приводит к возникновению новых социальных институтов и новых социальных организаций.

Таким образом, *социальный институт* — это *относительно устойчивый тип и форма общественной жизни, посред-*

ством которых организуются стабильные отношения и связи в рамках конкретного общества, части или всего человечества.

Основная литература

- Институт социальный* // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 227—228.
Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003.
Социологический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М; Норма, 1998.

Дополнительная литература

- Бергер П.Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.
Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1993.
Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология. М., 1998.
Гидденс Э. Социология. М., 1999.
Готов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // СОЦИС. 2003. № 10.
Дмитриев А.В. Общая социология. М.: Современный гуманитарный университет, 2001.
Фролов С.С. Социология. М., 2000.

Ж.Т. Тощенко,
 С.Н. Майорова-Щеглова

Социальная организация

Социальная организация — это более высокая, чем социальный институт, *форма социальной связи*. В основе разграничения социальных связей на институциональные и организационные лежит различие между потребностями и интересами людей, а также соответствующими видами действий. Социальные институты возникли ради удовлетворения потребностей людей. Для удовлетворения этих потребностей необходимы социальные блага — предметы потребления, ради организации которых и возникают социальные организации. Разграничение социальных организаций от социальных институтов относительно. Например, феномен образования может быть как

институтом, так и организацией в зависимости от побуждения (потребность или интерес), уровня регуляции и места среди других элементов социальной связи.

Социальным организациям присущи следующие черты.

В о - п е р в ы х, социальную организацию *создают сознательно* на определенном этапе исторического развития ради определенных *интересов-целей*, связанных с удовлетворением социальных потребностей.

В о - в т о р ы х, социальная организация включает в себя *управляющий орган* (и аппарат управления), который формулирует цели, разрабатывает программы их достижения, выбирает средства, контролирует понимание целей испол-

нителями, а также выполнение нужных решений по всей управленческой вертикали на основе обратной связи.

В - т р е т ь и х, организация действует *на основе устава или инструкций* (внутриорганизационных норм), разработанных управляющим органом. Они регламентируют социальные статусы и роли членов организации, а также поощрения и наказания за их деятельность.

В - ч е т в е р т ы х, социальная организация представляет сложную *структуру должностей* (социальных ролей и статусов), а также четкое *разделение труда*, выполняемого ее членами, между которыми существует четкая субординация и координация деятельности, подчинение одних другим.

В - п я т ы х, социальная организация включает в себя не только институциональные регуляторы (нормы, ценности, традиции), придающие социальный статус и роли ее членам, но и *санкции, осуществляемые управляющим органом с помощью материальных ресурсов: финансов, зданий, транспорта, связи, охраны и т.д.*

Социальные организации — это заводы и министерства, банки и страховые компании, государственные органы, партии, профсоюзы, религиозные учреждения, научные творческие союзы и т.д.

Наряду с *формальными организациями* возникают неформальные — спонтанно сложившиеся социальные связи, являющиеся продуктом более или менее длительного межличностного и внутригруппового общения. *Неформальная организация* проявляется в двух разновидностях. Во-первых, как организация неформальная, которая включает неформализованные служебные отношения, решение организационных задач, способами от формальных. Во-вторых, как организация социально-психологическая, выступающая в виде *межличностных связей*.

В развитии человечества известны *два типа социальных организаций*. В ав-

тократическом (азиатском) типе общества преобладающим типом социальной связи являются организации, которые жестко контролируют деятельность людей. Такой тип социальных связей характерен для России со времен Ивана Грозного. В СССР заводы были организациями, находящимися в ведении Госплана и соответствующего отраслевого министерства. В *рыночном (европейском) типе* общества преобладающим типом являются социальные организации, которые строятся на косвенном, опосредованном влиянии на сознание и поведение людей через оплату труда, социальную обеспеченность, гарантии личных и общественных ценностей.

Социальные организации классифицируются по видам. Прежде всего, это — *экономические организации* — сельскохозяйственные, промышленные, транспортные, строительные и другие предприятия, занятые производством, распределением, потреблением и обменом материальных социальных благ и услуг.

В рыночных обществах производственные организации создаются собственниками средств производства для производства товаров, услуг, предназначенных для получения прибыли. В централизованных обществах организации создаются государственной властью, образуя государственную экономику страны. Экономическая организация включает в себя орган управления производством (дирекцию, производственно-экономическую бюрократию), который разрабатывает положение или инструкцию, план развития, определяет средства, контролирует деятельность своих подразделений. Предприятие функционирует на основе разделения и координации труда профессиональных групп, регулируемых моральными, административными и другими нормами.

Важнейшими *политическими организациями* общества являются государственные органы, которые представляют: 1) зако-

нодательную, исполнительную, судебную ветви; 2) федеральную, региональную и местную власть; 3) правоохранительные и военные органы власти и т.д.

Государственные органы власти создаются и совершенствуются на протяжении всей истории человечества. Они представляют собой иерархическую систему управления обществом во главе с монархом (президентом, парламентом, правительством и т.д.) Эта система действует на основе жесткой дифференциации деятельности статусов и ролей. Эти статусы и роли поддерживаются правовыми, административными, материальными регуляторами.

Духовная жизнь общества включает в себя *мировоззренческие* (церковь, партии и т.п.), *художественные и творческие ассоциации*, *образовательные* (школа, вуз и др.), *научные организации*. В данной сфере общества преобладают социальные институты, а не организации. Это значит, что отношения между управляющими органами и управляемыми организациями определяются не только административными и правовыми нормами, но и идеологией, ментальностью, моралью (совестью, долгом и т.п.). Так, в Древнем мире и Средние века в экономике преобладали небольшие, малые и средние организации. Затем по мере развития рыночных отношений происходило укрупнение, образование государственных и общенациональных объединений. В настоящее время тип социальных организаций зависит от исторической эпохи. В постиндустриальную эпоху появляются транснациональные корпорации, регулирующие экономические связи в международном масштабе.

Образование и развитие устойчивых, регламентируемых, контролируемых социальных связей — генеральный путь развития человечества. Количество, эффективность, соотношение социальных институтов и организаций в обществах определяют их тип. Поэтому общество

можно определить как *систему социальных институтов и организаций*. Тип общества определяется соотношением социальных институтов и организаций.

Еще Г. Спенсер обратил внимание на закон дифференциации и интеграции социальной деятельности как главную причину развития человечества. Доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная стадия человечества отличаются ускорением дифференциации социальных связей, интеграционными процессами, их глобализацией.

Социальный институт и организация как формы социальной связи имеют свои достоинства и недостатки. Поэтому каждая из этих форм имеет свое место и время для применения. Социальные институты — более свободные (неформальные) формы связи, дающие людям и социальным общностям большую гибкость для удовлетворения общественных потребностей. Социальные организации — менее свободные и более формализованные формы социальной связи, они ставят удовлетворение общественных потребностей в жестко установленные рамки разумных или минимальных потребностей.

Типичной формой социальных связей в *азиатских обществах* были организации: семейные, производственные. Это было обусловлено тем, что в качестве базиса общества выступало деспотическое государство. Государственная собственность была не социальным институтом, а организацией. Но и в этих обществах существовал институт рынка, основанного на купле-продаже товаров. В *политических обществах* деспотическое государство поглощало гражданское общество — например, в тоталитарном, нацистском. В них многие социальные институты превратились в организации: семья, образование и т.п.

В *либеральных обществах* преобладающей формой социальных связей стали институты, потому что базис в них образует рыночная экономика, основанная

на институте частной собственности. Рыночная экономика придала институциональный характер остальным системам общества. Либеральное, социальное, правовое государство в таких обществах частично приближается к социальному институту, контролируемому гражданским обществом. Но армия, службы государственной безопасности и некоторые другие остаются преимущественно организациями.

В смешанных обществах (нынешняя Европа) — где базисом является смешанная экономика и демократическое, правовое, социальное государство — социальные институты и организации находятся в диалектическом единстве и борьбе, взаимно дополняя и смягчая друг друга. Между институтами и организациями происходят постоянные колебания и взаимные переходы то в одну, то в другую сторону. Развитие европейских обществ показывает, что все большее число социальных связей регулируется правом, что свидетельствует о расширении места социальных институтов и сокращении места социальных организаций.

Если развитие идет эволюционно, то довольно часто социальный институт начинается в обществе с возникновения какой-то социальной организации. Так, например, произошло с Интернетом, который возник в США как форма информационной связи между вузами. Затем Интернет стал развиваться самостоятельно, путем проб и ошибок, удовлетворять общественные потребности, избавляться от формального контроля и регламентации и тем самым превратился в социальный институт. Сейчас его влияние колоссально, поэтому в некоторых странах делаются попытки превратить его в локальную организацию, подчиненную контролю со стороны государства.

Если развитие страны происходит революционно, то оно сопровождается

отменой прежних социальных и созданием новых организаций. Так, во время Октябрьской социалистической революции в России произошла полная замена существующих политических и экономических организаций, в значительной степени были модернизированы учреждения образования, науки, культуры.

В условиях глобализации, уменьшения роли государственной власти, возрастания роли мировых цивилизаций национальные государства в большей части становятся социальными институтами, чем организациями. Увеличивается число и роль международных институтов, в которые переходит часть национально-государственных функций. Одновременно идет речь о превращении некоторых международных институтов в организации. Например, предлагается превратить ООН в международный парламент, МВФ — в министерство финансов мира и т.д. Иными словами, речь идет о создании мирового государства как института и организации.

Основная литература

- Волков Ю.Г. Социология. Блок «Социальные организации». М., 2006. С. 172—178.
 Общая социология / Под ред. А.Г. Эфендиева. М., 2000. С. 575—606.
 Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 114—117.
 Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 490—499.

Дополнительная литература

- Красовский Ю.Д. Управление поведением в фирме. М., 1997.
 Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
 Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию. М., 1973.
 Пригожин А.И. Методы развития организаций. М., 2003.

Социальная структура

В широком смысле под социальной структурой понимается деление общества на сферы жизни людей (экономическую, социальную, политическую, духовную), на производство, обмен, распределение и потребление; в узком — все значимые социальные различия между людьми в процессе их жизнедеятельности.

Первоначально в классической социологии под социальной структурой понимали *классовую структуру*. В соответствии с этим подходом классы — это большие группы людей, которые отличаются друг от друга по их месту в исторически определенной системе общественного производства, роли в общественной организации труда, способам получения и размерам доли национального богатства.

Заслуга открытия классов и классово-вой борьбы принадлежит французским историкам конца XVII — начала XIX в., которые пришли к выводу, что в истории борются большие группы людей. Именно на таком подходе акцентировал свое внимание К. Маркс, а впоследствии — В.И. Ленин. Особый подход к классам выразил М. Вебер: он сводил их признаки не только к отношениям собственности, а придавал большое значение власти.

В труде «Система социологии» П. Сорокин дал обзор взглядов различных авторов на понятие «класс». Во второй половине XX в. к этому понятию обращались Р. Дарендорф, Э. Гидденс и другие исследователи. И хотя они по-иному трактовали данное понятие (претендовали на новую теорию классов), достаточно быстро обнаружилось, что классовый подход не всегда эвристичен, нередко отрицает возможность более дифференцированного представления о социальной структуре общества или вкладывает в него принципиально иное содержание.

Наряду с классовой структурой социология использует понятие *социально-демографическая структура* — разделение общества по возрасту и полу. *Возрастная структура* показывает долю лиц определенных возрастов в структуре населения. Эти данные имеют исключительно важное значение для понимания тенденций развития страны. В соответствии с этими количественными показателями некоторые ученые — демографы полагают возможным обрисовать прогноз развития общества.

Так, по Зумдбергу, существуют три типа структуры населения: стационарная, прогрессивная и регрессивная (табл. 1).

Таблица 1. *Возрастная структура населения, % к общей численности*

Возрастные группы, лет	Возрастная структура		
	Прогрессивная	Стационарная	Регрессивная
0—14	40	27	20
15—49	50	50	50
50 и более	10	23	30
Итого	100	100	50

При характеристике возрастной структуры особое внимание уделяется молодежи. От нее ожидается, что основные

виды деятельности (учебная, освоение профессии и др.), присущие молодеческому возрасту, во многом определяют не

только ее образ жизни, но и судьбу будущих поколений, перспективы страны. В настоящее время специальному анализу стали подвергаться такие социальные группы, как женщины и пенсионеры.

Важной характеристикой социально-демографической структуры является ее *половая структура* — доля мужчин и женщин в обществе. Пол человека — комплекс телесных, репродуктивных, поведенческих, психологических признаков, детерминирующий социальный статус человека. В российском обществе наблюдается половая диспропорция — на 1000 мужчин приходится 1147 женщин.

Профессиональная структура общества олицетворяет собой разделение по профессиям и фактически выполняемым видам труда (занятиям). Изучение профессиональной структуры общества не ограничивается только статистикой по полученному образованию. Трудовые функции людей могут не совпадать с первоначально полученной профессией при обучении в учебном заведении. Серьезные изменения профессиональной структуры российского общества наблюдались в последние годы экономических реформ: исчезновение старых и возникновение новых профессий, переход многих людей из производственной сферы в торговлю, сферу услуг, самозанятость (уличная торговля, «челноки»). Формирование новых экономических отношений привело к изменениям на рынке труда — появлению или увеличению таких категорий населения, как безработные, бомжи, бездомные, нищие.

Социально-территориальная (поселенческая) структура общества включает в себя два основных образования (город, село) и предполагает анализ таких социальных групп, как городские и сельские жители.

Более глубокое изучение предполагает анализ специфических поселенческих структур — агломераций, вахтовых городов (поселков), сезонных мест жительства, проживание в экспедициях. Осо-

бые формы жительства образует жизнь военных гарнизонов, студенческих общежитий, мест массового отдыха, рекреации.

Что касается *национально-этнической структуры*, то она складывается на основе генетических связей и составляет эволюционную цепочку, началом которой выступает семья, образуя языковые, территориальные, экономические и культурные общности. Современные развитые общества — в значительной мере общества полиэтнической структуры. Не является исключением Россия — многонациональное государство, в котором насчитывается около 180 национальностей и народностей.

Нередко социальная структура рассматривается как *конфессиональная*, которая основывается на делении людей как по основным мировым (христианство, ислам, буддизм), так и по национальным религиям (иудаизм, индуизм, кришнаиты, конфуцианство и др.).

Наряду с такой типологизацией социальной структуры используется другой методологический подход — конструктивистский, что находит отражение в появлении таких понятий, как «социальная группа», «социальный слой», «социальная общность», «поколение», «когорта» и т.д. Под *социальной группой* понимается совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих необходимую функцию в структуре общественного разделения труда, в образе жизни, что фактически является более дробным составным элементом социально-профессиональной структуры (шахтеры, текстильщики, металлурги, учителя, ученые). Социальные группы имеют тенденцию, в свою очередь, дифференцироваться, усложняя и обогащая процесс сегментации (учителя — городских и деревенских школ, начальной школы и среднего звена, гуманитарии и естественники, государственных и частных школ и т.д.). Социальные группы могут также представлять организованные и стихийно сложившиеся объединения.

Под *социальным слоем* понимается социальная совокупность людей, характеризующаяся общими демографическими (молодежь, пенсионеры), поселенческими (горожане, сельские жители) чертами, а также обладающие определенным уровнем дохода (средний слой), характера и содержания труда (люди умственного и физического труда). В социальный слой могут входить представители различных социальных групп. Например, такой социальный слой, как безработные, может включать в себя людей различных социальных групп, что также можно отнести к таким специфическим группам, как «челноки», «новые русские», в недавнем прошлом — «шабашники». Что касается *социальной общности*, то она включает в себя признаки, имеющие общую социально-экономическую, социально-политическую, культурную и социально-психологическую природу и характеризующие общие черты в большинстве своем неструктурированной группы (поддерживающие те или иные мировоззренческие установки — либеральные, социалистические, националистические, религиозные, которые далеко не всегда имеют организационную завершен-

ность), а также придерживающиеся общей социально-культурной ориентации. В социологии также используются такие понятия, как когорта, поколение. Если *когорта* предназначалась для описания жизненного пути группы людей, как правило, одного года рождения, то *поколение* представляет характеристику жизни сменяющих друг друга слоев населения в среднем через 25—30 лет.

Исходя из этого, основными элементами социальной структуры общества являются индивиды и их объединения на основе положения в обществе и выполняемых ими функций.

Таким образом, *социальная структура* — это статика, характеризующая социальное положение по определенным статистически фиксируемым показателям (которые подвергаются социологической интерпретации). Ее можно также представить в виде социально-экономической дифференциации по формам собственности и по отраслям национального хозяйства, которые реально существуют и соответственно учитываются по определенным параметрам. Какова она на самом деле в современной России, показано в табл. 2.

Таблица 2. Распределение занятых по отраслям национального хозяйства, % к итогу

Отрасль	1992	1997	2001	2007
1	2	3	4	5
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	29,6	23,0	22,5	20,3
Сельское хозяйство	14,0	13,3	12,6	10,8*
Лесное хозяйство	0,3	0,4	0,4	
Строительство	11,0	8,8	7,6	7,8
Транспорт	6,6	6,6	6,5	8,0**
Связь	1,2	1,3	1,4	
Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и бытовой техники	7,9	13,5	14,9	17,4***

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Жилищно-коммунальное хозяйство, производственные виды бытового обслуживания населения	4,1	5,2	5,2	
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	5,9	6,8	7,0	6,8
Образование	8,9	9,3	9,0	8,9
Культура и искусство	1,5	1,7	1,8	—
Наука и научное обслуживание	3,2	2,2	1,9	—
Финансы, кредит, страхование	0,7	1,2	1,2	1,6
Управление	1,9	4,0	4,5	5,2
Другие отрасли	3,2	2,7	3,5	8,6

* Включает сельское и лесное хозяйство.

** Включает транспорт и связь.

*** Включает жилищно-коммунальное хозяйство, производственные виды бытового обслуживания населения.

Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2005. С. 93; Россия в цифрах, 2002. Краткий статистический сборник / Госкомстат России. М., 2002. С. 80; Россия 2008. Стат. справочник. М., 2008. С. 10.

Для характеристики классовой структуры важно распределение населения по формам собственности (табл. 3).

Таблица 3. Распределение занятых по формам собственности, % к итогу

Форма собственности	1992	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2005
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе по формам собственности									
Государственная, муниципальная	68,9	42,1	42,0	40,0	38,1	38,2	37,9	37,4	33,7
Частная	19,5	34,4	35,6	39,9	43,2	44,3	46,1	47,9	54,1
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,8	0,7	0,6	0,6	0,7	0,8	0,8	0,8	0,6
Смешанная российская	10,5	22,2	21,0	18,3	16,4	14,9	12,5	10,9	7,8
Иностранная, совместная российская и иностранная	0,3	0,6	0,8	1,2	1,6	1,8	2,7	3,0	3,8

Источники. Россия в цифрах, 2002; Краткий статистический сборник / Госкомстат России. М., 2002. С. 79. Российский статистический ежегодник. 2006. М., 2006. С. 138.

Эти показатели демонстрируют структуру разделения труда, а также изменения, которые происходят в силу объективных обстоятельств в развитии социально-экономической сферы общества. Эти данные свидетельствуют, что за 1990-е гг. наиболее значительные изменения в структуре занятости коснулись управленческого аппарата, доля которого увеличилась с 2 до 8%, а также сфера торговли, сбыта и заготовок — с 7,9 до 12,9%. Если сгруппировать занятое население по секторам экономики, то в современной экономике 13% населения работают в сельском и лесном хозяйстве, 38% — в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи и более 20% — в сфере услуг. Появились и новые социальные группы и слои, которых не было ранее в советском обществе (фермеры, акционеры, предприниматели) или существовали в зачаточном состоянии (сфера банковского дела, финансов и кредита). Вместе с тем, возрождение на новой основе некоторых ушедших в историю социальных групп, таких, как капиталисты, наемные рабочие, казачество, ставит вопрос — а не происходит ли архаизация общества, хотя и в частичных, модифицированных формах?

Наряду с названными основными направлениями анализа социально-классовой структуры возможны и специфические, которые отражают необходимость учета ее особенностей. Так, в социологии особое внимание уделяется структуре силовых органов власти (армия, внутренние войска, МВД, органы государственной безопасности).

Особое место в социальной структуре занимают *маргинальные слои*, которые характеризуются признаками аномии: утратив связь с прежней группой (например, выходцы из села), они долгое время не могут принять ценности и правила поведения, сложившиеся в окружа-

ющей среде. Характерной особенностью постсоветского развития стало появление маргинальных групп ярко выраженного деклассированного характера. Так, продолжает быстро расти категория социально обездоленных, которые сегодня являются реальной базой социального дна и нижнего слоя криминалитета. К маргинальным группам можно отнести инвалидов, лиц без определенных места жительства и занятий.

И наконец, при изучении социальной структуры нередко забывают об *общностих девиантного поведения*. Совершившие преступления, отбывающие наказание, алкоголики, наркоманы, бродяги, нищие, бомжи, бездомные, как бы ни казались они малочисленными, так же реально живут среди нас, как и большие социальные группы и слои. Так, ядро контингента нищих, как и в дореволюционное время, стали составлять профессиональные нищие. По оценочным данным, численность профессиональных нищих выросла с осени 1993 по осень 1999 г. в 7—8 раз и составляет около 300—350 тыс. чел.

Предметом социологического исследования могут быть и *новые группы и слои*, которые появляются в процессе развития общества в иных сложившихся условиях. К специфическим группам могут быть отнесены «челноки» (число которых в середине 1990-х гг., по экспертным оценкам, составляло до 5 млн чел.) и «новые русские», которые символизировали не только богатство, но и специфические черты поведения, образа жизни и не менее специфическое отношение к ним общественного мнения. Особую группу образуют социальные группы и общности, претендующие на выполнение особых функций (элита, кланы, касты, клики).

В настоящее время ведутся дискуссии о *среднем слое (классе)*¹, качествен-

¹ Попытки некоторых современных бывших марксистов отказаться от понятия «класс» не имели успеха: значительная часть социологов продолжает его использовать, имея в виду под понятием «класс» большие социальные группы людей, которые оказывают решающее влияние на происходящие в обществе процессы.

ными критериями которого выступают не только уровень доходов, но и стандарты поведения и потребления, уровень образования, владение материальной или интеллектуальной собственностью, а также его влияние на политическую ситуацию в стране, что делает средний слой достаточно автономной и относительно независимой от государства частью общества.

Очевидно одно — идет процесс усложнения, дифференциации и сегментации социальной структуры общества, в котором тесно переплетаются как старые, так и новые тенденции ее изменения и преобразования.

Таким образом, *социальная структура* означает *объективное деление общества на слои, группы, общности и объединения на основе одного или чаще нескольких признаков и различаемых по их общественному положению с учетом его субъективного восприятия*. Это устойчивая связь в социальной системе. Основными элементами социальной структуры являются класс, социальная группа, социальный слой, социальная общность. Каждый из этих элементов в свою очередь является сложным образованием, обладающим своим внутренним строением, представляющий

некую целостность, в которой совмещены объективные и субъективные ее характеристики.

Основная литература

Волков Ю.Г. и др. Социология. Гл. «Социальная структура». М., 2000. С. 119—132.

Руткевич М.Н. Социальная структура // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2005. С. 466—467.

Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 215—222.

Филиппов Ф.Р. Структура общества классово-стратификационная // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 776.

Дополнительная литература

Беленький В.Х. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // СОЦИС. 2006. № 11.

Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1984.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Раздел «Народонаселение, здоровье и проблемы старения».

Дилгенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002.

Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.

Клопов Э.В. Рабочий класс в СССР. М., 1985.

Смелзер Н. Социология: Гл. 3 «Социальная структура»: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994.

Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // СОЦИС. 2001. № 9.

*С.Н. Майорова-Щеглова,
Ж.Т. Тоценко*

Социальная стратификация

Становление понятия «социальная стратификация» имеет длительную историю. Оно выросло из представлений о социальном неравенстве, социальной структуре, социальных статусах. Можно сказать, что стратификационный подход берет свое начало в тех обсуждениях социального неравенства, которыми ознаменовалась эпоха Просвещения. Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо проблематизировали вопрос о том, что в каждом обществе существуют различия между людьми, как по объективным (экономическим, про-

фессиональным, образовательным), так и по субъективным (ценностные ориентации, стиль жизни) характеристикам. Эти различия, будучи привнесенными в те или иные социальные отношения, порождают социальное неравенство. Конечно, не все виды неравенства являются социальными. Так называемые естественные различия (пол, возраст, одаренность) становятся социальными только тогда, когда закрепляются и воспроизводятся в форме социального расслоения.

Почти одновременно с вопросами социального неравенства обществоведы стали рассматривать общество как социальную структуру. Структурный подход подразумевает анализ различных социальных групп, наполняющих общество и являющихся его составными элементами. Этот подход представлен у родоначальника социологии О. Конта (1798—1857), а также у К. Маркса (1818—1883), Г. Спенсера (1820—1903). В дальнейшем структурный подход разделился на структурализм (анализ социума от структуры к функциям) и функционализм (анализ социума от функций к структурам).

Социальные различия становятся социальной стратификацией, когда груп-

пы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое открывает (или не открывает) доступ к более широким социальным возможностям, социальным и политическим ресурсам.

Из этого вытекает принципиальное различие понятий «социальная структура» и «социальная стратификация». Если для социальной структуры важнейшими показателями является причастность к той или иной сфере общественной жизни, пол, возраст, место проживания и другие подобные, то для социальной стратификации основными показателями являются статус, престиж, оценка и самооценка социального положения.

*Социальная структура
(номинальные параметры)*

Пол (гендер)
Возраст
Этнонациональная принадлежность
Вероисповедание
Место жительства
Область деятельности
Политическая ориентация
Сфера (отрасль) занятости

*Социальная стратификация
(ранговые параметры)*

Богатство (доход)
Власть
Социальное происхождение
Социальный статус
Социальный престиж
Образование
Культурная ориентация
Самооценка

Сам термин «социальная стратификация» был введен в научный оборот П.А. Сорокиным (1889—1988). В одноименной работе он сосредоточивает внимание на социальном расслоении и для его описания заимствует понятие «стратификация» из геологии. Латинское слово *stratum* означает слой. По его мнению, любой социум стратифицирован, т.е. содержит в себе упорядоченные статусные позиции, которые ранжируются по-разному. Он выделяет три основные формы стратификации: *экономическую, политическую, профессиональную*. Сущность стратификации, по П. Сорокину, заключается в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии и отсутствии социальных цен-

ностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Таким образом, согласно П.А. Сорокину, стратификация — это дифференциация некоей совокупности людей (населения) в иерархическом плане, что находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — социальное неравенство, которое проявляется в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Как выразился Ф. Хирш в «Социальных пределах роста» (1977), «что может достичь каждый, не могут достичь все».

По мнению М. Вебера (1864—1920), в обществе существуют различные виды социальной стратификации (стратификационные системы), которые подразумевают особый характер социального расслоения и способ его утверждения. Он выделил такие иерархические системы, как богатство (собственность), власть и престиж. *Богатство* определялось им как имущественный аспект неравенства, материальное благосостояние индивида, владение средствами производства и другими активами. *Власть* трактовалась как способность социальных субъектов в своих интересах определять цели и направленность деятельности других социальных субъектов (безотносительно их интересов), распоряжаться материальными, информационными и статусными ресурсами, формировать и навязывать правила и нормы поведения (установление запретов и предписаний), предоставлять полномочия, услуги, привилегии. Ключевое значение во властных отношениях имеет возможность распоряжаться различными ресурсами, что позволяет властвующему субъекту подчинять себе других людей. *Престиж* рассматривается как оценка, которую та или иная социальная группа дает различным объектам, видам деятельности, стилям жизни. Такая оценка базируется на доминирующих в данной общности социальных нормах и ценностях и определяет место группы или индивида в социальной иерархии престижа.

Дальнейшее развитие стратификационных теорий связано с именем Т. Парсонса (1902—1979). По его мнению, социальная стратификация — это структурно регулируемое неравенство, которое приводит к разделению общества на социальные слои. Неравенство, в свою очередь, формируется на основе дифференциации социальных, экономических, политических, профессиональных критериев. Чтобы стать основой социальной стратификации, эти критерии должны устойчиво

воспроизводиться в данном обществе, воплощаясь в социальных нормах, ролях и статусах. Поскольку каждый индивид обладает множеством социальных позиций (статусов), то статусные различия могут быть выстроены в иерархическом порядке. Таких иерархий может быть несколько, так как одни и те же индивиды в разном положении, в разных связях могут образовывать разные социальные группы (по доходам, роду занятий, стилю жизни и т.д.). А значит, люди, схожие по своим статусным характеристикам, образуют отдельный социальный слой (страту), который находится в подчиненном или элитном положении.

Разные социальные среды производят особые, конвенционально определенные в них образцы поведения. Эти образцы воплощаются в практиках, представлениях, нравах. По мнению П. Бурдьё (1930—2002), принадлежность к той или иной социальной группе становится основанием для различия и в большинстве случаев для неравенства. Основным критерием для различия является идентификация и самоидентификация с представителями той или иной группы, что, безусловно, влечет за собой определенный образ жизни. Люди стремятся создать иерархические схемы, чтобы упорядочить свои представления об окружающем мире. Эта дифференциация служит не только для оценки действий «чужих», но также и для того, чтобы представить своим современникам социальную базу данных, состоящую из субъективно интерпретируемых, но социально значимых фактов, относящихся к инородной группе.

В процессе социальной идентификации происходит, с одной стороны, обособление себя от других, «чужих» и, с другой стороны, поиск «своих» и включение в совместную деятельность. Таким образом, механизм воспроизводства любой стратификационной системы заключается в следующем: 1) в неравной оценке различных видов практикуемого или

предполагаемого социального поведения, а также условий жизни (идентификационный аспект); 2) в неравной оценке жизненных стилей, воспроизводимых представителями различных социальных идентичностей (социокультурный аспект); 3) в неравной оценке жизненных шансов, которыми располагают представители различных социальных идентичностей. Поскольку понятие «социальная стратификация» непосредственным образом связано с концепциями социального неравенства, социальных статусов, социальной структуры, то современное социологическое знание активно использует его в социально-экономических, социально-политических, социокультурных исследованиях. Представления о социальной стратификации, переведенные на эмпирический уровень, позволяющие измерять и сравнивать друг с другом те характеристики индивидов, слоев и социальных групп, которые приводят к неравномерному распределению прав и привилегий, ответственности и обязанностей, наличию или отсутствию власти и влияния. Из этого вытекает принципиальное различие между понятиями «социальная стратификация» и «социальная структура». Для социальной структуры каждый из показателей важен сам по себе, в то время как для социальной стратификации важен ранг, или оценка, данного показателя в принятой в обществе стратификационной системе. Иными словами, такие показатели социальной структуры, как пол (гендер), возраст, этническая принадлежность, профессия и другие, могут принимать в социальной стратификации большие или меньшие веса в зависимости от их статуса в обществе, престижа, самооценки. Например, «быть безработным» — это номинальный признак для социальной структуры (наличие/отсутствие работы), но это также и набор определенных рангов в иерархиях престижа, власти, материальной обес-

печенности. Таким образом, социальная стратификация различается для разных отношений собственности, распределения, общественной организации труда, направлений социальной мобильности.

Одной из серьезных задач, стоящих перед современными исследователями в области социальной стратификации, является поиск и уточнение критериев для выделения социальных слоев, а также стратификационных систем и их подсистем. Это осложняется тем, что немалую роль в характеристике стратификации играет и самооценка индивида, которая не всегда совпадает с объективной статистической информацией.

В настоящее время в социологических исследованиях активнее всего используются экономическая стратификация (дифференциация населения по материальному благосостоянию), политическая стратификация (*по причастности к власти* и к другим властным иерархиям), социально-статусная стратификация (по социальному положению), профессиональная стратификация (дифференциация по уровню профессионализма и по имеющимся знаниям).

Эмпирическими показателями для *экономической стратификации* являются размер и источники доходов, имущественная обеспеченность (абсолютные показатели); принадлежность к той или иной децильной группе распределения по доходам (относительные показатели). Чем выше эти показатели в эквивалентном измерении, тем выше и положение индивида или группы в экономической стратификации.

Уровень дохода (богатства) определяется или по децильным показателям (сравнение по 10% населения с высокими и 10% низкими доходами) или по более подробным группировкам, характеризующим материальную обеспеченность обследуемых общностей (см. например, таблицу).

**Распределение основных источников дохода у разных слоев населения,
% к числу опрошенных**

<i>Источник дохода</i>	<i>Население в целом</i>	<i>Богатые</i>	<i>Бедные</i>
Зарплата по основному месту работы	74,1	56,8	70,5
Пенсии, пособия, алименты, получаемая помощь и т.д.	36,5	7,6	41,6
Собственный бизнес	5,9	52,5	2,0
Совместительство (в том числе разовые приработки)	19,7	14,2	16,6
Доходы от собственности, сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам	3,4	15,5	1,6
Иное	5,2	3,3	6,8

И с т о ч н и к. Данные ИС РАН, март 2003 г., $n = 2118$, 11 регионов РФ.

В 2006 г. треть работников (20 млн) имела заработок ниже прожиточного уровня, две трети (40 млн) получали заработную плату, не обеспечивающую прожиточного минимума для себя и одного ребенка. При этом разрыв среднего дохода наименее и наиболее оплачиваемых работников достигает 30—50 раз, т.е. приближается к уровню слаборазвитых стран.

Различия в уровнях дохода позволяют выделить такой феномен социальной стратификации, как *средний слой*. Однако его прослойка в современном российском обществе очень невелика, по оценкам экспертов, не превышает 16—18% в структуре населения. Однако если сравнить статистические данные с субъективным восприятием своего социального статуса, то они существенно разнятся, так как люди не хотят признавать себя обездоленными, неспособными вписаться в новые реалии. Понятие социального слоя позволяет по-иному подойти к таким новым структурообразующим тенденциям, которые иногда в мировой и отечественной социологии трактуют как средний класс. Однако этот новый феномен не правомерно так называть, ибо как класс он не имеет ярко выраженных

качественных критериев. В то же время этому социальному слою присущи такие критерии, как уровень доходов, стандарты поведения и потребления, уровень образования, владение материальной или интеллектуальной собственностью, сильное влияние на политическую жизнь. Однако условия российской действительности ставят под сомнение его дееспособность, ибо объективные (статистические) данные и субъективная (само)оценка своего социального положения серьезно разнятся. Ситуация интересна тем, что многие люди идентифицируют себя с этим слоем, хотя редко подходят под эту социальную группу по объективным показателям и прежде всего по уровню доходов.

Политическая стратификация, т.е. по причастности к власти и к другим властным иерархиям представляет собой две неравномерные части: одна небольшая (незначительная), которая или прямо господствует (управляет) или косвенно, когда действительно причастна (обслуживает) к управлению. Но незначительная величина этой части не означает их слабости и недостаточного влияния. Наоборот, ее возможности велики и малоограничены, что и позволяет говорить о политическом классе, о бюрократии как классе, о но-

менклатуре как специфическом явлении (М. Джилас, М. Восленский). Вторая часть — большинство — имеет весьма опосредованное отношение к власти или совсем его не ощущает.

Эмпирическими показателями для стратификации по причастности к власти являются непосредственно управление людьми и ресурсами, а также наличие доступа к тем или иным управленческим ресурсам. Поэтому, чем больше людей, на которых индивид или группа может оказывать влияние, тем выше положение данного индивида или группы в стратификации по причастности к власти.

Эмпирическими показателями для профессиональной стратификации являются уровень образования (в том числе и дополнительная профессиональная подготовка), квалификация, профессиональный опыт, а также престижность данной профессии в обществе. Чем выше уровень образования, чем богаче профессиональный опыт и чем престижнее выбранная профессия, тем выше положение данного индивида или группы в профессиональной стратификации.

Различия проявляются и в *социально-статусной (должностной) стратификации*, когда работающее население дифференцируется по определенным группам или классам. Так, в царской России существовала иерархия, представленная дворянством, купечеством, мещанством, наемными работниками, крестьянами. В Советском Союзе эту функцию в значительной мере выполняло понятие «номенклатуры». В постсоветской России каждую должность приравнивали к одному из уровней по 18-разрядной шкале, а чиновничество — к разрядам.

Образование и квалификацию (как статусные характеристики) можно рассматривать: 1) как основу повышения статуса; 2) как возможность завершения учебы в престижных (общепризнанных, авторитетных, ведущих) учебных заведениях; 3) как обладание профессиональными навыками, умениями, которые под-

тверждены опытом. То, что образование и квалификация являются характеристикой статуса, говорит тот факт, что в течение длительного исторического периода труд людей, обладавших образованием, как правило, выше оплачивался, открывал доступ к более высокому социальному положению и к общественным благам, привилегиям, почестям и главное — появлялась возможность приобщиться к функциям управления, что всегда означало (прямо или косвенно) причастность к господствующим слоям общества.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что *статус является ведущим дифференцирующим признаком, лежащим в основе социального неравенства и показателем различного социального веса*. Статус не является неизменной величиной: он может существенно, а иногда радикально изменяться, но не по своей сути, а по тому, какие группы людей и при каких обстоятельствах изменяют свое социальное положение, место и роль в общественной жизни.

Важнейшим показателем социальной стратификации выступает *социальный престиж*, который носит ярко выраженный субъективный оттенок и выражается в оценке, которую дает общество статусу личности, в первую очередь, профессиональному. Престиж как бы встроен в социальный статус: добиваясь его, индивид вместе с ним получает и соответствующее этому месту влияние, почет, привилегии и даже соответствующие символы, а также уважение, чувство достоинство (Л. Уорнер, 1943). Для оценки социального престижа в каждом обществе имеются определенные шкалы, различающиеся набором, степенью дифференцированности и спецификой ценностей. Существует множество видов вознаграждений, которые открывают человеку более комфортные условия существования и возможности для удовлетворения его склонностей и устремлений.

Социальный престиж является инструментом общественного мнения, при

помощи которого повышаются или понижаются роль и место человека (группы) в обществе. Социальный престиж является инструментом общественного мнения, при помощи которого повышаются или понижаются роль и место человека (группы) в обществе. Социальный престиж может рассматриваться и как функция системы общественных ценностей. Есть поощряемые и отвергаемые ценности, основные и вспомогательные, авангардные и традиционные, нейтральные и активные (пассивные). От доступа человека к этим ценностям зависит престиж его положения в обществе. В том случае, когда человек не может ими располагать, он занимает позицию *пафоса* (О. Кармадонов, 2000), т.е. искусственно созданного в своем воображении компенсаторского принципа. Но есть и другая сторона роли ценностей в формировании социального статуса: от того, какие именно ценностные ориентации реализует (или по крайней мере провозглашает) человек, группа, слой, общность, зависит и отношение общества к ним. От того, каких из них будет придерживаться социальный субъект, зависит его социальный престиж. Но именно в силу вербального (а не поведенческого) значения провозглашенных ориентаций, эта ситуация подвергается манипулированию, ибо она сориентирована на закрепление того, что есть, а не на то, что ожидает общество. Еще одна проблемная ситуация в функционировании социального престижа заключается в том, что она нередко формирует социальную исключительность, что почти автоматически ставит человека или группу в конфронтующие (явные и неявные) отношения с обществом, что особенно проявилось в позиции правых сил в России в 1990—2000-е гг. Социальный престиж тесно связан с понятием социальной репутации (М. Вебер), проявляет себя в иллюзорной (роль случайного ресторанный посетителя или игорного клуба) позиции. Социальный статус мо-

жет быть навязанным (проблема подставы в судебных процессах). Социальный статус включает в себя и *социальные роли*, под которыми понимается реальное и ожидаемое поведение человека в соответствии с его социальным положением, должностью, профессией и местом в обществе. Совокупность ролей называется ролевым набором. Роль отражает динамическую сторону стратификации, является ее функцией. Роли подразделяются на *формальные* (согласно предписаниям) и *неформальные* (поведенческие, которые складываются в определенной среде). Роли могут ранжироваться и в соответствии с этим определяется их вознаграждение, которое всегда осуществляется дифференцированно. Т. Парсонс предложил описывать роли по пяти основным свойствам: эмоциональность, способ ее получения (предписанный или приобретенный), масштаб (сфокусированный или диффузный), степень формализации (жесткий или нет), мотивация (личное или общественное благо). Согласно этому подходу, любая роль характеризуется некоторой комбинацией свойств, которые влияют на социальный престиж.

На престиж влияют предписанные статусы, которые характеризуют происхождение человека, принадлежность к признанному и признаваемому характеристикам, что дает человеку некоторую фору по сравнению с другими (принадлежность к знаменитому роду, семье, к этнической группе и т.д.).

Немалую роль в характеристике социального престижа занимает (само)оценка человека, которая не всегда коррелирует со статистической информацией о нем, о социальной группе, слое, общности.

Таким образом, социальная стратификация — качественная характеристика, во многом обладающая не только объективными, но и субъективными характеристиками. В каждом конкретном случае различные индивиды, группы, классы и общности занимают неравное положе-

ние, выше или ниже других, что выражается в социальном неравенстве. Это значит, что одни обладают большим богатством, властью, имеют ряд преимуществ и привилегий перед другими. Все это позволяет сделать вывод, что социальная структура превращается в социальную стратификацию — совокупность расположенных в вертикальном иерархическом порядке социальных образований (групп, классов, каст, сословий и т.д.).

Современные российские исследователи З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, Е.Д. Игитхянян, В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, М.Н. Руткевич рассматривают социальную стратификацию как структурное неравенство в контексте маргинализации общества, с позиций властных отношений в обществе, как развитие классовой модели. Особое внимание уделяется выделению тех видов социальной стратификации, которые позволяют наиболее эффективно описывать то или иное общество. Так, по мнению В.В. Радаева и О.И. Шкаратана, основными типами стратификационных систем являются: *физико-генетическая система* (этническое, демографическое неравенство), *рабовладельческая система* (военно-юридическое неравенство), *кастовая система* (этнически религиозное неравенство), *сословная система* (неравенство в обязанностях перед государством), *профессиональная система* (неравенство в содержании и условиях труда), *классовая система* (экономическое неравенство, в том числе отношения эксплуатации), *этакратическая система* (неравенство в положении во властно-государственных иерархиях), *культурно-нормативная система* (неравенство в отношениях уважения и престижа), *культурно-символическая система* (неравенство в доступе к социально значимой информации). При этом в каждом обществе возможно наличие сразу нескольких стратификационных систем.

З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитхянян рассматривают социальную структуру с точки

зрения процессов социальной интеграции и дезинтеграции, согласия и конфликта. Они полагают, что общество как социальная система расчленено на подсистемы и элементы. При этом, поскольку общество находится в процессе непрерывного развития, одновременно происходят два противоположных процесса — интеграция и дезинтеграция общества.

Таким образом, социальная стратификация — это качественная характеристика социального расслоения, обладающая как объективными, так и субъективными свойствами. В каждом конкретном случае различные индивиды, группы и общности занимают неравное положение относительно друг друга, и такое социальное неравенство имеет устойчивый характер. Это означает, что одни обладают большей властью, обеспеченностью, привилегиями, чем другие. Все это позволяет сделать вывод о том, что социальная структура превращается в социальную стратификацию — совокупность расположенных в иерархическом порядке социальных образований (групп, общностей, каст, сословий и т.д.).

Основная литература

Волков Ю.Г. и др. Социология. Гл. «Социальная стратификация». М., 2000.

Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность / Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

Тощенко Ж.Т. Социология. Гл. «Социальная структура». М., 2005.

Дополнительная литература

Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. Т. 1. 1992. № 1.
Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С. 147—156.

Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // СОЦИС. 2001. № 8. С. 3—11.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2003.

Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М., 2003.

А.В. Стрельникова,
Ж.Т. Тощенко

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Социальная мобильность — перемещение человека внутри социального пространства (П.А. Сорокин). В условиях, когда общественные отношения изменяют социальное положение человека, очевидно, что вся социальная структура испытывает на себе их прямое и косвенное воздействие. Напряженность в социальной структуре общества нередко складывается под влиянием не только объективных тенденций развития, но и изменений, происходящих в общественном сознании, что проявляется в соответствующих установках и поведении людей.

Существуют два подхода к данной проблеме: первый предполагает рассмотрение мобильности в рамках социальной структуры как главного источника формирования классов и социальных страт. Чем выше уровень закрытости шансов мобильности в обществе как внутри поколения, так и между поколениями, тем легче происходит их формирование. Согласно второму подходу, размах мобильности, имеющий место в данном обществе, расценивается как показатель соотношения сил и распределения преимуществ в социальных отношениях и как специфический способ реализации общественных потребностей и социальной активности. Один из важных аспектов классовых и социальных конфликтов выражается в форме противостоящей стратегии закрытости. Так, обычно люди, занимающие высшие социальные позиции, стремятся их упрочить, прибегая при этом к различным формам манипуляций, направленных на закрытие доступа в свою среду представителей других классов, слоев и групп.

Существует *горизонтальная* и *вертикальная* мобильность. Первая связана с передвижениями человека в своей стране, а вторая раскрывает изменения между

стратами. Это может быть продвижение по стратификационной лестнице или, наоборот, «спуск» вниз или перемещение по горизонтали, без изменения социального положения или статуса. В этом смысле иногда говорят о *восходящей* и *нисходящей* мобильности.

Социальная мобильность может приобретать и такие формы, как *достигнутая* (когда человек, группа реализует свои цели, планы, замыслы) и *унаследованная* мобильность (когда доступ к тем или иным благам социального положения гарантируется происхождением, семейными и родственными традициями, обеспеченным экономическим статусом). Некоторые исследователи выделяют *управляемую* мобильность (через набор рабочей силы, через создание условий для получения образования и квалификации и т.д.) или *стихийную* мобильность. Она особенно наглядно проявляет себя в нерегулируемой миграции, в свободном перемещении людей из одной сферы труда в другую без определенных гарантий.

Для выявления сущности социальной мобильности используется анализ трех уровней. Первый уровень — *индивидуальная мобильность*. Она представляет собой межличностный уровень социальных отношений, касающийся отдельных личностей. Второй уровень — *межпозиционный* (*групповая мобильность*) — отражает структуру социальных отношений между социальными группами, слоями и общностями. Примером этого уровня может служить система связей в производственной организации. Третий уровень — *межклассовая* и *внутриклассовая мобильность* — отражает отношения между официально организованными и стихийно возникающими структурами в общественной жизни, которые определяют главные тенденции в перемещении значительных групп людей.

В социологии исследуются и специфические формы мобильности: *межпоколенная, внутрипоколенная, социально-географическая* (миграция), сезонная, маятниковая. К ним можно отнести также организованную (мобилизация рабочей силы, репатриация, реабилитация) и структурную мобильность (она имела место в условиях коренной ломки пропорций между отраслями народного хозяйства, что происходило в России в 1990—2000-е гг.).

Важным моментом в социальной мобильности является, по П.А. Сорокину, *каналы социальной циркуляции*. Эти каналы служат также механизмами социального тестирования, отбора и распределения индивидов внутри социальных страт. К данным механизмам можно отнести армию, церковь, школу, политические партии, семью, профессиональную организацию.

Чтобы общество процветало, социальная циркуляция должна соответствовать объективным тенденциям и субъективным устремлениям людей. Если институты в качестве тестирующих, отбирающих и распределительных механизмов имеют дефекты, то никакое социальное изменение не улучшит ситуацию. В конечном счете историю делают люди. Если они занимают положение, которому не соответствуют, не могут создать ничего ценного, но способны разрушить общество.

Социальная мобильность может быть выражена несколькими способами. В о п е р ы х, это *нормативное измерение*. Внешние, объективированные, принудительные для всех членов общества социальные требования и коллективные представления, указывают, *что должно быть*. Вслед за Дюркгеймом и функционалистами это можно истолковать как необходимую предпосылку реальных, конкретных действий людей. Такая стратегия объяснения социальной мобильности снискала себе большую популярность. Более того, в творчестве многих отечественных социологов она преобладала, ибо исходила из того, что так должно

быть: должны быть рабочий класс, колхозное крестьянство и социальная прослойка — народная интеллигенция. Реальная жизнь в XX в. оказалась гораздо сложнее и противоречивее, чем предлагаемая теория. Новые явления не укладывались в эту схему, отвергали изжившие себя представления. Но тем не менее, номативистский подход — так должно быть — в тех или иных вариантах сохраняет свою значимость и живучесть и до сих пор является мерой определения принадлежности людей к той или иной социальной группе.

В о - в т о р ы х, социальная мобильность трактуется с точки зрения *интеракционизма*, позиции которого нашли отражение в творчестве Г. Зиммеля, а в настоящее время — в исследованиях сторонников теории обмена и нового институционализма. Согласно этой точки зрения, интеракционная мобильность во много определяется тем, с кем и относительно кого члены общества предпринимают свои действия. Согласно этому подходу общество основывается на взаимодействии и взаимовлиянии индивидов и групп, которые имеют два аспекта — *форму и содержание*. Но содержание становится социальным только через формы взаимовлияния или обществления. Поэтому при данном подходе социолог призван заниматься формальными аспектами, что позволяет, абстрагируясь от содержания, проецировать «факты, которые мы считаем общественно-исторической реальностью, на плоскость чисто социального» (Г. Зиммель).

Интеракционистский подход позволил позднее сформулировать существенные положения современной социологии групп (больших и малых), ибо они обладают относительной самостоятельностью и существуют по своим собственным законам и относительно независимо как от индивидуальных носителей, так и от общества в целом. Именно на этой базе получили распространение иссле-

дования самых различных групп: по их величине, профессиональной принадлежности, месту жительства, по их включенности в общественную жизнь и т.д.

В - т р е т ь и х, еще один подход к определению социальной мобильности связан с исследованиями К. Маркса, М. Вебера и их последователей, которые в центр своего внимания поставили *анализ классового и социального расслоения* власти. В центре такого подхода утверждение, что деление общества на классы есть результат общественного разделения труда и формирования частнособственнических отношений (К. Маркс). Главный признак класса — отношение к средствам производства. Отношения собственности, отношение к средствам производства (владение или невладение) определяют роль классов в общественной организации труда (управляющие и управляемые), в системе власти (господствующие и подчиненные), их благосостояние (богатые и бедные). Борьба служит движущей силой общественного развития (В.И. Ленин). Причастность к обладанию властными отношениями (господствующие и подчиненные) также выступает одним из важнейших показателей социальной мобильности (М. Вебер).

Социально-классовому анализу социальной мобильности подвергаются два класса: класс собственников и класс, лишенный собственности на средства производства. Но уже в начале XX в. узость такого подхода стала очевидной. Было отмечено, что не только экономические критерии — относящиеся к собственности и уровень доходов, — но и принадлежность к определенным политическим кругам, социальный престиж и другие факторы определяют место индивидов и групп и служат основой для их перемещения в социальной иерархии. Более того, само общество в наиболее развитых странах во второй половине XX в. из стадии индустриального перешло в ста-

дию постиндустриального. В результате отношения собственности оказались в значительной степени размытыми, потеряли существовавшую определенность.

Социальная мобильность стала во все большей мере связываться с интересами, с доступом к общественным благам: к богатству, власти, престижу, знаниям и т.п. Специфическое и для многих исследователей особенно поразительное свойство такого измерения структуры состоит в том, что логически оно неизбежно выявляет иерархическое неравенство между людьми, порождающее социальные конфликты. Значение явлений неравенства и конфликтности в общественной жизни проявилось в том, что для многих социологов (особенно тех, которые сознательно связывают себя с марксистской или веберовской традициями) изучение структуры общества стало отождествляться с изучением социального неравенства.

На этой основе получили развитие различные теории социальной дифференциации, социального расслоения, которые дали прирост достаточно значительного количества концепций, привнесших новые теоретические обобщения и выводы прикладного значения.

Н а к о н е ц, получила распространение точка зрения, идущая от феноменов (А. Шюц и др.). *Социальная мобильность трактуется ими при помощи идеального измерения*: через оценку совокупности идей, убеждений, взглядов, мнений, суждений, т.е. всего того, что характеризует состояние и тенденции развития общественного сознания и самосознания. В отличие от норм и ценностей, эти изменения не обладают принудительной силой, но являются ориентирующими, устанавливающими. Все компоненты общественного сознания, независимо от того, истинны они или ложны, создают специфический для данного общества мыслительный горизонт, влияющий на совершаемые людьми перемещения. Особое значение имеют здесь убежде-

ния, установки, касающиеся общества, в котором живет человек и собственно-го места в нем.

Однако эти подходы не исчерпывают всех интерпретаций социальной мобильности и не всегда коррелируют с тем, что происходит в реальной жизни. Каждый из этих подходов имеет свои ограничения, которые не дают возможность учесть все богатство нитей, связывающих людей как на макро-, так и на мезо- и микроуровнях и перемещениях их между ними.

Таким образом, *социальная мобильность* — это механизм равновекторных перемещений личностей, социальных групп, слоев, общностей и других элементов социальной структуры, который может протекать в различных формах и который может выступать характеристикой для оценки уровня и степени стабильности общества и его устойчивого развития.

Основная литература

Руткевич М.Н. Мобильность социальная / Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 412.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность. М., 1992.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социальная структура».

Черныш М.В. Социальная мобильность / Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 457—458.

Дополнительная литература

Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XIX века. М., 1997.

Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения. М., 1970.

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества: Пер. с англ. М., 2000.

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Ульямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

Ж.Т. Тощенко

Социализация

В конце XIX в. в классической работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм (1858—1917) осуществил анализ причин усиления и (или) ослабления социальной солидарности в современном обществе. В основе его методологии два принципиальных положения: общество — особая реальность, стоящая над индивидами и осуществляющая контроль над их действиями. Своеобразное понимание *Homo duplex* (человека двойственного), согласно которому импульсивную человеческую природу нужно сдерживать и контролировать силами общественной морали и угрозой наказания. Так возникла концепция Дюркгейма о социализирующей роли общества, которое в процессе социализации включает все новые и новые поколения человеческих существ, асоциальных к моменту рождения, в сферу социальной жизни.

В XX в. практически все социологические школы и направления в той или

иной мере участвовали в создании теории социализации, выработав собственное понимание данной проблемы.

3. Фрейд (1856—1939) одним из первых выделил механизмы социализации ребенка, к которым относятся: подтверждение — исключение, запрещение, замещение (подстановка), имитация и идентификация. Он подчеркивал решающую роль раннего детского опыта в развитии личности и значение отношений с родителями, с помощью которых культурные ценности конструируются в личности. По Фрейду, основным в процессе социализации являются стадии психосексуального развития, при котором происходит «развертывание» врожденных свойств человека, но в конфликте с требованиями общества. Фрейд считал, что социализация ограничивается первыми 5—6 годами жизни, что вместе с его отрицанием позитивной роли социального окруже-

ния критиковалось более поздними исследованиями. Действительно, сложно согласиться с тем, что мы усваиваем окружающую нас действительность лишь в детстве, когда во взрослой жизни нас окружают уже другие люди, мы живем совершенно в других условиях.

Учение Ж. Пиаже (1896—1980), сохраняя идею различных стадий в развитии личности, существенно отличается от фрейдовского подхода. Он делает акцент на развитии когнитивных структур индивида и их последующей перестройке в зависимости от опыта и социального взаимодействия, которые играют решающую роль в переходе от одной стадии развития к другой. При этом он указывает на преемственность и взаимосвязь каждой стадии развития с предыдущими. В качестве механизмов Ж. Пиаже выделяет ассимиляцию и аккомодацию. По Пиаже, поведение управляется образцами когнитивных структур, называемых схемами. Пиаже подчеркивал активную роль субъекта в этих ключевых процессах социализации. Ребенок усваивает новый опыт, используя существующие схемы, и приспособливает когнитивные структуры к новому опыту с помощью механизма «равновесия».

Точка зрения Ж. Пиаже о значимости социального взаимодействия при освоении ролей близка взглядам ранних представителей символического интеракционизма Дж. Мида (1863—1931) и Дж. Кули. По Миду, «я» состоит из двух компонентов — «я» (индивид, активное существо) и «меня» (представление индивида о себе). Единство «я» обеспечивает «генерализованный другой» в процессе социального взаимодействия. Восприятие установок общества и ролей, как других индивидов, так и генерализованного другого, основа процесса социализации. Дж. Мид подчеркивал активную роль индивида в процессе его социализации и значения отношений со сверстниками как средства формирования

принципиальной, самостоятельной и способной к сотрудничеству личности.

Т. Парсонс (1902—1979) и Р. Бейлз применяли понятия, введенные Фрейдом, к теории социального действия и социальных систем. Они определяют, например, имитацию как процесс, с помощью которого вследствие взаимодействия с социальным объектом усваиваются специфические элементы культуры, особые знания, умения, символическое поведение. Идентификация же для них означает интернализацию ценностей модели и представляет собой процесс социального научения.

М. Мид (1901—1978) и Р. Бенедикт (1887—1948) исследовали процессы социализации в обществах, находящихся на различных стадиях общественного развития. Они указывали на значимость для индивида переходов от одной стадии жизненного цикла к другой, и от одного статуса к другому, в частности переходов от детства к отрочеству и от него к зрелости. Они исследовали способы влияния культуры данного общества на характер и результаты жизненных изменений (переходов). Мид и Бенедикт подчеркивали, что переходными моментами являются не только отрочество, но и зрелость (родительство), старость и весь жизненный цикл.

Эти взгляды являются основой многих современных теорий жизненных циклов семьи и индивида. Каждому из таких циклов соответствует свой этап социализации. Так, теория непрерывности социализации, неизбежности кризисов идентификации на разных возрастных этапах жизни человека возникает у Эриксона на основе практики психоанализа. В отличие от Фрейда, Э. Эриксон сделал акцент на воздействии социальных отношений, культуры на личность. Он раскрывает противоречия, свойственные тому или иному возрасту и формулирует специфические задачи, которые могут решаться благоприятно или неблагоприятно.

гоприятно с точки зрения будущего развития человека. Э. Эриксон выделяет восемь стадий жизненного пути (они будут рассмотрены далее), доказывая тем самым непрерывность процесса социализации в жизни каждого человека.

Говоря о сути и содержании социализации, следует отметить, что природой предусмотрена только ее возможность: сам же процесс начинается с некоторого условного момента, когда осуществляется коренной переход из одной области бытия в другую, из возможности в реальность. Можно считать этим Рубиконом момент рождения ребенка, включения его в социальную среду. Но если есть точка отсчета, то имеются и некоторые этапы прохождения процесса. Некая точка разворачивается в нечто. Различают *детскую (первичную) социализацию* как период постижения норм и ценностей, принятых в данной социальной среде, и *взрослую (вторичную)* как период подражания, внешнее принятие той или иной социальной роли. Естественно, имеется и конечный результат, прекращение социализации, которая оканчивается нередко задолго до естественной старости и физической смерти. Данная схема процесса социализации в принципе верная, далека от адекватного описания сложности его структуры, характера и предназначения социализации. Дело в том, что процесс социализации не может быть полностью понят только в рамках пространственно-временного континуума, как часто пытаются это сделать. И хотя социализация, безусловно, осуществляется в рамках и на основе некоей физической структуры, протекает во времени и осуществляется в пространстве, тем не менее природа своеобразна, специфична, так же, как и законы действия. Пристальный анализ показывает, что социализация имеет сложную природу, разнообразные виды и формы. Так, существует *неполная и частичная социализация*, кроме того, *односторонняя, акту-*

альная и неактуальная социализация, неадекватная, быстрая и медленная, ограниченная и бесконечная социализация. И наконец, *затухающая и развивающаяся социализация*, существует и ее порог. Порогом, а не этапом и не формой, мы называем момент, после которого начинаются принципиально иные и практически необратимые процессы социализации.

Полная социализация означает: из всего объема знания и культуры данной социальной группы или окружения ребенок и взрослый человек усваивают тот объем, который им необходим для решения своих задач в соответствии с нормами общества. Социальная группа, например, может иметь высокий уровень *профессиональной социализации*, содержащий различные профессиональные знания. Но для каждого отдельного ее представителя достаточно в полном объеме овладеть одной профессией или несколькими, чтобы быть полностью социализированным. Иными словами, полная социализация — это полное соответствие требованиям своей социальной группы и успешное выполнение тех функций, которые ставит данное социальное сообщество перед каждым своим членом. Только в этом случае он становится полноценным членом данной группы. В равной степени это касается его физического, психологического и интеллектуально-го развития.

Неполная социализация свидетельствует, что человек из всего необходимого объема знаний и культуры овладел только их частью. Чтобы быть полноценным членом данной социальной группы, он должен обладать всем необходимым набором знаний и умений, и даже таким знанием, которое вроде бы и не относится прямо к сфере его профессиональных знаний. Подчеркнем, необходимым объемом, а не всем объемом знаний, которым обладает данная социальная группа, поскольку это просто невозмож-

но и надобности в этом нет. То, что он не владеет необходимым объемом знаний, автоматически ставит его в положение человека, не полностью социализированного. Человек в этом случае становится как бы не таким, как все, поскольку не может успешно решить те задачи, которые ставит перед ним общество, он превращается в неполноценного, второстепенного члена общества. Неполная социализация может привести человека к такому состоянию, когда он окажется даже вне данного социального сообщества.

Частичная социализация означает, что из необходимого и достаточного объема знаний и культуры человек овладел только какой-то его частью. Так, не имея фундаментальных знаний (институтских), в ряде профессий очень трудно работать, хотя можно быть и неплохим специалистом. Ребенок, который воспитывается в замкнутой на самой себе семье, овладевает не полным объемом, а только частью тех знаний и культуры, которыми обладает социальная общность, включающая данную семью. Понятно, что такому ребенку после выхода за рамки семьи будет очень трудно адаптироваться в жизни. То же можно сказать о вундеркиндах: одностороннее развитие, пусть даже в области математики, делает их практически частично социализированными и недееспособными во всех остальных областях жизни. Близка к частичной социализации так называемая односторонняя социализация. В этом случае в полном и даже сверх того объеме социализирован какой-то один участок жизни человека. Так, сельские жители, впрочем, как и городские, имеют одностороннюю социализацию, как и дети родителей, которые профессионально занимаются тем или иным видом деятельности.

При *актуальной социализации* объем и содержание социального знания и культуры полностью соответствуют тем, которые присущи той или иной социаль-

ной группе. Однако актуальная социализация позволяет решать первоочередные задачи, стоящие перед обществом и любым социальным окружением в данный момент, т.е. решать, так сказать, оперативные задачи, находящиеся, образно говоря, на переднем фронте взаимодействия с окружающим миром. Социализация может быть неактуальной, но полной. Например, человек может быть хорошо социализирован, но со временем его социализация все больше расходится с требованиями общества и становится все менее актуальной. Очень хорошо это можно продемонстрировать на примере великих писателей. Лев Толстой, прожив долгую жизнь, в своих поздних произведениях воспроизводил время середины XIX в. словно не замечал происходящих перемен. М. Горький практически не написал ни одного произведения, посвященного советскому времени. Их произведения не были актуализированы для нового времени, хотя они были полностью социализированными людьми. Таких примеров можно привести много, и не только из жизни писателей. Никто из нас не может утверждать, что его социализация актуальна и полностью соответствует своему времени и месту. Жизнь настолько быстро меняется, что она в любой сколько угодно малый отрезок времени уже другая. Особенностью же социализации является то, что, как правило, она консервативна и отражает уже прошлое знание. В силу консерватизма социализация всегда несколько отстает от актуальных потребностей времени и жизни. И только немногие люди умеют так актуализировать свои знания, что это дает им возможность решать самые насущные проблемы. Обычно такие люди достигают больших успехов в политике, бизнесе.

Для мира ученых более характерна так называемая *адекватная социализация*. Для ученого не так важно, насколько его представления о мире актуальны, т.е. пол-

ностью соответствуют насущным задачам выживания, сколько адекватность его представлений исследуемым процессам. Это только один пример. Человек может быть полностью социализирован для своей социальной группы, но его представления наверняка окажутся в большей или меньшей степени неадекватны в другой социальной группе, хотя он вполне может там существовать. Адекватность — это полное соответствие имеющихся у человека представлений и поведения тем реальным объективным процессам, которые его окружают. Адекватная социализация позволяет каждый раз иметь те представления и совершать те поступки, которые полностью или в большой степени соответствуют реальным процессам.

Непрерывная социализация в принципе существует всегда, хотя на практике и возможны различные исключения. Во всяком случае, природа сохраняет такую возможность. Например, если человек способен в преклонном возрасте воспринимать новый объем знаний, имеет свежий ум и быстро реагирует на изменения внешней ситуации, принимает правильные и адекватные решения, способен быстро воспринимать новый вид культуры и знания, принять их как свои собственные, а не просто подстроиться под них и т.д., то все это можно назвать бесконечной социализацией. Однако такие случаи редки и связаны они прежде всего с так называемым порогом социализации.

Рассматривая вопрос о непрерывности социализации, необходимо сказать о концепции Э.Г. Эриксона, который социализацию рассматривает как постоянный рост, как процесс, который длится всю жизнь. Эриксон одним из первых выделил стадии социализации. Он увидел в жизненном пути фазы, повторяющиеся в развитии любого индивида, сформулировал задачи, решаемые на каждом из таких этапов. Эриксон анализирует противоречия, характерные тому или иному возрасту. Он выделил восемь стадий социализации человека.

Первая стадия — младенчество (1—2 года). Основная задача — выработка бессознательного чувства базового доверия к внешнему миру.

Вторая стадия — раннее детство (2—3 года). Проявляется стремление детей к самостоятельности, автономии. Рост самостоятельности, начиная с регулирования своих телесных отпращиваний, обеспечивает ребенку возможность достижения равновесия с окружающим миром. Это основная задача второй фазы.

Третья стадия — возраст игры (4—5 лет). Проявляется любознательность, работа фантазии, инициатива, дух соперничества, осознание различий между мальчиками и девочками. Основная задача — создание основы чувства справедливости, которое понимается как следование правилам (пока игры).

Четвертая стадия — младший школьный возраст (6—11 лет). Дети учатся выполнять индивидуальные задания, например, читать, работать сообща. Проявляется интерес к реальным жизненным ролям. Основная задача — не фиксировать внимание на неудачах, способствовать формированию уверенности в себе, в усвоении подлинной роли взрослых.

Пятая стадия — 12—18 лет. Человек созревает физически и психически, вступает в период половой зрелости. Происходит становление индивидуальности.

Шестая стадия — начало взрослого периода, зрелости, семейной жизни, включение в трудовую деятельность. На этой стадии большое значение приобретает интимность отношений. Основной конфликт этого периода — между интимностью, близостью и одиночеством.

Седьмая стадия — зрелый средний возраст. Содержание этой фазы, как считает автор, состоит в творческой деятельности и сопровождающем ее чувстве продуктивности, которое реализу-

ется в производительном труде, заботе о близких, желании транслировать свой опыт. Проявляется также интерес к человечеству. Становится ясным, насколько успешно человек себя реализует, что дает обществу, как преодолевает неудачи. Чаще всего именно на этой фазе возможна наиболее полная самореализация человека. При негативном варианте, если человек не включается в творческую деятельность, доминирующими становятся чувства стагнации и застоя. Этот кризис в развитии человека Э. Эриксона обозначает как противоречие между общечеловечностью и самопоглощенностью.

Восьмая стадия — старость. Люди подводят итоги своей жизни. Эриксон определяет кризис пожилого возраста и старости как противоречие

между цельностью и безнадежностью, умиротворением и отчаянием.

Временные стадии, выделенные Э. Эриксоном, во многом условны. Взрослые могут вести себя как дети, а дети могут отличаться чертами взрослости. Для нормального процесса социализации необходимо, чтобы на каждом этапе жизненного пути решалась основная задача.

Ясно, что схема восьми стадий социализации человека Э. Эриксона требует уточнения и в связи с огромными изменениями в развитии общества за последние полвека, и в связи с необходимостью разработки реальных программ социальной и психологической помощи.

Анализ существующих определений социализации позволяет составить их характеристику, которая приводится в таблице.

Характеристика ведущих концепций социализации

<i>Концепция социализации</i>	<i>Автор</i>	<i>Ведущие идеи</i>	<i>Средства социализации</i>	<i>Ключевые понятия (термины)</i>
1	2	3	4	5
Интеракционистская	Т. Шибутани	«Личность социализована... когда она согласованных действиях на основе конвенциональных норм.» Человеческое общество лучше всего рассматривать как коммуникативный процесс; это система возвратных реакций.» «Люди развивают... способность исполнять различные социальные роли... в процессе социального взаимодействия» (Т. Шибутани)	Межличностное (диалоговое общение): усвоение индивидом социальных норм в процессе интеракций	Коммуникативный, символическое окружение, система возвратных реакций
Психоаналитическая	И.С. Кон	«...Социализация наряду с воспитанием включает в себя и ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря чему индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом общества.» «Переход от детства к взрослости характеризуется увеличением числа и расширением диапазона фактически доступных или нормативно обязательных для индивида данного возраста социальных ролей» (И.С. Кон)	Самосознание: усвоение некоторой системы жизненно необходимых социальных ролей прежде всего благодаря активности личности	Диапазон социальных ролей, непланируемые факторы, ненамеренные (спонтанные) воздействия

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Культурологическая	А.В. Мудрик	Социализация «развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах» (А.В. Мудрик)	Трансляция культуры, творчество, развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры	Развитие, самоизменение, творчество

Таким образом, *социализация* — это процесс становления и развития личности, основанный на усвоении, принятии, понимании и осознании индивидом на протяжении всей жизни определенных образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и культурных ценностей, способствующих вхождению человека в социальную жизнь и успешному функционированию в ней.

Основная литература

Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983.
Социологический энциклопедический словарь: рус., англ., нем., фр. и чешск. яз. / Под. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

Социологический энциклопедический словарь. М., 1995.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Глава «Социология молодежи».

Дополнительная литература

Артемьев А.И. Социология личности. 2-е изд. М., 2001.

Гидденс Э. Социология, М., 2005.

Кон И.С. Открытие «Я». М., 1977.

Культурно-исторический подход и исследование процессов социализации // Материалы чтений памяти Л.С. Выготского. М., 2005.

Налчаджян А.А. Социально психическая адаптация личности (формы, механизмы, стратегии). Ереван, 1988.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

Д.А. Швайбман

Социальное изменение

Под социальными изменениями понимаются преобразования, происходящие с течением времени в структуре общества, в мышлении, культуре и социальном поведении людей.

Социальные изменения фиксируются как результаты каких-либо общественных процессов, если определены отличия в различные временные моменты одной и той же системы, одного и того же наблюдаемого социального объекта, например конкретной социальной группы — молодежи, конкретной организации — службы занятости, или конкретно общества — государства. Изменения —

это различия между тем, что представлял объект в прошлом, и тем, что стало с ним через определенный период времени.

Наряду с реально протекающими процессами и происходящими изменениями, в человеческом сознании происходят процессы осмысления, оценки, переоценки и интерпретации событий. Человеческому сознанию свойственно постоянно переоценивать случившееся, обобщать опыт и конструировать в сознании людей образы новой идеальной или лучшей социальной реальности.

Оригинальные концепции социальных изменений были предложены С. Ваго,

Э. Валлерстайном, Н. Смелзером. Социальные изменения могут протекать в следующих основных формах: революция, эволюция, кризис, модернизация, функциональные изменения.

Революция представляет собой фундаментальные социально-экономические и политические изменения, осуществляемые, как правило, насильственным путем. Революционными также называют быстрые и радикальные изменения, происходящие в отдельных сферах (подсистемах) общества, довольно часто с использованием жестких административных методов принуждения, например, промышленная революция или научно-техническая революция и др.

Революция приходит в результате *кризиса*: когда складывается такое переходное состояние социальной системы, которое предполагает радикальные изменения для решения актуальных, злободневных проблем развития общества.

Под *модернизацией* чаще всего понимаются прогрессивные социальные изменения, в результате которых социальная система (подсистема) улучшает параметры своего функционирования: глобализация, индустриализация, урбанизация, инновация. Модернизация в современном звучании означает достижение определенных мировых стандартов или современного уровня развития.

Функциональные изменения служат адаптации (приспособлению) социального объекта к меняющимся условиям окружающей среды (природной и социальной) и внутренним потребностям социальной системы. В задачу функциональных изменений не входят радикальные реформы, предполагающие полные качественные структурные преобразования.

Эволюция чаще всего выступает в виде *реформ*. Под реформами обычно понимают постепенные, эволюционные изменения, не приводящие к массовому насилию, быстрой смене политических элит, быстрым и радикальным изменени-

ям в социальной структуре и ценностных ориентациях. Это — целенаправленное преобразование, изменения, пререустройства какой-либо стороны общественной жизни или всей социальной системы. Реформы, как правило, проводятся «сверху» с помощью проектов, программ, законодательных актов и направлены на качественное изменение существующей системы. Они в отличие от модернизаций имеют локальный характер, проводятся на определенной территории, в точно обозначенной сфере жизни, например реформы высшей школы.

Социальные изменения (реальные или потенциальные) ставят людей перед новыми ситуациями и побуждают их выработать новые формы деятельности — социальные прогнозы, социальные проекты, социальные планы.

Изменения в поведении людей, а также в культуре и структуре нашего общества вызывают взаимодействие множества факторов, которые необходимо знать и учитывать при социальном проектировании. Социологи выделяют ряд особо важных факторов изменений, воздействие которых различается в зависимости от ситуации, времени и места:

- состояние общественной среды;
- изменения в численности, структуре и распределении народонаселения;
- наличие конфликтов и кризисов в обществе;
- наличие технических и социальных инноваций (нововведений) для реализации задуманного.

Основная литература

Кирдина С.Г. Социальные изменения // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 480—483.

Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль. М., 1996.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Дополнительная литература

Лапин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование в обществе. М., 1999.

С.Н. Майорова-Щеглова

Социальные конфликты

Многие проблемные ситуации в жизнедеятельности мирового сообщества, государств, социальных общностей и групп осмысливаются в понятиях, сформулированных еще древними греками или римлянами. Вместе с латинским словом *conflictus* (столкновение) в словесный арсенал науки вошло представление о социальном противоборстве, столкновении в сфере политических и социальных отношений. Конфликты ведомы человечеству с незапамятных пор и являются неотъемлемыми реалиями любого социально структурированного общества.

Осмысление конфликтов, возникновение научных теорий и оформление нового научного знания — конфликтологии связано с социально-политической историей, развития мира в XX в. В ходе нового миростроительства множество социально-политических систем, государств столкнулись с такими глобальными проблемами, как передел «поделенного» мира. Все это вызвало противостояние множества социальных и политических интересов, распад колониальной системы, возникновение новых политико-идеологических образований. Именно в это время выяснилось, что прежние научные теории и методы анализа общества недостаточны. Они оказались не в состоянии решать новые проблемы, явившиеся следствием резкой трансформации международной безопасности, столкновений социально-политических систем и дисбаланса социального и политического взаимодействия как на макросоци-

альном, так и на микросоциальном уровнях жизнедеятельности.

В познании социального конфликта в социологии сформировалось несколько подходов. Истоки первой традиции в *структурном функционализме* и *социологии социального действия* (Т. Парсонса), трактующие конфликт как элемент социальной патологии, отклонение от нормы, однозначно негативное и деструктивное начало (и на межличностном, и на межгрупповом уровнях). Идеальная социальная конструкция общества в представлении Т. Парсонса основана на сотрудничестве и интеграции, а само общество является устойчивой и стабильной, хорошо интегрированной структурой, каждый элемент и функция которой несет свой вклад в поддержку устойчивости системы. Функционирование социальной системы основано на ценностях консенсуса, обеспечивающего стабильность и социально-политическую интеграцию. И хотя развитие конфликтологии принято относить к послевоенной поре, после Второй мировой войны, зачатки социологии конфликта прослеживаются в социал-дарвинистских идеях Л. Гумпловича, Г. Ратценгофера, У. Самнера, А. Смолла и социально-психологических воззрениях Г. Лебона, К. Зиммеля и Г. Шпета. Социал-дарвинизм имеет два варианта теоретического осмысления конфликта. Первый — пессимистический вариант — рассматривает конфликт как неизбежное и неуничтожимое зло (мол, сколько бы люди не существовали, в какую форму

не объединяли свои действия, всегда им присущи межгрупповая вражда и конфликтные отношения). Второй вариант — оптимистический, где конфликт рассматривается как проявление искусственного отбора, в котором должен победить сильнейший в социальном смысле, поскольку победа слабейшего ведет к деградации социального организма, к ситуации когда начинает работать не естественный, а противоестественный отбор.

По-иному трактует конфликт марксизм. В марксизме конфликт рассматривается как безусловно позитивная сила, как движущий источник социального развития (революция — локомотив истории). Однако догматический марксизм оперировал чаще предельно абстрактными понятиями (единство и борьба противоположностей, антагонистические и не антагонистические противоречия и т.п.). При этом возможность толкования об антагонистических противоречиях в социалистическом обществе допускалась лишь в отношении борьбы с внешним противником. Внутри системы все противоречия, в том числе и социальные, и политические, и межэтнические, должны были слить не антагонистическими, преодолеваясь легко на пути строительства идеального коммунистического общества. Само понятие социального конфликта в сфере социально-политических отношений было табуировано. Иллюзия бесконфликтности длилась до той поры, пока социальные, политические, этнополитические конфликты громогласно заявили о себе многотысячными митингами с требованиями гласности, демократизации, политических свобод, национально-культурного возрождения, суверенитета, реабилитации репрессированных народов. Толкуемые таким образом противоречия никоим образом не могли объяснить забастовки шахтеров Воркуты и Донбасса, политические требования рабочих польской «Солидарности», межэтнические

столкновения и этнические погромы турок-месхетинцев в Ферганской долине, армяно-азербайджанское противостояние по поводу Нагорного Карабаха, этнические чистки в Абхазии и Югославии. Равным образом невозможно было понять и такие явления, как этнополитический трайбализм в структурах социального и государственного управления в африканских и азиатских странах. Многие социальные и политические интересы, явления и процессы не разводили противоборствующих по разные стороны «баррикад» по признаку «эксплуататоры — эксплуатируемые», «капиталисты — рабочие».

Если обобщить имеющиеся идеи о конфликте, то можно сказать, что в политической социологии конфликт рассматривается в качестве органичного элемента социальной динамики. Социолог должен освоить не только теоретические концепции (методы, принципы исследований) и методiku (способы рационализации сбора и анализа информации), но и прикладные приемы (технологии) урегулирования, разрешения конфликтных ситуаций. Уже некоторые классические социологические ключевые определения конфликта дают основание судить и о сложной социальной природе межэтнического конфликта.

По Л. Козеру, конфликт — борьба за власть, ценности и ограниченные ресурсы с целью нейтрализовать, подавить противника, ослабить его дееспособность и в результате удовлетворить свои интересы. Г. Крисберг в своем определении исходит из нормативно-ценностного подхода, считая главной причиной социального конфликта *несовпадение целей и интересов людей или соответствующих социальных групп*. Основные постулаты теории социального конфликта Р. Дарендорфа гласят, что: 1) социальные изменения в обществе происходят постоянно, в каждой его точке; 2) каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом; 3) каждый

элемент в обществе вносит свой вклад в его дезинтеграцию и изменение; 4) каждое общество основано на том, что одни члены общества принуждают других к подчинению. Он ставил в качестве центрального вопроса вопрос о *доступности к распоряжению ресурсами* (природными, сырьевыми, людскими, что означает доступ к ресурсам власти и властных полномочий).

Если сравнить позиции Р. Дарендорфа с идеализмом социальной теории Т. Парсонса, основанной на представлении о гармоничном сотрудничестве, то эти две теории кажутся противоположными лишь на первый взгляд, ибо есть положительные и отрицательные изменения в обществе, которые приводят к конфликтам и возможной дезинтеграции. Но те же изменения могут вести через конфликт и урегулирование конфликта к сотрудничеству, новым интегративным процессам и установлению более гармоничных отношений. По определению современного американского конфликтолога Уильяма Ф. Линкольна, конфликт — это понимание, воображение или опасение хотя бы одной стороны того, что ее интересы нарушает, ущемляет или игнорирует другая сторона или стороны. И две, или несколько сторон готовы бороться за захват, подавление или уничтожение интересов соперников ради удовлетворения собственных интересов. В сущности, по У. Линкольну, конфликт — это конкуренция в удовлетворении интересов, фактически это столкновение и противоборство интересов.

Итак, даже по ключевым определениям конфликта прослеживаются его присутствие в политике и обществе. Можно ли при этом говорить об устранении социальных, политических, межэтнических, этнополитических конфликтов? Очевидно, что нет, даже с позиций здравого смысла. Социологу-конфликтологу можно и нужно лишь уметь разграничивать сферы, где конфликт надо предупреж-

дать, предлагать адекватные варианты его разрешения, но при этом помнить о том, что есть ситуации, когда конфликт возможно должным образом канализировать, раскрыть потенциал конфликтной диспозиции для последующего решения. Чтобы справиться с подобными задачами, необходимо иметь представление о социальной природе конфликта, методах и методиках политико-социологической, конфликтологической экспертизы и возможных стратегиях урегулирования крупномасштабных социальных и политических конфликтов.

Как известно, в социальных и политических конфликтах что-то одно или сразу многое становится предметом столкновения: территория, природно-сырьевые, энергетические, финансовые ресурсы, властные полномочия, резервы экономики, оборонный потенциал, культурно-языковые, демографические, экологические причины. Основаниями и факторами могут стать конфликты: этнокультурных ценностных ориентаций; идеологических концепций и доктрин («национального возрождения», «национальной исключительности» и «интернационально-тоталитарной идеологии»), конфессиональных воззрений в политико-идеологическом оформлении и многое другое.

Социальные и политические конфликты могут быть и следствием несовершенства социальных институтов, некомпетентности аппарата органов государственного и социального управления (и законодательных, и исполнительных органов власти на всех уровнях: федеральном, региональном, местного самоуправления). Конфликтогенным следствием переходного периода 1990-х гг. явилась незавершенность формирования гражданского общества, демократизации социально-политической жизнедеятельности, предполагающей последовательную деэтартизацию (разгосударствление) этничности, не декларативно-нормативного, а фактического равенства прав независимо от этнической

принадлежности. Политическая практика же, напротив, привела к тому, что на локальных территориях Российской Федерации укрепилось авторитарное правление этнократических элит. Социальные конфликты есть наиболее яркое проявление экономической нестабильности и резкого ухудшения уровня и качества жизни значительной части населения, в самых различных социальных группах. В многонациональном обществе неудовлетворенность населения уровнем жизнеобеспечения, ростом конкуренции на рынке труда и услуг в негосударственном секторе экономики почти неизбежно проецируется на этнонациональную почву, провоцируя на поиски врага в иноэтническом, инородческом облики.

Обратим внимание на трактовку понятий «противоречие» и «конфликт». Согласно американской традиции эти понятия отождествляются, идентифицируются. В европейской традиции конфликт рассматривается как особая специфическая форма противоречия, когда интересы противоборствующих сторон исключают возможность их эволюционного разрешения. С этой точки зрения конфликт — высшая форма противодействия, которая направлена на устранение, подавление противоборствующих сторон или на отказ от имеющихся претензий.

Реальные и потенциальные конфликты, проявляющиеся в социально-политической жизнедеятельности, можно типологизировать следующим образом: 1) *антагонистические* (по типу «пролетарии — капиталисты»); 2) *дисфункциональные* (сопровождающие распад социальной системы); 3) *аутентичные* (цель определена); 4) *неаутентичные* (конфликт как самоцель); 5) *экономические* (обеспечение доступа к ресурсам «контрольного пакета» для определенной группы); 6) *неформальные* (межличностные и межгрупповые конфликты, не оформленные идеологически); 7) *институционализированные* (цели и интересы поли-

тически обозначены, есть договоренность — на основе достигнутой социальной солидарности — о средствах их достижения); 8) *латентные* (используются ненормативные, неидеологизированные социально-психологические средства: ксенофобная лексика, стереотипы, социальные фобии, эмоции); 9) *манифестированные* (открыто провозглашенные); 10) *трансформирующиеся* (не разрешенные на исходной основе и перенесенные на другое «поле битвы», например на конституционное); 11) *заглушенные* (из-за боязни санкций); 12) *территориальные*; 13) *конфликты с экологическим контекстом* (выступления антиглобалистов, «зеленых»).

Социальные конфликты можно представить и во временной типологии: кратковременные и долговременные. Для осмысления социальных и политических конфликтов продуктивна типология классов конфликтов по В. Дружинину, Д. Конторову, М. Конторову: единство, симбиоз, коалиция, нейтралитет, нестрогое соперничество, строгое соперничество, антагонизм (данная классификация представляет действие-противодействие по отношению к социально-политическому взаимодействию).

Для социальной экспертизы, при подготовке рекомендаций по предупреждению и урегулированию на основе социологического мониторинга важно владеть методикой стадийного анализа конфликта, знать особенности стадий развития социального конфликта. Наиболее часто специалисты говорят о четырех значимых стадиях конфликта.

1. *Потенциальная, латентная, скрытая стадия* (интересы не осознаются достаточно четко, не заявлены гласно, отсутствуют массовые проявления конфликтного поведения).

2. *Стадия реально манифестированного конфликта* (обеспечивается процесс осмысления противоречий, позиций и интересов, все это широко манифестируется и транслируется в массовое сознание

пропагандой лидеров партий, СМИ. Таким образом расширяется социальная база, идет социально-политическая мобилизация, оформляются идеологические лозунги, программные требования.

3. *Стадия конфликтных действий* (социологи и социальные психологи фиксируют региональную специфику форм их проявления: от агрессивно-деликвентной до легитимных форм массового протеста);

4. *Стадия разрешения конфликта* (можно назвать ее «фазой усталости» — по Л.Н. Гумилеву, когда люди, вовлеченные в конфликт, хотят не успеха, а покоя, безопасности).

Есть в социологии конфликта давнее, но не потерявшее актуальности представление Ратценгофера о необходимости *превращения конфликта в процесс социализации*, подчиняющий эгоистические интересы группы социальному интересу. Добавим, что в интересах обеспечения социально-политической стабильности это всегда будет означать поиск баланса интересов личности, общностей, различных социальных институтов, групп общества и государства, требующий поиска ответа на вопрос, каким образом проявляется социальная природа конфликта и как научиться выводить людей и общества из состояния социально-политического противоборства?

Социальная природа конфликта проявляется особенно ярко в процессе приспособления к противоречивым социальным требованиям в аномических ситуациях, на фоне социальной депривации (обездоленности). Поэтому будущим социологам крайне важно познакомиться с теорией аномии и теорией социальной депривации, имеющими особое значение для политико-социологического анализа таких ситуаций, когда и отдельные личности и целые социальные группы включаются заново, в новых кризисных условиях, в социальную адаптацию. При этом, по Р. Мертону (1951), они избирают различные типы адапционного

социального поведения (различных по отношению к культурным целям и институциональным средствам: конформный (++)), инновационный (+ -), ритуальный (-+), консервативно-ретроградный (+ -), бунтарский (-+++).

Психологическая природа конфликта, требующая особого внимания социолога, проявляется в конфликте норм поведения: усиливается потенциал агрессивной фрустрации, причиной которого является пребывание целых групп в ситуации неопределенности, иррациональности субъектов конфликта, особенно увеличивающихся при неустойчивости макросоциальной системы, при незнании конкретных фактов. Поэтому такое значение приобретает знание способов актуализации и способов воздействия на массовое сознание, индивидуальное и групповое поведение в конфликте. Соответственно трем способам актуализации существуют и три способа позитивного воздействия на конфликт.

1. Посредством адекватного информационного обеспечения, но не путем цензуры, а плюрализма СМИ, имеющих независимые демократические источники объективной информации.

2. Путем формирования у конфликтующих сторон осознания подлинных, а не мнимых, подставных интересов, отказа от иллюзорных намерений и представлений.

3. Посредством воздействия на органы обеспечения национальной безопасности, государственного и социального управления в потенциально конфликтных регионах, путем предоставления адекватных социальным реалиям результатов объективной, научной экспертизы. Социологический анализ предполагает и особую значимость постоянного поиска ответов на вопрос о трудностях урегулирования конфликтов, которые возникают в следующих ситуациях:

- политические сообщества, политики отстаивают свое право на институционализацию, на самоопределе-

ние, одновременно отказывая в легитимности подобного права для других;

- переговорный процесс с обеих сторон представлен группами идеократии;
- отсутствуют авторитетные лидеры у противоборствующих сторон;
- конфликт отдан на «власть стихии», при частой смене лидеров под давлением охлократических требований, когда политическая культура нулевая, а идеологическая платформа заявлена лишь номинально;
- разрешение конфликта затруднено, если достигнутые соглашения необязательны для сторон — это путь дальнейшей эскалации конфликта, когда необходимо вмешательство третьей стороны — посредника.

Современное сообщество накопило определенный опыт разрешения крупномасштабных социальных конфликтов, обобщая который можно условно выделить следующие *модели урегулирования*.

1. *Экономическая модель* (свободные экономические зоны, особые режимы налогообложения, экономическое стимулирование инвестиционного участия для постконфликтной реабилитации зоны конфликта, юридическое определение прав собственности и освоения природных ресурсов на определенных резерватных территориях).

2. *Культурологический путь* (в максимальной реализации права на национально-культурную автономию, с привлечением позитивного зарубежного и отечественного опыта в 1920-е гг.).

3. *Социально-психологическая модель* рационализации конфликта, включающая нормы поведения (осуществление программ позитивных действий, психологической коррекции, создание центров социально-политического и межконфессионального согласия, повышение толерантности, проведение тренингов по изменению образов, имиджа, установок,

стереотипов, мотивации конфликтного поведения, распространение идей культуры мира в специальных образовательных и социально-психологических тренинговых программах в учебных заведениях, в том числе полицейских (МВД, ФСБ) и военных академий, в СМИ).

4. *Формализованная модель* разрешения конфликта с помощью теории игр используется для анализа локального социально-политического противостояния с малым количеством «игроков» — две, максимум три стороны конфликта.

5. *Политический путь урегулирования конфликта* (путем переговоров, референдумов, принятия политико-правовых решений о внесении изменений или дополнений по существующим формам и субъектам национально-государственного устройства, подготовка и проведение конституционной реформы; принятие договоров о разграничении полномочий, введение прямого президентского правления, принятие нормативных актов).

6. *Социально-гуманитарный путь* (с участием национальных и международных неправительственных организаций, акций народной дипломатии и посредничества, создание мониторинговой (информационно-аналитической) системы раннего предупреждения и урегулирования социальных конфликтов, участие в миротворческих акциях специалистов-экспертов и ученых-исследователей, распространение знаний по основам конфликтологии и технологии переговорного процесса среди конфликтующих сторон, создание гуманитарного кордона, социально-политических форумов для презентации деятельности гуманитарных миссий и неправительственных организаций, структур гражданского общества).

7. *Разрешение конфликта силовыми способами* (режим санкций, изменение социально-политической системы при участии внешних сил, проведение миротворческих и специальных полицейских операций, разведение противобор-

ствующих сторон и принуждение к миру, усиление контроля со стороны международных или национальных (федеральных) полицейских сил).

Основная литература

- Дмитриев А.В.* Социология конфликта. М., 1997.
Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2003. Гл. «Политический конфликт».
Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003. С. 485—487.
Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 303—312.

Дополнительная литература

- Аверьянов Л.Я.* Социальная напряженность / Социология: что она знает и может? М., 1993.
Артемьев Г.П. Политическая социология. СПб., 2002.

Давыдов А.А. Измерение социальной напряженности. М., 1992.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994.

Кудрявцев В.Н. Общая теория конфликта. М., 1993.
Липсет С.М. Консенсус и конфликты. Очерки по политической социологии. М., 1987.

Маликова Н.Р. Два полюса человеческого измерения межнационального конфликта: этнократы и беженцы / Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.

Мертон Р. Социальная структура и аномия / Социология преступности. М., 1995.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002.

Социальные конфликты в современной России. М., 1999.

Coser Y. Conflict and Consensus. N.Y., 1984.

Darendorf R. The Modern Social Conflict. N.Y., 1988.

Н.Р. Маликова

Социальный контроль

Социальный контроль — это процесс и социальный механизм наблюдения (надзора) с целью обеспечения функционирования социальной системы в соответствии с принятыми нормами, а также поддержания социально приемлемых образцов поведения.

По мнению большинства исследователей, социальный контроль достигается сочетанием послушания (*compliance*), принуждения и приверженности социальным ценностям. Так, Т. Парсонс (1902—1979) определил социальный контроль как процесс противодействия девиантному поведению и поддержания социальной стабильности, осуществляемый посредством наложения санкций. На основе выдвинутых им принципов функционализма существо каждого элемента и явления в жизни общества определяется его ролью в поддержании равновесия. Парсонс включает в «функциональные предпосылки» общества наряду с удовлетворением биологических и психологических нужд членов данно-

го общества и эффективную деятельность органов социального контроля, воспитывающих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами; соответствие индивидуальных мотиваций членов общества этим нормам, в связи с чем данные индивиды выполняют предписанные обществом роли и задачи. Понятие социального контроля имело важное значение для М. Фуко (1926—1984), изучавшего то, каким образом индивиды дисциплинируются и регулируются с помощью надзора, а также власть экспертного знания и других регулирующих структур.

Социальный контроль как особый механизм социальной регуляции поведения и поддержания общественного порядка включает в себя три главных элемента — нормы, санкции и власть. *Нормы* — формальные и неформальные предписания того, как надо вести себя в обществе. Нормы предписывают уважение к человеческой жизни и достоинству, к представителям

других общностей и старшим поколениям; определенное почтение к символам государства (знамени, гербу, гимну), профессиональным ценностям (религиозным обрядам). Законы являют собой формализованные и легитимные нормы, предполагающие неотвратимость наказания за их нарушения.

Санкции — средства поощрения и наказания, стимулирующие людей соблюдать социальные нормы. Санкции предполагают разнообразные меры вознаграждения за лояльность, конформизм, за исполнение долга, норм и наказания за девиантное (отклоняющееся) и деликвентное (преступное) поведение. Таким образом, санкциями называются не только наказания, но и поощрения, способствующие соблюдению социальных норм. Санкции — охранники последних. Наряду с ценностями они ответственны за то, чтобы люди выполняли социальные нормы. Следовательно, санкции — разветвленная система наградений за выполнение норм, т.е. за конформизм (согласие с ними), и наказание за отклонение от норм:

- санкции, применяемые к нарушителям привычек группую;
- санкции никогда не применяются по отношению к самому себе;
- если применение санкций совершается самим человеком, направлено на себя, то такую форму контроля следует считать самоконтролем.

Существует два вида контроля: 1) формальный и 2) неформальный. Лица, выполняющие функции *формального контроля*, называются *агентами социального контроля*.

Внешний контроль — это совокупность социальных институтов и механизмов, гарантирующих соблюдение общепринятых норм поведения и законов. Он подразделяется на *неформальный* и *формальный* виды контроля, которые в свою

очередь предполагают позитивные и негативные санкции.

Формальные позитивные санкции — означают публичное одобрение со стороны официальных институтов и формализованных структур общества и государства: правительственные награды, государственные премии и именные стипендии, почетные титулы и звания, ученые степени, почетные знаки отличия и грамоты, высокие классификационные чины и статусы.

Неформальные позитивные санкции — исходят от неофициального окружения: дружеская похвала, комплименты, высокий рейтинг, признание окружающих, расположение друзей и коллег, слава, почет, лестные отзывы, разнообразные проявления эмпатии.

Формальные негативные санкции — это наказания, предусмотренные законами, правительственными указами, административными нормативными актами, инструкциями, распоряжениями, это может быть: лишение гражданства, статуса, депортация, арест, тюремное заключение, увольнение, штраф, депремирование, конфискация имущества и т.д.

Неформальные негативные санкции — наказания в неформальной среде: различного рода общественные порицания, замечания, насмешки, издевки, пренебрежительные отзывы, клички, неодобрительные взгляды, слухи о недостойном поведении, отказ в общении, бойкот.

Неформальный контроль основан на одобрении или осуждении со стороны группы родственников, друзей, коллег, знакомых, а также со стороны общественного мнения.

Между нормами и санкциями существует *объективное уравнение*, которое звучит примерно следующим образом: *каждая норма должна покрываться соответствующим числом и количеством агентов социального контроля*.

На язык нормативных предписаний переводится все, что так или иначе, ценится обществом. *Ценности* имеют две формы — внутреннюю и внешнюю. Первая получила в социологии специальное название — *ценностные ориентации*, вторая сохранила за собой общее название ценности. Во втором, более широком значении, ценности имеют общее основание с нормами.

Социальные предписания — это *запрет* или *разрешение* делать что-либо, обращенные к индивиду или группе и выраженные в любой форме (устной или письменной, формальной или неформальной).

По отношению к обществу социальный контроль являет две основные функции — *охранительную* и *стабилизирующую*. Социальный контроль — фундамент общественной стабильности.

Социальные нормы — первое важное средство обеспечения социальной стабильности и для общества, и для власти. Контроль за исполнением социальных норм — второе. Контроль складывается не только из системы поощрений и наказаний (санкций), но и *реальных действий соответствующих социальных и государственных институтов*.

Нормы суть некие идеальные образцы (стандарты), предписывающие поведение в конкретных ситуациях. Они различаются масштабом, например, в процессе проведения знаменитых Хоторнских экспериментов на заводах Вестерн Электрик, в окрестностях Чикаго, американскими социологами были выявлены неформальные нормы, которые рабочие применяли по отношению к новичкам:

- не держись со «своими» официально;
- не говори начальству того, что может навредить другим членам группы;
- не общайся с начальством чаще, чем со «своими» и не изготавляй изделий больше, чем твои товарищи.

Нормы второго типа возникают и существуют в больших социальных группах, общностях или обществе в целом. Они называются *общими социальными правилами*. Здесь речь идет об обычаях, традициях, нравах, законах, этикете в социальной группе. Все социальные нормы можно классифицировать в зависимости от того, насколько строго соблюдается их исполнение:

- за нарушение одних норм следует мягкое наказание — неодобрение, ухмылка, недоброжелательный взгляд;
- за нарушение других — могут быть применены жесткие санкции — тюремное заключение и даже смертная казнь.

Определенная степень неподчинения нормам существует в любом обществе и в любой социальной группе. Соблюдение норм регулируется обществом с различной степенью строгости. Диапазон следования социальным нормам широк: от конформизма к девиантности поведения.

Конформизм — это тип социального поведения, характеризующий приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, господствующих мнений, отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, обладающему наибольшей силой давления (мнению большинства, признанному авторитету, традициям и т.п.), податливость личности реальному или воображаемому давлению социальной группы. Конформизм представляет собой внешнее согласие с общепринятым порядком, поскольку внутренне индивид может оставаться несогласным с ним, не ставя никого в известность об этом.

Конформизм — цель социального контроля, но не цель социализации, ибо последняя предполагает внутреннее согласие, «принятие» общепринятых норм.

Девиантность — это поведение, нарушающее общепринятые в данном обществе нормы и правила.

Сами по себе нормы ничего не контролируют: поведение одних людей контролируют другие люди, опираясь на нормы, которые, как ожидается, будут соблюдаться всеми. Соблюдение норм, как и выполнение санкций, делает наше поведение предсказуемым. Нормы выполняют свои функции в зависимости от того, в каком качестве они себя проявляют:

- как стандарты поведения (обязанности, правила);
- как ожидание соответствующего поведения (реакции других людей).

Социальные нормы выполняют в обществе весьма важные функции:

- регулируют общий ход процесса социализации;
- интегрируют индивидов в группы, а группы — в социум;
- контролируют отклоняющееся поведение;
- служат образцами, эталонами поведения.

Существует несколько способов социального контроля:

- 1) социальный контроль через социализацию;
- 2) социальный контроль через групповое давление;
- 3) социальный контроль через принуждение.

Социальный контроль через социализацию предполагает, что агенты и институты социального контроля выполняют две основные функции: 1) обучения (культурным нормам и образам поведения); 2) контроля за тем, насколько прочно, глубоко и правильно освоены социальные нормы и роли. В силу усвоения в социальной среде (социальной группы, общности) доминирующих обычаев, привычек и предпочтений, в процессе социализации (в семье, учебно-воспитательных и образовательных учреждениях, в неформальном общении) происходит

включение в определенные социальные роли и овладение социальными нормами.

Социальный контроль через групповое воздействие осуществляется первичными социальными группами (семьей, одноклассниками, студенческой группой, трудовым коллективом). Каждый индивид, включаясь в ту или иную социальную группу, ощущает на себе влияние группового контроля; каждое отклонение поведения от общепринятых групповых стандартов осуждается. Вслед за этим возможны и различные формы санкций со стороны этих неформальных агентов социального контроля (от замечаний до бойкота или изгнания). Групповое давление на индивида, нарушающего нормы, зависит от многих факторов, в частности от социального статуса. Личность с высоким социальным статусом, лидер с инновационным потенциалом может преодолеть конфликт норм поведения или ценностных ориентаций в группе путем изменения старых традиций, образцов поведения и создания новых культурных образцов и способов нормативной организации эффективного взаимодействия. Степень, виды и формы группового давления зависят также от уровня социальной солидарности, групповой сплоченности. Групповое давление в сплоченной группе, приверженной коллективным ценностям, сильнее, чем в разобщенной группе.

Социальный контроль через принуждение осуществляется посредством формального контроля; на основе предписаний, формальных законов и санкций (наказаний). В современных обществах существует развитая система контроля через принуждение (законодательные нормы в сфере конституционного, уголовного, финансового права, нормативные акты, судебные иски, полицейские меры, пенитенциарные учреждения).

Форма социального контроля, направленная на себя, называется *внутренним контролем* или *самоконтролем*. Личность регулирует свое поведение, согласовывая его с общепринятыми нормами. В процессе социализации нормы усваиваются лицами с высоким самоконтролем настолько крепко, что в случае даже невольного их нарушения человек испытывает чувство вины.

В отличие от внутреннего самоконтроля внешний контроль осуществляется социальными и социально-политическими институтами, гарантирующими соблюдение общепринятых норм поведения граждан и исполнения им законов, поэтому социальный контроль приобрел институциональную и легитимную поддержку. Формальный контроль осуществляют такие социальные институты современного общества, как суды, система образования, армия, средства массовой информации, политические партии, правительственные учреждения.

Основная литература

- Гидденс Э. Социология. Раздел: Конформность и девиантное поведение. М., 1999.
- Смелзер Н. Социология. Гл. 7 «Девиация и социальный контроль». М., 1994.
- Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 486.
- Тихонов А. В. Социология управления. М., 2005.
- Яковлев А. М. Контроль социальный // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 301—303.

Дополнительная литература

- Кравченко А. И. Социология управления. М., 2005.
- Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие и социальный контроль // СОЦИС. 2005. № 8.
- Пригожин А. И. Методы развития организации. М., МЦРЭР, 2003.
- Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В. В. Щербины. М., 2004.
- Фуко М. П. Надзор и наказание. («Surveiller et punir», 1975) // Хрестоматия (по курсу общей социологии) / Под ред. Н. И. Лапина. М., 2007.
- Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Н. Р. Маликова

Раздел V

Отраслевые и специальные социологические теории

Общество и его основные сферы

Экономическая социология

Социология социальной сферы

Политическая социология

Социология духовной жизни

Социология управления

Общество и его основные сферы

Понятие «общество» является фундаментальной категорией. Теория общества соотносится с объектом социологии, а история социологии фактически является последовательной сменой соответствующих представлений об обществе. Все сколько-нибудь видные социологи были и крупнейшими теоретиками общества, а сама оригинальность подхода проявлялась прежде всего в концептуализации того, что такое общество. Все без исключения теории общества с известной долей условности можно разделить на формальные и содержательные.

Под формальной концепцией общества следует понимать совокупность теоретических построений, в рамках которых устанавливаются фундаментальные компоненты и функциональные связи между ними, присущие всякому обществу, вне зависимости от его конкретного состояния. Формальная концепция общества может получить историческую спецификацию, становясь в таком случае теорией, разделяющейся, к примеру, на традиционалистское общество, военное общество или общество модерна. Целью таких теорий является содержательная спецификация конкретных исторических образований.

Само такое разделение концепций общества на формальные и содержательные является условным. Любая концепция общества содержит ту или иную концепцию общества или их сочетание, а их авторы придерживаются соответствующей методологической позиции. Например, органицистские теории (Ч. Спенсер и др.) рассматривали общество как орга-

низм; марксизм в соответствии с философскими принципами исторического материализма представляет общество как общественно-экономическую формацию; М. Вебер согласно методологическому смыслу и значению, которые он придает теории социального действия, предстает в социологии как создатель «отсутствующей» теории общества, в рамках структурного функционализма Т. Парсонса общество рассматривается как особый вид социальной системы; в различных вариантах феноменологической социологии общество соизмеримо жизненному миру, формируется и раскрывается через последний.

История социологии являет собою последовательную смену теорий общества, представленную не только исторической вереницей имен, но и концептуализации различных периодов исторического развития.

Таких периодов в развитии социологии можно выделить по крайней мере три: первый — конец XVIII — начало XX в.; второй — 20—70-е гг. XX в.; третий — 70—80-е гг. XX в. — начало XXI в.

Первый период породил классические теории промышленного общества, явившегося результатом разделения государственной, экономической и гражданской сфер. Это новое историческое состояние осмыслялось и концептуализировалось через несколько характеристик этого состояния: индустриализм, капитализм, демократическое социальное устройство и массовая культура. Все эти характеристики не исключают, а дополняют друг друга, с разных сторон описывая станов-

ление промышленного общества, и являются как бы различными сторонами этого процесса. Все эти характеристики использовались для описания промышленного общества и приобретали соответствующее значение или становились доминирующим интересом или позицией исследователя. Поэтому А. Сен-Симон, О. Конт, Ч. Спенсер, Э. Дюркгейм преимущественно используют название «промышленное общество» в противоположность уходящему «военному», К. Маркс и М. Вебер чаще говорят о «капиталистическом обществе», А. Токвиль пишет о «демократическом», массовом обществе. При всем различии названий эти теории согласны в том, что становящееся на глазах их создателей общество является обществом, в котором экономика, во-первых, имеет индустриальный характер, а во-вторых, именно она, эта экономическая подсистема общества, определяет тип общества, задавая принципы социального порядка или системы социальной интеграции. У К. Маркса этот процесс реализуется через систему отношений собственности, составляющих внутреннюю структуру системы производства; у Сен-Симона, О. Конта, Ч. Спенсера, М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма — через систему функционального разделения труда, через профессиональную структуру социальной дифференциации. Профессия становится доминантным показателем в системе социальной дифференциации у ведущих социологов XIX в. — М. Вебера и Э. Дюркгейма, именно профессия оказывается принципом, структурирующим социальную деятельность индивида.

Второй период развития социологических теорий общества относится к периоду 1920-х — конца 1960-х гг. Он связан с новым историческим этапом в развитии промышленного капиталистического общества, специфика которого получает отражение в целом ряде теорий. Все эти теории так или иначе имеют цель

зафиксировать новые специфические явления, обусловленные переходом общества из стадии либерального капитализма (в веберовской интерпретации) в стадию организованного капитализма, или государственно-монополистического капитализма (в марксистской интерпретации). Изменения, происшедшие в организации и характере промышленного труда, трансформация в характере собственности, а также изменения, коснувшиеся отношений между экономической сферой и сферой государства и политических отношений, не только не опровергли методологических подходов в анализе общества, разработанных классической социологией, но предоставили конкретный материал в пользу и в подтверждение их.

Во всех концепциях общества этого периода экономическая сфера продолжает оставаться доминирующей. Именно она определяет сферу государства и политики, существенным образом влияет на подсистему культуры и социальную подсистему.

В этот период общество осмысливается как государственный монополистический (с точки зрения типа собственности), как организованный (с точки зрения типа социального и экономического действия прежде всего в сфере экономики и государства) капитализм, как менеджеральное общество (в аспекте профессии и социальной функции, которая является доминирующей), как массовое общество, или общество массовой культуры, с точки зрения характера социальной деятельности индивида и типа культуры, которые возникают на основе системы массового производства и массового стандартизированного потребления. И наконец, общество описывалось как зрелый или развитый капитализм или как развитое индустриальное общество. Эти теории, которые вбирали в себя все основные положения теорий организованного капитализма, менеджерального общества, массового общества, вновь воспроизво-

дили характеристику общества, предложенную классическими социологическими теориями, но при этом методологический тезис о доминирующей роли экономической сферы в системе общества еще более ужесточался. Экономика присутствовала во всех системах общества непосредственно через свою технологическую систему, не будучи опосредована системой отношений собственности, как это было в марксизме, и не будучи смягченной ценностно-нормативной подсистемой, как это было у М. Вебера. То же самое касается теорий массового общества, в рамках которых тип культуры и ее характеристика как массовой и тип социальной интеграции, характеризуемой как «горизонтальная с преобладанием среднего класса и его стиля жизни в социальной структуре общества как в количественном, так и в ценностном плане», являются прямым следствием функционирования крупномасштабного, конвейерного производства, на котором заняты громадные массы населения, обладающие стандартизированным трудовым навыком и квалификацией и нуждающиеся в стандартизированном образе жизни, чтобы такое производство могло функционировать. Данные теории тоталитарного общества, фиксирующие тенденцию развитого капитализма к сращению экономической и государственной, политической сфер, демонстрируют, что этот процесс возможен только на основе тех фундаментальных изменений в организации индустриального производства и отношении собственности (возникновение корпораций и корпоративного капитала), которые характерны для второй стадии развития промышленного общества.

В общем и целом можно сказать, что никакого серьезного сдвига в базисном методологическом подходе к теории общества на втором этапе своего развития социология не демонстрировала.

Фундаментальная смена методологической парадигмы в области социоло-

гической теории общества произошла в начале 1970-х гг.

Третий период социологии характеризуется появлением целой серии новых теорий общества, которые пытались осмыслить и зафиксировать те социальные изменения, которые характерны для третьего этапа развития промышленного общества.

Существует множество различных концепций, стремящихся осмыслить ту социальную реальность, которая начала складываться в западном обществе на рубеже 1960—1970-х гг. Для всех этих концепций характерно несколько общих положений, позволяющих объединить их одним названием — *концепции информационного общества*. Само название «информационное общество» появилось в 1980-е гг. и было связано с широко развернувшейся микроэлектронной революцией, от которой и получило свое броское название. Наряду с этим названием существует и множество других: «общество третьей волны», или «супериндустриальное общество» у О. Тоффлера, «постиндустриальное общество» у Д. Белла, «программируемое, или постиндустриальное» у А. Турена, «посткапиталистическое, или общество сервисного класса» у Р. Дарендорфа. Существуют также названия «кибернетическое», технотронное и другие, однако все они практически были вытеснены общим названием — информационное общество. Это прежде всего версия Д. Белла и примыкающие к ней теории, например, А. Турена. В дальнейшем к этим теориям можно отнести концепции О. Тоффлера, скорректированную концепцию Д. Белла, теории Р. Дарендорфа, Ф. Ферраротти.

Все эти концепции фиксируют и описывают те новые явления, которые характерны для общества в целом и для каждой из его подсистем в отдельности.

В о - п е р в ы х, фиксируются существенные трансформации, которые испытывает система экономики. О. Тоффлер,

например, пишет: «В прошлом земля, труд и капитал были ключевыми элементами производства. Завтра — а во многих отраслях промышленности это завтра уже наступило — информация станет главной составляющей».

Во-вторых, существенные трансформации переживают структуры формальной и неформальной власти. Традиционное национальное государство уходит в прошлое. С одной стороны, возникает новый регионализм и децентрализация политической власти. Власть более делегируется сверху вниз, она осуществляется на уровне локального, регионального действия. С другой стороны, пространство и время «делокализуются», по Э. Гидденсу, «возникает глобальное общество на основе общей символической информационной культуры». Политическая сфера перестает быть сферой классового конфликта. Политическая борьба разворачивается не за контроль над собственностью, а за влияние на государство. Кроме того, в качестве влиятельной политической силы предстают городские социальные движения и добровольные гражданские ассоциации. Политический конфликт в информационном обществе, как правило, имеет институциональные формы.

В-третьих, существенные изменения претерпевает структура социального расслоения. Собственность уже не является основным критерием для формирования структуры социальной дифференциации. Классовая структура заменяется статусной иерархией, а эта последняя формируется уже не на основе профессии, а на основе образования, уровня культуры и ценностных ориентаций. Возникают концепция «символического капитала» (П. Бурдьё) и культурной идентичности как основы системы социальной иерархии и группообразования.

Ось социального конфликта пролегает не по линии обладания или необладания собственностью, а по линии обладания образованием в самом широком

смысле слова и контроля над информацией. Речь идет прежде всего о социальной информации, связанной с процессом коллективного социального планирования и изменения, необходимой для того, чтобы защищать себя от разрушительного влияния бюрократии, гарантировать эффективность «завоевания снизу», обеспечивать интересы различных групп граждан в процессе политического изменения.

Кроме статуса для характеристики структуры социальной дифференциации информационного общества используется понятие «социальный класс» (отношения власти и доминирования), например высший и низший классы, угнетаемый и угнетающий, понятие «заинтересованных групп», или «групп социального интереса», используемое при анализе организаций и коллективов, понятие «группы давления», применяемое для исследования политических и организационных отношений власти.

Претерпевает существенное изменение тип организации. Рушатся иерархизированные и централизованные институты. Социальная жизнь строится на основе принципов низового уровня. Осуществляется переход от иерархии к сетевой организации, поскольку централизованная иерархическая структура замедляет потоки информации. Организация строится как сеть ячеек, связь между которыми не субординационная, решения принимаются на основе принципа коллегиальности и широкого предварительного обсуждения. Такая организационная структура обеспечивает максимум демократии. Общество окончательно прощается с принципом «военной» организации домодерновых обществ. Осуществляется окончательный прорыв в демократическое социальное устройство.

Помимо указанных изменений все без исключения теории информационного общества в качестве самостоятельных подсистем выделяют: 1) *систему телекоммуникационных технологий*. Телекоммуни-

кационная технология потому является самостоятельной подсистемой, что она выходит за рамки роли и значения техники, используемой в различных отраслях экономики. Это не паровая машина Уайта, определившая лицо экономики на первом этапе развития промышленного общества, и не машинная конвейерная технология, определившая экономику второго этапа.

Телекоммуникационная технология существует самостоятельно и является социальной технологией, определяющей коммуникационные и информационные возможности общества в целом. Она непосредственно влияет на государственно-политическую сферу организации и управления, сферу труда, культуры и культурно-символического производства. А самое главное, «она фундаментальным образом изменяет коммуникативные возможности человека. Телекоммуникационная технология создает для каждого человека возможности «непосредственного членства» в обществе без посредства каких-либо групп, идеологий или символических культурных систем». Она резко повышает роль и социальное значение отдельного человека;

2) существенной и независимой подсистемой общества (а не институтом в рамках социальной подсистемы общества) предстает *образование*. Более того, образование становится почти доминирующей подсистемой общества: оно определяет сферу труда и экономики; оно является стратегическим ресурсом в рамках функционирования государственных и политических структур; оно является доминирующим группообразующим принципом, фундаментальной основой процесса социализации и ежедневного воспроизводства общества.

Итак, указанные и зафиксированные характеристики информационного общества позволяют говорить о том, что для всех концепций информационного общества характерно выделение инфор-

мационного общества в качестве особой стадии в историческом и социально-экономическом развитии общества. При этом, однако, существуют две различные позиции, по-разному определяющие историческое место информационного общества.

Согласно первой позиции, представителями которой являются, например, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, Ф. Ферраротти, *информационное общество рассматривается как этап, как фаза индустриального общества*, наступившая вслед за фазой индустриализации (конец XVIII — начало XX в.) и фазой массового производства и массового потребления, т.е. массового общества (начало XX в. — 60—70-е гг. XX в.). Согласно второй позиции, представителями которой являются, например, Д. Белл и О. Тоффлер, *информационное общество — это совершенно новый этап исторического развития, наступивший вслед за индустриальным обществом*. Белл, например, делит историческое развитие на три этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный, а Тоффлер — на доиндустриальные культуры (первую волну), индустриальные культуры (вторую волну) и супериндустриальные культуры (третью волну).

Однако независимо от того исторического места, которым наделяют информационное общество, во всех этих концепциях экономика уже более не является той подсистемой общества, которая выступает доминирующей и задающей условия и правила функционирования всем другим подсистемам общества: государственно-политической, культурной и социальной. Более того, в дополнение к четырем подсистемам общества у Т. Парсонса появляются еще две столь же значимые и самостоятельные подсистемы: телекоммуникационная и образования. Налицо отход от традиционной методологической парадигмы, мгновенно направившей социологическую рефлексию на поиск новой парадигмы и построение

новых формальных концепций общества, которые мы наблюдаем уже у теоретиков информационного общества. Например, по мнению О. Тоффлера, экономика и технология суть важные компоненты современного общества, но не базис, по отношению к которому все остальное лишь надстройка, как это было в марксизме.

Тоффлер считает, что все компоненты структуры современного супериндустриального общества равноправны и равнозначны. Более того, он предлагает свою собственную формальную структуру общества, существенным образом отличающуюся от концепций классической и постклассической социологии межвоенного и послевоенного периода. В качестве компонентов структуры общества Тоффлер выделяет, в о - п е р в ы х, техносферу, которая включает энергетическую подсистему, систему производства и систему распределения. Все три компонента внутренне взаимосвязаны и представляют единство. В о - в т о р ы х, социосферу — различные социальные институты (семья, образование и др.). Техносфера и социосфера внутренне взаимосвязаны. В - т р е т ь е х, иносферу — систему социальной коммуникации и информации. Кроме того, каждое общество обладает своей биосферой, сферой власти (формальные и неформальные институты политики), психосферой (сфера межличностных отношений, субъективности). Взаимодействие всех этих сфер образует общество. Построением новой формальной концепции общества, позволившей бы разглядеть сдвиги и трансформации современного общества, занимаются не только Тоффлер, но все сколько-нибудь крупные современные социологи. Задача состоит в том, чтобы построить теорию, хотя бы сопоставимую по своей эффективности с теорией общества Т. Парсонса, построить формальную теорию общества, которая сможет также адекватно отразить его формальное содержание, как это сделала для общества «первой»

и «второй» волны концепция общества Парсонса. В этом направлении движется социологическая рефлексия Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, М. Манна.

В современной социологии наблюдаются одновременно несколько направлений и тенденций в разработке формальных теорий общества. Налицо попытка модернизировать старые концепции и методологические подходы в современном социологическом языке. В наибольшей степени это характерно для марксистского подхода. Ярким примером в этом отношении может служить концепция Н. Музелиса, пытающегося решить не разрешенную, по его мнению, в марксизме дилемму экономики и политики, порожденную экономическим редукционизмом.

Экономический редукционизм не может быть преодолен традиционным подходом — частичной автономией политики, идеологии и культуры. Единственным способом поэтому видится разработка новых концептуальных средств для анализа политических, идеологических и культурных аспектов социального порядка и социального развития. Методологическим ядром этих разработок, согласно Музелису, должно стать понятие способа политического доминирования (или способа господства). Эта категория сходна с понятием способа производства и «позволяет систематизировать связи, существующие между политическими технологиями, способами их присвоения и контроля и формами идеологической легитимации» общественного производства — производством политической власти. Как и его экономический аналог, оно предполагает воссоздание своей «генеалогии» — истории основных институциональных особенностей, главных структурных тенденций, условий своего существования, связанных с ними противоречий. «Между материальным базисом и всего лишь идеями располагается обширный и густо заселенный ареал институциональной жизни, и категория

способа господства призвана напомнить социальным исследователям и историкам о существовании политических технологий, отношений доминирования и политических идеологий, которые могут играть не менее, а может быть и более значительную роль в объяснении микроисторических трансформаций, чем производительные силы и производственные отношения».

Ориентация на модернизацию подхода так или иначе характерна для всех исследователей, продолжающих традицию структурного функционализма в социологии, даже если ревизии при этом подвергаются последние основания базисного методологического подхода.

Интересный пример в этом плане представляет собою теория общества М. Манна. По его мнению, история и теория человеческого общества — это история и теория властных отношений. При этом он категорически отказывается рассматривать их как что-то унитарное и конкретное. Общий методологический подход исторической школы, привнесенный в социологию М. Вебером, М. Манн радикализирует: он утверждает, что если бы это было возможно, он вообще бы отказался от понятия «общество».

Общества, по Манну, не представляют собою социальные системы, ни закрытые, ни открытые. Невозможно найти какое-либо общество, полностью ограниченное в географическом или социальном пространстве. Поскольку нет систем и нет тотальности, то не может быть «подсистем», «измерений» или «уровней». Социальные отношения нельзя свести к какому-то системному свойству этого целого, будь то «способ материального производства», «культурная» или «нормальная система». Несуществующая глобальная система не может быть социальной структурой, которая «как целое» ограничивает социальное действие. И вообще бесполезно разделение на «социальное действие» и «социальную структуру».

«Общества, — по Манну, — конструируются множеством накладывающихся

друг на друга и пересекающихся социопропространственных сетей власти... Самым лучшим объяснением обществ, их структуры и истории будет объяснение в терминах взаимоотношений четырех источников социальной власти — идеологических, экономических, военных и политических отношений».

«Эти сети власти представляют собой сети социальной интеракции, а также организации, институциональные средства, достижения целей».

Концепция Манна представляет собою рассмотрение общества как сферы властных отношений. Источников такой власти — четыре. При этом в перечне источников социальной власти появляется ранее не встречавшийся в теориях общества — военный. Однако дело не в выявлении этого нового источника социальной власти, а в том, что все эти четыре источника власти равнозначны, ни один из них не является изначально доминирующим. В каждый конкретный исторический момент в обществе может сложиться самое неожиданное соотношение источников и комбинация сетей власти, которые и определяют конкретное историческое качество общества.

Три приведенных примера концепций — О. Тоффлера, Н. Моузелиса, М. Манна — ставят перед собой задачу выработать новую концепцию общества, учитывающую те изменения, которые произошли в западном обществе в начале 70-х гг. XX в. При этом все три демонстрируют одну общую устойчивую тенденцию к переосмыслению роли промышленной экономической подсистемы общества в рамках целостного ответственного организма.

Нынешний этап развития социологии характеризуется не только сменой методологических подходов к теории общества и стремлением выработать новую парадигму взамен классической, потребность в которой, как и потребность в построении новых формальных концепций об-

щества, с очевидностью осознается в современной социологии, но и наличием осознанной потребности в ревизии всего исторического развития социологических теорий общества.

Главным и определяющим моментом современным социологических концепций общества является тот факт, что они развиваются и разрабатываются в тесной связи и под влиянием современных социологических теорий модерна. Современные теории общества, как формальные, так и материальные, являются составной частью социологических теорий модерна.

Современная социология демонстрирует потребность и интенсивные попытки разработки общей социологической теории модерна, в исторических рамках которого разворачивалась вся социологическая наука.

Современные теории модерна, радикализированного модерна, позднего модерна или постмодерна — это теории, разрабатывающие образ современной эпохи через соотношение с предыдущими этапами модерна, как социальной эпохи, отличной от эпохи традиционалистского общества. Все эти теории фиксируют и теоретически разрабатывают исторический сдвиг, переживаемый настоящими поколениями в сфере познания и социальной действительности. И если в содержательном плане современные теории модерна являются продолжением материальных концепций общества, то в своих попытках выявить главную идею эпохи, они продолжают традицию формальных концепций общества. Классики социологической теории создавали свои теории промышленного общества, фиксируя исторические сдвиги, которые произошли во второй половине XVIII в. — появление экономически и политически свободного индивида, буржуазного демократического общества и промышленного капитализма. Все эти явления, как им представлялось, составляли суть будущего модерна.

Современные теории модерна с учетом двух прошедших столетий истори-

ческого развития пытаются переосмыслить суть теорий модерна как такового и указывают, что не индустриализм и не капитализм составлял его основу. Суть его следует искать в рефлексивном характере модерна, рефлексивности как главной черте любого социального действия, любого социального, экономического или какого-либо другого проекта. Этот характер модерна лучше всего был выдвинут в качестве программного и разработан в рамках социальной философии Просвещения. Просвещение — это и есть первый зачаток теорий модерна.

Современная эпоха предстает в этой перспективе как реализованный проект Просвещения. Современная эпоха — это «эпоха господства экспертных символических систем» (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, О. Тоффлер, Ф. Ферраротти), «эпоха господства знания» (Д. Белл), которое является определяющим признаком социального действия, а образование и ценностные ориентации — главным фактором системы социального деления. Система социального доминирования и конфликта также строится в соответствии с причастностью к основным социальным институтам — знанию и экспертным системам.

Все это и создает основание для переосмысления методологии социологического исследования и отхода от взгляда на экономику как доминирующую подсистему общества. Этот отход в теории конца «трудового общества», где концепция «трудового общества» предстает как методологическая идея главенства экономической сферы в обществе, в рамках и на основании которого развивались все классические и постклассические социологические теории промышленного общества. В современной социологической литературе информационное общество вытеснило промышленное, а теории модерна замещают парадигму трудового общества, или версию модерна, предложенную классической социологией.

Другим компонентом классической социологической версии модерна была теория национального государства. По крайней мере, безоговорочно признавался тезис, что любое общество всегда существует в национально-государственных границах. И эта теоретическая позиция отражала фактическое историческое положение дел.

Современная ситуация не соответствует положению дел в раннем модерне. Налицо серьезные подвижки и изменения в отношении между обществом и национальным государством. Возникает глобальное общество, которому прежде всего присущи глобальная культура и глобальная система информации, наднациональные военные структуры и наднациональные научные и культурные группы.

Политическая структура общества не формируется схемой «национальное государство — гражданское общество», а является производной, с одной стороны, наднациональных структур власти, а с другой — региональных систем власти. Государство начинает выступать не столько как подсистема общества, сколько как социальный институт или даже как корпоративная организация.

Существенной проблемой современной социологической рефлексии в сфере теорий позднего модерна является вопрос о том, является ли современное историческое качество общества этапом в развитии проекта модерна или совершенно новым этапом исторического развития, выходящим за рамки модерна или постмодерна. Здесь точки зрения расходятся в зависимости от того, что считается сутью проекта. Э. Гидденс, Ю. Хабермас считают сутью модерна его рефлексивный характер, который находит выражение в соответствующей роли знания во всех сферах социальной действительности. Поэтому они считают современный этап этапом радикализованного модерна позднего капитализма (Ю. Хабермас), в котором все качества модерна находят

свое высочайшее воплощение и все тенденции получают развитие. Более того, по мнению Ю. Хабермаса, человечество должно держаться за выработанные модерном ценности демократического социального устройства и прав человека, дабы не оказаться погребенным деструктивными явлениями, рост которых наблюдается в современном обществе.

Другая точка зрения, считающая, что современное состояние означает цивилизационный скачок, разрыв с модерном и переходом в постмодерн, связана с именами Д. Белла и О. Тоффлера. Основу этой позиции составляют ранний социологический проект модерна, увязывающий модерн прежде всего с индустриализмом. Обе точки зрения вполне обоснованы и имеют право на существование. Современная социология за столь короткий срок смогла создать совершенно новые и вполне жизненные теории, способные концептуализировать существующие быстроменяющиеся общественные формации. Современная социология приобрела способность моментально рефлексировать на трансформации, происходящие в обществе, социология как наука стала приближеннее к реальности и менее эзотеричной.

Основная литература

- Общество* (гражданское, индустриальное, органическое и др.) // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 469—476.
- Общество* // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 84—100.
- Тоффлер О.* Смещение власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001.
- Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 2005. Гл. 2.

Дополнительная литература

- Полякова Н.Л.* Теории общества в современной теоретической социологии. М., 1994.
- Социология на пороге XXI века: основные направления исследований* / Под ред. С.Ч. Григорьева, Ж. Коэнэн-Хуттера. 3-е изд. М., 1999.
- Современная западная социология.* М., 1989.
- www.commun.com.ua/sociology

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Слово «экономика» происходит от греческих слов *oikos* — дом, хозяйство и *nomos* — правило, закон. В буквальном смысле трактуется как «правила ведения хозяйства».

Термин «экономика» используется также в значении: наука о способах ведения хозяйства, об отношениях между людьми в процессе производства, обмена и потребления, о закономерностях хозяйственных процессов. В рамках теории экономической науки принято выделять два уровня анализа.

Макроэкономика — уровень создания условий, факторов для результативной экономической деятельности и *микроэкономика* — уровень постоянного взаимодействия между потребителями и производителями. Таким образом, макроэкономика охватывает общеэкономические процессы, а микроэкономика занимается более узкими сферами: экономикой семьи, предприятия, региона, отдельных рынков.

Экономическая сфера жизни общества представляет собой целостную социальную систему (или функциональную подсистему), ответственную за производство, распределение, обмен и потребление материальных благ и услуг, необходимых для жизнедеятельности людей. Экономическую сферу рассматривают наряду с другими сферами: социальной, политической и духовной. Взаимодействие функциональных подсистем общества осуществляется тремя путями: 1) через связь выполняемых ими функций; 2) через частичное переплетение и взаимосвязь их институтов; 3) через взаимодействие относящихся к ним формальных организаций.

Общая модель устройства экономики включает в себя рынки ресурсов,

рынки товаров, денежное хозяйство, государство, фирмы (компании и т.п.). Центральное звено этой модели — человек, работник, и основная цель экономики — удовлетворение потребностей людей.

Социальной субстанцией хозяйственной жизни общества является экономическое поведение и его компонент — экономическое сознание. Это связано с тем фактом, что в основе экономических ценностей (благ, услуг, информации) и их трансформации друг в друга лежат многочисленные и разнокачественные по характеру и содержанию, циклично возобновляющиеся индивидуальные, групповые и массовые акты поведения, реализуемые для удовлетворения потребностей людей непосредственным или опосредованным образом.

Экономическое поведение — это социальные действия, которые, в первую очередь, связаны с использованием различных по функциям и по назначению экономических ресурсов (ценностей) и, во вторых, ориентированы на получение пользы (выгоды, вознаграждения, прибыли).

В соответствии с этими признаками анализа экономики экономическая социология применяет социологическую теорию и социологические исследования для характеристики явлений, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением экономических благ и услуг. Такое структурирование может быть принято в качестве наиболее простой схемы для дифференциации и социологического анализа экономического поведения.

Наиболее общие предпосылки, без которых экономическое поведение не может быть реализовано, следующие: экономические ресурсы, экономическая

среда, определенные нормы и правила поведения, а также действующие в их рамках субъекты. При этом интересы последних лимитируются объективными функциями обращающихся ресурсов, а также правилами и нормами, закрепленными в соответствующих социально-экономических институтах и механизмах их реализации.

Универсальным ядром мотивации субъектов экономического поведения является формула — *максимум вознаграждения при рациональной организации труда и минимизации затрат*. Очевидно, что любой субъект экономического поведения, мыслящий рационально, ориентирован на выгоды (вознаграждения) в процессе затрат собственных ресурсов и минимизацию издержек, в противном случае инициация различных экономических действий была бы маловероятна. Однако известно, что воплотить в жизнь эту формулу полностью невозможно. Это объясняется тем, что любой из субъектов действует в рамках *ограничений (лимитов)*, которые вносят существенные коррективы в их планы и намерения на различных этапах реализации поставленных целей.

К числу ресурсов, или факторов, производства относят наряду с землей недра, капитал, а также труд, науку организации и управления. Социология сосредоточивает внимание на труде как работника, так и организатора производства. В последнее время в качестве отдельных факторов принято выделять интеллектуальный капитал и предпринимательский талант. Поскольку ограниченность ресурсов существовала всегда; от рационального распределения ограниченных ресурсов зависит существование любого общества.

Факт неравенства экономических ресурсов, находящихся во владении или пользовании тех или иных лиц (субъектов, акторов, агентов), обуславливает и отношения субъектов собственности. Он порождает и предполагает стремление к выравниванию шансов и преимуществ со

стороны тех, кто ими не обладает, что является мощным мотивом экономического поведения. Выровнять шансы — значит, сократить, уменьшить преимущества тех, кто ими в данный момент обладает.

Каждый субъект экономического поведения может реализовывать целый ряд функций, например, производителя и потребителя, кредитодателя и кредитора, арендодателя и арендатора. Он может быть владельцем или пользователем тех или иных экономических ресурсов, передавать их на договорной основе другим участникам экономических отношений. Однако отдельный субъект в сложившемся разделении труда, как правило, не может одновременно выполнять несколько функций воспроизводственного цикла, с одинаковой компетентностью и интенсивностью и вынужден специализироваться. Эта специализация в конечном счете и определяет экономической, социальной, правовой и профессиональный статусы субъекта.

Есть два главных пути распределения ресурсов. Первый путь — рыночное распределение (см. *Социология рынка*) в соответствии с желанием (или возможностью) платить за них. Второй путь — ресурсы распределяются государством на основе соответствующего законодательства или по праву силы.

В обоих случаях существует конкуренция за доступ к ресурсам. В рыночном хозяйстве ее главными факторами являются минимизация затрат и предложение новых продуктов, услуг и технологий. Согласие всех конкурентов твердо соблюдать общепринятые правила борьбы свидетельствует о сложившейся саморегуляции в экономической сфере. Преимущественное использование тех или иных регулирующих институтов (право, государство, мораль, традиция и т.д.) зависит от социокультурного контекста, в который вписана экономика.

Распределение ресурсов совершается посредством выбора, так как всегда возможны многочисленные варианты их

использования. Эти варианты конкурируют между собой. Следовательно, конкурируют и владельцы ресурсов. При этом всегда ставятся три главных вопроса: *что* производить при ограниченных ресурсах, *как* производить (какая комбинация факторов окажется наиболее производительной, какой должна быть структура производства и потребления, какого размера должны быть производящие единицы), *для кого* производить блага и четвертый — *по каким критериям* делить совокупный доход.

Проблему выбора постоянно решают те, кто принимает экономические решения. К ним относят домашние хозяйства, являющиеся владельцами факторов производства; фирмы — организации, производящие товары и государство.

Общая совокупность институциональных механизмов, т.е. действующих законов, традиций, моральных ценностей, государственной политики, которые формируются для решения главных экономических проблем — *что, как и для кого* производить называется *экономической системой*.

Экономические системы — это формы организации хозяйственной жизни общества, различающиеся по: 1) способу решения экономических проблем; 2) типу собственности на важнейшие виды ресурсов.

Собственность — это отношение к средствам производства с целью получения дохода (прибыли). Это право владеть, пользоваться и распоряжаться средствами производства. *Отношения собственности на средства производства* составляют основу экономических отношений. Различают *частную, акционерную, кооперативную, коллективную, государственную собственность*. Отношения собственности играют высшую роль в жизни общества, так как через конкуренцию товаропроизводителей стимулируют развитие производства, его обновление, насыщение рынка качественными товарами, отвечающими спросу и предложению.

Каждый из нас является участником многообразных экономических отношений. Они возникают тогда, когда мы покупаем в магазине продукты или получаем деньги за выполненную работу, продаем что-либо, открываем счет в банке и т.д.

Анализировать развитие общества с точки зрения экономической социологии также означает анализировать *историю развития экономических систем*. В теоретических целях обычно выделяют три типа экономических систем: *традиционную, командную, рыночную*. Все реально существующие экономики стран современного мира представляют собой смесь рыночных и государственных элементов. Поэтому современные достаточно развитые экономики считаются смешанными. Основная полемика наблюдается в противопоставлении методов государственного регулирования экономики методам, характерным для свободного рынка.

Традиционная экономическая система основана на традициях, обычаях, привычках. Новое поколение повторяет то же, что и предыдущее (пасет скот, ловит рыбу, охотится и т.д.). Ассортимент производимых благ и характер распределения почти не меняется. Технологии традиционны и устойчивы. Проблема выбора возникает не часто, и при статических внешних условиях такая экономика удовлетворяет нужды людей. Ее примеры мы можем найти не только в феодальной эпохе, но и сегодня (африканские страны).

Командная экономическая система (централизованно планируемая) — та, в которой решения о выборе того, *что, как и для кого* производить, принимает государство. Мировая сфера этого типа представлена Кубой, КНДР, Китаем, некоторыми странами Юго-Восточной и Центральной Азии.

В *рыночной экономике* принятие решений осуществляется в основном людьми и организациями, которые в своих действиях руководствуются информацией, поступающей с рынка. К этому типу

экономики принадлежит подавляющее число стран современного мира, как развитых, так и развивающихся. Однако из всех стран с рыночной экономикой только 15% можно отнести к развитым, процветающим и богатым.

Помимо оси «государственное регулирование — рыночная ориентация» на экономическую сферу влияет (но не относится к ней) государственное устройство, в самом простом его измерении как точка на оси «демократия — авторитаризм». Сингапур — пример страны с жестким государственным регулированием рынка и при этом демократическим строем. В Китае есть движение по пути рыночной ориентации при сохранении авторитарного строя. В Беларуси налицо сочетание государственного регулирования и авторитаризма. США, Великобритания, Финляндия — страны, в которых демократия сочетается с либеральным рынком.

Россия же пока не нашла своего места в этой схеме, поскольку входит в особую группу стран, переходящих от одной системы к другой, т.е. от одного набора институциональных механизмов к другому. Применительно к России — это время, в течение которого меняются законы, создаются новые традиции, соответствующие хозяйственные структуры и т.д. Принятая в России Конституция 1993 г. профессионалами оценивается весьма высоко. Но для того, чтобы она (и ее экономические положения) заработала, нужно, по разным оценкам, принять от 200 до 600 законов. Помимо этого необходима современная экономическая этика, когда экономические споры и конфликты будут решаться при помощи судебных процессов.

Существует прямая связь между состоянием экономики и уровнем жизни населения. Потребление связано с производством, так как уровень жизни — это увеличение или уменьшение потребления материальных и духовных благ на душу населения, который зависит от:

объемов производства в собственной стране, эффективности применений достижений науки и техники, использования информации, места страны в мировом разделении труда и других факторов.

В настоящее время эффективность экономики отдельно взятой страны определяется в конечном итоге с помощью интегрального показателя ООН, включающего в себя среднюю продолжительность жизни, образованность граждан и валовой внутренний продукт на душу населения. Неразрывная связь между экономикой, политикой и социальной сферой жизни общества приводит к тому, что эффективность экономики каждой страны зависит от уникального, характерного только для нее сочетания всех влияющих факторов.

Социологическое видение экономики заключается в том, чтобы экономическое сознание и поведение людей рассмотреть в определенных институциональных формах. **В о - п е р в ы х**, в процессе функционирования рынка, когда исследуются потребности, тенденции спроса и предложения, движение рабочей силы. **В о - в т о р ы х**, это — состояние, формы и методы использования труда в рамках конкретных производственных предприятий, повышение его эффективности за счет использования социальных резервов. **В - т р е т ь и х**, это — исследование экономического сознания и поведения людей в территориальном, поселенческом разрезе — в мегаполисе, агломерации, в разных типах городов, сельских образованиях, в поселках, ориентированных на производство, науку, рекреацию, транспортные услуги и т.д. **В - ч е т в е р т ы х**, это — социальные проблемы экологии, ибо экологические проблемы порождаются экономическим развитием, все более активным воздействием научно-технического прогресса на окружающую среду. Все это связано с уровнем экологического сознания и поведения, включая и личную экологическую культуру.

В - п я т ы х, огромную социально-экономическую проблему представляет демографическое поведение, проблемы рождения, смертности, продолжительности жизни, миграционные процессы. И н а к о н е ц, экономическая социология рассматривает такие явления, как социальная инфраструктура, региональное развитие, социальные аспекты различных форм собственности, международное разделение труда.

Основная литература

- Коробейников М.А. Социология экономическая // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 566—569.
- Орлова И.Б. Социология экономическая // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 754—755.

Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2008.

Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 2003.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Экономическая социология».

Дополнительная литература

Смелсер Н., Сведберг Р. Социологический подход к анализу хозяйства // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М., 2004. С. 25—59.

Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и научн. ред. В.В. Радаев. М., 2004. С. 111—131.

И.О. Шевченко

Социология рынка

Понятие рынка пришло в экономическую социологию из экономики, а в экономику — из повседневной жизни. Классическое (традиционное, донаучное) определение рынка — это место, где встречаются продавцы и покупатели, и происходит процесс торговли — относится еще к XII в. Оно живо и сегодня. В современной науке и общественной жизни нет единого понимания рынка, а подходы к его определению очень различаются, и в результате в зависимости от контекста рынком называют принципиально разные явления. Представитель французской регуляционистской школы Р. Бойе указывает на существование как минимум пяти различных концепций рынка, первая из которых является традиционной, основанной на пространственно детерминированном понятии рынка (*место, где торгуют*). Второе, более современное понимание рынка как *определенной территории*, на которой происходят акты купли-продажи, привязывает понятие рынка к городам, регионам, странам, частям света. В этом случае говорится про «российский рынок», «европейский рынок» и т.д. Согласно третьей (по Р. Бойе)

концепции, рынок обозначает уже не территорию, а *потребителей того или иного товара и понимается как суммарный платежеспособный спрос*, предъявляемый на определенный вид продуктов и услуг. В этом случае, говоря о тех или иных рынках, имеют в виду спрос — на труд, ценные бумаги, потребительские товары и т.п.

Структура рынков многообразна. По виду продаваемого товара выделяют рынки сырья, различных материалов, драгоценностей, средств производства, недвижимости, потребительских товаров и услуг, информационного и интеллектуального продукта, инноваций, капитала, валюты, ценных бумаг, труда, рабочих мест и рабочей силы. По масштабам охвата территории различают мировой, региональные, страновые рынки, а применительно к каждой стране — внутренние и внешние рынки. По уровню конкуренции рынки делятся на высококонкурентные (свободные), рынки монополистической конкуренции, олигополистические, монополистические (закрытые) рынки. Различают также легальные (официальные) и нелегальные (или теневые, или черные) и другие рынки.

Еще одна трактовка рынка как *саморегулирующегося механизма спроса и предложения* превращает его в сферу, где доминирует конкуренция между независимыми агентами и свободное ценообразование. В этом определении исчезает всякая пространственная, временная или предметная локализация, их место занимает модель, фиксирующая условия, при которых достигается рыночное равновесие.

И наконец, *рынок может рассматриваться как экономическая система*, в которой саморегулирующийся рыночный механизм является господствующей формой хозяйства. В данном случае рыночные принципы хозяйственной организации вменяются целым сообществам, именуемым рыночными обществами. Серьезной методологической проблемой при рассмотрении рынка является альтернатива, состоящая в том, рассматривать ли рынок, прежде всего, как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или объектом выступают эмпирически наблюдаемые формы хозяйства, для описания которых целесообразно использовать разные аналитические модели, поскольку реальные рынки не сводимы ни к одной схеме.

Неоклассическая экономическая концепция идеального рынка превращает рынок из эмпирического объекта в аналитическую модель с абстрактными основаниями. В 1960—1970-е гг. этой модели был придан универсальный характер. Американский экономист и социолог Г. Беккер и его последователи начали активно использовать данную модель за пределами анализа экономических отношений в их традиционном понимании. Возникли понятия «брачный рынок», «спрос на детей». Политика стала интерпретироваться в терминах рыночного обмена. Принципы, используемые при анализе рыночного обмена, стали распространяться на другие сфе-

ры общественной жизни. Сформировалась своего рода рыночная идеология, подпитываемая духом экономического либерализма. Социология как гуманитарная наука традиционно тяготеет ко второму, эмпирически ориентированному варианту. При этом понятие рынка остается аналитическим инструментом даже при использовании описательных подходов. В то же время нецелесообразно трактовать социальные факторы как паттерны внешне заданных переменных или тем более как константы, которыми можно пренебречь или к которым следует апеллировать только при объяснении сбоев того или иного рынка. Социолог исходит из того, что изучаемые им рыночные отношения сформировались в конкретных исторических условиях в определенной социокультурной обстановке.

Элементы, образующие любой рынок и задающие отличие одного рынка от другого — это: *состав участников рынка (продавцов и покупателей) и их поведение; производимые и обмениваемые товары и услуги; структурные элементы, выражающие устойчивые формы организации и связи между участниками рынка; институциональные элементы (формальные и неформальные), ограничивающие и стимулирующие поведение участников рынка; концепции контроля, регулирующие формирование стратегий участников рынка.*

Таким образом, *рынок* представляет собой *совокупность продавцов и покупателей определенного товара или услуги, деятельность которых регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля.*

Рынок регулирует производство (что, каким способом, в каком количестве производить) и распределение с помощью механизма цен, играющего центральную роль в рыночной экономике. Механизм цен — процедура формирования и изменения цен под влиянием столкновения интересов покупателей и продавцов, принимающих свои решения без

внешнего принуждения. Он устанавливает определенное, изменяющееся в соответствии с ситуацией соотношение (баланс) платежеспособного спроса (под которым понимается та часть потребностей, за удовлетворение которой потребитель готов заплатить) и предложения.

Рынок как историческая форма интеграции хозяйства, т.е. как особый вид экономической организации, сопоставлялся с другими формами — традиционной и плановой. Рыночная форма обмена не универсальна, и рыночная экономика на протяжении большей части истории человечества играла подчиненную, вспомогательную роль. Рынок лишь одна из специфических форм хозяйства, всегда существующая наряду с другими его формами, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. В современных условиях ни одна из названных моделей организации экономики в чистом виде не характеризует экономическую жизнь в целом. Будучи автоматическим регулятором хозяйственной жизни, рынок имеет и негативные стороны. Возникает большая и зачастую зависящая не от эффективности хозяйственной деятельности, а от случайных обстоятельств дифференциация доходов. Обеспечиваясиюминутную выгоду, рынок не позволяет правильно оценить долгосрочные проекты, связанные с социальным обеспечением населения, использованием невозпроизводимых природных богатств и т.д. Это относится и к организации фундаментальных научных исследований.

Рыночные системы развиваются циклически: годы подъема (роста) сменяются годами застоя или спада. Безработица, рост цен, спекуляция ценными бумагами, разрыв в уровне доходов, бедность и нищета тоже возникают на почве свободного рынка. Активное продвижение рыночных отношений в нерыночные сферы порождает сопротивление всего общества. Оно вырабатывает иммунитет на основе

культурных норм, который предохраняет общество как от провалов свободного, саморегулирующегося рынка, так и от чрезмерного развития рыночных отношений. При этом речь идет не о каких-то узких экстремистских группах, но о достаточно широких противоборствующих общественных движениях — организованных и неорганизованных. При недостатке или неэффективности ограничительных мер развития рыночных отношений способно породить негативные побочные эффекты, несущие в себе опасные элементы саморазрушения, в том числе и для самого рынка. Поэтому рынок изначально нуждается в регулировании. Свести к минимуму отрицательные последствия рыночных форм хозяйствования — основная задача государственного регулирования. Государство воздействует на экономические отношения, используя законодательство, а также экономические методы. Правовое регулирование направлено на существование рыночных отношений в определенной системе социальных норм.

Особое место занимает антимонопольное законодательство, цель которого — ограничить на рынке диктат монополистических объединений. Один из рычагов регулирования экономики — государственные заказы, закупки тех или иных товаров (особенно военного и социального назначения), которые позволяют увеличить спрос, т.е. расширить внутренний рынок. Важнейшим рычагом является финансовое регулирование в форме налогов. Государство определяет ставки налогов с населения и с предпринимателей. Таким образом, оно способствует расширению производства или тормозит его, стимулирует или сокращает спрос.

Среди основных рычагов воздействия на рынок следует назвать *кредитно-денежную систему*. Понижая или повышая процентную ставку, центральный государственный банк ограничивает или рас-

ширяет возможности получения кредита. А это, в свою очередь, влияет на возможности расширения производства тех или иных товаров.

Воздействие государства на рынок осуществляется и с помощью экономического планирования. Государственные программы или планы в рыночной экономике оказывают на нее большое влияние, хотя и не являются обязательными для частных товаропроизводителей. Государственные органы разрабатывают программы и прогнозы на ряд лет, анализируют варианты равновесия между производством и потреблением, между различными отраслями производства. На этой основе даются рекомендации товаропроизводителям, принимаются решения о льготных кредитах и субсидиях и других мерах активизации предпринимательской деятельности. С середины XX в. такое косвенное (индикативное) планирование рыночной экономики утвердилось во всех развитых странах Запада. Сейчас в них существует смешанная экономика, в которой одновременно действуют невидимый рыночный механизм и государственное регулирование.

На рынок воздействует также регулирование на уровне компаний. Они используют современную технику и методику сбора, обработки и распространения экономической информации (о товарах, ценах, изменениях спроса и предложения и т.д.). Получила развитие теория и практика управления рынком — маркетинг, ориентированная на требования рынка, реальные запросы и потребности покупателей в товарах и услугах.

Таким образом, современная рыночная система — апробированный механизм координации деятельности товаропроизводителей и потребителей, который развивается вместе с обществом.

Основная литература

Радаев В.В. Рынок как идеальная модель и форма хозяйства. К новой социологии рынков // СОЦИС. 2003. № 9. С. 18—29.

Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового российского направления. М., 2003. С. 5—113.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социологические проблемы рынка». С. 117—123.

Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2005. С. 96—118.

И.О. Шевченко

Социология труда

Как самостоятельная отрасль социологической науки социология труда возникла в конце XIX — начале XX в. Ее основоположником по праву считается известный исследователь и предприниматель Ф. Тейлор (1856—1915), деятельность которого знаменовала революцию во взглядах на сущность и предназначение работника производства. К обоснованию идей об использовании социальных возможностей, кроющихся в человеке-работнике, он шел постепенно шаг за шагом.

Основными этапами его нововведений в области управления и организации труда были стандартизация инструментов (1880), функциональная администрация (1882), хронометраж (1883), рационализация размещения оборудования и улучшение балансового метода (1893), совершенствование системы сбыта и запасов (1896). В середине 1990-х гг. он опубликовал работу «Как оплачивать труд рабочих на предприятии», в которой поставил вопрос: нельзя ли создать та-

кие условия для каждого работника, чтобы он мог более эффективно трудиться, руководствуясь своими побудительными мотивами, потребностями и интересами без осуществления мелочного и внешнего контроля за процессом и результатами его труда? Отвечая на этот вопрос утвердительно, он обосновал и продемонстрировал на практике возможность такой организации труда, при которой работник без штрафов, без принуждения был нацелен на раскрытие своих существенных сил. Это было началом новых научных поисков и их практической реализации по использованию потенциальных, побудительных импульсов, заложенных в человеке-работнике. И этой первой мерой по использованию социальных резервов стало использование материальной заинтересованности работника, которая позже получила закрепление в концепции «экономического человека». Этот первый шаг по мере развития производства и социологии труда в течении всего XX в. был дополнен новыми поисками, которые открывали другие возможности, заложенные в природе и способностях человека. Поэтому социологию труда, ее возникновение и развитие можно представить как объективный процесс постепенного осознания и использования человеческих возможностей по достижению все более значимых результатов, возвышающих общество и самого человека в их взаимодействии с природой. Именно такой подход позволяет проследить, как расширялись представления о социальных резервах производства и как эти резервы использовались в жизни общества. «...История промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих существенных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не

в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности... В обыкновенной, материальной промышленности... мы имеем перед собой под видом чувственных, полезных предметов... опредмеченные сущностные силы человека» (К. Маркс).

Социология труда — это книга реальной жизни, полистав которую можно увидеть: *как, когда и при каких обстоятельствах* раскрывались перед наукой и практикой социальные грани труда, как они развивались, как открывались новые, как происходило обогащение уже познанных, но имеющих серьезные резервы на новом витке функционирования производства. Социология труда прошла большой и сложный путь от первого эксперимента по стимулированию труда, воплощенного в концепции экономического человека, до других ликов, в которых постепенно открывались, познавались и использовались новые грани социального потенциала работников производства — в технологии (технологический человек), в профессиональной подготовке (профессиональный человек), в условиях труда (социально-биологический человек). Затем, с 30-х гг. XX в. поиск социальных резервов труда был осуществлен во втором, латентном, эшелоне использования человеческих возможностей — в социально-психологическом климате (социально-психологический человек), в участии человека в управлении (управляющий человек), в решении конфликтных ситуаций (конфликтный человек). Во второй половине XX в. начался третий этап открытия и использования социальных резервов труда, который был связан с осознанием роли и значения творческих возможностей работника, его гражданского самочувствия и своего места в жизни общества (см. таблицу).

Структура генезиса идей и практики использования социальных резервов труда

<i>Периоды</i>	<i>Этапы</i>	<i>Содержание</i>	<i>Первые исследования</i>
1. Социально-экономические (наблюдаемые) резервы	Экономический человек	Стимулирование труда	1890—1910 гг.
	Технологический человек	Организация труда	1900—1912 гг.
	Профессиональный человек	Профессиональная подготовка	1908—1915 гг.
	Социально-биологический человек	Условия труда	1920—1930 гг.
2. Социально-личностные (латентные) резервы	Социально-психологический человек	Социально-психологические отношения	30-е гг. XX в.
	Конфликтный человек	Разрешение конфликтов	С конца 30-х гг. XX в.
	Социально-бытовой человек	Создание социальной инфраструктуры труда	С 60-х гг. XX в.
3. Творческие и гражданские резервы	Управляющий человек	Соучастие в управлении	С конца 30-х гг. XX в.
	Творческий человек	Участие в техническом творчестве	50—60-е гг. XX в.
	Социально-политический человек	Работник как гражданин	70-е гг. XX в.
4. Системные социальные резервы	Системный работник (индивидуализация труда, техническая и корпоративная культура, авангардные технологии)	Комплексное использование социальных резервов	С 70—80-х гг. XX в.

В таблице указано начало первых исследований каждого этапа по осознанию роли и влияния тех или иных социальных резервов труда работника. Эти резервы не оставались неизменными: на одном этапе своей жизни человек заинтересован в одних методах воздействия, а на другом этапе этот же человек реагировал на другие методы побуждения и стимулирования труда. Эти факторы зависели и от того, на каком производстве человек работает. То, что играло определенную роль в конкретной организации, в другой не работало или работало не так эффективно, как предполагалось.

Данные ответы на социальные потребности работника были обусловлены практикой и тесно связанной с ней прикладной наукой, которая, с одной стороны, реагировала на вызов времени, потребности людей, а с другой — сама получала импульс для своего дальнейшего развития, обогащения, взаимного соответствия, а иногда и для предвидения грядущих социальных изменений. Этапность в развитии и использовании социальных резервов труда была своеобразной: каждый следующий этап не отменял предыдущий — он дополнял, обогащал представление о социальных

резервах труда и его возможностях, шире, нагляднее показывал его богатство, его неисчерпаемость. Более того, каждый новый этап использовал достижения прошлого, не поглощая его, а используя накопленный опыт для более глубоких выводов и обобщений. И наконец, каждый этап в развитии труда выступал такой гранью социальных возможностей человека, которая постоянно развивалась и совершенствовалась, обогащалась новыми характеристиками, важными как для теоретического осмысления, так и для практического использования. Так, стимулирование труда, лежавшее в основе концепции «экономического человека», прошло гигантский путь в своем развитии, начиная от рекомендаций Ф. Тейлора до обоснования и применения принципиально новых стимуляторов труда, которые использовались в конце XX в. в условиях автоматизированного производства, в эпоху непрерывных информационных революций. Аналогичный вывод может быть применен и к технологическому, и к социально-биологическому и социально-психологическому человеку и т.д. Но несомненно одно — научная и практическая мысль соединились в своем поиске резервов труда и производства. И это соединение происходило на гуманистической основе, базирующейся на признании роли сознания и поведения работника — его профессиональных знаний, мотивов, потребностей, установок, ценностных ориентаций, интересов.

Именно изучение социальных резервов составило сущность и содержание новой социологической дисциплины — социологии труда, а в производственной практике — научные основы менеджмента. И наконец, необходимо отметить еще один примечательный факт — социология труда развивалась (в отличие от многих других направлений в социологии) под непосредственным влиянием практики, реальной жизни, которые во многом обуславливали ее развитие.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия.* М., 2003. Т. 2. С. 560—561.
Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 139—165.
Тоценко Ж.Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М., Мысль, 2005.

Дополнительная литература

- Подмарков В.Г.* Введение в промышленную социологию. М., 1979.
Маркович Д. Социология труда. М., 1988.
Ромашов О.В. Социология труда. М., 2001.
Соколова Г.Н. Социология труда. Минск, 2002.
Социология труда / Под ред. Н.И. Дряклова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. М.: Изд-во МГУ, 1993.
Тоценко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. М.: РГГУ, 2006. (Серия «Я иду на занятия»).
Hirszwicz M. Industrial sociology: An Introduction. L., 1985.
Fox A.A. Sociology of Work in Industry. L., 1981.
Parker S.R., Brown R.K., Child J., Smith M.A. Sociology of Industry. L., 1969.

*Ж.Т. Тоценко,
 Г.А. Цветкова*

Социология города

Изначально на возникновение и размещение городов влияли военные, политические и экономические мотивы. Вплоть до XIX в. города возникали как символы и средоточие власти, как центры торговли и управления. С наступлением эры капитализма города создавались как результат индустриализации,

как центры эффективного освоения природных богатств. При этом в таких городах решались только общие проблемы их развития, а социальным аспектам их функционирования практически не уделялось внимания.

Только на пороге XX в., в период бурных социальных трансформаций, ста-

ли появляться концепции обустройства городского пространства, в которых жизнедеятельность людей, их потребности стали выдвигаться на передний план. Архитекторы и урбанисты заговорили о разделении городского пространства на промышленные и жилые зоны, на зоны отдыха и обслуживания. Социальные мыслители не могли не подключиться к развитию данных идей. Именно так в начале XX в. зародилась социология города.

Возникновение социологии города связано с именами таких авторов, как М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Теннис. Чуть позже, в середине 1920-х гг., проблематика городской социологии становится центральной для представителей Чикагской школы (Р. Парк, Э. Бёрджесс, Л. Вирт).

Главной задачей, которая стояла перед основателями социологии города, стал критический анализ идеи чужеродности городского образа жизни и его противопоставление сельскому общинному укладу. Для решения этой задачи требовалось также выявить и классифицировать факторы появления и развития городов. Позднее возникла необходимость в изучении адаптации к городским условиям, проблем городской экологии. Города росли и развивались, и в дальнейшем возникла необходимость в анализе городского культурного пространства.

Среди теоретических подходов к изучению города можно выделить *территориально-поселенческий* (город как особый вид поселения; см. М. Вебер, Л. Вирт); *экологический* (город как соотношение естественных и искусственных компонентов среды; см. Р. Парк); *экономический* (типологии городов по производственно-экономическим функциям и выявление морфологической структуры городской территории; см. В. Кристаллер); *градостроительный* (город как система социально-функционального расселения; см. А.В. Иконников); *историко-культурный* (город в эволюционном развитии и городская ментальность; см. А. Лефевр,

Ж. Ле Гофф); *социологический* (город как место развития социальных отношений и коммуникативное пространство, структура и особенности города как среды обитания; особенности городского образа жизни; см. Г. Зиммель, Ф. Теннис, А.Ф. Филиппов).

Западные социологи-урбанисты создали множество моделей для описания структур городов и городского роста — концентрическая (Э. Бёрджесс), многоядерная (К. Харрис), секторальная (Х. Хойт). В рамках неомарксизма город рассматривается как место «коллективного потребления» (М. Кастельс).

В отечественной науке городская социология поставлена такими учеными, как С. Барсукова, В. Гришаева, Ю. Вешнинский, А. Чешкова, О. Яницкий, В. Глазьев, Л. Павлова и др.

Город — это, прежде всего, особое пространство. При этом городское пространство существует не только физически, его можно воспринимать многомерно, на уровне социума (пространство для социальных отношений), культуры (пространство, где разворачиваются исторические события или происходит диалог сообществ) и т.д. Так, немецкий социолог Г. Зиммель говорит о городе как о центре кристаллизации новых социальных связей и пространстве, которое является местом локализации отношений по поводу обмена взглядами. Городское пространство, таким образом, упорядочивает и саму жизнь горожан, задавая им траектории поведения и жизненного пути. М. Вебер и Ф. Теннис сформировали представление о городе как о пространстве коммуникации, отличном от традиционного (общинного). А. Лефевр и Ж. Ле Гофф увидели в городском пространстве отражение особой ментальности, для которой характерен прагматизм, профессионализм, стремление к рационализации времени.

Современные концепции исходят из того, что город является особым соци-

ально-экономическим территориальным образованием, где наиболее тесно переплетаются интересы общества, производственных организаций, государственных и общественных учреждений, интересы человека как жителя.

XX в. стал веком массового возникновения городов. Процессом урбанизации были охвачены все страны, в особенности индустриально развитые. В результате большая часть населения сосредоточилась в городских поселениях. При этом города развивались и образовывались не только как промышленные центры, но и как центры науки, образования, отдыха. Процесс урбанизации породил тенденцию перехода от старого типа расселения (точечный, город-село), к новому (агломерации и урбанизированные районы). Не является исключением и наша страна, в которой процесс градостроительства происходил в огромных масштабах. Так, за время существования СССР (до 1989 г.) был образован 1481 город. При этом характерной особенностью XX в. стала тенденция к укрупнению городов: к 2000 г. в России насчитывалось 168 городов с населением свыше 100 тыс. чел., в том числе 13 — с населением свыше 1 млн чел. По данным последней переписи населения, на сегодняшний день в городах проживает около 73% россиян (в Великобритании и Нидерландах — 90%, в Бельгии — 97%, в США — 83%).

В России наибольшие темпы роста городского населения происходят в городах с населением свыше 1 млн чел. Несмотря на высокие темпы, во-первых, урбанизация проходила неравномерно в разных регионах страны. А во-вторых, почти треть городских поселений в России имеет скорее сельский характер, формируя свои агросообщества с приусадебным участком и другими атрибутами сельского образа жизни, что особенно важно в обществе риска, где стратегии выживания становятся определяющими для большинства населения. Большинство

горожан (особенно на периферии) продолжают сохранять прочные связи с сельской местностью, где проживают их родители, родственники.

Жизнь города определяется градообразующими и градообслуживающими факторами. К *градообразующим* факторам относятся промышленность, транспорт, связь, наука, санаторно-курортное дело и т.д. С социологической точки зрения, эти факторы отражают взаимодействие города и общества, предопределяя количество рабочих мест и структуру занятости в целом, а также социальные аспекты функционирования жителя в его трудовой и повседневной жизни. К *градообслуживающим* факторам относятся качественно-количественные характеристики рабочих мест, связанные со сферой социальных услуг. Это общественный транспорт, детские и образовательные учреждения, бытовое и медицинское обслуживание, торговля, учреждения культуры и т.д.

Градообразующий и градообслуживающий факторы, вместе взятые, представляют собой структуру мест труда, заданную социально-экономическим развитием города и технической вооруженностью его предприятий и организаций.

Современный город охватывает все этапы человеческой жизни, обеспечивает материальные и духовные потребности. Поэтому для всех городов XX в. первостепенное значение приобрели окружающая среда, благоустройство жилищ и территорий, рациональная организация повседневной жизни и т.д. Вполне закономерно, что в настоящее время исследователи рассматривают город с разных сторон — архитектурно-градостроительной, политической, производственной. Но все они рассматриваются сквозь призму социальных ресурсов, т.е. тех условий, которые создают возможности для желаемой жизнедеятельности в городском пространстве, для благоприятной среды обитания, для удовлетворения потребностей людей. Таким образом, центральным

вопросом социального развития городов является качественная организация социальной жизни населения.

Социально-экономическая ситуация существенным образом влияет на жизнь горожан. Если в городе нет достаточных возможностей для социального продвижения, не отвечает современным требованиям жилищно-бытовая сфера, растет уровень загрязненности окружающей среды, то, как правило, снижается социальное настроение населения, возрастает конфликтность в разных сферах, появляются диспропорции в структуре труда и занятости.

Особо важная концептуальная проблема в настоящее время — это снижение качества жизни в городах. Социальные особенности городов детерминированы социальной структурой, профессиональной, культурной, этнической, религиозной неоднородностью, слабыми и краткосрочными социальными связями, что провоцирует отчуждение и создает специфическую конфликтогенную среду; наблюдается более высокий уровень различных социальных девиаций: преступности, самоубийств, психических расстройств и т.д.

Социальное развитие города предполагает осуществление мер по планомерному воздействию на негативные процессы: преступность, детскую безнадзорность, проступки против правил и норм поведения. В этой связи необходимо остановиться на специфических, особенных процессах, которые приобрели значительный социальный резонанс. Так, на сегодняшний день можно говорить о *пространственной сегрегации*, т.е. о различных способах обособления тех или иных частей городского пространства и их обитателей. Это обособление принимает социальный характер, как только территория начинает восприниматься в терминологии разделения «мой/чужой». Причем это разделение увязывается с большими или меньшими социальными воз-

можностями, престижностью и т.д. Иными словами, вытеснение из пространства может являться следствием не только физического, но также и символического разграничения. Например, подчеркнута дорогие фасады, обогороженная близлежащая территория и (или) размещение на ней той или иной символики могут служить не столько декоративно-эстетическим целям, сколько задаче дифференцирования тех, чей доступ следует минимизировать или исключить, и тех, кого следует привлечь на данную территорию. Кроме того, известно, что представители не только этнических, но и социальных групп предпочитают селиться рядом с себе подобными. Таким образом, обособление тех или иных зон в городском пространстве может происходить по различным критериям (функциям, типу жилья и т.д.), которые, в свою очередь, могут отражать специфику расселения социально однородных групп. Поэтому можно говорить о городе в контексте упорядочивания пространства по определенным правилам.

Исследователи Чикагской школы полагали, что основным видом взаимодействия в городе является конкуренция за благоприятные сегменты пространства (для проживания, работы и т.д.). А значит, неравенство и сегрегация проявляются как результат более или менее эффективных усилий по освоению своей ниши в городском пространстве. Другие авторы (Л. Уорнер), напротив, выводили характер городской пространственной сегрегации из уже существующих представлений о социальной структуре или о культурных ландшафтах.

Городская сегрегация понимается как своеобразное перемещение социального неравенства в пространственное измерение. Одно из ярких проявлений пространственной сегрегации связано с регулируемым расселением по разным районам внутри одного населенного пункта или целого региона, например, вы-

теснение малообеспеченных или социально неблагополучных жителей на окраины, в непрестижные места. Другое проявление пространственной городской сегрегации заключается в социальном оценивании (ранжировании) потенциальных соседей. Представляя кого-либо своим соседом, индивид принимает решение, кого он хотел бы привлечь (включить) и от кого отгородиться (исключить) из своего пространства. Результаты ряда исследований показали, что существуют устойчивые группы людей, соседство с которыми воспринимается как нежелательное, причем это говорит о проявлении совокупности дискриминирующих правил и практик по отношению к данным группам.

Острыми социальными проблемами развития современных городов стали также экологическое неблагополучие, транспортные потоки, ограниченная доступность зрелищных и спортивных мероприятий и сооружений, угроза насилия, вплоть до терроризма и бандитизма.

Таким образом, *социология города* — это *социологическая дисциплина, объектом изучения которой является социальная жизнь города, городская жизнедеятельность*. В рамках социологии города изучается происхождение городов, урбанизация, городская морфология, городские системы, проблемы управления городом, городские сообщества и структуры вла-

сти. Социологический взгляд на данный объект подразумевает анализ форм и видов деятельности индивидов и сообществ в городском пространстве, а также изучение специфики организации городского пространства.

Основная литература

Казанцев В.И., Светульников М.Г. Социология города. Ульяновск, 2004.

Сергеев В.К. Город // Социологическая энциклопедия. М., 2003. С. 219.

Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология города».

Шушпанов Н.И. Социология города // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 707.

Дополнительная литература

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVII вв. Т. 1: «Структуры повседневности: возможное и невозможное». М.: Весь мир, 2006.

Заборова Е.Н. Социология города. Горожанин в системе социальных групп. Екатеринбург, 2001.

Павлова Л.И. Город: модели и реальность. М., 1994.

Проблемы городов переходных экономик. М., 2000.

Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

Синяевский А.С. Урбанизация в России в XX в. М., 2003.

Стрельникова А.В. Иллюзия свободы в крупном городе // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 133—139.

А.В. Стрельникова

Социология села

Село — социально-территориальная общность людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом. Как в социологическом аспекте, так и в административном помимо термина село используются также термин «деревня», и производные термины «сельское (деревенское) население», «сельский (деревенский) образ жизни».

Для села характерны относительная (по сравнению с городом) малочисленность видов трудовой деятельности, большая социальная и профессиональная однородность.

В узком смысле село (деревня) — малая сплоченная сельская общность, основанная на локальных соседских и родственных связях. Отношения сель-

ских жителей базируются прежде всего на взаимосвязи хозяйственной деятельности и совместном проживании людей в одном селении, а не на разделении труда или договорных отношениях.

Среди современных западных исследователей проблем села посвятили свои труды Э. Вольф, Дж. Вомак, Р. Редфильд, Т. Шанин, Х. Фридман и другие крестьяноведы.

В России сельская социология получила развитие в трудах А. Энгельгарда, А. Чаянова, Н. Кондратьева, В. Чернова, Н. Успенского. До революции крупные социологические исследования проводили П. Матвеев, В. Постников, В. Теньшев. Уникальные исследования деревни в 1920-е гг. осуществили А. Шингарев и А. Большаков.

Среди современных российских социологов значительные исследования крестьянства проводили Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, З.Н. Калугина, В.И. Староверов, П.И. Симуш, П.П. Великий, И.Т. Левыкин, И.С. Слепенков и др.

Социально-экономическая специфика деревни определяется непосредственной связью ее жителей с землей, хозяйственным освоением территории и использованием ее природных ресурсов путем направленной, преобразующей деятельности в различных отраслях сельского хозяйства. Отсюда — рассредоточение деревни, ограниченные размеры сельских населенных пунктов, приспособление к природной среде по основным видам занятий, сезонной цикличности работ, расселению и многим другим сторонам жизни. Отсюда же — и сравнительно небольшое разнообразие занятий, меньшая степень разделения труда и более низкий уровень коммунального и культурного обслуживания по сравнению с городом. Семьи в деревне обычно значительно крупнее городских, во многих развивающихся странах в деревне продолжают бытовать большие неразделенные семьи. В деревне, особенно эко-

номически слаборазвитых стран, более высок, чем в городах, уровень смертности. Браки в деревне обычно заключаются раньше, чем в городе, а уровень разводов ниже. Существенной особенностью сельских поселений, сравнительно с городами, является более однородный национальный, религиозный, расовый, профессиональный и прочий состав их жителей.

В рамках социологии села наиболее значимые исследовательские задачи связаны с изучением крестьянства как уходящего класса, его образа жизни, его экономического поведения, стратегий его выживания.

Именно крестьянство составляет основу сельского населения и является основным социальным классом, связанным с производством сельскохозяйственной продукции. В современном селе в индустриально развитых странах (в том числе в России) в сельской местности проживают также сельскохозяйственные рабочие, фермеры, специалисты, так называемая сельская интеллигенция.

Крестьянство как наиболее крупный социальный класс, представлявший в странах Запада доминирующую долю до XIX в. (а в России, СССР — до середины XX в.), ныне значительно сократился в связи с развитием промышленности и урбанизацией. В начале XIX в. в сельских местностях проживало 95—97% населения мира, в начале XX в. — около 85%, в 1970 г. — менее 65%, в начале XXI в. — 49%.

Главный признак крестьянства как социальной группы — способ жизнедеятельности, основанный преимущественно на технологии обработки земли и животноводстве (она может меняться — от использования примитивных орудий до механизмов). При этом в образе их жизни не один век сохранялись общие черты. Среди них — включенность всех членов семьи в повседневный труд, регламентированный природными циклами, натуральное хозяйство, зависимость от общины. В то же время крестьянские

хозяйства, будучи вмонтированы в разные типы общественно-экономических формаций, испытывали на себе и их влияние, что предполагает учет более широкого социального и экономического контекста.

В условиях капитализма из крестьянства выделились фермеры. Так как в крестьянском семейном хозяйстве основными являются естественные производительные силы, такие как земля и труд, в фермерском хозяйстве все более решающую роль начинают играть средства производства индустриального типа, специализация и коммерция.

Главная общая черта крестьянских хозяйств — зависимость от общей социальной и экономической ситуации в стране, от уровня развития рынка и товарных отношений. Бедность семейных производителей при современном капитализме отнюдь не является неизбежностью, но в то же время нет никаких гарантий для их процветания. Можно убедиться на опыте ряда стран (от Голландии или Австрии до Турции и Венесуэлы), что малые семейные фермы обладают способностью вбирать новые технологии, успешно приспосабливаться к рыночным условиям и обеспечивать уровень жизни не ниже, чем у рабочих и служащих.

Кроме семейных форм хозяйствования в аграрной сфере действуют крупные предприятия, рабочую силу которых составляют наемные работники — как местное население, так и приезжие из других мест, в том числе из городов. Их к крестьянству нельзя относить, так как это совершенно иной тип человека и работника, который временно связан с сельскохозяйственным трудом и не идентифицирует себя с крестьянским образом жизни. Таким образом, на селе существует сложная структура социальных групп.

В современном мире самый низкий процент сельского населения — в западноевропейских странах (от 3 до 15%), самый высокий — в странах Азии и Аф-

рики (в Индии, Китае, Уганде, Бурунди — от 70 до 90%). Что касается Российской Федерации, то до начала 1990-х гг. наблюдался рост населения, проживающего в городах и поселках городского типа, а доля сельского населения неуклонно сокращалась. При этом сельское население остается одной из самых массовых групп. Почти треть населения нашей страны (40 млн человек) живет в сельской местности. Естественная убыль сельского населения за последние 8 лет увеличилась в 9,3 раза. Сельская депопуляция охватывает 85 субъектов Российской Федерации. Переход из сообществ сельского типа в городские наиболее характерен для молодежи. Более 9,6 млн чел. (24,4%) от проживающих на селе (или 24,4% от их общего числа) — это люди в возрасте старше 55 лет, из них около 4 млн — старше 70 лет. По сравнению с 1990 г. персонал сельхозпредприятий сократился более чем в 2 раза, а безработица на селе составляет около 20%.

Что касается социально-экономических отношений, то до революции, когда деревня состояла из мелких производителей, она была достаточно крепкой и консервативной единицей с тенденцией к обособлению и раздроблению. В 30—40-е гг. XX в., на первых этапах существования коллективных форм хозяйствования, село и его главные социальные институты — колхоз, совхоз — в основном совпадали между собой. В дальнейшем, в 50—60-е гг., когда усилилась тенденция к концентрации, специализации и укрупнению сельскохозяйственного производства, деревня как единство производственных и территориальных аспектов жизни людей вновь распалась. Можно сказать, что в России была проведена не одна, а две коллективизации: сталинская ликвидировала крестьян-единоличников, а хрущевская превратила крестьян в наемных рабочих, лишив их значительной части земли (через обрезание огородов) и сократив возможность иметь собственный скот.

Еще больший экономический и социальный удар по селу нанесли реформы постсоветского периода, которые привели к образованию чудовишной смеси прежних и вновь формирующихся трудовых отношений. С одной стороны, деревню толкают на возрождение самостоятельных крестьянских хозяйств. С другой стороны, колхозно-кооперативная собственность еще не исчерпала своих возможностей и по ряду показателей соответствует современным требованиям развития сельского хозяйства. Ущербная аграрная политика в 1990-х гг. привела к тому, что доля убыточных сельскохозяйственных предприятий достигла максимума, поднявшись до 88%. Если в конце 1920 — начале 1930-х гг. при переходе от индивидуального к коллективному хозяйству произошло сокращение крупного рогатого скота на 15 млн голов, то при переходе от государственной и кооперативной собственности к индивидуальным хозяйствам и акционерным обществам численность этого скота упала на 50 млн.

В современных условиях остро стоит вопрос о будущей кооперации, фермерских и индивидуальных формах ведения хозяйства, о более эффективном и по-новому организованном участии горожан в производстве сельскохозяйственной продукции, и, в частности, через развитие садоводческих кооперативов или организацию «зеленых цехов» предприятий перерабатывающей промышленности на базе нерентабельных или малорентабельных хозяйств.

Необходим поиск и внедрение новых форм регулирования сельскохозяйственного производства, более разумных моделей, позволяющих избавиться от бюрократизма, развить потенциальные возможности крестьянина, преодолеть его отчуждение от земли и результатов своего труда: от действительно льготного кредитования и лизинга техники до сдерживания цен на горюче-смазочные материалы, от поддержки кооперации

и защиты от скупщиков до осуществления эффективной социальной политики на селе.

Для российской деревни характерным является существенное отставание социальной сферы по сравнению с городом. Актуальной остается проблема слабых коммуникаций (треть сельских поселений не соединены асфальтированными дорогами, а свыше 40 тыс. сельских поселений остаются без автобусного сообщения); неразвитость социально-бытовой инфраструктуры (только каждая четвертая семья на селе имеет водопровод, 37% семей имеют центральное отопление, 17% — горячее водоснабжение); свыше 40 тыс. сельских поселений остаются без автобусного сообщения, две трети сельских поселений удалены от ближайшего общеобразовательного учреждения более чем на 3 км. Культура российской деревни, или села, в настоящее время представляет собой совокупность архаичных элементов традиционной крестьянской культуры (где определяющим типом культурной коммуникации было неинституционализированное непосредственное общение между живущими рядом людьми, где высока роль традиции при овладении практическими навыками, и в социализации индивида, и в наследовании духовных ценностей) и урбанистической культуры, основным каналом трансляции которой в деревню являются средства массовой информации.

Все это позволяет сделать вывод о том, что осмысление новых реалий на селе, происходящих в условиях экономических и политических изменений, связано с пониманием специфики крестьянского сознания и поведения, устойчиво содержащего в себе «признаки здорового консерватизма», отрицания крайних мер в политике и экономике, склонности к таким традиционным ценностям, как семья, религия, сильное государство, к закреплению и выполнению общественных норм и правил.

Таким образом, целью и задачей социологии села является изучение состояния и особенностей сознания крестьянства как крупной социальной группы, его поведения в условиях специфической жизни, обусловленной близостью к природной среде, характером и содержанием трудовой деятельности, связанной с производством сельскохозяйственной продукции, организацией особенного повседневного быта.

▲

Основная литература

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 556—559.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология села».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

Дополнительная литература

Калугин З.И. Парадоксы сельского развития. Новосибирск, 2000.

Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 2000.

Пацюрковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы // СОЦИС. 2007. № 1. С. 90—99.

Социология в России. М., 1998.

Эфендиев А.Г., Болотная И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России. 2002. № 4.

Н.М. Великая

Экологическая социология

Слово «экология» ввел в научный оборот немецкий естествоиспытатель Э. Геккель в 1866 г., соединив два греческих слова: *oikos* — жилище, местопребывание, убежище, дом и *logos* — учение. Важнейшим понятием экологии является *экосистема* — совокупность взаимодействующих живых организмов и условий среды, непосредственный геобиологический обмен между живыми организмами и неживой природой. Масштабы экосистемы различны — от локальной, региональной до глобальной. Важнейшее место в анализе экосистемы занимает проблема *экологического равновесия* в ней, которое характеризуется сохранением постоянного видового состава и циклов воспроизводства.

Как часть экологии в XX в. начинает оформляться *социальная экология* как наука о взаимодействии общества и природы, о развитии социоприродных экосистем. Ее важнейшей задачей становится анализ процессов адаптации социальных субъектов в окружающей среде, выявление пределов изменчивости социальной активности, за которыми возникает негативный экологический эффект (соци-

ологическая экология О.Н. Яницкого). Целью выработки социально-экологического знания становится научное оформление проекта «устойчивого развития» социосферы, ее трансформации в ноосферу. Такой проект призван служить ответом на вызов сложившегося глобального экологического кризиса во второй половине XX в. в результате нарастания социальной активности.

В поиске оснований устойчивости взаимодействия общества и природы социальная экология обращается к опыту традиционного общества. Знания о воспроизводстве жизни, об окружающей среде накапливались на протяжении всей истории человечества. Возникающая еще в первобытном обществе мифология отражает естественные законы воспроизводства жизни, в соответствии с которыми выстраивалось воспроизводство общественной жизни. В науке представления о жизни как явлении комплексном — космическом, социальном, естественном — возникают в учениях философов Древнего мира примерно в середине I тыс. до н.э. Затем происходит деление науч-

ного знания на части, каждая из которых занимается изучением не всей действительности, а лишь «своего» фрагмента, происходит обособление естествознания и обществознания, исследующих отдельные формы жизни. И первые сто лет развития собственно экологии приходится на период «разобленного знания». Поэтому первоначально экологические знания накапливались отдельно в биологии, геологии, социологии и многих других науках.

Стремление систематизировать знания о воспроизводстве отдельных «фрагментов» жизни — биологической и социальной — приводит к становлению современного интегрального представления о процессе воспроизводства жизни, о гео- и биосоциальных условиях и механизмах воспроизводства жизни. Предметная область экологии расширяется, она включает знание о связях, обеспечивающих воспроизводство всех форм жизни на нашей планете, о целостности жизни.

При анализе экологических процессов все шире используется *социологический подход*, выявленный классической экологией *феномен обменности экологических связей*. Если в природных экосистемах идет непосредственный геобиологический обмен между живыми организмами и неживой природой, то в системах социоприродных, где во взаимодействие вступают природа (живая и неживая) и общество, обмен оказывается опосредован культурой, символической деятельностью, языком, сознанием. При воспроизводстве социальной жизни складывается двойная система накопления информации: биологической в генах и культурной в языке, тексте. В социоприродной экосистеме сохраняются процессы обмена веществ, размножения, наследственности, изменчивости, приспособляемости, роста и других, но при этом характер их усложняется. В культуре сохраняются и приумножаются результаты творчества людей.

В социологии экологический подход был использован одним из основателей

Чикагской школы Р. Парком (1864—1944), отмечавшим общность принципа рассмотрения систем в социологии и экологии. Экосоциология Парка строится на демонстрации зависимости общественных отношений от среды, в которой они оформляются. Конкуренцию в обществе Парк рассматривал как процесс, подобный борьбе за существование в природе. «Экологический порядок общества», по Парку, возникает под воздействием такой формы коллективного поведения, как миграция. Эти методологические основания легли в основу изучения Парком и его последователями локальных сообществ — прежде всего городских. Однако в дальнейшем социологический анализ экологической проблематики преодолевает границы такой локализации.

В современной экологии все более существенную роль играет именно *социологический анализ*, исследование экологического изменения и поведения причин нарастания противоречий в развитии природы и общества. В то же время в социологии все обстоятельнее учитывается естественно-научная картина мира. Параллельно предпринимается попытка учета накопленных в культуре многообразных традиций взаимодействия народа и природы, которые сложились на Юге и Севере, Востоке и Западе нашей планеты.

В России сложился уникальный комплекс традиций диалога природы и общества. Одной из наиболее характерных особенностей этого диалога является подчеркнуто бережное отношение к таким компонентам природной среды, как *земля, воздух, вода*, что отражается как в народном сознании, так и в развитии научного знания — в сельскохозяйственной экологии А.Т. Болотова, в исследовании А.Л. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь» и в анализе русских космистов Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского влияния социального разума на Космос, Вселенную, Природу. Именно Вернадский заложил основы

материалистического истолкования идеи *ноосферы* — нового эволюционно возникающего состояния глобальной социоприродной экосистемы, при котором решающим фактором ее развития становится гармоничное взаимодействие человека и природы.

Экологическая социология анализирует пути и способы удовлетворения потребностей людей, которые позволяли бы не деформировать природу, не использовать техническое могущество человека против природы, преодолеть экологический кризис. Этот кризис проявляется сегодня не только в серьезнейших деформациях окружающей среды, но и в отсутствии экологической культуры. Все это результат существенного рассогласования в развитии общества и природы, которое предстоит осознать и преодолеть. Постепенно оформляется новый принцип отношения общества к природе — *принцип коадаптации* (Н.Н. Моисеев).

Причина многих негативных экологических издержек — в нарушениях развития духовной культуры. Сами по себе достижения человеческого разума не являются вредными или опасными. Такими они становятся в руках людей с экологически неразвитым сознанием, не умеющих рассматривать свои действия как часть круговорота жизни на планете, часть, неразрывно связанную со всеми остальными частями и влияющую на них. Современный экологический кризис содержит внутри себя как свое ядро кризис духовной жизни.

А потому предметом экологической социологии становится *анализ отражения в общественном сознании проблем взаимодействия природы и общества, возможностей формирования экологической культуры при помощи экологического образования и воспитания.*

Экологическая социология возникает как часть чрезвычайно тонко и предметно развитой культуры. Она собирает, использует все выработанные культурой

образы, знания, ценности. Именно все многообразие культурного наследия, включая и последний «природозавоевательный» опыт, делают экологическую культуру не только возможной, но и неизбежной, обязательной. Социологическое видение экологических проблем трансформируется в ситуации глобализации. Все больше внимания в нем уделяется анализу системной организации взаимоотношений природы и общества. Экологическая проблематика, в свою очередь, изменяет социологическое поле, определяет его расширение за традиционные границы исключительно социального, сосредоточенного на себе, заставляет увидеть новые для социологии и все более определяющие судьбу человечества зависимости природы от общества и общества от природы.

Структура социально-экологического знания складывается из таких областей, как анализ сущности воспроизводства социальной жизни, характеристика изоморфности закономерностей воспроизводства жизни социальной и биологической; анализ сущности современного экологического кризиса, роли экологического сознания и экологической культуры, экологического воспитания в его преодолении; изучение экологической политики, правового регулирования экономического, технологического развития.

Основная литература

Мазур И.И., Козлова О.Н., Глазачев С.Н. Путь к экологической культуре. М., 2001.

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 791—794.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Экологическая социология».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 896—898.

Дополнительная литература

Бганба В.Р. Социальная экология. М., 2004.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

Гирусов Э.В. Основы социальной экологии. М., 1998.

Комаров В.С. Научно-техническая революция и социальная экология. М., 1998.

Маркович Д. Социальная экология. М., 1998.

Сосунова И.А. Методология и методика социально-экологических исследований. М., 1999.

Сосунова И.А. Социальная экология. М., 1996.

Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.

О.Н. Козлова

Демография

Демография — исторически сложившаяся наука, изучающая тенденции воспроизводства населения, его численность, состав, территориальное размещение. Она изучает закономерности и социальную обусловленность рождаемости, смертности, брачности, миграции, воспроизводства супружеских пар и семей, исследует изменения возрастно-половой, брачной и семейной структур населения, взаимосвязь демографических процессов, а также изменение численности населения и семей как результат взаимодействия этих явлений. Демография разрабатывает методы описания, анализа и прогноза этих процессов и явлений. На основании исследования внутренних взаимосвязей между процессами и структурами, а также влияния на них условий жизни и общественных отношений, определяющих интенсивность демографических процессов, демография выясняет как общие закономерности их протекания, так и особенности их проявления в определенных условиях места и времени. Демография изучает тенденции воспроизводства групп людей, их совокупностей, обладающих определенными свойствами. В зависимости от целей исследования демографические совокупности могут включать супружеские пары, семьи или такие группы, как поколение.

Воспроизводство населения носит общественный характер, оно обусловлено социальными явлениями и связями, на него оказывают влияние различные отношения, возникающие в процессе жизни людей. Для определения зависимости демографических процессов от функцио-

нирования социальных институтов и особенностей поведения населения демография взаимодействует с различными специальными социологическими теориями: с социологией культуры, социологией семьи, экономической социологией, этнической социологией, социологией города и села. Социология устанавливает социальные нормы и ценности, социально-психологические факторы, влияющие на демографические процессы.

В демографии находят широкое применение социологические методы. Важнейшими источниками данных о населении служат переписи и специальные и выборочные обследования. Данные получают и обрабатываются на основе методов социологического исследования. Результаты обследования позволяют изучить различные аспекты воспроизводства населения, например, влияние социальных и экономических условий на естественное движение и миграционную подвижность населения, репродуктивные установки женщин, особенности формирования семьи. Существует обратная связь демографии и социологии. Социология изучает влияние сформировавшихся демографических структур и компонентов изменения численности на функционирование социальных институтов, а также на особенности управления социальными процессами (в том числе разработку приоритетных направлений демографической политики). Важнейшей задачей социологии (в соответствии с предметом социологической науки) является демографическое сознание и демографическое поведение в условиях социально-

экономических, политических и духовно-культурных отношений.

Методы исследования, применяемые в демографии, включают *общенаучные методы*: метод научной абстракции, сравнение, анализ и синтез, обобщение, методы индукции и дедукции, метод обоснования гипотез и их проверки, экстраполяция и моделирование. К собственно *демографическим методам* относятся: 1) методы продольного и поперечного анализа (реальных или условных) поколений, дающие возможность сравнивать особенности воспроизводства населения; 2) метод потенциальной демографии, при котором демографические процессы выражаются таким показателем, как число человеко-лет предстоящей жизни; 3) методы стандартизации демографических коэффициентов, позволяющие исключать при сравнениях влияние различий в составе сравниваемых групп населения; 4) методы демографического моделирования, среди которых более распространены модели стационарного и стабильного населения, а также числовые модели демографических процессов для гипотетического поколения в виде таблиц. В демографии широко применяются приемы графического изображения и анализа в виде кривых рождаемости, смертности, брачности, миграции. Особое место среди графических методов занимает *демографическая сетка*, позволяющая с помощью геометрических построений вычислить основные характеристики демографических процессов в поколении и анализировать их протекание во времени. Методы демографического прогноза дают возможность оценить численность и структуру населения в будущем. При перспективных исчислениях населения наиболее распространены метод передвижки по возрастам и метод компонентов.

В целях углубления представлений о механизме воспроизводства населения и социального управления демографическими процессами широкое распространение получают *социологические методы*.

Теория (или концепция) *демографического перехода* используется для описания эволюции демографических процессов, исторической последовательности смены типов воспроизводства населения в результате эволюции общества. Согласно этой концепции, все страны и народы проходят в своей демографической истории через одни и те же этапы, каждому из которых соответствует определенный тип (режим) воспроизводства населения.

В демографии под *рождаемостью* понимается процесс деторождения в некоторой совокупности людей, составляющих поколение или группу поколений (население), имеющих определенную интенсивность и ограниченных определенными нормами социального поведения. Рождаемость выступает ведущей составляющей воспроизводства населения, определяет его режим (суженый, простой, расширенный) и общее направление эволюции населения и его возрастно-полового состава. Основные показатели: *общий коэффициент рождаемости*, *коэффициент суммарной рождаемости*, *возрастные коэффициенты*, *коэффициент брачной (внебрачной) рождаемости*, *средний возраст матери при рождении ребенка*, *средняя очередность рождения*.

Репродуктивное поведение представляет собой целостную систему действий, отношений и психических состояний личности, направленных на рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности, в браке и вне брака. Ряд авторов включает в понятие репродуктивное поведение также процесс социализации ребенка (обучение, воспитание, приобретение определенных социальных качеств и т.п.). Наряду с термином «репродуктивное поведение» в литературе используются также термины «прокреативное поведение» и «генеративное поведение».

Структурно в рамках репродуктивного поведения выделяют: 1) совокупность поведенческих актов и решений, непосредственно направленных на рождение ребенка или собственно репродуктивное поведение; 2) контрацептивное поведение;

ние, т.е. действия, направленные на предотвращение зачатия; 3) абортивное поведение, т.е. действия, имеющие целью предотвратить нежелательное рождение. Все три варианта поведения регулируются относительно самостоятельно установленными установками и мотивами.

Смертность — процесс вымирания поколения, один из основных среди демографических процессов, характеризующих воспроизводство населения. На уровень смертности оказывают влияние экзогенные (связанные с воздействием окружающей среды на человеческий организм) и эндогенные факторы (порождаемые внутренним развитием человеческого организма). Эволюционное изменение интенсивности возрастной смертности и структуры причин смерти от состояния, при котором основная масса людей умирает от принципиально устранимых заболеваний, имеющих преимущественно экзогенную, или внешнюю природу, по отношению к человеку как биологическому виду, к состоянию, при котором основными заболеваниями, обуславливающими интенсивность смертности в отдельных возрастах, становятся патологии, связанные с процессом естественного старения человеческого организма, называется *эпидемиологическим переходом*. Основные классы причин смертности, используемые в демографии: инфекционные и паразитарные болезни; новообразования; болезни системы кровообращения; болезни органов дыхания; болезни органов пищеварения; несчастные случаи, отравления и травмы.

Основные показатели смертности: общий коэффициент смертности, возрастные коэффициенты, коэффициент младенческой смертности, коэффициенты смертности по причинам. Статистическое описание порядка вымирания поколения дает *таблица смертности* — система взаимосвязанных показателей, рассматриваемых как функция возраста. Обобщающая характеристика процесса вымирания поколения — ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Брачность — процесс образования супружеских пар. В демографическом анализе она обычно рассматривается применительно к поколению (реальному или гипотетическому) и представляет собой последовательность заключения брака в некоторой совокупности людей, которые достигли минимального брачного возраста, устанавливаемого законом или обычаем. Брачность населения изучается с помощью характеристик, измеряющих ее частоту, уровень и длительность, а также возраст вступления в брак. Демографические показатели брачности можно подразделить на несколько групп: итоговые показатели, фиксирующие результат процесса на определенный момент времени, характеризующие брачное состояние, распространенность окончательно безбрачия в поколении; показатели, измеряющие общую частоту вступления в брак, возраст вступления в брак; частоту овдовения, частоту разводимости и прочность браков, распространенность повторных браков, особенности брачной ситуации, подбора брачных пар.

Наиболее точно измерить процесс вступления в брак позволяют *таблицы брачности*, которые представляют собой упорядоченную последовательность величин, характеризующих процесс вступления в брак людей, принадлежащих к некоторой их совокупности, во времени. Они дают описание процесса вступления в брак независимо от сложившейся возрастной структуры населения, позволяют проводить региональные сравнения, анализировать внутренние закономерности и выявлять характерные особенности процесса.

Разводимость определяется как процесс распада супружеских пар в поколении вследствие расторжения брака. Показатели, измеряющие частоту разводимости, строятся по аналогии с показателями, применяемыми для измерения браков, и рассчитываются по данным переписей населения и текущего учета. К ним относятся: общий коэффициент (наименее точный, зависящий от возрастной структуры населения), повозраст-

ные коэффициенты, коэффициент суммарной разводимости. Для анализа процесса используются также специальный коэффициент разводимости, индекс разводимости, специальные коэффициенты данной продолжительности брака (на основе которых рассчитывается приведенное число разводов), показатель средней продолжительности расторгнутого брака. Особое значение имеют показатели, рассчитанные на основе таблиц разводимости, характеризующих течение процесса в виде упорядоченной системы.

Демографическая политика — система концептуально объединенных государственных и общественных целей и средств их достижения, регулирующая процессы воспроизводства и динамики населения. Цели демографической политики направлены на достижение рационального режима воспроизводства населения, сохранение или изменение качественных характеристик населения. Основные направления демографической политики: 1) законодательные или административно-правовые; 2) экономические, направленные, например, на уменьшение материальных трудностей семьи с детьми или на предоставление вознаграждений в обмен на желательное демографическое поведение; 3) меры морально-психологического воздействия, ориентированные на формирование необходимого общественного мнения по поводу проводимой политики и ее целей.

Миграция населения — это процесс пространственного движения населения, который ведет к его территориальному перераспределению. Миграции подразделяются на возвратные и безвозвратные. Основные виды возвратной миграции — эпизодические (деловые, рекреационные и иные поездки, совершающиеся нерегулярно по времени, не обязательно по одним и тем же направлениям), маятниковые (ежедневные или еженедельные поездки населения от мест жительства до

мест работы (учебы) и обратно, расположенных в разных населенных пунктах), сезонные (перемещения к местам временной работы и жительства на несколько месяцев). К безвозвратным миграциям относятся перемещения населения из одних населенных пунктов в другие с переменной места жительства.

Миграции подразделяются на внутрисударственные и межгосударственные, внешние. К внутренним миграциям относятся как добровольные, так и вынужденные переселения (беженцы, перемещенные лица, депортация). Внешняя миграция может носить легальный или нелегальный характер.

Показатели миграции делятся на абсолютные и относительные. К абсолютным показателям относятся численность прибывших и выбывших, разность между ними — сальдо миграции (также этот показатель называют чистой миграцией или нетто-миграцией), их сумму — миграционный оборот (валовая, брутто-миграция). Относительные показатели миграции: коэффициенты интенсивности прибытий, выбытий, миграционного сальдо, миграционного оборота; коэффициент результативности миграции.

Основная литература

Борисов В.А. Демография // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 167—68.

Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

Медков В.М. Демография. М., 2007.

Рыбаковский Л.Л. Демография. Демографическая политика. Демографическая ситуация // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 259—265.

Дополнительная литература

Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М., 1989.

Вишневский А.Г. Демографическая революция. М., 1976.

Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., 1994.

www.demoscope.ru (электронный журнал)

www.gsk.ru (сайт Госкомстата).

Социология социальной сферы

Социальная сфера представляет собой *специфическую систему связей и отношений, складывающихся между субъектами общественной жизнедеятельности*. Она включает в себя всю совокупность условий и факторов, обеспечивающих воспроизводство, развитие, совершенствование взаимодействующих общественных групп и индивидов. Существует в обществе наравне с иными сферами: экономической, политической (в том числе правовой), духовной.

Основное предназначение социальной сферы — социальное воспроизводство, т.е. осознанная, целенаправленная деятельность членов общества по поддержанию целостности и устойчивости, обеспечению наиболее благоприятных условий для своего существования и развития, для развития отношений с другими социальными группами и сообществами.

Социальное воспроизводство как функция социальной сферы имеет:

- количественный аспект физического воспроизводства;
- качественный аспект, связанный с воспроизведением определенных социальных качеств, необходимых человеку для жизни (образования, здоровья и т.п.), и включает воссоздание на новых этапах развития общества всей совокупности условий жизнедеятельности субъектов (прежде всего социальной инфраструктуры), норм и ценностей, социальной структуры, социальной организации и социальных институтов.

Социальное воспроизводство может быть:

- *простым* (воссоздание общностей той же численности и неизменных социальных качеств);

- *расширенным* (при условии роста численности новых поколений и достижения более высокого уровня развития их социальных качеств);
- *суженным* (уменьшение численности новых поколений и снижение уровня их прогрессивных качеств).

Социальная сфера в идеале призвана обеспечить социальную справедливость, т.е. *достаточный*, с точки зрения общественного прогресса, *уровень благосостояния, доступность основных жизненных благ* для большинства населения, уверенность людей в том, что государство и общество обеспечит полнокровную — материальную и духовную — жизнь. Она характеризуется социальной структурой, базирующейся не на классовой поляризации, а на *широком спектре социальных слоев*, различия в положении которых не носят дезинтегрирующего характера.

О мере развитости социальной сферы судят по социальным индикаторам: величине прожиточного минимума, доле населения, находящейся за порогом бедности, поляризации доходов (децильный коэффициент), числу получающих образование, перечню медицинских услуг, доступных всему населению, доле безработных в общей численности трудоспособного населения, средней продолжительности жизни, детской смертности, рождаемости и др.

Становление социальной сферы общества есть результат исторического процесса. Обществу на этапах его развития было всегда присуще воспроизводство социальной реальности и самого человека, хотя способ реализации этой важнейшей функции существенно различался в процессе социогенеза.

Функции социальной сферы, обеспечивающие естественную целостность

жизнедеятельности людей, воспроизводство повседневной жизни, удовлетворение насущных потребностей, самореализацию человека, первоначально осуществлялись, главным образом, посредством института семьи и системы межсемейных, родственных связей.

Семья являлась первой формой трудовой общности, в рамках которой осуществлялась физическая забота, помощь, лечение, оказание хозяйственно-бытовых услуг одними членами семьи другим. Семейные взаимосвязи служили духовному взаимообогащению, развитию дружеских, соседских отношений, организации совместного досуга. Поэтому семья может считаться генетическим истоком возникновения социальной сферы.

Постепенно происходило сужение производственных и социальных функций семьи, но при этом пространство внесемейных трудовых, территориальных, социально-бытовых, распределительных отношений в обществе расширялось. Это потребовало развертывания специализированной социальной инфраструктуры, создания специальных механизмов регуляции социальных отношений, формирования сложной системы управления социальной сферой.

Становление и развитие социальной сферы в каждом конкретном обществе подчинялись общим объективным закономерностям, поскольку существуют социальные универсалии, определившие базисными потребностями человека (необходимостью в пище, тепле, отдыхе, поддержании здоровья и т.д.).

Социальные и культурные условия и факторы в конкретно-исторический период определяют специфику социальной сферы. Конкретные особенности функционирования социальной сферы в том или ином обществе зависят от уникального развития этой страны, особенностей культуры, природно-географических условий данной страны, включенности в общие процессы модернизации.

Современная российская социология констатирует углубляющийся кризис социальной сферы, сопровождающийся следующим:

- ухудшением показателей российской популяции (снижение рождаемости, средней продолжительности жизни, рост младенческой и материнской смертности и т.п.);
- осложнением жилищной ситуации в стране;
- обеднением и резкой дифференциацией доходов населения и соответственно обеспеченности социально-культурными услугами;
- нарастанием остроты проблем, связанных с коммунальным и транспортным обслуживанием;
- обострением региональных противоречий;
- формированием негативного эмоционального фона населения.

Углубляющийся кризис социальной сферы формирует конфликтное социальное пространство и приводит к дальнейшей дезинтеграции общества.

Решить теоретические проблемы, ответить на поставленные практикой запросы призвана социология социальной сферы. Данная специальная социологическая теория включает в себя анализ основных проблем, связанных с социальной структурой общества, стратификацией, дифференциацией и социальной мобильностью, этнонациональной структурой, образом жизни, семьей, молодежью, социальной работой.

В ряде исследований рассматриваются такие проблемы, как геронтология, отклоняющееся поведение.

Основная литература

Осадчая Г.И. Социология социальной сферы. М., 2003.

Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. Ст.: Образ жизни. С. 72—74; Социальная справедливость. С. 465—466; Социальная сфера. С. 467—468; Социальное воспроизводство. С. 469—470.

Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. Раздел III «Социальная жизнь общества».

Дополнительная литература

Ершов А.Н., Хайрулина Ю.Р. Качество жизни и местное самоуправление в условиях социальной модернизации // СОЦИС. 2004. № 8. С. 63—69.

Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения (Социальное дно) // СОЦИС. 2004. № 4. С. 33—43.

Солнышкина М.Г., Щеглова С.Н. Методы и технологии социальной работы. Дубна: Междунар. ин-т природы, об-ва и человека «Дубна», 2002.

Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М.: ИНИОН РАН, 2002.

Сидорина Т.Ю. Социальная политика. М., 2005.

Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // СОЦИС. 2004. № 4. С. 120—129.

Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 11—28.

С.Н. Майорова-Щеглова

Образ жизни

Понятие «образ жизни» долгие годы использовалось в художественной литературе и журналистике. Предметом научного анализа образ жизни стал в связи с возникновением таких понятий, как уровень жизни, стиль жизни и качество жизни. Если говорить об историческом контексте понятия «образ жизни», то оно встречается в трудах П.А. Сорокина. Именно он привел перечень «сторон поведения людей», которые «исчерпывают почти все поведение и весь образ жизни индивида».

Большинство исследователей используют термин «образ жизни» как широкое понятие, включающее индивидуальные формы поведения, активность и реализацию своих возможностей в труде, повседневной жизни и культурных обычаях, свойственных тому или иному социально-экономическому укладу, в соответствии с научно-обоснованными требованиями и удовлетворением социальных и индивидуальных потребностей.

Образ жизни — сложное образование. Оно впитывает в себя характеристики, которые изучаются смежными специальными социологическими теориями — социологией города и села, социологией труда и культуры, этносоциологией, социологией здоровья, быта, отдыха и т.д.

В социологии разработаны многочисленные схемы анализа образа жизни, которые позволяют более четко его представить и, что особенно важно, подвергнуть конкретным исследованиям, измерениям и оценкам.

При исследовании образа жизни в большинстве случаев рассматриваются, в о - е р - ы х, *основные виды деятельности человека* (социальной группы, общности, класса) — трудовая (производственная), социальная, политическая, духовно-культурная и др.

В о - в - ь о - р - ы х, как *совокупность взаимосвязанных видов социальной активности*. Взяв за основу критерий «социальная активность», предлагается изучать образ жизни через ее сферу, характер и виды (формы). *Сфера активности* может быть экологической, политической, социальной, духовной; *характер* — интеллектуальный или физический; *виды (формы) активности* — производственная, образовательная, бытовая, спортивная, медицинская и др.

В - т - р - ь - ь х, образ жизни представлен *совокупностью социально-психологических компонентов*, особым способом их взаимодействия. Он складывается под влиянием не только социально-экономических и политических условий: в нем важнейшую роль играют этнона-

циональные особенности, такие социально-психологические характеристики, как идентификация, менталитет, традиции, обычаи и др.

В-четвертых, это понятие интегрирует в себе такие, как *уровень жизни, качество жизни, уклад жизни и стиль жизни*. *Уровень жизни* является сложной социально-экономической категорией, отражающей степень удовлетворения потребностей населения в материальных благах и нематериальных услугах, а также условия, имеющиеся в обществе для их развития и удовлетворения. *Уровень жизни* определяет уровень благосостояния, характеризует размер, а также структуру и масштабы удовлетворения материальных и духовных потребностей, которые могут быть выражены в количественных измеряемых показателях. Соответственно основное внимание уделяется доходам, оплате труда, структуре потребления и на этой основе делаются выводы о его соответствии как мировым, так и отечественным стандартам.

Оценкой содержательной стороны образа жизни является *качество жизни*. Это — показатель уровня комфорта, удовлетворенность работой, общением и т.п. *Качество жизни* — это состояние удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, характеризующееся посредством сопоставления со стандартом, определяемым на основе агрегированных или дезагрегированных индикаторов. Феномен «качество жизни» исследовал американский экономист Дж. Гэлбрейт. Серьезный вклад в изучение «качества жизни» внесли социологи Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс), исследовавшие такие факторы, как загрязнение окружающей среды, шум, плотность населения и др.

Под *укладом жизни* понимают порядок, регламент труда, быта, отдыха, в рамках которых проходит жизнедеятельность человека, это временной показатель.

Изучение образа жизни возможно и через исследование *стиля жизни*. Под

стилем жизни понимают определенный тип поведения, исторически сложившуюся форму жизнедеятельности конкретного человека. Он также воплощает относительно устойчивый образец (стереотип) межличностных отношений индивида, формирующийся в процессе социализации и свойственный социальной группе, к которой он принадлежит. *Стиль жизни* подразумевает субъективную сторону деятельности, формы повседневного поведения индивида. Выбор стиля во многом зависит от социокультурных факторов. Стоит отметить, что понятие «стиль жизни» появилось в социологии раньше понятия «образ жизни». Оно использовалось М. Вебером, рассматривавшего стиль жизни как критерий социальной дифференциации, фактор, интегрирующий данную социальную группу и одновременно выступающий барьером, препятствующим переходу из одной группы в другую. На отдельные моменты стиля жизни обращали внимание Т. Веблен, Г. Зиммель.

Обобщая имеющиеся подходы, можно сказать, что *образ жизни* — это *осознанное или стихийное построение жизни, во-первых, на основе мировоззренческих ориентиров восприятия и реакции на окружающую среду (т.е. публичная жизнь) и, во-вторых, с учетом менталитета, традиций и обычаев (приватная, частная сфера повседневной жизни)*. Опираясь на такую трактовку образа жизни, образ жизни можно типологизировать по следующим основаниям:

- социально-классовым основаниям (образ жизни предпринимателей, рабочих, крестьян, наемных работников);
- этнонациональным характеристикам (образ жизни народа, нации, этнической группы);
- различиям в поселенческой структуре (образ жизни горожан, сельчан);
- социально-демографическим характеристикам (образ жизни молодежи, женщин, мужчин);

- социально-профессиональному разделению труда (образ жизни учителя, инженера, шахтера и т.д.);
- территориально-географическим особенностям (образ жизни живущих в Сибири, на Крайнем Севере и т.д.).

Таким образом, образ жизни, будучи обусловлен преимущественно социально-экономическим уровнем развития общества (уровень жизни), социальным и политическим строем (качество жизни и уклад жизни), в то же время зависит от конкретной линии поведения субъекта, его ценностных ориентаций, установок, мотивов деятельности (стиль жизни).

Образ жизни существенно влияет на социальные процессы и характеристики общества, находится во взаимосвязи с природными, биологическими, психологическими, культурными и другими факторами и представляет собой единство

объективного и субъективного. Он отражает наиболее общие и типичные способы материальной и духовной жизнедеятельности людей, взятых в единстве с природными и социальными условиями.

Основная литература

Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 72—74.

Тоценко Ж.Т. Социология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 263—283.

Дополнительная литература

Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. С. 416.

Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни / Под ред. И.В. Бестужева-Лады, Г.С. Батыгина. М.: Ин-т социологии, 1979.

Толстых В.И. Образ жизни: понятие, реальности, проблемы / В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1975.

Н.И. Белова

Этносоциология

В самом общем виде этносоциология изучает процессы и явления, раскрывающие сущностные черты и специфику проявления национального в обществе и степень его влияния на все сферы социально-экономической, политической и духовной жизни. Так как практически в мире не осталось однопациональных государств, этнические проблемы стали характерными для всех без исключения стран. Только они проявляют себя по-разному. Так, в XX в. распались многонациональные государства (сначала Австро-Венгрия, Британская империя, затем СССР, Югославия, Чехословакия). Ряд стран испытывает серьезные межэтнические потрясения (Индия, Индонезия, Цейлон, многие государства Африки). Активизировались иноэтнические группы в странах, в которых долгие годы не проявлялась межнациональная напряженность: в Канаде (особая позиция

французских жителей провинции Квебек), в Испании (деятельность баскских сепаратистов), в Бельгии (противостояние фламандцев и валлонцев). Более того, обострились этнические противоречия в странах, которые издавна считались многонациональными, но имеющими в своем составе различные этнические группы (во Франции, Турции). В сочетании с религиозными эти противоречия наложили серьезный отпечаток на повседневную жизнь и привели к трагедиям в Северной Ирландии, Пенджабе (Индия), бывшей Югославии.

Поворот к этнонациональным проблемам происходит в глобальном масштабе. Достаточно сказать, что в войнах и вооруженных конфликтах вес этнического фактора в 1984—1989 гг. достиг, по данным Т. Райта, половины (15 из 30), в то время как за весь период нового времени с 1496 по 1983 г. только 86 из 240 войн

характеризовалось той или иной степенью этнической нетерпимости. Анализ реальной ситуации показывает, что удельный вес этнических столкновений и вооруженных конфликтов в ближайшем будущем будет возрастать.

В мировой и отечественной социологии существует немало попыток уточнить предметное поле специальной социологической теории, которая получила название «этносоциология». Очевидно, что данное научное направление имеет своей целью исследование (изучение, анализ) этнонациональных отношений в широком смысле этого слова, связанного с возникновением, развитием и функционированием этнических общностей — от рас до малых этнических групп, от народов, имеющих многомиллионное население, до небольших, малочисленных национальных общностей, насчитывающих несколько десятков или сотен человек, от этносоциальных различий внутри одного народа до таких специфических явлений, как диаспора — общности людей, живущих за пределами своего этнического окружения.

В трактовке содержания этносоциологии существует ряд принципиально отличающихся друг от друга концепций.

Долгое время господствовала *примордиалистская теория*, которая выводила сущность этнического как генетически заданного, предопределенного природой, на что потом наслаивается социальная реальность со всеми ее противоречиями. К середине XX в. все большее распространение стала получать *конструктивистская концепция*, которая все больше и больше ориентируется на то, что этническое задается средой, процессом развития человека в системе определенных общественных отношений, что этничность есть продукт среды, идей и воспитания, а не генетически заданных признаков. В настоящее время предпринимаются попытки сконструировать еще одну концепцию — *модернистскую*, которая абсорбирует от-

дельные положения как примордиализма, так и конструктивизма и на этой основе объясняет как генетически опосредованные, так и социально приобретенные характеристики этничности.

Но все эти концепции так или иначе используют такие понятия, как «этнос», «народ», «нация», «этничность», «этническое (национальное) (само)сознание».

Под *этносом* понимается очень широкий круг общественных явлений и процессов, которые происходят в большинстве стран мира и реализуются в самых различных измерениях.

В о - п е р в ы х, этнос изучается как реальная жизнь, сознание и поведение основных рас, существующих в мире — белой, желтой, черной (европеоидной, монголоидной и негроидной). Спорным остается вопрос, можно ли население тихоокеанских островов считать расой. Но даже если остановиться только на трех названных, мы не можем игнорировать факт их не только биологических, но и социальных различий и также тех проблем взаимодействия, которые реально существуют между ними, особо проявляющихся в совместной жизни в одной стране, в одном государстве.

В о - в т о р ы х, каждая из рас подразделяется на *группы народов*, а те, в свою очередь, на еще более дробные части. Так, белая раса состоит из романской, кельтской, иберийской, балтийской и славянской групп народов, которые в свою очередь состоят из носителей тех конкретных черт и особенностей этнонациональной жизни, что позволяет считать их единым народом или нацией. Каждый из них имеет как некоторые общие, так и специфические характеристики, отличающие их жизнь, быт, нравы от аналогичных и родственных народов. Так, славянская группа включает в себя русских, украинцев, белорусов, чехов, поляков, болгар, сербов и др.

В - т р е т ь и х, этнос нередко отождествляется с *конкретным народом* (на-

цией), каждый из которых имеет уникальные черты и признаки, отличающие их друг от друга. Они классифицируются по величине: большие народы, малочисленные народы. Не менее значима их характеристика по степени зрелости их экономической и политической жизни, развитости культуры, языка, приверженности к традициям и обычаям, что связано с возможностями их автономного существования.

В - ч е т в е р т ы х, народы, особенно крупные, нередко состоят из *этнических групп*, которые, сохраняя много общего между собой, имеют специфические различия. Иногда этнические различия продиктованы религиозными различиями (православные сербы, католики хорваты и мусульмане боснийцы, проживавшие в недавнем прошлом в одной стране, представляли и единый народ). Их существование нередко обусловлено историческими и культурными особенностями развития (бретонцы, корсиканцы, нормандцы во Франции, шотландцы, уэльсцы (валлийцы) и англичане в Великобритании, саксонцы и баварцы в Германии и т.д.). Особенно это характерно для народов, которые еще в недавнем прошлом сохраняли наследие родоплеменных связей. Так, казахская нация подразделяется на три жуза — большой, средний и малый; чеченцы — на 12 тейпов (родов). Такое внутриэтническое деление характерно и для таджиков, узбеков, киргизов, многих народов Кавказа.

И н а к о н е ц, этнос представлен таким феноменом, который все больше и больше проявляет себя — это *диаспоры*, т.е. этнонациональные группы, живущие в отрыве от ареала расселения основной (значительной) части народа, но сохраняющие контакты между собой и поддерживающие свою национальную культуру, язык, традиции и обычаи.

Но все эти уровни и видовое разнообразие понятия «этнос» только тогда играет роль, когда этносоциология со-

средоточивает свое внимание на таких аспектах, которые не рассматриваются, не анализируются никакой другой наукой, а именно: *общественное сознание и поведение людей в их этническом преломлении и функционировании в определенной социальной среде*.

Что касается понятия «*нация*», то стоит напомнить, что в научную и политическую лексику это слово вошло в XIX в., в период становления национальных государств в Европе. Особенно значительной была дискуссия о сущности и роли наций, прошедшая в конце XIX — начале XX в. по инициативе австрийских ученых и политиков. Дело в том, что в условиях лоскутной Австро-Венгрии, населенной в то время немцами, венграми, румынами, сербами, словаками, поляками, украинцами и итальянцами, как ни в каком другом государстве Западной Европы, остро стоял вопрос о таком феномене, как этнонациональные особенности разных народов и проблеме их сосуществования и согласования интересов. Именно в этот период и была сформулирована идея, которая нашла свое воплощение в марксизме: *нация — это исторически сложившаяся общность на базе единства территории, экономической жизни, общего культурного пространства, выражающегося в духовной близости, языке, общности совместной жизни*.

Однако жизнь внесла коррективы в это определение, когда, с одной стороны, стал осмысливаться опыт функционирования восточных наций и, с другой стороны, возникло многообразие этнонациональных проблем, по-иному проявивших себя в XX в. Как трактовать человека, не знающего родного языка, но считающего себя представителем этой нации? Как объяснить ассимиляционные процессы, этническую миграцию, обострившееся чувство национальной идентичности, менталитета?

Это привело к тому, что в современной, в том числе и отечественной, на-

уже понятие нации трактуется по-разному: во-первых, как *государство-нация*, в котором согласно англо-американской традиции *согражданство означает национальность* (В.А. Тишков, 1993); во-вторых, как *определенное сообщество*, которое формируется на основе общности языка, культуры с учетом высокого уровня развития экономической и политической жизни («немецкая школа», марксистская трактовка нации); в-третьих, как *принцип самоидентификации*, признание принадлежности к определенной группе, обладающей единым этническим самосознанием. Все эти точки зрения отражают особенности или особые характеристики такого общественного феномена, как нация. При трактовке понятия «нация» необходимо исходить из того, что процесс возникновения, развития и формирования наций надо рассматривать, как и всю социальную реальность, в контексте исторического развития. Сложность этого понимания связана с тем, что в ходе развития действовали и продолжают действовать, частично налагаясь друг на друга, различные тенденции образования, укрупнения и функционирования этнонациональных общностей. Если на первом этапе в период родоплеменных отношений происходил процесс консолидации и складывания крупных этнических общностей из мелких, то на втором этапе в период становления капитализма нации и народности формировались на основе общности экономической жизни на определенной территории, что сопровождалось становлением общего языка и культуры. Это и поныне продолжается не только в странах Африки, Азии и Латинской Америки, но и в Европе (М.Н. Руткевич, 1998).

Ряд исследователей считает, что есть и третья тенденция, которая связана с *возрастающей ролью государства* в функционировании этнонациональных групп и общностей, в регулировании экономической и социальной жизни, в развитии образования и культуры (А.В. Дмитриев, 1995).

В попытке преодолеть разночтение и разнообразие трактовок «нация» в этносоциологии все чаще стало употребляться понятие «*народ*», которое стало относиться к любой этнонациональной группе вне зависимости от ее количественного состава, степени развитости культуры, наличия государственности и территории. Это означает, что все без исключения нации, народности, этнические группы приобретают одинаковое не только научное, но и политико-правовое звучание, которое отвергает дифференциацию в оценке народов, ставит их в одинаковое социальное положение, устраняя ощущение ими ущербности, неполноценности, ограниченности, особенно когда это касается малочисленных народов и национальных меньшинств. Сказанное, кстати, не отменяет ранее употреблявшихся понятий «нация», «народность», «национальность», а лишь обогащает их, характеризуя его многозначность, многоаспектность, разнообразие этнического фактора.

Особое значение для понятийного аппарата этносоциологии имеют понятия *(этно)национальное (само)сознание* и *этническое поведение*. Первое включает в себя (по аналогии с общественным сознанием) знание о своем этническом происхождении, истории своего народа, национальной принадлежности, этнические потребности и интересы; этнические мотивы; этнические установки, этнические ценности и ценностные ориентации. Каждый из этих компонентов заслуживает отдельного, обстоятельного разговора, но в данном случае мы ограничимся только упоминанием их актуальности и значимости. Что касается этнического поведения, то его индикатором могут быть действия, преследующие достижение целей, реализацию мотивов, установок, интересов, имеющих выраженный этнонациональный оттенок.

Еще одно ключевое понятие социологии — *этносреда*, т.е. этнонациональ-

ное окружение, образы которого могут быть достаточно многообразны и которые предполагают анализ этой среды на макро-, мезо- и микроуровнях.

Наконец, к основным понятиям этносоциологии можно также отнести такие понятия, как этничность, национализм и др.

Особое место в обосновании этносоциологии занимает группа отечественных ученых, которые в своих работах реализуют единство исторического и социологического подхода (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, М.Н. Губогло, А.А. Сусоколов и др.), и которые с 1960-х гг. осуществили ряд уникальных исследовательских проектов. Именно их исследования, а также исследования В.И. Бойко, В.Н. Иванова вскрыли многие тревожные симптомы, которые появились задолго до распада СССР и свидетельствовали о созревании скрытых напряженностей (например, отток русскоязычного населения из республик, который, в частности из Грузии, начался еще в конце 1970-х гг., а не на рубеже 1980—1990-х гг.).

Исходя из многолетней исследовательской практики, этими учеными было предложено определение предмета социологии, которое можно принять за исходное. «Предмет этносоциологии — изучение социальных аспектов развития и функционирования этнических групп, их идентичности, интересов и форм самоорганизации, закономерностей их коллективного поведения, взаимодействий этнических групп, взаимосвязей личности, включенной в эти группы, и социальной среды» (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов, 1999).

При рассмотрении национальных проблем исследователи очень часто ограничивались анализом показателей экономического и социально-культурного развития наций и народностей и чрезвычайно мало обращали внимание на те аспекты национальных отношений, которые самым непосредственным обра-

зом связаны с восприятием людьми объективной реальности, с противоречиями в национальном самосознании. Иначе говоря, если форма (объективные показатели) национального развития получила известное освещение и разработку, то содержательный компонент интерпретировался весьма своеобразно: в основном давались количественные характеристики общеобразовательного уровня, этнополитической, культурной и профессиональной жизни. Однако ни в теории (в социологии), ни на практике не был своевременно замечен и оценен рост *национального самосознания*. При определенных условиях именно в сфере сознания (а впоследствии и в поведении) возникает возможность появления национализма и шовинизма, представляющих по своей сути деформацию политического и духовного компонента национальных отношений, что порождает одно из обличий этнического эгоизма — стремление обеспечить привилегии своему народу за счет других.

Все это позволяет сделать вывод, что предметом этносоциологии (что коррелирует с предметом социологии в целом) становятся *национальное самосознание и этническое поведение, опосредованные конкретно-историческими условиями (социальной средой) их функционирования*.

Этнонациональные проблемы всегда занимали особое место в истории России. В царской России представителей одних народов относили к инородцам, за другими не признавали права на самостоятельное существование их культуры и даже самоназвание, третьи были лишены возможности иметь письменность, свой язык, свою литературу.

В этом смысле решение национального вопроса в Советской России после 1917 г. и в 1920-х гг. можно считать существенным сдвигом в отношении признания прав всех без исключения народов. Он принес определенные плоды, создав условия для доверия власти,

что стало основой для решения экономических и социальных проблем в области национальных отношений. Были осуществлены меры по развитию национальных культур, созданию письменности многих национальных меньшинств. Интересным, но, к сожалению, утерянным, было многообразие в решении национальной государственности и культурной автономии: вплоть до середины 1930-х гг. существовали не только республики и округа, но и национальные районы и даже волости (сельсоветы), многочисленные национально-культурные центры. Однако в этот же период были приняты положения, которые сыграли роль детонатора в разрушении многонационального государства, и особенно такие правовые акты, как право наций на самоопределение, вплоть до отделения, а также жесткая регламентация и централизации всех аспектов экономической и политической жизни.

На территории современной России живут представители более 190 наций, народностей и этнических групп (согласно переписи 2002 г.). В начале XX в. они обладали различной исходной базой — от жизни в условиях патриархальной организации хозяйства до капиталистических экономических отношений. Соответственно большим был разрыв и в уровне культуры. Разнообразие обычаев, традиций дополнялось серьезными различиями в приобщении к достижениям человеческой цивилизации. На уклад жизни влияли религиозная обстановка, историческое прошлое, языковые особенности, степень развитости контактов с другими нациями и народностями. Специфика проявлялась и в быте, стиле ведения домашнего хозяйства, в одежде, утвари, в семейных отношениях.

Все это многообразие общественных связей внутри каждой нации, народности и этнической группы и между ними образовывало самые различные оттенки, типы и формы национальных и межнациональных отношений.

В то же время совместная жизнедеятельность не могла не порождать проблемы, противоречия.

В 1990-е гг. многие аналитики возложили вину за распад СССР на этнические конфликты, взлет национализма и шовинизма, на просчеты в национальной политике, на создание национально-государственных (республики) и национально-территориальных образований (национальные области и округа). При этом ссылались на опыт США, олигоценных «плавильный котел»: все прибывающие представители других наций подвергались ассимиляции и превращались в членов одной нации, которой не знала история — американской. Однако ставить знак равенства между опытом СССР и опытом США несостоятельно.

В условиях России большинство народов имело свою историю, свою территорию, свой язык и культуру, многие из них насчитывали тысячелетние традиции. Ошибка состояла не столько в том, что по Конституции СССР 1936 г. была создана четырехчленная система национально-государственного строительства: союзная республика, автономная республика, автономная область и национальный округ, как в том, что по мере огромных индустриальных преобразований в стране, в результате большой миграции и социальной мобильности была самым серьезным образом видоизменена этническая карта. И нужно было приводить видоизменения в соответствие с реальностью, а не консервировать их, откладывая решение на потом. Кроме того, реальная совместная жизнь наций и народов была далеко не беспроблемной. Главные просчеты национальной политики состояли в том, что противоречия игнорировались, социальные болячки загонялись вглубь, скрывались. В отношении отдельных народов допускался произвол, решение многих перспективных вопросов откладывалось или имитировалось.

Не потеряли особую значимость этнонациональные процессы на постсоветском пространстве. Обострение межнациональных и этнических противоречий обернулось и грозит обернуться серьезными социальными потрясениями. Отражением этой тенденции стали события в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Грузии, Таджикистане, в странах Прибалтики, на Северном Кавказе, хотя в каждом регионе они проявлялись по-разному. Обострились проблемы крупных этнических групп и диаспор, по тем или иным причинам не имеющих своей государственности на территории СНГ: немцев, уйгуров, крымских татар, курдов. До сих пор кровоточат раны с переселением, депортацией калмыков, чеченцев, ингушей, кабардинцев и других народов.

Иначе говоря, на современном этапе развития человечества есть целый ряд этнонациональных проблем, которые обострились во многих странах. Хотя, безусловно, особенности проявления национальных и этнических отношений в каждой из стран свои, тем не менее есть общие, интересующие этносоциологию проблемы — социальное положение человека как представителя нации, его национальное (само)сознание, национальная культура, язык, т.е. все то, что определяет национальную самобытность.

Специфика этнонациональных отношений заключается в необходимости рассматривать их как своеобразные синтетические общественные отношения. Эта синтетичность проявляется в том, что они, во-первых, включают в себя отношения, происходящие во всех сферах общественной жизни — экономические, социальные, политические, духовные, и, во-вторых, одновременно предполагают их анализ как единства материального и идеального. Игнорирование такого подхода приводит к тому, что болезненно заявляют о себе стремления к национальной замкнутости, местничеству, экономической автаркии.

Что касается экономических проблем, то здесь важно знать и постоянно анализировать такие феномены, как экономическое сознание и его особенности, присущие каждому народу, учет уклада хозяйственной жизни, этническое предпринимательство, этническая миграция.

В сфере социальной жизни этносоциология изучает особенности социальной структуры, специфику восприятия социальной справедливости, понимание социальной защищенности, национальное строение семейно-бытовых отношений, пути вступления молодежи в жизнь с учетом национальных традиций и обычаев.

Для политико-правовой сферы национальной жизни важны такие аспекты, как проблемы самостоятельного решения своих проблем, пределы автономности и самостоятельности, возможности злоупотребления властью (этнократия), а также такой феномен, как этническая преступность.

И наконец, в сфере духовной жизни чрезвычайно актуальны вопросы культурной самобытности, менталитета, языка, традиций, обычаев, содержание и специфика художественного творчества и т.д.

Игнорирование даже небольших, на первый взгляд, проблем способно при определенных обстоятельствах деформировать национальное самосознание, превратить их в серьезную конфликтную ситуацию. Кажущаяся локальность этих конфликтов не соизмерима с их значением и величиной в общественной жизни: они быстро становятся достоянием общественного сознания и оказывают влияние на функционирование всей общественной жизни.

В этой связи залогом жизнеспособности национальной политики является реализация требования эффективного сочетания общих принципов развития и функционирования национально-особенного, максимальное предоставление прав народам, всемерное поощрение их самостоятельности, особенно в духовной сфере.

Основная литература

Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусокалов А.А. Этносоциология. М., 1999.

Зияйтинова Ф.Г. Нации и этнические сообщества как субъекты политической жизни // Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко М., 2002. С. 199—219.

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 820—822.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Этносоциология».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 918.

Дополнительная литература

Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики. М., 2001.

Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: По материалам этносоциологических исследований. М., 2003.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.

Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

Котинцев В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.

Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

Национально-культурное развитие. М., 2003.

Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003.

Русские (Этносоциологические очерки). М., 1992.

Рывкина Р. Евреи в постсоветской России — кто они?: Социол. анализ проблем российского еврейства. М., 1996.

Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.

Этническая мобилизация и межэтническая интеграция / Сост., отв. ред. М.Н. Губогло. М., 1999.

Ж.Т. Тощенко

Социология молодежи

Социология молодежи — специальная социологическая теория, изучающая молодежные группы общества, выделяемые на основе соответствия определенному возрасту (14—30 лет) и связанных с ним социальных характеристик. Становление данной отрасли происходило во второй половине XX в., но окончательно оформилось к 1970-м гг.

Среди зарубежных социологов молодежи большой интерес представляют труды Л. Розенмайера, М. Мида, П. Митева, Х. Шельски, Эйзенштадта, С. Фриса и др. Авторитетной считается советская и российская школа ученых-ювенологов, к которой принадлежат Ю.А. Зубок, С.И. Иконникова, В.Т. Лисовский, В.Ф. Левичева, Е.А. Гришина, В.Н. Шубкин, М.Х. Титма, В.И. Чупров и др.

Существует множество подходов к определению молодежи.

1. *Молодежь — это возрастная группа.* В данном подходе определяющим является понятие биологического и психологического возраста, утверждается, что именно эти характеристики предопределяют социальное поведение молодежи и, исходя из этого поведения, ее место в обществе. В этом возрастном отрезке выделяются следующие основные черты молодости: переходность и конфликтность.

2. *Молодежь — это группа на определенном этапе жизненного пути,* который прежде всего характеризуется активным поведением по приспособлению к взрослой жизни, социализации. На данном этапе жизни юному поколению необходимо освоить нормы и ценности общества, поэтому считается, что молодежь — груп-

па, проходящая универсальную стадию развития.

3. *Молодежь — это субъект общественного воспроизводства и в широком смысле этого слова общественной жизни.* Социальное воспроизводство — осознанная, целенаправленная деятельность членов общности по поддержанию своей целостности и устойчивости, обеспечению наиболее благоприятных условий для своего существования и развития, для развития отношений с другими общностями. По мнению представителей этого подхода, именно молодежь выполняет в обществе три важнейшие функции: воспроизводственную, функцию преемственности и инновационную.

4. *Молодежь рассматривается как особая субкультура, с присущими только ей особенностями поведения, манерами, образом жизни, внешним видом, увлечениями и т.п.* Особая роль в конструировании и поддержании феномена молодежной субкультуры принадлежит молодежным неформальным сообществам. Некоторые ученые склонны определять молодежную культуру как оппозицию общей культуре, так называемую «контркультуру».

5. *Молодежь понимается как особый социальный статус.* Статусы людей различного возраста не равны, именно эти различия и способствуют созданию социальной стратификации.

Возрастной статус является в большей степени приписываемым статусом. Он определяет положение молодежи в обществе, над которым индивид не имеет контроля (или имеет ограниченный контроль). Свое социальное положение молодой человек занимает независимо от своей воли, желаний, усилий, а часто и вопреки собственному мировосприятию.

Важнейшими элементами возрастного статуса являются права и обязанности, нормы и возрастные роли, символика, образ жизни, специфическое видение мира.

Молодежь признается экономической, социальной, политической и куль-

турной силой. Молодые люди имеют право пользоваться всеми правами и свободами. Для реализации этих прав и свобод государство включает особые механизмы, называемые молодежной политикой для обеспечения ее прав и возможностью выполнения свои гражданские обязанности с учетом отличительных черт различных групп молодежи. Например, работающие молодые люди в возрасте от 15 до 18 лет имеют особый юридический статус, пользуются рядом льгот, специальными мерами защищены от эксплуатации. Гражданское общество предоставляет молодежи многочисленные возможности для ее продуктивного участия в решении своих проблем и реализации своих возможностей, прежде всего через объединения молодежи. Данный вид участия молодежи прежде всего реализуется на местном уровне. Права и обязанности молодежи указывают на место и функции, которые общество отводит данной группе в социальной структуре, и формируют номинальный статус. Соотнесение провозглашенного официального статуса с реальным положением молодежи позволяет говорить и о реальном статусе, а в некоторых ситуациях о рассогласовании этих двух видов статуса.

В период становления молодежь адаптируется, апробирует свои знания, принимает и стремится выполнять новые (по сравнению с детским возрастом) роли. Это — роли студентов, военнослужащих, молодых работников и специалистов, молодых избирателей, любовных партнеров, молодоженов, молодых родителей и др. Происходит существенная корректировка и традиционных семейных ролей: от сына в возрасте 22 лет ожидается уже и помощь, и поддержка родителям, а не только эмоциональные контакты. Многие из этих ролей обусловлены официальными нормами, но большинство основаны на традициях, ценностях и установках общества по отношению к молодежи.

От молодежи ожидается, что основные виды деятельности, присущие молодежному возрасту, во многом определяют ее образ жизни. Социально-психологические особенности данного возраста, как утверждает общество, определенно формируют особое видение мира. Молодежь в основном с оптимизмом смотрит на будущую жизнь, выражает свое стремление многого добиться в жизни. Молодым людям свойствен и определенный скептицизм по отношению к опыту прошлого поколения, а зачастую и неприятие ценностей и норм прошлого. Молодежи свойственно искать свой путь в жизни.

В рамках рассмотренных подходов имеются и другие дефиниции молодежи, отражающие те или иные ее характеристики. Эти различия в подходах часто определяют и направленность к изучению проблем молодежи, т.е. от того, что признается важным, существенным, и зависит выбор объекта и предмета изучения молодежи.

В качестве объектов конкретных исследований обычно выступает определенная группа или общность молодежи, так как их социально-демографическая структура неоднородна по своему составу. В зависимости от целей и задач исследования выделяются возрастные и половые подгруппы, по месту жительства выделяют городскую, сельскую молодежь, жителей мегаполисов, по видам деятельности — учащуюся, работающую и другую молодежь, по семейному положению — живущую в родительской семье, самостоятельно и имеющую свою семью. Еще более сложным является дифференциация молодежи по аспектам самосознания, интересам, потребительским пристрастиям.

Периодизация внутри молодежного возраста включает: подростковый, юношество, молодость, «молодые взрослые».

Подростковый возраст (отрочество) — период онтогенеза, соответствующий переходу от детства к юности. В истори-

ческом плане выделение подросткового возраста как особой возрастной ступени в становлении человека произошло в промышленно развитых странах лишь в XIX—XX вв. Отрочество, или подростничество, — «пограничный» переход от детства к взрослости — сопровождается рядом радикальных физиологических и психических изменений. Однако основными являются изменения, модифицирующие взаимоотношения взрослеющего ребенка с обществом и его институтами. Эти изменения осуществляются при единообразии биологических процессов весьма неодинаково в различных социокультурных условиях.

Юность — период в жизни человека, соответствующий переходу от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни. Хронологически границы юности обычно определяются в диапазоне от 15 до 20 лет. Исследователи выделяют раннюю юность (часто называемую также старшим школьным возрастом) и позднюю юность. Юность — это один из важнейших сконструированных элементов объективной социальной реальности. При определении нижних границ юности большое значение имеют биологическая половая зрелость, личные индивидуализированные события и субкультурные изменения. Переход от детства к юности для конкретного индивида опосредуется типом родительства, а также рядом других факторов: гендерным, поселенческим, принадлежностью к различным социальным стратам и др. В качестве наиболее значимых личностных событий перехода к юности выделены сексуальный дебют, взаимоотношения с родителями и другими значимыми взрослыми, употребление алкоголя, наркотиков, курение. К важнейшим субкультурным изменениям относятся: возникновение относительно устойчивых сообществ, становление особых форм социокультурных инвариантов и материальных свидетельств юно-

шеской субкультуры, формирование культов популярных фигур. У подавляющего большинства людей статус «юности» связан с позицией учащегося. В этот период жизни повышается восприимчивость к социальной обстановке и отношениям между людьми, происходит формирование социально-ответственного поведения (политическая и гражданская ответственность), усиливается субъективная значимость полоролевых стереотипов социальных ролей. В юношеском возрасте происходит постепенная эмансипация человека от взрослых, утверждается самостоятельность личности, формируются познавательные и профессиональные интересы, выстраиваются жизненные планы. Юношеский возраст — это время проявления спектра критических ситуаций во взаимоотношениях с родителями. На смену коллективно-групповым формам общения приходят индивидуальные привязанности и контакты. К концу юношеского возраста завершаются процессы физического созревания человека, появляется взрослая сексуальность.

Основные проблемы юношеского периода, изучаемые современными социологами, связаны с выбором карьеры, сексуальных партнеров, с образом жизни, вступлением в трудовую деятельность. Исследуются также противоречия адаптации в новом социальном статусе и особенности функционирования юношеских объединений.

После юношеского возраста наступает собственно *молодость* (21—24 года) и связанные с нею изменения статуса: завершение образования влечет начало профессиональной карьеры в качестве специалиста, активный поиск партнера сменяется долговременными привязанностями. Молодежь приобретает новые права и свободы в семье и обществе.

Молодые взрослые — понятие для обозначения подгруппы молодежи в возрасте 25—30 лет, появившееся сравнительно недавно. Эта подгруппа в основном

работающих людей, сегодня часто получающих дополнительную (после основной) квалификацию, имеющих постоянного партнера или молодую семью, выступающих в роли молодых родителей. Эта подгруппа и в своем профессиональном сообществе обладает особыми характеристиками, а часто и особыми правами, обязанностями, привилегиями, льготами (например, молодые преподаватели, молодые ученые, молодые предприниматели и т.п.).

Социология молодежи тесно связана другими отраслями социологического знания, исследования молодежи сегодня постоянно включаются в контекст изучения проблем здоровья, досуга, образа жизни, субкультуры, потребления образования и др. Применяются различные методы исследования. Специфической особенностью является использование лонгитюдных, панельных исследований, а также экспертных опросов по проблемам молодежи.

Основная литература

- Гришина Е.А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М., 1999.
Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи. Теоретические вопросы. М., 1999.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. 4 «Социология молодежи».
Чупров В.И. Социология молодежи // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 534—537.

Дополнительная литература

- Волков Ю.Г., Добренчиков В.И., Кадария Ф.Д., Савченко И.П., Шаповалов В.А. Социология молодежи. Ростов н/Д, 2001.
Гидденс Э. Социология. М., 1999. Гл. 3 «Социализация и жизненный цикл».
Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования. СПб., 2002.
Смелзер Н. Социология. М., 1994. Гл. «Возраст и неравенство».
Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

С.Н. Майорова-Щеглова

Гендерная социология

В результате разделения понятий биологического и социального в 1960-е гг. в научный оборот вводится понятие «гендер». *Гендер* понимается как *совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола*. Однако не пол, а нормы социальной культуры определяют мужские и женские психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными физиологическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные гендерные роли.

Гендер создается или конструируется обществом как социальная модель женщин и мужчин и определяет их положение (статус) и роль в обществе и его институтах — семье, политике, экономике, образовании, СМИ и др. Он выступает как система, создающая различия в положении женщин и мужчин в социуме через соотношение власти и подчинения. Гендерная идентичность означает, в какой мере чувствуют себя представители того или иного пола мужчинами или женщинами.

По мере развития научных исследований стало ясно, что единственное четкое и значимое биологическое различие между мужчинами и женщинами заключается в их роли в воспроизводстве потомства. «Если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между мужчиной и женщиной, то понятие «гендер» затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. Разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между мужчиной и женщиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе» (Э. Гидденс, 1999).

Понятие «гендерная социология» встречается в западной социологии относительно редко. Чаще используются термины «гендерные отношения» и «гендерные исследования». В современной науке широко представлен гендерный подход к анализу социальных и культурных явлений и процессов. Дифференциация понятий «пол» и «гендер» означает выход на новый теоретический уровень осмысления социальных процессов, изучение особенностей социальных характеристик пола и взаимодействия полов между собой.

Гендерная социология — это специальная социологическая теория, которая изучает процессы развития и социального взаимодействия двух гендерных общностей: мужской и женской. Изучается их взаимодействие друг с другом в конкретных исторических, экономических, политических, социальных, духовных, правовых, информационных, культурных условиях. Во многих социологических теориях представлен гендерный аспект: социология труда и занятости, социология детства, социология семьи и т.д.

Объектом исследования гендерной социологии выступают мужчины и женщины как две большие социально-демографические общности, различающиеся социальным статусом (положением в обществе), ролевыми функциями, особенностями психологического склада, поведения и сознания. Исследователей интересуют исторически сложившиеся взаимоотношения мужчин и женщин и соответствующий им образ социальной реальности.

Предметом исследования являются социальный статус мужчин и женщин в обществе и его эволюция под влиянием конкретных условий: исторических, политических, духовных. Гендерное неравенство проявляется чаще всего как социальная несправедливость в отношении женщин,

которые наиболее полно проявляются в социальной стратификации по признаку пола на микро- и макроуровнях.

Гендерная социология изучает закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, разделение труда по признаку пола, культурные символы и социально-психологические стереотипы мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности), их влияние на разные стороны общественной жизни.

В настоящее время существуют три направления в гендерной теории: *традиционно-философское* (интерпретация гендерных отношений и гендерного неравенства); *феминизм* (проблема преодоления гендерного угнетения женщин и их борьбы за свои права); *теория социального конструирования гендера*, в основе которой лежит концепция исследования объективной и субъективной реальности, согласно которой важнейшими функциями является информационная, прикладная (эмпирическая), управленческая, прогностическая.

Сам факт существования различий в социальных ролях мужчин и женщин, их реального социального неравенства всегда в той или иной мере признавали социологи и стремились объяснить причины неравенства между мужчинами и женщинами с точки зрения социально-экономических, социально-психологических, социально-культурных аспектов.

Существует три основных измерения гендера: *индивидуальный* — через гендерную идентичность и гендерную социализацию, *структурный* — как реальное положение мужчин и женщин в структуре социальных институтов, включая экономику, политику, религию, образование, семью, медицину; и *символический*, или *культурный*, исходя из того, что в каждой культуре в конкретное историческое время включается в образы «настоящий мужчина» и «настоящая женщина» (Т.А. Гурко, 1998).

Антропологи, этнографы, историки давно установили относительность представлений о типично мужском и типично женском: то, что в одном обществе считается типично мужским занятием, поведением, чертой характера, в другом — может определяться как женское.

Формирование гендера происходит с самого рождения и продолжается на протяжении всей жизни человека. С мальчиками и девочками родители обращаются совершенно по-разному, даже если они уверены, что не делают никаких различий. С момента рождения человек становится объектом воздействия гендерной системы: в зависимости от пола ребенка выбирается цвет коляски, одежды, набор игрушек. В процессе социализации семья (родители и другие родственники), система образования (воспитатели дошкольных учреждений, учителя), культура в целом (книги и средства массовой информации, театр, кино и пр.) внедряют в сознание детей гендерные нормы, формируют определенные правила поведения и создают представления о «настоящем мужчине» и «настоящей женщине». Внедренные в сознание индивидов гендерные нормы поддерживаются культурными механизмами, например, через гендерные стереотипы в СМИ.

Устойчивые представления о должном и не должном, дурном и праведном, положительном и отрицательном складываются из устойчивых представлений, но имеют свойство меняться с течением времени. Гендерные стереотипы в СМИ представляют «хороших» и «плохих» мужчин и женщин, показывают исполняемые ими социальные роли и особенности взаимодействия друг с другом.

Идеальные стереотипы мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности) существенно отличаются друг от друга в зависимости от исторически сложившихся стереотипов той или иной культуры. Для аграрных обществ характерен идеал женщины-мате-

ри, хозяйки в доме, хранительницы очага, богобоязненной и почитающей мужа жены.

В советский период идеальным становится образ работницы и матери, активистки, строящей счастливое будущее и готовой на любые жертвы во благо страны, а равноправие женщины понимается как обязанность работать вне дома, так как зарплата мужчины не хватает для нормального существования семьи, и одновременно исполнять обязанности хозяйки дома, жены и матери.

В постсоветский период стала доминировать идея «естественного предназначения женщины» как матери и жены. Контент-анализ публикаций в газетах за пять лет, проведенный российской ассоциацией журналисток в 2000 г., показал, что в СМИ доминируют преимущественно два типа женщин: это сексуальный объект и счастливая домохозяйка — подруга мужчины. Стереотипно представлен и образ мужчины, его ролевая модель — это, как правило, удачливый бизнесмен, претендующий на звание супермена во всем.

Исследователи отмечают, что наиболее интенсивно процесс формирования гендера осуществляется в детском и юношеском возрасте.

Конструирование гендера происходит в различных сферах жизнедеятельности молодого человека (политической, культурной и общественной жизни, семейной и репродуктивной сферах, в сфере образования, занятости и многих других) посредством различных способов и механизмов воздействия.

Сущностью конструирования гендера является полярность и противопоставление. Он отражает асимметричные культурные оценки и ожидания, адресуемые людям в зависимости от пола. В каждом обществе, где социально предписанные характеристики имеют два гендерных типа (ярлыка), биологическому полу предписываются социальные роли, которые считаются культурно вторичными. Социальные нормы во времени изменяются,

но гендерная асимметрия остается. Традиционно то, что предписывается женщинам, оценивается как менее значимое, вторичное (второсортное).

Гендерная система — это социально сконструированная система неравенства по полу. Гендер выступает одним из способов социальной стратификации общества, который в сочетании с такими социально-демографическими показателями, как раса, национальность, возраст организует систему социальной иерархии. Гендерная система развивается и поддерживается через сознание людей. Гендерное сознание конструируется посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество применяет санкции к нарушителям, наклеивает ярлыки. Такая стигмация весьма болезненно переживается людьми и может вызывать стрессы, психические расстройства.

Действия индивида оказываются тесно связанными с его гендерным статусом и соответствуют социальным ожиданиям; индивиды на микроуровне поддерживают или конструируют гендерные различия.

Базовым элементом конструирования являются *гендерные установки*, они состоят из трех компонентов. Первый — *когнитивный компонент* — представление молодого человека о своем поле, осознание себя субъектом гендерных отношений: кем, как, для чего и почему он или она должны быть; знания, убеждения и суждения о разных полах, совокупность взглядов на гендерные отношения в обществе и определение своего места в этих отношениях. Второй — *эмотивный (аффективный) компонент* — эмоциональная оценка чувств, связанных с гендерной принадлежностью, отношением к своему и противоположному полу, чувства, которые испытываются к условиям и изменениям в гендерных отношениях. Третий — *поведенческий*

(конативный) компонент — последовательное гендерное поведение молодого человека, т.е. предрасположенность к реальным положительным или отрицательным действиям в отношениях между полами, общая направленность деятельности в соответствии со своей гендерной принадлежностью, включая формирование и путь достижения своих жизненных планов, целей.

Существуют также *гендерные стереотипы как особые социальные установки* — простые по форме, примитивные и неточные по содержанию, сопровождаемые преувеличенной чувственной оценкой представления о мужчинах и женщинах, их ролях и статусе. Гендерные идеалы отражают совокупность представлений о мужском и женском поведении. Гендерные системы различаются в разных обществах, но в любом обществе эти системы асимметричны. Асимметрия проявляется в том, что все мужское (маскулинное) — черты характера, модели поведения, профессии — считается значимым, а женщины и все женское (феминное) определяется как вторичное, подчиненное и незначительное.

Гендерная асимметрия означает диспропорцию удельного веса мужчин и женщин в конкретной сфере жизнедеятельности общества (экономике, политике, образовании и т.д.) и отражает явное или скрытое неравенство по признаку пола в этой сфере. Понимается как непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов, а также представлений о них, в различных сферах жизни.

Например, в населении большинства стран женщины составляют от 51 до 54% (в Индии — 48% населения). Но обратим внимание на тот факт, что среди политиков национального и регионального уровней их существенно меньше. Женщины в структуре населения России составляют 53%. По итогам переписи 2002 г. на 1000 мужчин в России при-

ходится 1147 женщин. Однако в Государственной Думе созыва 1999 г. было 7% (2007 г. — 14% депутатов-женщин), среди крупных предпринимателей России лишь 3% женщин. Женщины составляют 56% лиц с высшим образованием, однако их доходы в целом составляют чуть более 40% доходов мужчин; их значительно меньше среди руководителей всех уровней.

Источником гендерной асимметрии иногда выступают государственные структуры, например, в мусульманских фундаменталистских государствах женщины лишены права участвовать в выборах, права на работу вне дома, права на образование.

Но чаще всего источником гендерной асимметрии является скрытая дискриминация и патриархатные установки. Так, например, низкое представительство женщин во власти объясняется их нежеланием идти в политику и тем, что «естественное предназначение женщин лежит в иной сфере».

Исследования по гендерной тематике чаще всего ведутся в проблемном поле социальных проблем женщин, гендерные проблемы мужчин изучены в значительно меньшей степени. Исследовательские гендерные центры основные направления своей деятельности концентрируют на социально-экономических аспектах занятости, специфике управления женским коллективом, изучается женщина-руководитель, анализируется активность женщин в политической сфере, особенности женского электората. Объектом особого внимания становится семейная жизнь: изучается одинокое материнство, комплекс проблем взаимоотношений мужчин и женщин в браке, после развода, новым феноменом становится изучение образа жизни женщин-домохозяек.

Специфика социальных проблем мужчин отражается в основном в рамках военной социологии. Но концептуально исследования мужчин весьма неод-

нородны, хотя в большинстве из них отмечается, что не только женщины страдают от навязанных им обществом гендерных ролевых стереотипов, но и мужчины постоянно сталкиваются с трудностями исполнения рекомендуемых (навязанных) им ролей. Наука почти никогда не обращалась к переживаниям мужчин. Поведение мужчин основывается на представлении о мужественности, которое они впитали из культуры. Мужественность понимается как набор социальных норм, которые содержат предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать. Структура ролевых норм складывается из трех факторов: первый — *нормативные статусные ожидания* — мужчина завоевывает статус и уважение других членов общества, осознает необходимость быть лучше других и обладать властью или влиянием; второй — *норма независимости и самодостаточности* — отражает ожидания от мужчин умственной компетентности, эмоциональной сдержанности и физической силы; третий — *норма антиженственности* — ожидания того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности, отличаться от женщин.

Относительно недавно исследователи высказали идею, что корректнее все-таки говорить о многочисленных вариантах маскулинности. Раса, национальность, принадлежность к определенному социальному классу и субкультуре, сексуальная ориентация влияет на то, что именно вкладывается в понятие мужественности. Но даже в примитивных обществах мальчики усваивают, что они обязаны обладать способностью обеспечить питанием женщин и детей. Лишь немногие могут от этого уклониться и стать бродягами, монахами, жить в одиночестве, т.е. социально дистанцироваться от ответственности за других людей.

Российская маскулинность и феминность репрезентируются в современ-

ных средствах массовой информации и имеют иерархический характер. Профессиональная занятость, более того, высокий уровень профессионализма, материальная независимость, соревновательность, успешность, автономность, гетеросексуальность выступают социальными маркерами гегемонной маскулинности.

Анализ проблем гендерной социологии тесно связан с рассмотрением такого явления, как *феминизм*. Что касается феминистских теорий, то все они основаны на утверждении, что путь освобождения женщины лежит через изменение ее сознания — освобождение от устаревших стереотипов поведения. Феминизм позиционируется как социальное движение с более чем 150-летней историей, выступая за ликвидацию всех форм дискриминации женщин.

Первая волна феминизма приходится на XIX — первую половину XX в., характеризуется максимальным сосредоточением усилий на достижении юридического равноправия полов. В середине XX в. начинается вторая волна феминизма — борьба за фактическое равенство женщин и мужчин. В конце 1980-х годов активизируются такие направления в феминизме, как феминизм цветных, постколониальный феминизм, культурный феминизм. На третьей волне феминизма происходит усложнение и дробление современного феминистского дискурса (И.Н. Тартаковская, 2005). Между различными феминистскими направлениями (радикальным, либеральным, неофеминизмом и другими) и даже внутри них существуют *концептуальные разногласия*. Однако можно выделить основные феминистские идеи. Сторонники феминизма, рассматривая личную жизнь мужчин и женщин, считают, что наши представления о себе (гендерная идентичность), наше поведение (гендерные роли) и социальное положение пола (гендерная стратификация) обусловлены обществом, в котором мы живем.

Феминизм как общественно-политическое течение указывает на важность изменений в современном обществе. Его сторонники критикуют существующее положение вещей и добиваются изменений, направленных на достижение реального социального равенства женщин и мужчин. Феминистки считают, что культурные гендерные представления делят весь спектр человеческих качеств на две противоположные группы: женский мир эмоций и сотрудничества и мужской мир рациональности и соперничества. В качестве альтернативы они предлагают «реинтеграцию человечества», которая означает дозволенность проявлений всех свойств и качеств личности как мужчинам, так и женщинам.

Феминизм, выступающий за искоренение гендерной стратификации, предполагает равные возможности женщин на получение образования, доходов и работы. Прекращение сексуального насилия позволит преодолеть последствия патриархата в семье и обществе, ибо он искажает отношения между мужчиной и женщиной, поощряет жестокое обращение, сексуальное преследование. Современное женское движение ставит своей целью сделать невозможным сексуальное насилие. Но одновременно выдвигается лозунг содействия сексуальной свободе. Женщины сами должны контролировать свою сексуальность и рождаемость, не позволяя мужчинам контролировать их репродуктивные функции.

Геронтология

Объектом исследования данной социологической теории выступают пожилые люди. Согласно российской возрастной периодизации выделяются группы пожилых (55/60—75 лет), старых людей (старше 75 лет) и долгожителей (старше 90 лет). Социологи установили, что человек в пенсионном возрасте не всегда идентифи-

цирует себя с пожилыми людьми; люди начала пенсионного возраста полагают, что пожилым человек становится в 80—85 лет. Происходит символическое смещение времени своего третьего возраста, дистанцирование от стиля жизни пожилых. Молодые же и люди среднего возраста ограничивают возраст старости

Основная литература

Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 174.

Гидденс Э. Глава 6. Гендер и сексуальность. Глава 7. Гендер и стратификация. Классовое деление и гендер. Изучение положения женщин в работах по стратификации. Сложности в изучении гендера и стратификация // Социология. М., 1999. С. 152—192, 218—220.

Клюшнина О.Б. Гендерные исследования // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 203—204.

Силласте Г.Г. Социология гендерная // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 518—521.

Дополнительная литература

Антология гендерной теории. Минск, 2000.

Силласте Г.Г. Гендер // Социологическая энциклопедия. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 203.

Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские инновационные проекты». М., 2002.

Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М., 2005.

Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований». М.: Московский центр гендерных исследований, 2001.

В.И. Горбачева

60—65 годами, сами пожилые определяют этот рубеж 80—85 годами.

С возрастом в ментальных функциях наблюдается преобладание обобщающего понимания: появляются практическая жизненная мудрость, богатый житейский опыт, которые дают человеку возможность ориентироваться в меняющемся мире. Духовная жизнь человека, сила его волевого усилия, тонкость переживаний, интенсивность психической жизни усложняются. С возрастом формируются ресурсы (экономические, социальные, личностная психотехника), которые помогают человеку противостоять влиянию негативных факторов. Социальные связи данной группы и после выхода на пенсию не разрушаются полностью. Многие из них продолжают контакты с бывшими коллегами, сотрудниками.

В современных развитых странах происходит поступательное увеличение доли населения людей старшего возраста, отмечается постарение общества. Именно поэтому в социологии последних десятилетий возрастает значение изучения статуса пожилых и социальных проблем этой группы. Возникла и постепенно институционализируется специальная социологическая теория пожилого возраста — *геронтология*. Старение организма представляет собой биологическое явление, старость же рассматривают как особый процесс прохождения жизненного пути личности.

В рамках возрастной социологии создано несколько теорий старения. *Теория эмансипации* концентрируется на объяснении феномена отчуждения старых и молодых людей, постепенном освобождении от социальных ролей. *Теория увядания* исследует процесс сворачивания общественной, профессиональной, семейной активности и последствия этого процесса — снижение чувства собственного достоинства. Еще одна теория сфокусирована на особой *субкультуре пожилых* (Роуз, 1965). Согласно *теории распре-*

ления материальных средств (Страйб, 1976) пожилых людей можно считать сломом, находящимся в относительно неблагоприятном положении, который обусловлен потерей работы, уменьшением дохода.

В современной российской социологии предметом изучения являются экономические проблемы этой возрастной группы, зависимость от других членов общества, социальные программы помощи пожилым, создание условий для здоровой, безопасной и достойной старости, обеспечение пожилым людям возможности для независимости, участия, реализации внутреннего потенциала. Исследования Л. Беляевой, Т. Козловой, Н. Лапина, Б. Тукумцева, Н. Шукиной по качеству жизни пожилых россиян косвенно и прямо определяют динамику качества жизни пенсионеров, обращают внимание на роль ближайшего окружения, взаимопомощи в жизни пожилого человека.

Процесс разрушения организма в старости оказывает основное влияние на выполнение ими социальных ролей. Биологические факторы ограничивают возможности организма, не менее важное значение имеют социальные ожидания. Возрастные группы общества составляют его возрастную структуру, но они расположены по отношению друг к другу не горизонтально. Группы отличаются друг от друга по принципу неравенства — они образуют возрастную стратификацию общества. Пожилые люди занимают в возрастной стратификации невысокие позиции, а по некоторым аспектам — низшие.

Результаты исследования фиксируют стереотипное восприятие возможностей геронтологической группы, опирающееся на представления о регрессии образовательной компетентности в позднем возрасте, неуверенность пожилых в необходимости образования, связанную с общественным мнением, различными моральными санкциями, выражением неодобрения со стороны сверстников, родных и близких.

В традиционных обществах пожилым людям оказывалось большое уважение, в современных индустриальных странах наблюдается обратная тенденция. В современных обществах рельефно проявляются элементы эйджизма (дискриминации по возрасту). Социологи выделяют практики исключения по возрасту и при найме на работу и увольнении, что заставляет многих людей покидать работу в возрасте, когда они еще способны трудиться. Социальная среда выстраивает негативные геронтологические стереотипы, фиксирующие образ пожилого человека как бесперспективный. В общественном сознании укоренились представления о пожилым человеке как ущемленном в отношении инноваций, усвоения новой информации, готовности к обучению и переобучению. Прессинг социальных стереотипов вынуждает большинство пожилых людей строить свое поведение в соответствии с ними; при этом формируется чувство ущербности, устанавливаются для себя препоны для самореализации.

Социализация в пожилом возрасте имеет ряд сложностей: пожилые с тру-

дом приспособляются к новому этапу своей жизни, в обществе отсутствуют четкие механизмы и модели подготовки к старости, функцию социализации пожилых не выполняет направленно ни один социальный институт.

Основная литература

Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология. Саратов, 2001.

Смелзер Н. Социология. М., 1994. Гл. «Возраст и неравенство».

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 208.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 137—138.

Дополнительная литература

Жуков В.И. Российские реформы: социология, экономика, политика. М., 2002.

Медведева Г.П. Введение в социальную геронтологию. М.: Моск. Асихол.-социальный ин-т, изд-во «МОДЭК», 2000.

Шапиро В.Д. Человек на пенсии (социальные проблемы и образ жизни). М., 1980.

Шукина Н.П. Институт взаимопомощи в социальной поддержке пожилых людей. М., 2003.

С.Н. Майорова-Щеглова

Социология семьи

Традиционно в российской, марксистско-ориентированной социологической традиции дефиниция *семьи* тесно увязывалась с понятием *брака*. Так, в монографии А.Г. Харчева «Брак и семья в СССР» исходной посылкой является утверждение о том, что «семья включает в себя хотя бы одну брачную пару, которая служит «ядром» семейной группы» (1979, с. 36). Семья определялась как «...исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью, социальная необходимость в которой

обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» (там же, с. 75).

Эта интерпретация семьи и брака эволюционировала вплоть до радикальных взглядов А.И. Антонова. Согласно его подходу, под семьей следует понимать лишь «общность людей, связанных отношениями супружества, родительства и родства на основе совместного домохозяйства и (или) производства... (выполняющую) функции воспроизводства населения и социализации детей, а также содержания (поддержания существования) членов семьи» (Семья на пороге..., 1995. С. 184—185). Практическим приложением такой дефиниции является понимание *основ-*

ного типа семьи в качестве объекта семейной политики. К таковым предлагается не относить союзы гомосексуалистов и лесбиянок, семьи матерей или отцов-одиночек, семьи в повторном браке, имеющие детей от данного и предыдущих браков, семьи, где есть дети-инвалиды, приемные дети и т.п.

Однако в одной из последних статей А.Г. Харчевым было предложено более широкое понимание семьи как отношений, «через которые и благодаря которым осуществляется воспроизводство человека, общественный механизм этого воспроизводства» (А.Г. Харчев, 1986, с. 27). Такое понимание семьи подразумевает ее относительную автономию от брака, как исторически более позднего социального института.

С последним определением согласуется расширительное понимание семьи как «совокупности индивидов, состоящих, как минимум, в одном из трех видов отношений: *кровного родства, порождения и свойства*» (С.И. Голод, А.А. Клецин, 1994, с. 5). Главное отличие от понимания семьи А.И. Антоновым состоит в том, что последний настаивает на необходимости наличия всех трех названных видов отношений.

Дальнейшее углубление трактовки множественности, плюралистичности современных семейных форм можно проследить во взглядах Э. Гидденса. Он, развивая идеи об автономизации в исторической перспективе трех видов поведения (прокреационного, т.е. направленного на деторождение, брачного и сексуального), говорит о «*пластичной сексуальности*, отделенной от прежней интеграции ее с репродукцией, родством и потомством» (Э. Гидденс, 2004, с. 54). Возникшая на этой основе «сексуальная революция», по его мнению, содержит в себе два базовых элемента: 1) женскую сексуальную автономию и 2) распространение мужской и женской сексуальности.

Эта линия все более либерального понимания семьи и семейных отноше-

ний находит сегодня свое крайнее проявление в тенденции голландских социологов вообще отказаться от этого понятия. Они предпочитают говорить о «*первичных формах (организации) жизни*», которые отражают всю сложность современной социальной жизни, когда «мужчины и женщины реализуют жизненные выборы: они начинают с сожительства в молодости, решая обзаводиться детьми до, после или вне брака или же вообще не иметь их. После развода они вступают в новый брак, сожительствуют с партнером, живут в коммуне (collective housing arrangements) или выбирают стиль жизни в одиночестве. Во вновь созданных семьях оказываются дети от предыдущих браков (зарегистрированных или нет). Нередко взрослые вновь становятся родителями, но уже в изменившихся социальных условиях. Особенно это характерно для мужчин, когда они совмещают роль отца применительно к своим детям и дедушки в отношении детей от прошлых семейных союзов» (Presvelou et al. 1996. P. 540). А для некоторых супругов эти модели поведения могут «накладываться» одна на другую.

Такое понимание современных форм организации семейной жизни смыкается с используемым в отечественной статистике понятием *домохозяйства*. В российской исследовательской традиции семья и домохозяйство обычно отделяются друг от друга. Напомним, что под домохозяйством в настоящее время Федеральной службой государственной статистики понимается «один человек, проживающий в отдельном жилом помещении или части жилого помещения, обеспечивающий себя всем необходимым для жизни и не объединяющий средства для ведения общего хозяйства с кем-либо из других лиц, проживающих в данном жилом помещении; или же два человека или более, проживающие совместно в отдельном жилом помещении, части его или нескольких жилых помещениях и обеспечивающие себя всем необходимым для жизни по-

средством ведения общего хозяйства, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства. Эти лица могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, либо быть не родственниками, либо и теми, и другими». Последнее особенно примечательно, поскольку в число лиц, образующих домохозяйства, могут включаться лица, не связанные с остальными брачными отношениями или отношениями родства.

При всем разнообразии дефиниций собственно семьи большинство исследователей сходятся в том, что семья в качестве социального института призвана выполнять ряд *функций*. Имеется ряд работ, посвященных этой теме (М.С. Мацковский, Н.Г. Юркевич, З.А. Янкова и др.). Отталкиваясь от понимания семьи как «механизма воспроизводства жизни» (К. Маркс), типологический анализ семейных функций позволяет выделить три их основные группы: *количественное воспроизводство* (характеризуемое структурно-количественными параметрами семьи — наличием детей, (пра-)родителей и т.п.); *качественное воспроизводство* (здоровье, образование, правопослушность всех членов семьи, а не только детей); *воспроизводство условий существования* (жилищные и материальные условия жизни).

Вторым значимым для понимания семьи критерием, в отношении которого наблюдается значительное сходство взглядов исследователей самых разных теоретических ориентаций, является исторически ориентированный анализ *форм семьи* (которые в литературе нередко рассматриваются в качестве синонима типа брака). В большинстве случаев в качестве типологического признака их классификации выбираются *количественные параметры семьи* (ее количественная структура).

Так, по *количеству брачных партнеров* принято выделять *моногамную* (один муж и одна жена) и *полигамную* семью. Последняя имеет два варианта: *полиандрия* (многомужество) и *полигиния* (многоженство). Большинство современных

исследователей семьи сходятся во мнении о том, что полигамные формы семьи исторически предшествовали ее современному типу, причем существовала значительная историко-культурная, этническая, религиозная и социальнo-стратификационная специфика. Моногамная семья — образование, возникшее в сравнительно недавнем историческом прошлом. Ее развитие, как было убедительно показано Ф. Энгельсом, тесно связано со становлением институтов частной собственности и государства.

В последние десятилетия в связи со значительным количеством разводов и повторных браков в индустриально развитых странах ряд исследователей (С.И. Голод, О. Тоффлер) все чаще говорят о становлении нового типа семьи — *последовательной моногамии*, означающей, что в каждый данный момент времени мужчина (женщина) состоит в браке с одним партнером, однако в течение жизненного пути таких брачных союзов у него (нее) насчитывается более одного.

По *количеству поколений*, представленных в семье, выделяют: *сложную (расширенную)* семью, в которой проживают под одной крышей и ведут совместное хозяйство представители нескольких (по меньшей мере трех) поколений — прародители, родители, дети; *простую (нуклеарную)* семью, членами которой являются представители только двух поколений (родители и дети).

Обычно, говоря о нуклеарной семье, имеют в виду *полную* нуклеарную семью, в которой есть оба родителя и дети. Но в большинстве случаев нуклеарной является и *неполная* семья, т.е. такая, в которой отсутствует один из родителей, чаще отец (остается, правда, неясным, следует ли считать полной бездетную семью или семью с приемными детьми). В свою очередь неполную семью разделяют на *собственно неполную* (возникшую вследствие развода или вдовства) и *материнскую*, предполагающую внебрачное рождение и воспитание детей.

Здесь же следует упомянуть о специфическом типе семьи, получившем название *бинуклеарная* семья, т.е. такая, в которой оба супруга после развода создают новые семьи, в результате чего у ребенка оказывается как бы четыре родителя (два родных и два неродных), между которыми поддерживаются отношения. Сам ребенок периодически живет с теми и другими.

По степени *удовлетворенности супругов* своим браком иногда выстраивалась типология семьи, на одном полюсе которой находились семьи, в которых оба супруга недовольны своим браком, на другом — оба не удовлетворены, но сохраняют брак (иногда планируя развод). В промежуточном положении оказывались семьи, в которых только один из супругов был удовлетворен браком, или мера удовлетворенности была невелика. В российской социологической традиции они неточно назывались *(не)стабильными*. Позднее была введена более точная дифференциация семей в отношении *качества* или *успешности* их брака М.С. Мацковским, Т.А. Гурко). Она представляет собой многокомпонентный показатель, включающий в себя «оценку брачно-семейных отношений как с точки зрения общества, так и под углом зрения интересов супругов и их детей» (1988. С. 122—123).

С точки зрения *соответствия семейных отношений общественным нормам* выделялись семьи.

- *Патриархальные (традиционные)*, в которых члены семьи (прежде всего, супруги) ориентированы на взаимно-дополнительные образцы семейного поведения мужчины и женщины, нормативно заданные в историческом прошлом: муж, отец — «кормилец, добытчик», материально обеспечивает семью, представляет ее в более широком социуме, принимает основные решения, в том числе касающиеся других членов

семьи; жена — не работает (или престиж ее работы, заработок существенно ниже, чем у мужа) и занимается преимущественно воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства. Мнение детей в такой семье учитывается мало или имеет подчиненное значение.

- Противоположностью патриархальной семье принято считать *современную (эгалитарную)*, или *супружескую*. Такое название призвано подчеркнуть, что отношения в ней «определяются не родством, не родительством, а брачностью с неременной акцентацией личностных аспектов» (С.И. Голод, 1998, с. 89), т.е. нормы любви, эмоциональной близости и взаимоуважения распространяются на всех членов семьи, включая детей. Доминирование этого типа семьи (при наличествующей тенденции распространения) относится к будущему, отмечая, что в настоящее время на смену патриархальной семье в значительной мере пришла *детоцентристская*, отличительной чертой которой (при всем разнообразии ее моделей) является «переход от монологического к диалогическому принципу отношений» (С.И. Голод, 1998, с. 150).

В заключение следует кратко упомянуть о том, что с *точки зрения права, юриспруденции*, семьи могут быть разбиты на две большие группы.

- Первая, в которой отношения между мужчиной и женщиной признаны обществом (в настоящее время в лице государства), т.е. между ними заключен брак (именно об этой группе семей в подавляющем большинстве говорилось выше).
- Вторая, в которой, как правило, этого нет, — так называемые *альтернативные семейные стили*. К ним, прежде всего, относят *нерегистрируемые добрачные союзы*, но также

и коммуны (иногда неточно именуемые групповыми браками), и бигамные отношения (совмещение зарегистрированного брака с неофициальными стабильными отношениями), и *открытый брак* (описанный супругами О'Нейл, ставящий во главу угла самоактуализацию супругов, вплоть до установления значимых, в том числе сексуальных отношений с другими людьми), и *свининг* (от *англ.* *swining*, дословно качающийся, колеблющийся), подразумевающий временный обмен супружеских пар своими брачными партнерами и т.п.

Таким образом, современному социальному исследователю семейных отношений полезно иметь в виду сложность и неоднозначность современных научных интерпретаций семьи, рефлексировать собственное ее понимание. Более того, при изучении российской семьи все более актуальным становится анализ ее современных форм с учетом оппозиции «социальная норма — социальное меньшинство» (и/или) с точки зрения их социальной (дез)адаптированности.

Социальная работа

Социальная работа — это сложное *общественное явление*, самостоятельная *область научно-практического знания*, *профессия* и *учебный предмет*.

При всем многообразии понимания социальной работы все сводится к трактовке данного социального института к механизму помощи, в результате которой клиент (как обобщающее понятие для отдельного индивида, семьи или социальной группы, общности) получает навыки самопомощи, наделяется умением строить свою жизнь независимо и самостоятельно. Формирование представлений о помощи как социальном феноме-

Основная литература

Клецин А.А. Социология семьи // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998. Гл. 21. *Социологическая энциклопедия*. М., 2003. Т. 2. С. 394—396.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология семьи».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 663—665.

Дополнительная литература

Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.

Голод С.И., Клецин А.А. Состояние и перспективы развития семьи. СПб., 1994.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М., 2003.

Лавин Н.И. Социология. М., 2006. Гл. «Семья и брак».

Солодников В.В. Социально дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. 2004. № 6.

Социальная сфера: преобразование условий труда и быта. М.: Наука, 1988.

Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Наука, 1979.

Presvelou C., De Hoog C., Cuyvers P. Primary life patterns as an object of study: The case of Netherlands // Intercultural variations in family research and theory. Implications for cross-cultural studies / Ed. By M.B. Sussman, R.S. Hanks. Vol. 1, 2. N.Y.: The Haworth Press, 1996.

В.В. Солодников

не целесообразно рассматривать через призму основных этапов ее развития.

Первый этап — с древнейших времен — в форме милосердия, благотворительности, меценатства и филантропии, спонсорства (в современной трактовке), когда в основе помощи лежит та или иная форма *материальной поддержки*;

Второй этап — с XIX — XX вв. — *социальная работа как вид деятельности* по оказанию помощи в основном рамках социально-медицинской и профилактической модели;

Третий этап — с 1960-х гг. — развитие социальной работы на принципах *активизации клиента*.

Можно выделить также четвертый этап — преимущественно со второй половины 1970-х гг., когда социальная работа стала трактоваться как *профессиональная деятельность по защите прав человека*.

В качестве *общественного явления* социальная работа представляет собой своеобразную модель поддержки (помощи), которую общество реализует в конкретный исторический период сообразно с особенностями национально-культурного, социально-политического развития. Это предельно широкое толкование социальной работы.

Социальная работа как общественное явление свойственна человечеству с момента его существования: в разные периоды своего развития общество в различных формах помогает своим членам выживать. В конкретно-исторический период модель помощи определяется как уровнем развития общества, так и его культурой. Как показывают историко-этнографические исследования, первые ростки того, что принято называть социальной работой, появились еще в период общинно-родового строя в качестве института мирской (общинной) взаимопомощи, для которого уже тогда были характерны формы материальной и социально-психологической поддержки, оказываемой миром (общиной) своим членам в трудные моменты их жизни. С появлением государства процесс оказания помощи обогащается системными свойствами (законодательное основание помощи, регламентация процесса и т.п.).

Выделяют несколько периодов в развитии социальной работы в России. С середины X по XVIII вв. отмечаются благотворительная деятельность церкви и спорадические акции государственных и частных организаций по осуществлению призрения. Ко второй половине XVIII в. в России формируются направления государственной политики для помощи обездоленным и нуждающимся.

Следующий период, с середины XVIII в., отмечен деятельностью Екате-

рины II по укреплению законодательной и организационной базы призрения (открытие учреждений общественного призрения).

В пореформенный период с 1861 г. общественное призрение и благотворительность претерпели серьезные изменения: появились качественно новые принципы организации и деятельности обществ и учреждений призрения. Несмотря на многочисленные недостатки российского благотворения (важнейшие из которых — это рассредоточение средств и усилий, отсутствие единой программы), это время стало периодом привлечения различных форм общественности к оказанию социальной помощи.

Советский период характеризуется формированием и развитием системы социального обеспечения, которая сложилась в целом к концу 1920-х гг. и охватывала не только обездоленных, обделенных судьбой, но и предусматривала заботу о пенсионерах, о детях, оставшихся без родителей и т.д.

Как *научное направление* социальная работа имеет собственный *предмет и объект исследования, своеобразную проблематику*. Согласно общепризнанному утверждению объектом исследования социальной работы является *процесс связей, взаимодействий, способов и средств регуляции поведения социальных групп и личностей в обществе*. Предметом изучения социальной работы как научного направления являются *формы и методы, определяющие характер и специфику социальной помощи и поддержки всех социальных групп и общностей*, особенно нуждающихся в таких формах жизнеобеспечения. Таким образом, социальная работа исследует процессы социального взаимодействия с целью решения проблем людей, нуждающихся в нормализации социального положения в зависимости от биологических и социальных факторов, особенно в тех случаях, которые носят ограничивающий характер.

Время научного обоснования основ социальной работы — конец XIX — начало XX в. Активизировали этот процесс две группы причин: социально-экономические и собственно-научные причины.

Социально-экономические причины связаны с процессами развития общественных отношений и их влиянием на социальную сферу: изменения в характере общественного производства и углубление социальных противоречий в результате массовой урбанизации, миграции, индустриализации, безработицы, роста эксклюзии, отверженности и обездоленности, нищеты, недостаточности помощи в обретении жилья, поддержки здоровья.

Собственно-научные причины связаны с попытками найти ответ на злободневные социальные проблемы. В это время формируется комплекс проблем, которые невозможно объяснить и проанализировать в рамках одной из существующих научных дисциплин. Все это способствует выделению самостоятельного объекта и предмета исследования новой отрасли научного знания — социальной работы.

Разработка теоретических основ зарождающегося научного направления связана с американской школой социальной работы, и, прежде всего, с именем М. Ричмонд. Ее работы «Дружеский визит к беднякам: руководство для работающих в благотворительных организациях» (1899) и «Социальные диагнозы» (1917) заложили основы теории социальной работы, ее научных и прикладных методов. Но необходимость заботы об обездоленных, обиженных судьбой явственно прозвучала в публицистических выступлениях русской интеллигенции еще в конце XIX в., что нашло особо яркое отражение в выступлениях Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, а затем и А.М. Горького.

Для современной теории социальной работы характерен междисциплинарный подход. На сегодняшний день она выступает как самостоятельная отрасль социального гуманитарного знания, для

которой характерна интегративность и прикладная направленность.

В основе социальной работы как *профессии* находится определенный функциональный стандарт, связанный с оказанием конкретных видов помощи различным группам в соответствии с задачами и основами социальной политики конкретного государства.

Становление социальной работы как профессионального вида деятельности связано с возникновением учебных заведений по подготовке социальных работников и социальных педагогов.

В нашей стране социальная работа вначале появилась как социальная практика деятельности государства по оказанию помощи депривированным группам населения, которая регулировалась царскими указами. Развитию благотворительности во многом способствовал российский капитал, представители которых внесли большой вклад в оказание помощи бедствующим слоям населения, престарелым, потерявшим поддержку близких. При их участии были созданы ночлежки, бесплатные столовые, дома проживания, оказывалась медицинская помощь. В России сложилась традиция функционирования благотворительных обществ, тогда представители многих социальных групп участвовали в помощи этим слоям населения. В советский период постепенно была создана одна из совершенных систем пенсионного обслуживания, ликвидировано нищенство и детская беспризорность. Впервые в мире были созданы объединения слепых и других недееспособных слоев населения с целью не только профессиональной, но и социальной реабилитации. Была развернута сеть медицинских учреждений, домов для престарелых, детских учреждений. Однако деятельность этих учреждений и организаций была разрозненна, нескоординирована, во многом стихийна. Поэтому в общественной мысли созрела идея о создании

специальной профессии и специальных органов, которые бы занялись этой деятельностью.

Официально новая социальная профессия была введена в апреле 1991 г. постановлением Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам «О дополнении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» квалификационной характеристикой «специалист по социальной работе». До этого времени функции социальной работы выполнялись представителями других профессий, распределялись между учреждениями образования, здравоохранения, культуры, милиции, органами социального обеспечения и общественными организациями, как правило, слабо связанными между собой в достижении общих целей. На этой основе было осуществлено переосмысление противоречивого опыта социальной защиты населения советского периода, истории отечественной благотворительности, государственной социальной политики, существующих форм организации социальной поддержки «слабых» групп населения. В этот период в России начинался процесс развертывания социальной работы как специализированного вида деятельности и соответствующей подготовки кадров.

Выделяют несколько аспектов социальной работы как практической деятельности.

В о - п е р в ы х, это деятельность, осуществляемая профессионально подготовленными специалистами и их добровольными помощниками (волонтерами), которая направлена на оказание индивидуальной помощи человеку, семье или группе лиц, попавших в трудную для них жизненную ситуацию, путем информирования, диагностики, консультирования, оказания прямой натуральной и финансовой помощи, ух-

да и обслуживания больных и одиноких, педагогической и психологической поддержки, ориентирующей нуждающихся в помощи на собственную активность по преодолению сложных ситуаций и способствующих им в этом. Под трудной жизненной ситуацией понимается ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность человека (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может преодолеть самостоятельно.

В о - в т о р ы х, профессиональная деятельность, направленная на активизацию потенциала собственных возможностей личности при решении сложных жизненных проблем.

В - т р е т ь и х, профессиональная деятельность, носящая по преимуществу превентивный характер.

В - ч е т в е р т ы х, профессиональная деятельность, направленная в итоге на гармонизацию социальных отношений в обществе, проявления чувства соучастия, сопереживания, поддержки.

Интегративный и междисциплинарный характер социальной работы обуславливает наличие различных школ и концепций, многообразии форм подготовки специалистов.

Социологический подход к социальной работе основан на рассмотрении ее в качестве деятельности, выполняющей определенные функции, посредством которых осуществляется поддержка, защита и обеспечение групп людей или отдельных индивидов, испытывающих затруднения в повседневной и общественной жизни. Потребность в социальной работе как системной деятельности по оказанию помощи и поддержки

формируется в условиях, когда процессы, вызванные социальным неравенством, порождают массовые явления (бедность, дискриминацию, социальные исключения, несправедливость и т.п.), создающие угрозу функционированию общественной системы.

В настоящее время социология активно участвует в анализе состояния и тенденций развития социальной работы. Социологическое знание необходимо не только для объяснения фактов социальной практики, но и для выработки рекомендаций, направленных на оптимизацию оказания помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Основная литература

Словарь-справочник по социальной работе / Е.И. Холостова. М.: Юрист, 2000.

Социологическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 455, 461, 462—464.

Фирсов М.В. Теория социальной работы / М.В. Фирсов, Е.Г. Студенова. М.: Академический проект, 2007.

Дополнительная литература

Григорьев С.И. Социология для социальной работы / С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.

Профессиональная деятельность социального работника: содержание и организация. М., 1994.

Российская энциклопедия социальной работы: В 2 т. М., 1997.

Н.И. Белова

Политическая социология

Начало социологических исследований политической жизни обычно связывается с именем немецкого социолога М. Вебера (1864—1920). Заслуга М. Вебера состоит в том, что он одним из первых осуществил социальный анализ власти, властных отношений, ввел классификацию типов господства в обществе. Однако это не означает, что до него не происходил процесс осмысления политических реалий того общества, в котором жили исследователи. Проблемы политических наук вообще и политической социологии в частности получили развитие и обоснование в исследованиях элит — В. Парето (1848—1923), господствующего класса — Г. Моска (1858—1941), политических партий — Р. Михельс (1876—1936), групп давления и лоббизма — А. Бентли (1879—1957), пропаганды и массовых коммуникаций — Г.Д. Лассуэлл (1902—1978). Предметом политического анализа постепенно становились конфликты, бюрократия, общественные

организации и движения, пути вхождения граждан в политическую жизнь, а также политическая культура и политическое лидерство. Впечатляющий вклад в становление политических наук внесли А. Гоулмер (1920—1980), С. Липсет (род. 1922), Т. Парсонс (1902—1979) и др. Так, С. Липсет сосредоточил внимание на анализе социальных условий развития демократии. Значительное количество исследований (Р. Мертон, Р. Блан и др.) касались проблем бюрократии. Немало трудов (П. Лазарфельд, Б. Берельсон, Р. Росси) посвящено избирательным кампаниям, проблемам выборов.

Отечественной социологией также накоплен значительный опыт исследования политических процессов. Работы отечественных социологов — представителей *консервативной мысли* — К.Н. Леонтьева (1831), Н.Я. Данилевского (1822—1885), П.Ф. Лилиенфельда (1829—1903), Н.Н. Стрехова (1828—1896), *либеральной мысли* — М.М. Ковалевского (1851—1916), С.А. Му-

ромцева (1850—1910), Н.И. Кареева (1850—1931), Е.В. де Роберти (1843—1915), Л.И. Петражицкого (1867—1931), Б.И. Кистяковского (1868—1920), *марксистской мысли* — М.А. Бакунина (1814—1876), П.А. Кропоткина (1842—1921), В.И. Ленина (1870—1924), Г.В. Плеханова (1856—1918) — были посвящены многостороннему анализу властных отношений, проблем соучастия людей в управлении государством и обществом. Особое место в исследовании политической жизни занимают труды М.Я. Острогорского (1854—1919), Б.Н. Чичерина (1828—1904), П.И. Новгородцева (1866—1924), изучавших проблемы субъектов политической власти, политических партий, взаимоотношений политики, нравственности и права.

Как самостоятельная отрасль научного знания политическая социология получила определенность тогда, когда сосредоточила внимание на *анализе политических процессов с позиций их восприятия и отражения в сознании и поведении людей*. Такой подход придал политической социологии качественную определенность: что бы ни говорили о себе различные структуры власти, как бы они ни демонстрировали значение своих программ и действий, есть лишь один критерий, который может их подтвердить или опровергнуть — насколько глубоко, серьезно, основательно воспринимают люди политические процессы, как они относятся к ним и насколько намерены действовать или противостоять им.

Именно при таком подходе политическая социология сосредоточивает свое внимание на изучении политической жизни различных структур, политических притязаний людей, классов, социальных групп, направляемых политическими партиями, а также политические отношения данной общественно-политической системы. Она анализирует процессы согласования политических интересов с объективными закономерностями общественного развития, формы и методы предотвра-

щения коллизий, политических катастроф и конфронтаций (вплоть до революции как способа решения ее противоречий).

Проблема властных отношений, их осознание людьми как личностями, а также социальными группами, слоями, классами, общественными объединениями и организациями и составляет *основу политической социологии*. Если сущность политической жизни составляет вопрос о власти и ее использовании, то с точки зрения социологии представляет интерес место в ней человека.

В о - п е р в ы х, так как политика становилась уделом большинства, представляют интерес *формы и методы участия людей в функционировании государства*. И как бы ни была значительна роль руководителя любого ранга или звена политической оргструктуры, сознание и поведение людей в сфере политики в конечном счете всегда остаются решающими. Процесс эмансипации человека К. Маркс справедливо связывал с осознанием каждым индивидом своей общественной силы как силы политической. Этот процесс имеет постоянную тенденцию к возрастанию, что проявляется во все более широком участии людей в решении политических судеб своей страны, хотя проявляется в основном в процессе голосования.

В - в т о р ы х, процесс постоянного возрастания участия людей в политической жизни проявляется в *повышении ответственности партий, политических организаций*. В современном обществе роль партии в немалой степени зависит от того действительного положения, которое присуще каждому ее члену. Это ярко проявляется в участии в ситуативных, кратковременных акциях, в повышении их действенности при решении насущных вопросов, которые волнуют людей, в зависимости от обострения тех или иных актуальных проблем их повседневной жизни и трудовой деятельности.

В - т р ё т ь и х, стала реальным фактором *деятельность добровольных и инициативных организаций и объединений*, участвующих в решении текущих и перспективных проблем общественного развития. На современном этапе развития политическая жизнь во все большей мере характеризуется подъемом массовых общественных движений. Люди различной политической ориентации протестуют против милитаризации, расовой и национальной дискриминации, ущемления прав женщин, ухудшения положения молодого поколения, коррупции, хищнического отношения к использованию природных ресурсов и окружающей среде. Политические лидеры уже не могут не считаться с позициями общественных движений, которые нередко, хотя не всегда в явном виде, выражают определенные политические требования (например, движение «зеленых»).

В - ч е т в е р т ы х, в структуру политической жизни включаются конкретные формы функционирования политических отношений, например *проблемы самоуправления и побуждение людей к этой социально значимой деятельности*. Именно на этом уровне возможно наиболее эффективное согласование интересов, установок и настроений людей и органов власти. Ведь большинству людей часто нет дела до того, что происходит на вершинах власти — на федеральном и региональном уровнях, они в лучшем случае могут иметь об этом отрывочное субъективное мнение. Однако люди вправе претендовать (и претендуют) на участие в том, что происходит вокруг них там, где они работают и живут. Более того, пока на местном уровне не утвердится реальное участие людей в решении актуальных вопросов жизни, их влияние на более высокие уровни власти останется иллюзорным. Важность именно такого подхода — при учете политического сознания и поведения людей — тем более значима, что местное самоуп-

равление вправе претендовать на *функцию обратной связи* при взаимодействии политических структур и населения.

Кроме того, политическая социология исследует *деятельность и степень вовлеченности в политику национальных групп и этнических объединений*. Важно рассмотреть таких инструментов власти, как *армия и силы поддержания общественного порядка и гражданского спокойствия*. Предполагается анализ политических действий такой значимой общественной силы, как *молодежь*, влияние которой на политические процессы стало нередко решающим в системе властных отношений. Анализ социологических проблем власти немыслим без представлений *о роли и месте человека в мировой политике, о степени его влияния на глобальные процессы*. Это один из малоисследованных вопросов политических наук, ибо международные отношения в большинстве случаев анализируются со всевозможных направлений, кроме одного — *роли и места человека в решении злободневных проблем: войны и мира, сосуществования, борьбы с терроризмом*. Важный раздел политической социологии — анализ механизма реализации властных полномочий. Здесь особый интерес вызывает рассмотрение роли и значения политической идеологии в жизни любого общества. Анализируя политическую жизнь через политическую идеологию и политическую культуру, следует обратить внимание на политическое сознание, представленное совокупностью теоретических положений, взглядов, мнений, настроений, ценностных ориентаций, которые реализуются в процессе осуществления функций политической власти. Поскольку постулаты политической идеологии реализуются при помощи определенного механизма — *избирательных кампаний* и общественного мнения, то их анализ является частью одного из важнейших направлений политической социологии — *электоральной социологии* (См. *Электоральная социоло-*

гия). Видное место в механизме функционирования властных отношений приобретают проблемы — бюрократии (См. *Бюрократия*), лоббизма, групп давления, политической элиты, парламентаризма, достижения гражданского согласия. Эти явления определяют лицо современного общества, провоцируют или предвращают политическую напряженность и ее открытую форму проявления — *конфликты*. Как никогда в современных условиях возрос спрос на *политическое предвидение, прогнозы*, от четкого формирования которых в значительной степени зависит возможность успешного решения стоящих перед обществом политических вопросов.

Таким образом, в сфере политической жизни социологией исследуются *политическое сознание и политическое поведение людей*, проявляющихся как в стихийной, так и организованной форме (через государственные, общественные институты и организации), а также *механизм их воздействия на процесс функционирования власти в конкретных социально-исторических условиях*.

В заключение необходимо отметить, что если политические науки (политология) исследуют политические (властные)

отношения сверху, с позиций государственных и партийных программ, заявлений, деклараций политических деятелей о текущих и перспективных процессах, то политическая социология, учитывая перечисленное, подходит к этим процессам снизу, со стороны человека, социальных групп и слоев, которые имеют собственные суждения, оценивают ситуации, свое положение и перспективы не так, как это делают официальные структуры.

Основная литература

Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002.

Социология политическая // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 735—737.

Социология политическая // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 541—544.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 333—346.

Дополнительная литература

Артемьев Г.П. Политическая социология. М., 2002.

Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

Виноградов В.Д., Головин Н.А. Политическая социология. СПб., 1997.

Дмитриев А.В. Политическая социология в США: Очерки. Л., 1971.

Ж.Т. Тощенко

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Сущностную основу политической жизни составляет вопрос о власти. Главным носителем властных отношений является *государство*. Понятие «государство» охватывает все организации, представляющие правящие институты общества, а также их деятельность в рамках определенной территории, как правило, признанное международным сообществом. Если государство имеет не унитарное, а федеративное или конфедеративное устройство, то в его состав входят не только центральные, но и региональные органы власти.

В XX в. деятельность государства приобрела грандиозный размах. Поэтому социологов интересуют *вопросы распространения власти государства и попытки ограничить масштабы его влияния*.

Фокусом социологического изучения государства является *политическое взаимодействие индивида с государством*, государственными институтами, с общественно-политическими и неправительственными организациями (в том числе бизнеса), а также *состояние тенденции и противоречия развития* государства, его институтов и организаций.

Для политической социологии принципиально важным является изучение *обратной связи во взаимоотношениях государства с гражданским обществом*, т.е. того, как население, общественно-политические и неправительственные организации оценивают деятельность властных структур, а также влияние, которое они оказывают на общественную и частную жизнь.

Существуют три основных типа оценки роли государства и его функций.

1. *Максималистский* — государство существует для поддержки широких слоев населения, способствуя нейтрализации наиболее явных проявлений социального неравенства и несправедливости. Государство при этом играет ведущую роль практически во всех сферах жизнедеятельности общества (примером такого типа может рассматриваться советское государство).

2. *Социал-демократический* — государство обеспечивает основные важнейшие права гражданина. Социальные обязательства государства довольно значительны, но они выполняются, прежде всего, за счет высоких ставок налогов и их хорошей собираемости (примером такого современного государства может служить Швеция).

3. *Праволиберальный* — деятельность государства по удовлетворению социальных потребностей граждан строго ограничена. Граждане ориентируются на самостоятельную защиту своих прав и на строгое соблюдение своих обязанностей. Если они по тем или иным причинам не способны обеспечить свои социальные потребности, они должны обращаться не столько к государству, а к неправительственным организациям и частному сектору.

Россия, которая в период советской власти ориентировалась на максималистский тип государства, сейчас еще не соответствует ни социал-демократическому, ни праволиберальному типу. Но как показывают многочисленные опросы

общественного мнения, значительная часть ее населения не желает мириться с отказом государства от многих социальных обязательств по отношению к своим гражданам. Это хорошо продемонстрировала реакция широких слоев населения на «монетизацию» льгот.

Властные полномочия осуществляются, как правило, на нескольких взаимосвязанных уровнях: федеральном, региональном и местном. Органы власти на каждом из этих уровней в зависимости от ситуации по-разному оцениваются населением.

Анализ социологической информации показывает, что между макро-, мезо- и микроуровнями сложилось определенное противостояние, которое связано с перераспределением властных полномочий, ответственностью за рациональную организацию жизни граждан, возможностями финансового обеспечения социальных программ.

В социологической литературе применяются и другие типы классификации политической власти. Например, политические системы отличаются по господствующему в них *режиму и форме правления*, в том числе по *степени соучастия населения в осуществлении власти*, по *полноте представительства интересов различных социальных групп*.

Основными *политическими режимами* могут быть: монархия (в том числе конституционная), президентская республика, парламентская республика и некоторые другие.

По *формам правления* различаются следующие типы: демократия, охлократия, этнократия, теократия, технократия, олигархия и некоторые другие.

Демократия в дословном переводе означает «власть народа». Современное понимание демократии предполагает наличие следующих принципов осуществления политической власти: 1) избрание законодательных органов народом; 2) всеобщее избирательное право; 3) сво-

бодное волеизъявление; 4) доверие народа органам власти; 5) гражданский контроль органов власти; 6) открытость деятельности государственных органов и т.п.

Своеобразной пародией на демократию является *охлократия*. При такой форме правления власть утрачивает контроль над ситуацией в стране, не может справиться с решением жизненно важных общественных проблем. Для своего сохранения она апеллирует к наиболее примитивным, часто люмпенизированным слоям населения, натравливая их на других, более обеспеченных и образованных граждан, чтобы выиграть время и снять с себя ответственность за происходящее в стране. Но эта форма правления не может существовать долго и перерождается в одну из форм, чаще всего тоталитаризм или авторитаризм.

Авторитаризм как определенный тип недемократических режимов часто характеризуется следующими особенностями правления: полное подчинение власти и сведение к минимуму гражданских и политических свобод, регламентированность всех сторон жизни общества, определяющая поведение граждан и исключаящая инакомыслие и политическую конкуренцию. Крайней формой выражения авторитаризма является *тоталитаризм*. Важным показателем тоталитарных и авторитарных режимов является *культ личности*.

Крайней формой проявления авторитарных тенденций является *тирания*, которая определяется как единоличное правление лица, игнорирующего закон и нравственность.

Олигархия, по первоначальному значению слова, — это правление немногих лиц или групп в государстве. Она резко ограничивает права и полномочия других субъектов, желающих участвовать в политической жизни. Это понятие означает, что политическая власть принадлежит обособленной группе, преследующей корпоративные цели и использующей

для их реализации государственный механизм. Это понятие может употребляться для обозначения безраздельного господства сложившейся группы лиц в различных сферах жизни общества. Существуют финансовая, экономическая, политическая, военная и другие типы олигархии.

Политическая социология изучает *отношение людей к различным формам правления, выявляет уровень их поддержки существующих политических режимов*. Государство оценивается людьми по тому, создает ли оно условия, благоприятные для их существования, строит ли оно взаимоотношения с людьми на принципах уважения их прав, учитывает ли мнения и интересы людей по жизненно важным проблемам. Участие людей в подготовке и принятии государственных решений осуществляется в форме *непосредственной (прямой) или представительной демократии*.

Одной из форм непосредственной демократии является *референдум* как прямое волеизъявление народа, позволяющий выявить степень поддержки принципиальных решений, затрагивающих коренные вопросы жизни общества и государства. Другой важной формой участия населения в управлении государством является реализация всеобщего избирательного права на выборах законодательной и представительной власти. Политическая социология исследуется как участие (или неучастие) людей в референдумах и выборах. Существует даже специальное понятие для отражения этого феномена — *электоральное поведение* (см. *Электоральная социология*). Исследование предвыборных кампаний превратилось в одно из активно развивающихся направлений политической социологии.

Основная литература

Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2003.

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 153—156.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 352—367.
Энциклопедический социологический словарь.
М., 1995. С. 98—100.

Дополнительная литература

Амелин В.Н. Социология политики. М., 1992.
Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1994.

Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
Политическая социология. Ростов н/Д, 1996.
Политическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999.
Тощенко Ж.Т. Три особенных лика власти.
М., 2002.

Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология:
В 3 ч. М., 1992.

Л.Н. Вгвоиченко

Бюрократия

Традиция изучения бюрократии в социологии была положена М. Вебером (1858—1920). Разработанная им *модель рациональной идеальной бюрократии* оказала наибольшее влияние как на процесс изучения феноменов власти, так и на становление института государственного управления в наиболее развитых в социально-политическом отношении странах.

М. Вебер выделил два обязательных, «родовых» условия, которым должен соответствовать любой чиновник-бюрократ. Это профессиональная подготовка, предусматривающая *специализированное, систематическое обучение и знание чиновниками законов*. Современные исследователи, развивая логику Вебера, добавляют и третье условие, необходимое для чиновника-бюрократа, — *психологическую включенность*, так как осуществление управленческих функций в современном государстве связано с публичностью. Кроме отмеченных условий, присущих профессиональной бюрократии, М. Вебер выделил следующие принципы ее функционирования: включенность в иерархию, служебная координация должностных лиц; компетентность в вопросах службы, обеспечиваемая профессиональной квалификацией; строгая единая служебная дисциплина, обязательность выполнения служебных обязанностей; личная свобода должностных лиц, но ограниченная рамками своего поста при исполнении служебных обязанностей; конкретное, формально фиксированное определение функций каждого должностного лица;

заключение персонального трудового соглашения; отбор должностных лиц по профессиональной квалификации желательно путем конкурсных экзаменов; оплата труда через получаемое жалование в денежной форме. Определены права и обязанности чиновника: право на пенсионное обеспечение в зависимости от должности, стажа и по другим основаниям; возможность ухода с должности, т.е. прекращение трудового соглашения с чиновником по его инициативе при определенных обстоятельствах; должность чиновника является единственным и основным профессиональным занятием, дающим источник к существованию; недопустимо привлекать чиновников к дополнительной деятельности; прохождение определенных ступеней карьеры (карьерный рост строится в зависимости от стажа, квалификации и других достоинств); чиновник не должен использовать свой пост или связанные с ним ресурсы в своих личных целях, т.е. работать в полном отрыве от средств управления и без присвоения служебных мест.

Невмешательство чиновников в политическую жизнь рассматривалось М. Вебером как одна из предпосылок поддержания стабильности в обществе. Его идеи вступают в конфронтацию с анализом роли и значения бюрократии К. Маркса, который рассматривал государство как аппарат насилия, где бюрократия — своеобразный паразит, неспособный быть выразителем всеобщих интересов, присвоивший себе государство и отчужда-

ющий население от власти и от процесса управления. К. Маркс блестяще дал описание таких характеристик бюрократии, как извращенное восприятие действительности и отрыв от нее, возрастающий по мере продвижения к вершине власти, предвзятость и произвол; формализм и притязания на монопольную компетентность.

Патологии бюрократической организации нашли отражение в модели Р. Мертона (1910—2002), который полагал, что формализм, уступчивость и конформизм в иерархической структуре подавляют способность индивидов принимать самостоятельные решения, обуславливают отказ представителей бюрократии от творческого мышления и от компетентности. Он называл это явление «бюрократическим ритуализмом», обозначающим такую поглощенность правилами и установлениями, которая ставит под угрозу достижение целей организации. Избежать замкнутости и кастовости бюрократии можно путем установления контроля над элементами организационной структуры, а также выработки мотивации на конечный результат деятельности организации.

Бюрократическая модель лежит в основе традиционного управления, которое может быть охарактеризовано как административное управление под контролем политических лидеров. Оно основано на строго иерархической бюрократической модели, где действуют постоянные, нейтральные и анонимные служащие, мотивом действий которых являются только интересы общества, т.е. они служат одинаково любой правящей партии, не вмешиваются в политику, а лишь реализуют ее. Традиционная модель сформировалась во второй половине XIX в. и в модифицированных формах существует и по сей день. *Основопологающим принципом этой модели считается принцип разделения политики и управления, который исходит из веберовской парадиг-*

мы об идеальной бюрократии. Однако общество конца XX — начала XXI в. существенно отличается от общества, которое описывал М. Вебер: изменились функции бюрократии, существенные изменения претерпела структура государственных служб к концу XX в.

Если до середины 1970-х гг. основной упор в административно-государственном управлении делался на деловые качества профессиональных государственных служащих, их политическую нейтральность, что гарантировало им срок пребывания в должности, то с конца 1970-х гг. важное значение стало придаваться *политической деятельности*, а в ряде случаев и *активной политической роли государственных служащих*. Бюрократия становится субэлитной группой политической сферы.

На практике это означает более быструю перестановку в рядах старших администраторов и придание политического характера определенным должностям. В некоторых странах (США, Франция) сотрудники гражданских служб становятся членами партий и партийными функционерами. В этом смысле понятно и оправдано существование так называемых политических должностей.

Еще один аспект, не позволяющий говорить о реальном отделении политики от бюрократии в современном обществе — это *приобретение бюрократией некоторых законодательных функций*. Именно она является решающей силой при выдвижении законодательных предложений. Бюрократия играет также роль *судебной власти* (особенно в сфере регулирования). И, конечно, она сохранила и свои *исполнительные функции* в сфере реализации государственной политики.

Большинство социологов полагают, что: 1) бюрократия играет важную роль в формировании государственной политики и является существенной частью политического процесса; 2) бюрократия тесно связана с многочисленными част-

ными группами и интересами общества, что не исключает коррупции, неравномерного учета интересов различных групп населения в процессе выработки управленческих решений.

Здесь встает вопрос о взаимодействии бюрократии с институтами гражданского общества, с группами интересов и корпорациями, а также о демократизации как процесса управления, так и самой государственной службы. На протяжении XX в., с одной стороны, численность людей, включенных в организации и так или иначе связанных с процессом управления, возрастала, с другой — развивающиеся институты гражданского общества и политическая самоорганизация масс привела к пониманию необходимости контроля за бюрократическими структурами.

В начале 1990-х гг. в большинстве развитых стран Запада начала складываться новая модель управления, основанная на применении механизмов менеджмента в общественном (публичном) секторе, которая предполагает: наличие конкуренции между службами и структурными подразделениями, предоставляющими непосредственно услуги населению; предоставление гражданам возможности для эффективного контроля за бюрократическими структурами; определение результатов деятельности администрации (ее служб, отделов) не по предоставляемым ресурсам, а по конкретным результатам (по выходу); управление в соответствии с целями, стоящими перед структурными элементами административной системы, а не в зависимости от неких абстрактных правил и регулирующих документов. Согласно этой модели граждане, являющиеся получателями услуг и продуктов деятельности системы, должны восприниматься системой по-новому, как ее заказчики и клиенты, которым должно быть предоставлено право выбора; все службы должны пре-

дотвращать появление проблемы, а не вводить услуги после ее возникновения. Свою энергию административная система должна направить на изыскание собственных финансовых ресурсов, должна зарабатывать деньги, а не только тратить полученное из бюджета; должно быть проведено разделение компетенции и ответственности, в том числе должны использоваться механизмы менеджмента участия; механизмы, характерные для деятельности свободного рынка, должны использоваться в большей степени, чем бюрократические механизмы. Внимание органов управления должно быть сконцентрировано на стимулировании развития всех секторов: общественного, частного, а также некоммерческих (добровольных) организаций, участвующих в общественной жизни в процессе решения актуальных проблем общества.

В результате преобразований создается новая модель государственной службы и государственного управления, которая идет на смену рациональной модели, созданной во многих странах под влиянием теории рациональной бюрократии М. Вебера. Качественными параметрами рациональной модели государственной службы являются порядок, строгая совершенная структура, определенная стратегия, подготовленные кадры, целенаправленное управление. Новая модель, которую часто называют необихевиористской (поведенческой), характеризуется *принципиально иными параметрами, выраженными в таких категориях, как творчество, новаторство, эмоциональная атмосфера, тесные связи с общественностью, демократизм*. В частности, У. Беннис ввел понятие «адхократия», что означает быстро изменяющуюся адаптивную структуру, группу специалистов с различными профессиональными знаниями, созданную в соответствии с конкретной ситуа-

цией. В отличие от традиционной бюрократии, здесь нет четкой вертикальной иерархии и разделения труда, формальные отношения сведены к минимуму, а специализация не функциональная, а содержательная. Подобного рода гибкие организационные структуры, почти исключая бюрократизм, пользуются все большей популярностью в современном бизнесе и постепенно проникают в госуправление.

Обозначенные модели государственного управления, по крайней мере, на ближайшую перспективу будут дополнять друг друга и представлять некий *симбиоз рациональности и творчества*, что в условиях возрастающей неопределенности внешней среды будет способствовать адаптации государственных органов и административных структур к постоянно изменяющимся внешним и внутренним условиям.

Следует отметить еще одну характерную особенность: проблемы анализа бюрократии заменяются анализом так называемых элит — властных, политических, государственных, региональных, местных, а также попытками преувеличить их роль, что приводит к оправданию их деятельности и методов работы. Кроме того, такая постановка вопроса противопоставляет бюрократию народу, делая первую обладателем некоего социального качества, которое ставит их выше «толпы» только потому, что она обладает политической и административной властью.

Таким образом, *бюрократия* — особая социальная общность, объединенная и сплоченная общим корпоративным интересом, связанная с процессом управления, который основан на принципах рациональности, разделения труда, специализации, профессионализации. Другими словами, бюрократия

— социальная группа, персонифицирующая процесс управления.

В более широком смысле с социологической и политологической точки зрения под бюрократией понимают специфическую форму социальной организации, бюрократические организационные структуры, образующие управляемые по определенному плану целевые союзы, внутренняя структура которых позволяет более полно и беспрепятственно достигать целей, стоящих перед данной организационной структурной единицей. Чаще бюрократию и ее деятельность связывают с государственной сферой, однако ее функционирование не ограничивается ей и распространяется на все сферы жизнедеятельности общества.

Основная литература

Масловский М.В. Политическая социология бюрократии. М., 1997.

Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002. Гл. 16 «Бюрократия».

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 126—127.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 80—82.

Дополнительная литература

Вебер М. Политика как призвание и профессия / Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644—706.

Доунс Э. Жизненный цикл бюрократических структур. М.: Изд-во МГУ, 2003.

Мертон Р.М. Бюрократическая структура и индивидуальность. М.: Изд-во МГУ, 2003.

Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М., 2002.

Осборн Д., Пластрик П. Управление без бюрократов. Пять стратегий обновления государства: Пер. с англ. М.: Прогресс, 2001.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2008. Гл. «Элиты».

Социология партий

Анализ состояния и тенденций развития политической жизни позволяет сделать вывод, что на современном этапе одной из ключевых проблем становится более полное осуществление права на повседневное и действенное (со)участие людей, социальных групп, общностей и организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни. Это (со)участие в значительной мере реализуется через деятельность политических партий.

В мировой социологической литературе имеется немало исследований, касающихся деятельности партий, т.е. таких общественно-политических организаций, в которых наиболее полно выражены идеологические устремления основных социальных сил общества. Этой проблеме стало особенно много уделяться внимания в период окончательного оформления капитализма. Основоположником ее исследований можно считать М.Я. Острогорского (1864—1919), чей фундаментальный двухтомный труд «Демократия и политические партии» предвосхитил многие идеи, которые в дальнейшем были развиты В. Парето, Г. Моска, М. Вебером и особенно Р. Михельсом. Глубокие исследования по общественным движениям были выполнены Б.Н. Чичериным (1828—1904), М.М. Ковалевским (1851—1916). В Советском Союзе в 1920-е гг. эти аспекты жизни социалистического общества анализировались Н.И. Бухариным, С.А. Оранским, А.А. Богдановым и др. После возрождения социологии вышли интересные работы, посвященные проблемам политических организаций КПСС и общественных движений.

Одним из факторов возникновения и становления любой партии является их четкая и понятная людям программа действий, целей и задач. Если заявления, программы партий не содержат ясно и по-

нятно сформулированных экономических, политических и социальных ориентиров, то многие из этих партий не имеют перспективы выжить в условиях политической конкуренции.

Возникновение и дальнейшее развитие, долгая политическая жизнь партии возможна лишь в том случае, если партия опирается на *серьезную социальную базу*. Разговоры о среднем классе только запутывают представление о социальной опоре каждой из них. А раз нет отчетливо выраженных социальных сил, то понятно, почему большинство существующих или претендующих на существование партий не выдерживают испытания временем.

Не менее актуально звучит вывод, полученный на основе изучения жизни партий: *если они представляют собой структуры уходящего времени, то можно утверждать, что будущее будет принадлежать тем из них, кто улавливает назревающие потребности, которые всегда возникают как массовые движения, спонтанные гражданские инициативы*. Анализ социологической информации показывает, что многие движения, такие как различные националистические объединения и организации, будучи организационно рыхлыми, тем не менее пользуются поддержкой части населения. Об этом свидетельствует опыт практически всех стран, в том числе стран старой демократии, где националистические партии становятся реальной силой.

Возникновение и функционирование партий, преобразование старых символизируют оправдавший себя в истории подход: чем разнообразнее взгляды, тем вернее решение. Однако если творческий потенциал людей не реализуется и социальные инициативы не находят поддержки, то их энергия проявляется стихийно.

Тупик в развитии институтов власти всегда преодолевался при помощи новых субъектов политического действия. Такowymi являлись политические партии, общественные движения и инициативы. Более того, можно предположить, что, если в ходе развития властных отношений не будут возникать новые политические образования, то произойдет нарушение процесса властвования, так как прерывается приток свежих сил и задерживается обновление политической структуры общества. Вот почему партии рассматриваются как один из важнейших субъектов, при помощи которого осуществляется развитие демократических институтов общества.

В современной России на 1 января 1997 г. было зарегистрировано 120 всероссийских политических партий, на 1 января 2003 г. — 43, а на 1 января 2007 г. — около 20. Еще около 40 функционирует де факто. Вначале общественное сознание вполне благосклонно встретило это нарождающееся многообразие, тем более, что оно представляло все цвета политического спектра, присущие каждой цивилизованной стране. Это, прежде всего, *партии либерального направления*, ориентирующиеся на аналогичные партии других стран и отстаивающие ценности неограниченного свободного рынка. Долгое время это направление олицетворял «Демократический выбор России», затем «Союз правых сил», который был создан из мелких политических группировок (каждый более или менее известный либеральный деятель считал за долг иметь свою партию). В настоящее время партийное строительство в этом политическом спектре переживает глубокий кризис, который пытается преодолеть недавно (в 2009 г.) зарегистрированная партия «Правое дело». Это также и *партии центра*, к которым причисляют себя партии власти, стремящиеся соединить новые потребности

времени с позитивным опытом функционирующей экономики. В настоящее время они ассоциируются с партией «Единая Россия» (ранее — «Наш дом Россия»), не говоря о более мелких многочисленных претендентах на эту роль. Кроме того, это *партии левого толка* — социалистической и коммунистической ориентации, которые также представляют достаточно широкий диапазон мнений и программных установок. Следует отметить и появление *партий национального и националистического направления*, которые ориентируются на защиту интересов своей нации, нередко абсолютизируя их и противопоставляя интересам других стран и народов. И наконец, возникли *партии*, сосредоточивающие свои усилия на решении отдельных общественных проблем — *экологических, научных, пенсионных* и т.д.

Появление этих партий на политическом небосклоне в конце 1980-х — начале 1990-х гг. люди встретили с надеждой: они увидели в этом многообразии выход из того политического и идеологического единомыслия, которое завело страну в тупик. Но надежды не оправдались. Уже в середине 1992 г. 88% опрошенных во всероссийских исследованиях отвечали, что не ориентируются ни на одну из политических партий и ни в одной из них не хотели бы состоять.

Этот показатель продолжал быть устойчивым в период 1990-х гг.; более того, разочарование в деятельности этих партий или безразличие начало превращаться в партофобию, активное неприятие политически амбициозных людей, создавших большое число крошечных, малочисленных и ничего, кроме личных и групповых амбиций, не представляющих политических объединений. Одновременно проявилась тенденция: россияне не только не стали сторонниками каких бы то ни было политических партий, но и не относят себя к приверженцам тех или иных идейно-политических течений (табл. 1).

Таблица 1. Динамика идейно-политической самоидентификации общества, %

Какие идейно-политические течения поддерживают	1995 г.	2001 г.	2003 г.		
			Все население	Богатые	Бедные
Либералов, сторонников рыночных реформ	17,2	7,0	2,7	12,2	1,6
Сторонников коммунистической идеологии	14,0	12,4	10,2	1,3	12,9
Сторонников социал-демократической идеологии	—	4,4	2,6	5,3	1,4
Сторонников русского национального возрождения	10,5	5,6	3,7	3,3	2,9
Сторонников сочетания различных идей, избегающих крайностей (центристы)	17,2	16,0	7,6	16,2	4,5
Не являюсь сторонником никаких идейно-политических течений	41,1*	39,2	48,8	42,6	51,5
Затрудняюсь ответить	—	15,4	23,6	18,5	24,2

* Сюда включены и затруднившиеся ответить.

Источники: Данные Института социологии РАН.

Данные показывают, что существующая партийная система деформирована и продолжает разрушаться, идеологические ниши сужаются, политические ориентации все больше фрагментируются и дробятся. Например, разрушение характерного для 1990-х гг. противостояния «коммунистов» и «демократов» привело к появлению в либеральной части спектра электоральных движений, которые представляют «Яблоко» и некоторые мелкие партии типа «Либеральной России». То же самое можно сказать и об их оппонентах на левом фланге. В традиционном коммунистическом сегменте общества существуют «советские фундаменталисты», традиционные консерваторы и социалисты, апеллирующие к собственно левым ценностям и идеям (справедливость, солидарность и т.д.). На этом фланге появились такие партии, как «Родина»,

возникшая при проведении выборов в Госдуму в 2003 г., а также «Справедливая Россия», которая открыто заявила о социалистическом выборе, намереваясь вытеснить КПРФ из ее традиционного поля. Наконец, в политическом центре идут безуспешные попытки становления «партии власти», на олицетворение которой претендует «Единая Россия». Эти сдвиги сопровождаются сложными процессами: соперничеством и претензиями на выражение «интересов народа». В конце 1990-х гг. противостояние различных политических движений было ознаменовано попыткой их замещения силами, олицетворяющими интересы олигархических групп (феномен Ходорковского).

Однако очевидно, что потребуются значительный срок, чтобы новые партии прошли отбор временем. Историческая их перспектива не так радужна, как мог-

ло показаться в начале 1990-х гг. Несомненно, что им предстоит пройти трудный путь становления и далеко не все из них выживут в политической борьбе. И успех

или неуспех многих из них будет зависеть от того, насколько они смогут выразить интересы определенных групп, найти свою социальную нишу (табл. 2).

Таблица 2. Ответ на вопрос: «Какой из следующих курсов Вы бы предпочли, которому может следовать Россия?» (в % к числу ответивших. N = 1600)

	1998 г.	2001 г.	2005 г.	2007 г.
Вернуться к тому, что было при советской власти	27	22	22	17
Изменить направленность реформ, укрепляя роль государства в экономике и обеспечивая социальную защиту населения	40	40	48	45
Продолжать реформы, постепенно сокращая роль государства в экономике и представляя больше возможностей частным предпринимателям	10	10	10	14
Быстро, решительно и до конца осуществлять начатые социальные и экономические реформы	13	15	11	17
Затрудняюсь ответить	10	15	9	7

Источник. Общественное мнение. 2007. М.: Левада-Центр, 2007. С. 19.

Все более очевидным становится факт, что жизнь новых партий должна строиться на иных принципах, чем в КПСС. Во многих из них нет монолитности, жесткой регламентации и иерархии, единства. В структуре партий обычно существует несколько идейных течений, которые различаются между собой в средствах и методах достижения цели. Более того, трудности становления уже привели к расколу некоторых из них. Но несомненно одно: многообразие идей в рамках одной концепции становится характерным для многих политических партий.

Изучение жизни политических партий в условиях демократизации общества также показывает, что их настоящее и будущее определяется тем, насколько они полно, всесторонне выражают чаяния народа. В этой связи еще предстоит осмыслить трагедию КПСС, в один миг рухнувшей под ударами истории.

В жизни российского общества получилось так, что властные отношения долгое время ассоциировались с деятельностью Коммунистической партии. Произошел не оправдавший себя в истории перекося власти, сосредоточение ее в руках партии, в течение длительного периода встроенной в административно-командную систему. Коммунистическая партия десятилетия фактически являлась государственной партией. Это выразилось в том, что все основные вопросы политики и в центре, и на местах не могли быть решены без одобрения или поддержки ее органов. Противоречивость ситуации отразилась и на других общественно-политических организациях, которые отторгались от властных структур, превращались в безропотных исполнителей чужой воли. Такое положение имело огромные негативные последствия, так

как создавались условия для производства, авторитарных решений, протекционизма и замены власти народа властью коррумпированных групп.

Еще один из уроков очевиден: придя к власти на основе доверия народа, КПСС постепенно утратила реальные шансы быть выразителем его нужд. В ее деятельности возобладали догматизм, карьеризм, морализаторство, начетничество, декларативность, отрыв политических установок от жизни, чрезмерная вера в чудодейственную силу слова. Эти ошибки, просчеты в значительной мере были повторены партиями в постсоветское время — теми, которые претендовали на роль партии власти. Бесславно закончили свой политический путь «Демократический выбор России» (1991—1995), «Наш дом Россия» (1995—1999). В весьма противоречивом ракурсе развивается судьба «Единой России», принявшей эстафету партии власти в 1999 г. В деятельности всех партий власти все чаще складывается такое положение, когда идеи существуют сами по себе и, будучи несопоставимы с практикой, объективно мало влияют на общественное сознание и поведение людей.

Разъясняя идеи, убеждая людей, партии стремятся мобилизовать их на решение по-своему понимаемых общественных задач. Но если они ограничиваются лишь разъяснением своих взглядов, идей, теорий, сообщением сведений о событиях внутренней и международной жизни, то лишь частично выполняют свою роль. В не меньшей мере для партии важно, насколько ее поддерживает население. В конечном итоге вес и роль политической партии определяются не тем, сколько в ней членов, а количеством людей, голосующих за нее на выборах.

Ценность каждой политической партии все больше определяется тем, насколько она полно, четко и предметно отражает чаяния и надежды людей. Поддержка партий, как показывает социологический анализ, зависит не от того, что записано в ее программе, а от того, насколько учитывается настроение людей, что их радует или волнует, что беспокоит, в чем они нуждаются, к чему стремятся и что хотят видеть в своей трудовой и повседневной жизни.

Роль любой партии в немалой степени зависит от *действительного положения, ценностных ориентаций и убеждений каждого ее члена.*

Необходимо видеть и противоречивость развития политических структур. Если притязания политической партии учитывают объективный ход исторического процесса, то ее социальная роль будет востребована, партия найдет поддержку и будет обеспечено их будущее. И чем меньше согласуются политические интересы с объективными тенденциями общественного развития, тем больше вероятность коллизий, политических конфликтов и конфронтаций как внутри партии, так и в ее взаимоотношениях с обществом.

Важное место в политической социологии занимает изучение лидеров политических партий, их «элиты». Любая партия нуждается не только в функционерах, но и в руководителе, умеющем повести за собой людей, пользующемся у них безусловным доверием. Оценка их только по образованию, стажу работы и ряду других показателей оказалась неплодотворной, бесперспективной, не соответствующей новым требованиям времени, ошибочной и в научном, и в нравственном отношении. Рейтинги политических руководителей убедительно показывают, насколько глубоко отзываются в сознании людей те или иные политические акции. В то же время они позволяют в большей мере, чем ранее, обеспечить общественный контроль за деятельностью лидеров, их поведением и принятием ими решений.

Основная литература

Бойков В.Э. Политические партии и политическая деятельность как форма реализации интересов граждан // Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002. С. 180—198.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Общественные организации», «Партии».

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 158—160.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 527—528.

Дополнительная литература

Багратян Г.А. Общество и государство. М., 2000.

Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. М., 1999.

Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

Зеленко Б.И. Политические партии и развитие гражданского общества в России. М., 2001.

История политических партий / Под ред. А.И. Зевелева. М., 2001.

Корсунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1996.

Лапаева В.В. Право и многопартийность в современной России. М., 1999.

Маркс К. Политические партии и перспективы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8.

Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

Сикевич З. Политические игры или политическая борьба: партии, движения, ассоциации глазами социолога. Л., 1991.

В.Ф. Левичева,

Ж.Т. Тощенко

Общественные организации

Общественные организации — это добровольные объединения людей во имя достижения определенных целей. Они являются историческим продуктом развития общественных отношений. Их появление связано, во-первых, с тем, чтобы люди стали осознавать свои интересы и потребность в создании специальных структур для их защиты и удовлетворения. Во-вторых, развитие гражданского общества немыслимо без функционирования добровольных общественных организаций, которые возникли как оппоненты государственным структурам, предлагающие иные пути и методы решения возникающих проблем развития. В-третьих, их появление возможно при определенном политическом режиме и соответствующей политике по отношению к гражданским правам и свободам человека. До сих пор существуют страны, в которых нет общественных организаций, поскольку их деятельность запрещена законом либо не поощряется государством. Это в основном характерно для тоталитарных и авторитарных режимов. В свою очередь, отсутствие общественных орга-

низаций свидетельствует о неразвитости гражданского общества в той или иной стране. Поэтому такая форма правления, как демократия, в современном обществе предполагает наличие и опору на деятельность самых различных по своей функциональной направленности общественных организаций.

Общественные организации выполняют функции, важные как для их членов и поддерживающих структур, так и для государственных институтов, бизнес-структур и других субъектов общественных отношений. В о - п е р в ы х, *общественные организации выполняют функцию каналов коммуникаций* между различными группами населения и государственными институтами, а также бизнес-структурами. Причем эти каналы коммуникаций обычно бывают двусторонними или многосторонними, т.е. различные группы населения через посредство общественных организаций доводят до правительства и других государственных институтов свои интересы, требования, ожидания. В свою очередь, государственные институты и их представители (пре-

зидент страны, премьер-министр и другие представители государственной бюрократии) могут использовать общественные организации для разъяснения населению основ своей политики и конкретных действий. Этот канал влияния используется ими в целях получения одобрения и поддержки своей политики, а также снижения протестных настроений и действий со стороны оппозиционно настроенных групп населения, что особенно важно в периоды кризисов и снижения доверия к политической власти. Эта функция влияния органов государственной власти на население через посредство общественных организаций иногда приобретает характер манипулирования общественным мнением.

В о - в т о р ы х, *общественные организации стали более активно использоваться бизнес-структурами* для доведения своих озабоченности до государства по части ущемления интересов и создания множественных препон, мешающих развитию мелкого и среднего бизнеса.

В - т р е т ь и х, в процессе взаимодействия с государственными институтами и бизнес-структурами общественные организации *подключаются к процессам управления, участвуя в решении социально значимых проблем*. Эта функция общественных организаций стала более активно проявляться в 1990-е годы и получила название «управление без правительства» (governing without government). В России примером исполнения такой функции являются органы местного самоуправления, которые по своему статусу и по Конституции Российской Федерации являются негосударственными организациями.

В - ч е т в е р т ы х, важной функцией общественных организаций является участие в *социализации личности*. Общественные организации вовлекают людей в коллективное взаимодействие, приобщают их к навыкам совместных действий для решения общих проблем, влияют на формирование их сознания и в какой-то мере их политической культуры.

В - п я т ы х, некоторые общественные организации, особенно объединяющие индивидов, которые в силу различных причин лишены возможности широкого круга общения, выполняют *компенсаторную функцию*, поддерживая их психологически и морально. В качестве примера можно привести деятельность таких общественных организаций, как «анонимные алкоголики», общества слепых и т.п.

И н а к о н е ц, в последнее время активно создаются и развиваются организации, выполняющие *функции обеспечения досуга*. По мере увеличения свободного времени, а эта тенденция фиксируется во многих экономически развитых странах, у людей возрастают потребности повышения качества своего отдыха, проведения свободного времени. Кроме того, возрастает потребность общения по интересующему людей увлечению, т.е. необходимы общественные организации, которые могут помочь реализовать все эти потребности. Однако это часто влечет за собой дифференциацию по доступности предлагаемых услуг, что связано с высокими ценами. Снимать хороший спортивный зал, теннисный корт на индивидуальной основе становится все дороже.

Общественных организаций становится так много, что сложно провести их классификацию. Могут быть выбраны различные основы для их типологии. Вместе с тем сохраняется значимость их традиционной классификации по сферам деятельности. По основным направлениям деятельности выделяются следующие типы общественных организаций:

- *социально-профессиональные* (объединяющие людей для защиты профессиональных интересов, например, различного рода профсоюзы наемных работников, а также союзы предпринимателей);
- *этнонациональные* (от национально-освободительных до националистических, этнокультурных);

- *конфессиональные* (объединения последователей ценностей, характерных для той или иной религии). Наряду с ними существуют не религиозные, а религиозно окрашенные светские организации, например Христианско-Демократический союз (ХДС), председатель которого А. Меркель ныне является канцлером Германии);
- *нацифистские* (борьба за мир против применения силы, особенно вооруженной, против обязательной службы в армии, например, антиядерные движения в Германии, Франции, «Солдатские матери» в России и т.п.);
- *правозащитные*, выступающие за соблюдение прав и свобод людей за полноценное их использование в своей общественной и личной жизни;
- *экологические* (защита окружающей среды, решение различных экологических проблем, например, движения «зеленых», наиболее массовые в Германии, Франции, скандинавских странах);
- *историко-культурные* (движения за сохранение памятников старины, за сохранение и развитие различных направлений культуры и т.п.);
- *социально-демографические*: женские (на Западе чаще называют феминистские, защищающие права женщин — избирательные, трудовые, личные), молодежные, движения пенсионеров и др.
- *спортивные и оздоровительные*, которые занимаются широким спектром проблем — от привлечения населения к различным видам физической культуры до специализированных занятий спортом.

Необходимо отметить, что в рамках общественных организаций рассматриваются политические партии (см. *партии*), политические организации и движения, которые создаются для достижения политических целей, для достижения и завоевания власти и осуществления соци-

ально-экономического и политического устройства на сформулированных мировоззренческих основах и определения перспектив развития как государства, так и общества.

Современная специфика общественных организаций по сравнению, например, с правительством, министерствами и ведомствами заключается в том, что они носят *негосударственный характер*. Поскольку во многих странах государство ассоциируется с правительством, общественные организации часто называют *неправительственные организации* (non-governmental organizations). Сегодня в мире существует более ста тысяч негосударственных организаций (в России — около 30 тыс.). Все они в разной мере влияют на общественные отношения, складывающиеся внутри стран, а также на международной арене. В отличие от бизнес-структур, общественные организации носят некоммерческий характер, т.е. они не ориентированы на получение прибыли и существуют не за счет производства и продажи продукции, а на добровольные пожертвования своих членов и спонсоров.

В социологии общественные движения активно исследуются с самых различных точек зрения и ракурсов. Социологов интересуют идейные составляющие объединения людей в то или иное движение, их отношение к власти, в частности, к конкретным государственным институтам и их представителям, к другим общественным организациям, к различным формам участия в политической жизни, в частности, к голосованию на выборах и другие проблемы. Регулярные исследования по этим темам проводят ВЦИОМ, Левада-Центр, «Циркон» и другие российские центры изучения общественного мнения, научно-исследовательские институты Российской академии наук и вузы. Эти исследования кроме самостоятельного научного значения имеют и прикладное применение, в том числе в ходе избирательных кам-

паний, например, при составлении прогнозов результатов выборов.

Основная литература

Движение социальное. Движения политические. Организация общества социально-политическая // Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 150—162, 492—495.

Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Гощенко. М., 2003. Гл. 9 «Общественные объединения как индикатор многообразия политического поведения».

Политическая энциклопедия. В 2 т. М., Мысль, 1999.

Политическая социология. Ростов н/Д, 1996.

Социология политическая // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 540—545.

Дополнительная литература

Амелин В.Н. Социология политики. М., 1992.

Бурдые П. Социология политики. М., 1993.

Долгова Г. Генезис партий и приватизация в России // Власть. 2005. № 9. С. 32—43.

Мельникова Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации. М., 2000.

Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М., 1999.

Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. М., 1992.

Л.Н. Вговиченко

Электоральная социология

Электоральная социология (от *лат.* electo — выбирать, делать выбор) — область социологического знания, изучающая комплекс проблем, связанных с поведением населения в период проведения избирательных кампаний.

Процесс ее институализации обычно связывается с президентской кампанией 1936 г. в США, когда ее результаты были предварительно обоснованы Дж. Гэллапом (его prognostическая ошибка составила в 1936 г. менее 7%, в 1948 г. — 5,5%, в 1952 г. чуть более 4%). Именно использование Дж. Гэллапом выборочных методов исследования общественного мнения позволило, опираясь на соответствующие индикаторы, обоснованно выделять определенные электоральные зоны с преобладанием того или иного типа избирательного поведения.

Дальнейшее развитие социологического исследования избирательного процесса происходило по пути сегментации, детализации электората, выделения из него социальных групп — носителей определенного электорального поведения, обусловленного теми или иными факторами. В рамках бихевиористского подхода от-

дельно исследовалась роль СМИ в процессе формирования электорального поведения.

Существенный вклад в изучение электорального поведения внесла Чикагская социологическая школа. Объектом ее рассмотрения стали внутриличностные факторы поведения: мотивации, ценностные ориентации, проблемы и процесс идентификации с определенной политической партией, лидером и т.п. Дальнейшее углубление понимания электорального поведения осуществлено представителями немецкой школы (в частности, Э. Ноэль-Нойман). Именно с этим направлением социологической мысли связано обоснование различных методик изучения поведения избирателей в зависимости от различных социально-психологических факторов.

В последнее время наблюдается известная конвергенция подходов и школ. Но по-прежнему охраняются специфические исследовательские приемы, техники и процедуры, которые, будучи предметом коммерческой тайны, позволяют в случае успешного применения рассчитывать на пролонгированные отношения с заказчиками.

Электоральная социология изучает электоральные ориентации как социальных общностей, так и отдельных граждан, особенности восприятия избирателями предвыборных акций, партий и личностей кандидатов. Особое место занимает так называемый экологический подход, который предусматривает выделение таких единиц, как макрокомпонент, содержащих разнообразные — природные, исторические, экономические — факторы, влияющие и определяющие соответствующее электоральное поведение.

Она также анализирует факторы, влияющие на участие (неучастие) граждан в выборах, характер голосования, исследует оценку эффективности СМИ и их воздействия на электоральные предпочтения избирателей, прогнозирует итоги голосования и т.д. Являясь элементом политической социологии и будучи непосредственным образом связанной с политической структурой, особенностями политического режима и частными нормами избирательного права, электоральная социология изучает институт выборов, политическую культуру и политическое участие избирателей, избирательные технологии и другие факторы.

Следует особо отметить принципиальные отличия приемов, методов, методик, процедур и техник, используемых в электоральной социологии от других отраслевых социологических дисциплин, прежде всего, экономической социологии (маркетинге). Но несмотря на известную объективную общность электоральной социологии и политической социологии, наблюдаются существенные методолого-методические отличия. Прежде всего они касаются чрезвычайно сжатого временного интервала, предъявляющего повышенные требования к процессу организации координации социологического проекта, особенно при проведении полевого этапа. К характерным особеннос-

тям электоральной социологии можно отнести и подчас достаточно сложные условия политического противоборства, что побуждает исследователей использовать специфические методики. Необходимо отметить и достаточно сложную прогностическую составляющую предвыборных социологических исследований, серьезное влияние на которые оказывает ряд факторов (в частности, административный ресурс, практика «контрольных» цифр и т.п.), из-за действия которых социологический прогноз электорального поведения может оказаться весьма далеким от верифицированных итогов голосования. Тем не менее, проводить предвыборные социологические исследования считается весьма престижно, так как в случае соответствия социологического прогноза результатам голосования исследовательский коллектив заявляет о своем высоком профессионализме и конкурентоспособности, что позволяет ему в межвыборный период рассчитывать на получение портфеля заказов. К основным функциям предвыборных социологических опросов относятся: информационная функция — информирование соответствующих лиц (организаций) о подлинных результатах исследования (состоит из различных компонентов — прогностического, корректирующего, пропагандистского и т.п.) и квазиинформационная — совокупность различных социологических приемов и техник, направленных на формирование общественного мнения в нужном направлении («эффект лидера», «эффект аутсайдера», динамический эффект», формирующие опросы и другие формы).

Среди сравнительно новых «приобретений» электоральной социологии стоит отметить следующие. *Спираль умолчания* — описанное Э. Ноэль-Нойман явление: латентность мнения части электората, чувствующего свою малочисленность и публичное высказывание своих элек-

торальных взглядов частью, полагающей себя большинством. *Сдвиг последней минуты* — ситуация, при которой накануне выборов резко меняются электоральные ориентации части избирателей. *Шок избирательной кабины* — фактор, действующий непосредственно на территории избирательного участка и состоящий в неожиданном (порой даже и для самого субъекта) изменении им соответствующих электоральных позиций и установок. *Рейтинг* — индивидуальный показатель (как правило, процентный) оценки популярности, авторитета данного кандидата или партии; выводится на основе социологических опросов в предвыборный период (его не следует смешивать с прогнозом итогов голосования). *Прогноз итогов голосования* — показатель итогового значения соответствующих числовых показателей. Формируется не только на основе социологических методов, но и под воздействием ряда других факторов, могущих или нет подвергаться прогнозированию (в частности, фактора административного ресурса). *Административный ресурс* — разнообразные проявления прямого или опосредованного вмешательства власти в избирательный процесс.

Первые шаги отечественной электоральной социологии были сделаны в конце 1980-х гг. (избирательная кампания М.С. Горбачева на пост Президента Союза ССР, сопровождение выборов Народных депутатов, кампания Б.Н. Ельцина на Пост Президента РФ в 1990 г. и т.п.). За минувшее время российская социология выборов прошла путь от почти механического копирования зарубежных исследовательских приемов и методик до выработки достаточно аутентичных образцов, которые, опираясь на наработки отечественных исследователей, способны дать достаточно достоверные результаты. В этой связи отметим в качестве такого

рубежа парламентскую кампанию 1993 г. и непрогнозируемый триумф либерал-демократов на фоне неожиданного поражения инициатора демократических процессов — партии «Демократический выбор». Именно после этого возникла необходимость критического осмысления избирательных технологий-экстраполятов и социологических научных методов, используемых за рубежом и повторяемых в нашей стране. Были выявлены методологические, организационные, методические причины предвыборного социологического брака, на устранение (минимизацию) которых и была направлена дальнейшая деятельность отечественных научных центров и исследовательских групп.

Основная литература

- Политическая социология* / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2003.
Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 194—198.
 Сосина И.А. Современная избирательная система в аспекте политической компаративистики. М., 2002.
 Электоральная политология: теория и опыт России. СПб., 1998.

Дополнительная литература

- Березина Е.В. Этапы прогнозирования результатов голосования // Ценностные ориентации и социальное поведение в изменяющихся условиях. Региональные аспекты. Самара, 1995.
 Голосов Г.В. Второй электоральный цикл в России (1999—2000 гг.). М., 2003.
 Докторов Б.З. Общественное мнение: история и современность. М., 2005.
 Зарубин В.Г. Российский избиратель: опыт социологического анализа электорального действия. СПб., 1997.
 Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали умолчания. М., 1996.
 Ротман Д.Т. Электоральные исследования: сущность и технологии // СОЦИС. 1998. № 9.
 Тульский М.О. Социологические службы на выборах-99 // СОЦИС. 2000. № 12.

Социология права

Социология права призвана ответить на вопрос, как осознаются индивидуумом, социальными группами и слоями, партиями и общественными организациями существующая правовая реальность, права и свободы различных категорий населения. Ее роль состоит в том, что она дополняет, обогащает, несет новое знание и объяснение права.

Эволюция формирования и развития предельных о праве имеет длительный путь. Предпосылки возникновения права содержатся в трудах античных мыслителей — Платона, Цицерона и др. Так, Цицерон в своем произведении «О государстве» был близок к идее *естественного права*. По его мнению, «закон находится в согласии с природой, присутствует всюду и является вечным. Ни волей сената, ни волей народа никто не может быть освобожден от обязанностей, возлагаемых на него законом. Он неизменен и не может утратить своей силы. Все народы и во все времена будут подчиняться этому вечному закону». Римским юристам Цельсу и Ульпиану принадлежит разработка концепции права, проникнутой нравственностью. Во II в. до н.э. Цельс под правом понимал *искусство добра и справедливости*, т.е. изначально им предлагались скорее идеальные правила поведения, чем правовые нормы.

Изыскания исследователей Средневековья внесли в разработку проблематики ряд особенностей. Наиболее известный из мыслителей этого периода — Фома Аквинский (1225—1274) — различал три типа права — *божественное, естественное и человеческое*. Если божественное право, полагал он, основано на Священном Писании и постановлениях пап и церковных соборов, то естественное право есть вечная субстанция, принадлежащая человеческому роду изначально. Позитивно-правовое человеческое уста-

новление является тогда, когда оно не противоречит естественному праву.

Наиболее законченная концепция естественного права представлена голландским юристом Гуго Гроция (1583—1645). Если до него естественное право преимущественно рассматривалось как установление, то он стал трактовать его как *порождение здравого человеческого разума*. Существование естественного права он доказывал наличием следующих факторов: 1) оно соответствует требованиям разума и потребностям общества; 2) оно в целом или его элементы наблюдаются у всех народов, т.е. он обладает всеобщностью и не зависит от воли даже бога, ибо оно незыблемо; 3) на нем полностью основывается волеустановление (позитивное) право, существующее в государстве. В этом общественностью признается главный вклад *Гроция* в формирование социальных основ права.

Среди мыслителей XVII — XVIII вв. выделяется Томас Гоббс (1588—1670), являющийся *основоположником договорной теории происхождения государства и права*. Он утверждал, что все люди от природы обладают одинаковыми качествами и способностями, в то же время все они имеют эгоистические интересы, которые стремятся реализовать, причем не ограничивая свои желания.

В разработке идей права большая заслуга принадлежит и Монтескье, поскольку в работе «О духе законов» он впервые предложил путь изучения права, который явился предтечей социологического подхода. Ученый выявил необходимость структурных взаимозависимостей между законодательными феноменами и всеми остальными — социальными или даже физическими, как это предполагала его теория климата.

В XIX в. существенный вклад в развитие отечественной социально-правовой мысли внесли ведущие теоретики отечественной социологической школы права — Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, Б.Н. Чичерин, Л.И. Петражицкий и др. Они выдвинули и обосновали требование *изучать право как социальное явление*. Так, Н.М. Коркунов рассматривал право как *разграничение интересов*, С.М. Муромцев изучал право как *правоотношение* (как совокупность не норм, а юридических отношений). С.А. Соловьев и Н.М. Капустин связывали с действием права в обществе *создание благоприятных условий для жизни людей*, в частности, путем примирения принципов равенства и свободы.

В 1920-х гг. зарождается и находит свое развитие идея о праве как общественном институте. Е.Б. Пашкаунис исследовал процесс непосредственного порождения правовой формы объективными экономическими отношениями. Он не просто констатировал зависимость права от материальных отношений, а выявлял механизм конечной его детерминации производственными отношениями. Несколько дальше в своих изысканиях пошел И.П. Разумовский, который связывал право с действиями различных социальных факторов.

К современному периоду сложилось несколько подходов к трактовке предмета социологии права, к ее структуре, логике изложения, объяснения генезиса идей и способов их взаимодействия с реальной жизнью. Анализ научных концепций позволяет выделить *три подхода*: социальный (Ж. Карбонье, Ж. Гурвич, Э.Е. Эрлих, Р. Кенинг и др.); правовой (К. Левеллин, Э. Дюркгейм, В. Лундштодт, Н. Луман, А. Хегерстрем, В.С. Нерсисянц, В.А. Туманов и др.) и социально-правовой (В.В. Лапаева, В.В. Варчук и др.). При этом проявляются разночтения, что наглядно видно в наименованиях дисциплин (юридическая социология, социологическая юриспруденция, социальное право, социология права).

Стремление сторонников *правового подхода* придать дисциплинарный статус социологии права объясняется их представлением о социологии как о преимущественно прикладной, эмпирической науке, которой недостает теоретической базы, в силу чего она нуждается в квалифицированной правовой интерпретации эмпирического материала.

Что касается *социального подхода*, то согласно мнению американского социолога Л. Мейхью, «социология права исходит из предпосылки о том, что право осуществляется в социальном контексте и может быть понято только в этом ракурсе». Он полагает, что с социологической точки зрения *«право должно пониматься как социальный процесс*, так как понять право как социальный процесс — значит, понять функциональное назначение правовых норм: как они проводятся в жизнь, как применяются, толкуются и в конечном счете посредством каких шаблонов использования воплощаются в институциональную структуру общества».

Социально-правовой подход олицетворяет тенденцию к целостному анализу права и как социального, и как юридического феномена.

Как специальная социологическая теория, социология права имеет собственную теоретико-методологическую основу, свой понятийный аппарат, который отражает реально сложившуюся ситуацию: человек включается в область права посредством реализации своего сознания, своей деятельности и поведения, в зависимости от объективных обстоятельств и от условий реальной среды. Таким исходным элементом выступает знание прав и обязанностей, которые являются важнейшей составляющей умений и навыков — тех первоначальных правовых процессов, без которых невозможно существование человека как «общественного животного». Кроме знаний, необходима постоянная информация о праве, о путях и методах его использования в жизни конкретного человека, о по-

лезности и значимости прав, которые реализуются через оценку знаний, на основе чего вырабатывается отношение к праву с точки зрения его соответствия потребностям, интересам и мотивам людей. На этой основе формируется такой феномен, как правовая культура.

Субъектами социологии права выступают личность, социальная группа, слой, этническая общность, личность. Самостоятельным феноменом, который в зависимости от конкретных обстоятельств включается в правовую деятельность, является государство, его институты.

Для получения научно обоснованных выводов неперенным компонентом социологии права являются **объективные условия**, которые понимаются в широком смысле слова — *макросреда* (в мире, стране, отрасли), *мезосреда* (регион, населенный пункт, место жительства) и *микросреда* (семья, трудовой коллектив и др.).

Социология права изучает социальные аспекты функционирования организационных структур: правоохранительных и правоприменительных органов (суда, прокуратуры, органов внутренних дел, адвокатуры). Особое место в социологии права занимают исследования социальных проблем преступности, ее носителей (субъектов), а также правовая профилактика таких приобретающих значимость явлений, как коррупция, организованная преступность, рейдерство и др.

Социология права выполняет *теоретико-познавательную* и *управленческую функции*, которые в свою очередь могут образовывать производные функции: *мировоззренческую, просветительскую, прогностическую, профилактическую, практическую* и т.п.

Особенностью социологических исследований в области социологии права является то, что они ведутся на стыке, на границе социологии и права и потому представляют собой пример комплексного подхода к решению актуальных вопросов государственного и правового строительства. Социология права изучает

право не само по себе, а его взаимодействие с обществом.

Раскрытие состояния, тенденций развития социальных процессов в области права, а также путей повышения его ответственности имеет широкое теоретико-методологическое и практическое значение. Так, в менталитете россиян по-прежнему актуален стереотип доминирования роли государства в социальных процессах — государство определяет все и вся. Существуют реальные основания укорененности этого стереотипа: векторы государственной политики, условия, в которых живут и работают люди. Среди причин, усугубляющих современные проблемы, выделяются следующие: пассивность, низкий уровень правовой культуры, неполнота информации, реалии социально-экономической и социально-политической ситуации и др.

Таким образом, **социология права** определяется как *наука о социальных условиях существования, развития и действия права в обществе, а также как отрасль социологии, изучающая социальные закономерности функционирования, изменения и механизмы взаимодействия общества и его социальной подсистемы — права.*

Основная литература

- Ксенофонтов В.Н.* Социология права // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 545—548.
Лапаева В.В. Социология права. М., 2004.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология права».
Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 738—739.

Дополнительная литература

- Боботов С.В.* Буржуазная социология права. М., 1978.
Гурвич Г.Д., Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. М., 1995.
Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д, 2002.
Мейхью Л. Социология права // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
Сырых В.М. Социология права. М., 2001.
Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988.

Самоуправление

Самоуправление — сложное по природе, многообразное по формам и последствиям социальное явление, распространяющееся на разнообразные процессы в различных сферах жизнедеятельности общества. Его принципиальным признаком является смысловой акцент на независимость, самостоятельность. При этом, оказывая влияние на общественное развитие, самоуправление само попадает под воздействие политических, социально-экономических и иных факторов.

Самоуправление возникло на заре человечества и повсеместно действует и сегодня. Каждый человек, как и организация, в той или иной мере осуществляют самоуправление (внутреннее управление) при выполнении функций, намеченных целей и задач, поэтому самоуправление вечно, универсально и неизбежно.

Наиболее полное толкование самоуправления, согласно Л.А. Велихову, дано еще в XVII столетии в Англии, откуда оно и было заимствовано в 1850-х гг. Германией и в 1860-х гг. Россией. В то же время самоуправление, как и большинство терминов социальных наук, не имело и не имеет конкретного и однозначного научного толкования, так как отечественными и зарубежными учеными, с учетом семантических, междисциплинарных и концептуальных различий, трактуется по-разному.

В работах немецких ученых это Selbstverwaltung, иногда его заменяют английским selfgovernment, но чаще всего в английской и американской литературе используется термин local government, что означает местное самоуправление. В литературе Франции и в других романских государствах, если делают акцент на самоуправлении, то используют такие понятия, как les libertes locales, или местные свободы, выражения la decentralisation administrative — административная де-

централизация и pouvoir local, что означает собственно местное самоуправление (хотя дословный перевод — локальная или местная власть). Вместе с тем способы формирования данной власти на муниципальных выборах, а также функции, ею выполняемые, позволяют в известной степени рассматривать понятия pouvoir local и «местное самоуправление» как тождественные, однако это не означает, что между ними нет различий.

В Европе наиболее распространенным является определение, принадлежавшее германскому правоведу Г. Еллинеку: *«Самоуправление — это есть государственное управление через посредство лиц, не являющихся профессиональными государственными должностными лицами, управление, которое в противоположность государственно-бюрократическому есть управление через посредство самих заинтересованных лиц».*

В России в конце XIX в. А.И. Васильчиков считал, что основой самоуправления является местность, поскольку дела самоуправления производятся непосредственно на тех местах, где они приводятся в исполнение, и теми лицами, интересов которых они касаются.

В начале XX в. Л.А. Велихов, рассматривая самоуправление в широком смысле, утверждал, что в понятие «самоуправление», как вид в род, входит понятие «местное самоуправление».

Во второй половине 1980-х гг. самоуправление представлялось предельно широко и объемно, как социальный феномен, охватывающий все сферы жизни общества. Самоуправление в советах, общественных организациях, трудовых коллективах рассматривалось как составная часть единой системы социалистического самоуправления народа.

В настоящее время в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова под са-

моуправлением понимается *право решать дела внутреннего управления по собственным законам в пределах национально-территориальной единицы, автономии*. В обыденной жизни (в публицистике, выступлениях политических и общественных лидеров, на парламентских дебатах и т.д.) самоуправление обозначается через различные, иногда взаимоисключающие категории.

Обобщение современных соответствующих трактовок «самоуправления» позволяет их условно типологизировать. Так, Э.Н. Ожиганов соотносит их с несколькими трактовками: 1) представительными органами субъектов Федерации; 2) местным уровнем власти; 3) органами территориальных общественных объединений; 4) добровольными объединениями граждан; 5) общественными организациями и производственными коллективами; 6) формами непосредственной демократии (референдум, выборы, сход жителей и т.д.); 7) формами производственной демократии.

В социологии, по мнению Э.Н. Ожиганова, понятие самоуправление понимается как *совокупность действий и установок индивидов, непосредственно участвующих в разработке, принятии и реализации решений для ключевых областей общественной жизни*. Этим социологический подход принципиально отличается от подходов других наук, к примеру юриспруденции, где главное внимание уделяется роли управления и самоуправления в системе государственных институтов и административных отношений.

А.И. Пригожин рассматривает самоуправление с социологической точки зрения как *коллективное управление, как участие всех членов организации, всего населения в работе соответствующего органа управления, как включение исполнителей в процессы выработки общих решений*. Самоуправление не упраздняет профессиональной управленческой деятельности вообще, а предполагает сочетание демократизма со специализацией, что обеспечивает его не только управ-

ленческую, но и социальную эффективность, ибо объект управления в определенной степени становится субъектом. В общем смысле, согласно позиции ученого, самоуправление — автономное функционирование какой-либо организационной системы (подсистемы), принятие ею самостоятельных решений по внутренним проблемам.

Углубление исследований проблем самоуправления трансформировало позиции ученых. Самоуправление в настоящее время интересует исследователей (Ж.Т. Тощенко, Ю.Е. Волкова, А.Н. Ершова, Г.А. Цветкову и др.) не само по себе, а как *продукт, элемент происходящих в стране процессов модернизации*. По сути, это является важным шагом вперед, так как проблема развития самоуправления рассматривается ими в контексте формирования институтов гражданского общества, анализируются эффективность деятельности органов власти, их взаимоотношения с различными социальными группами населения, включая молодежь.

Особенностью является и то, что в настоящее время проблема самоуправления в большинстве случаев рассматривается как междисциплинарная, имеющая разные принципы, методологию познания и соответственно неоднозначное понимание среди исследователей различных дисциплин. Исходя из этого теоретические точки зрения о самоуправлении можно классифицировать по множеству критериев: политическим, социальным, хозяйственным и пр. В то же время существует классификация, которой придерживается большинство ученых: все теории самоуправления, в зависимости от природы самоуправления, делятся на два типа — государственные и общественные.

Самоуправление может служить средством достижения определенной цели, удовлетворения потребности в самовыражении и в самоутверждении, реализа-

ции чувства гражданственности и т.д. Оно осуществляется через прямые (непосредственные) и опосредованные (представительные), профессиональные и непрофессиональные, стихийные и организованные и другие формы.

Основная литература

Ожиганов Э.Н. Управление и самоуправление в политической сфере // Политическая социология / Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. М., 1993. С. 326.

Пригожин А.И. Самоуправление // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 380—381.

Соловьев В.С. Местное самоуправление. Местное управление // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 621—623.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 387—373.

Дополнительная литература

Алексеев Е.Ю. Муниципальное управление. М., 2001.

Велихов Л.А. Основы городского хозяйства. М., 1996.

Ершов А.Н. Становление местного самоуправления в современных условиях: Опыт социологического исследования. Казань, 1999.

Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.

Цветкова Г.А. Местное самоуправление в России (социологический анализ). Орел, 2002.

Черняк В.З. История государственного и муниципального управления России. М., 2001.

Г.А. Цветкова

Социология международных отношений

Рождение и становление социологии международных отношений (СМО) тесно связано с появлением *теории международных отношений (ТМО)*. Британский реалист Эдвард Карр в своих размышлениях о социально-политических процессах отмечал, что до начала XX в. международные отношения были заботой профессиональных военных и карьерных дипломатов. Масштабы и катастрофические последствия военных действий 1914—1918 гг. изменили представления о том, что война — дело профессионалов. Такого рода рефлексии подготовили условия для формирования теории международных отношений. Масштабы и результаты Первой мировой войны привели мыслителей к созданию новых, эмпирически подтвержденных знаний об этой области деятельности. В 1919 г. в Уэльском университете (Великобритания) была открыта первая в мире кафедра теории и истории международных отношений. Ее появление связано с возникшей еще в XVIII в. политической теорией утилитаризма, в рамках которой и прозвучал термин *international relations*, появление которого приписывают Иеремию Бентому.

В XX в. эта наука развивалась в таких направлениях, как *международная безопасность*, *международная политэкономия*, дополнившись в середине столетия исследованиями по *международным конфликтам* и *миротворчеству*. Отдельное аналитико-прикладное направление сформировалось в связи с востребованностью предвидения и прогнозирования развития международной ситуации, планирования системными и субъектами мировой политики. Многогранность феномена помогла утвердиться признанию, что международные отношения — явление, превосходящее рамки внешнеполитической деятельности государства, требующее выработки социальных (социологических) подходов. Появление новых знаний о международных отношениях подтвердило, что они являются продуктом пересечения национальных стратегий в международной среде, воспринимаемых как внешнеполитический курс.

Понятие «*международная стратегия*» почти полвека назад ввел в научный оборот американский ученый Т. Шеллинг, разработавший *теорию сдерживания*, применив методики *теории игр* и приня-

тия решений. В методологическом отношении теория сдерживания пополнила *стратегическую теорию*, получившую особое значение в период холодной войны.

Начавшись с теории реализма, на которой воспитано большинство лидеров западных государств, ТМО включила в себя школы либеральной и экологической идей, культурализма и цивилиционизма, символизма и неомарксизма, функционализма, стратегического видения, трансформизма, транзитологии и др. В отдельных регионах мира возобладали подходы, выработанные концепцией интеграции, отвечающие целям экономической целесообразности единства и геополитического соответствия. Теория баланса (полагают, что эта идея принадлежала римскому историку Полибию, I в.) связана с окончанием холодной войны, геополитическими изменениями, которые отражали процессы, замешанные на национальных и региональных принципах развития, что привело к изменению взглядов на эволюционные и революционные рецепты ведения борьбы с трудностями внутреннего свойства в эпоху глобальной политической стратегии.

Новизна современной ситуации в том, что *традиционные проблемы международных отношений* — реализация национальных интересов, защита территориальной целостности страны, суверенитета и безопасности (реализм) — *начали учитываться проблемы экологии, выходящие за пределы государственной юрисдикции*. Другим серьезным фактором является *демократизация насилия*, изменившая ландшафт безопасности. Решения, не принимающие во внимание крепнущее взаимодействие негосударственных международных акторов, региональных объединений, средств массовой информации, корпораций, институциональных связей, возникающих между элементами систем, не могут быть эффективными. Тенденции и практика взаимосвязи разнообраз-

ных границ деятельности, включая политические, выстраивают свою шкалу соответствия и изоморфических вакансий, свою систему влияний, создавая особый тип ассиметричной интеграции, понять которую означает изучать пересекающиеся взаимодействия. Наиболее адекватный инструментарий предлагает *социология международных отношений*.

Первые упоминания о социологии международных отношений возникли в рамках развернувшейся в начале XX в. дискуссии, посвященной рассмотрению того, что понимать под теорией международных отношений. Дискуссия была продиктована стремлением определить, имеет ли она специфический предмет исследования, что или кто является ее объектом, каково соотношение теоретических и практических проявлений международных отношений.

Идея создания социологии международных отношений высказывалась в первой половине XX в. французским социологом Р. Ароном (1905—1983). К концу 1960-х гг. концептуально ее выразил норвежский ученый Й. Галтунг, актуализировав в этой связи необходимость анализа взаимоотношений «между личностными элементами на социальном уровне и национальными на международном уровне, и соответствие межличностного и международного взаимодействия». Он дал определение феномену «взаимодействие» как деятельности, которая направлена не только на анализ поведения, но и на изучение неписаных законов, установленных субъектами этих отношений для самих себя. Использование продекларированного принципа *изоморфизма* позволило перейти к исследованиям объектов международной деятельности, к которым Й. Галтунг отнес нации (государства) «и около 80 крупных образований», имеющих отношение к международной системе.

Принцип изоморфизма сформулировал возможность замещения теорий и даже парадигм, что не воспринимается сис-

темщиками. Как правило, изоморфизм предусматривает включение синергетического (термодинамика), структурно-функционального (организация) и игрового подходов (стратегия). Как организационный принцип он акцентирует факторы принуждения, направленные на снижение конфликтности или неопределенности.

Методологические подходы Й. Галтунга, предпринявшего попытку определить суть, содержание и направление социологии международных отношений, были подчинены поиску решения конфликтных ситуаций в международной среде. Трудности ее становления связаны не только с критикой ограниченности континизма, но и с тем, что для своих исследовательских практик она получила реальность, сконструированную в бурное десятилетие 1960-х, в которой преобладающими стали статистика войн и конфликтов, вызовов и угроз, опрокинувшая «великую теорию» Талкотта Парсонса. После «отмены» основного постулата развития стабильности подходы к международным отношениями стали характеризоваться концептуальным плюрализмом.

Если Р. Арон в своих исследованиях отталкивался от *кейнсианских идей либертаризма и политического реализма*, то сторонники Й. Галтунга (И. Валлерстайн, Р. Кокс, С. Амин и др.) анализируют *глобальную систему государств, экономик, общественных идеологий и культур*. Здесь базовыми понятиями, которые играют роль методологического ключа, выступают понятия «*мир-система*» и «*мир-экономика*», и связанная с ними *глобальная тенденция финансовизации* (С. Амин), а также *гиперлиберализация* (Р. Кокс). Разработчики *синергетического подхода* (Н. Винер, И. Пригожин и др.), «зафиксировав» своих агентов в международной среде, полагают, что подобная конструкция реальности сможет двигаться к «согласованному многообразию» (греческий богослов IV в. Григорий Нисский открыл явление синергизма, понимая его как согласованное многообразие).

В сложившейся ситуации надежды на социологию, как «на субинститут теории, которая невозможна» (так характеризовал Р. Арон содержание первого большого спора по проблеме объекта теории международных отношений), не просто усилились, но были реализованы сторонниками реализма, структурализма, идеализма, создателями неоконцепций.

Разграничение понятий «мировое общество», «международное сообщество», функциональная самостоятельность феноменов «мировая политика» и «международная политика» внесли полезные уточнения в международные отношения. Образовались два мощных течения — *академическое* и *экспертное*, в которых одни акцентируют поведенческое взаимодействие государств, другие — возникновение транснациональных связей, появление акторов без суверенитета, социальных конструкций, конфликтующих с системной рациональностью, выдвигают критерий локализации в качестве аналитической оси. Последнее актуализирует интерес к феномену *окружающей среды*, «главнейшими образующими которой являются этносы, их государственные образования, а также природные ресурсы» (А.Д. Богатуров, 2002). Как отмечают американские исследователи, «среда, в которой функционирует межгосударственная политика, включает в себя не только ...могущественные и широко известные силы (государство, общество, война. — *Авт.*). Большую политическую роль играет тесное взаимодействие сообществ разных стран, не поддающееся государственному контролю» (Дж. Най, Р. Кохен, 2002).

Уже в начале 1970-х гг. исследователи, стремясь выявить специфику изменений международных процессов, начали отмечать влияние профсоюзов и объединений ученых, транснациональных компаний и революционных движений, космических коммуникационных систем, транспортных ассоциаций, религиозных организаций, фондов на принятие решений,

имеющих всеобщее значение. Вместе с этим изменилось и понимание социологии международных отношений: теперь под ней понимается не промежуточная дисциплина между теорией и историей международных отношений. Основные подходы социологии международных отношений все больше определяются рассмотрением современного мира как единого пространства, структурированного траекторными пересечениями социальных взаимодействий. Или как процесс постепенного формирования глобального гражданского общества со своими особенностями и структурами транснационального взаимодействия. Поэтому авторский подход к определению предмета СМО опирается на понимание международных отношений как вида человеческой деятельности, «в процессе которой взаимодействуют в индивидуальной или групповой форме лица, представляющие более чем одну страну» (Э.Я. Баталов, 2005). Деятельностный критерий дает возможность определить *предмет социологии международных отношений (СМО) как совокупность существенных связей трансграничного характера, зафиксированных общественным сознанием, соглашениями или реализующих иные формы взаимодействия в международной среде.*

Предлагаемое определение позволяет охватить весь спектр взаимодействий в международной среде, включая транснациональные, прелестерегает от чисто культуралистского толкования международных процессов, создающего условия этнополитического конфликта и предпосылки к использованию силы. О ценности мира, как «новейшем изобретении» человечества в середине XIX в., напоминает российский ученый Э. Баталов, предложивший свой проект рассмотрения международных отношений.

В современных политических науках под *транснациональным взаимодействием* принято понимать движение материальных и нематериальных предметов

с неперенным участием негосударственных акторов. Подобный взгляд позволяет видеть активность в мировой политике тех групп, которые взаимодействуют с иностранными правительствами или международными организациями, но в силу ряда причин институционально не связаны с национальными структурами. Как подчеркивает современный французский социолог международных отношений М. Мерль, их поле деятельности — «внутри государства, над государством, сквозь государство». Современный российский ученый Н. Косолапов отмечает, что СМО изучает «различные типы сложных социальных субъектов мировой политики», что перекликается с подходами Й. Галтунга.

Одни исследователи отстаивают тезис о хаотизации международных отношений, что не аналогично их легитимному анархическому состоянию (без управляющего центра), другие пытаются возродить доктрину политически нейтрального центра, третьи активно развивают концепцию однополярности и силового решения цивилизационных противоречий, четвертые настаивают на объективности многополярного фундамента мира. Все эти концепции появились, прежде всего, потому что международные отношения трансформировались.

Складывающийся порядок отражает необычное соотношение сил и интересов, композиции которого нередко приводят к синергетическому эффекту. Однако задачей социологии международных отношений не является отражение происходящих преобразований. Этим она отличается от философии международных отношений и не сводится к выяснению научных и обыденных представлений об общественной жизни, которые добываются методом опросов. Если бы это было так, то можно было бы ограничиться выявлением общественных ожиданий.

Социология международных отношений проводит мониторинг международного взаимодействия в социальном про-

странстве, в котором разновекторно действуют многочисленные акторы, и, отмечая устойчивость такой деятельности, делает ее очевидной. Привлекая соответствующие теории, подбирая различные исследовательские техники для конструирования объекта, исследователь интерпретирует и интегрирует имплицитные данные в проблематику социального. В процессе декомпозиции социолог имеет право операционализировать объект анализа и давать ему «рабочее» определение. Так, например, в рассмотрении поведения субъекта в международной среде более результативным может оказаться дефиниция М. Вебера и Р. Дарендорфа, которые обозначали государство и фирмы как «императивно координируемую ассоциацию» (Р. Дарендорф, 1994). Акцент на властной природе и организационно-управленческой функции дает дополнительный эффект при исследовании взаимоотношений между государством и ТНК. С одной стороны, он помогает провести сравнительный анализ, с другой — установить важные целевые различия.

По своей сущности социология международных отношений занимает один из уровней политической социологии (Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер, 2004). Отдавая дань традиции, которую заложил в рассмотрении социологии международных отношений Р. Арон, в число ее объектов включают *регион*. В социологии процессы регионализации понимаются не только как установление местонахождения, «но и зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени». Как социальная конструкция она впервые была предложена представителями Чикагской школы. Один из виднейших ее представителей Л. Вирт подчеркивал, что регион был специально изобретен для решения социальных проблем, возникших в США после известного экономического кризиса 1930-х гг. Концентрация культурного содержания в региональных конструкциях стала ос-

новой французских исследований феномена, сыгравшего совершенно особую роль в конструировании европейской постнациональности и в проекте построения глобальной иерархии мира.

В СМО большое значение придается понятию «международный порядок», оформленный в праве, институтах и механизмах. По сути, международный порядок — это совокупность норм, процедур и стилей, направленных на поддержание стабильности, регулирование межправительственных и транснациональных отношений. Международный порядок и режим устанавливаются суверенными государствами. Понять феномен международного порядка помогает *теория международных режимов*. Режимы могут быть установлены формально (режим нераспространения, Киотский протокол, ВТО), но могут существовать неформально. Эти категории на практике различаются и по формату — глобальный охват (система Бреттон-Вудса) и региональный диапазон (валютная система ЕС); могут принять форму международной организации (ОДКБ устанавливает режим коллективной безопасности для территорий государств-участников). Необходимость установления порядка или режима проистекает из желания государств-партнеров избежать конфликтов. Участие в международных режимах — добровольный акт. Неучастие свидетельствует о том, что для государства важнее сохранить в той или иной области независимое поведение и способ принятия решения. Этим, например, продиктована позиция Израиля, Индии и Пакистана относительно режима нераспространения ядерного оружия.

В настоящее время предметом дискуссии являются *три модели* международного порядка: *однополярный* (американоцентризм), *многополярный* (восходит к модели «европейского концерта», но с более широкой географией) и *многоуровневая зависимость государств друг от друга* (Дж. Най, 1992). Две последние конструкции зави-

сят от деятельности международных организаций. Международные организации работают и с развитыми государствами, и с развивающимися, способствуют развитию их контактов, пытаются сомкнуть линии разделения на «первый», «второй», «третий» и «четвертый» миры и создают свои дифференциации (например, индексы человеческого развития). Они действуют на всех этапах системы международных отношений и обладают способностью создавать сети, устанавливая единые процедуры и нормы международной жизни.

Специфика вектора развития современности — в переходе от доминирования геополитических предписаний к взаимодействию и сотрудничеству по единым правилам игры, сформулированным в русле норм и толкований международного права, в процессе перехода к различным политическим режимам. Эти идеи были сформулированы в рамках терминологического сдвига 1970-х гг., когда наряду с выражением «международная политика» стал применяться термин «мировая политика», акцентирующая проблемы безопасности на основе расширенного толкования категории безопасность. Хронологически начало процесса пересмотра теории международной безопасности, которая по одной из версий и является сердцевинной теории международных отношений, совпадает с бурными событиями отмеченных десятилетий. Во всяком случае, именно в этот период появились пионерские работы британских и американских ученых, снявших табу закрытости с дебатов о войне. Почти полвека назад Т. Шеллинг предложил анализировать угрозу войны как проблему умелого неприменения военной силы, для которой требуется «не-что большее, чем военное мастерство» (Т. Шеллинг, 2007). А столь популярный в современных научных кругах термин «невоенные угрозы» впервые появился в литературе, посвященной феномену

глобальной стратегии, во второй половине 1950-х гг. (например, Кингстон-Макклори Э. Дж. Глобальная стратегия: Пер. с англ. М., 2005). Новые подходы к феномену войны не только проложили путь к легитимизации расширенного спектра угроз безопасности за счет так называемых невоенных, но и способствовали восприятию войны, а затем и конфликта как явления социально-исторического, разрешение проблемы которого было перенесено в сферу управленческих наук. Прогнозирование войны превратилось в открытый процесс, удовлетворяя демократическому критерию доступа к информации. Так, например, в Интернете можно ознакомиться с различными версиями иракской, ливанской войн или прогнозами военной кампании в Иране, информационных и сетевых войн. Таким образом, фундаментальная проблема теории международных отношений — предотвращение войны и колоссальных человеческих жертв помогает увидеть роль ученого-социолога не как регистратора социальной реальности через репрезентативную выборку индивидов, а как участника публичной политики.

Социология международных отношений, сохраняя традиционные представления об объекте изучения, эмпирически проверяет багаж теории международных отношений, возводя социологическую конструкцию современности. Она строится исходя из их базовых признаков — международная безопасность, мировой порядок, баланс сил. В ней используются категории, отражающие ситуацию между акторами — *мир, война, сотрудничество, партнерство, союзничество*. Влияние этих категорий изучается через международные процессы глобализации, регионализации, модернизации, трансформации. Чем полезно социологическое конструирование в международной среде? Оно делает очевидными социальные связи, группы и институты — государство, акторы без суверенитета

(НПО, регион), альянсы. Социологический подход делает их осозаемыми, действующими, нейтрализуя избыточность абстрактных представлений.

Социология международных отношений изучает геополицентричный мир, связывающийся в децентрализованное целое через взаимодействия межправительственных и неправительственных организаций, социальных групп, государственных бюрократий, транснациональных акторов и действующих политиков. Она не концентрируется на проблеме первичности государства, но выясняет все его институциональные возможности.

Основная литература

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь: Пер. с англ. М.: Экономика, 2004.

Иванов В.Н. Социология международных отношений // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 531—532.

Мунтян М.А. Международные отношения // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 613—616.

Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. М.: Аспект-Пресс, 2006.

Дополнительная литература

Баталов Э.Я. О философии международных отношений. М., 2005.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталиев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. Гл. 12.

Галтунг Й. Теория малых групп и теория международных отношений (Исследование проблемы соответствия) // Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // СОЦИС. 1994. № 5. С. 142—147.

Най-мл. Дж., Кохэн Р. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.

Каримова А.Б. Регионы в современном мире // Социс. 2006. № 5. С. 32—41.

Кингстон-Макклори Э. Дж. Глобальная стратегия: Пер. с англ. М., Жуковский, 2005. (Серия «Классическая военная мысль».)

Шеллинг Т. Стратегия конфликта: Пер. с англ. М., 2007.

Nye J. What New World Order? // Foreign Affairs. Spring, 1992.

А.Б. Каримова

СОЦИОЛОГИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Духовная жизнь — сфера сознания, самая богатая по своим проявлениям, по формам и методам его реализации в жизнедеятельности общества, классов, социальных групп, слоев, общностей, каждого человека. Это позволяло на определенном этапе развития научной мысли отождествлять понятия «духовная жизнь» и «общественное сознание». *Духовную жизнь* можно определить как *способ воспроизводства ценностей* культуры, который опирается на материальные практики и определяет их. Главная функция духовной жизни — выработка содержания, заключаемого в социокультурных формах и опредмечиваемого в материальной культуре.

Духовная жизнь — уникальный способ реализации социальными субъектами (личностью, группой, обществом) воспроизводства нравственных ценностей на основе рационального и эмоционального отражения и превращения действительности, развития науки и искусства. Являясь ядром общественной жизни, духовная жизнь опирается на материальные практики и определяет их. Главная функция духовной жизни — выработка смысла жизни, заключаемого в определении целей и ценностей человечества, народов, социальных групп и общностей.

Социологическое осмысление духовной жизни первоначально было развернуто в классической социологии как ана-

лиз религии — прежде всего в работах Э. Дюркгейма (1858—1917) и М. Вебера (1864—1920). Однако постепенно в социологии приобретали актуальность и стали исследоваться такие формы проявления духовной жизни, как образование, художественное творчество, деятельность учреждений культуры (театры, кино, клубы, чтение и др.), а также механизмы воспроизводства духовности.

Социологический анализ духовной жизни присутствует — не всегда в виде оформленного проекта — в работах В. Дильтея, Й. Хейзинги, М. Шеллера. В дальнейшем относительно самостоятельную и обобщенную форму социологический анализ духовной жизни получает в работах К. Мангейма, показавшего, что «духовные процессы обладают социальным измерением, в силу чего социология духа — всего лишь систематическая попытка определить социальный характер духовных процессов».

Во второй половине XX в. социологический анализ все глубже делится на направления. Одно из них сосредоточивается на меж- и внутрисубъектных процессах, социально-психическом потенциале личности. В этом случае духовная жизнь исследуется как совокупность психических, душевных процессов, протекающих внутри сознания человека или группового социального субъекта (Ю. Хабермас, М. Фуко, Ж. Лакан, С. Жижек). Такой подход показывает сложность воспроизводства духовной жизни, едва ли не бессилие науки адекватно отразить этот процесс.

В другом направлении последовательно учитывается, что главной задачей социологии является анализ общества, социальных механизмов и социального смысла воспроизводства духовной жизни. Однако и здесь анализ духовной жизни приводит к выявлению глубоких противоречий, к которым, прежде всего, относится профанация, банализация духовной жизни по мере ее «распыле-

ния» в социальной среде. Об этом феномене последовательно пишут в «Восстании масс» Х. Ортега-и-Гассет (1883—1955), в «Одномерном человеке» Г. Маркузе (1898—1979), в работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» Ж. Бодрийяр (1929—2007), наконец, в «Восстании элит и предельстве демократии» К. Лэш (1932—1994).

Еще одно направление связано с исследованием реально существующих и реально функционирующих организаций и учреждений культуры, которые были призваны повышать уровень духовной жизни населения — школы, вузы, дома культуры, кино, деятельность библиотек, музеев, театров и т.д., на основе чего делались выводы об уровне образованности, интеллигентности, приобщенности к духовным ценностям человечества.

Социология духовной жизни призвана обеспечить объемное, глубокое видение современной общественной жизни. Ее задача — всемерно усиливать социальную волю к духовной жизни, восстанавливать ее. Для этого в социологии духовной жизни по-новому рассматриваются традиционные для социологического анализа формы повседневных практик — предпринимается попытка определения в каждом социальном действии социальной сущности, в каждой форме — содержания, интенсивности духовной жизни. Такой анализ направлен на решение поставленной некогда М. Вебером задачи: «дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности», в ее стратегическом социальном эффекте, отраженном в духовной жизни социума.

Духовная жизнь воспроизводится в социальной жизни. Социальная жизнь создает все новые, прежде несуществовавшие возможности, опираясь на развитие принципиально нового характера связей — альтруистического. Во взаимодействиях людей проявляется та собственная социальная энергия, которую

П. Сорокин (1889—1968) назвал «энергией любви». Сила взаимопротяжения социальных субъектов, их неспособность быть безразличными друг относительно друга и образует духовную жизнь. То есть в тех пределах, внутри которых эта сила в той или иной мере проявляется, социальная жизнь не теряет своей качественной определенности, остается собой; вне зоны действия этой силы нет духовной жизни и соответственно — нет жизни социальной.

Не физическая, но именно интеллектуальная и эмоциональная сила, энергия воспроизводства духовной жизни позволила Homo sapiens выделиться из фауны, выработать новый способ существования — социальную жизнь. Переход к ней определяется возникновением духовности, духовной жизни на основе сопереживания и познания, осуществляемого людьми среди людей, обществом. Именно духовная жизнь образует качественную особость социальной жизни, именно ее развитие все более фундаментально меняет ту базу, на которой возникает — телесную, физическую, материализованную жизнь людей.

Роль социологии духовной жизни в формирующемся постиндустриальном и информационном обществе определяется вызовом будущего. Сегодня очевидно, что непроявленность целей социального бытия, замкнутость в «зоне быта» для социального субъекта и для общества в целом оборачивается тупиковостью практик. Исследование социокультурного процесса как саморазвивающейся системы неизбежно ставит проблему цели, смысла социального развития, которая выстраивает структуру социокультурной деятельности. В зону социологического внимания все в большей степени включаются не только формы, проявления, но и содержание, социальные явления в их сущностной определенности.

В работах отечественных ученых убедительно показано, что, во-первых, ду-

ховная жизнь функционирует как на уровне сознания, так и на уровне практической, целесообразной деятельности, охватывает все многообразие культуры, условия и факторы ее проявления. Она не может быть сведена к отношениям по поводу идей и взглядов, теоретическому осмыслению действительности.

Во-вторых, духовная жизнь характеризуется тем, *как, на каких основаниях и при помощи чего она изменяется, совершенствуется, обогащается.* Духовная деятельность, будучи способом существования особого рода общественных отношений, выражается в конкретных формах в области науки, образования, массовой коммуникации, литературы и искусства, т.е. всего того, что образует специфический феномен духовной жизни общества.

Такой подход к духовной жизни имеет большое теоретическое и практическое значение. Он не дает возможности субъективизировать ее, сводить только к взаимодействию теорий, взглядов и идей. Объективный характер сознания и поведения людей проявляется во всем многообразии духовных отношений, позволяет в духовной жизни выделить как материальный, так и идеологический аспект и в то же время обнаружить ту сторону в развитии человека, которая не изменяется и не исчезает даже при смене общественно-политического строя.

С социологической точки зрения подход к духовной жизни как единству материального и идеального дает более точное представление о том, что можно сделать путем воздействия на общественное сознание, что следует учесть при анализе объективных процессов, происходящих в этой сфере.

В настоящее время понимание того, что представляет собой духовная жизнь, приобретает важное значение. В движении «экология культуры» с наибольшей полнотой проявилась забота о сохранении и обогащении традиций, составляющих своеоб-

разный сплав общечеловеческого и национально-особенного.

Отечественная социология накопила значительный опыт исследования процессов духовной жизни общества. В известном смысле социология духовной жизни — понятие обобщающее, системное. Она состоит из таких относительно самостоятельных социологических теорий, как социология образования, науки, культуры, средств массовой информации. Прочные традиции имеет и социология религии. Накоплен материал по социологическому изучению личности, художественного творчества.

Основанием для выделения этих направлений в социологии являются структурные элементы, или подсистемы духовной сферы, каждая из которых имеет критерии своего выделения: цель, средства ее достижения, объект и субъект воздействия, ресурсное обеспечение, а также определенные конечные результаты. Даже в том случае, когда некоторые подсистемы близки между собой или частично выполняют схожие функции (например, образование и воспитание), их можно выделить и идентифицировать.

Для социологии духовной жизни всегда большой интерес представлял анализ деятельности субъектов. Творцом и непосредственным участником здесь является прежде всего само общество, призванное обеспечить человеку широкий доступ к культуре, помочь раскрыть ему творческие дарования. Реализуя функции образования и воспитания, оно прибегает к экономическим, социальным и правовым рычагам, которые, с одной стороны, стимулируют необходимый для общества духовный прогресс, с другой — ограничивают проявления псевдо-, квази- и эрзацкультуры, безнравственного и асоциального поведения, унижающего честь и достоинство человека.

Активной силой являются различные творческие общественные организации и добровольные объединения, каждое из кото-

рых в своеобразной форме принимает участие в производстве, потреблении и распределении духовных ценностей. Однако если они не находят своего специфического места в функционировании духовной жизни, то эффект их работы становится незначительным, влияние резко падает, что, в свою очередь, ведет к обеднению интеллектуального потенциала страны.

И наконец, субъектом духовной жизни (и субъектом важнейшим) выступает сам человек. К сожалению, часто при рассмотрении состояния, тенденций и проблем духовной жизни не уделяется должного внимания созидательной энергии самих людей. Учитывая, что на ее развитие оказывает косвенное влияние окружающая среда, появились попытки даже абсолютизировать процесс внешнего, опосредованного воздействия. В этой ситуации как бы забывался и затмевался вопрос о творческом потенциале людей, их личном вкладе в развитие культуры во всем ее многообразии.

В отличие от ускоряющейся и нестабильной повседневности духовная жизнь выступает как пространство большей стабильности (духовные ценности не формируются и не изменяются «ментально»), как способ достижения относительной независимости субъектов социальной жизни от суетности жизни. И одновременно, именно духовная жизнь ясно и даже жестко исключает апологию спонтанности, требует от ее участников целенаправленности и настойчивости. В социологии анализ духовной жизни оформляется как ответ на требование прописать, определить цели, ориентиры, смысл социального развития. Здесь важнейшую роль играет метод *определения пределов*, который сегодня оказывается все чаще востребован, влиятелен в науке. Он предполагает выявление интервала между границами, пределами, в котором исследуемое явление не теряет своей качественной определенности. Например,

современная наука способна определить интервал между абсолютно минимальной плотностью информационного потока или потока социальных взаимодействий и максимальной их плотностью, внутри которого духовная жизнь может существовать и воспроизводиться, а за пределами которого не может.

Выявление пределов позволяет избежать ловушки гиперсложного детерминирования социальных процессов, которая так часто парализует современный социологический анализ. Социологический анализ духовной жизни способствует также моделированию желаемого из возможных вариантов будущего состояния социума и оптимально конструкции движения к нему из настоящего.

Духовная жизнь образуется социальными взаимодействиями: внешними — с материальной средой и внутренними, обеспечивающими воспроизводство духовной жизни как относительно самостоятельной системы. Социологический анализ духовной жизни предполагает изучение особенностей ее воспроизводства и в группах — этнических, поколенческих, гендерных и других, и в стратах, возникающих по всем основным измерениям стратификационной структуры общества — власть, богатство, престиж профессии, образование, формирующих каналы социальной мобильности, внутри основных форм социальной активности — воспитания, политики, экономики.

Основные формы воспроизводства духовной жизни, реализации интеллектуальных и эмоциональных возможностей людей, внутренне структурирующие

духовную жизнь — наука, искусство, нравственность — имеют особенности влияния, проявления, участия в социальной жизни. В их анализе социологическое внимание сосредоточено на том, как в ходе коммуникации, взаимодействия вырабатываются нормы и ценности социокультурного процесса, формируются основные институты, обеспечивающие его воспроизводство, как они превращаются в новые формы.

Таким образом, *духовная жизнь — особый тип производства, потребления и распределения культурных ценностей, характеризующих степень возвышения человека, уровень интеллектуального, эмоционального, нравственного развития общества.*

Основная литература

Жизнь общества духовная; Жизнь общества художественная // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 1. С. 309—310.

Козлова О.Н. Социология духовной жизни. М., 2004.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Духовная жизнь».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 196—198.

Дополнительная литература

Динамика ценностей реформируемой России. М., 1996.

Духовная сфера социалистического общества. М., 1987.

Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999. С. 155.

Мангейм К. Избранное. Социология культуры. М.; СПб., 2000.

Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // СОЦИС. 1991. № 9. С. 157.

Уледов А.К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценности. Саратов, 1997.

*О.Н. Козлова,
Ж.Т. Тощенко*

Социология личности

Социология личности как специальная социологическая теория появилась на грани XIX и XX вв. В этой теории, как никакой другой, нашли отражение роль общественного, группового и индивидуального сознания, формы, пути и методы реализа-

ции духовного богатства, а также влияние макро-, мезо- и микроусловий на их функционирование.

Многогранность процесса становления, развития и формирования личности породила различные концепции,

которые по-разному подчеркивали те или иные аспекты этой проблемы. В работах Ч.Х. Кули (1864—1929), Дж. Мида (1863—1931) нашла отражение *теория зеркального «Я»*, в которой личность трактовалась как объективное качество, приобретенное человеком в процессе социальной жизни. Я.Л. Морено (1892—1974), Т. Парсонс (1902—1979), Р. Липтон и другие уделяли внимание *ролевой теории личности*.

В отечественной социологии проблемы развития человека, личности были рассмотрены достаточно детально в трудах П.А. Лаврова (1823—1900), Е.В. де Роберти (1843—1915), П.А. Сорокина (1889—1968). Интересные наблюдения о нравах, привычках, ориентациях крестьянина осуществил А.Н. Энгельгардт (1832—1893). Но особенно значительна роль Н.К. Михайловского (1842—1904), который предложил рассматривать личность *в трех ипостасях: биогенном, психогенном и социогенном облици*.

Социология личности оперирует, во-первых, не только понятием «личность», но и понятиями «человек», «индивид»; во-вторых, такими близкими по смыслу, но по-разному трактуемыми терминами, нередко рассматриваемыми как синонимы — «формирование», «развитие», «воспитание», «социализация».

Что касается понятия «человек», то в социологии под ним понимается единство биологического и социального, и поэтому во многих отраслевых социологических теориях используется это понятие, как, например, в социологии труда. Понятие «индивид» больше применяется в психологии, хотя и социология нередко прибегает к его использованию, особенно когда анализируются проблемы идентичности, взаимодействие в малых группах. Но когда человек интересует нас только с социальных позиций, наиболее приемлемым становится употребление понятия «личность». Поэтому когда человек рассматривается как субъект социальных отношений, этим занима-

ется та отрасль социологической науки, которая и называется социологией личности.

Когда употребляется понятие *формирование личности*, то имеется в виду единство объективных условий и субъективных факторов, целенаправленно воздействующих на процесс становления и развития человека. Конечно, только при учете влияния всей совокупности общественных отношений в сочетании с субъективной деятельностью классов, государственных и общественных организаций и самого человека можно говорить о многостороннем воздействии на личность и соответственно формировать ее развитие.

Понятие *развитие личности* характеризует последовательность и поступательность изменений, происходящих в сознании и поведении личности. Что касается *воспитания*, то оно связано с субъективной деятельностью социальных организаций, семьи, образовательных учреждений, т.е. субъектов, оказывающих целенаправленное воздействие на человека для выработки у него определенного представления об окружающем его мире.

Социализация представляет собой процесс становления и функционирования личности, постепенное усвоение ею требований общества, приобретение социально значимых характеристик сознания и поведения, которые регулируют ее взаимоотношения с обществом. Она начинается с первых лет жизни и заканчивается к периоду гражданской зрелости человека, хотя, разумеется, полномочия, права и обязанности, приобретенные им, не говорят о том, что процесс социализации полностью завершен: по некоторым аспектам он продолжается всю жизнь. Иначе говоря, под социализацией понимается процесс вхождения человека в общественную жизнь, социум. Она также связана с процессом социальной активности человека, а следовательно, с его способностью при взаимодействии со средой не просто усваивать ее требования, но и изменять ее, влиять на нее.

Процесс социализации предстает как единый процесс *интериоризации и экстериоризации*. Под *интериоризацией* понимается переход внешних по своей форме процессов во внутренние процессы сознания, при котором они претерпевают соответствующую трансформацию — обобщаются, вербализуются, становятся способными к дальнейшему развитию. Что касается *экстериоризации*, то она олицетворяет объективизацию внутреннего мира человека в процессе его практической деятельности. Эти процессы обеспечивают персонификацию человека, определяют его социальный статус (потребности, интересы, убеждения, ценностные ориентации, стремления, образ жизни). Для социологии первостепенное значение приобретает изучение взаимодействия основных элементов интериоризации и экстериоризации, их механизмов в различных социальных условиях, в различные периоды жизни и деятельности человека (см. подробнее *Социализация*).

Социализация личности органично включает в себя *передачу социального опыта*, поэтому преемственность, сохранение и усвоение традиций неотделимы от повседневной жизни людей. Посредством их новые поколения приобщаются к решению экономических, социальных, политических и духовных проблем общества.

Социализация личности связана с *трудовой, общественно-политической и познавательной деятельностью*. Недостаточно просто обладать знаниями — их предстоит превратить в убеждения, которые проявляются в действиях личности. Именно соединение знаний, убеждений и практических действий образует характерные черты и качества, свойственные тем или иным типам личности.

Вместе с тем, в какой бы сфере ни действовал человек, духовный компонент всегда и во всем сопровождает его деятельность. Более того, человек не пассивно воспроизводит то, что диктует

ему общество. Он обладает возможностью проявить свою творческую силу и воздействовать на окружающие его явления. Особое значение для социализации личности, обогащения ее духовного мира приобретает свободное время, которое, по словам К. Маркса, служит мерилом истинного богатства человека.

Духовный компонент является определяющим в социализации человека, что позволяет рассматривать эту отрасль социологической науки в тесной связи с проблемами культуры, образования, науки, литературы искусства. Это ни в коей мере не преуменьшает роль и значение экономических, социальных и политических отношений. Но человека возвышают лишь уровень культуры, богатство и глубина его духовного мира, степень развитости гуманизма, милосердия и уважения к другим людям.

Таким образом, *социализация личности* представляет, по сути, *специфическую форму присвоения человеком тех гражданских отношений, которые существуют во всех сферах общественной жизни*.

Изучение личности осуществляется в рамках нескольких теорий. Что касается *статусной теории*, то она исходит из такого ключевого понятия как *статус* — *показатель положения, занимаемого индивидом в обществе*. Каждый человек обладает несколькими статусами (сын, он же геолог, он же депутат, он же спортсмен).

Различаются статусы приписанные (прирожденные) и достигнутые (приобретенные). *Приписанный* статус человек получает автоматически — по этническому происхождению, месту рождения, положению семьи — вне зависимости от личных усилий (дочь, бурятка, волжанка, аристократка). *Достигнутый* статус — писатель, студент, супруг, офицер, лауреат, директор, депутат — приобретается усилиями самого человека с помощью тех или иных социальных групп или социальных организаций — семьи, бригады, партии.

Однако статусы неравны. Положение в обществе предопределяет главный статус, в основе которого, как правило, лежат должность, профессия. Профессия служит наиболее используемым, совокупным, интегративным показателем статусной позиции — вид работы определяет такие статусные ресурсы человека, как авторитет, престиж, власть.

В 1990—2000-е гг. в число ведущего показателя статуса стало выдвигаться богатство человека, владение собственностью и финансовыми ресурсами, возможность «красиво жить». В этой ситуации не квалификация, не мастерство, не творческий потенциал, а обладание недвижимостью и счетом в банке стало целью значительной части молодежи, которая и получение специальности стала рассматривать как элемент или ступень в достижении материального достатка и благополучия.

В этой связи следует отметить значение *реальной стартовой позиции*, которая влияет на оценку общества, формирует мировоззрение, что во многом определяет поведение человека. Выходцы из семей с различными социальными статусами имеют неравные условия социализации, неодинаковые возможности для получения образования. Одни люди имеют большие возможности, а другим пути закрыты с самого рождения. Например, ребенок из семьи среднего класса (приписанный статус) имеет большие возможности стать врачом или ученым (достигнутый статус), чем ребенок из низших слоев общества. В этой связи в обществе существует сопротивление созданию учебных элитных заведений, качество учебы в которых покупается за деньги, лишая значительную часть молодежи возможности иметь равные стартовые позиции в жизни.

Важной характеристикой каждого из статусов являются *спектр и свобода выбора иных статусов*. Всякое индивидуальное решение относительно собствен-

ной судьбы заключается в постоянном выборе способов преодоления конкретного социального неравенства и в желании иметь соответствующие условия, обеспечивающие его конкурентоспособность в жизни.

Социальный статус, обеспечивая определенные права и возможности, ко многому обязывает. С помощью статусов упорядочиваются, регламентируются отношения между людьми. Социальные статусы отражаются как во внешнем поведении и облике — одежде, жаргоне, манерах, так и во внутренней позиции личности — установках, ценностных ориентациях, мотивах. Каждый статус требует и дает людям возможность достижения социальных ожиданий людей или их модификации, если не создает условий реализации данных ожиданий. Прав известный польский социолог Ф. Знанецкий (1882—1958), который полагал, что социолог должен воспринимать индивида не только таким, как он есть органически и психологически, но как он «сделан» другими и самим собой в их и его собственном опыте социальной жизни. С социологической точки зрения в индивиде первичны его социальная позиция и функция. Органические и психологические особенности индивида, по Ф. Знанецкому, есть просто материал, из которого в процессе образования и (само)воспитания формируется социальная личность.

Значительное место в социологии личности занимает *ролевая концепция*. Роль — это тип поведения личности, обусловленный ее социальным положением, статусом. Совокупность ролей, соотношенных с ними, определяется как *ролевой набор*. Роль объективно задается социальной позицией вне зависимости от индивидуальных особенностей человека, занимающего эту позицию. Исполнение роли связано со стремлением человека соответствовать принятым социальным нормам и ожиданиям окружающих.

Освоение ролей происходит в процессе социализации, причем число их постоянно увеличивается. В раннем детстве человек выполняет одну роль — ребенка, которому прививают определенные правила поведения. Затем к нему добавляется роль воспитанника детского сада и члена первичной социальной группы по совместной игре, времяпровождению, отдыху и т.д. В дальнейшем ребенок выполняет роль учащегося, члена молодежной группы, участника общественных действий (общественных организаций), члена различных групп по интересам.

Поскольку каждый человек исполняет несколько ролей, возможен *ролевой конфликт*: родители и сверстники ожидают различного поведения от подростка, а он, выполняя роли сына и приятеля, не может одновременно соответствовать их ожиданиям. Еще чаще этот конфликт — несовпадение ролей — сопровождает жизнь взрослого человека. Роль семьянина требует согласования его поведения с ролью гражданина, ролью работника конкретной производственной организации.

Между ролевым ожиданием и ролевым исполнением никогда не бывает полного совпадения. Качество исполнения роли зависит от множества условий, в числе которых решающее значение имеет соответствие роли потребностям и интересам личности. Не исполняющий роли в соответствии с ожиданием вступает в конфликт с обществом, навлекает на себя общественные и групповые санкции.

Рассматривая свойства роли, Т. Парсонс сформулировал следующие ее *характеристики и зависимости*. Так, часть ролей четко ограничена в пространстве и во времени (школьник, студент), другая — размыта, неопределенна (членство в общественных организациях, в группах по интересам), третья часть длительна по времени действия (роль работника в течение трудовой жизни, отцовство, материнство и т.д.).

Не меньшее значение приобретает тот факт, что часть ролей требует соблю-

дения строго установленных правил (солдат, член производственной организации), для другой части эти требования устанавливаются с большей областью свободы (член музыкального клуба или общественной организации).

Выполнение роли связано также с ее *мотивационной характеристикой*: в одном случае роль ориентирует на получение личной выгоды (владелец частной собственности), в другом — на общественные, социальные интересы (член политической партии, член кооператива и т.д.).

И наконец, важен и тот факт, что *выполнение некоторых ролей жестко регламентировано* (роль охранника, пожарного, дежурного), а другие роли могут обогащаться или терять некоторые черты, что наиболее наглядно происходит в процессе продвижения по служебной или профессиональной лестнице.

Социальные роли и их значение для человека по-разному интерпретируются в научной литературе. *Бихевиористская концепция социальной роли* ограничивает предмет исследования непосредственно наблюдаемым поведением людей, взаимодействием индивидов: действие одного оказывается стимулом, вызывающим ответную реакцию другого. Это позволяет описать процесс взаимодействия, но не раскрывает внутренней стороны личности, характера общественных отношений, ролей и социальных ожиданий. Внутренняя структура личности (идеи, желания, установки) располагает к одним, но не способствует выбору других ролей. *Ролевые ожидания* также представляют собой неслучайные ситуационные факторы: они вытекают из требований социального окружения.

Социальная роль, которую выполняет человек, весьма значительна в его жизни, в умении эффективно функционировать в рамках общества. «Человек продает не только товары, но продает самого себя и ощущает себя товаром... И как со всяким товаром рынок реша-

ет, сколько стоят те или иные человеческие качества, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств...» (Э. Фромм, 1994).

Вот почему социальную роль следует рассматривать с социальными позициями, проявляющихся в стремлении человека реализовать себя как личность в соответствии как с ее социальным статусом, так и с социальным положением.

В отличие от статусной и ролевой *нормативные теории* имеют *обязывающий и ориентирующий характер, предписывающий человеку определенные формы восприятия, оценки и поведения в окружающей его действительности*. В рамках этой теории огромную роль играют социальные эталоны, образцы, ориентиры.

Особенно наглядно одна из этих концепций проявила себя в советской теории коммунистического воспитания, в рамках которой была создана модель определенного типа личности. Эта модель постоянно совершенствовалась, шлифовалась, служила неким эталоном, на который и должен был быть сориентирован советский человек. Такие концепции создавали некий идеальный тип личности, в свете которого человек должен быть интеллектуалом, нравственно и эстетически воспитанным, уважать труд, быть патриотом и интернационалистом одновременно, физически подготовленным и т.д. Эти черты личности постоянно изобретались, и предел этому поиску и обоснованию соответствующих черт поведения не был ограничен ни временем, ни пространством. Западные социологи Г. Олпорт и Х. Одберт насчитали таких возможных черт 1800, которые были сведены сначала до 555, а затем до 200 наименований.

Почти все эти трактовки личности на самом деле были подчинены идее — создать некий идеал человека, который был бы по всем показателям лучше всех

других людей. В основу данных концепций было положено долженствование — как по отношению к человеку, так и по отношению к организациям, занимающимся его воспитанием. Даже лексика «необходимо», «должен», «обязан» и тому подобная была ориентирована не на выяснение реального положения дел, не на постижение проблем действительного состояния взаимоотношений человека и общества, а на создание некоего эталона, некоего образца.

В рамках нормативистских концепций в значительной степени развивалась и крепла *концепция ценностных ориентаций* (см. *Ценностные ориентации*).

Ценности и ценностные ориентации обладают двумя важнейшими качествами — *высокой устойчивостью* и *изменчивостью*, являясь выражением меры динамизма и открытости общества, его групп и индивидов.

При смене системы ценностей и ценностных ориентаций возникает противоречие между различными смыслами и значениями старого и нового, традиционного и иницируемого. Ценностное противоречие переживается и осознается как трудность выбора и принятия решения. Оно разрешается в процессе ценностно-ориентировочной деятельности, ощущения неудовлетворенности собой и ситуацией, сопоставления ценности целей и средств их достижения в новом опыте деятельности.

Учет динамики ценностей и ценностных ориентаций важен для изучения особенностей общественного и личностного развития, для понимания процессов их переосмысления и механизмов самоопределения и самореализации социальных субъектов в кризисные периоды жизни.

В известном смысле в данную группу социологических теорий личности входят концепции социальной идентификации и диспозиционная. *Теории социальной идентификации и социальной*

идентичности характеризуют соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свои», по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать «мы». Если социальная идентификация личности может рассматриваться как процесс отождествления с определенными признаками, то социальная идентичность — в большей степени есть его результат (Е.А. Гришина, 2003). Процесс реализации социальной идентификации может осуществляться разными методами, разными путями и по разным траекториям. Так, этническая идентичность как разновидность социальной по-разному реализовывалась в различных странах. Во Франции она шла по линии от сословий к гражданству, в Германии — от раздробленности к единому государству, в Испании — от противопоставления чужому конфессиональному (арабскому) миру. В России этот процесс у многих народов протекал на основе национальной культуры, осознания самобытности образа жизни и особенных ценностей.

Диспозиционная концепция личности исходит из того, что социальные факторы поведения личности опосредованы социально-психологическими — осознанной готовностью личности к оценке социальной ситуации и адекватному поведению. Готовность (диспозиция), предрасположенность субъекта к поведенческому акту, определенному способу действия, последовательности поступков обусловлена предыдущим социальным опытом. Этот опыт, жизненная позиция — сплав мировоззренческих установок, социальных ценностей, идеалов, норм, которые определяют готовность к действию, к определенной реакции на среду. Диспозиции личности, по В.А. Ядову, рассматриваются как иерархически организованная система: *высшие* диспозиции — стратегическая направленность интересов, концепция жизни и ценностные ориентации;

средние диспозиции — социальные установки на типичные социальные объекты и обстоятельства; *низшие* диспозиции — предрасположенность к восприятию и поведению в конкретных условиях, в данной предметной и социальной среде.

В целом же социальные идентификации и личностные диспозиции отвечают потребностям личности жить в гармонии с обществом.

Основная литература

- Артемов А.И. Социология личности. М., 2001.
 Личность // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 567—569.
 Социология личности // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 722—723.
 Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология личности».

Дополнительная литература

- Барулин В.С. Российский человек в XX в.: пути и обретения себя. СПб., 2000.
 Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избр. труды. М., 1999.
 Волков Ю.Г. и др. Социология. М., 2000. С. 92—102.
 Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.
 Ильченков М.З., Смирнов Б.В. Социология воспитания. М., 1996.
 Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2003.
 Ковалева А.И. Социология личности: норма и отклонение. М., 1996.
 Кон И.С. Социология личности. М., 1967.
 Липин Н.И. Общая социология. М., 2006. С. 63—79.
 Левада Ю.А. Советский человек. М., 1998.
 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
 Смирнов П.И. Социология личности. СПб., 2001.
 Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001.
 Турен А. Возвращение человека действительного. Очерк социологии. М., 1998.
 Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1990.
 Хьелл Л., Зинглер Д. Теория личности: Основные положения, исследования и применение: Пер. с англ. СПб., 2000.

Социология образования

Социология образования как самостоятельная дисциплина сформировалась на рубеже XIX—XX вв. Разработкой проблем роли, назначения и функций образования и воспитания занимались Э. Дюркгейм, Д. Дьюи, Дж. Пейн, У. Самнер, Л. Уорд. В дальнейшем эти идеи были развиты в трудах многих видных социологов, в частности, П. Бурдьё (Франция), Ч. Бидуэлла, К. Дженкса, Дж. Коулмена (США), М. Арчер, Дж. Флауда (Англия) и др. Значительного развития социология образования достигла в Польше (В. Адамский, И. Бялецкий, Я. Щепаньский и др.).

В России первые попытки анализа состояния образованности населения связаны с деятельностью земских статистиков, которые (в связи с реформой средней школы 1864 г.) всесторонне и основательно описали состояние школьного дела. Однако собственно социологические работы по проблемам образования появились только в начале XX в. Обстоятельно занимался этими вопросами П.А. Сорокин. Он изучал образование как фактор социальной регуляции, важнейшее условие социальной стратификации и социальной мобильности личности в обществе. В 1920-е гг. социологи (Е.А. Кабо, Л.Е. Минц, В.С. Овчинников) внесли конкретные предложения, касающиеся обучения работающей молодежи, подготовки кадров новой интеллигенции, реализации программы ликвидации неграмотности населения.

Интенсивно развиваться отечественная социология образования стала с конца 1960-х гг. (Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич, Л.Я. Рубина, М.Х. Титма, В.Н. Турченко, Ф.Р. Филиппов, В.Н. Шубкин, Л.Г. Борисова, Е.А. Якуба и др.). В этот период активно изучались проблемы «революции в образовании», исследовались жизненные планы учащейся молодежи, соци-

альный облик и образ жизни педагогических кадров.

В конце XX в. российские социологи разрабатывали темы: общие проблемы социологии образования (В.И. Жуков, В.Я. Нечаев, Е.И. Кукушкина, Т.Н. Кухтевич); учительство как специфическая социальная группа, состояние школьного образования (Ф.Г. Зиятдинова, Е.Э. Смирнова); проблемы профессионального образования (Г.Е. Зборовский, С.И. Григорьев, И.М. Ильинский); образ жизни учащейся молодежи (В.Т. Лисовский, А.М. Осипов); образование в условиях научно-технического прогресса (Ф.Э. Шереги, А.А. Овсянников), самообразование (Е.А. Шуклина).

В настоящее время разработка проблем социологии образования определяется стремлением отечественных социологов осмыслить изменения, которые происходят в процессе производства, обогащения и использования знания для проведения кардинальных преобразований в современном обществе, все чаще называемом обществом знаний.

Образование является объектом и предметом изучения целого ряда наук: педагогики, психологии, философии, истории, экономики. Каждая из них находит свою грань в исследовании образовательных процессов. Есть специфика и у социологии. Это отношение общества к образованию, изучение его социальной ценности; понимание социальных и личных потребностей в образовании; влияние образования на социальный статус личности и динамику развития общества; оценка уровня знаний специалистов, эффективности и качества образования.

В качестве специальной социологической дисциплины *социология образования* изучает образование как социальный институт в процессе его взаимодействия

с обществом, а также условия его возникновения и развития, его взаимоотношения с другими социальными институтами, социальные требования к образованию, социальное равенство и неравенство в сфере образования, роль образования в социализации личности.

Как особый социальный институт образование имеет свою *структуру*. Ее элементами являются: сеть образовательных учреждений (государственных и негосударственных); специфические социальные общности (педагоги и учащиеся); учебный процесс как особый вид деятельности.

Уровни образования включают: дошкольное, среднее, начальное профессиональное, среднее специальное и высшее образование. Как особое явление рассматривается послевузовское образование. Все больший интерес вызывает феномен непрерывного и второго высшего образования.

Рассматривая *дошкольное образование*, социология исходит из того, что это чрезвычайно важная ступень в жизни человека, на которой формируется первооснова его личностных качеств. Особую ценность приобретает анализ ориентированности общества на поддержку дошкольных форм образования (А.М. Гендин, М.И. Сергеев), изучение форм и методов участия родителей в организации обучения ребенка (А.И. Антонов, Т.А. Гурко, В.С. Собкин), а также мотивы и интересы педагогов, призванных осуществлять образование и воспитание детей и молодежи (А.С. Запесоцкий, Д.И. Константиновский, М.П. Карпенко).

Изучая *среднее образование*, социология исходит из того, что оно нацелено на подготовку к жизни в обществе всего подрастающего поколения. Исследуются ценности общего образования, ориентации родителей и детей на массовую или элитную школы, их реакции на внедрение новых форм образования и профессиональной ориентации.

Особое место в социологии образования занимает исследование роли и места профессионального образования — начального профессионального, среднего специального и высшего.

Начальное профессиональное образование представляет собой оперативную форму включения молодых людей в трудовую и общественную жизнь. Для социологии образования важно знание мотивов профессионального выбора, эффективности этой формы обучения, ее роли в повышении квалификации и творческого потенциала личности.

Среднее специальное и высшее образование — основные формы профессиональной подготовки молодежи. Социология образования изучает общественный заказ на подготовку специалистов и реальные потребности рынка труда; участвует в составлении шкалы престижа профессий; исследует уровень, качество и эффективность подготовки специалистов любого профиля.

Послевузовское образование включает различные формы повышения квалификации, в частности, аспирантуру и докторантуру, по окончании которых человек получает ученую степень кандидата или доктора наук.

Особое место в профессиональном образовании отводится *социологическому образованию* — подготовке профессионалов-социологов. Она осуществляется в высших учебных заведениях — университетах, академиях, институтах в формах «бакалавр-магистр» и «специалист». Профессиональная образовательная программа подготовки социолога включает: творческое освоение теории и истории социологии, специальных социологических дисциплин, основательную математическую подготовку, изучение методов и техники организации социологических исследований.

В современной социологии образования существуют проблемы, которые приобрели особую актуальность. В про-

фессиональном образовании это — *соответствие качества и уровня* подготовки специалистов реальным запросам общества; степень приобщения профессионала к духовным ценностям мировой культуры; внедрение достижений науки в учебный процесс; резервы интеллектуального и нравственного потенциала специалистов.

Важной стороной социологии образования является изучение эффективности и качества любого уровня образования. В него включается, прежде всего, оценка уровня знаний, которыми обладают учащиеся и студенты, все население страны. Эффективность образования зависит и от того, какие цели ставят перед собой участники этого процесса, что они хотят реализовать в своей жизни с помощью образования. В этой связи следует отличать социальную ориентацию (выбор человеком желаемого социального положения и путей его достижения) и профессиональную ориентацию (выбор наиболее престижной и привлекательной профессии). Социальная ориентация складывается у личности раньше профессиональной, что влияет на выбор, особенности и качество получения профессии (Ф.Р. Филиппов, 1985). Большое значение при оценке эффективности и качества образования имеет изучение мотивов обучения, повышения образования и квалификации, удовлетворенность как процессом получения знаний (методами, формами их подачи), так и самими знаниями.

Социология образования изучает *противоречия и перспективы образования*. Следует учитывать тот факт, что в настоящее время уровень образования является одним из показателей социальной стратификации. Поэтому наблюдаемое разнообразие форм образования оборачивается социальной селекцией с помощью образования. В современном обществе пока не найдено оптимальное сочетание общеобразовательной и профессиональ-

ной подготовки личности, отсюда — «профессиональные перекосы» либо попытки сформировать гуманитарную культуру личности в отрыве практики.

Социологические исследования показывают, что образование может выступить стабилизирующим фактором общественного развития, отвечая не только на сегодняшние, но и перспективные потребности общества.

Среди актуальных проблем социологии образования — поиск форм обогащения интеллектуального потенциала личности; изучение и стимулирование самообразования, самоподготовки личности в условиях информационной революции; приобретение дополнительных общеобразовательных знаний и профессиональных навыков; соединение теоретического обучения с производительным трудом; поиск новых способов организации образования; усиление мировоззренческой и гуманистической составляющей в образовании; обеспечение опережающего эффекта образования.

Практическая актуальность социологии образования несомненна. В настоящее время внимание отечественных и зарубежных социологов привлечено к изучению социальных аспектов модернизации образования (проблемы обеспечения качества, эффективности и доступности образования), реализации концепции непрерывного образования, социальных механизмов и программ совершенствования всех ступеней образования (дошкольное образование, школа, вуз, послевузовское образование).

В России область образования является приоритетной. Конституция РФ (ст. 43) и Закон РФ «Об образовании» гарантируют каждому гражданину право на получение образования в разных учреждениях образовательной системы; устанавливают стандарты в рамках государственных образовательных программ, соблюдение которых контролируется органами управления образованием. Среди

актуальных проблем российского образования — соответствие его содержания международному уровню.

В настоящее время формируется общее образовательное пространство России и Европейского Союза. Начавшийся с присоединения России к Болонской декларации процесс интеграции российского и европейского образования является одной из новых важных тем социологии образования.

Основная литература

Буланова М.Б. Образование социальное // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 74—77.

Добренков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. М., 2003.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология образования».

Дополнительная литература

Будущее европейского образования. Болонский процесс (Сорбонна — Болонья — Саламанка — Прага). СПб., 2002.

Гаврилюк В.В. Социология образования. Тюмень, 2003.

Григорьев С.И., Матвеева Н.А. Социология образования как отраслевая теория в современном социологическом витализме. Барнаул, 2002.

Жуков В.И. Российское образование: истоки, традиции, проблемы. М., 2001.

Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования. М., 2005.

Кукушкина Е.И. Социологическое образование в России XIX — начала XX века. М., 1994.

Осинов А.М. Социология образования. Очерки теории. Ростов-н/Д, 2006.

Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965—2002). М., 2002.

Сорокина Н.Д. Образование в современном мире. Социологический анализ. М., 2004.

Филлипов Ф.Р. Социология образования. М., 1980.

Шереги Ф. Социология образования: прикладные исследования. М., 2001.

М.Б. Буланова

Социология культуры

Понятие «социология культуры» введено в социологическую науку М. Адлером (1870—1937). Ее предмет он толковал как изучение социальных факторов становления и функционирования культурных ценностей и норм, их воздействия на общество и социальное поведение человека. В дальнейшем определения этой части социологической науки множились, что осложнялось тем, что само определение культуры (по некоторым подсчетам их число достигает 160) породило различные трактовки роли, места и сущности социологии культуры в контексте мировой цивилизации.

Среди западных социологов долгое время господствовала концепция, наиболее ярко выраженная в творчестве Л. Уайта, который фактически не различал трактовки «общество» и «культура», считая, что невозможно отделить понятия «социальное» от «культурное». Впоследствии структурный функционализм резко сузил такое широкое представле-

ние о культуре. Т. Парсонс (1902—1979), исходя из принципа культурного детерминизма, выделял те направления в функционировании культуры, которые напрямую влияли на духовную жизнь общества, или косвенно опосредовали другие виды деятельности человека (трудовую, политическую и др.). Постепенно на базе этого подхода стали формироваться отдельные направления — социология кино, социология театра, социология искусства, социология музыки и т.д. Затем в социологии культуры особое место занял ценностный подход В. Виндельбарта, Г. Риккерта с учетом деятельностного подхода, рассматривающего культуру как творческую деятельность.

В отечественной социологии сложилось несколько подходов к трактовке социологии культуры.

В о п е р в ы х, заслуживает пристального внимания позиция А.К. Уледова (1980), оценивающего культуру как *важнейшее системное качество духовной*

жизни общества. В этом случае соотношение понятий *общество* и *культура* предстает не как соотношение целого и части, а как соотношение целого и его качества. Определение культуры как качественно-интегративного явления имеет большой смысл, ибо оно подчеркивает ее влияние, ее «присутствие» во всех без исключения сферах общественной жизни. Эти идеи творчески развивали Е.В. Боголюбова, Е.А. Вавилин, В.П. Фофанов. Особый интерес представляет рассмотрение культуры через призму ее связи с историей, который начал рассматриваться М.Б. Туровским и Н.С. Злобиным и плодотворно развиваемый А.И. Шендриком.

В о - в т о р ы х, *культура всегда связана с творческой деятельностью*. Как в своем как материальном, так и духовном воплощении она оказывается неотъемлемой характеристикой человеческого разума и свидетельствует о степени его преобразующей силы при решении насущных проблем (Э.А. Баллер, Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневецкий, Н.С. Злобин). «Культура — это творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания, как прошлая, овеществленная в тех или иных культурных ценностях, так и сегодняшняя и будущая, основывающаяся на освоении культурного наследия, направленная на превращение богатства человеческой истории во внутреннее достояние личности, на всемерное развитие сущностных сил человека» (Э.А. Баллер, 1983).

С этой трактовкой сближается предложение А.В. Захарова анализировать феномен культуры через идеальные типы, предложенные в свое время М. Вебером, но обогащенные анализом традиционной (народной) культуры.

В - т р е т ь и х, культуру, по мнению русского философа С.Л. Франка, важно рассматривать как «*совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей*». Ценностный подход к культуре применялся в оте-

чественной социологии П.А. Сорокиным, В.П. Тугариновым, Д.И. Чесноковым, Н.И. Лапиным. При таком подходе не происходит замены ценности вещью или потребностью, а также исключен сдвиг на обыденное понимание ценностей вместо системной, упорядоченной их трактовки. Не менее важно определиться и с тем, будет ли в связи с этим культура сводиться лишь к положительным явлениям. А если да, то куда тогда отнести отрицательные ценностные ориентации, или, как их иногда называют, мнимые?

В - ч е т в е р т ы х, при определении культуры нередко особо *подчеркивается этический и эстетический компонент как специфическое проявление отношения человека к миру и к деятельности людей*. Социология культуры исходит из того, что культура «представляет собой... сферу самореализации общественного индивида как субъекта культурно-исторического процесса». «Важнейшим исследованием культуры становится раскрытие сущности человеческой деятельности. Связь между деятельностью и культурой является исходной, определяющей при ее объяснении и изучении» (В.М. Межуев, А.И. Шендик).

В - п я т ы х, обратим внимание на концепции, которые *к культуре относят все, что было создано человечеством за весь период его существования во всех сферах общественной жизни*. Такое расширительное толкование культуры отождествляет ее (в явной или скрытой форме) с понятием общества и с точки зрения социологии делает его малопродуктивным. Более того, отмечает Э.В. Соколов (1972), «то, что Тэйлор, Боас, Малиновский именовали культурой, Конт, Спенсер, Вебер и Дюркгейм называли обществом». Такая трактовка культуры характеризует работы ряда отечественных исследователей (Л.Г. Ионин, частично М.С. Каган).

В - ш е с т ы х, культура как способ (технология) деятельности рассматривается Э.С. Маркаряном, а также В.Е. Да-

видовичем, Ю.А. Ждановым и др. «Культура есть общий способ человеческого существования, способ человеческой деятельности и объективированный в различных продуктах (орудиях труда, обычаях, системе представлений о добре и зле, прекрасном и уродливом, средствах коммуникации и т.д.), результат этой деятельности, который может включать в себя элементы, имеющие как положительное значение для функционирования социальной системы, так и отрицательное значение» (Э.С. Маркарян, 1983).

И на ко н е ц, следует отметить, что в российской (советской) эмпирической социологии продолжительное время исследовались отдельные компоненты (или проблемы) социологии культуры, которые, как правило, ставили перед собой более скромные задачи. Даже исследователи методологических проблем социологии культуры (Л.Г. Ионин, С.Н. Иконникова, С.Н. Плотников, В.Б. Чурбанов и др.) не ограничивали себя анализом философско-социологических аспектов культуры, переходя затем к вопросам, касающимся отдельных ее процессов и явлений. Именно исходя из функционального подхода, получили самостоятельное развитие исследования клубного дела (Т.А. Кудрина, Р.К. Шеметило), кино (М.И. Жабский), художественной культуры (С.Н. Комиссаров, А.Н. Семашко, А.И. Шендрик), искусства (А.Л. Вахметса, В.И. Волков, Г.А. Войтовичская, В.С. Цукерман, Ю.В. Перов). Появились социологические исследования музейного дела, театра, библиотечной работы. Исследовательской группой Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина в 1970-е гг. был осуществлен углубленный анализ чтения в условиях различных территориальных общностей, что затем было продолжено в рамках Института книги и Института культурологии.

Для уточнения позиций необходимо обратить внимание на исходные теоре-

тико-методологические принципы социологических исследований культуры.

Выступая в качестве одной из форм проявления сущностных сил человека, показателем уровня и меры прогресса общества, его классов и социальных групп, культура представляет собой *единство различных форм индивидуального, группового и общественного сознания и практической деятельности, направленных на материальное или духовное воплощение идей, взглядов, ценностных ориентаций и т.д.* В культуре отражается и закрепляется социально-личностное качество созидательного труда человека. Именно феномен культуры позволяет органически соединить в себе не просто производство вещей и сознания в его абстрактных формах, а производство самого человека как общественного человека, т.е. производство его во всем богатстве общественных связей и отношений, во всей целостности деятельностного существования.

А так как культура является стороной любой общественной деятельности, то допустимо говорить об особенных способах ее проявления, что связано с пониманием культуры, во-первых, как *меры общественного прогресса*, во-вторых, как *степени воплощения гуманистических целей* и, в-третьих, как *особой формы соединения духовных богатств, накопленных предшествующим развитием человечества, и духовных ценностей современного общества.*

Исследуя культуру, социология исходит из того, что назначение ее многообразно. Поэтому социологией культуры рассматриваются также и каналы, удовлетворяющие потребности людей в общении к этическим и эстетическим ценностям, оценивается, как формируются вкусы, предпочтения, как осуществляется эстетическое восприятие окружающей действительности.

Культура — это *пространство воспитания*, которое присущими ему методами способствует формированию не только эстетического, но и политического,

правового и этического идеала. Через экран, книгу, сцену, эстрадную площадку, залы музеев человеком осознается творческая деятельность народа, его самобытность, его будущее. Однако же нарушение меры в подаче этого материала серьезно искажает работу учреждений культуры, подрывает веру и девальвирует ценности гуманистического образа жизни.

Большинством людей деятельность многих учреждений культуры осознается как сфера, обеспечивающая досуг, отдых, проведение свободного времени. И принижение значения этой функции чревато негативными последствиями, ибо сосредоточение внимания только на воспитательной или познавательной стороне нередко приводит к назидательности, нравоучительности, что, конечно, отталкивает людей от этих форм работы.

Развитие исследований культуры поставило вопрос о ее связи с творческой деятельностью в труде, в политике, в повседневной жизни. В социологической литературе начали усиленно разрабатываться проблемы *профессиональной, экономической, политической, нравственной, экологической, правовой* и т.д. культуры. В связи с переосмыслением роли и места материальной культуры возникла необходимость изучить такое явление, как *техническая культура*, без которой невозможно овладеть не только техникой, но и технологией, новейшими инновационными методами производственной деятельности.

Особую актуальность приобрело сочетание мировой и национальной культур. Сами по себе в отдельности эти грани культуры постоянно изучались, однако их взаимодействие недооценивалось, а иногда даже просто игнорировалось. Умолчание о противоречиях в развитии национальных культур приводило к нарушению сбалансированности духовной жизни, вызывало неопределенность, сеяло недоверие и подозрительность одного народа к другому.

При анализе проблем культуры нельзя не обратить внимание на материальную обеспеченность культурных потребностей. И не всегда исследователи удосуживаются взглянуть на этот процесс более основательно исходя из широкого социального контекста. Доля национального дохода, затрачиваемого на культуру, ярко характеризует степень поддержки государством этой сферы жизни общества. Между тем сравнение с показателями обеспеченности культуры индустриальных капиталистических стран не в пользу нашей страны. Многочисленные попытки продемонстрировать деятельность различных элитных, полуэлитных и других объединений (клубов, групп и т.д.) никак не скроют тот факт, что народная культура — массовые библиотеки, клубы, музеи, кинопрокат находятся в нокдауне, ибо никто не хочет их финансировать.

В социологической и философской литературе существуют предложения рассматривать в качестве ядра культуры *идеалы* (В.Е. Давидович, В.П. Вранский), *символы* (Ю.М. Лотман, Э. Кассирер, Б.А. Успенский), *картину мира* (В.С. Степин), *мифы* (А.Ф. Лосев). *Культуру в институциональном плане* как проблемы образования, науки, религии, литературы и искусства рассматривают Л.Н. Коган, Ю.Р. Вишневецкий и др.

Однако наиболее адекватным является подход, разработанный П.А. Сорокиным и его последователями, который делает центральным и базовым звеном в исследованиях культуры *ценности и ценностные ориентации, а также способы и методы их реализации*, что связано с необходимостью анализировать творческую деятельность людей. Не результат творческой деятельности, даже не ее процесс, не говоря уже о «вещных» выразителях материальной и духовной культуры, а именно ценности, в которых в концентрированном виде выражается смысл культуры (М. Вебер). В отечественной социологии этот подход также нашел отражение.

«Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную quintэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» (Н.И. Лапин, 1996).

Необходимо уточнить различные трактовки ценностей и ценностных ориентаций. *Ценности* — это материальные или идеальные предметы, обладающие значимостью для данного социального субъекта с позиций удовлетворения его потребностей и интересов. Производные же от них *ценностные ориентации* есть установки личности на ценности материальной и духовной культуры. Стремясь осмыслить специфику этого феномена, ценностные ориентации в отечественной литературе сравнивают со своеобразными «маяками, ориентирами» (В.Б. Ольшанский, 1966), называют «призмой», *которая усиливает одну информацию и ослабляет другую* (А.И. Титаренко, 1980), «локаторами нравственного сознания личности» (Н.Ф. Наумова, 1988), «осью сознания, вокруг которой вращаются помыслы и чувства человека» (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов, 1966).

Анализируя ценности и ценностные ориентации в контексте культуры, можно получить достаточно точное представление о степени развитости индивида, уровне усвоения им всего богатства человеческой истории. Вот почему они могут соотноситься с тем или иным типом цивилизации, в недрах которой возникла данная ценность или к которому она преимущественно относится: *традиционные ценности*, ориентированные на сохранение и воспроизводство сложившихся целей и норм жизни; *современные*

ценности, возникшие под влиянием изменений в общественной жизни. В данном контексте весьма показательны сравнения ценностных ориентаций старшего и молодого поколений, что дает возможность понять их взаимодействие, в том числе и причины конфликтов между ними.

В социологии очень часто используется понятие *базовые ценности*, которые характеризуют основные ориентации людей как в жизни в целом, так и в основных сферах их деятельности — в труде, политике, быту и т.д. Эти базовые ценности, имеющие предметное содержание, могут быть основой для типологизации как сознания, так и поведения, и давать характеристику интеллектуальному богатству человека. К базовым ценностям, формирующим личность, относятся: *здоровый образ жизни*, основанный не на господстве над природой, а на единстве, партнерстве, сотрудничестве, гармонии с ней; *новое качество жизни*, включающее в себя изменение характера труда и его смысла, иное распределение интересов между трудом и досугом — новую культуру досуга и т.д.; *гуманистическая культура* общения между людьми, в которой другой человек — не средство достижения утилитарных целей, а цель, самоцель, стимулирующая личный интерес; наконец, наиболее важное — *возрастающая потребность в самореализации личности*, состоящая в творчестве, в развитии способностей, в духовном обогащении и т.п. Эти ценностные ориентиры достаточно заметны и являются одними из ведущих (хотя и противоречивых) показателей. Они же отмечают недолговременность ценностей одностороннего эгоизма и в то же время возрастание значения «социальности» форм общения, духовного родства, человеколюбия. Теоретически эту же альтернативу между «вещными» и человеческими ценностями в пользу последних сформулировал известный американский социальный психолог Э. Фромм (1986):

«...цель человека быть многим, а не обладать многим».

Что касается ценностных ориентаций, то они по сути являются *конкретизацией ценностей*, воплощаясь в достаточно четкие показатели, и представляют собой сложное образование, в котором можно выделить три основных компонента: когнитивный, эмотивный и поведенческий. *Когнитивный* есть элемент знания, *эмотивный* — эмоциональная составляющая, вытекающая из оценки; поведенческий связан с реализацией ценностных ориентаций в процессе жизнедеятельности личности. Именно такой подход дает возможность исследовать ценностные ориентации личности при помощи пакета инструментов. И только соединение этих трех видов информации дает возможность дать объективную их оценку во всем многообразии.

Ценностные ориентации кардинально меняются, когда человек начинает предпочитать «вещные» или духовные формы богатства, хотя ни та, ни другая автоматически не дает устойчивого социального положения. Более того, социально-ценностные ориентации, связанные с вещной формой богатства, могут повышать социальный статус, но не улучшать социальное самочувствие.

Но нередко возникает и другое противоречие. Если ориентация на духовно-нравственные ценности не обеспечивает минимум или декларируемый обществом достаток, то происходят серьезные коллизии в социальном настроении людей.

Иногда в социологии используются понятия «положительные» и «отрицательные (мнимые)», а также «одобряемые» и «отрицаемые» ценностные ориентации.

Вместе с тем дифференциация ценностей на одобряемые и отрицаемые не имеет ничего общего с делением их на положительные и отрицательные. Речь идет о другом: разные люди по-разному относятся к одним и тем же ценностям, выстраивают их иерархию в своем со-

знании. В этом состоит одна из трудностей понимания и изучения ценностного сознания. На ее преодоление и направлена изложенная типология ценностей по нескольким основаниям (критериям).

В дальнейшем исследовании в большинстве случаев затрагивали не столько состав, сколько *структуру ценностных ориентаций*, т.е. их соотношения (в том числе иерархическое) друг с другом в индивидуальном, групповом и общественном сознании: одни ценности получают более высокий статус или ранг, другие становятся менее значимыми. В соответствии с таким подходом М. Рокич ввел в свои исследования понятия терминальных и инструментальных ценностей, эмпирически исследовав по 18 тех и других. *Терминальные ценности (ценности-цели)* выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей, такие, как ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда и аналогичные им.

В *инструментальных ценностях (ценности-средства)* запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства достижения первых. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с другой — качества, способности людей (такие, как независимость, инициативность, авторитетность и др.).

Как показывают социологические исследования, инструментальные ценности в большей мере, чем терминальные, вызывают разное понимание, поддержку и даже трактовку. Более того, иногда они противопоставляются друг другу или игнорируются. Так, в условиях кризисной экономики России резко упала ценность нравственных норм поведения — их заменило стремление к обогащению любой ценой, что привело к резкой девальвации понятий чести, совести, долга. Но одновременно выросла значимость таких черт личности, как самоуважение, самостоятельность, независимость. Следует подчеркнуть, что противоречие между терминальными и инструментальными

ми ценностями является одной из причин формирования девиантной, склонной к преступности личности (Р. Мертон, 1966).

Основная литература

Орлова И.Б. Социология культуры // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 720—721.

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 520—530.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология культуры».

Шендрик А.И. Социология культуры. М., 2006.

Дополнительная литература

Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX в.: социологические аспекты. М., 1997.

Введение в социологию искусства / Е.В. Дуков и др. СПб., 2001.

Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.

Дымникова А.И. Управление культурой в рыночной экономике. СПб., 2000.

Жабский М.И. Социология кино: истоки, предмет, перспективы. М., 1989.

Иконникова С.Н. История культурологических теорий. Идеи и судьбы: СПб., 2001.

Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры: М., 1997.

Культурные миры молодых россиян: Три жизненные ситуации. М., 2000.

Мангейм К. Избранное. Социология культуры. М.; СПб., 2000.

Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей: Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и современность. СПб., 2001.

Ж.Т. Тощенко

Социология науки

Как социальный институт, наука начала оформляться в Новое время. На первом этапе ее основной функцией было формирование особого мировоззрения (научная картина мира), затем, по мере развития промышленно-технической базы и усложнения общественных отношений, наука приобрела производственную и социальную функции. Главной когнитивной функцией науки считается производство нового знания — фундаментального и создаваемого на его основе прикладного, которое, в свою очередь, служит основой выполнения наукой ее социальных функций.

В развитии современной науки можно выделить три основных типа рациональности: классический (XVII — начало XX в.), неклассический (первая половина XX в.), постнеклассический (конец XX в.). В классической модели науки (образцом которой выступали естественнонаучные дисциплины) предполагалось, что субъект должен быть дистанцирован от объекта в процессе как самого научного исследования, так и анализа результатов. В неклассической модели науки ут-

вердилась идея относительности объекта к средствам и этапам научной деятельности. В постнеклассической модели науки стала учитываться соотношенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми характеристиками научной деятельности. В современной постнеклассической науке все большее место занимают науки гуманитарной направленности, а в роли объекта выступают сложные, исторически развивающиеся системы, включающие человека.

Теоретико-методологическими истоками возникновения социологии науки можно считать философию науки (П. Фейерабенд) и социологию знания (К. Мангейм, М. Шелер). Оформление социологии науки как отдельной дисциплины принято связывать с именем Р. Мертона (1910—2003). Именно в его работах в 1930—1940-е гг. были сформулированы ключевые вопросы исследования науки. Р. Мертон одним из первых предложил теоретическую схему рассмотрения науки как социального института. У института науки можно выделить: 1) формальную и нефор-

мальную организационную структуру (университеты, исследовательские организации, научные журналы, научные «школы»); 2) особые функции (когнитивные, социальные); 3) особые механизмы воспроизводства (правила научной деятельности). Поскольку Р. Мертон являлся также ярким представителем структурно-функциональной парадигмы, его подход к изучению науки и научного сообщества также соответствовал этой парадигме. Идеи Мертона были восприняты с большим энтузиазмом, и структурно-функциональная социология науки активно развивалась до 70-х гг. XX в. Позднее ряд идей Мертона был пересмотрен современными авторами с позиции конструктивистского подхода. Это привело к некоторому противостоянию между классической моделью социологии науки и современными направлениями.

Современная трактовка социологии науки опирается на следующие основные понятия: наука, рациональность, объективность.

Наука — это особая сфера познавательной деятельности, направленная на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Научная деятельность не может ограничиться использованием только обывденного языка. Ей требуется специальный язык (эмпирический и теоретический), формирующий устойчивую и ясную систему категорий — координат научного мышления.

Важным принципом научной деятельности является постоянное стремление науки к расширению поля изучаемых объектов, безотносительно к имеющимся на текущий момент возможностям их массового практического освоения.

Научная рациональность — целевое, эффективное, свободное от ценностных ориентаций использование логико-методологических процедур в познании изучаемых явлений. Производство и воспроизводство научного знания подразуме-

вает накопление результатов, при этом исследовательская работа должна быть рациональна в том смысле, что должен обеспечиваться прирост уже существующего знания. Поэтому воспроизводство знания логически сопряжено с обращениями к данным предшественников, чтобы дополнить их или пересмотреть с критических позиций. Каждое новое исследование является не только применением уже известных методологических правил, но и их проверкой.

Научная объективность — представление изучаемых объектов такими, каковы они сами по себе, независимо от позиции субъекта или «наблюдателя». Любые объекты, допускающие преобразование человеком (фрагменты природы, социальные подсистемы или общество в целом, состояния человеческого сознания и т.д.), могут стать объектами научного исследования. Согласно К. Попперу (1902—1994), началом и основным условием научной деятельности является базовое («фоновое») знание в форме гипотетических ожиданий и установок, которые предопределяют и последующий ракурс рассмотрения проблемы. После проверки на обоснованность гипотетические модели превращаются в теоретические схемы изучаемой предметной области.

В XX в. институт науки превратился в структурно сложную единицу по производству научных знаний, включающую различные типы объединения ученых, особую экспертизу исследовательских программ и их социальную поддержку, специальную ресурсную базу, сложное разделение труда и систему подготовки кадров. Основным механизмом функционирования науки как социального института выступает, по мнению Мертона, **научный этос** — совокупность особых норм, действующих в научном сообществе. По результатам исследований профессионального поведения ученых была сформулирована **нормативная мо-**

дель функционирования научного сообщества, включающая императивы (нормы) универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма.

Императив *универсализма* логически следует из представления об объективном характере научного знания и подразумевает проверку надежности научных результатов по неличностным критериям. Предполагается что в аналогичных исследовательских условиях будут получены аналогичные результаты. Императив *коллективизма* подразумевает обобщенный, коллективный характер воспроизводства научного знания. Новые знания должны быть предложены всему научному сообществу, и никто не должен иметь на них исключительных прав. Императив *бескорыстности* призван ограничить конкурентные побуждения ученых, предписывая заниматься научной работой так, как будто, кроме постижения истины, нет никаких других интересов. Из-за высокой стоимости ошибок научное сообщество должно проявлять здоровый *скептицизм*, т.е. критическое отношение и всестороннюю проверку как научных результатов, так и способов их получения. Впоследствии мертоновская модель научного этоса неоднократно дополнялась, а также подвергалась критике, но исходное положение о внутренних правилах научной деятельности оставалось неизменным. Позже получило свое развитие и представление об аномалиях в воспроизводстве научного знания («патологии науки»), отправной точкой которого также послужили работы Р. Мертона.

Институционализация научной дисциплины подразумевает установление системы *дифференциации* (автономии специальности и отделения от других исследовательских областей), *интеграции* (формирования устойчивых взаимодействий в ходе научной работы внутри и между дисциплинами), и *воспроизводства* (пополнения научного сообщества новыми членами). Каждый элемент этой систе-

мы опирается на научную коммуникацию, на поддержание связей между различными учеными и их идеями. Можно выделить следующие виды связей в научном сообществе: *коммуникация* (обсуждение текущих исследований), *соавторство* (совместная подготовка сообщений о результатах исследований по той или иной тематике), *наставничество* (наличие связей «учитель-ученик») и *коллегиальность* (совместная работа в одной исследовательской группе). При этом ученый должен ориентироваться не только на уже накопленные в науке результаты, но и на систему предписаний («канон»), регулирующих способы постановки проблем, формы аргументации и логику научного исследования. Иными словами, *научная социализация заключается не столько в передаче знаний, сколько в усвоении обычаев науки, ее «канона»*. Например, воспроизводство имен в научном тексте является не только формой аргументации и апеллирования к авторитету, но также и маркером дискурса, который поддерживается и сохраняется существованием подобной системы ссылок. Таким образом, научная деятельность — это, прежде всего, *коллективная деятельность*, неотъемлемым атрибутом которой является отсылка к именам и идеям предшественников. Это формирует научную традицию, которая становится источником «легитимности» избранной проблемы.

Научная коммуникация является не только каналом обмена идеями, но также и индикатором развития исследовательского направления. Поскольку внимание различных членов научного сообщества концентрируется на различных предметах исследования, то личные профессиональные коммуникации между обособленными научными группами иногда затруднительны. Поэтому основным каналом коммуникации являются *научные тексты*. Именно научные публикации являются основным средством воспроизводства знания (подробнее об этом

см. В.Ж. Келле, Э.М. Мирский, В.С. Степин). Их совокупность наделяется статусом «переднего края» науки, введенным в обиход Д.Д. Берналом и Д. Прайсом.

Идея *цикличности* в жизни научного направления получила свое развитие в работе Т. Куна «Структура научных революций» и оказалась весьма плодотворной. Согласно куновской концепции, расширенной и дополненной последователями, на начальном этапе развития научного направления преобладают теоретические разработки, на втором этапе происходит активный сбор и использование первичных данных, появляются первые значимые для развития теории результаты. На следующих этапах возникает необходимость в систематизации и анализе накопленного знания и, возможно, в переосмыслении базовой теории. Таким образом, функционирование науки подразумевает постоянное столкновение нового и старого знания.

В социологии науки особую значимость приобретает *анализ социальных аспектов производства научного знания*. Бурное развитие науки и завоевание ею все новых функций повлекло за собой потребность в изучении научной деятельности изнутри. Изучение науки, способ ее функционирования и развития, структур и форм научной деятельности, взаимодействия науки с другими социальными институтами в середине XX в. стало предметом специальных исследований. Их задачами стало на макроуровне — раскрытие закономерностей функционирования и развития науки как социального института и особых форм его деятельности, на мезоуровне — анализ структуры и динамики информационных массивов науки, на микроуровне — изучение проблем научного творчества и мотивации ученых, структуры социальных связей внутри научного сообщества. Например, согласно гипотезе о «незримом колледже», состояние дел в той или иной исследовательской области эффективно

контролируется небольшой элитной группой в несколько десятков человек, т.е. группой наиболее продуктивных ученых. Участники этой группы, связанные между собой неформальными контактами (посредством научного руководства, членства в различных научных организациях и т.д.), обеспечивают эффективное профессиональное общение практически всех членов сообщества и задают направление для актуальных научных разработок.

Под результатом научной деятельности подразумевается получение особого, упорядоченного, систематизированного знания, которое может быть представлено научными объяснительными схемами — теориями и концепциями. Наука ставит своей целью выявление существенных связей (законов), в соответствии с которыми изучаемые объекты могут преобразовываться в процессе человеческой деятельности. Поскольку научное познание подразделяется на теоретическое и эмпирическое, то основным результатом теоретического уровня познания выступает научная теория, результатом эмпирического уровня познания выступает научный факт. И в том и в другом случае новое знание должно быть *обоснованным*, т.е. в целом соответствовать законам, принципам, теориям, имеющимся в рассматриваемой области, или же служить основой для новых теорий и законов. Способы обоснования научных результатов бывают *эмпирическими* (прямое и косвенное подтверждение в опыте), *теоретическими* (общеметодологические приемы анализа, дедукция, системный подход) и *контекстуальными* (опирающимися на традицию, интуицию, веру, здравый смысл). Поскольку одним из классических методологических принципов является *эмпиризм* (признание приоритетной доказательной роли наблюдений и экспериментов), то любые неэмпирические способы обоснования научных выводов (теоретические или контекстуальные) могут иметь только вспомогательное значение.

Чтобы обеспечить понимание и объяснение исследуемых явлений, итоги научной работы подвергаются систематизации. К систематизированному знанию предъявляются особые стандарты качества (фальсификационизм Поппера, оценка научных программ Лакатоса и другие стандарты, ориентированные на методологию отдельных наук).

Роль ученого с точки зрения классического подхода — это роль отстраненного наблюдателя и исследователя, который должен в той или иной степени фиксировать определенные закономерности и трансформировать это знание в теории. Сейчас эта роль видоизменяется, ученые вовлекаются в экспертную и управленческую деятельность. Например, традиционная роль социолога-исследователя может сосуществовать с ролями социолога-политтехнолога, социолога-аналитика и т.д. Соответственно, научные результаты могут смешиваться с результатами прикладной деятельности, не имеющей прямого отношения к науке.

Таким образом, *социология науки* — отрасль социологии, которая занимается изучением социальных аспектов производства научного знания, включая функционирование науки как социального института, специфику научной преемственности,

а также закономерности в развитии научных дисциплин.

Основная литература

Келле В.Ж. Социология науки // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 730—732.

Наука. Научное сообщество. Научно-технический прогресс. Научно-техническая революция // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 20—24.

Тоценко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология науки».

Дополнительная литература

Волков Г.Н. Социология науки. М.: Политиздат, 1968.

Келле В., Винклер Л. Социология науки // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.

Кугель С.А. Социолого-научоведческие исследования в Санкт-Петербурге // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 1996.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Слепцов Н.С. Формирование личности ученого: социальные аспекты. М., 2001.

Социальная динамика современной науки. М., 1995.

Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1999.

А.В. Стрельникова

Социология религии

Социология религии как научная дисциплина свои первые шаги сделала в середине XIX в. Уже О. Контом (1798—1857) была четко выражена мысль, что религия, представляющая собой неотъемлемую часть человеческого общества в период его возникновения, постепенно вытесняется и преодолевается научными знаниями.

Несколько иную точку зрения на религию высказал Г. Спенсер (1820—1903), рассматривая ее как один из регулято-

ров жизни общества в деле поддержания образцов поведения, но менее значимый по сравнению с рынком и политической деятельностью.

Э. Дюркгейм (1858—1917) в работе «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии» (1912) обстоятельно обосновал свой главный тезис — религия как фактор социальной интеграции, выполняющий в обществе некую необходимую для его существования функцию.

К. Маркс (1818—1883) характеризовал религию как важный социальный фактор, обладающий реальными функциями в жизни общества: идеологической, ибо религия оправдывает существующие социальные порядки, и компенсаторной, представляющей собой «сердце бессердечного мира».

Особое место в социологии религии занимает позиция М. Вебера (1864—1920), который считал, что главная функция религии — функция смыслополагания, рационализации человеческой деятельности. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» он доказывает, что протестантизм, проповедующий аскетизм, воздержание, требовательность к себе и окружающим, способствовал рационализации экономической деятельности и воспитанию аскетизма, что идеология протестантизма привела к вершинам успехов предпринимательской деятельности представителей этого религиозного направления. В этой связи напрашивается сравнение и со старообрядческой ветвью православия: по данным А.П. Шихарева (1996), 2% старообрядцев дали 80% представителей купеческого и предпринимательского мира России конца XIX — начала XX в.

В дальнейшем социологические концепции религии развивали Б. Малиновский, А.Р. Рэдклиффмен, Т. Парсонс, Н. Луман, Р. Мертон, а в 1960-е гг. — Р. Белл.

В отечественной философской и социологической мысли видное место принадлежит С.Н. Булгакову, в принципе разделяющему веберовскую точку зрения на роль религии в экономической жизни. В 1920-е гг. науковедческий аспект исследования религии был заменен предвзятым идеологическим подходом, в основе которого лежало рассмотрение религии как пережитка прошлого в сознании и поведении людей, а не как особенной формы общественной и личной культуры.

В советский период религия была вытеснена на периферию общественной

жизни, церкви было запрещено вести какую-либо самостоятельную социальную (и благотворительную) деятельность. Ее научным исследованием занимался сравнительно узкий круг академических ученых: Д.М. Угринович, Л.Н. Митрохин, А.В. Малащенко, А.А. Игнатенко, В.И. Гаралджа, И.Н. Яблоков и др. Сегодня, когда религия оказалась в центре общественного внимания, число исследователей значительно возросло. Исследования 1990—2000-х гг. выявляли специфику функционирования религии в условиях изменившегося общества: укорененность в общественном сознании идей религиозного видения мира, феномен возросшего, а затем затухающего интереса к проблемам религии, противоречивость взаимодействия светской и религиозной культур, неоднозначность и опасность экстремистских и политизированных тенденций в деятельности религиозных движений.

Религия интересует социологию как социальное явление, как важный структурный компонент общества в самых разных его социальных проявлениях и на разных — социальных же — уровнях. Предметом социологического анализа являются *религиозное сознание и поведение, религиозные отношения, религиозные организации и движения в их взаимосвязи как между собой, так и с другими компонентами общества в контексте конкретных социально-экономических реалий.*

Но, исследуя состояние религиозного сознания, социология религии не берет на себя ответственность за вопрос об истинности или ложности тех или иных положений вероучения, религиозных догм (существует ли Бог, загробный мир, божественное провидение, предопределение и т.п.), о степени адекватности отражения религиозным сознанием действительности. *Религиозное сознание изучается социологией как социальный факт*, как одна из реально существующих систем мировоззрения, социальных норм и ценностей в том аспекте, в каком оно высту-

пает регулятором социального поведения личности, группы, больших масс людей.

Религиозный опыт (в трудах многих современных западных социологов часто используется термин «религиозная практика») также изучается социологией не только в отношении его канонического содержания и предназначения, а как структурный элемент конкретной религиозной системы, как одна из форм социального поведения и общения людей, внешнего, эмпирически наблюдаемого и фиксируемого проявления людьми своих взглядов и религиозных убеждений, организующего начала социальной жизни больших и малых человеческих сообществ.

Когда мы говорим о религии как о *социальном институте*, мы имеем в виду, что она предстает как реально существующая подсистема общества, им порожденная и, в свою очередь, оказывающая влияние на его жизнь, на сознание и взаимоотношения людей на разных уровнях — от индивидуального и межличностного до глобального, в масштабах всего человечества. Религиозное сознание, составляющее стержень религии (как религиозная идеология, вероучение, теология, так и массовое религиозное сознание), определяя поведение людей, воздействуя на него, становится социальным фактом и в этом своем качестве (и только в этом) является предметом социологического исследования. Социология религии исследует распространенность религиозного сознания в обществе (религиозность группы, социального слоя, населения и т.п.) и соответственно степень влияния религии на общественные процессы, ее профессиональные варианты, а также и ее внутреннее содержание в таких аспектах, которые позволяют судить о тенденциях и динамике ее развития под влиянием изменений, происходящих в обществе.

Особо следует отметить то, что *религия является специфической формой культуры* со своей системой ценностей, которая в значительной степени коррелиру-

ет с нравственными установками, с общепринятыми нормами и правилами, одновременно распространяя определенные эталоны поведения. Такая трактовка важна для преодоления одностороннего взгляда на религию как выражения идеологических установок.

Религия, как уже отмечалось, социальное явление. Ее возникновение, существование и эволюция детерминированы определенными общественными условиями прошлого и настоящего, а в религиозных представлениях, образах, вероучительных текстах специфическим способом закодированы определенные типы общественных отношений, нормы и правила человеческого общежития. В разных конкретно-исторических условиях эти коды способны актуализироваться по-разному, чем и объясняется тот факт, что весьма различающиеся по своему социальному содержанию и направленности действия людей нередко мотивируются одними и теми же религиозными предписаниями.

Религия не существует в обществе в каком-то изолированном, самодостаточном состоянии. Она тесно включена в общественную структуру, переплетаясь и взаимодействуя с другими сферами и формами жизнедеятельности общества: политикой, экономикой, культурой, правом, моралью, часто проявляясь и функционируя словно на «чужой» территории, оказывая в зависимости от конкретно-исторических условий то большее, то меньшее влияние на эти сферы.

Это воздействие религии на общество и происходящие в нем процессы реализуется через ее *институты* — *культовые учреждения, религиозные организации, объединения верующих, через систему организации религиозного культа, религиозную идеологию и массовое религиозное сознание*. Все эти компоненты структуры религии и их взаимосвязи с другими элементами жизни общества имеют социальные измерения и доступны как те-

оретическому анализу, так и эмпирическому наблюдению, и, как таковые, становятся предметом социологического исследования.

Как и другие отраслевые социологические дисциплины, социология религии исследует свой объект на двух уровнях — теоретическом и эмпирическом.

На *теоретическом уровне* предметом исследования являются религия в целом как социальная подсистема, ее социальная природа, место и роль в обществе, социальные функции, ее внутренняя структура и взаимосвязь составляющих ее элементов, происходящие в ней процессы и изменения.

Теологическая трактовка религии как божественного откровения, которой придерживается и часть конфессионально ангажированных социологов, делает практически бессмысленным и невозможным социологическое изучение религии на теоретическом уровне. Научное же изучение религии начинается с признания ее порождением определенного уровня развития человечества, а также с анализа ее функций. Роль религии для человека проявляется в функциях определения смысла жизни и идентичности. По отношению к социальным группам важны функции социальной интеграции и сакрализации культурных, главным образом этических, ценностей (В.И. Гарраджа, 1996).

На *эмпирическом уровне* предметом исследования становятся религиозное сознание и поведение людей, больших и малых групп, общественное мнение о религии и церкви, деятельность религиозных институтов, организаций и движений, конфессионально ориентированных политических партий, отношение к религии различных групп населения, воздействие религии на поведение людей в различных сферах общественной жизни.

На этом уровне *ключевыми понятиями*, доступными операционализации, выступают религиозность, ее уровень, сте-

пень, характер, динамика, состояние религиозного сознания, религиозное поведение, религиозная группа (община, объединения верующих).

Под *религиозностью* понимается «определенное состояние отдельных людей, их групп и общностей, верующих в сверхъестественное и поклоняющихся ему» (Д.М. Угринович, 1985), их приверженность к религии, принятие ее вероучения и предписаний. Под *уровнем религиозности* принято понимать соотношение респондентов, обладающих признаком религиозности, со всей совокупностью опрошенных. В отличие от уровня религиозности, когда фиксируется только сам факт наличия определяющего признака, понятие *степень религиозности* отмечает интенсивность проявления этого признака (сильная или слабая вера в сверхъестественное, в Бога, постоянное или эпизодическое посещение богослужений и т.п.). Нетрудно заметить, что возможны случаи, когда исследования покажут одинаковый уровень религиозности на разных объектах, но разную степень ее проявления, т.е. глубины религиозного сознания и религиозных переживаний верующих, интенсивности соблюдения ими религиозных предписаний.

Чем характеризуется современная религиозная ситуация в России, каковы ее тенденции, как оценивается влияние религии на процессы общественной жизни населением страны, приводится в табл. 1.

Эти данные показывают, что религиозный бум первых пореформенных лет проходит. Ситуация становится стабильной: приостановился рост числа людей, относящих себя к верующим. В этом плане религиозные организации исчерпали потенциал своего усиления. Разумеется, даже религиозная самоидентификация населения оставляет открытым вопрос о степени, глубине религиозности, предполагающей единство убеждений и поведения. Более того, исследования показывают, что большинство верующих

молятся лишь иногда, исполняют лишь некоторые религиозные обряды, отмечают лишь отдельные религиозные праздники. Причем само содержание веры

у них в значительной мере лишено определенности — нередко религиозные идеи соседствуют с мистикой — верой в магию, колдовство, астрологию и т.д.

Таблица 1. Распространенность религиозных верований среди россиян, % к числу опрошенных

К числу каких людей Вы себя относите	1993	1995	1997	2000	2001
К верующим в Бога	39,0	50,0	35,0	43,0	38,0
Коллеблющимся между верой и неверием	27,0	18,0	28,0	24,0	27,0
К верующим в сверхъестественные силы	11,0	6,0	9,0	4,0	7,0
К безразлично относящимся к вере и неверию	7,0	8,0	15,0	14,0	13,0
К неверующим	14,0	18,0	13,0	15,0	15,0

Источники: Институт социологии РАН.

При анализе *характера религиозности* на первый план выходит качественная характеристика явления: в нем интегрируется информация о качестве религиозности, добавляются такие характеристики, как конфессиональная определенность, особенности, наложенные своеобразием исторического периода, национальной спецификой, социальным контекстом.

В настоящее время в России соотношение религиозного и нерелигиозного населения приняло устойчивый характер и составляет примерно 2 : 1. В конце 1990-х гг. уровень религиозности стабилизировался. Инерция «религиозного ренессанса» исчерпана, и церковь уже приняла тех, кто в силу различных запретов «не шел по дороге к храму». Если разделить верующих по конфессиям, то соотношение групп будет следующим: на каждые 100 граждан России 29 — люди неверующие, 49 считают себя православными, 8 — последователями ислама, 2 — представителями других конфессий, 12 — верят «по-своему» и не считают себя последователями какой-либо конфессии. К этому следует добавить и такой расчет. В то же время число людей, заявляющих

о своей конфессиональной принадлежности, оказывается существенно больше тех, кто относит себя к верующим. Очевидно, что *религиозная самоидентификация осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимися под воздействием данной религии.*

Подобное отношение к собственно религиозной практике свидетельствует о сложности и неоднозначности процесса, который нередко обобщенно называют «религиозным ренессансом». Можно полагать, что в новом столетии вопросы веры и неверия будут решаться не под влиянием моды, а естественным путем и станут делом свободного и осознанного выбора. Это крайне важно для российского общества, где существуют около 60 конфессий, и где многие члены общества — неверующие, а также безразлично относящиеся к религии или неопределившиеся в своих мировоззренческих исканиях (М.П. Мчедлов, 2001).

Весьма своеобразны процессы, характеризующие степень религиозности.

Так, рост числа людей, объявивших себя причастными к православию, мало изменил пропорции включенности в церковную жизнь (табл. 2).

Таблица 2. Как часто Вы посещаете церковные службы, % к числу опрошенных

Регулярность посещений	1991	1993	1994	1995	1996	1997	1998	2002
От одного до нескольких раз в месяц	5	5	7	6	7	5	9	8
От одного до нескольких раз в год	20	35	28	30	17	16	22	18
Реже	—	—	21	—	16	14	11	15
Не посещали	65	45	43	63	60	62	55	59
Число опрошенных	3000	200	300	1700	2400	2400	1700	2100

Примечание: Доля затруднившихся ответить не приводится.

Источник: Общественное мнение — 2002. М.: ВЦИОМ, 2002.

Эти данные позволяют поставить под сомнение существование провозглашенного религиозного ренессанса, а скорее рассматривать его как изменение отношения государства и общества к религии, признание ее роли в поддержании нравственных норм, отказ от притеснения верующих.

Говоря о *качестве религиозности*, отметим, в о - п е р ы х, что под воздействием изменившейся ситуации появляется категория *примкнувших*, обратившихся в религию под влиянием общественной моды, потому, что так было принято. В результате того что слово «верующий» становится все более «нормальным», respectable, а слово «атеист» — неприличным, мы имеем дело с весьма интересным и специфическим явлением: атеизм «очищается» от тех, кто считал себя ранее атеистом скорее всего из конформистских соображений, а вера «замутняется», ибо к ней примыкают отнюдь не только в связи с изменившимся мировоззрением (Д.Е. Фурман, 1995).

В о - в т о р ы х, качество религиозности проявляется в таком специфическом явлении, когда религия понимается не столько в «религиозном» смысле, сколько в социально-утилитарном, как *сред-*

ство поддержания культуры и морали. Высоко оценивая эти черты религиозного учения, многие верующие концентрируют внимание на том, что религия полезна для общества, для поддержания нравственности, что говорит скорее о их приверженности идеям гуманизма, чем о настоящей, искренней и глубокой вере.

В - т р е т ь и х, происходит весьма своеобразный, но реально существующий процесс «индивидуализации» веры, когда люди, придерживаясь веры и искренне разделяя ее основные положения, приспособливают ее к своему личному мировосприятию. В результате одни люди придают большое значение одним актам религии, другие — другим; одни склонны отмечать одни праздники и соблюдать одни ритуалы, а другие выделяют для себя другие даты и придают значение иным ритуалам. Этот процесс отражает оценка важности религии.

При анализе характера религиозности обращается внимание на принадлежность людей к разным конфессиям, ибо в России помимо православия, ислама, буддизма, католицизма, протестантизма и иудаизма существует значительное число и различных религиозных течений. Образовавшийся после краха социалистической

идеологии вакуум заполняется не только ценностями развитых «цивилизованных» религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями, неоязычеством и труднообъяснимыми миссионерскими и изуверскими учениями. Особую тревогу вызывает оголтелая экспансия многочисленных квазирелигиозных образований (культов, нетрадиционных религий, тоталитарных сект): Церковь унификации, Общество сознания Кришны, Церковь сайентологии и др. Применяя изошренную психотехнику, культы губительно влияют на психику людей и их индивидуальное сознание, превращая своих последователей в роботов. Аналогичные группы возникли и на почве православия («Великое белое братство», «Богородичный центр», «группа Виссариона» и др.). Однако в обыденном сознании при помощи средств массовой информации господствуют дилетантские представления о таких новообразованиях, как «Белое братство», «АУМ синрике» и подобные объединения, имеющие криминальный оттенок. И наконец, получили распространение причудливые эклектические образования типа культа НЛО, астрологии, магии, колдовства и т.д.

Наиболее общей характеристикой религиозности исследуемого объекта (от малой группы до общества в целом), в которой в качестве переменных учтены все названные выше характеристики, является понятие *состояние религиозности*. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности в их единстве и устойчивом сочетании в течение определенного периода времени, фиксируемую на момент исследования. Для раскрытия состояния религиозности на исследуемом объекте нужны данные более широкого и глубокого типа, чем результаты опроса (особенно, когда речь идет о состоянии религиозности в стране, крупном этническом регионе и т.д.). Здесь должны быть учтены процессы,

происходящие в массовом религиозном сознании и религиозной идеологии, профессиональная структура населения, направленности, характер и интенсивность деятельности религиозных организаций, объединений верующих, их влияние на окружающую социальную среду. Именно такой подход и позволяет более реально оценить состояние религиозности в России и усомниться в существовании религиозного бума.

К этому понятию близко и понятие *религиозная ситуация*. В социологических публикациях они часто используются как синонимы. Однако между ними имеются и некоторые оттенки. Понятие «религиозная ситуация» фиксирует как явление более конкретное, более локализованное во времени и пространстве, в его содержании несколько большее значение имеет характеристика деятельности религиозных организаций и верующих. Именно исходя из такого подхода современную религиозную ситуацию можно определить как ситуацию неопределенности.

Социология религии не ограничивается изучением религиозного феномена. Отношение людей к религии в обществе неодинаково, оно может меняться в течение жизни, порой даже на весьма коротком ее отрезке, под влиянием окружающей среды, общественной атмосферы, меняющихся жизненных обстоятельств, идеологического воздействия. Поэтому социология религии исследует весь диапазон отношения людей к религии: от религиозности (разных форм и интенсивности) через колебания в вере (неопределенность отношения к религии, индифферентность) до нерелигиозности, атеизма.

Особый интерес представляет *анализ объединений верующих* — религиозных общин, таких специфических социальных групп, как служители культа, слушатели духовных учебных заведений, а также деятельность религиозных организаций и учреждений. В любой религии они

выполняют функцию организующего начала, осуществляют контроль за образом жизни своих членов, обеспечивают пропаганду и распространение вероучения, привлечение новых членов (миссионерство, прозелитизм), организуют не только религиозную, но и социальную жизнь своих последователей. Социологию в этом случае интересуют прежде всего их функции, процесс их изменения и согласования с окружающей реальностью. Предметом изучения в таких исследованиях являются состояние, организация и динамика религиозной жизни, социальные, политические и духовно-нравственные ориентации верующих и духовенства, характер связи общины с внешним миром, светскими властными, социальными и культурными структурами, миром бизнеса. Во многих случаях религиозная община выступает для верующих их непосредственной социальной средой, где они реализуют не только свою причастность к вере, но и социальную активность, культурно-познавательные интересы, удовлетворяют потребность в общении, сопереживании и т.д.

Одной из важных методологических проблем, которые встают перед социологом-религиоведом, является *достоверность информации о религиозности*, получаемой социологическими методами. Или — ставя вопрос шире, в более общем плане — возможно ли вообще познание религиозного феномена без погружения в него, т.е. не будучи человеком верующим, не имея собственного «религиозного опыта»? Со стороны религиозных социологов можно встретить утверждения, что только верующему человеку, исповедующему истину своей религии, доступно и научное ее познание. Однако большинство социологов и в нашей стране и за рубежом отвечают положительно на вопрос о возможности и достоверности познания религии социологическими методами, поскольку исследователь решает вопрос не об ее истинности или лож-

ности религиозного опыта индивида, а принимая ее за социальную данность, изучает степень и характер ее влияния на общественную жизнь, на общественное, групповое и индивидуальное сознание и поведение, видит в ней один из типов социальной ориентации, определенную модель образа жизни.

К этой проблеме примыкает и другая методологическая проблема: *что считать критериями религиозности*. Некоторые социологи (например, последователи французского католического социолога Г. Ле Бра) считают, что, изучая религию, социолог может достоверно наблюдать и фиксировать только факты внешних проявлений религиозности, религиозного поведения, участия в отправлении культа (религиозную практику). Религиозного же сознания он касаться не должен, поскольку рискует оказаться во власти не реальных фактов, а субъективных высказываний.

Но здесь возникает другое, не менее серьезное опасение, что взятые изолированно от сознания индивида и абсолютизированные акты религиозного поведения могут также нарисовать недостоверную картину. Человек может посещать церковь, участвовать в богослужениях, исполнять религиозные обряды и предписания вероучения, не будучи верующим и не испытывая при этом религиозных чувств, а по привычке, в силу принятого в данной среде стереотипа поведения, под давлением ближайшего окружения или по каким-то другим, например карьерным или популистским, соображениям. И тогда из полученных данных нельзя делать никаких других выводов, кроме констатации самих фактов религиозного поведения.

Но и обращение только к сознанию людей, религиозные или нерелигиозные признаки которого могут фиксироваться лишь по их высказываниям, без учета поведения тоже может привести к получению недостаточно достоверной ин-

формации. По каким-то причинам человек может скрывать свою религиозность, подлинные мотивы своего поведения или же, наоборот, представлять себя верующим, приверженцем конкретной конфессии, сам при этом сознавая, что такового не является.

Проведенные исследования свидетельствуют, что сравнение результатов, полученных на разных объектах, анализ их данных на логическую непротиворечивость позволяют утверждать о надежности и достоверности основной массы получаемой информации, о принципиальной доступности религиозного феномена изучению социологическими методами.

Современная религиозная ситуация характеризуется, в о - е р в ы х, тем, что высвободившиеся из-под влияния и произвола все без исключения *религиозные конфессии приступили к восстановлению и широкому использованию прав на подлинное и истинное следование свободе совести*. В о - в т о р ы х, среди населения *возрос интерес к религиозным верованиям*, хотя этот интерес для многих продиктован скорее влиянием моды, чем проникновением в сущность религиозного учения. В - т р е т ь и х, интерес к пробуждающемуся религиозному сознанию идет плечо в плечо с *возрождением народных обычаев, традиций, празднований и ритуалов*. И н а к о н е ц, развитие современного религиозного сознания сопровождается *оживлением мистических верований, оккультизма и других явлений, граничащих с шарлатанством*. В этом смысле общество повторяет уже знакомые в истории периоды Смутного времени, когда различные виды мистики выходили на историческую арену.

Наблюдение за судьбами религии в современной России, странах СНГ и Восточной Европы позволяет внести определенные коррективы в сложившиеся представления об этом процессе. Прежде всего, жизнь показала, что он не носит прямолинейного, необратимого, од-

нозначно поступательного характера. В зависимости от конкретных общественно-исторических обстоятельств возможно его замедление и даже регрессивное развитие, сопровождающееся усилением влияния религии в обществе, ростом ее общественного престижа и религиозных настроений, сакрализацией прежде высвободившихся или почти свободных от религиозных санкций сфер общественной жизни, проявлениями клерикализма.

Но новые явления в современной религиозной ситуации не отменяют, а, наоборот, обостряют проблему консолидации общества на платформе его обновления, что предполагает сотрудничество и единство верующих и неверующих, нормальные государственно-церковные отношения. В этих целях восстанавливаются гуманистические принципы отношения к религии и церкви, определяемые интересами укрепления единства всего народа. В частности, стали реальностью участие церкви в общественных процессах, ее позитивный вклад в отстаивание дела мира.

На первый план в социологии религии выходят сегодня три круга вопросов. Один касается отношения к религии, понимания ее роли в истории и современном мире, т.е. *религиоведческая проблематика, научное объяснение религиозного феномена*; второй — *мировоззренческой проблематики* — этики, культуры, философского учения о человеке. Третий — это широкий спектр *нравственно-правовых проблем*, центральное место среди которых занимает диалог атеистов и верующих, использование их совместных усилий в деле сохранения и приумножения культурных ценностей.

Основная литература

- Гараджа В.И.* Социология религии. М., 2004.
Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология религии».
Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.

Дополнительная литература

Митрохин Л.Н. Религия и культура. М., 2000.
Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб., 2002.

Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1989.

Ж.Т. Тощенко

Социология средств массовой информации

СМИ (массмедиа) — институционально-технические комплексы, обеспечивающие быструю передачу и массовое тиражирование словесной, образной и музыкальной информации на численно большие и пространственно рассредоточенные аудитории. Данные средства характеризуются массовостью охвата аудитории от 1000 чел., не менее чем годовой периодичностью и так называемой принудительностью, предполагающей наличие одного источника сигнала, коим может являться вещатель или редакция, воздействующего на аудиторное множество. Кроме того, СМИ можно трактовать как совокупность печатных, телерадиовещательных и цифровых объектов журналистской деятельности. К печатным относятся газеты, журналы, альманахи, сборники, бюллетени; к телерадиовещательным — радио, телевидение, кино- и видео-программы; к цифровым относятся все электронные издания с аудиторией от 1000 чел. и выше, а также SMS и MMS рассылки.

СМИ, выступая продуктом социокультурного развития и не являясь самоорганизующимся объектом, существуют благодаря другим сферам жизни общества (социальной, политической, экономической, культурной и др.).

Социология СМИ — отрасль социологического знания, изучающая массмедиа как социокультурный феномен. В рамках социологии СМИ рассматриваются различные аспекты функционирования производства, распространения, получения сообщений массмедиа. Основные направления исследований в этой области

концентрируют внимание на административных, идеологических и культурных аспектах воздействия средств массовой информации на общество, базируясь на эмпирических исследованиях, сбор и анализ которых является базовой составляющей изучения массмедиа. В рамках данного подхода можно определить несколько стратегий изучения СМИ. Специалисты, руководствующиеся методологией М. Вебера, анализируют и выстраивают систему значения рациональной составляющей в культурной деятельности, акцентируя внимание на вопросах организации работы средств массовой информации, их включенности в социальную сферу, встроенности в социальный организм.

Последователи Э. Дюркгейма заняты исследованием общественного восприятия содержания массмедиа, анализируя методы формирования коллективных представлений (проблема манипулирования общественным мнением) и рассматривая возможность объединения людей посредством медиа (интегрирующая функция).

Сторонники марксистского подхода изучают символические значения текстов массмедиа, рассматривая последние через призму взаимоотношений базиса и надстройки, при этом СМИ относятся к надстройке. В соответствии с неомарксистскими традициями Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно), концепцией А. Грамши, работой Бирмингемского центра «культурных исследований» (С. Холл, Р. Уильямс) повышается внимание, уделяемое массмедиа при формировании и развитии культуры. Средства массовой

информации рассматриваются не только как инструмент власти для пропаганды доминирующей идеологии, но и как неотъемлемый элемент культуры.

Теоретические исследования в социологии СМИ представляют собой попытку создания моделей, которые бы описывали закономерности функционирования и прогнозировали перспективы развития массмедиа. Это концепции информационного общества и в частности теория «глобальной деревни» (М. Маклюэн).

Для изучения массмедиа социология СМИ использует различные эмпирические методы: мониторинг, контент-анализ, рейтинговые методики, замеры эффективности информационного воздействия. В настоящее время основными потребителями исследовательской информации в этой области являются специалисты по рекламе и маркетингу. К рейтинговым показателям относятся Share (процент аудитории, привлеченной массмедиа в течение определенного времени) и Reach (количественный показатель, отражающий размер аудитории за определенный отрезок времени). Кроме того, широко используются другие показатели, характеризующие медиа: охваты (общий размер потенциальной аудитории) и частоты (возможность повторных контактов с медиа).

При замерах эффективности информационного воздействия, осуществляемого средствами массовой информации, используются следующие индикаторы: Recognition (процент аудитории, признающий факт получения информации), Attribution (процент аудитории, способной припомнить содержание информации) и Liking (доля лояльной аудитории).

Отдельным направлением исследований в области социологии СМИ является изучение группы профессионалов, занятых в массмедиа. Однако наиболее актуальными остаются аудиторные исследования, базирующиеся на серьезных теоретических концептах.

Сущность влияния СМИ на человека, как правило, описывается посредством противопоставления живого повседневного опыта и того, как он представлен в СМИ. В этом смысле СМИ понимаются как *канал передачи знаков и символов*. Именно эта мысль сформулирована известным теоретиком медиа М. Маклюэном (1911–1980) в его знаменитом высказывании: «средство коммуникации есть сообщение». СМИ в своей деятельности естественно склоняются к стиранию грани между описываемой ими реальностью и реальностью, данной людям в их непосредственных ощущениях. С этим связано развитие СМИ, которое сводится к все более точному соизмерению используемых в них представлениях об окружающем мире и жизни человека. Реакции человека на окружающий мир отсрочены от непосредственного момента получения информации, они не осуществляются немедленно и связаны с восприятием опыта в определенной языковой форме. Поэтому СМИ развиваются в основном в качестве «внешнего расширения человека» (М. Маклюэн) и приобретают влияние в индустриальных обществах, в которых значительные фрагменты информации не связаны с непосредственной деятельностью. Это неминуемо ведет к сужению вариативности интерпретации происходящего. Таким образом, на сегодняшний день СМИ создают, конструируют реальность, а не столько освещают ее.

Ключевая особенность аудитории заключается в том, что она социально неоднородна, но в то же время представители разных социально-демографических групп могут идентифицировать себя в качестве потребителя конкретной информации одного конкретного СМИ. Можно считать доказанной вариативность восприятия информации СМИ и прямую связь такой вариативности с отношением к СМИ как таковому, а не столько к той информации, которую они транс-

лируют. Эта вариативность связана со спецификой различных социальных групп, составляющих аудиторию СМИ. Поэтому тенденции заключаются в продолжающейся сегментации СМИ в соответствии с фактическим разнообразием потребителей информации, их интересами и потребностями.

Важной сущностной характеристикой материалов СМИ выступает *новостной статус передаваемой информации*, который является частью механизма придания смысла сообщениям и одновременно связан с процессом культурного воспроизводства. Важно также отметить, что СМИ не только поставляют информацию, но и структурируют уже имеющуюся. Именно поэтому они могут выступать самостоятельным источником формирования специфических «картин мира», установок и стереотипов или так называемых СМИ-представлений.

Еще одно направление в социологии СМИ — *исследование творцов информации, коллективов редакций журналов, газет, тематических редакций радио, телевидения и, в последнее время, Интернета*. Некоторые ученые рассматривают СМИ в контексте способов развития социальной коммуникации, истоки которой усматриваются в способах репрезентации массовой религиозной культуры в Средние века. Однако экстенсивный характер развития СМИ в процессе индустриализации и формирования национальных государств привел к появлению массовых аудиторий. Особое влияние на развитие СМИ оказала идеология Просвещения и, в частности, идеи общественного договора, прямо направленные на придание «публичности» политическим, социальным и экономическим отношениям. С развитием национальных государств СМИ становятся посредником в процессе перехода от индивидуального и частного к общественному и публичному. С этой идеологией связано и понимание СМИ как независи-

мых инстанций, деятельность которых подчинена демократическому принципу свободы слова. СМИ выступают реальными и влиятельными источниками формирования общественного мнения. Нередко СМИ понимаются как обязательное условие возникновения и развития гражданского общества. Известный современный социолог Э. Гидденс считает, что СМИ становятся «средствами доступа» к знаниям, от которых зависит жизнь общества.

СМИ в современных обществах выполняют ряд *функций*. Важнейшие из них: 1) информационная; 2) образовательная; 3) воспитательная; 4) социально-политическая (формирование идентичности, картин мира и пр.); 5) экономическая (СМИ могут влиять на спрос и предложение); 6) развлекательная. Различие формирования и социально-политической и экономической функций часто сводится в конечном счете к различию между представлениями об аудитории СМИ как о субъекте или только объекте воздействия СМИ в ходе коммуникации.

В современной социологии СМИ исследуются в рамках отдельных видов (каналов): 1) телевидение; 2) радио; 3) печать (газеты, журналы); 4) Интернет; 5) out-of-home (СМИ, с которыми можно столкнуться только вне дома: наружная реклама, информация, размещенная в общественных местах, на транспорте, перед кинопоказами и т.п.).

В то же время развитие современных СМИ тяготеет к визуальным и звуковым формам репрезентации, что связано, в первую очередь, с развитием в последние годы телевидения. Доминирование знания в форме образов свидетельствует о значительной мифологизации «общественного сознания».

При всем разнообразии подходов к анализу СМИ до сих пор актуален и значим принцип, сформулированный Г. Ласвелом: «кто сказал — что сказал — каким образом — кому — с каким эффектом».

В настоящее время существование СМИ неотделимо от социальных позиций вовлеченных в их производство профессиональных сообществ. Давление коммерческих механизмов организации СМИ над всеми другими, в результате которого СМИ не могут защитить общество «от себя самого», ведут к их превращению в инструмент манипуляции и гипертрофии развлекательной функции, выступают предметом критики леворадикальных и одновременно консервативных идеологов. Целенаправленная попытка найти универсальную форму выражения СМИ как субъекта рыночных отношений неизбежно ведет к популизму и поверхностности, а в итоге — к снижению качества «культурного продукта». Фактически полностью оказались вытеснены из печатных СМИ и с теле- и радиовещательных каналов образовательные материалы, голос обычного человека не может быть услышан. Он лишен реального доступа к выражению своего мнения. Явлениям этого рода предшествует динамика властных отношений и социальная поляризация. Только соразмерное выполнение СМИ всех функций, которое достигается через осознание ответственности создателями СМИ (которые в действительности являются частью

«господствующего класса») перед своей аудиторией, служит залогом их позитивного вклада в общественное развитие.

Основная литература

Ладодо И.В. Средства массовой информации // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 580—581.

Система СМИ России / Под ред. Я. Засурского. М., 2001.

Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Казань, 2000.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 723—725, 749—750.

Дополнительная литература

Засурский Я.Н. Информационное общество и средства массовой информации. М., 1999.

Зиновьев А.А. Массмедиа // Запад. Феномен западнизма. М., 1995.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.

Герин В.П. Массовая коммуникация. Социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта Запада. М., 1999.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

Эко У. О прессе // Пять эссе на темы этики. СПб., 1998.

Giddens A. Modernity and Self-Identity. Oxford: Polity Press, 1991.

Stevenson N. Understanding Media Cultures. Social Theory and Mass Communication. Sage Publications, 1995.

*Ж.Т. Тощенко,
М.С. Цапко*

Социология литературы

Понятие литературы, соотносящееся с современной ее трактовкой в качестве социального института, формируется в середине XVIII — начале XIX в. с появлением особых социальных групп — групп интеллектуалов и оформлением рыночных и властных отношений в сфере воспроизводства (трансляции) культуры. Что касается собственно социологии литературы, то она выделилась в самостоятельное направление в конце XIX — начале

XX в., анализирующее ее взаимоотношение с обществом, производство и потребление в этой области культуры.

Отражающий и формирующий подходы социологии искусства трактуют литературу как отражение социальной реальности, средство контроля и управления общественным сознанием.

Марксистская традиция изучения литературных образцов как источников варьируется от строгого редукционизма,

видящего в произведении отражение групповых позиций (интересов) групп (классов) общества (В.М. Фриче), до представления литературы в виде концентрации идеологизированных систем отражения социальной реальности (Д. Лукач, Л. Ловенталь).

Анализ текста первоначально видел в литературе обобщение, типические примеры — образа или уклада жизни, поведения, стратегий действия, социальных ролей. Попытки анализа текста вне контекста создания произведения посредством применения количественных методов (П. Лазарсфельд) сменились в 1950-е гг. анализом литературных образцов как сложно конструированных символических форм социального взаимодействия. В фокусе внимания оказывается социализационная роль литературы, обеспечение интеграции личности посредством литературных образцов, знакомства с устройством общества и его ценностно-нормативной системой.

Анализ массовой культуры и массового общества (Т. Адорно, М. Хоркхаймер) обозначили отдельное направление в изучении социальности литературы (Л. Ловенталь).

Социологическое исследование производства и потребления литературы охватывает феномен авторства, писательство как профессию, а также посредников — фигуры критиков, издателей, способы распространения литературы, библиотечную систему. Особое место занимает изучение предпочтений, вкусов и их формирование, дифференциацию читательской аудитории. Г. Беккер, утверждая, что любое социальное действие — результат коллективной деятельности, для комплексного изучения процесса создания произведения искусства (создания ценности произведения искусства) вводит понятие «артистического мира»,

включающего широкий «коллектив авторов» произведения искусства. П. Бурдьё рассматривает литературу как обладающее собственными внутренними законами автономное поле, занимающее подчиненную позицию по отношению к полю власти, несводимое к набору агентов, но характеризующееся отношениями между ними.

Наиболее глубокие и обстоятельные исследования начиная с 1960-х гг., проводились исследовательским коллективом Российской государственной библиотеки (бывшая Библиотека им. В.И. Ленина). Этим исследовательским центром изучались различные аспекты чтения. На этих материалах были выпущены книги «Читательская активность и система книжных запросов сельских жителей», «Место художественной литературы в чтении городского жителя», «Книга и чтение в жизни современной молодежи», «Чтение библиотечкаря в зеркале социологии» и др.

В настоящее время *социология литературы* трактуется как *процесс исследования чтения, включающего публику, критика как «профессионального читателя», автора как интерпретатора прочитанных текстов, и проблему идентичности текста* (Л. Гудков, Б. Дубин).

Основная литература

Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГУ, 1998.

club.fom.ru/132/179/165/Library.html
ru.wikipedia.org/wiki

Дополнительная литература

Бурдьё П. Поле литературы. Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22—87.

Becker, Howard S. (1982). Art Worlds. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Literature and Mass Culture. Communication in Society, Volume 1. Leo Lowenthal, published by Transaction Books, 1984.

А.М. Лозинская

Социология искусства

Искусство — социальный феномен, изучение которого развивается в трех направлениях: социологии художественного производства (социология художественного труда), социологии потребления в художественной сфере и содержательного анализа произведений искусства с использованием социологических методов. Специфика социологии искусства как отрасли социологического знания обусловлена множественностью трактовки понятия «искусство», перманентной трансформацией объекта и, как следствием, необходимостью изучения представлений о том, что в данном обществе в обозначенный момент времени признается искусством.

Началами социологии искусства принято считать работы Макса Вебера (1864—1920) по социологии музыки, в которых анализ обращен к категории рациональности. Исследователи отмечают, что терминология, используемая Вебером в «Рациональных и социологических основаниях музыки», отличается от общепринятой, и даже характеризуют ее как создание отдельной дисциплины, специфику которой образуют как социологические основания, так и искусствоведческий контекст предмета.

Преимники М. Вебера в данной отрасли социологического знания — теории Франкфуртской школы. В «Социологии музыки» Т. Адорно (1903—1969) уточняет задачи дисциплины как «*познание отношений между слушателями музыки как обобществленными индивидами и самой музыкой*», создает типологию слушателя, качественную зарисовку, не основанную на эмпирических исследованиях. В совместной работе «Диалектика просвещения» М. Хоркхаймер и Т. Адорно преобразуют веберовскую «рациональность» в «просвещение», трактуемое широко, вне исторического контекста. Адорно противопоставляет «истинной музыке»,

представляющей природно-человеческое начало, «неистинную», «идеологическую», обуржуазивание музыки, связанное с рационализацией. Цели рационализации — господство над внутренней и внешней природой для преодоления страха отчужденного от природы человека.

Практически сложившаяся отечественная традиция разделяет направления *теоретической* и *эмпирической (конкретной, практической)* социологий искусства.

Опыты функционировавшей в 1920-е гг. социологической секции Института археологии и искусствознания, входившего в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) под руководством В.М. Фриче, представляли собой реализацию редуционистских идей марксизма. Социальные условия и идеологии сопоставлялись со стилистической спецификой художников определенного времени. История советской традиции социологического изучения искусства прерывается после закрытия в начале 1930-х гг. научных организаций РАНИОН и возобновляется в 1950 г. исследованиями Ю. Шарова, направленными на изучение «художественного кругозора школьников». Социологический анализ функционирования художественного произведения требует соотнесения его с публичной (аудиторией) (Ю.Н. Давыдов), которое включает в себя процесс создания, распространения и освоения искусства (Ю.У. Фохт-Бабушкин). «Конкретная социология искусства», изучающая художественные произведения в ситуациях производства (творчества) и потребления (восприятия), обоснована в работах А.Л. Вахеметса, С.Н. Плотникова.

На современную социологию искусства существенное влияние оказали работы П. Бурдьё. По отношению к власти поле искусства, как и любое другое, за-

нимает позицию подчинения. Бурдье выделяет три уровня социальной действительности для анализа: 1) анализ позиции искусства внутри поля власти; 2) анализ внутренней структуры поля — «анализ структуры отношений между позициями индивидумов или институтов, соперничающих за артистическую легитимность»; 3) анализ формирования габитусов агентами, занимающими те или иные позиции. В пределах культурного производства перманентно идет борьба между гетерономным и автономным принципами иерархизации, демонстрирующая степень автономности поля и существа. По этому принципу различаются субполя «ограниченного (элитарного) производства» и «широкого (массового производства)» искусства, которые выступают формой борьбы «за монополию на легитимный способ культурного производства». Границы потребления искусства не отличаются жесткостью, а, напротив, предполагают сосуществование множества образцов, борющихся за свое утверждение в жизни, легитимацию. П. Бурдье вводит понятия «позиций», «диспозиций» и «манифестаций», представляя поле искусства сетью объективных отношений между позициями, а манифестации определяет как «занимания» позиций — особые типы высказывания, каковыми могут выступать произведения искусства либо артикулированное обсуждение ситуации по поводу их создания и права на жизнь. Объектом социологии искусства, в понимании Бурдье, становится отношение между структурами объективных отношений между: 1) «позициями в поле производства» и производителями, их занимающими, и 2) манифестациями в пространстве произведений.

Среди современных подходов к изучению искусства как социального феномена выделяются позитивистская, понимающая (интерпретативная), критическая и постмодернистская парадигмы (классификация М. Горностаевой). В *позитив-*

вистской парадигме искусство представляется в качестве набора переменных, «каузально взаимосвязанных», цель исследователя — поиск законов человеческого поведения. *Понимающая, или интерпретативная, социология* ставит задачу исследования субъективных смыслов. *Критическая социология* фокусирует внимание на классовой борьбе и контроле элит над массами, в которой искусство также выступает формой социального контроля. *Постмодернистский* проект направлен на восприятие и потребление произведений искусства.

Основная литература

Давыдов Ю.Н. Социология искусства // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 526—527.

Кукрак О.Н. Искусство // Социология. Энциклопедия. Минск. 2003. С. 397—400.

Толстых В.И. Искусство // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 160—162.

Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей. (Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология. СПб., 2001.

Дополнительная литература

Адорно Т. Избранное: Социология музыки. М.; СПб., 1998.

Бурдье П. Структуры, habitus, практики // Современная социологическая теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

Введение в социологию искусства / Е.В. Дуков, В.С. Жидков, Ю.В. Осокин и др.; М-во культуры Рос. Федерации; Рос. акад. наук; Гос. ин-т искусствознания. СПб., 255.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

Горностаева М.В. Искусство как социологическое явление: (Некоторые современные концепции в западной социологии искусства) // Соисс. 2004. № 4. С. 84—90.

Давыдов Ю.Н. Искусство как социологический феномен. К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М., 1968.

Плотников С.Н. Социология искусства. М., 1979.

Художественная жизнь современного общества. Т. 1. Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб., 1996.

Цукерман В.С. Музыка и слушатель. М., 1972.

Социология литературы и искусства /club. fom.ru/132/179/165/Library.html

Социология управления

Социология управления — специальная социологическая теория, анализирующая механизм осуществления изменений, в одинаковой мере актуальный для всех специальных и отраслевых направлений социологической науки. Механизм регулирования имманентно присущ всем без исключения областям человеческой деятельности, обеспечивает выработку и применение способов, методов и форм осуществления намеченных изменений.

Долгое время проблемы управления разрабатывались другими научными дисциплинами. И только когда социальные проблемы стали чрезвычайно актуальными, неотложными, что стало возможным в начале XX в., объективно потребовалось подключение социологии к обоснованию управленческих решений. Именно это вызвало к жизни многочисленные эксперименты, апробацию новых форм управления, учитывающих социальные факторы, ценностные ориентации и установки, симпатии и антипатии, возможность рационально организовать жизнь людей. Приход социологии в науку управления знаменовал собой поиск глубинных ресурсов, резервов второго и третьего порядка, многие из которых напрямую зависят от общественного сознания и поведения людей.

Это было обусловлено тем, что настоятельно встал вопрос о преодолении, с одной стороны, идеологизации управленческих функций, с другой — технократизма в управлении. Это в равной степени относится и к управлению экономикой, и к управлению социальной, политической, духовной жизнью. Сама реальность потребовала «очеловечивания» управления.

Научное управление обществом представляет процесс приведения субъективной деятельности людей в соответствие с объективными потребностями общественного развития (В.Г. Афанасьев, 1967). Но это согласование, достижение единства осуществляется не автоматически и не стихийно. Органы управления только в том случае добиваются намеченных целей, если постоянно сопоставляют и оценивают свои усилия и полученные результаты.

Проблемы социологии управления начали особенно интенсивно разрабатываться в начале XX в. и обычно связываются (особенно на начальной стадии) с именами Ф. Тейлора, Г. Форда, А. Файоля, Г. Эмерсона, Г. Черча и других исследователей и организаторов производства, которые наряду с решением технико-экономических проблем обстоятельно анализировали и некоторые социальные аспекты управления. Этот поиск нашел отражение и дальнейшее развитие в работах философов, юристов, экономистов и стал основой для исследовательских работ социологов.

Современная общественно-политическая реальность требует новых форм и методов управления, что в первую очередь связано с избавлением от изживших себя методов руководства, от формализма, догматизма, слепого копирования чужого опыта. Старым багажом, отжившими представлениями не обойтись. Новые формы управления апробируются на практике, в жизни и только в этом случае могут претендовать на существование. Управление может преследовать различные *стратегические цели*. Например, *концепция догоняющего развития* сводится в основном к повторению и копированию уже накопленного опыта, но в других, непохожих социально-экономи-

ческих условиях. Слепое повторение, как это было сделано в России в 1990-е гг., обеднило и торпедировало многие назревшие реформы, так как они осуществлялись исходя из чужих возможностей и иных резервов. Если же ориентироваться на концепцию «догонять, опережая», то усилия концентрируются на реализации перспективных целей на базе освоенных новейших технологий, информационного обеспечения и национальных традиций, как это было сделано в молодых государствах Азиатско-Тихоокеанского региона и в известной мере в Турции, Португалии, Финляндии. Есть еще стратегия «лазерного луча», используемая в Японии, когда, избрав определенные, ведущие сегменты рынка, страна сконцентрировала силы на соответствующих технологических цепочках, достигая максимума эффекта в сжатые сроки.

С учетом многообразия и сложности такого явления, как управление, в отечественной научной литературе существует несколько вариантов его анализа.

Исторически первым в современной отечественной науке был анализ, осуществленный в 1960—1980-е гг. академиком В.Г. Афанасьевым, который, опираясь на наследие А.А. Богданова, предложил рассматривать управление через его функции: выработка и принятие решения, планирование, организация, регулирование, учет и контроль, которые в совокупности образуют управленческий цикл.

Другую группу работ об управлении представляют исследования и анализ организационной деятельности руководителя и его взаимоотношений с подчиненными (В.С. Дудченко, Вал. Н. Иванов, Ю.Д. Красовский, О.М. Омаров, А.И. Пригожин, А.В. Филиппов, В.В. Щербина и др.).

Третьей группе присущ функциональный подход, согласно которому внимание сосредоточивается на регулировании социально-экономических, социально-политических и социально-психологических процессов (Ю.П. Амелин, О.А. Дей-

неко, П.Н. Лебедев, Ю.М. Козлов, Г.Х. Попов, В.М. Шепель и др.).

Еще одна группа работ посвящена анализу зарубежного и исторического опыта управления (Д.М. Гвишиани, Ю.П. Васильев, Э.Д. Вильховченко, А.И. Кравченко, В.И. Терешенко и др.).

Значительный интерес представляют работы советских руководителей крупнейших заводов (Ф.Ф. Аунапу, И.И. Пронин, В.С. Пономарев, В.С. Соловьева, Е.В. Таранов), в которых они обобщали опыт решения социальных проблем на руководимых ими производствах.

Вместе с тем в управленческих концепциях как отечественных, так и зарубежных ученых постепенно начинает довлеть поведенческий подход (сознание плюс деятельность) при учете требований окружающей среды.

Здесь уместно высказать суждения о различии понятий «управление» и «менеджмент». Менеджмент олицетворяет способы и методы познания и регулирования экономических и социальных процессов в организациях. Он подобен поваренной книге, которая содержит массу полезных советов и рекомендаций, хотя их реализация всегда будет отличаться друг от друга, как и борщ, сваренный по одному рецепту, но разными хозяйками. Преимущество менеджмента неоспоримо: его изучение, внедрение и применение — необходимый способ формирования управленческого мышления.

Что касается управления, то это целесообразная человеческая деятельность, предполагающая решение кардинальных теоретических, методологических и методических проблем: определение объекта и субъекта управления, функций и принципов, стадий (этапов) управления, его алгоритма, учет прошлого опыта и прогнозирование будущего. Поэтому вполне уместно говорить об управлении ресурсами — людскими, финансовыми, инновационными, экономическими, культурными и т.д., где вряд ли уместно сло-

во «менеджмент» (Л.В. Фаткин, 2002, В.В. Щербина, 1993).

Анализ генезиса идей управления позволяет сделать вывод, что **основными проблемами социологии управления** являются: 1) проблема социального положения человека в процессе управления; 2) проблема управления человеком, опираясь на резервы и возможности, заложенные в его сознании и поведении; 3) проблема участия человека, его сопричастности к управленческим функциям; 4) проблема механизма воздействия на людей, т.е. тех методов и средств, которые адекватны объективным и субъективным потребностям; 5) проблема последовательности операций, которые необходимо осуществить, чтобы добиться эффективного достижения поставленных целей. Причем все эти компоненты социологии управления строятся на основе информации, идущей от людей (рядовых работников, специалистов, менеджеров, руководителей), т.е. на знании основных характеристик общественного сознания и поведения.

Такой подход к трактовке социологии управления позволяет отличать ее, с одной стороны, от социального управления, которое концентрирует свое внимание на общих закономерностях, тенденциях, системности управляющих функций, его взаимообусловленности и связи с внешней средой, его особенностях в различных обществах, с другой — от социального менеджмента, основной заботой которого является приобретение навыков и умений по решению типовых конкретных задач, возникающих в процессе целенаправленного руководства в конкретных организациях.

В современный период все более перспективным становится анализ управления — через его алгоритм, последовательно осуществляемые стадии, которые включают *предвидение, прогнозирование, проектирование, программирование, планирование, реализацию социальных технологий, социального эксперимента, социологии организаций*.

Основная литература

- Красовский Ю.Д.* Управление поведением в фирме. М., 1997.
Тихонов А.В. Социология управления. М., 2007.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 512—514.

Дополнительная литература

- Аверин Ю.П.* Люди управляют людьми: модель социологического анализа. М., 1996.
Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: Опыт системного анализа. М., 1973.
Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М., 1989.
Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1972.
Кравченко А.И. Классики социологии менеджмента: Ф. Тейлор, А. Гастев. СПб., 1998.
Основы современного социального управления: Теория и методология. Учеб. пособие. М., 2000.
Романов П.В. Социологические интерпретации менеджмента: искусство управления, контроля и организации в современном обществе. Саратов, 2000.
Социология управления / Под ред. В.Э. Бойкова. М., 2008.
Социальное управление. Словарь-справочник. М., 1994.
Удальцова М.В. Социология управления. М., Новосибирск, 2001.
Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М., 1993.

Ж.Т. Тощенко

Социальное предвидение

Социальное предвидение было присуще человечеству на всех этапах его существования, начиная с момента появления на исторической арене. На первых порах оно развивалось в формах, которые отражали донаучный опыт и мето-

ды предугадывания будущего и которые существуют и поныне в виде: 1) обыденных представлений, основанных на основе обобщения жизненного опыта (приметы, например) и 2) псевдопредвидения (ясновидения, озарения, прорицания,

пророчества). Именно эти формы предвидения эксплуатируют астрология, мистика, эзотерика, шарлатанство и кликушество, опирающиеся в первую очередь на произвольные домыслы, так и не гнушающиеся данных науки.

Элементы научного предвидения получили свое развитие еще в Древнем мире (например, предсказание Фалесом солнечного затмения в 585 г. до н.э.). По мере обогащения знания все чаще и чаще предсказывались (и сбывались) события или явления, которые неминуемо должны были состояться.

В полном объеме научные основы предвидения сложились только в XX в. Именно в этом веке футурологи заявили о себе. Термин «футурология» предложил в 1943 г. немецкий социолог О. Флехтхейм в качестве названия некоей надклассовой «философии будущего», которую он противопоставлял идеологии и утопии. В начале 1960-х гг. этот термин получил распространение в смысле «истории будущего», «науки о будущем», призванной монополизировать предсказательные функции существующих научных дисциплин.

Исследование проблем будущего развивалось по нескольким направлениям. В 1960-х гг. преобладали *технологические теории*, сводившие социальный прогресс общества только к росту уровня технико-экономического развития и возможность его модернизации (З. Бжезинский, Г. Кан, Р. Арон, Б. де Жувенель, Ж. Фурастье). Другое направление было связано с доказательством необходимости *конвергенции капитализма с социализмом*, созданием и укреплением постиндустриального общества (Д. Белл, А. Тоффлер (США), Ф. Бааде (ФРГ), Р. Юнгк (Австрия), Ф. Полак (Нидерланды), Ю. Гальтунг (Норвегия)). И наконец еще одно направление придерживалось *тезиса о неизбежности катастрофы «западной цивилизации»* перед лицом научно-технической революции (А. Уоскоу (США) и др.).

В начале 1970-х гг. на передний план выдвинулось течение, которое выступило с *концепцией неизбежности «глобальной катастрофы»* при существующих тенденциях развития общества. Ведущее влияние в этом течении приобрел Римский клуб, по инициативе которого развернулось «глобальное моделирование» перспектив развития человечества. Участники этих исследований и другие футурологи разделились на два основных направления: одни из них развивают идеи социального пессимизма (Дж. Форрестер, Д. Медоус, Р. Хейлбронер), другие пытаются доказать возможность избежать катастрофы с помощью «оптимизации» развития человечества (А. Тоффлер, М. Месарович, Э. Ласло (США), И. Кайя (Япония), Г. Линнеман (Нидерланды), А. Эррера (Аргентина) и др.).

В отечественной философии и социологии наиболее существенный вклад в разработку проблем предвидения внесли Э.А. Араб-Оглы, И.В. Бестужев-Лада, А.М. Гендин, В.В. Косолапов, В.А. Лисичкин и др.

В современной научной литературе предвидение в большинстве случаев трактуется в двух смыслах: 1) как предсказание тех или иных событий, 2) как предпочтительное знание о событиях и явлениях, которые существуют, но не зафиксированы в опыте.

Это противоречие, когда явление или событие существует (или возможно его существование), но не отражено в опыте, порождает до- и ненаучные формы предвидения, основанные на подсознании (интуиции), на жизненных наблюдениях и возможных вариантах поворота человеческих судеб. Псевдопредвидение проявляет себя в пророчествах, пророчествах, откровениях, гаданиях, когда его носители пытаются претендовать на такие формы опереженного познания, которые неизвестны науке, но присущи отдельным индивидам в силу особенностей их индивидуального сознания. Так, аст-

рология стремится своеобразно трактовать опыт, обращая внимание на фиксацию повторяющихся событий в физическом пространстве (при определенном расположении светил). Но так как знаки зодиака, светила, помноженные на многообразие человеческих судеб, дают такое количество вариантов развития событий, что сосуществование научного и ненаучного объяснения становится не только возможным, но и успешно конкурирующим.

Социальное предвидение имеет несколько форм конкретизации. Прежде всего надо отметить *предчувствие* (простое предвосхищение), которое может выступать как психофизиологическое или биологическое явление, практически присущее всему живому организму, и как социальное явление, которое находит воплощение и отражение в жизни многих людей и связано обычно с ожиданием вероятностных событий. Более высокой формой является *предугадывание* (сложное предвосхищение), которое присуще только человеку и выступает как вид его интеллектуальной деятельности, как размышление о будущем на основе личного опыта. Это проявляется в понимании или представлении о будущности своей личной судьбы, своей профессии, своего ближайшего окружения и контактной среды (микросреды). Следующим уровнем является *конкретное научное предвидение* как логический вывод из закономерностей развития определенного природного или общественного явления, когда известны причины его зарождения и функционирования и ход развития представляется в виде определенного алгоритма. Иногда конкретное научное предвидение обретает вид предсказания, когда оно локализовано во времени и пространстве. Высшей формой научного социального предвидения является *определение совокупности будущих изменений*, которые ожидаются

в рамках всего общества, касаются всего человечества или его крупных страт (И.В. Бестужев-Лада, 1995).

Подводя итог сказанному, *социальное предвидение* можно определить как *одну из важнейших форм опережающего отражения действительности*, направленную на определение возможного состояния общественных процессов, относящегося к будущему и обладающего значительной степенью неопределенности, но поддающегося выявлению, познанию и применению в теории и практике управления.

Важнейшая функция научного предвидения состоит в том, чтобы дать информацию о степени неопределенности различных не- или малоуправляемых параметров, влияющих на развитие социальных процессов. В этой связи имеет смысл остановиться на *классификации неопределенностей*. Неопределенности, т.е. неполное и неточное представление о значениях различных параметров в будущем, порождаются различными причинами. Если классифицировать неопределенности в зависимости от причин, по которым они возникают, то можно выделить два их вида. К первому будут относиться *неопределенности, являющиеся следствием неполного знания объективных тенденций*, по которым развивается тот или иной процесс, а ко второму — *неопределенности, порождаемые случайностью, непредвиденным стечением обстоятельств, экстраординарными событиями*.

Очевидно, что по мере углубления знаний об интересующем нас объекте неопределенности первого вида уменьшаются. Что же касается неопределенностей случайного характера, то они объективно присущи реальной действительности и их практически нельзя устранить. Такие неопределенности можно только учесть при сравнении альтернатив и выборе наилучшей.

Если классифицировать неопределенности, отнесенные ко второму виду, по принципу общности методов, применяемых для их учета, то образуются три группы. В *первую группу* входят неопределенности, возникающие под действием случайных факторов, которые подчиняются известным объективным законам. Они обычно учитываются с помощью различных статистических методов. Ко *второй группе* относятся неопределенности, обусловленные воздействием случайных факторов, подчиняющихся неизвестным законам. В эту группу в основном входят неопределенности, относящиеся к состоянию среды. Неопределенности подобного рода учитывают сопоставлением преимуществ и недостатков каждой альтернативы в результате рассмотрения матрицы возможных результатов при различных состояниях среды или на основе рассмотрения так называемых игр с природой. *Третью группу* составляют неопределенности, возникающие в конфликтных ситуациях, когда противостоящая сторона стремится помешать достижению той или иной цели. В основе учета таких неопределенностей лежит предположение об активном поведении противостоящей стороны. Иногда для выбора наилучшего варианта действий при наличии неопределенностей, относящихся к этой группе, применяют методы теории игр.

Все это относится к ограничениям, которые накладываются на достоверность и эффективность предвидения, но в то же время подчеркивает факт, что *наше знание о незнании* служит более эффективному обоснованию при принятии управленческих решений.

Что касается *методов социального предвидения*, то процесс познания и их применения начинается с анализа (описания) как того, что уже имеется в реальности, так и того, что скрывается в латентном виде в общественных явлениях и собы-

тиях, но предполагается возможность его появления (возникновения). На этом этапе от исследователя требуется не только описание очевидных фактов, но и внимательный анализ того, что дезорганизует развитие событий, деформирует их или, наоборот, повышает активность тех социальных сил, которые еще незначительны по своему воздействию, но их влияние имеет устойчивую тенденцию к росту.

Диагноз как метод требует, в о - п е р - в ы х, выявления главной тенденции, определения перспективы развития социального процесса, установления тех генеральных направлений, которые и будут характеризовать состояние общества, его отдельных сфер и направлений в будущем. Именно такое выявление главной перспективы помогло Г. Форду в 1915 г. сделать сознательную ставку на производство массового и дешевого автомобиля на основе предвидения, что его рабочие станут покупателями своей продукции. Эта установка полностью оправдала себя в 1930-е гг., с началом формирования среднего класса, который и стал потребителем этой продукции. В о - в т о - р ы х, процесс предвидения не должен отвлекаться на мелочи, на детали, чтобы в основу было положено не простое накопление известных переменных, в учет тех индикаторов, которые характеризуют назревание качественных переменных. В 80-е гг. XIX в. в Москве было осуществлено предсказание того, как будет выглядеть общественный транспорт в городе. Творцы этого документа исходили из верной и в целом обоснованной предпосылки, что население города вырастет в несколько раз. Но прогноз в отношении будущего транспорта авторы предсказания свели к простому подсчету, сколько будет извозчиков, сколько будет конок (конных трамваев), полностью исключив то, что находилось еще в зачаточном состоянии — открытие электричества, начало массового потребле-

ния нефти, что в будущем вызовет кардинальные изменения во многих отраслях национального хозяйства, в том числе и в общественном транспорте. И тогда будущей Москве не потребуются десятки и сотни извозчиков — наоборот, они полностью исчезнут и вместо них появятся принципиально новые виды транспорта: автомашины, трамваи, троллейбусы, метро. В - т р е т ь и х, социальное предвидение предполагает оптимальное сочетание рационального и интуитивного, чувственного, в котором рацию играет ведущую роль, по крайней мере, являясь ограничителем в отношении буйных фантазий, опирающихся на домыслы, прекраснотушные пожелания и надежды. В - ч е т в е р т ы х, ни один из выводов социального предвидения не должен быть абсолютизирован, противопоставлен другому или, наоборот, согласован с другим за счет потери определенных качественных характеристик. И н а к о н е ц, социальное предвидение базируется на максимально полной информации, как непосредственно, так и косвенно касающейся будущего явления или процесса. Но даже при этом, особенно при долгосрочных и перспективных попытках заглянуть в будущее, информация может совершенно отсутствовать, и тогда просто невозможно предвидеть наступление событий. Известный научный журналист Я. Голованов, проанализировав предсказания конца XIX и начала XX в., показал, насколько могут быть велики просчеты. В это время человечеству предсказывали орошение пустынь, создание искусственного климата, победу над раком, изобретение питательных пилюль, заменяющих обычную пищу. Но никто не помышлял о проникновении человека в космос и триумфе ракетной техники; о создании атомного оружия и атомной энергетики, о рас-

шифровке генетического кода и методах геномной инженерии.

Еще более поразительно предвидение изменений в политической сфере, осуществленное в середине XX в. Так, в одном «научном» пророчестве утверждалось, что Китай в 1972 г. нанесет ядерные удары по Дели и Сингапуру, после которых эти города исчезнут с лица Земли. Австралия распадается на четыре государства. Из Испании выделяются Каталония и Страна Басков. Бретань отколетя от Франции, Бельгия распадется на Фландрию и Валонию. На севере Норвегии, Швеции, Финляндии, России и Канады возникнет независимое государство саамов, т.е. конфедерация арктического Полярного круга. И в то же время никто 100 лет назад не предсказывал распада Российской империи.

В современных условиях, в условиях техногенной и информационной революций методы социального предвидения находятся в поиске, в процессе творческой разработки и проверки временем, что, несомненно, постоянно обогащает арсенал науки управления обществом.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия.* М., 2005. Т. 2. С. 247—249.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 515—525.
Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 574—575.

Дополнительная литература

- Виноградов В.Г., Гончарук С.И.* Законы общества и научное предвидение. М., 1972.
Методологические проблемы социального предвидения. К., 1979.
Никитина А.Г. Предвидение как человеческая способность. М., 1975.
Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.
Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 752.
Фукуяма Ф. Конец истории. М., 1992.

Социальное прогнозирование

Зарождение социальной прогностики произошло в 20—30-е гг. XX в., когда стала очевидна многозначность общественного развития: формировался новый этап научно-технического прогресса, возникло социалистическое государство, предложившее новые альтернативы будущего, стал пробуждаться третий мир с его колоссальными людскими резервами и социальными проблемами. Это осознание новой реальности подготовило почву для возникновения прогностики как науки.

Современное социальное прогнозирование ведет отсчет от работ, появившихся в конце 1940-х гг. (Дж. Бернал, Н. Винер). В этот период разрабатывались концепции научно-технической и информационной революций, был открыт эффект использования поисковых и нормативных прогнозов при управлении социальными процессами.

В 60-е гг. XX в. прокатилась волна прогнозов — научных, технических, социально-экономических, демографических, военно-политических. Такая ситуация привела к интенсивной разработке методологии и методики прогнозирования (Г. Тейл, Б. де Жувенель, Д. Белл, Э. Янг, Ф. Полак).

К концу 1960-х гг. применение методологии прогнозирования к глобальным процессам развития обнаружило небеспорность научно-технического прогресса в существовавших формах, его обостряющееся противоречие с социальными аспектами развития. Особенно большую роль сыграл в этом Римский клуб, начавший свою деятельность в 1968 г. Уже в первом докладе «Пределы роста» (1972) были показаны нарастание качественных изменений и неизбежность всемирных катастроф, которые являются результатом загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов, послед-

ствий демографического взрыва в развивающихся странах. Полученные результаты и выводы получили огромный общественный резонанс. Поиски ответов на злободневные проблемы современности продолжались и в следующих докладах Римского клуба: «Человечество на поворотном пункте» (1974), «Пересмотр общественного порядка» (1976), «Цели человечества» (1977), «За пределами века расточительства» (1978), «Нет пределов обучению» (1979) и др. По своей сути эти доклады олицетворяли экологическую волну, затем технологическую и, наконец, антисциентистскую (апокалипсическую).

К началу 1980-х гг. прогнозы во все большей мере стали смещаться на поиск контуров «новой цивилизации». В работах Э. Тоффлера, Э. Шумахера и других обосновывались способы разрешения современных глобальных проблем.

В 1990-е гг. прогнозы развивались в рамках концепции устойчивого развития, которая была одобрена на уровне глав правительств на конференции в Рио-де-Жанейро. Исходя из итогов обсуждений, под устойчивым развитием стали понимать самоподдерживающееся существование и функционирование мировой цивилизации без ущерба для природы, обеспечивающее равный доступ к материальным и духовным благам и справедливое их распределение.

В отечественной науке многочисленные попытки их прогнозирования были осуществлены в 1920-х — начале 1930-х гг. Однако отсутствие обоснованной методологии делало эти прогнозы сомнительными. Так, Л. Сабсович писал, что к 1942 г. (прогноз делался в 1927 г.) в СССР исчезнут все существующие города и села и возникнут населенные пункты социалистического типа, знаменуя принципиально новый этап в развитии страны. В этот же период были осуществлены

прогнозы по перестройке быта, что нашло отражение в строительстве коммунальных квартир, семейных общежитий и централизованного коммунально-бытового обслуживания, что впоследствии было отвергнуто самой жизнью.

Новый этап в отечественной теории и практике прогнозирования наступил в 60—70-е гг. XX в., когда человечество столкнулось с новыми проблемами: растущей социальной дифференциацией, резким увеличением этнонациональной и конфессиональной напряженности, экологическим загрязнением, опасностями, вызванными появлением атомного и биологического оружия, противостоянием Севера и Юга, спорностью научно-технических и социальных изменений. Все это потребовало по-новому осмыслить возможности и пределы социального прогнозирования.

В научной литературе разработаны несколько подходов к объяснению сущности прогнозирования. Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой исходят из того, что прогноз не предусматривает решения проблем будущего. Его задача иная: содействовать научному обоснованию планов и программ развития. Прогнозирование характеризует возможный набор необходимых путей и средств претворения в жизнь программы действий. Поэтому ряд авторов считает, что под *прогнозом* следует иметь в виду *вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой степенью достоверности*. Его отличие от предвидения заключается в том, что последнее трактуется как аподиктическое (невероятностное) утверждение о будущем, основанное на абсолютной достоверности, или представляет собой логически сконструированную модель возможного будущего с пока не определенным уровнем достоверности (другой подход). Нетрудно заметить, что в качестве основания для разграничения терминов используется степень достовер-

ности высказываний о будущем. Но очевидно одно: *прогнозирование исходит из многозначности развития*.

Есть и другие точки зрения на соотношение предвидения и прогнозирования. Так, И. В. Бестужев-Лада (1993) рассматривает прогнозирование как один из уровней (или форм) предвидения. Еще одна точка зрения исходит из того, что если предвидение ограничивается утверждением, что событие наступит обязательно без уточнения времени и формы его реализации, то прогнозирование представляет будущее в вариантах. По мнению К. Шустера, прогноз имеет конкретный характер и обязательно связан с «календарем», т.е. определенными количественными оценками. В соответствии с этим он относит ожидаемое количество преступлений в следующем году к разряду прогнозов, а досрочное освобождение заключенного при известных условиях — к категории предсказаний. А. Шмидт и Д. Смит заявляют, что под прогнозом обычно понимают количественное предсказание. Таким образом, «демаркационная линия» проводится между качественными (предсказание) и количественными (прогноз) оценками будущего.

Интересно соображение, высказанное Д. Джонсоном. Он считает, что предсказание является прерогативой физических наук, так как требует применения «охватывающего закона». Поскольку же социальные дисциплины располагают слабым основанием для формулирования законов такого типа, они ограничиваются прогнозами, отражающими реалистичные или вероятные комбинации предполагаемых ориентиров и исходных условий. Прогнозы социальных дисциплин, по его мнению, выступают «заменителями» предсказаний более точных наук (Ю. П. Ожегов, 1975).

Выявляя сущность прогнозирования, необходимо сказать о трех основных функциях и трех его стадиях: 1) *выявле-*

ние тенденций (закономерностей), факторов, обуславливающих возможные перемены (исследовательская стадия); 2) *выявление альтернативных вариантов развития, их динамики* в результате принятия тех или иных решений (стадия обоснования управленческих решений); 3) *оценка хода и последствий реализации управленческих решений*, непредвиденных изменений внешней среды, ситуаций для своевременного уточнения действий в случае необходимости (стадия контроля и коррекции). Эти функции и стадии взаимно обусловлены, являясь составными элементами прогнозной деятельности в любой сфере деятельности.

Типология прогнозов может строиться по различным основаниям в зависимости от целей, объектов, проблем, периода упреждения, характера и т.д. Для их типологии основополагающим является проблемно-целевой критерий: для чего разрабатывается прогноз? В соответствии с этим различаются два типа: *поисковые* (изыскательские, трендовые, генетические) и *нормативные* (целевые, регулятивные). *Поисковый прогноз* отвечает на вопрос: что вероятнее всего произойдет при условии сохранения тенденций развития общества. *Нормативный прогноз* представляет собой определение путей и сроков достижения желаемых состояний объекта, процесса или явления. Поисковый прогноз строится на определенной шкале возможностей, на котором затем устанавливается степень вероятности достижения прогнозируемого состояния. При нормативном прогнозировании происходит такое же распределение вероятностей, но уже в обратном порядке: от заданного состояния к наблюдаемым тенденциям. Этот прогноз есть вероятностное описание альтернативных путей достижения желаемых состояний, включая и разработку мероприятий по их реализации.

Прогнозы могут иметь разное время упреждения — *краткосрочные* (день,

год)), *среднесрочные* (три — пять лет) и *долгосрочные* (на десятки лет). Первые носят детализированный характер. Чем дальше горизонт упреждения, тем большее значение имеют научные исследования и длительность ретроспективы (времени основания).

Неодинаков и характер прогнозов. Он может иметь *функциональный* (описывать один из компонентов) или *комплексный* подход при анализе любого объекта, процесса или явления.

Что касается отличительных особенностей социального прогнозирования, то, в о - п е р в ы х, *формулировка цели носит сравнительно общий и абстрактный характер*: она допускает большую степень вероятности. Цель прогнозирования — на основе анализа состояния и поведения системы в прошлом и изучения тенденций изменения факторов, влияющих на рассматриваемый процесс или явление, определить вероятностные количественные и качественные параметры их развития в перспективе, а также раскрыть варианты возможных их изменений. В о - в т о р ы х, *социальное прогнозирование не обладает директивным характером*. Другими словами, качественное отличие вариантного прогноза от конкретного плана заключается в том, что прогноз дает информацию для обоснования решения и выбора методов управления. Он указывает на возможность того или иного пути развития в будущем, в то время как в плане выражено решение о том, какую из возможностей необходимо реализовать. И н а к о н е ц, социальное прогнозирование использует *специфические методы*: сложную экстраполяцию, моделирование, эксперимент. Их ценность состоит в глубоком анализе степени вероятности наступления тех или иных событий.

Таким образом, *социальное прогнозирование — определение (выявление) вариантов развития и выбор наиболее приемлемого, оптимального, исходя из ресурсов,*

времени и социальных сил, способных обеспечить их реализацию. Социальное прогнозирование — это работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности и многовариантность возможных решений. Или, если сказать коротко — это будущее в вариантах.

Социальное прогнозирование включает в себя более сорока операций, объединенных в последовательные этапы. Поэтому целесообразно выделить ключевые процедуры (блоки), укрупнив их за счет объединения операций. В совокупности они составляют *алгоритм процесса прогнозирования*.

1. *Предпрогнозная ситуация*: определение объекта, предмета, проблемы, цели, задач, структуры, рабочих гипотез, времени обоснования и упреждения прогноза, возможных методов исследования. Научно-аналитическая подготовка прогноза включает ряд операций, направленных на формирование баз знаний и данных об объекте. В них входят опросы экспертов, изучение отечественного и зарубежного опыта, анализ статистических данных, результатов социологических исследований, контент-анализ документов и т.д.

2. *Построение базовой (исходной) модели объекта*: 1) выявление тенденций динамики объекта в ретроспективе (период обоснования прогноза должен превышать время упреждения), определение точек роста и спада в предшествующем развитии объекта, уточнение параметров проблемного поля, формулирование альтернативных вариантов, их ранжирование; 2) построение модели прогнозного фона, определение резонансного воздействия внешних факторов, их характера и силы (веса) корреляционных связей. Надежность модели зависит от полноты и репрезентативности показателей, результатом сведения которых в определенную упорядоченную совокупность является индикация объекта. Подбор показателей осуществляется сравнитель-

ным анализом аналогичных моделей, очным, заочным и имитационным опросом экспертов и/или населения, средствами моделирования и т.д.

3. *Поисковая разработка параметров базовой (исходной) модели* как определение возможных вариантов развития прогнозируемого объекта в заданной перспективе (кратко-, средне- и долгосрочной) на основе выявленных тенденций. При этом исследуются: 1) динамика объекта в «чистом виде», под влиянием структурных сдвигов и взаимодействий профильных факторов (линейная экстраполяция); 2) экстраполяция с учетом минимизирующих и максимизирующих факторов внешней среды; 3) вероятностный тренд с учетом воздействия всех возможных факторов внешней среды и «тесноты связей». На этой основе строится веер возможных альтернатив будущей динамики объекта — от оптимистических до пессимистических, причем ни один из вариантов не нужно априорно игнорировать. Определяется дерево проблем, которые возникают в процессе развития объекта под влиянием внутренних и внешних факторов. Возможные альтернативы, определенные экспертами, выражаются в модельном (каузальном, сетевом, логическом и т.д.) или сценарном виде.

4. *Нормативная разработка параметров базовой модели*: определение возможных путей решения проблем, выявленных прогнозным поиском, и последствий намечаемых решений. Нормативный прогноз дает несколько значений возможного будущего по заранее заданным критериям: идеальное состояние объекта (абсолютный оптимум); оптимальное состояние, с учетом ограничений прогнозного фона; нормативное — желательное состояние, реально доступное при существующих обстоятельствах. Значения могут выражаться через матрицу, многофакторную модель, сценарии. Определяются пути и средства влияния на

траекторию объекта, обеспечивающие его движение в желательном направлении.

5. *Верификация полученных данных*: проведение независимой экспертизы полученных данных, их оценка. Выработка рекомендаций для использования при обосновании проектов, программ, планов, текущих управленческих решений.

Среди методов, широко используемых в прогнозировании, исторически один из первых — *метод экстраполяции*. Его суть — построение динамических (статистических или логических) рядов показателей прогнозируемого процесса с возможно более ранней даты в прошлом (ретроспективы) вплоть до даты упреждения (перспективы) прогнозов. При таком подходе осуществляется выбор оптимального вида функций (учет времени, условий и т.д.). Большой эффект дает использование *сложной экстраполяции*, основанной на теории вероятностей и теории игр, что позволяет точнее оценить масштабы возможных сдвигов и прогнозируемых тенденций (трендов).

Однако в социальном прогнозировании возможности экстраполяции ограничены. Это вызвано рядом причин. Некоторые социальные процессы развиваются по кривым, близким к логической функции. До какого-то момента процесс медленно нарастает, затем наступает период бурного развития, который завершается этапом насыщения. После этого процесс опять стабилизируется. Неучет этого требования приводит к серьезным ошибкам.

Одним из путей проверки надежности этого метода может явиться экстраполяция кривых роста до абсурда. Он показывает, что действующий механизм в перспективе может измениться, возникнут новые тенденции в его функционировании. В этом случае для правильного решения необходим комплексный подход, сочетающий логический анализ, экспертные оценки и нормативные расчеты. Это было проигнорировано Н.С. Хруще-

вым и теми силами (в том числе и научными), которые на основе существующей динамики развития СССР в 1950-е гг. (был подъем и быстрый рост народного хозяйства) и сравнения с ведущими капиталистическими странами (в этот период они испытывали ряд кризисных явлений), сделали долгосрочный прогноз о достижениях Советским Союзом ведущих позиций в мире к началу 80-х гг. XX в. Ожидаемые показатели были объявлены наступлением эры коммунизма, что было опровергнуто реальным ходом исторического развития.

Очень широко в прогнозировании используются экспертные методы, начиная от аналитических записок и заседаний «круглых столов» с целью согласования мнений и выработки обоснованного решения до специальных *экспертных оценок*, призванных дать объективную характеристику качественных и количественных сторон объекта прогнозирования на основе обработки и анализа совокупности индивидуальных мнений экспертов. Качество экспертной оценки, ее надежность и обоснованность в решающей степени зависят от выбранной методики сбора и обработки индивидуальных экспертных заключений, которые включают следующие этапы: выбор состава экспертов и оценка их компетентности; составление анкет для опроса экспертов; получение экспертных заключений; оценка согласованности мнений экспертов; оценка достоверности результатов; составление программы для обработки экспертных заключений.

Решение такой непростой задачи, как прогнозирование новых направлений, необходимое для определения перспектив, тенденций, требует более совершенных научно-организационных методов получения экспертных оценок.

Один из них именуется *методом дельфийского оракула* или *методом Дельфи*. Он предусматривает сложную процедуру получения и обработки ответов. На

ее основе формулируются прогнозы, касающиеся экономических и социальных процессов, военно-политических и некоторых иных проблем на десятки лет вперед. Но в какой степени надежны составленные подобным образом долгосрочные (а тем более сверхдолгосрочные) прогнозы и сам метод их формирования?

Прогнозы, получаемые с помощью метода Дельфи, строятся на исследовании и достоверном знании с учетом взглядов и мнений экспертов относительно будущего состояния объекта. При этом большую роль играет интуиция, которая может подсказать правильное решение, поскольку основывается на опыте эксперта. Вместе с тем изучение интуитивных прогнозов обнаруживает, что «они представляют собой скорее беспорядочные обрывки систематического мышления, некритические экстраполяции нынешнего состояния дел и повторения других прогнозов» (Э. Янч, 1974).

Большую роль в социальном прогнозировании играет *эффект Эдипа*, т.е. возможность самоосуществления или саморазрушения прогноза, если к этому процессу подключается созидательная деятельность людей, в процессе которой реализуются позитивные ожидания или устраняются предостережения и угрозы. Так, прогноз численности населения в России на 15—50 лет позволяет выработать несколько сценариев: от оптимистического до пессимистического. Осознание и понимание, например, негативной перспективы приводит к тому, что общество сосредоточивается на этом явлении и начинает принимать (хотя часто непосредственно) меры, чтобы данный прогноз не состоялся.

Огромную роль в социальном прогнозировании играет *морфологический синтез*, который предусматривает получение систематической информации по всем возможным параметрам изучаемой проблемы. Этот метод предполагает пол-

ное отсутствие какого-либо предварительного суждения или оценки. Данный метод отвечает на следующие типы вопросов: 1) какие средства необходимы для получения прогнозной информации; 2) какова последовательность наступления событий; 3) как проследить применение всех средств, всех методов, всех этапов решения данной проблемы? Но особенно значимо в этом методе требование — не упустить ни одной возможности, ничего не отбрасывая без предварительного исчерпывающего исследования.

В числе методов, применяемых в социальном прогнозировании, значительную роль выполняют *прогнозные сценарии*. С их помощью устанавливается логическая последовательность с целью показать, как, исходя из реальной ситуации, может шаг за шагом разворачиваться будущее состояние объекта исследования, социального процесса или явления. Основное значение прогнозного сценария связано с определением перспектив развития, основной его линии, а также с выявлением основных факторов фона развития и критериев для оценки уровней достижения цели.

Кроме того, используются *прогнозные графы*, которые могут быть ориентированными или неориентированными, содержать или не содержать циклы, быть связанными или несвязанными и т.д. Совместно с деревом целей они определяют развитие объекта в целом, участвуют в формулировке прогнозных целей, выработке сценария, в определении уровней и критериев эффективности прогнозов.

И наконец, в социальном прогнозировании используется *метод моделирования* (оптимизации решений), который связан с поиском альтернатив развития, что дает возможность отобрать наиболее эффективный для данных условий вариант. Задача выбора оптимального варианта долгосрочного перспективного развития требует определения критерия

оптимальности, который должен отражать эффективность функционирования того или иного процесса и иметь простое математическое выражение. Среди методов решения задач оптимизации распространено *линейное программирование*. В задачах *динамического программирования* рассматривают систему, которая со временем может менять свое состояние, но этим процессом можно управлять. Однако все математические модели и методы прогнозирования имеют вероятностный характер и видоизменяются в зависимости от длительности периода прогнозирования. Использование моделей повышает эффективность прогнозирования, позволяет рассмотреть большое количество возможных вариантов и выбрать наиболее приемлемый. Однако в моделировании есть и отрицательные стороны, обусловленные недостаточной точностью и эластичностью моделей при прогнозе, особенно на длительный период.

Таким образом, социальное прогнозирование базируется на различных методах изучения объективных закономерностей (тенденций) социально-экономических процессов, а также на моделировании вариантов их будущего развития с целью формирования, обоснования и оптимизации перспективных решений. Следует отметить, что *прогнозы обладают способностью к самореализации*, но только в том случае, если смыкают в единую цепь потребности и интересы людей на уровне как общественной, производственной, так и их личной жизни. Опыт прогнозирования и реализации прогнозов показывает, что их ценность связана также с неоднозначностью подходов к решению общественных проблем, с глубиной анализа степени вероятности наступления возможных изменений.

Итак, прогнозирование является базой, предшествующей специфическим

формам реализации вариантов будущего. Это *социальное проектирование*, когда решается судьба новых или реконструируемых процессов и объектов. Далее, это *социальное программирование*, которое нацелено на решение наиболее актуальных и значимых проблем. Кроме того, это *социальное планирование*, которое охватывает все полотно социальной жизни на всех уровнях общественной организации. И наконец, это возможность апробации вариантов развития в виде *социальных технологий и экспериментов*, когда отрабатывается возможный путь внедрения, нововведений.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия*. М., 2003. Т. 2. С. 250—261.
- Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 2005. Гл. «Социальное прогнозирование».
- Энциклопедический социологический словарь*. М. 1995. С. 593—595.

Дополнительная литература

- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социологического прогнозирования М., 1999.
- Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А.* Социальное прогнозирование. М., 2001.
- Грищенко В.И., Демидова Л.Г., Петров А.Н.* Теоретические основы прогнозирования и планирования. СПб., 1995.
- Ксенофонтов М.Ю.* Теоретические и прикладные аспекты социально-экономического прогнозирования. М., 2002.
- Лисичкин В.А.* Теория и практика прогностики: Методологические аспекты. М., 1972.
- Луков В.А.* Социальное проектирование и прогнозирование. М., 1998.
- Прогнозное социальное проектирование и город*. Кн. 1, 2. М., 1994—1995.
- Рабочая книга по прогнозированию*. М., 1982.
- Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974.

Социальное проектирование

Социальное проектирование как отрасль социологической науки было обосновано в XX в., когда стало очевидным, что игнорирование социальных аспектов развития чревато серьезными издержками в функционировании современных обществ. На первых этапах своего становления оно было производным от научного и технического проектирования, возникших и получивших распространение в XIX в., особенно в архитектуре и машиностроении. Затем оно стало использоваться при решении проблем расселения, а также при совершенствовании систем управления. Постепенно наряду с традиционными видами начали складываться новые самостоятельные направления проектирования — человеко-машинных систем, экологическое, демографическое, инженерно-психологическое и др. По своей сущности проектирование охватывает практически все сферы деятельности человека и общества.

Его исходные принципы разрабатывались Я. Дитрихом, Т. Тиори, Д. Фраем, П. Хиллош, Ф. Ханикой и другими исследователями. В отечественной социологии первые идеи о проектировании социальных систем были высказаны в работах И.И. Ляхова, В.Н. Дубровского, А.Г. Раппопорта, В.М. Разина, Б.В. Сазонова, Г.П. Щедровицкого, О.И. Генисаретского. В аспекте социального управления эти проблемы рассматривались В.Г. Афанасьевым, И.В. Бестужевым-Ладой, П.Н. Лебедевым. Его теоретические основы были проанализированы в работах Н.А. Аитова, Г.А. Антонюка, Н.И. Лапина, А.И. Пригожина, Ж.Т. Тошенко, Н.Г. Харитоновна, в исследованиях Т.М. Дридзе, Ю.А. Крючкова как одна из форм опережающего отражения действительности, создание прообраза (прототипа) предполагаемого объекта, явления или процес-

са посредством специфических методов. Проектирование в конкретной форме выражает прогностическую функцию управления, когда речь идет о будущей материальной или идеальной реальности. Его целью является реализация одного из вариантов преобразования объективной действительности, связанного со стремлением придать желаемые свойства и черты проектируемому объекту.

Суть социального проектирования состоит в том, что человек или организация, прежде чем предпринять какое-либо действие, всегда сначала обдумывает несколько вариантов, одному из которых после сопоставления отдается предпочтение. Широко известно высказывание К. Маркса об отличии архитектора от пчелы, который, приступая к созиданию, подготавливает предварительно проект своего будущего детища.

Социальное проектирование реализуется в следующих формах: 1) *при создании новых объектов, процессов, явлений, социальных сетей*; 2) *при внедрении принципиально новых отношений, процедур или компонентов в существующих структурах*, которые нуждаются в кардинальных изменениях (частичная модернизация); 3) *при реконструкции, принципиальной перестройке существующих общественных связей*, когда изменяется вся схема управления, обеспечивающая достижение намеченных целей (полная модернизация).

Отмечая исключительную важность этого процесса, иногда употребляется термин «*социальное конструирование*» (И.И. Ляхов, 1970). Конструктивная деятельность — это поле творческого освоения социальной действительности. Она базируется на том, что наряду с наиболее вероятностной тенденцией существуют менее вероятные, но реально возможные тенденции. Кроме того, обычно

имеется запас внутренних социальных ресурсов, который может быть мобилизован для решения данной социальной задачи. И наконец, перспективные цели, близкие по содержанию, могут на каком-то этапе меняться своим положением или одна и та же цель обеспечивается различными средствами.

Проектировать — это значит сознательно перебирать варианты и схему будущего действия. При всем их многообразии есть ряд общих требований, необходимых для подготовки, разработки и реализации проекта. Они ориентируют на достижение конечного результата и на то, чтобы в повседневных текущих делах и оперативных планах не упускались из виду главные вопросы. В этом отношении важен *принцип минимальных обязательств*, который концентрирует внимание на основной цели, отвергая в известной мере все, что может замедлить или отвлечь силы от ее реализации. Организация, где решается вопрос о проектировании, обеспечивает выработку идей таким образом, чтобы к его осуществлению было привлечено как можно больше людей творческих, профессионально подготовленных. Социальное проектирование учитывает и *возможность неудачного эксперимента* при проверке идей. В этом случае нужен тщательный анализ причин, чем вызвано несоответствие в решении поставленных задач: то ли это обусловлено объективными обстоятельствами, то ли просчетами в ходе эксперимента.

Успеху дела мешает недоверие к оригинальным решениям, стремление быстрее реализовать проект, недостаточно эффективно организованная система поощрения инициатив. Немалый вред наносит неудовлетворенность существующим положением, использование прежних достижений. Отсюда нежелание рисковать и стремление строго придерживаться ранее выработанных канонов.

Если же рассматривать субъективные условия, то тут многое зависит от лич-

ности проектанта, от его умения грамотно и нестандартно мыслить, от его мастерства и заинтересованности в осуществлении намеченных целей. Многие негативные последствия возникают из-за отсутствия гибкости в принятии новых идей, следования привычным нормам и т.д.

Представления о социальном прогнозировании постоянно обогащаются и развиваются. Так, в научной литературе обсуждаются различные подходы к классификации и объяснению сущности социального проектирования: объективно-ориентированный подход (Г.А. Антонюк, Н.А. Аитов, Ж.Т. Тощенко), проблемно-ориентированный подход (Т.М. Дридзе, Э.А. Орлова, О.Е. Трущенко) и субъективно-ориентированный (В.А. Луков). Каждый из этих подходов имеет свою специфику. *Объективно-ориентированный* подход отдает предпочтение разработке проектов объективной реальности с локализацией социально-проектной деятельности и четкой проработке нормативных требований. *Проблемно-ориентированный* в центр ставит выработку вариантных образцов решений текущих и перспективных социально-значимых проблем. А при *субъективно-ориентированном* подходе внимание концентрируется на необходимости учета субъективного восприятия объективного мира, в котором большая роль отводится учету установок, устремлений и ценностных ориентиров вовлеченных в проектную деятельность людей как выступающих ее создателями, так и являющихся объектом проектируемых социальных изменений. Однако при этом подходе при абсолютизации его требований резко возрастает степень вероятности превращения проектов в прожекты, будь то выражение благостных мечтаний вроде мечтаний гоголевского Манилова или авантюристических идей Остапа Бендера, сулившего превратить Васюки если не в столицу мира, то уж в столицу России — обязательно. Вот почему необходимо осуществлять целост-

ный *объектно-субъектный* подход, в котором бы социальная реальность в максимальной степени совмещалась бы с не менее реальными потребностями, интересами и ценностями людей.

Таким образом, *социальное проектирование* — это *специфическая деятельность, связанная с научно обоснованным определением вариантов развития новых и модернизируемых социальных объектов, процессов и явлений и с целенаправленным коренным изменением их социальных характеристик.*

Для методологии социального проектирования большое значение имеет *правильное определение объектов*, которыми обычно становятся социальные институты, социальные процессы и явления. Соответственно этому объекты проектирования могут классифицироваться по разным основаниям.

В качестве одной из классификаций объектов социального проектирования выступают проекты по совершенствованию определенных функций общественного организма — в области экономики, социально-политической и духовной жизни. Социальное проектирование связано также с созданием условий для эффективной деятельности в той или иной сфере общественной жизни. Вместе с тем социальное проектирование в целом обслуживает не отдельные, а все стороны деятельности человека. Только при системном подходе возможно наиболее эффективное (или оптимальное) проектирование. Особенность социального проектирования в том и состоит, что оно направлено на решение таких проблем, которые охватывают в комплексе все социальные аспекты жизни человека и которые целесообразнее всего различать по уровням организации общественной жизни. Поэтому социальные проекты могут (и должны) разрабатываться на уровне организации, района, города, области, республики и страны в целом.

Проектирование — ответственный этап, требующий знания законов (тен-

денций) общественного развития. Для этого оно опирается на *научные методы*. К ним прежде всего относится использование *матрицы идей*, когда на основе нескольких независимых переменных составляются различные варианты решений. Обычно разработка социального проекта зависит от сложности и первоочередности поставленных задач, сроков, в пределах которых требуется осуществить замысел, а также от материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Просчитывая варианты сочетания этих переменных, можно определить наиболее эффективный путь реализации проекта в заданных условиях. Этот важный прием применяется, как правило, при ограниченности возможностей (в условиях так называемой области свободы).

Существует и такой метод, как *вживание в роль*. Он помогает получить более точное представление о том, что нужно сделать в процессе проектирования. Это не просто попытка заглянуть в будущее, а стремление глубже понять, как будет реализовываться проект. Сегодня любая проблема требует учета интересов и желаний людей, а это лучше достигается, когда проектировщик внимательно изучает условия, в которых протекает процесс.

Важным методом является *аналогия*. Всегда имеются эффективно функционирующие организации, населенные пункты, в которых рационально решены те или иные социальные проблемы. Эти подходы к делу в известных пределах могут служить образцом, эталоном, даже если не все в них в должной степени проработано. Опираясь на такие достижения, беря самое лучшее и освобождаясь от неоправдавших себя идей, социальный проект, созданный по аналогии, может быть использован для конструирования социальных задач и целей.

При подготовке проекта нередко возникает необходимость принять новое решение, которое вызвано неудовлетво-

ренностью существующей практикой. В связи с этим встает вопрос, как улучшить положение, найти более рациональный и эффективный способ управления. В этом случае наиболее приемлема *ассоциация*, когда решение социальной проблемы в другой сфере общественной жизни подсказывает путь, по которому легче прийти к цели. Своёобразный вариант *ассоциации* в проектировании — это *приспособление*, когда оправдавший себя в иной ситуации опыт решения проблем применяется к интересующему объекту. Метод ассоциации может использоваться через *модификацию*. С учетом накопленных знаний разрабатываются подходы, которые позволяют серьезно видоизменить объект воздействия, т.е. затрагиваются не только формы, но и существенные, содержательные элементы.

Метод ассоциации связан и с устранением прежних принципов функционирования объекта и заменой их новыми исходными положениями, ведущими к коренному преобразованию проектируемых данных. Этот метод называется *полной реорганизацией*. Метод ассоциации предусматривает сочетание приемов приспособления, модификации и полной реорганизации. Нельзя забывать и такой момент. В процессе проектирования возможны ситуации, не похожие на упомянутые выше и ставящие принципиально новые проблемы. В этих случаях применяется *метод мозгового штурма*, когда мобилизуется весь имеющийся интеллектуальный запас: объявляется своеобразный конкурс идей, способных значительно продвинуть поиск оптимального решения проблем того или иного проекта. Этот метод, обоснованный в 1939 г. Р. Осборном, связан с генерацией идей, с их равноправной конкуренцией, с возможностью сопоставления. Известен один из вариантов этого метода — *метод синектики*, согласно которому несколько предложенных идей рассматриваются отдельно друг от друга, а потом между

ними устанавливается определенная взаимосвязь и взаимозависимость. Несомненно, учитывая динамизм и сложность многих социальных процессов, необходимо шире практиковать конкурс идей, стремясь при этом избежать влияния на решение славы, заслуг, званий участников конкурса.

В основе процесса социального проектирования лежит *анализ общественной потребности*. Она может быть и очевидна, и скрыта, поэтому этот начальный этап предполагает поиск, связанный с определением ее сущности. На этом этапе проектирования желательно хотя бы в самом общем виде представить тот резерв времени, который отводится для выполнения намеченного проекта. На следующей ступени уточняется цель разработки социального проекта: дается характеристика того состояния, какого хотелось бы достичь исходя из требований общественного прогресса.

Сформулировав цель, приступают к сбору необходимой информации, обращаясь к любым источникам, включая и научные исследования. Приоритет отдается тем сведениям, в которых зафиксирован современный уровень познания социального процесса. Кроме того, надо принимать во внимание аргументы как «за», так и «против» тех решений, какие имеются в мировой практике.

На базе полученной информации составляется задание на проектирование и то, каким параметрам оно должно удовлетворять (или соответствовать). На этой стадии большую роль играют принципиально новые идеи, которые раскрывают пути более эффективного осуществления намеченных целей.

Формулировка задания рассматривается как часть концепции, которая может включать различные варианты решения. Лучше, если эти варианты представлены в виде матрицы, что предполагает отбор наиболее приемлемых, учитывая изменения тех или иных переменных

(сроков, материальных, финансовых и трудовых ресурсов, первоочередности и важности реализации отдельных элементов проекта). Концепция проекта обычно проверяется двояким образом: посредством теоретического анализа и при помощи эксперимента.

На заключительной стадии проектирования принимается решение. Оно выступает в виде конкретной программы действий, которая в заданных параметрах намечает те или иные средства достижения поставленной цели при наличии определенных ограничений. Решение содержит также возможные варианты, сроки, основные этапы и последовательность операций.

Действенность социального проектирования обусловлена характером социальных проектов и их различиями — от проектов, предусматривающих эволюционные изменения, до создания принципиально новых, требующих, по мнению П. Хилла, не менее 55—60 оригинальных идей. Каждый проект в принципе решает три основных вопроса: *кто* будет проектировать, *что* надо проектировать и *как* организовать проектирование. Решение этих вопросов всегда связано с удовлетворением общественной потребности, а также с реализацией смелых и оригинальных замыслов.

Эффективность социального проектирования определяется возможностью обеспечить комплексное развитие социального объекта. Практика показывает, что придание значения только одной функции (например, при многофункциональ-

ной направленности развития города) чревато серьезными издержками: как правило, происходит ухудшение качественного состава населения, гипертрофируются отдельные социальные связи, социальное противопоставляется техническому и т.п. Его действенность во многом зависит от сочетания с экономическими потребностями общества и региона. Недостаточный учет требований экологии также способен свести на нет социальные цели. Не менее важным является и согласование потребностей данного проектирования с грядущими изменениями в технике и технологии, особенно когда речь идет о широком применении гибких производственных систем, биотехнологии, компьютерной техники и т.п.

Основная литература

Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 263—265.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 545—337.

Дополнительная литература

Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М., 1979.

Антонюк Г.А. Социальное проектирование и управление общественным развитием. Теоретико-методологический аспект. Минск, 1986.

Котляров И.В. Теоретические основы социального проектирования. Минск, 1989.

Курбатов В.И., Курбатова О.В. Социальное проектирование. Ростов-н/Д, 2001.

Крючков Ю.А. Теория и методы социального проектирования. М., 1992.

Луков В.А. Социальное проектирование. М., 2000.

Ляхов И.И. Социальное конструирование. М., 1970.

Тощенко Ж.Т., Аитов Н.А., Лапин Н.И. Социальное проектирование. М., 1982.

Ж.Т. Тощенко

Социальное планирование

Идея планирования по своему происхождению социалистическая. Ее в наиболее полном виде высказали представители утопического социализма — А. Сен-Симон (1760—1825), Ш. Фурье (1772—1837),

а Р. Оуэн (1771—1858) даже попытался ее реализовать в жизни. Однако уже к концу XIX в. необходимость планирования все чаще становилась достоянием практики решения экономических проблем.

Правда, плановость рассматривалась преимущественно в рамках крупных производственных образований — трестов, концернов, фирм. В трудах Ф. Тейлора, Г. Форда, Г. Эмерсона, Т. Черча и других организаторов и основоположников научного менеджмента была сформулирована логика развития производства, в котором значительное место отводилось планированию.

Теоретические и прикладные проблемы социального планирования интенсивно разрабатывались в 1920-е гг. в Советском Союзе (хотя такой термин не использовался). Они наиболее четко были выражены в *программе ликвидации неграмотности*, когда комплекс мероприятий позволил в короткий исторический срок мобилизовать все силы на решение этой задачи перспективного значения. Идеи социального планирования также отражены в *плане ГОЭЛРО*, а затем в *первом пятилетнем плане*, который содержал специальный раздел «Социально-экономические проблемы» и меры по их решению.

Сам термин «социальное планирование» впервые был употреблен в «Новом курсе» Ф. Рузвельта, который был разработан как путь выхода США из жесточайшего кризиса начала 30-х гг. XX в. В дальнейшем в американской социологии это понятие анализировалось в тесной связи с формами и методами осуществления социальной политики, в частности с обеспечением социальной защиты населения.

Второе дыхание идеи социального планирования приобрели в нашей стране в конце 1950—1960-х гг., когда были окончательно преодолены последствия Второй мировой войны и страна вступила на путь долговременного спокойного развития без войн и конфликтов. В этих условиях сама жизнь неумолимо требовала привести в соответствие экономические и социальные параметры развития. Характерно, что такая объек-

тивная потребность, как учет человеческого фактора, стала пробивать себе дорогу снизу, в трудовых коллективах.

Принципиально новые попытки научной разработки планов социального развития и их реализации были осуществлены в начале 1960-х гг. по инициативе ленинградских ученых и руководителей предприятий (например, объединения «Светлана»). Вслед за распространением социального планирования в промышленности и строительстве попытки составления планов социального развития были предприняты в сельском хозяйстве, где тесно переплетались территориальные и производственные интересы коллективов и живущих в этой местности людей.

Это мощное давление снизу постепенно переросло в необходимость осуществления плановости социального развития и на следующем уровне социальной организации общества — в районах и городах, а затем в областях, краях, республиках. Ради справедливости следует сказать, что планы социального развития на всех этих уровнях были скорее предметом заботы немногих руководителей, которые не по форме, а по существу занимались социальными проблемами.

Если же обобщить имеющийся опыт, то существенные характеристики социального планирования сводятся к следующему.

В о п е р в ы х, социальное планирование ориентируется на цели, которые вытекают из объективных тенденций организации жизни людей и предусматривают удовлетворение текущих и перспективных потребностей людей, их согласование между собой, а также меры по активизации созидательной деятельности как самого человека, так и социальных организаций. Один из парадоксов XX в. состоял в том, что страна, провозгласившая себя олицетворением идей социализма, сделала для человека меньше, чем страны капитализма, логика развития которых привела к необходимости воплощения социальных идей, создав предпосыл-

ки для свободы выбора и социальной защиты.

В о - в т о р ы х, решение как общих, так и локальных проблем не может происходить стихийно или хотя бы «на глазок» — в рамках социального планирования *используются показатели*, по которым судят об эффективности достижения поставленной цели. Такими показателями или ориентирами могут быть *сроки*, а также *объемы, уровни, степень достижения намеченных рубежей*, которые позволяют осуществить сравнение с предшествующим этапом развития или с аналогичными объектами планирования.

В - т р е т ь и х, социальное планирование *предусматривает разработку, а затем использование средств достижения поставленных целей* — материальных, финансовых, косвенных рычагов в виде льгот или, наоборот, ограничений, и (или) создания условий, при которых наиболее рационально и оптимально развивался бы планируемый социальный процесс.

И н а к о н е ц, социальное планирование представляет собой *непрерывный процесс познавательной и преобразующей деятельности*, которые постоянно взаимно дополняют и обогащают друг друга, позволяя находить новые резервы, открывать новые возможности для более полной реализации сформулированной цели.

Итак, можно сделать вывод, что *социальное планирование* представляет собой *научно обоснованное определение целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения*.

Объектами социального планирования выступают все уровни социальной организации — от общества до конкретного производства. В рамках *общества* разрабатываются перспективные планы решения значимых социальных проблем, которые определяют его жизнеспособность и устойчивость.

На уровне *отдельных сфер общественной жизни* — экономической, социальной, политической, духовной предусматривается *планомерное решение* таких проблем, как улучшение условий и содержания труда, профессионально-квалификационная подготовка, престижность сфер приложения труда, структура рабочего и свободного времени, удовлетворение материальных и духовных потребностей, участие в политической жизни и т.д.

На *региональном уровне* социальное планирование решает проблемы выравнивания уровней социального развития в территориальном разрезе и особенно регулирования миграционных потоков, рациональное использование трудовых ресурсов, развитие национальных отношений, распределение и потребление культурных ценностей. Как показал опыт, главной целевой установкой для регионального социального планирования является создание инфраструктуры для трудовой и повседневной жизни.

И наконец, уровень производственных организаций предполагает реализацию такой ведущей целевой установки, как побуждение человека к творческой работе, обеспечение максимума благоприятных условий для его трудовой и повседневной жизни.

Формы социального планирования представлены, во-первых, адресным планированием, во-вторых, планированием при помощи косвенных (экономических и социальных) рычагов, в-третьих, индикативным планированием. **Адресное планирование** включает разработку и обоснование системы заданий, которая доводится до сведения различных государственных или общественных организаций. Устанавливаются задания по достижению определенного уровня общественного развития. Прежде всего, это касается рационального соотношения, пропорций в развитии социальных процессов. Подобные соотношения отражают реальное

состояние общества, тенденции его прогресса, уровень достижений науки и техники, потребности людей. Социальное планирование связано с определением сроков, необходимых для выполнения поставленной задачи. Чем сложнее цель, тем больше требуется времени не только для всестороннего научного обоснования принимаемого решения, но и для его осуществления. Длительность планового периода не может быть задана априорно и должна строиться на основе единства качественных и количественных показателей. Однако опыт адресного планирования во многом дискредитировал себя, ибо он давал простор командным методам, игнорируя научные основы определения ориентиров социального развития.

При *планировании* социальных процессов *с помощью косвенных рычагов* подробно изучаются конкретные условия, возможности и потребности. Затем определяется, какие элементы, составные части не поддаются государственному и общественному регулированию. Тогда ставится задача их количественного и качественного изменения посредством принятия соответствующих решений в целях ослабления или нейтрализации отрицательных последствий. В процессе планирования выявляются также те переменные, на которые можно воздействовать и которые и являются объектами социального планирования и регулирования.

Индикативное планирование, по убеждению лауреата Нобелевской премии, видного представителя кейнсианства Джеймса Тобина (1918—2002), базируется на взаимно согласуемых планах, которые формируются на основе договоренности государственного (общественного) сектора и частных производителей. Эти планы затем служат в качестве поддерживающих ориентиров для участников соглашения. В этих условиях каждый сектор может развиваться, не опасаясь, что развитие окажется гипертрофирован-

ным в силу отставания других участников социально-экономического развития. Эта форма была впервые апробирована после Второй мировой войны на созданном Жаном Моннэ французо-германском Сообществе угля и стали, в рамках которого акционерные (частные) предприятия и государства сотрудничали на основе согласованных и востребованных жизнью планов. И это принесло огромный эффект, который неоднократно подтверждался в течение длительного времени и привел к всемирному признанию заслуг его разработчиков. Этот путь, по мнению Дж. Тобина, мог быть с успехом применен и в постсоветской России. Но инициаторы реформ в России предпочли иное — полностью отказаться от планирования, провозгласив лозунг «рынок отрегулирует все», что имело катастрофические последствия.

Ряд социальных процессов имеют ограниченные условия в своем развитии. Исследование этих условий необходимо для определения *области свободы*. Ведь социальное планирование опирается на наличие материальных, финансовых, трудовых ресурсов. Однако любой социальный процесс взаимосвязан с другими явлениями, и поэтому нельзя не учитывать, какое воздействие окажут принимаемые меры на смежные области общественного развития.

Существенный момент — *учет интересов социальных групп*. Если при решении экономических задач интересы в основном совпадают, то этого нельзя сказать о других сферах общественной жизни. Так, целью в сфере производства является минимум затрат при реализации поставленной задачи. Добиваться же минимизации затрат при планировании социальных процессов — значит сознательно идти на ущемление интересов некоторых социальных групп. Максимум социального результата не всегда достигается минимизацией затрат.

Необходимо отметить, что эти формы планирования в чистом виде не су-

шествуют. Однако планирование посредством косвенных рычагов и индикативное планирование получили особую актуальность в связи с осуществлением экономических реформ.

Так как планирование является и наукой, и деятельностью, то его *методы* нужно понимать и как способы осуществления, и как способы разработки программ или задач.

Общие методы планирования характеризуются тем, *на какие объективные законы развития общества опираются возможные способы реализации целей, на что они направлены и в каких организационных формах воплощаются.*

Долгое время ведущим методом планирования являлся *балансовый*, который возник как способ обеспечения связей между потребностями общества и его возможностями при ограниченности ресурсов. В настоящее время на первый план выходят методы, связанные с существованием рыночных отношений, когда особенно важно видеть социальные последствия принимаемых решений, уметь согласовывать интересы всех участников преобразований, предоставив им благоприятные условия для проявления творческой активности.

Научность социального планирования во многом зависит от использования *нормативного метода*. Его требования служат основой для составления показателей социального развития на различных уровнях социальной организации общества. Именно нормативы позволяют осуществить расчеты и обосновать реальность плановых заданий, определить ориентиры для развития многих общественных процессов.

Аналитический метод соединяет в себе анализ и обобщение. Его сущность сводится к тому, что в ходе планирования социальные процессы расчленяются на составные части и на этой основе определяются направления реализации намеченной программы.

Все большее значение приобретает *метод вариантов*, суть которого заключается в определении нескольких возможных путей решения социальных задач при наличии возможно более полной и достоверной информации. Его разновидностью является метод вариантов приближений: вначале на базе имеющихся исходных данных определяется возможный путь в порядке первого приближения, а затем производятся последовательные уточнения. Применение этого метода связано с поиском оптимального варианта решений той или иной социальной задачи, с правильным выбором приоритетов.

Комплексный метод представляет собой разработку программы с учетом всех главных факторов: материальных, финансовых, экономических и социальных, а также определением исполнителей и сроков. Его применение предполагает определение темпов и пропорций развития социального процесса, его статической и динамической модели и выработку основных показателей плана.

В социальном планировании все шире стал применяться *проблемно-целевой метод*, который обычно связан с решением ключевых, неотложных задач общественного развития вне зависимости от ведомственной их принадлежности и форм собственности.

Широкое признание получил *социальный эксперимент*, в ходе которого уточняется механизм действия объективных законов и особенности их проявления в условиях деятельности одного или нескольких социальных институтов. Полученные выводы помогают скорректировать ход развития планируемого процесса, проверить на практике прогнозируемые положения и выводы.

В теории и методологии планирования важно уметь применять количественные характеристики. Ведь формальная логика (и математика соответственно) — средство получения новых знаний. Но

практическая реализация этих знаний требует не только истинности в математическом значении, но и правильной интерпретации результатов. Только на основе комплексного использования этих методов планирования с помощью количественного анализа возможна выработка оптимального решения. Количественный анализ всегда необходимо сопоставлять со здравым смыслом, чтобы не было абсолютизации количественных характеристик.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 178—177.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 558—571.

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 538—541.

Дополнительная литература

- Бергер П.Л. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
Волчкова Л.Т. Планирование социально-экономического развития. СПб., 2002.
Грищенко В.И. Демидова Л.Т., Петров А.Н. Теоретические основы прогнозирования и планирования. СПб., 1995.
Кобилев А.Г. Муниципальное управление и социальное планирование в муниципальном хозяйстве. Ростов н/Д, 2007.
Лалин Н.И., Корнева З.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1975.
Прогнозирование и планирование в условиях рынка / Под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Пикулькина. М., 2000.
Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981.

Ж.Т. Тощенко

Социальное программирование

Социальное программирование — один из важнейших вариантов (наряду с проектированием и планированием) реализации требований социального прогнозирования. Если социальное проектирование сосредоточивает свое внимание на проблемах, связанных с процессом создания образа (прототипа) предполагаемого социального объекта, явления и процесса, а социальное планирование предусматривает целенаправленное регулирование всех без исключения элементов социального развития любого из общественных объектов, то *социальное программирование* нацелено на *решение значимых и важных социальных проблем, наиболее актуальных и перспективных для данного института, процесса или явления*. Отбор наиболее значимого, решающего, определяющего судьбу и перспективы социального развития — главная задача социального программирования.

Продуктом социального программирования являются *программы*, которые включают в себя цель и совокупность действий по решению существующих проблем. Программы предусматривают

наличие субъекта и объекта воздействия, масштабы (объемы) предполагаемых изменений, временные интервалы, этапы их осуществления. Они могут быть подвергнуты классификации в зависимости от характера решаемых социальных задач, от возможностей, которыми располагают разработчики: 1) *по субъекту воздействия* (чьи потребности намечено удовлетворить — личности, группы, слоя, общества); 2) *по предмету* — социально-экономические, демографические, социально-политические, культурные и т.д.; 3) *по длительности осуществления* — текущие, краткосрочные, среднесрочные и перспективные; 4) *по объему* — глобальные, региональные, конкретной организации, личные; 5) *по соответствию объективным потребностям* — научные или псевдонаучные.

По *содержанию* социальное программирование представляет собой: постановку управленческой задачи, исходя из анализа проблем социального развития в реальной ситуации, возможность их разукрупнения на составные части (под-

задачи), их взаимную увязку; установление приоритетов и на той основе выделение ведущего звена; выявление условий и ограничений при решении сформулированных задач; обоснование возможных вариантов достижения намеченной цели и выбор среди них оптимального; формирование соответствующего организационного механизма и оценку ожидаемых последствий от практического воплощения избранного варианта действий.

На этой основе социальное программирование учитывает: 1) анализ и диагностирование проблемы, ее актуальность; 2) выдвижение неотложных управленческих целей и задач, поиск средств и методов воздействия; 3) разработку альтернативных вариантов действий; 4) оценку каждой альтернативы; 5) измерение и оценку последствий реализации программ. Для социальной программы важна комплексность, системность, конкретность, адресность, наличие обратной связи в процессе ее реализации.

Как показывает практика, реализация научных требований социального программирования не всегда приводит к желаемым результатам. Это случается тогда, когда не учитываются ограничения, накладываемые на процесс подготовки, обоснования и разработки социальных программ: минимизация задач, выбор наилучшего варианта, ориентация на минимум ожиданий; необеспеченность ресурсами, недооценка изменяющейся окружающей среды, ошибки в обосновании сроков и что особенно важно — игнорирование (полное или частичное) состояния общественного сознания и поведения, т.е. установок целесообразных ориентаций и ожиданий участников программируемого процесса.

Таким образом, если обобщить имеющиеся идеи, то можно сказать, что *социальное программирование* — это *целенаправленный, научно обоснованный процесс планового решения назревших (актуальных) проблем на всех уровнях социальной*

организации общества посредством присущих ему специфических целевых, программно-целевых и проблемно-целевых средств и методов.

В зависимости от целей и специфики решаемых задач социальное программирование использует следующие *формы*.

1. Оно реализуется в виде *целевого комплексного программирования*, которое представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимосогласованных приемов, средств целенаправленного воздействия на объект управления для достижения желаемых результатов, к которым относятся: различные формы координации деятельности; определенные способы концентрации, распределения и перераспределения наличных ресурсов; экономическое и социальное стимулирование; разносторонняя поддержка инициатив, направленных на развитие интеграционных процессов в обществе; формирование положительной мотивации совместной деятельности, ориентированной на конечные результаты; приемы и способы организационного проектирования и некоторые другие.

Как специфическая форма оно представляет собой приложение фундаментальных знаний об обществе, о законах его развития и механизме решения проблемных задач в социальной сфере. Его рациональное использование усиливает социальную ориентацию управления, делает его более гибким, мобильным. Программирование, характеризуемое с технологической точки зрения, в данном случае используется как средство оптимизации процесса социального целеполагания.

Целевое программирование выполняет функции оптимизации социальных действий, решения противоречий и согласование интересов социальных субъектов, координации их деятельности и концентрации ресурсов для достижения основных результатов, выделение ведущего (основного) звена, определение социально-политических приоритетов и вы-

ступает, с одной стороны, как специфический научный метод, а с другой — как метод целевого управления. Примером такого подхода может быть разработка и реализация национальных проектов, объявленных Президентом России в области образования, здравоохранения, демографической и жилищной политики. Сложность этого программно-целевого подхода заключается в том, что предлагаемые меры выходят далеко за рамки самих объектов программирования: помимо финансового их обеспечения возникает вопрос, насколько подготовлены кадры для их реализации, как воспринимает эти намерения и изменения общество, как это скажется на развитии и использовании интеллектуального потенциала страны. А если к этому добавить и согласование интересов с мировым, в первую очередь, с европейским сообществом, то сразу становятся очевидными масштабы и сложность ее решения.

2. Социальное программирование воплощается в такой форме, как *программно-целевой подход*, который предполагает определение основных противоречий в развитии того или иного процесса (например, в сфере демографической политики). На этой основе формулируются главная цель и ее подцели (иерархия целей), что достигается при целостном и комплексном подходе, а также при отборе таких средств, которые бы обеспечивали возможность учета всех без исключения результатов, характеризующих реализацию намеченной программы.

Программно-целевой подход означает постепенный переход к моделям стратегического управления, ориентацию на долгосрочные, конечные результаты. Этот метод предполагает использование и постоянное применение пространственных и временных показателей, характеризующих потребности социального развития, возможность их локальной реализации. При этом органически сочетаются стратегические интересы и ориентация

на качественное изменение социального развития посредством «точечного» воздействия на систему управления в целом.

В рамках общества сформированы и решаются актуальные проблемы, которые имеют значение для той или иной сферы общественной жизни. К их числу можно отнести федеральные целевые программы «Электронная Россия», «Детство», «Наукограды», «Молодая семья», создающие условия для успешного решения конкретной социальной задачи. Их длительность, направленность на достижение намеченной цели определяется спецификой каждой из них, обусловленных особенностями назревшей проблемы.

3. Социальное программирование реализуется при помощи *проблемно-целевого подхода*, который направлен на подготовку эффективных решений по отдельным важнейшим и актуальным вопросам данного сообщества, организации, социального института. Он может также применяться при решении ключевых, неотложных задач социального развития вне зависимости от административно-территориальной или ведомственной принадлежности. В рамках производственных организаций это может означать сосредоточение внимания на разработке соответствующих документов по рациональной организации труда, по созданию благоприятного социально-психологического климата, предупреждению конфликтов, подготовке и переподготовке персонала и т.д. Для территориальных и административных объектов такими проблемно-целевыми программами в настоящее время являются рационализация пассажирских потоков, обеспечение качества потребительского спроса, благоустройство, жилищная проблема, сокращение преступности и укрепление правопорядка. В ряде случаев на основе проблемно-целевого подхода решаются экологические вопросы.

Общими объединяющими все программы компонентами являются, в о-

п е р в ы х, *стремление определить основное противоречие*, решение которого стало бы узловым моментом для реализации всего спектра поставленных задач. В о - в т о р ы х, *возможность ограничить число компонентов (подпроблем)*, чтобы не упустить главное, сосредоточив силы на решающих участках. В - т р е т ь и х, для любой проблемы следует *найти место среди более широкого круга подобных* для того, чтобы не преувеличивать, не преуменьшить ее значение, ибо и в том и другом случае это может привести к серьезным просчетам. В - ч е т в е р т ы х, ни в коей мере не игнорируя теоретический анализ проблемы, *не упускать из вида здравый смысл*, ибо он способен скорректировать научные выводы, исходя из особенностей и специфики каждой конкретной программы. И н а к о н е ц, каждая программа должна сначала *ответить на потребности первого этапа*, а затем приступать к реализации тех из них, которые условно можно отнести ко второму, затем третьему уровню и т.д. В связи с этим любая программа должна получить признание актуальности со стороны общества (организации, института, группы), доказать свою легитимность, а соответственно добиться поддержки. После этого начинается *второй этап* — разработка, обоснование и защита программы решения тех или иных проблем. *Третий этап* предполагает организацию действий по претворению ее в жизнь. И следует обязательно предусмотреть (это нередко забывают) этап угасания (завершения) программы, а не просто ее прекращение без должных выводов и заключений.

Что касается *методов*, то они проявляются в определении таких действий, которые указывали бы на способы и средства реализации программ. К таким методам следует, прежде всего, отнести первое требование: *максимизация результатов* в условиях заданной программы. Такое

требование далеко не согласуется с минимизацией затрат и то же время достижением оптимума. *Максимизация затрат* (это второе требование) должна коррелировать с *максимизацией ожиданий*, т.е. быть направленной на реализацию возможно большего удовлетворения потребностей людей, что почти автоматически ведет к снижению негативных оценок предполагаемых результатов. Третье требование исходит из того, что нужен *обстоятельный и внимательный перебор различных вариантов*, в которых эффективность и результативность проявят себя в наибольшей мере, а люди ощутят выгоду. И наконец, к общим требованиям можно отнести *действия, предотвращающие риски, сбои и возможные издержки* в силу непредвиденных воздействий окружающей среды или других социальных и политических сил.

Методическое обеспечение социального программирования включает в себя ряд последовательных процедур, которые можно выразить в следующем алгоритме.

1. *Используется не просто анализ, а диагностика социальных проблем, что включает в себя изучение конкретной ситуации, выявление наличия социальных проблем и их типологизацию (определение принадлежности к определенному классу)*. Диагностика предполагает три взаимосвязанных уровня социологического анализа социальной проблемы: 1) анализ проблемной ситуации, опирающийся на объективные характеристики социальных процессов и ориентированный на установление диспропорций в социальном развитии; 2) изучение социального самочувствия населения, оказавшегося в данной ситуации, направленное на то, чтобы выявить, как сложившаяся ситуация отражается в общественном сознании; 3) исследование поведения групп по интересам, участвующих в определении и решении социальной проблемы.

2. На основе полученной информации осуществляется *отбор проблем, под-*

лежащих решению программным способом. Отбор исходит из критерия напряженности проблемы, т.е. степени достижения целей в случае ее успешного решения; определяется актуальность, важность и злободневность проблемы, ее комплексность и сложность, т.е. необходимость концентрации ресурсов и координации деятельности всех исполнителей для ее решения, а также степень новизны проблемы, т.е. отсутствия апробированного опыта ее решения в сложившейся системе управления, исходя из указанных критериев.

Этот подход прежде всего исходит из возможности: 1) сравнения альтернативных вариантов, их сопоставления и возможности выбора наилучшего, более перспективного, имеющего позитивные долгосрочные социальные последствия; 2) максимального учета потребностей и нужд населения. Но особое значение при отборе играет социологический подход при сопоставлении понимания проблем как в высших эшелонах управления, так и непосредственно людьми, населением. Так, анализ ситуации в стране в 2002—2003 гг. привел руководство страны к выводу о необходимости сосредоточении внимания на трех проблемах: удвоение ВВП, реформа армии и борьба с бедностью, в то время как население, по данным ВЦИОМ, главной задачей считало борьбу с инфляцией (мнение 47% респондентов), государственный контроль над ценами (мнение 36%), индексацию зарплат (34%). И именно такое расхождение может быть (и является) залогом того, что эти программы не будут реализованы, несмотря на все усилия политической власти, ибо они не согласованы с потребностями и желаниями населения.

3. После осуществления отбора программ важным этапом является *определение цели, которую предполагается достигнуть в результате осуществления комплекса мероприятий*. Ее формулирование может осуществляться: 1) исходя

из идеального представления о будущем; 2) исходя из реально существующих проблем; 3) исходя из наличного потенциала (возможностей). Каждый раз, когда осуществляется переход от идеалов к реальным проблемам, а затем к возможностям социального развития и обратно, цели более глубоко осознаются, уточняются и конкретизируются (В.Н. Минина, 1999). По сути дела они должны отражать стратегию развития, которая и закладывает успех решения задач в интересах как данной программы, так и всего общества.

4. Особое место в алгоритме программирования занимает *реализация ресурсного подхода*, т.е. определение тех возможностей, которыми располагает субъект управления, будь это на уровне общества, региона или конкретной организации. Причем ресурсный подход не должен ограничиваться материальными, финансовыми или трудовыми ресурсами. Их может оказаться недостаточно. На современном этапе развития общества все большее значение приобретают научные и социальные ресурсы. Что касается научных, то от них зависит всесторонность, обоснованность, системность при определении рекомендаций по выполнению программы. Но и научное обоснование может быть ограниченным, если оно не учитывает социальную составляющую программы, что в конечном счете связано с потребностями людей, их настроением, желанием и пониманием назревших задач. Так, в 1960—1970-е гг. были разработаны экономико-математические модели управления народным хозяйством сначала в Сибири с перспективой их применения во всей стране. В этих моделях, казалось, были обстоятельно и скрупулезно учтены все ресурсы — природные, технические, экономико-финансовые, кадровые. Приступили к их внедрению. И через некоторое время стало ясно, что они потерпели крах. При всей кажущейся всесторонности,

полноте, учете всех компонентов в моделях не был учтен еще один ресурс — а захотят ли люди (руководители, инженеры, рабочие) действовать согласно этим красивым, математически и экономически обоснованным программам? А они (люди) не захотели. По самым разным причинам. Вот почему ресурсный подход, в том числе учитывающий и социальный аспект, является залогом при реализации всех без исключения намеченных социальных программ.

5. Следующая процедура связана с *отлаживанием механизма реализации цели*, т.е. определением тех средств, при помощи которых будет она достигаться. Это очень ответственный этап, ибо нечеткость, несбалансированность средств и методов ведут к деформации цели, наносят урон всей совокупности осуществляемых программ, приводят к серьезным социальным просчетам.

Если рассмотреть с этой точки зрения программирование российских реформ, начиная с 1991 г., то ни одна из них не была тщательно подготовлена и просчитана. Последствия экономических «землетрясений» наглядно отражены на карте доходности российских территорий. Если, к примеру, в 1993 г. в стране насчитывалось 35 регионов-доноров, то в 1995-м — лишь 11, а в 1997-м — и вовсе 8. К 2001 г. после некоторых уточнений дела вроде пошли на поправку: количество «сильных» территорий выросло до 19. Но грянула очередная реформа — теперь в налогообложении — и в 2002 г. доноров вновь осталось только 10.

6. Регулярный и внимательный анализ хода реализации осуществляемой программы предполагает *ее постоянную коррекцию*. Дело в том (и это вполне естественно), что жизнь вносит коррективы в ход реализации программы: выявляются несовершенство или недоста-

точность средств, становятся явными новые общественные потребности, обнаруживаются противоречия между различными социальными группами в период осуществления преобразований. И здесь определяется умение субъектов управления реагировать на изменение ситуации, и особенно на созревающие латентные причины. Однако корреляция программ проводится не только из-за внутренних причин — она становится необходимой в результате вмешательства внешних факторов, что зависит от осуществляемой государственной политики, международной обстановки, возможных социальных катаклизмов.

7. Завершающей процедурой является *оценка достигнутого результата*, его сопоставление с первоначальной целью, проведение диагностики и на этой основе подтверждение, уточнение или формулировка новой цели.

Основная литература

- Минина В.Н. Социальное программирование: теоретико-методологический аспект. СПб., 1997.
Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 261—262.
 Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 572—585.

Дополнительная литература

- Гордон В.Э. Социальное программирование. СПб., 1996.
 Красовский Ю.Д. Организационное поведение. М., 2000.
 Мильнер Б.З. Организация программно-целевого управления. М., 1980.
 Свенцицкий В.Н., Карчева А.С. Город сегодня и завтра: программно-целевое планирование комплексного развития городов. Киев, 1987.
 Социальная политика в постсоциалистическом обществе: задачи, противоречия, механизмы. М., 2001.
 Целевые комплексные программы: организационно-экономический механизм. 1989.

Социальные технологии

Термин «социальные технологии» — один из новейших в социологической науке. Данное понятие применимо как к управлению обществом, так и к управлению конкретными организациями, любыми социальными объектами.

Под технологией, как ее трактует инженерная мысль, понимается совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий. Технологией принято также называть описание производственных процессов, инструкции по внедрению, технологические правила, карты, графики, ибо для организации нормального хода производства необходима строгая последовательность технологических операций, обеспечение стабильности параметров воздействия на предмет труда в установленных пределах.

В процессе научно-технических и информационно-технологических преобразований значительные изменения связаны с разработкой и внедрением новых технологий: биотехнических, безотходных, энергосберегающих и т.д. Новый шаг в развитии научно-технического прогресса на основе внедрения высоких и безлюдных технологий требует принципиально иного подхода к решению социальных вопросов, таких как подготовка кадров, развитие профессионального образования, учет изменений в стимулировании, содержании и условиях труда и т.д.

Социальные технологии существуют давным-давно. Так, люди, к примеру, долгие века управляли общественными делами, передавали накапливаемые знания и информацию от поколения к поколению. При этом всегда пользовались технологиями, которые в большинстве случаев специально не разрабатывались, были достаточно простыми, да и сами

социальные связи не требовали технологизации: могли быть освоены интуитивно, эмпирически, опытно. Общественное развитие было возможно *на основе соблюдения апробированных правил, предписаний, традиций, культурных образцов*, т.е. традиционных процедур и операций, которые целенаправленно, сознательно не разрабатывались и нередко относились к числу рутинных, но ими руководствовались в практической деятельности. Иначе говоря, суть социальной технологии не в том, возможно ли в принципе технологизировать социальные процессы, а в том, каким образом это сделать.

Общество всегда искало приоритеты не только при реализации технических изменений, но и в сфере социальной политики, рационального использования человеческих ресурсов.

Исследования показали, что внедрение социальных технологий, направленных на более полное использование творческих и интеллектуальных способностей человека, могло обеспечить увеличение промышленного производства на 20—25, а при реализации социальных резервов — на 40—60% (Э.А. Уткин, 1986).

В этих условиях возникла необходимость определить *сущность и содержание социальных технологий*. Анализ осуществленных попыток показывает: у исследователей сложились разные подходы к определению их сущности. Так, В.Г. Афанасьев (1977) определяет их как «элемент механизма управления и средства перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей», М. Марков (1983) — как «способ реализации... конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно...», А.К. Зайцев

(1989) — как «совокупность знаний о способах и средствах организации социальных процессов, сами эти действия, позволяющие достичь поставленной цели», Вал. Иванов (1994) — как систему инновационных способов, средств разрешения сущностного противоречия взаимодействия и самореализации социальных субъектов в диалоге человека и природы. По мнению В.В. Щербины (1993), социальные технологии представляют собой способ организации и упорядочения целесообразной практической деятельности, совокупность приемов, направленных на определение или преобразование (изменение состояния) социального объекта, достижение заданного результата. Речь идет о специфических социальных средствах. Специфика технологии в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры.

В концепции К. Поппера социальная технология характеризуется как способ применения теоретических выводов в практической деятельности. Автор разделяет ее на два вида — «частичную» и «холистскую» (утопическую) технологию. Первая характеризуется не столько масштабностью поставленных целей и задач, сколько реалистичностью, правильным пониманием того, что можно сделать с помощью имеющихся способов, форм и методов социального влияния. Она базируется на анализе реальных процессов и их осуществления в ходе практических преобразований действительности. «Холистская» (утопическая) технология пытается в ходе социальных преобразований решить поставленные задачи как можно быстрее, решительнее, в один прием, революционным путем. Поэтому, по мнению Поппера, она не способна своевременно учесть и предупредить нежелательные, вредные последствия мероприятий.

Анализ этих определений показывает: трактовка социальной технологии практически идентифицируется с управлением. *Сущность социальных технологий* может быть раскрыта только через *выявление и использование потенциала социальной системы, человеческого ресурса в соответствии с целями и смыслом человеческого существования и посредством совокупности методов, процедур, операций, приемов специального воздействия, использования возможностей творческой деятельности как субъектов управления, так и социальных организаций в целом.* Вместе с тем в социологической литературе имеется и расширительная трактовка, в нее включаются проблемы планирования, проектирования, экспериментирования и другие элементы управленческого цикла.

Однако не все социальные процессы подвергаются регламентации, алгоритмизации — в процессе управления в действиях руководителя и каждого причастного к управлению всегда присутствует элемент *импровизации, творчества и интуиции.* Поэтому работу организатора-руководителя иногда сравнивают не только с наукой, но и искусством. Но это не отменяет того, что в этом широком поле поиска рациональной организации управления присутствует (или должна присутствовать) программа (алгоритм) осуществления последовательных операций с целью достижения заранее сформулированной цели. Именно социальная технология создает возможность тиражировать приемы и методы, многократно повторять их, а также применять в аналогичных обстоятельствах в другой социальной ситуации или процессе.

Но алгоритмы управления, которые закрепляются в технологиях, имеют и негативный аспект: они способны консервировать методы и приемы, которые именно по этим обстоятельствам могут на новом этапе обречь их разработчиков на просчеты и неудачу. Широко из-

вестен пример Г. Форда, который прославился своими новаторскими технологиями, успешно в течение четверти века, включая 1930-е гг., решал многие социальные проблемы, но консервация методов и способов решения привели его в 40-е гг. XX в. к ошибкам и серьезным просчетам, что резко снизило эффективность производства.

Обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что *социальная технология* — это совокупность последовательных операций, процедур целенаправленного воздействия и реализации ранее намеченных планов (программ, проектов) и получения оптимального социального результата. Социальная технология — важнейший элемент механизма управления, средство перевода языка намерений на конкретный язык практики. Этому служат формализация социального управления и его расчленение на составляющие элементы с помощью операций и процедур. (Процедура — набор действий, с помощью которых осуществляется управление процессом. Операция — непосредственное действие, путь решения определенной задачи в рамках данной процедуры.)

Социальные технологии выступают в двух формах: как *проект*, технологически оформленный программный продукт и как *деятельность*, связанная с реализацией намеченной цели.

Функционирование социальных технологий всегда связано с требованием повысить эффективность социального управления, быстро и оперативно тиражировать социальные приемы, процедуры, операции.

Особое значение для социальных технологий как практической, организационной деятельности имеет наличие условий их реализации: знание структуры социального процесса, особенностей строения и тенденций его развития; возможность формализовать реальные явления и представить их в виде показателей, операций, процедур. Характер соци-

альных технологий, их особенности обусловлены внутренней природой самого объекта технологизации и установкой на ее разработку и внедрение.

Социальные технологии различаются между собой тем, в каких сферах общественной жизни они реализуются — экономической, социальной, политической или духовной.

В условиях *экономической сферы* усилия социальных технологий сосредоточиваются на решении социальных проблем труда, на его превращении в действенный критерий оценки деловитости и творческого потенциала каждого работника. Исходя из этого делаются попытки технологизировать воздействие на условия трудовой деятельности, содержание труда и направления его интеллектуального развития. Не меньшее значение имеет решение организационных проблем по реализации прав собственности. И наконец, повышение эффективности общественного и личного труда невозможно без заинтересованного участия человека в совершенствовании производства. Вместе с тем кризис экономики в 1990-е гг. потребовал коренного обновления механизма управления, вызвал необходимость учета не столько технико-экономических, сколько социальных и даже идеологических аспектов.

При решении собственно *социальных* (в узком смысле слова) *проблем* предмет особой заботы является создание гарантий для социальной справедливости, согласование на деле меры труда и меры вознаграждения. Актуальной в этой связи является социальная роль форм собственности, методов организации труда не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в сфере быта, в торговом и коммунальном обслуживании. Управление социальными процессами предполагает разработку четких усилий по регулированию таких важных сторон жизни людей, как их здоровье, обеспечение отдыха, социальная защита.

Все более значимой для управления становится демографическая политика, предусматривающая регулирование соответствующего поведения населения, создание семейно-бытовых отношений, создание законодательно закрепленных условий для таких социальных групп, как молодежь, женщины, дети и люди преклонного возраста.

Требуется технологизация и многим *политическим процессам*. В настоящее время российскому обществу предлагается огромное количество новаций при решении политических проблем. Появляются и тут же исчезают бесчисленные проекты устройства государственных структур, замены их новыми образованиями, предложения о проведении экспериментов и просто проверки некоторых идей. Проблемы взвешенности политических решений, проявления политической дальновидности обострились, как никогда ранее.

Как и при управлении наукой, в политике важно видеть то, из чего складывается результат, на чем он основывается. Ведь показатели развития социально-политических процессов не всегда могут ограничиваться количественными характеристиками, например, такими, как численность партий, процент проголосовавших, структура депутатского корпуса и т.п. От того, как участвуют люди в общественной жизни, какими правами они обладают, какое влияние оказывают и могут оказать на принятие решений, зависит нормальное функционирование многих политических структур.

Управление в сфере социально-политических отношений предполагает определенные технологические приемы и методы. Речь идет о создании механизма рационального управления развитием и функционированием власти, умело и органично сочетающей в себе централизацию с самоуправлением.

Так как политика представляет собой не только науку, но и особый вид мастерства, умения ориентироваться в конкретных общественных условиях, то для

политических технологий важны интуиция, искусство политического прогноза, которые не приходят сами собой — они вырабатываются в результате длительной практики. К сожалению, ни теория, ни практика еще не смогли дать сколько-нибудь убедительных примеров научного политического предвидения и прогнозирования. Наоборот, жизнь постоянно показывала, насколько были близоруки, недалекновидны и ограничены многие попытки видеть социальные последствия политических решений: они нередко заменялись эрзацами идей, не имеющих ничего общего ни с наукой, ни с искусством. Более того, 90-е гг. XX в. породили так называемые политтехнологии, которые направлены на манипуляцию общественным сознанием, на его деформацию для достижения целей, в которых заинтересованы как властные структуры, так и многие политические партии и движения.

Возможности технологизации управления в *духовной сфере* в определенном смысле условны, так как они серьезно разнятся от тех приемов, которые присущи управлению в сфере экономики. Она не может обладать жесткостью, ориентированностью на количественные показатели. Это скорее глубокий анализ состояния духовности, выявление тенденций и предвидение возможных изменений в производстве и потреблении духовных ценностей.

Управление духовными процессами имеет целью создание реальных условий для рационального развития культурных запросов и склонностей каждого человека, наиболее полного и всестороннего их удовлетворения. Оно предполагает умелое и гибкое воздействие на тенденции, происходящие в сфере образования, науки, литературы и искусства. Очень трудную и сложную область представляют взаимодействие национальных культур, весь спектр проблем общественного сознания.

Преобразования духовной жизни прямо или косвенно зависят от материально-

го фактора, от уровня общественного производства. Поэтому социальные технологии учитывают материальные возможности, наличие экономических предпосылок для решения возникающих проблем. Иначе все проекты могут вылиться в прожектерство, в культурничество, в составление планов, лишенных реальной базы. Функции социальных технологий в сфере духовной жизни очень сложны, так как каждая из них в известной мере является относительно самостоятельной. Все это в конечном счете затрудняет познание объективных закономерностей духовной жизни общества, а следовательно, и управление ею. Имеется еще одна важная особенность процессов технологизации, характерная для социального управления в сфере культуры. Речь идет о том, что для организаций и учреждений, занимающихся различными аспектами духовной жизни, нужна большая самостоятельность при решении поставленных задач. Их деятельность не может регламентироваться до мелочей, ибо они имеют дело с очень своеобразными продуктами человеческого бытия: социальным настроением, самочувствием, мотивацией, общественным мнением и т.п.

Разработка, конструирование и реализация требований социальной технологии предполагают несколько этапов. *Теоретический* — связан с определением цели, объекта технологизации, операционализацией социального прогресса на составляющие и выявлением связей между ними. *Методический этап* — это выбор методов, средств получения информации, ее обработки, анализа, принципов трансформации в конкретные выводы и рекомендации. *Процедурный этап* связан с организацией практической деятельности по реализации требований социальных технологий.

Одна из важнейших проблем социальных технологий — умение видеть перспективу, не теряться в сиюминутных заботах, не упускать ориентиров. Это

особенно важно, потому что нередко все силы уходят на то, чтобы провести одно мероприятие, затем другое, третье, и невольно исчезает из виду главное, во имя чего затрачиваются энергия, время. Работа на перспективу предполагает возможные потери в пути, но она окупается тем, что воплощается в жизнь основная, ведущая идея.

Итак, подводя итоги сущностным характеристикам социальных технологий, можно выделить основные моменты, а именно: социальная технология — это *определенный способ достижения целей*, состоящий из пооперационного осуществления деятельности; операции разрабатываются *предварительно, сознательно и планомерно*; их разработка проводится *на основе и с использованием научных знаний*; учитывается *специфика сферы общественной жизни*, в которой осуществляется деятельность; социальная технология выступает *в двух формах: как проект*, содержащий процедуры и операции, и как *сама деятельность*, построенная в соответствии с этим проектом.

Основная литература

- Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 651—652.
 Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. Социальные технологии.
 Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 824—825.

Дополнительная литература

- Ансофф И.И. Стратегическое управление. М., 1989.
 Дудченко В.С. Инновационные технологии. М., 1996.
 Иванов В.Н. Социальные технологии. М., 1998.
 Ковлер А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт. М., 1995.
 Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999.
 Новые технологии и человек. М., 1990.
 Перлаки И. Нововведения в организациях. М., 1980.
 Санталайнен Т. Управление по результатам. М., 1993.
 Социальные технологии. Толковый словарь. М.: Белгород, 1995.
 Юрасова М.В. Управленческое консультирование: Социологические методы и технологии. М., 2001.

Ж.Т. Тощенко

Социология организаций

Социология организаций (СО) — особое направление теоретических и эмпирических исследований, сложившееся в рамках социологической науки и рассматривающее: 1) в качестве центральной проблемы — феномен социальной организованности (универсальное свойство социальной жизни), в той или иной степени проявляющийся во всех сферах и на всех уровнях жизни общества; 2) в качестве объекта — организацию как специфическое многоэлементное социальное образование, выступающее субъектом целенаправленной, скооперированной деятельности; 3) в качестве предмета — совокупность социальных (властных и социокультурных) средств, регуляции поведения (и координации деятельности) людей, включенных в процесс скооперированной деятельности.

Как специальная социологическая теория, возникшая на стыке социологии и управленческих наук социология организаций концентрирует свое внимание на изучении и объяснении: 1) природы организации как специфического многоэлементного социального образования и субъекта коллективной деятельности; 2) принципов обеспечения эффективности ее деятельности; 3) условий и логики ее возникновения, развития и функционирования; 4) строения организации и ее социального окружения; 5) способов разделения и координации деятельности; 6) природы человека и социальных групп как социальных объектов регуляции поведения; 7) силовых и социокультурных средств контроля и регуляции поведения; 8) феноменов власти и авторитета в организации; 9) способов взаимодействия и коммуникаций активных социальных элементов организации между собой и организации с элементами внешнего окружения; 10) факторов и меха-

низмов, обеспечивающих, с одной стороны, предсказуемость и воспроизводимость отношений, а с другой — вариативность поведения участников коллективной деятельности; 11) проблем формирования, реализации и соотношения общеорганизационных, групповых и индивидуальных целей участников деятельности и др.

Социология организаций рассматривается и как одна из важных составляющих базовой междисциплинарной комплексной управленческой теории, именуемой «теория организации». В этом качестве она сосуществует с другими междисциплинарными узкопредметными теориями, также рассматривающими организацию в качестве объекта своего изучения. В отличие от других узкопредметных теорий, входящих в состав этой междисциплинарной комплексной теории, она пытается понять и объяснить процессы, механизмы и природу организаций исходя из предметной специфики социологии и опираясь на знания, полученные в рамках социологической науки.

В качестве особого направления социологической науки сосуществует с другими областями социологического знания и частными социологическими теориями (социология семьи, города, науки, образования и др.), изучающими соответствующие социальные институты и коллективные социальные субъекты деятельности и взаимодействия. В то же время по отношению к общесоциологической и некоторым частным социологическим теориям выполняет особую методологическую функцию. Последняя обусловлена тем, что в центр своего рассмотрения социология организаций ставит проблему изучения организованности как универсального свойства любых социальных образований и предпосылки целенаправленного коллективного социального действия.

Если рассматривать социологию организаций как часть общей теории организации и ориентироваться на классическое понимание предметной специфики социологии (проблема обеспечения социального порядка), то возникновение этой дисциплины может быть отнесено к последней четверти XIX в. Хотя, начиная с этого периода, в этой проблематике и работали отдельные крупные социологи (М. Вебер, Э. Мэйо и др.), выделение этого направления в социологии по основанию предметной определенности не совпадает с разработками именно социологов. Если же связывать ее формирование с деятельностью социологов, работавших в рамках теории организаций, то ее возникновение может быть отнесено к началу 1950-х гг. и связано с разработками представителей школы социальных систем (Ф. Селзник, А. Гоулднер, А. Этциони).

Фундамент отечественной (советской) социологии организаций закладывался в 20—30-е гг. XX в., а институционализация этой дисциплины произошла здесь к концу 1960-х — началу 1970-х гг. Среди отечественных ученых системной и кибернетической ориентации необходимо назвать А.А. Богданова, И.В. Блауберга, М.И. Сетрова, В.Н. Садовского, Б.С. Украинцева, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина и др.

Современные концепции социологии организаций находят весьма адекватное отражение в разнообразии существующих моделей организации.

1. Система по подготовке и принятию рациональных управленческих решений (М. Вебер, Дж. Марч, Г. Саймон, М. Сайерт и др.).

2. Сознательно спроектированный под цель инструмент целедостижения, иерархически построенная система деловых взаимоотношений — «социальная машина», которая основывается на принципе максимальной специализации деятельности и формализации деловых отноше-

ний (М. Вебер, А. Файоль, Дж. Муни, А. Рейли, Л. Гулик, Л. Урвик, П.М. Керженцев и др.).

3. Специфический социальный организм, ячейка общества или общины, которая берет на себя определенную часть социальных функций общества, направленных на удовлетворение потребностей членов организации, причем продуктивная функция выступает лишь одной из ряда социальных функций (Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер, Р. Лайкерт, Р. Григас, З.И. Файнбург и др.).

4. Многофункциональная, эволюционно развивающаяся, равновесная, структурированная целевая социокультурная система, действующая в рамках более широкой социальной системы, выполняющей широкий набор социальных функций по отношению как к макро-, так и к микросоциуму (Т. Парсонс, Р. Мертон, Ч. Барнард, Ф. Селзник, А. Гоулднер, А. Этциони, Д. Пью, Д. Хиксон, Б. Хайнингс, Н.И. Лапин, А.И. Пригожин и др.).

5. Поле напряжений, перманентных конфликтов, политических и силовых игр (Р. Дарендорф, Л. Козер, М. Крозье, Дж. Томпсон, Т. Бернс, А. Козьминский, А. Завишляк, А.К. Зайцев, Г.П. Щедровицкий).

6. Гетерогенная, искусственная и закрытая социотехническая совокупность разнородных средств регуляции поведения людей (технологических, социальных, а в некоторых моделях экономических), где социальная регуляция поведения во многом является производной от состояния базовой, технико-технологической подсистемы (Дж. Вудворд, М. Хейр, Э. Трист, Р. Дабин, В.Г. Подмарков, Н.И. Лапин, О.И. Шкартан и др.).

7. Открытая социальная система, действующая в ситуации высокой неопределенности в динамичном и турбулентном окружении, характеризующейся частым изменением «входов» и «выхо-

дов», жертвующей рациональностью и экономичностью в использовании внутренних ресурсов ради повышения ее адаптивной способности (Д. Кац и Р. Канн, П. Лоуренс и Дж. Лорш, Дж. Томпсон и др.).

8. Социальная группа, с подвижной структурой, квазиреальностью и артефактом, возникающим в процессе недетерминированной и намеренной активности разноориентированных акторов, преследующих свои цели (интересы), реализующих свои жизненные стратегии и вступающих в конфликт и временные коалиции между собой (Д. Сильверман).

9. Посредник между человеком и внешней средой — способ обеспечить максимальный доступ к ее ресурсам, где структуры возникают как способ преодоления сверхсложности среды (Г. Саймон, П. Лоуренс и Дж. Лорш, Дж. Пфедфер и Дж. Саланчик).

10. Зависимая система и субъект и сфера обмена ресурсами (или деятельностями) как внутри ее самой (квазирынок), так и с другими организациями, контролирующими необходимые ей ресурсы (П. Лоуренс, Дж. Лорш, Пфедфер, Дж. Саланчик).

11. Свойство социальной популяции, возникающее при соприкосновении организации и с определенным типом внешней среды (А. Хоули).

12. Низкопластичная, слабоадаптивная, консервативная социокультурная система, находящаяся в ситуации взаимодействия с внешним окружением, где тип эксплуатируемой экологической ниши предопределяет структуру организации и ее стратегию, а развитие связано с социокультурными селекционными процессами, реализуемыми на уровне организационной или социальной популяции (М. Хэннон, Дж. Фримен, Дж. Кэрролл, С. Закс., В.В. Шербина, Е.П. Попова).

Почти столь же разнообразны в социологии организаций и взгляды на другие

аспекты жизнедеятельности организации: строение внешней среды организаций, логику принятия управленческих решений, источники и механизмы, предопределяющие организационное поведение и логику организационного развития, критерии эффективности организации. Так, например, внешняя среда организации трактуется: 1) как источник необходимых организации ресурсов (ресурсные или экологические ниши); 2) как социокультурное и правовое пространство, задающее правила и ограничения в деятельности организации (макрочреждение); 3) как целевое окружение — другие организации, которые непосредственно влияют на эффективность и выживание организации.

Вместе с тем представляется, что специфика социологического взгляда на организацию все же может быть достаточно четко определена. В большинстве подходов, возникших в рамках социологии организации (к немногочисленным исключениям относится антисистемный подход в версии Д. Сильвермана), ее предметная специфика связана прежде всего с изучением институциональных (надличностных и социокультурных) аспектов их жизни, а различия касаются скорее факторов, механизмов и сферы протекания этих процессов, чем его содержания. Фокусом предметного видения организации являются: 1) либо социальные процессы, протекающие в организации и ее окружении, описываемые в терминах институционализации или деинституционализации; 2) либо сама организация, трактуемая: а) как целевой, жесткоструктурированный институт; б) как целевая социальная общность, возникающая как продукт процессов институционализации.

Сегодня социология организаций является одной из наиболее развитых специальных социологических теорий,

дисциплиной со сложившейся предметной сферой и определенной проблематикой. В то же время она предстает сегодня как достаточно дискретная и мозаичная система знания, включающая разнородные подходы, теоретические модели и научные школы, сменяющие друг друга или сосуществующие во времени.

Процесс формирования социологии организаций — сложный, длительный и многоэтапный, протекавший на протяжении более чем ста лет в разных странах мира. Прежде всего, становление проблематики и содержания СО может быть описано в терминах смены (сосуществования) различных исследовательских парадигм, возникших как в рамках СО, так и за ее пределами. По разным методологическим основаниям могут быть выделены: 1) взгляды на организацию как на процесс, инструмент и социальный организм; 2) досистемные, системные и антисистемные взгляды на ее природу; 3) нормативистский и антинормативистский подход к ее изучению; 4) эндогенный (выводящий строение и природу организации из состояния внутренней среды организации) и экзогенный (инвайронментальный — из взаимоотношения с внешней средой) подходы; 5) теории, базирующиеся на естественно-научной парадигме и антиестественнический взгляд на организацию, постулирующий принципиальный отказ от понятия «закономерность» и др.

Надо отметить и многообразие методологических ориентаций в СО. Так, в рамках системного подхода существуют различия, фиксируемые в следующих дихотомиях: 1) равновесной или конфликтной; 2) естественной или искусственной; 3) закрытой, открытой (иногда избирательно открытой), 4) равновесной и конфликтной; 5) адаптивной и адап-

тирующей; 6) пластичной и консервативной системы и т.д.

В наиболее обобщенном виде *социология организаций* может быть определена как *специальная социологическая теория (в составе теории организаций), пытающаяся понять природу организаций, объяснить протекающие в них процессы, а также выявить и объяснить обуславливающие их механизмы с позиций предмета и знаний, наработанных в рамках социологической науки.*

Основная литература

- Социологическая энциклопедия.* М., 2003. Т. 2. С. 540.
- Щербина В.В.* Социальные теории организации. Словарь. М., 2000.
- Щербина В.В.* Социология организаций // Социология в России. М., 1998.
- Энциклопедический социологический словарь.* М., 1995. С. 734—735.

Дополнительная литература

- Гвишиани Д.М.* Организация и управление. М., 1998.
- Гибсон Дж., Иванцевич Дж., Доннелли Дж.* Организация. Поведение. Структура. Процессы. М., 2000.
- Кравченко А.И.* Трудовые организации. М., 1991.
- Красовский Ю.Д.* Организационное поведение. М., 1999.
- Лафта Дж. К.* Эффективность менеджмента в организации. М., 1999.
- Лютенс Ф.* Организационное поведение. М., 1999.
- Пригожин А.И.* Современная социология организаций. М., 1996.
- Пригожин А.И.* Методы развития организации. М., 2003.
- Пью Д., Хиксон Д.* Исследователи об организациях. М., 1994.
- Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов.* М., 2005.
- Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г.* Управление это наука и искусство. М., 1992.
- Щербина В.В.* Предмет, структура и проблематика социологии организаций // СОЦИС. 2000. № 8.

Социальный эксперимент

Под *социальным экспериментом* понимается *метод изучения социальных явлений и процессов, осуществляемый путем наблюдения за изменением социального объекта под воздействием факторов, которые контролируют и направляют его развитие*. Этот термин обозначает также способ внедрения в жизнь новых форм социальной организации и оптимизации теории и практики социального управления. Социальный эксперимент предполагает искусственное построение социальной ситуации с целью получения нового знания, обогащающего социальную практику.

Экспериментальный метод стал использоваться в социальных науках с середины XIX в. Классическая схема социального эксперимента была предложена английским социологом Дж. С. Миллем в 1843 г. и в той или иной мере используется до настоящего времени. Основное назначение эксперимента — проверка теории, точнее гипотез, в контролируемых и управляемых условиях. Эксперимент дает не только описание состояния или изменений объекта, но и объяснение причин изменений.

Однако использование эксперимента в качестве метода социального анализа вплоть до 1920-х гг. отрицалось многими учеными (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др.), поскольку они отрицали саму возможность научного экспериментирования с людьми. Кроме того, считалось, что социальные явления слишком сложны для выявления четких причинных зависимостей.

Как способ внедрения в жизнь новых форм социальной организации, социальный эксперимент впервые упоминается в XIX в. в связи с деятельностью английского социального утописта Р. Оуэна по созданию опытных коммунистичес-

ких общин на территории США и Великобритании. Суть социальных опытов Р. Оуэна и других социалистов-утопистов заключалась в построении социально справедливого общества, основанного на социалистических идеях, на отдельно взятых территориях.

Широко известны социальные эксперименты Ф. Тейлора и Г. Форда, имеющие глобальное значение для дальнейшего развития промышленного производства.

Глобальным социальным экспериментом подобного рода можно считать реализацию проекта диктатуры пролетариата и существование советского государства. Огромный интерес представляет управленческий социальный эксперимент по созданию «советского человека» в первые годы советской власти, включающий принятие срочных мер по ликвидации неграмотности, формированию рабочего класса, распространению профессиональных навыков среди больших групп выходцев из деревни, привитию им норм индустриальной субкультуры и т.д.

Постепенно социальный эксперимент стал рассматриваться, во-первых, в научной литературе в качестве *метода определения и анализа причинно-следственных связей и изменений* в исследуемых социальных явлениях, во-вторых, как *одна из технологий социального управления и способ внедрения в жизнь новых форм социальной организации*.

Социальный эксперимент как метод определения и анализа причинно-следственных связей и изменений в исследуемых социальных явлениях, в основном создается на принципе сравнения двух и более социальных процессов, отличающихся друг от друга наличием либо отсутствием гипотетических факторов.

Изучаемое социальное явление описывается как система переменных, сре-

ли которых выделяется независимая переменная (экспериментальный фактор), управляемая экспериментатором и выступающая в качестве гипотетической причины определенных изменений.

Метод проверки гипотез, повышающий чистоту эксперимента, предполагает работу с двумя объектами: экспериментальным и контрольным. Экспериментальной группой называется та группа, к которой применяется изучаемая независимая переменная; контрольная группа идентична экспериментальной по заданным параметрам, но остается вне экспериментального воздействия.

Гипотеза считается доказанной, если вследствие воздействия экспериментального фактора в одном из социальных явлений наблюдается изменение, которое в других явлениях отсутствует.

Начиная с 1960-х гг. проводятся многочисленные, в том числе широкомащтабные социальные эксперименты для выяснения эффективности социальной политики, последствий принятия управленческих решений. С помощью социального экспериментирования исследуются последствия введения социальных пособий, экологические проекты, предвыборные кампании, образовательные программы и т.д.

Социальный эксперимент в социологии должен осуществляться с учетом правовых и нравственных норм общества, ограничения степени риска, обеспечения строгого контроля за ходом процедур и возможности повторения эксперимента. Кроме того, требуется достичь внутренней и внешней валидности эксперимента — уверенности в том, что именно изучаемый фактор является причиной регистрируемого изменения, что выявленная зависимость является закономерной для аналогичных условий.

Классификация социальных экспериментов может осуществляться по разным основаниям: 1) характеру экспериментальной ситуации: выделяют полевые

(проводятся в реальной социальной ситуации) и лабораторные (проводятся в искусственно созданных ситуациях) эксперименты; 2) объектам и предметам исследования — эксперименты, выявляющие причинные зависимости внутри определенной сферы (производство, обслуживание, образование и т.п.) или определенного вида социальной деятельности (социально-психологический, правовой, социально-управленческий и т.д.); 3) специфике поставленной задачи — научные социальные эксперименты, направленные на приобретение нового знания, прикладные, имеющие целью получение практического эффекта (решения социальной проблемы, повышения эффективности и проч.).

Алгоритм социального эксперимента включает в себя:

- 1) выдвижение идеи, обоснование, построение гипотезы (научное предположение);
- 2) разработку концептуальной модели эксперимента, которая предполагает: выделение фактора, определяющего экспериментальную ситуацию (независимой переменной); выделение зависимого фактора (группы следствий); определение критериев оценки эксперимента (проверка гипотезы); определение условий эксперимента;
- 3) разработку программы эксперимента (цель, задачи, объект, субъект, продолжительность, этапы, алгоритмы, результаты);
- 4) выбор и подготовку субъекта и объекта эксперимента;
- 5) разработку конкретного плана действий;
- 6) реализацию экспериментальной программы;
- 7) измерение (сравнительный анализ) независимой и зависимых переменных в динамике (эмпирическая фиксация исходного и последующего состояний экспериментальных объектов);
- 8) контроль и корректировку эксперимента;

9) предварительную оценку итогов эксперимента;

10) вывод объекта из экспериментальной ситуации;

11) осмысление и теоретическую интерпретацию итогов эксперимента (подтверждение гипотез, прогноз, разработка теории);

12) разработку научных рекомендаций.

Особенности и ограничения (пределы) социального эксперимента включают: сложность организации социального эксперимента; социальный объект порождает дополнительные требования к эксперименту, обладает памятью; многомерность социальной детерминации, использование принципа «не навреди»; этические проблемы манипулирования людьми, обращение с ними, как с материалом — неизбежный факт исследовательской работы; качество данных, получаемых в широкомасштабных социальных экспериментах, далеко не всегда оправдывает их чрезвычайно высокую стоимость; необходимость научной и общественной экспертизы.

Современное использование социального эксперимента в социальных науках направлено на поиск эффективных техник управления, его результаты рассматриваются как важный фактор снижения риска при принятии управленческих решений.

Главный критерий социального эксперимента — реальное улучшение организации жизнедеятельности людей, управления социальными процессами.

В силу сложности, затратности, неоднозначности результатов и последствий, а также недостаточной разработанности теории и методологии социального эксперимента данная социальная технология в настоящее время не так популярна.

В настоящее время в современной науке предлагается использование виртуальной реальности, виртуальных миров как идеального места для проведения социальных экспериментов в области экономики, здравоохранения, лингвистики, социологии, психологии т.д.

Основная литература

Вихалем А.П. Эксперимент в социологии (статья) // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 898—908.

Цветкова Г.А. Эксперимент социальный // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 795—797.

Дополнительная литература

Аверин А.Н. Социальный эксперимент и его роль в управлении. М., 1986.

Винокур А.В., Рыбкина Р.В. Социальный эксперимент. Новосибирск, 1966.

Куприян А.П. Методологические проблемы социального эксперимента. М., 1971.

Кэмпбелл Дж. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях: Пер. с англ. М., 1980.

Лапин Н.Н. Теория и практика инноватики. М., 2008.

Хагуров А.А. Социальный эксперимент: логико-методологические и социальные проблемы. Ростов-н/Д., 1990.

Ядов В.А. Социальный эксперимент как метод проверки научной гипотезы // Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 2005.

Янкевич С.А. Социальный эксперимент и научное управление обществом. Минск, 1984.

**Г.А. Цветкова,
Г.В. Тартыгашева**

Раздел VI

Место социологии в структуре социальных наук

Основные принципы взаимодействия

Социология и философия

Социология и история

Взаимодействие социологии
и экономических наук

Социология и политические науки
(политология)

Социология и право

Социология и культурология

Социология и социальная психология

Основные принципы взаимодействия

В течение длительного времени место социологии среди других общественных дисциплин выяснялось главным образом при обсуждении вопроса: *какие области научного знания можно отдать социологии, а какие оставить за другими социальными науками.* Нередко давался ответ: социология — это вспомогательная дисциплина, поставщик конкретной информации. Конечно, в ходе этих дискуссий высказывались и иные точки зрения, но все они так или иначе отказывали социологии в праве на самостоятельную роль, приспособлявая ее к существующей структуре социального знания, и в лучшем случае искали компромисс между различными точками зрения, но опять же за счет социологии.

Какова же реальная ситуация ныне, в начале третьего тысячелетия?

Что касается *социальной философии*, то она концентрирует внимание на глобальных общественных явлениях, нацелена на выявление закономерностей развития человеческого общества. Опираясь на конкретно-исторические реалии, социальная философия стремится выявить общие тенденции и характер происходящих изменений, тогда как *социология*, *используя знание общих закономерностей, осуществляет анализ роли и места человека в жизни конкретного общества, его взаимодействия с другими людьми, в рамках различных социальных институтов исследует специфику общностей разного типа и уровня.* Следовательно, новая постановка вопроса сразу сняла много неопределенных моментов в соотношении социологии с философскими дисциплинами

и четко обозначила ее место среди фундаментальных наук об обществе.

По многим вопросам, касающимся производства, распределения, потребления и обмена, социология имеет много общего с *экономическими науками.* Взаимодействуя с ними, социология участвует в анализе поведения работника при решении всех без исключения экономических, организационных, технических, управленческих и других подобных задач, связанных с функционированием рыночных отношений, форм собственности. Социология способствует освобождению от бессубъектного рассмотрения экономики, более полной оценке знаний, воли, мотивов, желаний человека и их влияния на рост производительности труда, качество продукции, повышение эффективности производства.

В последнее время актуализировался вопрос о соотношении социологии с *политическими науками, с политологией.* Имея общий предмет исследования, они между тем серьезно отличаются друг от друга. Социология по сравнению с политологией не претендует на всеобщий анализ проблем власти, в центр своего внимания ставит определенную задачу — *выявить место, роль и позицию людей, социальных групп и слоев в сфере политических отношений.*

Правовыми науками также накоплен богатый опыт использования социологических данных при изучении властных отношений, процессов функционирования правовой культуры. Статистические методы в сочетании с субъективной ин-

формацией дают возможность оценить состояние и тенденции развития законности, государственности, пути реализации прав и свобод всех граждан общества. Социология сосредоточивает внимание на *правовом сознании людей, их причастности или участию в правовой жизни общества, их отношении к устанавливаемым государством законам и нормам.*

Плодотворна роль социологии во взаимодействии с *историческими науками*, что позволяет им расширить традиционный инструментарий для решения своих познавательных целей и задач. Широкое поле открывается и при исследовании проблемы *исторического сознания, исторической памяти* — приоритет социологии здесь неоспорим по сравнению с другими научными методами.

Развитие *этики и эстетики* также предполагает использование возможностей социологии, так как ее исследования дают количественную и качественную оценку степени развитости норм и ценностей, регулирующих отношения между людьми, а также уровня зрелости эстетического вкуса, путей и форм удовлетворения духовных потребностей и т.п. Взаимоотношения в семье, в коллективе, состоянии нравственности можно во многом установить с помощью специфических методов, которые находятся в распоряжении социологии.

Значительный удельный вес в социологии занимает комплекс вопросов, относящихся к компетенции *экологии и медицины*. Проблемы здоровья, охраны природы, окружающей среды невозможно в полном объеме представить без анализа экологического сознания, отношения к физической культуре, участию в осуществлении различных аспектов милосердия.

В обосновании проблем *градостроительства, территориального размещения, пространственной структуры расселения*, в создании новых городов также потре-

бовалось участие социологии, ибо игнорирование сложившегося уклада жизни людей, их традиций и склонностей привело к целому ряду серьезных ошибочных решений, таких, как ликвидация перспективных деревень, многоэтажное строительство в сельской местности, отказ от применения ландшафтной архитектуры и др.

Существуют связи социологии с естественными и точными науками. Именно в процессе взаимодействия с биологией нашел свое специфическое выражение системный подход, получили развитие *экологическая социология и социология медицины*. Крепнет сотрудничество социологии с *математической наукой*, так как трудно представить ее без специальных математических методов, обеспечивающих эффективность и достоверность эмпирического исследования.

Важное значение в развитии социологии приобретают *междисциплинарные связи*. На их основе возникла социальная психология, развивается *социолингвистика*, проходит стадию становления *социальная педагогика*. Для всех этих новых направлений науки вклад социологии состоит, во-первых, в «замыкании» проблематики на структурных социально-групповых носителях особых интересов, во-вторых, в широком использовании специфических методов и приемов исследования, дающих возможность расширить фактологическую базу всего гуманитарного знания. Итак, смысл вычленения социологии из всей системы наук, и прежде всего общественнознания, состоит в том, чтобы выйти на анализ сознания и поведения людей в единстве объективных условий и субъективных факторов.

Основная литература

- Волков Ю.Г. и др. Социология. М., 2000. С. 7—10.
Кравченко А.И. Социология. М., 2001. С. 41—48.
Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 84—87.

Дополнительная литература

Верховин В.И., Зубков В.И. Экономическая социология. М., 2002.

Дробышева Л.М. История и социология. М., 1997.

Казлова О.Н. Социология духовной жизни. М., 2004.

Лапаева В.В. Социология права. М., 2002.

Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002.

Соколова Г.Н. Экономическая социология. Мн., 2003.

Ж.Т. Тощенко

Социология и философия

Различие между социологией и философией может показаться очевидным. Действительно, философы не проводят эмпирических исследований, не используют математических методов в построении своих моделей, не претендуют на политические и социальные прогнозы, и таких «не» можно привести множество. Но это лишь поверхностный взгляд на соотношение «поисковых полей» двух наук, которые на самом деле существуют неразрывно, постоянно обогащая друг друга.

Существует легенда о том, что австрийский философ Людвиг Витгенштейн (1889—1951), один из наиболее влиятельных и при этом самых парадоксальных мыслителей XX в., в молодости получил предложение сделать доклад на тему «Что такое философия?». Некоторые его биографы утверждают, что данное событие происходило в Кембридже в ноябре 1912 г. на заседании Клуба моральных наук, а Витгенштейну тогда было 23 года. Это было его первое научное выступление. Доклад длился четыре минуты, и философия была определена как «...совокупность всех примитивных предложений, которые приняты без доказательств всеми науками...» Можно расценивать подобный нигилизм как курьез, но в последующем этот юноша стал автором знаменитого логико-философского трактата.

Итак, что же такое философия? Согласно Платону философия — это познание сущего, по Аристотелю — это исследование причин и принципов вещей, в трактовке Эпикура — философия

есть путь для достижения счастья путем разума. Существует множество определений, ни одно из которых не может передать полностью все значения этого термина и вместить всю глубину и мощь интеллектуального потока, направленного на постижение «...тайны человеческого бытия, где различие добра и зла составляет ядро философии...» (М. Мамардашвили). Остановимся на том, что философия — это «...особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия...» (В.С. Степин). При этом «научное мышление невозможно ни как деятельность, ни как проблема без некоторых предваряющих философских акций, без предварительного образования философского пространства...» (В. Зомбарт).

Напомним, что практически все науки сформировались и выросли в недрах философии, которая долгое время, особенно в древности, была синонимом науки вообще. Именно философия вырабатывала базовые фундаментальные и универсальные понятия и категории, которые использовались в будущем конкретными науками. Универсальность философского знания подчеркивается и поныне тем фактом, что в рамках европейской цивилизации и до сих пор все научные достижения и свершения венчаются званием «доктор философии», без указания, в какой конкретной сфере науки соискатель этой степени трудится. Зарождение социологии также про-

изошло в недрах философской мысли, или точнее сказать, той ее части, которая относится к социальной философии. О. Конт, который ввел в научный оборот слово «социология», впервые употребил его в своем 4-томном труде, который назывался «Курс позитивной философии» (1844—1848).

Философия существует и функционирует в обществе как бы «неявно», но в своих теоретических построениях она концентрирует дух эпохи, который «рассеян» в головах современников и реализуется на различных «уровнях» социума — это наука, искусство, политика, идеология, литература, мораль и т.п.

Когда общество в очередной раз оказывается на переходном этапе развития, где ранее сложившиеся ценностные ориентиры, выраженные системой универсалий культуры (представлениями о природе, обществе, человеке, добре и зле, жизни и смерти, свободе и необходимости и т.д.) перестают работать и обеспечивать социальное воспроизводство, философия актуализирует свое социальное предназначение. Она отвечает на потребность в поиске новых мировоззренческих смыслов и идей. В этом состоит мировоззренческая функция философии. Не менее важна методологическая функция философии. Именно философия предлагает универсальные гносеологические модели, которые осваиваются науками. Если обобщить имеющиеся точки зрения, проследить реальное развитие научной мысли, то непременно приходишь к выводу, что *философия и ныне играет методологическую роль по отношению ко всем наукам*. Социология, так же как и философия, огромное внимание уделяет методологии и методам познания. Правда, это не означает, что социология во всем следует постулатам философии. Последние играют роль принципов анализа социальной действительности, являются основой для выработки особенных форм и методов социологического познания.

Социология и философия имеют между собой массу точек соприкосновения, их социальные функции сходны, особенно это заметно там, где дело касается социальной философии и теоретической социологии. В. Зомбарт (1863—1941) полагал, что «...Под социологией в самом широком смысле слова понимается ...всякого рода познание человеческого общежития, т.е. человеческой культуры или истории человечества...» Представляется, что эта формулировка вполне соотносима по масштабности с предыдущими высказываниями о сути философской науки. Более того, Зомбарт говорит о философской социологии, к области которой «...относится всякое учение об обществе, переходящее за границы опыта, как-то: всякого рода теории о «принципах развития человечества», о «сущности» того или иного явления культуры, об «определяющих историю факторах» («материалистическое» или иное «понимание истории») и тому подобные теории, на которых лежит метаисторическая печать...».

Одновременно с этим социологию можно определить как некую «...совокупность познавательных практик, направленных на изучение социальной реальности (социума) и механизмов действия социальности в различных ее проявлениях...». Интересно, что это определение сформулировал философ (В. Степин), что символично. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, как активно «размываются» границы различных областей социального и гуманитарного (впрочем, не только гуманитарного...) знания к началу XXI в. Философия и социология (прежде всего теоретическая) не являются исключением, граница между ними оказывается все более зыбкой.

Единство философского и социологического знания проявляется в том, что *многие выводы и постулаты философии близки выводам и постулатам теоретической социологии, теории и методологии*

социологической науки. Но это не означает их идентичности или тождественности. Если философия дает представление о картине мира, природы и общества, показывает, что есть, каково происхождение тех или иных процессов и явлений, создает идеальные теоретические модели, игнорируя частности, то социология, обладая как общенаучными, так и специфическими методами познания, стремится ответить на вопросы «что делать», «как и каким образом действовать», показывает качество изменений социальной реальности во всей их сложности, противоречивости, неповторимости и даже уникальности.

Роднит социологию и философию *общность категорий* (предельно широких универсальных понятий), которые они используют в своей трактовке окружающего мира (вселенная, цивилизация, мир, общество, культура, человек и др.). Однако при изучении окружающей реальности акценты могут быть расставлены разные: если философия рассматривает их как объект тщательного и обстоятельного анализа, то для социологии это скорее фон, условия, среда, в которых происходят интересующие ее процессы, развиваются соответствующие общественные отношения, происходят события, олицетворяющие интересы и потребности людей, социальных групп, классов, государств и обществ.

Нужно сказать, что происходит *взаимное обогащение* философского и социологического знания, когда логика теории познания дополняется и уточняется информацией, получаемой методами социологии.

Если философия — это мировоззрение, которое определяет понимание места и роли человека в мире, то социология сосредоточивает свое внимание на отношениях человека с этим миром, и не только в глобальных масштабах, не только на уровне макросреды, но и в условиях непосредственно окружающей дей-

ствительности, на уровне мезо- и микросреды во всем богатстве социальных связей — производственных, политических, бытовых, культурных.

Если философия претендует на объяснение (трактовку) смысла мира и смысла человеческого существования, то *социология нацелена на изучение понимания людьми своих целей, интересов, потребностей, мотивов в реальных социальных ситуациях, многообразие которых даже трудно перечислить.*

Обстоятельный и глубокий анализ философской и социологической теорий показывает, что если философская мысль демонстрирует логику познания, исходя из гносеологических, онтологических и аксиологических принципов познания, то теоретические постулаты социологии сразу же можно перевести на язык методологии и применяемых ею методов, получить возможность операционализации понятий, которые используются в эмпирических, прикладных исследованиях. Не будучи простой калькой философских категорий и понятий, социология развивает, дополняет или предлагает иное видение тех понятий, которые используются в социальной философии и других социальных науках.

Так, если социальная философия и социология имеют одинаковый объект исследований — общество, то это не означает одинаковых методов познания, трактовок сущности изучаемой реальности. Если социальная философия стремится выявить общие закономерности функционирования общества, тенденции его развития, то социология, образно говоря, изучает «общество в человеке и человека в обществе» (П. Бергер), что связано с поиском не только общих, но и специфических особенностей, выявлением многообразия характеристик, вплоть до сугубо индивидуальных, любого общественного организма. Иначе говоря, социология изучает эпоху в ее

конкретном человеческом измерении, во всем многообразии социальных связей, противоречий и тенденций развития.

Современная социальная философия рассматривает общество как *систему, состоящую из четырех сфер — экономической, социальной, политической и духовной* (Г. Арефьева, В. Барулин, Б. Чагин и др.). Этой логике следует и социология, рассматривая ее структуру, через экономическую и политическую социологию, социальную сферу и духовную жизнь. Причем социология не ограничивается, как социальная философия обобщенным анализом происходящих процессов в этих сферах. Исходя из своих методов познания, социология осуществляет более углубленный анализ каждой из этих сфер. Так, в рамках экономической социологии анализируются социальные проблемы рынка, труда, города, села, демографии, миграции, экологии и другие, т.е. всего, что имеет в этих объектах исследования социально-экономическую окраску. Для анализа социальной сферы выделяются специальные социологические теории, которые в той или иной мере свидетельствуют о важности изучения социальной структуры — профессиональной, демографической, этнонациональной, семейной, половозрастной, социальных групп с различным типом поведения, вплоть до девиантных. Соответственно в сфере политической жизни изучаются проблемы власти, государства, партий, общественных движений и организаций. Особое место занимает социология права и социология международных отношений. И наконец, духовная жизнь общества исследуется в рамках социологии культуры и образования, социологии науки и средств массовой информации, социологии литературы и искусства, социологии религии, анализирующих многообразие интеллектуального богатства человека, степень и уровень его развитости, противоречивость становления, развития и функционирования личности в зависимости от

объективных условий и субъективных факторов. Таким образом, сферы общественной жизни предстают в социологических исследованиях во всем их многообразии и специфических проявлениях.

Между философией и социологией существуют методологические различия в трактовке *материального и идеального*. Если эти две категории с рамках философской мысли предстают с точки зрения формальной логики как достаточно определенные сущности, то в социологии исследуемые явления часто выступают в многообразии их совмещения, одновременного существования материального практически во всех без исключения социальных процессах и явлениях.

Как в философии, так и в социологии огромное место занимает *анализ и интерпретация процессов, происходящих в общественном сознании*. Признавая интерпретацию общественного сознания философией как общественного и индивидуального, теоретического и обыденного, социология предлагает свое видение и свое понимание структуры и сущности этого феномена.

Что касается уровней, то социология не может ограничиться анализом только индивидуального и общественного сознания — для нее огромное значение приобретает *изучение группового сознания* как необходимой ступени более глубокого, более обстоятельного и всестороннего рассмотрения реально происходящих изменений в сознании различных производственных, политических, общественных, культурных, религиозных и других общностей.

Для социологии, для ее эмпирических исследований не конструктивно *деление общественного сознания на теоретическое и обыденное*. Если логически обоснованная философская конструкция имеет оправдание для такого деления общественного сознания, то социология имеет дело с *реально функционирующим (практически) сознанием*, в котором в самой причудливой форме переплетаются

и научные и обыденные представления, проявляется все многообразие, специфика, противоречивость и уникальность отдельных элементов общественного сознания и поведения. И нет ни одного субъекта в истории, который бы мыслил только на теоретическом уровне или только понятиями повседневности. Речь может идти только о разных пропорциях теоретического и обыденного, представленного в сознании людей. Это тем более важно, что социолог познает общественное (групповое) сознание через сознание индивидов. Он постоянно сталкивается именно с реальным (практическим) сознанием, а не с некоей абстрактной схемой, хотя и логически интерпретированной. При этом необходимо отметить, что реальное сознание — самое богатое по своим проявлениям, олицетворяет общественные противоречия во всем их разнообразии, отражая как рациональные идеи, так и иллюзии, заблуждения и специфику восприятия той действительности, которая окружает людей.

Развитие социологической мысли привело к обоснованию еще одного аспекта в трактовке общественного сознания и поведения — *массового сознания*, который связан с пониманием тех или иных общественных событий, реалий общественной и личной жизни большинством населения страны или региона.

Социология предлагает собственные трактовки рационального и эмоционального, чувственного в общественном сознании. Признавая логически оправданным такое деление общественного сознания, социология исходит из другого принципа — в реальной жизни, в сознании изучаемых социологией людей тесно переплетаются эмоции, чувства и рациональный подход (разум) к освоению действительности. Поэтому в *социологических исследованиях эти аспекты сознания не противопоставляются, а изучаются в синкретическом единстве*.

Фактически такая же ситуация складывается и при трактовке понятий «объективное» и «субъективное». Если в философии это противопоставление носит логически обоснованный характер, как зависящее или независящее от сознания и поведения людей, то в социологии в отдельных ситуациях *субъективные силы могут выступать как объективно обусловленная данность*, на которую исследуемый субъект (личность, организация, социальная группа) не может влиять.

Многие понятия философии получают более конкретное и более определенное звучание, связанное с тем, что социологией изучается реальная жизнь во всем многообразии ее проявления. Так, социология оперирует понятиями «социальное время» наряду с философской категорией «время», «социальное производство» наряду с понятием «производство», «социальное пространство», социальная статистика и т.д.

Основная литература

Голофраст В.В. Методология социологического исследования // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 392—394.

Степин В.С. Философия // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. IV. С. 195—200.

Тощенко Ж.Т. Место социологии в системе общественных наук // Социология. М., 2005. С. 84—89.

Швырев В.С., Разин В.М., Огурцов А.П. Методология // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. I. С. 629—633.

Дополнительная литература

Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.
Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.

Зомбарт В. Социология. Л., 1990.

Иванов В.В. Введение в методологию социологии. Казань, 1999.

Мамардашвили М. Введение в философию. М., 1996.

Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб., 2002.

Руткевич М.Н. Макросоциология. Методологические очерки. М., 1995.

*Е.А. Гришина,
В.Ф. Левичева,
Ж.Т. Тощенко*

Социология и история

Близость исторической науки и социологии основывается на том очевидном факте, что история, подобно социологии, стремится находить, реконструировать, расшифровывать и сохранять представления и данные о минувшем. Принципиальная разница обеих наук сводится к тому, что социология лишена возможности непосредственного обращения к ушедшим людям, реалиям прошлого. Принципиальной задачей социологов является концентрация на настоящем, хотя собираемые ими данные о настоящем уже на следующий день становятся своего рода историей, именуемой историей новейшей. Близость обеих дисциплин предопределена тем, что история в своей преобладающей части занимается исследованием действий человека, групп, народов и масс — действий социальных, как и социология. Даже история материальной культуры имеет дело с творениями рук человеческих.

Взаимоотношения, взаимодействия истории с социологией начались с первых шагов социологической науки. В структурных разделах социологического знания, как их сформулировал основатель этой науки О. Конт (1798—1857), а также в специально разработанной им исследовательской методике историческое знание, исторические данные, понимание генезиса объекта изучения заняли ведущее место. Он исходил из того, что исторический и сравнительно-исторический подходы являются общенаучными. Известно его высказывание о социологии как *истории без имен и дат*.

Понимание задач, объекта исторической науки, как и науки социологической, за время параллельного их существования претерпевали заметные перемены. Не секрет, что и термин «социальное», и внимание к человеку, и формирование знания о человеке и обществе стали

складываться примерно в одну эпоху — эпоху Просвещения. В поле зрения истории к этому времени попадали далеко не социальные проблемы. Один из первых социологов Г. Спенсер (1820—1903) высмеивал современных ему (вторая половина XIX в.) историков за их увлечение исключительно войнами, великими властителями прошлого и церковной историей. Возникновение социологии придало стимул развитию и истории, поскольку ей пришлось в конкуренции с новой наукой уточнять, менять свои подходы и акценты в изучении прошлого. В итоге обе науки получили серьезный импульс взаимообогащения.

Со второй половины XIX в. историческая наука стремительно меняет свои исследовательские интересы: возникает и растет внимание к проблемам, ранее не находившим места в трудах профессиональных историков. Складывается новое направление исторической мысли — *социальная история*. Эта историческая дисциплина исследует практически те же проблемы, которыми занимается социология: общественные классы и группы, общественное сознание и поведение, социальная мобильность, факторы динамики общественного развития, ценности и предпочтения людей и т.д. Показательно и то, что на протяжении XX в. историки эффективно осваивали исследовательские методы (контент-анализ, построение моделей и др.), выработанные социологией, а также терминологию, понятийный аппарат социологической науки.

Процесс взаимодействия и взаимообогащения обеих наук наглядно иллюстрируют, в о - п е р в ы х, свидетельства из прошлого отечественной науки об обогащении истории социологией, а социологии — историей. Один из самых известных историков нашей страны В.О. Ключевский (1841—1911) в 70-е гг. XIX в.

начал активно применять социологические методы в изучении прошлого. В своей первой диссертации он сумел извлечь из житий древнерусских святых научно безупречные данные о современном этим людям социальном (и природном) окружении, а в следующей — докторской — диссертации (1882) представил фактически социологическое исследование дворянско-боярской элиты России XVII в. — персонального состава боярской думы Древней Руси.

В этот же период социология стала постепенно избавляться от глобальных — историко-эволюционных схем, которые представляли собой попытки выявить общие закономерности в развитии человечества. Творчество М. Вебера, Ф. Тённиса и других стало демонстрацией того, как знание исторической конкретики может обогатить социологию. Особо наглядное отражение это нашло в творчестве ряда российских социологов. Широко и эффективно использовал исторические данные М.М. Ковалевский (1851—1916); он выполнил ряд работ по сравнительно-историческому анализу государственного и частного права. Его работы о методе сравнительно-исторического исследования в начале XX в. были весьма популярны среди студентов и молодых ученых России. П.А. Сорокин (1889—1968) оперировал в своих трудах энциклопедическими знаниями о прошлом, специально занимаясь теорией социально-исторического процесса. Его монументальная «Социальная и культурная динамика» (1937—1942) построена на обширном материале о прошлом всего человечества. Н.И. Кареев (1850—1931), В.М. Хвостов (1868—1920) своим творчеством символизируют профессиональную близость истории и социологии, плодотворность их взаимодействия, неизменно обогащавшего обе науки. Кареев предпринял попытку создать собственную социологически обоснованную теорию исторического процесса под названием «историология» (1916). Он, а также В.М. Хвостов, внимательно

исследовали развитие самой социологической мысли.

В о - в т о р ы х, сочетание истории и социологии проявилось в рождении истории социологии, как отрасли научного знания. История социологии генерирует анализ развития идей; их познание осуществляется историческими методами. Знание истории социологии позволяет выявлять все новые и новые характеристики творчества видных социологов, школ социологической науки, демонстрирует тенденции развития социологического знания на всех этапах его возникновения и функционирования. Современное социологическое знание органически включает в себя данные о социальной реальности прошлого. Соответствующие разделы социологического знания сегодня простираются от жизненного пути индивидов до глобальных трендов.

В - т р е т ь и х, взаимодействие и взаимообогащение социологии и истории проявилось в том, что стандартом социологического анализа, признанной его нормой стали определенные, четкие требования. Социологу нужно сформировать научные представления об истории исследуемой проблемы, знать, например, историю исследуемого общественного института, организации, знать (в общих чертах) жизненный путь интервьюируемого человека и т.д. Нет необходимости доказывать, насколько владение данными о прошлом обогащает исследовательские возможности социолога. Появляется возможность выявлять специфику и характерные особенности развития, процесса, становления исследуемого объекта, возможность понимания неявных тенденций и возможных вариантов развития, возрастает прогнозная, предсказательная сторона изучения социальной реальности.

В - ч е т в е р т ы х, социологическое мастерство в значительной мере связано с еще одной гранью взаимодействия истории и социологии. Речь идет о зна-

нии истории изучения аналогичных исследовательских проблем (истории возникновения идей и их осмысления). Без такого знания мы обречены вновь и вновь «изобретать порох» (или велосипед). Можно сказать, что социологи всех поколений на протяжении уже двухсот лет были заняты изучением одного и того же объекта — общества и человека. Знать, что и как социологами (и представителями других наук) делалось ранее, значит идти проверенным путем, ставить и решать значимые для науки и общества вопросы. Не удивительно, что опыт прошлого отражен в научных практиках современной социологии. Так, стандартом научной работы является знание накопленного опыта, литературы, других видов информации по исследуемой тематике, выявление степени ее изученности. Это — история изучения конкретных тем и проблем, в том числе и социологической наукой. Собственно, с этой задачи, с выяснения генезиса идей, должно начинаться всякое исследование. Только на этой основе открывается возможность поставить новые, ранее не нашедшие места в науке исследовательские вопросы, т.е. возможность получения подлинно нового знания. Следуя этому правилу, социолог также получает достоверные представления о применявшихся предшественниками теоретических положениях и концепциях, их эффективном сочетании, а также о методологических стратегиях поиска надежных результатов.

И н а к о н е ц, в наше время олицетворением и воплощением единства истории и социологии стала *историческая социология*. В современном понимании — это часть социологического знания, обеспечивающая социологическими методами единство анализа прошлого, настоящего и будущего в применении к исследуемому объекту. Она предполагает получение и применение социологических данных, относящихся к историческому прошлому. Историческая социология —

базовая часть социологического знания, связанная с временными практиками, фундаментом всех социальных фактов, действий, объектов социологии. Исторические составляющие социологического знания позволяют в оценках и интерпретациях выходить за пределы современности, устанавливать единство прошедшего и настоящего, более обоснованно прогнозировать будущее. Если социолог умеет органически включить в анализ изучаемого объекта его историческое прошлое, возникает цельная цепочка эмпирических данных, а также теоретических и методологических аспектов работы над решением стоящей задачи.

В русле развития этой тенденции социология обогатилась в последние десятилетия такими методами и подходами, как личная и устная история, история повседневности, биографический и автобиографический подходы. Они придают исследовательским данным динамику, повышают убедительность, эффективность аргументации.

Фундаментальный характер исторической социологии связан с обращением социологической науки к генезису, развитию, к пониманию истории как процесса во времени. Применяется историческая социология на всех уровнях анализа, равно как и в специальных дисциплинарных разделах социологии — социология экономическая, политическая и др. В трудах по исторической социологии анализируются материализованные итоги и факторы истории: институты, организации, структуры, акторы, процессы и т.д. Крайне осторожна историческая социология в конструировании законов истории. Сложилась методологические стратегии и специальные методики социологического исследования прошлого. Об эффективности взаимодействия истории и социологии в рамках исторической социологии говорит *историзация социологии*, констатируемая с начала XXI в.

Основная литература

Кудинов В.В. Социология историческая // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 716—718.

Романовский Н.В. Социология историческая // Социологическая энциклопедия. В 2 т. М.: Мысль. 2003. Т. 2. С. 527—529.

Романовский Н.В. Историческая социология. М.: Канон+, 2009.

Дополнительная литература

Историческая социология: Опыт и перспективы (заочный круглый стол) // СОЦИС. 2005. № 1. С. 41—53.

Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // СОЦИС. 2004. № 10. С. 55—63.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2 т. СПб., 1999.

Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // СОЦИС, 2002. № 2.

Н.В. Романовский

Взаимодействие социологии и экономических наук

Общими объектами этих наук являются люди, группы людей, сообщества и социум в целом, жизнедеятельность во всех формах. Их общим предметом является сознание и поведение индивидов и групп, правила и механизмы, ресурсы, промежуточные и конечные результаты и эффективность взаимодействий.

В науке широко известна органически интегрированная комбинация социологии и экономики, что нашло отражение в появлении специальной социологической теории — *экономическая социология*.

Именно экономическая социология в явной форме осуществляла и продолжает осуществлять функцию связи экономического и социологического знания, выступая представителем, доверенным лицом социологии и социологов в экономике.

Необходимо подчеркнуть, что современная экономическая теория заметно уходит от традиций, начало которым было положено более двух с половиной веков тому назад Адамом Смитом. Именно он может считаться основоположником экономической социологии, Вебер впоследствии следовал его идеям.

Обычно различие или сходство наук (научных дисциплин) устанавливают по сходству или различию объекта, предмета, методологических основ и их методов.

Объект экономической науки и экономической социологии существенно пересекаются, хотя и не совпадают. Так, для экономической социологии важна социальная структура хозяйства, т.е. наличие в нем элементов, связанных с социальным статусом, объемом власти, принадлежностью членов домохозяйства к демографическим или этническим группам и т.п. Для нее интерес представляют социальные характеристики экономического поведения.

Основой интереса традиционных экономических наук является поведение любых хозяйствующих субъектов, подчиненное системе постулатов о рациональном выборе, взаимной независимости (индивидуальности), полезности как убывающей функции объема потребляемых ресурсов, свободной конкуренции. Они — база идеального представления, идеальной модели рыночного хозяйствования.

В последние примерно 25 лет науки о хозяйствовании существенно изменили свой предмет, во-первых, частично ослабив прежнюю жесткость постулатов, и, во-вторых, расширив поле исследований на те стороны и характеристики деятельности, которые ранее находились в пределах либо социологических, либо психологических наук. Хотя Адам Смит на первых же этапах построения эконо-

мической науки отчетливо указал на необходимость включения в анализ социальных и психологических характеристик, об этом быстро забыли и вернулись к первоначальным идеям сравнительно недавно. Стоит отметить, что нобелевские премии 2001 и 2002 гг. «благословили» отступление от прежнего ригоризма, признав важную роль информированности во взаимодействии на рынке и прекратив негативные оценки любого сколько-нибудь существенного вмешательства в свободное хозяйствование со стороны государства. Две предпоследние нобелевские премии по экономике были присуждены профессору психологии Дэниэлу Канеману, профессору экономики Вернону Л. Смиту совместно, как было сказано в сообщении Шведской академии наук, «за применение психологической методики в экономической науке, в особенности — при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности».

Современное расширение интересов экономики и социологии свидетельствует также и об изменении характера собственно исследуемого объекта — процесса хозяйствования. Новые технологии в коммуникациях и управлении, резко возросшее участие наемных работников в управлении организациями и предприятиями, общий поворот рынка и производства в сторону покупателя, производителя, приобретателя услуг, наконец, активное участие населения в политической жизни превратили хозяйствование во многих странах из способа добычи выгоды для собственника капитала через социальные инструменты в инструмент создания комфортных социальных условий. Произошел своеобразный возврат к лозунгам докапиталистического времени «работать — чтобы жить» после долгого господства протестантской установки «жить — чтобы работать». Эпоха бессубъективной экономики подходит к своему естественному завершению.

Экономическая социология с момента своего рождения имела дело именно с социальными проблемами рыночного хозяйствования. Это направление развития экономической социологии, хотя и первоначальное, но не единственное. Многие ведут отсчет дней экономической социологии с издания работы Макса Вебера о протестантской этике. Действительно, до него этическая сторона хозяйствования нисколько не интересовала классиков экономической науки.

Есть также утверждения, что родоначальником экономической социологии должен считаться К. Маркс, первым привнесший в анализ хозяйствования мощную струю общесоциальных идей. Тем не менее, преобладающим направлением в экономической социологии оказалось исследование экономического сознания и поведения в условиях рыночного хозяйствования.

В 1980-е гг. по признанию многих, экономическая социология, существенно расширив пределы своих интересов, начала новую жизнь под названием «новая экономическая социология». Главное направление расширения сводится к отказу от основных постулатов, на которых формировались традиционные теории — от рациональности выбора, возможности свободной конкуренции, индивидуальности и независимости хозяйствующих субъектов. Этот отказ позволяет решительно сблизить предметы современных наук о хозяйствовании с соответствующими интересами социологии.

Действительно, новая экономическая социология не ограничивает действий изучаемых ею объектов столь жесткими рамками. Ее отличием становится не только особый подход к объяснению и предсказанию событий и ситуаций, но и большая общность и свой специфически сектор работы. Всем этим отмечен и переход к новой форме хозяйствования, в которой капитал теряет прежнюю

свою господствующую роль. Однако лишь после того, как почти все свойства и способности индивида и групп, многие отношения подверглись капитализации, т.е. превратились в ресурс, способный приносить выгоду в сравнении с затратами на них, с инвестициями в них и стали предметом особого внимания экономической социологии.

В этих новых условиях поскольку сама категория «эффективность хозяйствования» связывается с социальным комфортом, его элементы, элементы всех сторон человеческого бытия (индивидуального и коллективного) превращаются либо непосредственно в ресурсы хозяйствования, либо в источники таких ресурсов. Рост социального комфорта во все большей степени обуславливается наличием его же самого. На деле это означает, что эффективно использовать новые технологии, ресурсы способны лишь достаточно грамотные люди, обладающие разнообразными интересами, располагающие возможностями их удовлетворения, активные в процессе производства и управления и т.д.

Поведение индивидов, групп, сообществ меняется до такой степени, что удовлетворительные прогнозы и объяснения ситуации не могут быть реализованы на основе прежнего постулирования рационального выбора решений, индивидуальной независимости, только достижимых ценностно-нормативных ориентаций.

Набор этих новых постулатов сравнительно недавно был сформулирован американским социологом А. Этциони (2002). Объектом остается хозяйствование. Но оно теперь осуществляется в иных формах, и такому хозяйствованию надо было бы дать новое название. Такое название появилось в странах, вышедших или выходящих в своем хозяйствовании за границы экономической формы — *социоэкономика*.

В настоящее время этот социальный компонент экономики проявляется в следующем. *Первый комплекс связан с экономическим субъектом (фактором) и его мотивацией.* С позиций экономики мотивация экономического фактора всегда определяется рациональным выбором и стремлением максимизировать полезность или выигрыш. Экономическая социология имеет дело с социальными факторами, и потому рациональность и стремление максимизации выгоды не всегда определяют действия и поведение людей. Она ищет ответы на вопросы о том, как и чем нарушается рациональность выбора, какие внешние по отношению к экономике факторы формируют критерии поведения социальных субъектов в пространстве хозяйствования и т.п. Она изучает не только причины и последствия нарушения рациональности выбора решений, но предлагает новые критерии принятия решений в сфере хозяйствования, учитывающие негативные и позитивные последствия (экстерналии) как для непосредственно взаимодействующих субъектов, факторов, агентов, так и для других фиксированных элементов социума (социума в целом, частей социума, таких как территориальные сообщества, различные подсистемы, социальные группы т.п.) на фиксированных интервалах времени. С этих позиций определенные элементы экономической социологии превращаются в инструментальную часть социоэкономики. Социоэкономика как способ хозяйствования становится скорее даже не оболочкой экономики, а ее ведущим ядром.

Второй комплекс связан с социальной структурой хозяйства и хозяйствования. В него входят социоструктурные (статусные) аспекты производства продукции, ее распределения и потребления. С позиций экономики в данном аспекте мы имеем дело с хозяйствованием на различных уровнях (микро-, мезо-, макро-), разными институтами и правилами в регу-

лировании рынка и рыночных отношений, участием государства в хозяйствовании и ограничениях рыночных процессов. Для экономики как способа рыночного хозяйствования механизм установления равновесия между спросом и предложением товаров реализуется через цены при условии свободной конкуренции. При этом иные характеристики агентов, акторов на рынке, кроме их способности предложить товары или потребности в определенных товарах, для экономики роли не играют. Обменные операции опосредуются деньгами, деньги также оказываются товаром. Решающее значение имеет обладание капиталом, возможность управления и распоряжения им, право и возможность присвоения экономических результатов. Но и капитал также превращается в товар. Всякое движение на рынке, как и самих рынков, всякая динамика имеет в конечном счете единую и единственную цель — ресурсную выгоду, т.е. расширенное возобновление средств, затрачиваемых на эту динамику.

Все элементы хозяйствования на любых уровнях могут быть объектами экономической социологии, как и хозяйствование в целом. Но предмет ее — совершенно иные структуры по сравнению с теми, которые интересуют экономистов. Экономическая социология на тех же объектах интересуется социальными структурами, социальными действиями и взаимодействиями в связи с экономическими результатами и, наоборот, последствиями для социальных структур и действий от экономической динамики.

Постэкономическое хозяйствование отличается от экономического (рыночного) хозяйствования не исчезновением или деградацией рынка как механизма обмена и распределения, но отказом от такого рынка, который диктует как необходимые, так и достаточные условия хозяйствования. Теперь за рынком остаются лишь необходимые условия. До-

статочные условия заключаются в прогрессе в социальной сфере, в обеспечении роста социального комфорта.

Из истории хорошо известно, что рыночные отношения были повседневной практикой во все времена и во всех местах, когда и где был необходим обмен какими-нибудь продуктами. В хозяйствовании рыночные отношения стали всеобщими и главными не везде сразу, одновременно в рамках ли отдельной страны или какого-то территориального образования или регионы. Местные рынки связывались, объединялись. Постепенный захват рынками географического пространства и товарной массы происходил вместе со становлением правил обмена, норм, необходимых институтов и рыночных инструментов в виде денег, обязательств, разнообразных ценных бумаг. Этот процесс проходил во времени и по видам товаров неравномерно. В то время как в одном регионе население продолжало выносить результаты своей работы к границе обитания или на берег рек под вечер, возвращаясь утром, чтобы забрать то, что принесли другие, в иных регионах уже вовсю работали такие рыночные инструменты, как кредит, залог, долговые расписки и наличные деньги. Даже на территории одной страны, США, например, на юге основной производительной силой были живые люди (рабы), а на севере — капитал, результат действия которого получался от его соединения с рабочей силой свободных людей. Было и сопротивление этой агрессии капитала (луддиты) и попытки способствовать победе капитала и рынка через политические революции.

То же относится и к продвижению социэкономического способа хозяйствования. Нет ни даты, ни места, ни автора его изобретения. Факт победы такой ситуации как типичной может фиксироваться только после ее заметного всем массового проявления. Основные идеи относительно целей и крите-

рии социэкономике очень стары и банальны — социальный комфорт, безопасность, нужды людей, стремление к справедливости в распределении тягот и результатов труда, природных ресурсов, забота о тех, кто сам не по своей вине не способен позаботиться о себе и т.п. Попытки продвигаться в развитии, установлении отношений под этими знаменами предпринимались с глубокой древности и до последнего столетия совершенно регулярно и всегда неудачно. Только теперь выяснилось, что сначала было необходимо формирование механизмов, норм и правил производства, обмена, распределения, гарантирующих расширенное воспроизводство и реконструкцию всех средств и ресурсов. Это и есть рыночное хозяйствование, т.е. экономика. Ее развитие и позволило образующееся богатство обратить на достижение целей, отличных от максимизации выгоды и прибыли. Одновременно выяснилось, что и рост богатства возможен только при росте социального комфорта, включая и социальную справедливость. Постепенно стала формироваться социальная экономика, экономика доверия, для которой характерны ориентация на потребности и нужды ее членов или целевых клиентских групп, коллективное принятие решений, распределенная ответственность, лидерское руководство, добровольность участия в мероприятиях, повышенная роль межличностных отношений, идентификация личных и организационных целей.

Естественным врагом всех этих новых ростков является архаичное государственное устройство и государственный аппарат. Поэтому основная линия конфликтов пролегает между властью и чиновничьим бизнесом, с одной стороны, и свободным мелким и средним предпринимательством и общественными организациями, с другой. Для прогресса новой экономики, пока не разовьются рыночные отношения, эти условия

очень сложны, потому что силы, которыми располагает государство, солидарны, сплочены, имеют централизованные мощные ресурсы, регулярно пополняемые без особых усилий и конкурентной борьбы. Мелкие и средние предприниматели по своей природе не могут быть такими же солидарными, они конкурируют друг с другом и зачастую в своей деятельности вынуждены прибегать к законной и незаконной помощи государственных чиновников. В стремлении обрести необходимую свободу они способствуют коммерциализации деятельности государственного аппарата, т.е. его коррупции.

Становление развития социэкономике в государствах, долгое время живших в условиях тоталитарных режимов с централизованной и неограниченной законом властью, осложнено многими препятствиями, но преодолеть их необходимо — это единственный путь прогресса общественного благосостояния из всего, что было в истории человечества.

Основная литература

- Бусыгин В.П., Желободько Е.В., Цыплаков А.А. Экономика — третий уровень. Новосибирск, 2003.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
- Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск, 1991.
- Коробейников М.А. Социология экономическая // Социологическая энциклопедия. В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 566—568.
- Радаев В.В. Основы экономической социологии. Курс лекций. Программы и материалы // <http://www.ecsocman.edu.ru/ab/msg/96191/page2.html>

Дополнительная литература

- Вебер М. Хозяйство и общество. Гл. II: Основные социологические категории хозяйствования // Экономическая социология: электронный журнал. 2005. Т. 6. № 2.
- Робинсон Дж.В. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М., 1986. (Серия «Экономическая мысль Запада»).

Смелсер Н. Социология экономической жизни // Американская социология. М., 1972.

Соколова Г.Н. Экономическая социология. Минск, 1998.

Шумпетер Й.А. История экономического анализа. Т. 1—3. 2004.

Экстерналии. http://www.nsu.ru/ef/tsy/ec_cs/micro2/temp/External_trim.pdf Hiram

Этициони А. Социэкономика: дальнейшие шаги // Экономическая социология: электронный журнал. Т. 3. № 1. 2002. http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc_t3_nq.pdf

Сатон Н. The Preindustrial Economics of Adam Smith // Journal of Economic History, 45, 1985.

Government of Japan. Economic Planning Agency. Ideal Socioeconomy and Policies for Economic

Rebirth. July 1999. <http://www5.cao.go.jp/99/e/19990705e-keishin-e.htm1№1>

Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embedded-ness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. № 3. Nov. P. 481—510.

Shumpeter J.A. The Economics and Sociology of Capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991.

Zafirovski M., Levine B. Economic sociology reformulated: the interface between economics and sociology. American Journal of Economics and Sociology, July, 1997 http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m0254/is_n3_v56/ai_20243378

Ф.М. Борожкин

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ (ПОЛИТОЛОГИЯ)

Политические науки (во французском и русском научном лексиконе — политология) имеют давнюю традицию.

Осмысление политики как некоей упорядоченной структуры идей ведет отсчет от греческих мыслителей Платона и Аристотеля (хотя и до них были отдельные глубокие и обоснованные суждения о ее роли и назначении в жизни общества). Осуществив тщательный анализ политической жизни существовавших полисов-государств, в трактате «Политика» Платон высказал соображения о типах политического устройства, дал им обоснование, характеризовал назначение и роль «правильных» форм политического господства (монархия, аристократия, демократия) и искаженных (тирания, олигархия), считая при этом демократию наилучшей из «правильных» и отождествляя ее с охлократией.

При анализе проблем политической жизни нередко вспоминают известного политического деятеля и политического мыслителя Средневековья Н. Макиавелли (1469—1527), труд которого «Государь» до сих пор привлекает оригинальностью

и глубиной рекомендаций по рациональному использованию государственной власти.

Особенно бурное развитие политические науки получили в Новое время. XVIII и XIX в. стали временем развития таких направлений, как *политико-правовые вопросы, международная политика, внутренняя политика* и ряд других. Практически каждый ученый-обществовед в это время, анализируя проблемы государства и общества, выходил на те или иные аспекты политической жизни.

Поэтому не удивительно, что развитие политических наук привело к тому, что они встретились в своем анализе политической жизни с социологией. Исследование и понимание политики потребовало конкретики, анализа не только общих, но специфических, особенных задач, характеризующих развитие определенного государства или его части, определенной социальной группы в ее политическом амплуа, более четкого представления о поведении людей на политическом поприще. Удовлетворить эти новые потребности могла успешно

развивающаяся в это время новая наука — социология. Именно эта потребность соединить общее и особенное привело к появлению таких мыслителей, которые могут быть представлены и как политологи, и как социологи. Исследование политического класса и, в частности, политических элит осуществил В. Парето (1848—1923), господствующего класса — Г. Моска (1858—1941), политических партий — Р. Михельс (1876—1936), групп давления и лоббизма — А. Бентли (1879—1957). Особое место в становлении политической социологии занимает немецкий социолог М. Вебер (1864—1920). Его заслуга состоит в том, что он одним из первых осуществил социальный анализ власти, властных отношений, ввел классификацию типов господства в обществе.

В XX в. проблематика исследуемых политических процессов и явлений значительно расширилась. Предметом политологии и политической социологии постепенно становились конфликты, бюрократия, общественные организации и движения, пути вхождения граждан в политическую жизнь, а также политическая культура и политическое лидерство. Заметный вклад в становление политической социологии и политических наук внесли американские ученые — А. Гоулмер (1920—1980), Т. Парсонс (1902—1979). Проблемам пропаганды и массовых коммуникаций посвятил свои работы Г.Д. Лассуэлл (1902—1978). С. Липсет (р. 1922) сосредоточил внимание на анализе социальных условий развития демократии. Значительное количество исследований (Р. Мертон, Р. Блан и др.) касались проблем бюрократии. Немало трудов (П. Лазарфельд, Б. Берельсон, Р. Росси) посвящено избирательным кампаниям, проблемам выборов. Большой интерес представляют работы Р. Миллса, В. Ростоу, С. Рофвелла, Д. Лернера, Г. Алмонда, Р. Дарендорфа, Д. Истона.

Что касается отечественной социологии, то ею накоплен значительный опыт исследований политических процессов. Работы отечественных социологов — представителей консервативной мысли — К.Н. Леонтьева (1831—1891), Н.Я. Данилевского (1822—1885), П.Ф. Лилиенфельда (18290—1903), Н.Н. Страхова (1828—1896), либеральной мысли — М.М. Ковалевского (1851—1916), С.А. Муромцева (1850—1910), Н.И. Кареева (1850—1931), Е.В. де Роберти (1843—1915), Л.И. Петражицкого (1867—1931), Б.И. Кистяковского (1868—1920), революционной (в том числе и марксистской) мысли — М.А. Бакунина (1814—1876), П.А. Кропоткина (1842—1921), В.И. Ленина (1870—1924), Г.В. Плеханова (1856—1918) — были посвящены многостороннему анализу властных отношений, проблем соучастия людей в управлении государством и обществом. Особое место в исследовании политической жизни занимают труды М.Я. Острогорского (1854—1919), Б.Н. Чичерина (1828—1904), П.И. Новгородцева (1866—1924), изучавших проблемы субъектов политической власти, политических партий, взаимоотношений политики, нравственности и права. Среди современных российских ученых, успешно сочетающих в своей исследовательской деятельности политические и социологические аспекты, можно назвать А.В. Дмитриева, Ю.А. Левада, В.Э. Бойкова, О.В. Крыштановскую, Э.В. Ожиганова и др.

В течение длительного времени эти смежные науки — политология и политическая социология — не задавались вопросом о специфике подхода к исследованию феномена политики, что приводило к тому, что их исследования долгое время мало отличались друг от друга. Тем более, что многие концепции, парадигмы применялись как в социологии, так и в политологии (политическая система, политическая культура, конфликт, мир-системная теория, теория рационального выбора и т.д.).

Со временем становилось все более очевидным, что социология сосредоточивает свое внимание на методологии и методах изучения поведения и сознания человека в социальной среде, в том числе и в политической, в то время как политология изучает механизмы формирования и развития политической сферы общества, существенные связи и отношения в политике и т.д. И хотя обе дисциплины в познании социальной и политической реальности дополняют друг друга, они используют свои подходы и методы исследования. В связи с этим особенно сложным представляется разделение объекта и предмета у политологии и политической социологии.

Объект политической социологии не отличается от объекта политологии, который трактуется как гражданское общество, суть которого, по Гегелю, состоит в том, чтобы интересы государства и интересы личности признать равнозначными, однопорядковыми. Гражданское общество начало складываться при переходе человечества к буржуазно-демократическим формам государственности, когда люди получили возможность действовать как самостоятельная общественная, в том числе и политическая сила, возможности которой в значительной степени зависят от уровня сознательности и творчества участников исторического процесса. Гражданское общество возникло как оппонент государству, породив многочисленные образования (партии, общественные организации, добровольные объединения, ситуативные или постоянные гражданские инициативы и т.д.), которые оспаривают, подвергают сомнению и выдвигают альтернативные способы решения государственных проблем. Все сказанное позволяет утверждать, что гражданское общество как контрпартнер государства — это совокупность определенным образом организованных исторически сложившихся форм и ценностей совместной жизнедеятельности,

которые созданы и функционируют на основе свободного волеизъявления и которыми люди руководствуются во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной. Поэтому логично сделать вывод: политическая жизнь гражданского общества является объектом политической социологии. Политическая социология раскрывает отношение общества к государству и институтам распределения и формирования власти, которое проявляется прежде всего в направленности политического сознания и политического поведения людей. Политическая социология призвана ответить на вопрос, как осознаются индивидуумом, социальными группами и слоями, партиями и общественными организациями существующая политическая реальность, властные отношения, политические права и свободы. Это дает основание представить, как гражданское общество соотносится и взаимодействует с политическими институтами и структурами.

Предметом политической социологии выступает политическое сознание и поведение личности как субъекта политической жизни. Являясь элементом (компонентом) группы, слоя или этнической общности, личность в то же время представляет собой самостоятельный феномен, который в зависимости от конкретных обстоятельств включается в политическую деятельность, олицетворяет ту или иную степень воплощения политической свободы данного общества. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что каждый человек в современном обществе — субъект политических отношений. Любое отстранение людей от участия в политической жизни чревато серьезными последствиями. Попытки, встречающиеся в Новой и Новейшей истории, изолировать людей от политики ни к чему позитивному не приводили, хотя они предпринимались и поныне.

Реальность такова, что политика давно стала уделом большинства. Понима-

ние и реализация политических прав и свобод создали основу для участия всех людей в развитии и совершенствовании политических отношений. И как бы ни была значительна роль руководителя любого ранга или звена политической оргструктуры, сознание и поведение людей в сфере политики в конечном счете всегда остаются решающими. Процесс эмансипации человека К. Маркс справедливо связывал с осознанием каждым индивидом своей общественной силы — как силы политической. И это осознание имеет постоянную тенденцию к возрастанию, что проявляется во все более широком участии людей в решении политических судеб своей страны, в международных политических событиях.

Стал реальным рост влияния личности на деятельность добровольных и инициативных организаций и объединений, участвующих в решении текущих и перспективных проблем общественного развития. На современном этапе развития человечества политическая жизнь во все большей мере характеризуется подъемом массовых общественных движений. Люди различной политической ориентации протестуют против милитаризации, расовой и национальной дискриминации, ущемления прав человека, ухудшения положения молодого поколения, коррупции, хищнического отношения к использованию природных ресурсов и окружающей среде. Политические лидеры уже не могут не считаться с позициями общественных движений, которые нередко, хотя не всегда в явном виде, выражают определенные политические требования (например, движение «зеленых»).

Особо следует сказать о влиянии людей на локальном уровне, в условиях функционирования местного самоуправления. Именно на этом уровне возможно наиболее эффективное согласование интересов, установок и настроений людей и органов власти. Ведь большинству людей часто нет дела до того, что про-

исходит на вершинах власти — на федеральном и региональном уровнях, они в лучшем случае могут иметь об этом некое отрывочное субъективное мнение. Но люди вправе претендовать (и они претендуют) на участие в том, что происходит рядом с ними там, где они работают и живут. Более того, можно утверждать, что до тех пор, пока на местном уровне не утвердится реальное участие людей в решении актуальных вопросов жизни, их влияние на более высокие уровни власти останется номинальным.

Важность именно такого подхода — при учете политического сознания и поведения людей — тем более значима, что *политическая социология вправе претендовать на роль обратной связи при взаимодействии политических структур и населения.* В этом, кстати, состоит одно из принципиальных различий между политической социологией и политологией (политическими науками). Объединяет же политическую социологию с этой наукой общий объект их исследований — политическая жизнь во всех ее многообразных проявлениях: от сущности и природы власти до конкретных форм ее существования и институционального воплощения.

Однако если политические науки (политология) исследуют политические (властные) отношения, как говорится, «сверху», с позиций государственных и партийных программ, заявлений, деклараций политических деятелей о текущих и перспективных процессах, то политическая социология, учитывая перечисленное, подходит к этим процессам «снизу», со стороны человека, социальных групп и слоев, которые имеют собственные суждения, оценивают ситуации, свое положение и перспективы не так, как это делают официальные структуры, и даже более того, часто вопреки их установкам и рекомендациям, пропаганде и позиции.

Подход к политике через человека, социальные группы, сознание и поведе-

ние придает политической социологии *качественную определенность*: что бы ни говорили о себе различные структуры власти, как бы ни демонстрировали величие или преимущества своих программ и действий, есть один важный момент, который может утвердить или отвергнуть все эти попытки: насколько глубоко, серьезно и основательно воспринимают люди политические процессы, намерены ли содействовать или сопротивляться им. Кроме того, политические ориентации и взгляды людей могут выражаться опосредованно, через деятельность политических и общественных организаций, гражданские инициативы. И наконец, политическое сознание и поведение проявляются с особой наглядностью во время политических акций и кампаний (выборы, референдумы и другие формы волеизъявления).

Все сказанное позволяет сделать вывод, что содержание политической социологии представляет исследование процессов реализации интересов людей, политических партий и объединений, классов, наций, социальных групп, добровольных организаций по сознательному использованию ими власти, удовлетворению их политических интересов. Политическая социология изучает властные отношения, которые всегда направлены на защиту определенных политических сил, закрепление и развитие достигнутых ими завоеваний, создание новых предпосылок для дальнейшего упрочения их положения, достижения ими подчинения или консенсуса.

Именно при таком подходе политическая социология сосредоточивает свое внимание на изучении политической жизни различных структур, политических притязаний людей, классов, социальных групп, направляемых политическими партиями, а также политических отношений данной общественно-политической системы. Политическая социология анализирует процессы согласо-

вания политических интересов с объективными закономерностями общественного развития, формы и методы предотвращения коллизий, политических катастроф и конфронтаций (вплоть до революции как способа решения противоречий).

Положение о том, что в основе содержательных направлений политической социологии лежит вопрос об отношении людей к власти, подтверждают многочисленные социологические исследования, посвященные политической жизни общества. Именно *проблема властных отношений, их осознание людьми как личностями, а также социальными группами, слоями, классами, общественными объединениями и организациями и составляет основу политической социологии*. Если сущность политической жизни составляет вопрос о власти и ее использовании, то с позиции социологии представляет интерес место человека, во-первых, в деятельности государства, его учреждений и организаций, во-вторых, в жизни политических организаций и партий, в-третьих, в деятельности общественных и добровольных объединений и движений, частично выполняющих политические функции. Кроме того, политическая социология исследует деятельность и степень вовлеченности в политику национальных групп и этнических объединений. И наконец, в этой связи следует рассмотреть такие инструменты власти, как армия и силы поддержания общественного порядка и гражданского спокойствия. На наш взгляд, социология власти предполагает анализ политических действий такой значимой общественной силы, как молодежь, влияние которой на политические процессы стало нередко решающим в системе властных отношений. Анализ социологических проблем власти немыслим без представлений о роли и месте человека в мировой политике, о степени его влияния на глобальные процессы. Кстати, это один из малоисследованных вопро-

сов политических наук, ибо международные отношения в большинстве случаев анализируются со всех возможных направлений, кроме одного — роли и места человека в решении злободневных проблем: войны и мира, сосуществования, борьбы с терроризмом. Анализ властных отношений был бы неполным без изучения и исследования оценок населением многообразных аспектов международной политики, а также внешнеполитических актов, осуществляемых в том или ином гражданском обществе. Важный раздел политической социологии — механизм реализации властных полномочий. Здесь особый интерес вызывает рассмотрение роли и значения политической идеологии в жизни любого общества. Анализируя политическую жизнь через политическую идеологию и политическую культуру, следует обратить внимание на политическое сознание, представленное совокупностью теоретических положений, взглядов, мнений, настроений, ценностных ориентаций, которые реализуются в процессе осуществления функций политической власти. Поскольку постулаты политической идеологии реализуются при помощи определенного механизма — избирательных кампаний и общественного мнения, то их анализ, несомненно, является одним из важнейших направлений политической социологии. Видное место в механизме функционирования властных отношений приобретают проблемы — бюрократии, лоббизма, групп давления, политической элиты, парламентаризма, достижения гражданского согласия. Эти явления определяют лицо современного общества, провоцируют или предотвращают социальную напряженность и ее открытую форму проявления — конфликты. В структуру политической социологии включаются конкретные формы функционирования политических отношений в зависимости от характера власти. Речь идет о проблемах управления и самоуправления,

о побуждении людей к творческой социально значимой деятельности. Как никогда в современных условиях возрос спрос на политическое предвидение, прогнозы, от четкого формирования которых в значительной степени зависит возможность успешного решения стоящих перед обществом политических вопросов.

Таким образом, обе науки изучают политическую сферу, сферу взаимодействия государства и общества. Но для социологии первичным является изучение общества (людей, социальных групп, общностей, классов) и его влияние на государство, способы осуществления власти, влияние разнообразных социальных структур и социальных феноменов на политическую жизнь. Политология же начинается с государства и исследует его влияние на общество, его формальные институты, влияние норм и институтов власти на общественные отношения. Другими словами, *социология* рассматривает *поведенческие аспекты политики, роль социальных групп и социальных индивидов в политических процессах, а политология — институциональные.*

Являясь частью социологической науки, политическая социология исследует и объясняет отношения между политической и обществом, социальными и политическими институтами, социальным и политическим поведением. Здесь социология обращается к опыту политологии, сосредоточивающейся на причинах возникновения государства и особенностях его функционирования при разных политических и экономических системах. Несомненно, социологи обращаются к политологии и при анализе неполитических явлений. Такие феномены, как религия, право, мораль, немыслимы без освоения и изучения сопутствующих их развитию политических учений и концепций.

В свою очередь, в политологии активно и продуктивно используются социологические методы сбора эмпиричес-

ких данных. Наибольшим спросом со стороны политологов пользуются данные электоральной социологии. Помимо этого, социология позволяет выявить состав участников политических партий и движений, рейтинг политических лидеров, состояние политического общественного мнения и его влияние на политическую жизнь и процесс принятия политических решений, мотивацию политического поведения, прогнозирует течение политического процесса. Особо следует подчеркнуть роль социологии в процессе выработки политических решений и оценки эффективности действий политической власти. Многие современные отрасли научного и прикладного социально-гуманитарного знания развиваются именно на стыке социологии и политологии — элиология, кратология, конфликтология.

Основная литература

Артемьев Г.П. Политическая социология. М., 2002.

Политическая социология / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2002.

Социология политическая // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 735—737.

Социология политическая // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 541—544.

Дополнительная литература

Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

Виноградов В.Д., Головин Н.А. Политическая социология. СПб., 1997.

Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

Дмитриев А.В. Политическая социология США: Очерки. Л., 1971.

Кола Д. Политическая социология. М., 2001.

Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

*Н.М. Великая,
Ж.Т. Тощенко*

Социология и право

Взаимодействие и взаимопроникновение двух наук: права и социологии наглядно проявляется при обращении к их особенностям. В о - п е р в ы х, возникновению и становлению отечественной социологии во многом способствовали правоведы, юристы (Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Б.Н. Чичерин и др.). Они задолго до проведения социально-правовых изысканий занимались осмыслением общественных отношений и накопили знания о праве как общественном явлении. Это предопределялось тем фундаментальным обстоятельством, что изучение права долгое время не было ориентировано на рассмотрение его сущности в системе социальных связей, а исследовалось в рамках должностования, сформулированного политической властью.

Считается, что до XX в. методы эмпирических исследований правовых отно-

шений в их современном виде не применялись. Однако в реальности некоторые юристы — теоретики и практики постепенно стали использовать «включенные наблюдения», экспериментальные проверки принятых решений.

В этой связи велика заслуга ученых-юристов (Ж. Карбонье, Р. Пэнто, М. Гравитца, О. Вайнбергера и др.), которые отошли от чисто нормативного подхода и приступили к анализу реальной ситуации и тем самым вышли на проблемное поле социального развития общества, ориентированное на изыскание проблемных проявлений права. Выявляя проблемы права как регулятора общественных отношений, исследователи раскрыли социальную обусловленность и социальную роль права, влияние социальных условий и знаний социальных последствий его действия.

В то же время спор о границах юридической науки между представителями

различных школ шел постоянно. За чистку юридической науки от всех примесей, включая социологию, выступал Г. Кельзен. В наиболее концентрированном виде юридическая догматика им представлена и развита в неопозитивистском «чистом учении о праве». Он в духе неокантианства трактовал позитивное право как систему нормативных долженствований, не обусловленных социальной реальностью. В настоящее время наличие в рамках юриспруденции и социологии такой области знания, как социология права, признается большинством современных ученых.

В о - в т о р ы х, особенность взаимодействия социологии и права проявляется в том, что ученые-социологи, исследуя социальные процессы, пришли к выводу, что нельзя проблемы их развития объяснить только экономическими, политическими или культурными причинами — необходимо изучение правовых факторов, действующих наряду с другими. Ибо, по сути, право — это такая же сфера отношений, участники которых выступают как носители конституционных прав и обязанностей при регулировании различных форм поведения (деятельности) людей.

Развитие любого общества невозможно без правопорядка, без законов и норм, удовлетворяющих интересы и потребности населения в различных сферах жизнеобеспечения. Эффективность правового мировосприятия зависит от общественной потребности соблюдать законы во всех сферах жизни. Формирование правовой культуры, признания истинности и правомочности законов — дело сложное, поскольку достигается как разъяснением правовых норм, так и личным опытом и практикой, которые опираются не только на собственное, но и общественное мнение о целесообразности и правильности применения законов. Безвластие в период застоя привело к деформации как правосознания, так и гражданской убежденности людей.

В начале XX в. австрийский юрист Е. Эрлих считал, что право представляет собой определенный аспект общественного бытия. Чтобы понять сущность, истоки и развитие права, отмечал он, нужно, прежде всего, изучить порядок, существующий в человеческих сообществах. Реально действующее право, полагал ученый, находится не в статьях закона, а в практических отношениях.

В - т р е т ь и х, специфика взаимодействия двух наук связана с тем, что реальная ситуация требует обращения внимания на то, что право регламентирует и тем самым ограничивает поведение людей, организаций, взаимоотношения личности и государства, положение граждан, а также предполагает меры борьбы с посягательством на государственный строй и существующие права и свободы. По этому поводу существует несколько точек зрения: 1) человек дифференцированно относится к праву: одни нормы права поддерживает, к другим относится нейтрально или пассивно, а третьим противостоит или сопротивляется; 2) чем ниже оценка правовых норм, тем пассивнее действуют люди на правовом пространстве. Принцип законности находит свое воплощение в отношениях, определяющих правопорядок в государстве. Отсутствие или деформированные правовые нормы могут привести к экономическому кризису, политическим конфликтам, противодействовать духовному здоровью народа.

В - ч е т в е р т ы х, особенность взаимодействия социологии и права обусловлена тем, что соотношение нравственности и права существует в любом обществе. Исходя из этого, важным показателем зрелости общества является его правовая культура, осознание нормативных требований не как навязанных извне, а как объективно необходимых, в том числе и для личной жизни. Устойчивость и рациональность общественно-го устройства придает принятие каждым

его членом нравственных норм и права как самых надежных, долговременных, не подверженных конъюнктурным обстоятельствам.

Этот постулат учеными воспринимался по-разному. Под целью права Р. Паунд понимал гармонизацию социальных интересов на основе традиций и ценностей общества. Т. Парсонс утверждал, что благодаря определенной связи между ценностями и нормами, с одной стороны, обеспечивается реальное осуществление ценностных ориентаций, с другой — стимулируется выполнение нормативных требований. Разработанная им концепция общества как ценностно-нормативной системы представляет значительный интерес для анализа места и роли права в процессе развития и функционирования общества.

В - п я т ы х, для современных исследований социально-правовых процессов характерным является то, что большинство из них в значительной мере направлены на изучение негативных процессов, связанных с такими антиобщественными явлениями, как преступность, коррупция, хищения государственной, акционерной, частной и личной собственности, различные формы девиантного поведения. Такой перекос в сторону изысканий отрицательных событий продиктован разными причинами. Согласно позиции В.В. Лапаевой, на правовую ситуацию пагубно сказывается выборочное действие закона: к людям, обладающим властью и материально обеспеченным закон более снисходителен, чем к рядовым людям. Разрушительно на правовое сознание воздействует союз трех сил — воровского бизнеса, криминала и коррупционного чиновничества. Усугубляет ситуацию и многовековая практика правового нигилизма. Несмотря на правовую и административные реформы, в российском обществе продолжает царить правовая неразбериха, переходящая в произвол. И как результат происходит потеря всякого до-

верия к праву, к его субъектам и их деятельности. Правовая информированность стала более низкой, что порождает правовую некомпетентность, правовую неграмотность и приводит к многочисленным сознательным и стихийным нарушениям законодательства.

Если говорить об общих закономерностях, то, во-первых, социология и право социальны по своим генезису и природе, поскольку в центре их внимания в первую очередь находятся люди, общественные явления и процессы и их правовое сознание является продуктом отражения общественного бытия; во-вторых, на содержание правового сознания непосредственное воздействие оказывают экономическая и политическая жизнь общества, экономические и политические отношения. Исходя из этого, для правового сознания характерна близость к политическому и экономическому сознанию. Наличие тесных связей между ними указывает не только на их взаимодополняемость, но и до определенных пределов и на их взаимозаменяемость. Такое положение обусловлено и тем, что и правовое, и политическое, и экономическое сознания направлены на регулирование схожих по своей сути общественных интересов.

Правовое сознание, как и другие формы общественного сознания, существуют в форме знания. Результаты его анализа показывают, что люди, получая правовую информацию, не всегда способны ее осмыслить в нужном объеме. Более того, в условиях реформ, когда население сталкивается с правовым беспределом, желание признавать и исполнять законы исчезает. Его сменяет правовой нигилизм, так как правовые знания, правовая культура не помогают в решении проблем и не гарантируют положительного результата в делах.

Взаимодействие социологии и права имеет *большое эвристическое значение*. Социологические материалы (итоги опросов общественного мнения, экспертов,

отдельных социальных групп и др.) расширяют возможности и вероятность выработки и принятия законов, отвечающих потребностям людей. Юристы серьезно обеспечивают свою деятельность при разработке, обсуждении и принятии законопроектов, при регулировании и контроле за реализацией правовых норм, если используют социологические методы (наблюдение, эксперимент, опросы, интервью, контент-анализ). Взаимодействие социологии и права имеет *теоретико-прикладное значение*, так как связано с формированием в стране гражданского общества и правового государства.

Взаимодействие социологии и права имеет *политическое значение*, так как связано с проведением в России радикальных реформ, реализацией социальной политики, стремлением к демократизации общества, а также с трансформацией духовно-нравственной сферы.

Взаимодействие социологии и права имеет и *воспитательное значение*, поскольку вносит определенный вклад в утверждение правовой и политической культуры общества и государства, повышает информированность, содействует укреплению правового сознания населения и тем самым предотвращает социально-правовые противоречия и конфликты.

Что касается перспектив соотношения социологии с правом, то в современных исследованиях акценты научного интереса все в большей степени смещаются в сторону выявления природы права как специфического социального явления, изучения объективных процессов правотворчества и правопри-

менения, поиска правообразующих мотивов, лежащих в основе принятия правовых решений. Ибо практика показала, что главным фактором неэффективности законодательных норм является не только отсутствие механизмов их реализации, но и упущения социального характера, неспособность к учету и согласованию интересов и потребностей людей, различных социальных групп и общностей.

Таким образом, объективная необходимость тесного взаимодействия социологии и права предопределила появление новой отрасли социологического знания — социологии права.

Основная литература

Ксенофонов В.Н. Социология права // Социологическая энциклопедия. М., 2003. Т. 2. С. 545—548.

Лапаева В.В. Социология права. М., 2004.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. Гл. «Социология права».

Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С. 738—739.

Дополнительная литература

Гурвич Г.Д., Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права, М., 1995.

Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов-н/Д., 2002.

Мейхью Л. Социология права // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

Сырых В.М. Социология права. М., 2001.

Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2007. Гл. «Парадоксы правового сознания».

Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М., 1988.

Г.А. Цветкова

Социология и культурология

Социология как наука, изучающая закономерности человеческого общежития, неразрывно связана с миром культуры — миром, созданным творческой инициативой. Самое понятие «культура»

(от *лат. cultura* — возделывание, развитие, воспитание) восходит к преобразующей деятельности людей. И в этом смысле культура противопоставляется природе. Так, девственный лес — явле-

ние природы, а парк, будучи продуктом человеческой деятельности, — явление культуры. При этом культура подразумевает и *преобразование самого человека* в процессе «возделывания души». Данную трактовку культуры предложил Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н.э.) в своем произведении «Об обязанностях», заложив традицию использования этого понятия.

В XIX — XX вв. разрабатывались теории и концепции, ставшие предтечами культурологических учений. Труды Г. Спенсера, Ф. Энгельса, Л. Моргана, Дж. Фрезера, Э. Тайлора отражают *эволюционную концепцию социокультурного развития*, базирующуюся на принципе единообразия и линейности поэтапного развития культуры и общества. В рамках этого подхода возможно сравнение разных социокультурных общностей, находящихся на разных этапах эволюции по принципу более или менее развитых.

Неоэволюционисты Л. Уайт, Дж. Стюард, М. Харрис рассматривали *развитие культуры как процесс*, основывающийся на новациях технологического порядка и трактовали культуру как адаптационный механизм, при помощи которого происходит приспособление общества к изменениям окружающей среды. В рамках этой теории культура подвергается многолинейной эволюции, связанной с допущением возможности множества равноценных путей социокультурного развития. При этом отвергается возможность всеобщих законов эволюции.

Цивилизационные подходы к социокультурной динамике Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Л. Гумилева сводятся к двум основным направлениям: *стадиальному* (цивилизация — стадия единого для всего человечества процесса развития) и *локальному* (многообразие уникальных цивилизаций, демонстрирующих разнообразие исторического процесса).

Структурный функционализм Т. Парсонса, Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна, Р. Мертона рассматривает *культуру как целостное образование*, раскладывающееся на составные части, находящиеся в сложном взаимодействии друг с другом и обладающие определенными функциями.

Структуралистскому подходу К. Леви-Стросса, М. Фуко характерно *стремление к раскрытию моделей*, лежащих в основе социальных и культурных явлений, коль скоро под культурой понимается совокупность знаковых систем.

Такие исследователи, как З. Фрейд, К. Юнг, С. Московичи, А. Маслоу при изучении социокультурных явлений *концентрировали внимание на психологических механизмах культурно-исторического процесса*.

Фрейдомарксисты (Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.) стояли на позициях *социального критицизма и элитарной концепции культуры*.

Особняком стоит теория *социокультурной динамики П. Сорокина*, соединившая социологический и культурологический подходы к изучению закономерностей смены типа культуры и общественных отношений, а также свойственных им феноменов.

Необходимо отметить, что социология, институционализовавшаяся еще в XIX в., во многом предопределяет становление более молодой науки «культурологии», задавая тон исследовательским направлениям. Этим объясняется и тот факт, что заметная часть культурологических теорий разработана социологами. Спорный статус культурологии в мировой гуманитарной науке по сей день затрудняет ее институционализацию.

Само понятие «культурология» ввел в научный лексикон американский исследователь Лесли Уайт в начале XX в. Однако ее разработка как самостоятельной науки с предметом и методом долгое время не осуществлялась. На сегодняш-

ний день существует три основных подхода к культурологии. *Первый* предлагает трактовать ее как *лишь учебную дисциплину*, призванную сформировать у учащихся (студентов и старших школьников) представление о культуре как важной сферы человеческой деятельности. *Второй* отводит культурологии роль *синтетической научной области*, объединяющей направления разных наук, изучающих различные аспекты культуры. К таковым, в частности, относятся социология культуры, культурная антропология, этнология, история культуры, этнография и др. Сторонники третьего подхода считают культурологию *становящейся самостоятельной наукой*, предметная область которой включает такие проблемы, как *типологизация культур*, соотнесение *понятий «культура» и «цивилизация»*, *смысл культурно-исторического процесса*, *субъект культуры*, *диалог культуры* и другие существенные вопросы, находящиеся за пределами внимания существующих наук о культуре.

Согласно этому подходу культурология – научная область, лежащая на стыке многих наук о культуре, человеке и обществе. Объединяя различные отрасли научного знания, культурология пытается пролить свет на сложные феномены общественной жизни, выявляя закономерности развития культуры, влияния культурных особенностей на мировоззрение различных социальных общностей. Подобного рода знания позволяют находить общий язык людям, живущим в разных культурах, с разными ожиданиями, нормами и ценностями. В качестве метода культурологии рассматривают *реконструкцию* (моделирование культуры как целостной системы) и *интерпретацию* (аналитические операции со смыслами).

Одной из важнейших задач культурологи видят для себя разработку универсальной *типологизации культур*. Данной проблематикой занимались специали-

ты, чьи научные интересы лежат в различных научных областях. На сегодняшний день предложено множество вариантов типологизаций, в основу которых кладутся различные основания:

- *хронология* (древняя, античная, средневековая, культура Возрождения, культура Просвещения, культура Нового времени и т.д.);
- *миры* (материальная и духовная культура);
- *виды деятельности* (трудовая, экономическая, эстетическая, правовая, организационная и т.п.);
- *субъекты* (народная, групповая, общественная и т.д.);
- *уровни* (всемирная, региональная, местная);
- *общественное значение* (культура, антикультура).

Данные подходы к типологизации культур в большей степени присущи социальной философии, истории, социологии и теории культуры. В рамках культурологии на сегодняшний день наиболее популярен подход, выделяющий два аспекта: культура в масштабах человечества с акцентом на социокультурных суперсистемах с их внутренним многообразием (культура отдельного общества, города с акцентом на субкультурах) и культура отдельного общества. В ней выделяется высокая (элитарная), народная (фольклорная), массовая, а также культура, обусловленная образовательным уровнем ее носителей.

Культурологические разработки широко используются социологами, насыщающими типологические каркасы кровью и плотью представлений о культуре. Прежде всего, это находит отражение в *социологии культуры* как специфической отрасли социологической науки, которая сосредоточивает внимание на социальных группах, институтах и процессах применительно к культурной сфере. Социология культуры объединяет более частные области социологического зна-

ния, к которым относятся социология духовной жизни, социология религии, социология искусства, социология кино, социология чтения и др.

Социология изначально концентрировала внимание на социальной природе культуры и ее детерминирующей роли применительно к социальному поведению. Именно в культуре вырабатываются нормы и ценности, принимаемые конкретной социальной общностью, а также ожидания, предпочтения — все то, что в конечном счете обуславливает человеческое мировоззрение. Как для социологии, так и для культурологии указанные выше феномены являются важными составляющими проблемного поля. Близость объекта и метода делают две науки предельно родственными. В качестве отличий, пожалуй, нужно подчеркнуть разный угол зрения, который в случае с социологией концентрируется прежде всего на групповых ментальных характеристиках, а в случае с культурологией — на самой их природе.

Культурология и социология являются смежными науками, сосуществующими на основе взаимодополнения. Культурология пользуется наработками социологии в области функционирования социокультурных институтов (образование, церковь, СМИ и пр.), социальных групп (интеллигенция, элиты, молодежь и пр.), социокультурных процессов (ассимиляция, маргинализация,

глобализация и пр.) и отдельных феноменов (субкультуры, массовый человек, социальная коммуникация и пр.). В свою очередь социологами широко используются культурологические концепции, прежде всего в части теоретической разработки исследований сложных социокультурных явлений и процессов, а также для интерпретации соответствующих данных.

Основная литература

Культура. Социология. Социология культуры // Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М., 1999. С. 240, 486—487, 503—504.

Культура. Культурология // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 525—529, 537—538.

Социология. Социология культуры // Социологическая энциклопедия: М., 2003. Т. 2. С. 529—530.

Социология: А—Я. Словарь-справочник. М., 2000.

Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2005. С. 467—488.

Дополнительная литература

Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. М., 1999.

Баткин Л. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., 2002.

Злобин Н.С., Туровский М.Б. Культура. Личность. История // Постигание культуры. М., 1995.

Межуев В.М. Предмет теории культуры // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуры античного Рима. М., 1993.

Работы Л.Н. Уайта по культурологии. М., 1996.

Шендрик А.И. Теория культуры. М., 2002.

М.С. Цапко

Социология и социальная психология

В теоретическом плане различение предметов двух наук — социологии и психологии, как правило, не вызывает затруднений. Упрощенно это различение выглядит следующим образом. *Социология* изучает жизнь общества, его функционирование, как в целом, так и его отдельных институтов, а также их взаи-

модействие на основе анализа социальных процессов, выражающихся в сознании и поведении (деятельности) людей. Исключением, разделяемым далеко не всеми представителями социологического сообщества, является расширение предмета социологии на жизнедеятельность животных и даже растений.

Предметом *психологии* в самом общем виде являются закономерности развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности. С момента конституирования психологии в качестве отдельной научной дисциплины, который нередко относят к концу XIX в., значительное внимание стало уделяться лабораторному исследованию отдельных психических процессов (памяти, мышления, ощущения, восприятия). В то же время интенсифицировались процессы дифференциации психологии как науки, выделения внутри нее отдельных, относительно самостоятельных отраслей (общей психологии, занятой поиском основных закономерностей развития и функционирования психики; зоопсихологии — изучавшей психику животных; медицинской (патоклинической), ориентированной на исследование психических заболеваний и их коррекцию; возрастной психологии, занятой выявлением специфики психического развития на различных этапах онтогенеза человека и т.п.).

В этом ряду особое место заняла возникшая в середине первой половины XX в. социальная психология. Ее возникновение связывается с именем В. Вунда (1832—1920), первым обратившим внимание на социальные проблемы психологической жизни. Однако становление социальной психологии в России (как и психологии в целом) было непростым. Дискуссии о ее предмете велись в 1920—1930-е гг. (Г.М. Андреева, 1997).

Определяя место социальной психологии среди других наук, представляется успешным использовать междисциплинарный подход, подразумевающий не размещение социальной психологии «внутри» какой-либо одной из ее основополагающих дисциплин, будь то психология или социология, а поиск ее места путем определения «пограничных, пересекающихся» предметных полей. Таким полем, имеющим «пограничный» статус, по отношению социологии и социальной психологии является *изучение больших социальных групп*.

Однако такой подход следует признать лишь отчасти верным. Социально-психологическая, как и социологическая трактовка применима не только к большим социальным группам, но и к деятельности средств массовой информации, организациям и сфере управления, а также к науке, искусству, политике, семье и, наконец, личности.

Следует отметить, что межличностные отношения (на которых акцентирует свое внимание социальная психология) существуют «*внутри* каждого вида общественных отношений... в объективной ткани общественных отношений присутствуют моменты, исходящие из сознательной воли и особых целей индивидов» (Г.М. Андреева, 1997. С. 72—73).

В таком случае теоретически различие в предмете социальной психологии и социологии представляется связанным не только и не столько со спецификой их проблемного поля, сколько с особенностями угла зрения на одни и те же социальные феномены.

1. *Социологии присущ своеобразный дедуктивный подход* — от общего (социума, который является своеобразной «фигурой») — к частному (взаимодействию его членов, их непосредственным отношениям, отдельной личности как представителю больших социальных групп — этнических, профессиональных, политических, классовых и т.п.), т.е. к некому фону, обладающему значительным «зашумляющим» разнообразием. В конечном счете в личности и ее межличностных отношениях социолога интересует прежде всего проявление макросоциальных, надиндивидуальных закономерностей, процессов. Таким образом, социолог стремится к «объективации» субъективных, имеющих как рациональную, так и эмоциональную природу межличностных отношений.

2. Для *психологии (прежде всего социальной) характерен зеркально иной подход* — *индуктивный: от отдельной личности, погруженной в непосредственные межличностные отношения* (в рамках малой группы), имеющей индивидуализированную их картину (восприятие).

Это в данном случае — фигура, т.е. то, на что, в первую очередь, нацелено социально-психологическое исследование — отыскание закономерностей в пределах межличностного общения. Фоном же становится социальный контекст — культуральная, социально-экономическая специфика общества, с одной стороны, способствующая прояснению выявленных закономерностей на уровне малой группы, но с другой — сама подвергаемая психологизации.

Проиллюстрируем это одним примером. Значительное количество социально-психологических исследований посвящено изучению закономерностей каузальной атрибуции (приписыванию причин происшедшим событиям). Выявлено, что результаты этого приписывания, помимо прочего, зависят от, во-первых, позиции респондента (деятель-наблюдатель) и, во-вторых, успешности исследуемой деятельности (успех-неудача).

Можно предположить, что в различных культурно-исторических условиях чем более выражены и культивируются нормы индивидуализма, индивидуального успеха («социальный контекст»), тем более выражена будет эта закономерность. В то же время «чистые» социально-психологические интерпретативные схемы остаются на уровне личности и малой группы (например, наблюдатель при неуспехе наблюдаемой деятельности склонен приписывать причины этого деятелю). Таким образом, в последнем случае происходит своеобразная «психологизация» общественных отношений.

Четкое разграничение специфики социологии и социальной психологии нуждается в конкретизации применительно к отраслям каждой из наук. Например, была предпринята попытка выявить специфику социально-психологической и социологической российских традиций в изучении семьи (В.В. Солодников, 1994). Обнаружилось отсутствие специальной психологической теории семьи «среднего уровня», а также проявилась специфическая (но далеко не всегда выраженная) озабоченность социологов репрезента-

тивностью полученных эмпирических данных и их внимание к изучению взаимосвязей внутри социально-демографических характеристик респондентов.

В заключение следует отметить, что во взаимоотношениях социологии и социальной психологии существует несколько аспектов. Во-первых, есть общие понятия, в одинаковой степени используемые как в той, так и в другой науке. Это такие понятия, как сознание, человек (индивид), поведение (деятельность), мотив, потребности. Во-вторых, ряд понятий в социологию пришло из (социальной) психологии. Некоторые из них приобрели достаточно четкое социологическое звучание (например, стереотип), другие (установка, архетип) лишь частично и не всегда используются социологической наукой. В-третьих, социальной психологией в некоторых философских и социологических понятиях выделяются специфические формы их проявления (например, народ, население — в социологии, толпа — в социальной психологии).

Для социологии актуальна проблематика некоторых авторов, традиционно считающихся психологами, например З. Фрейда (1856—1939), постулировавшего противоречие человека и общества и посвятившего свою жизнь оказанию психологической помощи личности в разрешении этого противоречия.

И наконец, социальная психология обогатила социологию такими инструментами исследования, как тесты, социометрические методы, семантический дифференциал.

Основная литература

- Большой психологический словарь.* СПб., 2003.
Краткий психологический словарь. Ростов н/Д, 1998.
Современный философский словарь. М., 1998.

Дополнительная литература

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1997.
Солодников В.В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // СОЦИС. 1994. № 6.
Философский энциклопедический словарь. М., 1999.

О тенденциях развития социологии в современном мире

Материалы всемирных и отечественных форумов социологов, публикации международных журналов («International Sociology», «Current Sociology»), новые монографические исследования, материалы, помещенные в Интернете позволяют выявить основные тенденции в развитии мировой социологии. В форме восьми тезисов предлагается видение этих тенденций, чтобы соотнести с ними поиски социологов за рубежом и в нашей стране, уточнить представления о концепциях современной социологии. Анализ тенденций мирового развития социологии нашел отражение в публикациях последних встреч социологов в Дурбане (2006), Глазго (2007), Барселоне и Москве (2008) [1].

Итак, какие новые тенденции и подходы, какие акценты характерны для современного этапа развития мировой социологии?

1. *Продолжается экспансия социологии*, которую можно представить в терминах фундаментальных научных категорий *пространство и время*. Естественно, речь идет не только о росте социологии на континентах, где уровень развития данной науки был близок к тому, который имел место в нашей стране до 1990-х гг. Открывается потенциал Африки [2], особенно ЮАР [см. 3], а также Нигерии и арабских стран северной части континента. Активизируется работа социологов Китая [см. 2]. Речь идет также об Индии, о ряде стран Латинской Америки. В ноябре 2006 г. в Международную социологическую ассоциацию (МСА) были приняты национальные ассоциации социологов Ирана и Эфиопии.

Пространственная экспансия социологии связана также с происходящим на границах социологического знания взаимодействием с целым комплексом современных наук как об обществе и человеке, так и о природе. Эти тенденции отражают интеграцию взаимосвязи «пространственного» измерения с анализом современных социальных реальностей. Междисциплинарные тенденции современной социологии сопряжены с процессом (к нему стоит присмотреться в нашей стране) создания сети институтов «передовых», «продвинутых» междисциплинарных исследований. В заведениях типа Института Джона Гопкинса, РЭНД Корпорейшн, Института Макса Планка и ряде других (в Европе и США в последние 2–3 десятилетия их стало заметно больше) имеется возможность повышать квалификацию, вести разработку актуальных проблем, часто лежащих на стыке наук. На этом фоне можно отметить выдвижение на пост руководителя Международного института социологии шведского ученого Бьёрна Вит-

рока, много сделавшего для создания таких центров и институтов в скандинавских странах [4].

Что касается временного, исторического измерения, эта черта современной социологии находит отражение в историзации социологии, в развитии исторической социологии, в интеграции исторического измерения в анализ современных социальных реальностей [5]. Активно выступает за интеграцию временного и пространственного измерений в социологию меняющегося мира И. Валлерстайн. Р. Измайлова продемонстрировала возможность и актуальность историко-социологических подходов в анализе конфликтов в традиционном африканском обществе. Немецкий социолог Н. Баур показала, как под влиянием американских образцов после Второй мировой войны произошла «деисторизация» социологии в Германии. Следует заметить, что обилие феноменов, попадающих в поле внимания социологов, делает не просто возможным, но необходимым исследование «парадоксального» поведения людей, групп и масс (см. работы В.Д. Попова, Т.Ю. Сидориной, Ж.Т. Тощенко).

2. Процесс экспансии сопровождается исследованием все новых аспектов предметной, этнонациональной и региональной конкретики и на этой основе происходит *обогащение социологического знания*. В результате нередко возникали попытки пересмотреть ряд теорий и подходов в социологии, сложившихся на материале европоцентристских или североатлантических по их эмпирической и сущностной составляющих.

Расширение диапазона тематики социологических исследований происходило путем освоения достигнутого в смежных областях научного знания. Это социальная экология, гендерные исследования, биоэтика, ноосфера, а также традиционно взаимодействующие с социологией науки: философия, история, география, психология, лингвистика, этнология. Сильнейший импульс росту социологии придали новые информационные технологии, превратившие научное знание поистине в высокоэффективный инструмент глубокого познания.

Однако взаимодействие наук, их рост и интеракции не сделали простыми перспективы взаимоотношений социологии со смежными науками. Социология в своей значительной части сущностно обращена к человеку, его взаимодействию с себе подобными, его общественной природе, повседневной жизни. Это делает социологию восприимчивой к информации других наук. Многие социологи в своих исследованиях испытывают серьезное влияние философии, психологии, политологии, экологии, физиологии. Иногда социологию упрекают в амбициозности, в попытке быть некоей обобщающей наукой. В то же время сама социология встречается с опасностью быть растворенной в других науках. Это, например, ярко проявляется во взаимодействии с психологией, когда социальное анализируется исключительно в терминах фрустрации, аномии, деструкции, эксклюзии и т.п.

Размывание дисциплинарного поля социологии отражено в появлении субдисциплин, нечетко связанных с социологией, претендующих на роль обособленной науки. Такие тенденции грозят социологии утратой определенности, но они могут вылиться и в уточнение, поиск предмета, объекта

исследования. В то же время часть обществоведов прогнозирует создание интегрированной «социальной науки» (Э. Гидденс, И. Валлерстайн [6]). Другие делают попытки движения к междисциплинарной интеграции в форме метасоциологии или социальной теории [7]. Синтез, интеграция разных теоретических подходов в социологии и соседних с ней дисциплинах, как тенденция, отражены в утверждениях о происходящем в настоящее время «преодолении дисциплинарности», постдисциплинарном веке социологии [8]. В условиях России эти тенденции, возможно, отражены в социологической методологии таких новых направлений, как рискология, регионология, кратология, конфликтология и других [9]. Иногда эти дисциплины сопровождаются прилагательным «социальная», к примеру «генетическая социальная наука» [10]. Эта тенденция, на наш взгляд, актуализирует проблему формирования учебных программ университетов, готовящих социологов. Междисциплинарность нужно учитывать с точки зрения осознания (не только студентами) удельного веса и профиля преподавания взаимодействующих с социологией дисциплин.

3. В поле социологического анализа благодаря обозначенным тенденциям оказываются *новые объекты исследований*. Появились публикации о взаимодействии социологии с географией (говорят о социальной географией). Растет интерес к проблематике регионов мира, континентов и стран (Д.Н. Замятин, А.Б. Каримова и др.) [11].

Интерес к пространственно-временным аспектам социума раскрыл некоторые новые аспекты социальной мобильности индивидов. Симптоматичен в этом плане специальный номер журнала «International Sociology» о глобальном феномене туризма (№ 2 за 2001 г.), о его новом месте в современном мире. Проблематику мобильности активно развивает в своих работах Дж. Урри (Центр изучения мобильностей Ланкастерского университета, Великобритания). Начав с социологического освоения пространства, он перешел к проблеме качества мобильности в современных условиях. В круге его интересов оказались, в частности, путешествия и туризм, сделавшиеся в последние десятилетия самыми крупными сферами предпринимательства в мире. Одно время казалось, что Урри безоговорочно предсказывает линейное нарастание интеграционных и глобализационных процессов в мире [12]. Но в последние годы его оценки перспектив пространственной мобильности стали сдержаннее [13].

Симптоматичную сдержанность в аналогичном контексте проявляет немецкий профессор Х. Швенгель (Фрайбургский у-т, Германия). Он называет современность эрой и регионализации и глобализации. Отводя одно из центральных мест в этих процессах культуре, формулирует выводы о возможности придавать глобализации своеобразные «лица», отстаивает политику глобализации с европейским лицом [см. 14].

Появление новых объектов исследований и масштабы перемен в современном социологическом знании связаны с воздействием на нее научных открытий в науках, иногда весьма далеких от наук гуманитарных, социальных. Так, biological variable – биологическая переменная все больше интересует социологов. Социология тела человека [15] стала своеобразным следствием достижений эволюционной биологии, биотехнологий,

медицины (трансплантология и др.), генетики. Название книги «Почему наши гены значат больше, чем вы думаете» говорит само за себя [16]. Возможность оплодотворения «ин-витро» (в пробирке) вообще совершенно по-новому ставит проблему продолжения рода человеческого, меняет жизненные стратегии реальных людей [17]. Все это вызывает живой интерес социологов. Представляют интерес исследования по биопсихосоциальной медицине, проблемам старения, затрагивающим миллионы людей пожилого возраста, не говоря о традиционной социологии медицины, здоровья. Эти достижения напомнили о преемственности современной социологии с социологией второй половины XIX в., показателями чего стали появление в научном обиходе таких понятий, как неodarвинизм, неозволюционизм.

Отечественные социологи также поставили на обсуждение проблемы новых предметов, таких как социоэкономика — синтез социологических и экономических наук о социальных мифах и о социологии катастроф [18, 19].

4. В целом ряде исследовательских направлений в последние годы достигнуто более *детализованное, углубленное, порой принципиально новое понимание объектов изучения*. Одно из них — результат повального увлечения глобализацией, когда в реальности быстро обнаружили обратные тенденции [20]. Реалии на уровне местных сообществ и местного управления (governance) пришлось более адекватно отражать в концепциях и понятиях, в целом ряде новых терминов. Это глокализация [21], множественные глобализации [22] (аналог «множественных модернов» Ш. Айзенштадта), модернизация, транзитология и др. [23].

В области социологии власти достигнуто понимание важности анализа ее разновидностей, таких как теократия, технократия, этнократия и т.д. Накопление данных привело к дополнению набора понятий в сфере, например, социологии медицины (кстати, в России появился журнал «Социология медицины»), проблемы которой дополняются социологией здоровья¹, здорового образа жизни, спорта и физической культуры.

5. Накопление разнопланового эмпирического материала по разным странам и континентам ведет к *уточнению и понятиям, и сущности взаимодействий* в современном мире. Разработка этой тематики дает выходы на многие проблемы социологического знания. Тем более, что социальная практика подтверждает актуальность проблем, например межкультурных контактов и конфликтов. Происходящие в этом контексте уточнения иногда носят программный характер: от социологии феминистской (подробно см. у Дж. Ритцера [24]), сделан переход к гендерному подходу; в сфере социологии властных отношений заметна тенденция движения от коррупции к коррозии власти. Такого рода новации порождают усложнение теоретических построений. Этим путем пошел Дж. Александер [25], создав термин «культуральная социология»² вместо получившего широкое распрост-

¹ В 2006 г. ведущий немецкий социологический журнал *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* (Sonderheft 46/2006) специальный номер (под ред. К. Вольфа и К. Вендта) посвятил социологии здоровья.

² *Культуральная социология* как термин предпочтителен, на наш взгляд, для отграничения от *культурной социологии* и *социологии культуры*.

ранение «социология культуры» («культурного поворота» [26]). Утверждая культуру как независимую переменную в исследованиях общества, Александер полагает возможным выход и на фундаментальные проблемы, и на специфику всякого общества.

О том, что идея Александера получила резонанс, говорит выход в Англии с марта 2007 г. в издательстве «Сейдж (Sage)» журнала «Cultural Sociology» (редактор — профессор Абердинского университета Дэвид Инглис). Планируемая тематика публикаций позволяет представить предметное поле создаваемой Александером дисциплины, хотя и у социологии культуры в журнале есть свое место. Это — парадигмы и методология социологического анализа культуры, соотношение традиционных и инновационных исследований, социальные аспекты производства, распределения и потребления культуры, современные тренды в культуре, креативность и инновации, воспроизводство культур, историческая социология культур, социология искусства и эстетика, визуальные, речевые и слуховые культуры, социология медиакультур, социология перформанса, этничность и культура, гендерные культуры, «высокие» и «низкие» культуры, культура повседневности, культура, глобализация и глобальность, локальные, региональные, национальные, интернациональные и транснациональные культуры, культура и жизненный путь, вкусы и жизненные стили, культурная власть [27].

6. Значимой представляется тенденция *актуализации проблем нашей науки*. Очевидно, что актуальность неотделима от специфики ситуации в конкретных регионах, на континентах, в странах. Так, в социологии, традиционно именуемой западной, на первый план выходят исследования многообразия религий, их нового места в обществе, мультикультурализма, массовых протестов и напряжений в сформированной миллионной массе мигрантов, урбанизации, проблем образования, равенства мужчин и женщин и др. Достаточно напомнить потрясшие Францию этнические бунты осени 2005 г. Актуальность этой тематики выросла в последние годы в связи с обострением во многих странах проблемы мигрантов [28]. В этом аспекте знаменательно избрание президентом МСА на 2006—2010 годы французского социолога Мишеля Вевьерки. Тематика его трудов обращена к острым вопросам современного западного общества: неравенству, расизму, антисемитизму, насилию, гражданским правам меньшинств, проблеме мигрантов, конфликтам на этой почве и т.п. [29, 30]. Для социологов Востока, Африки, Латинской Америки гораздо актуальнее темы таких массовых проявлений, как голод, нужда, болезни, безработица, а также коррупция, кризисы социально-экономического развития и др. [31]. На второй план в социологии этих стран отходят такие темы «североатлантической» социологии, как постмодерн, последствия массовой интернетизации (например, проблема блогов — индивидуальных интернет-дневников), феминизм или гражданское общество. Характерно, что один из тех, кто уделял внимание этой проблеме — Дж. Александер, отводит гражданскому обществу роль идеала, даже утопии [32]: к ней следует стремиться, но она, по его мнению, далека от реализации.

Актуальные проблемы социологов в регионах мира, разные вызовы и разные на них ответы предопределили обсуждение такой проблемы, как качество жизни в глобализирующемся мире. То, что прежде представлялось ключевой проблемой современной социологии, уступает результатам, выраженным в качестве жизни людей. Опора на реальные ориентиры, ценности не должна утрачиваться без риска для жизненных интересов общества. Это предопределяет детализацию и контекстуализацию анализа социетальных процессов в странах. В то же время, можно полагать, формула, акцентирующая внимание на качестве жизни, отражает амбивалентное отношение социологов к реалиям глобализации как будущему мира. Контекстуализацию можно представить как символическое погружение социолога в реально изучаемое, ранее незнакомое общество. Она сопровождается уходом от обобщающих характеристик глобализационных процессов и актуализирует конкретику среды происходящих социальных перемен.

В мировой социологии в последнее время заметно активизировались дискуссии о роли социологов в современном мире, современном обществе. Эта тема звучала и в выступлениях в Москве в ноябре 2005 г. экс-президента МСА П. Штомпки [33]. По-видимому, это было требование времени. М. Буравой, покидая в 2005 г. пост президента Американской социологической ассоциации, выступил с докладом о публичной социологии [34]. Разделив функции нашей науки на четыре составляющие: публичная, профессиональная, критическая, прикладная, он связал активность социологов в публичной сфере с всесторонним ростом социологии (включая финансирование, популярность среди студентов и аспирантов, влияние на власть имущих и т.д.). В качестве первоочередного объекта внимания «публичных» социологов своей страны он предложил острую для всех развитых стран (и для России) проблему бесправия и эксплуатации мигрантов.

Роль «публичных интеллектуалов» — ученых, критически оценивающих ситуацию в стране и мире, активно выступающих за целенаправленное решение социальных проблем, проявилась в разработке этой проблемы и в нашей стране [35]. Действия по актуализации усилий мировой социологической общественности с очевидностью сказались на выборе президента МСА. Мишель Вевьерка, развивая идею П. Бурдьё об активном «социологическом вмешательстве (интервенция)» в происходящее в обществе, реализовал ее на практике во время мигрантских бунтов во Франции в ноябре 2005 г.

7. В социологии в последние годы *происходит смена акцентов со знака плюс на знак минус*. И сейчас в трудах социологов о глобализации в бизнесе, мире финансов, коммуникациях и других сферах позитивные тенденции несомненны. Это иллюстрирует, например, содержание специального номера журнала «Current Sociology» о действительно глобальном бизнесе в сфере моды [36]. Но несомненен и «прилив» в критике теорий глобализации, модерна, постмодерна и вытекающего отсюда внимания, например, к «обществу риска». Для отдельных социетальных сфер глобализация, видимо, сохраняет центральное значение. Но глобализация в ее нынешнем виде и попытки придать ей эвристическую нагрузку в качестве веду-

шей научной характеристики современности встречаются жесткое сопротивление. Ранее позитивные акценты в оценках происходящих в мире перемен меняются.

Так, на «столкновения цивилизаций», рассматриваемые С. Хантингтоном [37] как передел миропорядка, марксисты пригрозили «столкновением глобализаций» [38] с акцентом на негативные последствия во всех ключевых сферах общества. Характерна в этом плане смена акцентов в работах одного из экс-вице-президентов МСА: профессор С. Сассен (Чикагский университет) от изучения проблем «глобального города» (1992 г.) повернула к проблематике суверенитета национальных государств в эпоху глобализации, изучению групп недовольных глобализацией [39]. Оппонентом тех, кто делает глобализацию опорным пунктом взглядов на современный мир, стал известный американский социолог Дж. Ритцер. Он в критике этих процессов подметил: в массовом порядке глобализируется *ничто* (аналог симулякра Ж. Бодрийяра)¹ [40]. Им в книге о глобальном «ничто» предложен новый термин — Globalization: создание однородности путем глобальной экспансии общих форм и практик: капитализм, макдональдизация, американизация и т.п.

Глобализацию на определенном этапе действительно стали откровенно превращать в эквивалент неолиберализма с приватизацией, нерегулируемыми рынками и т.п., т.е. в политическое орудие определенных кругов США и других развитых стран. Акцент на качество жизни отразил и неудачу попыток представить глобализацию в духе универсальности американской и европейской моделей общества «модерна». «Хотя слово «глобализация» широко используется, его социологическое значение нуждается в прояснении», — подчеркивают авторы статьи в журнале МСА [41, С. 499]. Один из авторов журнала «International Sociology» (2006, № 6) в рецензии на книгу «Глобализация: критическое введение» выделяет позицию автора этой книги: глобализация систематически излагалась предвзято в пользу политических и финансовых элит, и рынок эту ситуацию не поправит [42, р. 911]. Сообщество социологов определенно демонстрирует скепсис в отношении идеологически окрашенного определения современной эпохи в терминах глобализации. Косвенным показателем этой тенденции стало появление ряда версий описания того, на чем построены идеи глобализации: мондиализация, интернационализация, универсализация, космополитизация.

Сдержанное и даже скептическое отношение к навязываемой научно-му сообществу преклонению перед глобализацией не раз высказывались многими социологами. В 2003 г. в спецвыпуске «Current Sociology» [43] «Социальные трансформации между глобальными силами и локальным жизненным миром — глобализация — локализация». В том же году в обзоре литературы акцентировалось столкновение глобализации с американскими

¹ Поскольку предлагаются варианты перевода понятия, введенного Ритцером — *nothing* (один из возможных вариантов перевода — *ничто*), мы предложили ставить его рядом с другим понятием — *something* (*нечто*), употребляемым Ритцером: *ничто* и *нечто*. Такой перевод ближе к авторскому смыслу и литературной форме этой пары понятий.

зацией [44] и др. [45]. Не первый год звучат мнения, что глобализация — это старая теория неолиберальной модернизации в новой одежде [46, с. 34].

Такая подвижка представляется значимой не только по научным соображениям. Глобализация — понятие из тех, которые по своей прикладной роли в политике некоторых держав далеко выходят за рамки социологии и вообще науки, играя роль идеологических и политических ориентиров стран, экономических и политических кланов. Об этом пишет член-корреспондент РАН С.М. Рогов: «В последние годы явно начинает пробуксовывать концепция глобализации, которую США активно проводили после окончания холодной войны. Не только ВТО, но и другие институты, контролировавшие процессы глобализации — Всемирный банк и Международный валютный фонд, — оказались менее эффективными, чем ожидалось» [47, с. 5]. Перефразируя известную сентенцию (когда историки переписывают историю, народ выходит на улицы), можно сказать: *когда шатается понятийный аппарат — падают правительства* (кстати, руководство Всемирного банка уже и в этом контексте сменилось [См. 48]). Нам ли в этом сомневаться после краха представлений о могуществе рыночной экономики современного состояния финансового мира?

Дело не только в том, что глобализация породила социальное движение антиглобалистов, особенно в странах, где живет большинство населения нынешней планеты. Все больше социологов в реальной жизни наталкиваются на следствия и предпосылки болезненных процессов глобализации. Объектом специальных изысканий в растущей мере становятся социальные эксклюзии, которые ассоциируются с бедностью, голодом, насилием (национальным, религиозным). В книге З. Баумана об «отверженных» современного мира [49], в исследовании Д. Макарова с характерным названием: «Что делает рынок с людьми: приватизация, глобализация и бедность» и др. [50] продемонстрированы и подвергнуты анализу социальные предпосылки антиглобалистских движений. Возрождающаяся самозанятость, о чем недавно еще писали в положительном ключе, обнаружила новые грани социального неравенства [51]. Как вызов, связанный с глобализацией, рассматривается терроризм, в особенности, то, что произошло 11 сентября 2001 г. в США [52]. Сопrotивление глобализации несколько оживило интерес к общественным движениям, работу исследователей истории рабочего движения в эпоху неолиберализма [53].

История социологии подсказывает аналогию судьбы глобализации с идеей общества модерна, выстроенной, в частности Т. Парсонсом, вокруг центральной роли американских ценностей. Характерно, что эти ценности И. Валлерстайн сделал объектом критики глобализации [54]. Волна критики не остановилась и перед целым рядом таких новаций современной социологии, как постмодерн, общество рисков и др. В них критики обнаружили стремление некоторых социологов принижать роль классовых факторов, социальных неравенств и несправедливостей.

8. В плане методологических (их можно рассматривать и как мета-теоретические) стратегий современной социологии больших подвижек в последние десятилетия не произошло. По-прежнему *доминируют три*

подхода. Первый — социологический реализм, постулирующий первичность общества по отношению к человеку (правда, здесь получил распространение критический штамп — «методологический антигуманизм»). Второй — социологический номинализм, постулирующий обратное — идущий в своих поисках от человека к обществу. Несколько более свежо выглядит третий подход — социальный конструктивизм (вариант его — «социология жизни»), включающий в сферу анализа равноправную триаду: сознание, поведение индивидов и групп и среду их развертывания [55]. Отсюда и известные различия в понимании предмета социологии и подходу к ее дисциплинарному методическому инструментарию, еще недавно отражавшиеся в конфликте качественников и количественников. Сейчас споры улеглись. Найден некоторый модус вивенди — способ сосуществования. Но проблема первичности того или иного из начал социального осталась. Характерно на этом фоне, что Дж. Александер, чья «культура как независимая переменная» несколько напоминает парсоновскую (неофункционалистскую) первичность «ценностей».

В заключение привлечем внимание к вопросам, в известной мере касающимся России. В о - п е р ы х, социальное положение угнетенных и эксплуатируемых, как бы ни называла современная наука группы депривированных (маргиналы, эксклюзия и т.п.). В социологии их судьба по-прежнему привлекает внимание прежде всего марксистски ориентированных ученых. Об активности их говорит факт выхода социологических изданий в Европе (журнал «Critique»), Австралии (бюллетень «Одиннадцатый тезис»). В социологической ассоциации США действует секция марксистской социологии, издающая бюллетень «Слева». Видимо, положение в России с марксистски ориентированной социологией — свидетельство того, чем в действительности стал марксизм в «самой марксистской стране мира» — СССР [56].

В о - в т о р ы х, неотложной задачей всех социальных наук становится поиск ответа на ситуацию в мире в связи с финансовым и экономическим кризисом. И. Валлерстайн может торжествовать: его прогнозы кризиса капитализма вообще и капитализма в США, перехода к новому экономическому устройству мира, кажется, сбываются. «Диагноз времени» у Валлерстайна таков: «Можно уверенно утверждать, что нынешняя система не выживет. Но нельзя предсказать, какой новый строй придет ей на смену. Выбор будет результатом бесконечного множества отдельных действий. Но рано или поздно установится новая система. Она будет не капиталистической, но может быть гораздо хуже (более поляризованной и иерархичной) или намного лучше (относительно демократичной и относительно эгалитарной). Выбор новой системы — предмет крупнейшего политического противоборства во всем мире нашего времени. Что касается кратко- и среднесрочных перспектив, ясно, что происходит повсюду. Мы движемся в мир протекционизма — забудьте о так называемой глобализации. Мы идем к намного большей прямой роли правительств в производстве. Даже США и Британия частично национализуют банки и умирающие крупные предприятия. Мы идем к правительствам популистского

перераспределения, что может принять форму или левоцентристской социал-демократии или крайне правого авторитаризма. И мы идем к острому социальному конфликту внутри стран...» [57]. И несомненно, в осмыслении этих новых реалий предстоит большая работа для социологов всего мира, в том числе и российских.

Литература

1. <http://www.ucm.es/info/isa/congress2006>; <http://www.isa-sociology.org/congress2010/priorities.htm>; III Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: пути взаимодействия. 21–24 октября 2008 г. М.: Институт социологии РАН, 2008.
2. Алли Ш., Муни К., Стюард П. Социология в ЮАР (1920–1970) // СОЦИС. 2006. № 3.
3. www.asanet.org/footnotes/fn6.html — (декабрь 2006 г.).
4. http://www.uta.fi/aitokset/yty/utacas/wittrock_paper.pdf
5. Большой вклад в этот процесс внес выходящий в Оксфорде с 1988 г. «Журнал исторической социологии» («The Journal of Historical Sociology»); см. также Романовский Н.В. Историческая социология. М., 2008.
6. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. 1993. V. 1. № 1. С. 69–73; Валлерстайн И. Наследие социологии, будущее социальной науки // Хрестоматия по общей социологии / Сост. В.П. Култыгин, А.Г. Кузнецов. М., 2004. С. 206.
7. Например, Дж. Ритцер: *Ritzer G. Metatheorizing in Sociology*. Lexington, Mass.: Lexington Books. 1991; *Idem. Explorations in Social Theory: From Metatheorizing to Rationalization*. 2001; Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира. М., 2001.
8. The Dialogical Turn. New Roles for Sociology in the Postdisciplinary Age. *Satic C., Joas H.*, eds. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. 2004; Давыдов А.А. Системная социология. М., 2003.
9. Рязанцев И.П., Халиков М.Е. Экономическая социология (региональный аспект). М., 2005; журнал «Регионология», выходящий в Саранске; Халипов В.Ф. Кратология (наука о власти). М., 2001; Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003; Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска. М., 2004.
10. Owen T. Genetic-Social Science and the Study of Human Biotechnology // *Current Sociology*. 2006. V. 54. No. 6. P. 827–850.
11. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы; Каримова А.Б. Регионы в современном мире // СОЦИС. 2006. № 5; Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск. 1999; а также серия публикаций (№ 8, 9 за 2006 г.). Зарубежная литература по этой проблематике охарактеризована в: «Глобализация и регионализация: факторы формирования геополитического пространства». М.: ИМЭМО РАН. 2006, а также в: *Buzan B., Woever O. Regions and Powers: The structure of International Security*. Cambridge. 2003.

12. *Urry J.* Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-first Century. L.: Routledge. 2000.
13. *Urry J.* Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
14. <http://www.sociologie.uni.-freiburg.de.schwengel>
15. Тело человека — новые горизонты социального познания? // СОЦИС. 2006. № 4. С. 16—25.
16. *Hamer D., Copeland P.* Living With Our Genes: Why They Matter More Than You Think. L.: Macmillan. 1999.
17. *Бертильссон М.* Второе рождение природы: последствия для категории *социальное* // СОЦИС. 2002. № 9.
18. Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. 2004; *Бородкин Ф.М.* Взаимодействие социологических и экономических наук. Что впереди? // СОЦИС. 2005. № 12; *Радаев В.В.* Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003.
19. *Осинов Г.В.* Социология и социальное мифотворчество. М., 2002; *Бабосов Е.М.* Катастрофа как объект социологического анализа // СОЦИС. 1998. № 9.
20. *Видоевич З.* Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // СОЦИС. 2005. № 4; *Млинар З., Штебе Я.* Мобильность и идентификация в условиях открытости мира: теоретическая интерпретация и опыт Словении // СОЦИС. 2005. № 4.
21. *Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities*. Ed. by *M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson*. L.: Sage. 1995. P. 25—44.
22. www.blogafrica.com/feeds/index.rdf
23. <http://www.iboro.ac.uk/gawk/rb/rb/55.html>
24. *Рутцер Дж.* Современные социологические теории. М.; СПб и др.: Питер, 2002. С. 357—414.
25. *Alexander J.* Introduction: Understanding the 'Relative Autonomy' of Culture // *Alexander J., Seidman S.*, eds. *Culture and Society: Contemporary Debates*. Cambridge: CUP, 1990, pp. 1—27; *Smith Ph.* The New American Cultural Sociology // *Smith Ph.*, ed. *The New American Cultural Sociology*. Cambridge: CUP. 1998. *Alexander J.C., Smith P.* The Strong Program in Cultural Sociology // *The Handbook of Sociological Theory / Turner J.*, ed. NY: Kluwer, 2001. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Alexander J.*, ed. Oxford — N.Y.: Oxford Univ. press. 2003.
26. Подробнее см.: *Шендрик А.И.* Теории культуры. М., 2002.
27. <http://www.sagepub.com/journalsProdDesc.nav?prodId=Journal201779>
28. См. работы *Ж.А. Зайнчиковской, Г.С. Витковской, С.В. Рязанцева* и др.
29. www.ucm.es/info/isa/cv/cn_michel_wieviorka.htm
30. *Вевьерка М.* Формирование различий // СОЦИС. 2005. № 8.
31. *Current Sociology*, 2006. V. 54. No. 1. Special issue: The idea of autonomous sociology: Reflections on the state of the discipline; *Ку А.* Парадокс — гражданское общество без гражданства // СОЦИС. 2003. № 12; *Брисеньо-Леон Р.* Вызов для социологии: ситуация в Латинской Америке // СОЦИС. 2003. № 7 и др.

32. Степаненко В. Гражданское общество как дискурс и социальный нормативный порядок в социологии Джеффри Александра // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2; Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // СОЦИС. 2002. № 10.

33. Штомпка П. Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах (тезисы доклада). М.: Сообщество профессиональных социологов. Конференция «Современная российская социология в контексте общественных тенденций». 25–26 ноября 2005 г.

34. Burawoy M. The world needs public sociology // <http://www2.asanet.org/pubs/2004PresidentialAddressASR.pdf>

35. Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2008; См. также: СОЦИС. 2009. № 4.

36. Current Sociology. 2005. № 1 (здесь же обсуждается проблема транснациональности и космополитизма).

37. Huntington S.P. Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. NY.: Simon and Shuster. 1996.

38. Kiely R. The Clash of Globalizations: Neo-Liberalism, the Third Way and Anti-Globalization. Leiden and Boston: MA.: Brill. 2005. Historical materialism Book Series. Vol. 8.

39. Sassen S. The Global City. N.Y. e.a. Princeton univ. Press. 1992; *Idem*. Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization. N.Y. Columbia univ. press. 1996; *Idem*. Globalization and its Discontents: Essays on the New Mobility of People and Money. NY. New Press. 2000.

40. Ritzer G. The Globalization of Nothing. L.—NY. — New Delhi: Sage. 2004.

41. Martin D., Metzger J.-L., Pierre P. The Sociology of Globalization. Theoretical and Methodological Reflections // International Sociology. 2006. V. 21. № 4.

42. Rec. J. Murphy на книгу Scholte J.A. Globalization: a Critical Introduction. 2nd ed. L.-NY.: Palgrave Macmillan. 2005.

43. Current Sociology. 2003. № 3—4.

44. Там же. 2006. № 6 (Обзор литературы — автор Гуан Дин).

45. International sociology. 2006. № 4 (Тема: Вызовы глобализации. Оспаривая глобализацию).

46. Eleventh Thesis. Critical Theory and Historical sociology. V. 5. № 1. 2001.

47. Рогов С.М. После войны в Ираке: крах однополярного мира // Незав. военное обозрение. 2006. № 45.

48. Мюллер К., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации // СОЦИС. 2002. № 9.

49. Bauman Z. Wasted Lives: Modernity and its Outcasts. Cambridge: Polity press. 2004.

50. Macarov D. What the Market Does to People: Privatization, Globalization and Poverty. L.: Zed Books. 2003. Пересечение судеб людей с глобализацией.

51. The Re-emergence of Self-employment: A Comparative Study of Self-Employment Dynamics and Social Inequality. Princeton, NJ, 2004; Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009; См. также работы В.Н. Ильина, Н.Е. Тихоновой.

52. Globalization and Resistance: Transnational Dimensions of Social Movements. *Smith J., Johnston H.*, eds. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. 2002; Labour History in the era of Neo-Liberal Globalization – http://www.socsci.mcmaster.ca/emplibary/rc44_ewsletter_november2005_Vol2_№8.pdf; *Ожиганов Э.Н.* Профиль терроризма: природа, цель мотивация // СОЦИС. 2006. № 2; *Филиппов А.М.* Социология терроризма. М., 2007; *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм. М., 2009.

53. *Keskin-Kozat B.* Grappling with 9/11 and its Aftermath. Reflections on the Collective Past, Present and Future of Contemporary Societies // IS November 2006, V. 21. P. 815–821. Обзор четырех сборников статей Transforming Globalization: Challenges and Opportunities in the Post 9/11 Era. *Podobnik B., Reifer T.*, eds. Leiden and Boston, MA: Brill. 2005; *Халий И.А.* Современные общественные движения. М., 2007; См. также работы В.Х. Беленького, Б.И. Максимова, В.В. Трушкова.

54. *Wallerstein I.* America and the World. The Twin Towers as Metaphor // <http://www.ssrc.org/sept11/essays/wallersteion.htm>

55. См.: *Лавин Н.И.* Общая социология. М., 2006; *Тощенко Ж.Т.* Социология. М., 2005; *Попова И.М.* Социология. Киев, 2000.

56. From the Left. Newsletter of the ASA Marxist Sociology Section // http://www.cas.ucf.edu/soc_anthro/faculty_web_pages/goldstein/FTL_Fall_2003.pdf, а также <http://asanet.org/footnotes/julyaugust04/fn12.html>; *Осинов Г.А.* Социология и социализм. М., 2008.

57. *Wallerstein I.* The rise and future demise of the world capitalist system: concepts for comparative analysis // Comparative Studies in Society and History. 1974. V. 16. № 4. PP. 387–415; *Wallerstein I.* The Decline of American Power: The US in a chaotic world. NY: New press. 2003; <http://www.binghamton.edu/fbc/cmpg.htm>.

*Н.В. Романовский,
Ж.Т. Тощенко*

Приложение 1

Примерный план учебного курса «ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ»

Данный тезаурус как особый социологический словарь-справочник является основой для построения учебного курса, который обычно называется «Общая социология», «Введение в социологию» или «Основы социологии». В нем реализуется *принципиально новый подход* в преподавании учебной дисциплины, которая читается студентам, решившим стать профессиональными социологами.

В чем принципиально новая постановка вопроса?

Основой социологического анализа является идея, что человек в его социальном окружении, в реальности повседневных забот и намерений является объектом и предметом социологического познания. Антропоцентрическая идея все больше и больше разделяется учеными во многих странах мира — социология призвана исследовать *человека в обществе и общество для человека* (П. Бергер).

Ключевым в знакомстве с началами социологии является ее *понятийный аппарат*. Проблема понятийного аппарата — это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки. Студент, решивший овладеть данной наукой, должен в совершенстве знать базовые понятия социологии и в первую очередь те из них, которые наиболее точно и отчетливо отражают квалификацию и мастерство, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей.

Курс начинается с краткого знакомства с *генезисом идей социологии, с объектом и предметом науки, уровнями и структурой социологического знания, функциями социологии и ее местом в системе социальных и гуманитарных наук*.

Человеческое измерение социальной реальности предлагает рассмотрение *эмпирических понятий социологии*, исходя из концепции социологии жизни, которая концентрирует внимание, во-первых, на общественном сознании, во-вторых, на поведении (деятельности), в-третьих, на условиях их функционирования, т.е. на анализе макро-, мезо- и микросреды. Поэтому сначала излагаются понятия, раскрывающие *социологическую структуру сознания, ее элементарные компоненты* (знание, мнение, потребности, мотивы, ценностные ориентации, установки, интересы и т.д.), включая специфические (стереотипы, настроение, архетипы, интуиция и др.) и деформированные виды сознания (аномия, фрустрация, парадоксы и т.д.). Затем, в этом разделе дается представление о возможностях операциона-

лизации поведения и деятельности в их основных видах (нормативное, адаптивное, деструктивное и инновационное). Наконец, этот раздел завершается эмпирической трактовкой *социальной среды*, ибо сознание и поведение во многом зависят от внешних условий, представленных макро-, мезо- и микросредой.

Следующий раздел посвящен *системным, синтезирующим понятиям*, которые формируются на более высоком уровне абстракции. Все они — социальные отношения, социальное развитие, социальные процессы, социальные институты и организации и другие являются синтезом элементарных понятий на образующим новый уровень принципиально иных логических конструкций.

Затем следует анализ *структурообразующих понятий*, характеризующих содержательный уровень социологического знания, воплощенный в *отраслевых и специальных социологических теориях*, которые выходят еще на более высокий уровень абстракции — представления о сферах общественной жизни, предусматривающий характеристику экономической, социальной, политической и духовной жизни, и соответственно компоненты каждой из них. Например, социология экономической жизни (экономическая социология) содержит в себе анализ проблем рынка, труда, города, деревни, демографии, миграции, экологии. Или социология духовной жизни состоит из анализа проблем образования, культуры, науки, религии и т.д.

Несколько особняком стоит анализ *проблем социологии управления*. Его цель — познакомить студентов с механизмом изменения социальной реальности, с методами достижения поставленных целей, преобразования и перевода в другое состояние объектов целенаправленного воздействия.

В заключение рассматривается взаимодействие социологии с другими социальными и гуманитарными науками, отмечаются благотворный характер их взаимосвязи и взаимообогащение в рамках как отечественной, так и мировой науки.

Учебно-тематический план первого семестра (введение в специальность)

Социология как наука

Темы лекций

1. Когда родилась социология? (Генезис идей социологии как науки)
2. Что изучает социология? (Об объекте и предмете социологии)
3. Структура и уровни социологического знания. Основные категории и понятия социологии.
4. Личность, человек, индивид как субъект и объект социальной реальности.

5. Общественное сознание (виды, типы, формы) и его социологическая интерпретация.
6. Специфические и деформированные формы общественного сознания.
7. Поведение и деятельность как реализация форм общественного сознания.
8. Условия реализации сознания, поведения и деятельности. Понятие о социальной среде.
9. Социология в системе социально-гуманитарного знания.

Семинары

1. Объект и предмет социологической науки.
2. Основные категории и понятия социологии.
3. Человек, личность, индивид.
4. Общественное сознание, виды, структура, функции.
5. Знание, мнение, информация.
6. Потребности.
7. Мотивы, мотивация.
8. Ценностные ориентации и установки.
9. Интересы.
10. Социальное настроение, самочувствие.
11. Стереотипы, генотипы, архетипы.
12. Деформированные формы общественного сознания (отчуждение, anomia, фрустрация, депривация, парадоксы).
13. Деятельность, социальное поведение.
14. Основные виды социального поведения.
15. Среда (макро-, мезо-, микросреда).
16. Этика в деятельности социолога (Профессиональный кодекс социолога).

Учебно-тематический план второго семестра

Синтетические понятия социологии

Темы лекций

1. Синтетические понятия и их соотношение с эмпирическими понятиями социологии.
2. Социальное развитие, формы и направления его реализации.
3. Социальная связь и взаимосвязь. Социальные отношения, процессы и явления.
4. Социальная структура, социальная стратификация и социальная мобильность.
5. Социализация.
6. Социальные институты.
7. Социальные организации.

8. Социальные изменения и движения.
9. Социальный конфликт.
10. Социальный контроль.

Семинары

1. Социальное развитие: эволюция идей и современные трактовки.
2. Социальные отношения как реализация социальных связей и взаимосвязей.
3. Социальные процессы и явления: общее и особенное.
4. Социальная стратификация современного российского общества.
5. Социальная мобильность и многообразие ее видов.
6. Социальный статус и социальная роль.
7. Социализация.
8. Социальные институты и их особая роль в функционировании общества.
9. Социальные организации, сущность, виды, типы.
10. Социальные изменения и их многообразие.
11. Социальные движения и гражданские инициативы.
12. Социальные конфликты как специфическая форма противоречий.
13. Социальный контроль.

Учебно-тематический план первого семестра 2-го курса

Структурообразующие (отраслевые и специальные) социологические теории

Темы лекций

1. Общество и его основные сферы.
2. Основные отраслевые специальные социологические теории.
3. Социология в сфере экономики (основные положения экономической социологии).
4. Социология в сфере социальной жизни.
5. Социология в сфере политической жизни общества (политическая социология).
6. Социология в сфере духовной жизни общества.
7. Социология управления.

Семинары

1. Основные подходы к исследованию общества.
2. Современный этап развития отраслевых и специальных социологических теорий как отражение методов анализа социальной реальности.
3. Предметное поле социологических исследований в экономической сфере: экономическое сознание и поведение, их современное состояние и тенденции развития.

4. Потребительное поведение в условиях рынка. Деньги и их социальная роль.
 5. Профессиональная структура общества: эволюция труда и занятости.
 6. Социально-пространственная организация общества: город, село, регион.
 6. Специальные социологические теории о демографической структуре общества: гендер, молодежь, детство, пожилые.
 7. Этническая структура общества: современные проблемы.
 8. Социальная сфера: отношения социального неравенства.
 9. Социальные организации в политической сфере (государство, партии, общественные движения и гражданские объединения).
 10. Интеллектуальные ресурсы общества (социология культуры, образования, науки)
 12. Социальная коммуникация в современном обществе.
 13. Религиозная структура общества: проблемы секуляризации и клерикализации.
 14. Социальное предвидение и прогнозирование: эволюция идей и современность.
-

Приложение 2

Энциклопедии, словари, справочники

Бабосов Е.М. Социология: Энциклопедический словарь. Минск: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Голованов О. Краткий словарь по социологии. М., 2001.

Городяненко В.Г. Социологическая библиография. Днепропетровск, 1999.

Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2 т.: Пер. с англ. М., 1999.

Карманный социологический словарь / Авт.-сост. Ю.Н. Аксёненко, Л.С. Аникин, Г.В. Дыльнов. Саратов, 2000.

Кравченко С.А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь: Более 10 000 единиц. М.: Астрель. АСТ, Транзитрига, 2004.

Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989.

Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. А—Я. Словарь-справочник: Пер. с англ. М., 2000.

Павленок П.Д. Краткий словарь по социологии. М.: ИНФРА-М, 2001.

Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

Современная западная социология. Словарь. М., 1990.

Социологи России и СНГ XIX—XX вв. Биобиблиографический справочник / Ред. колл. Ж.Т. Тощенко, З.Т. Голенкова и др. М., 1999.

Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. Минск, 2003.

Социологическая энциклопедия / Рук. проекта Г.Ю. Семигин. В 2 т. М.: Мысль, 2003.

Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008.

Социологический словарь. 2-е изд. Минск: Университетское, 1991.

Социологический словарь / Н. Аберкромби, Ст. Хилл, Б.С. Тернер. М.: Экономика, 2004.

Социологический справочник / Под ред. В.И. Воловича. Киев: Политиздат Украины, 1990. С. 382.

Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма, 2000.

Социология: Краткий тематический словарь / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

Учебный социологический словарь с английскими и испанскими эквивалентами. 4-е изд. / Под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: Экзамен, 2001.

Ферреоль Ж. Социология: Терминологический словарь: Пер. с фр. СПб., 2003.

Фролов С. Словарь ключевых социологических терминов. М., 1999.

Хмелевская С.А. Социальная философия и социология (карманная энциклопедия). М.: Логос, 2002.

Экономико-социологический словарь / Науч. ред. Г.Н. Соколова. Минск, 2002.

Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995.

Соціологічна енциклопедія / Укладач В.Г. Городяненко. Киев: Академвидав, 2008.

Оглавление

Введение	3
Раздел I. Что такое социология?	9
Социология как наука	10
Когда возникла социология?	13
Что изучает социология?	22
Объект социологии	22
Предмет социологии	26
Социологическое знание: структура, уровни	32
Методологические стратегии в социологии	39
Функции социологии	44
Раздел II. Основные категории и понятия социологии	47
Категории социологии	48
Понятия социологии (логическая структура)	52
Понятия социологии (структура содержания)	55
Раздел III. Эмпирические понятия социологии	61
Человек — индивид — личность	62
Общественное сознание: типы, виды, функции	67
Основные компоненты общественного, группового и индивидуального сознания	73
Знание (1)	73
Знание (2)	77
Информация	81
Общественное мнение	85
Потребность	93
Мотив	98
Ценности и ценностные ориентации	103
Установка	108
Интерес	112
Специфические формы общественного сознания	115
Идеология	115
Настроение социальное	119
Стереотип	122
Архетип, генотип, фенотип	126
Интуиция	130
Символ	133
Имидж	135
Социальная идентификация	139

Деформированные формы общественного сознания	143
Отчуждение	143
Парадоксы	147
Кентавр-проблема	152
Фантомы	156
Аномия	161
Фрустрация	166
Депривация	168
Поведение и деятельность как реализация форм и видов общественного сознания	171
Социальное поведение	171
Деятельность	174
Социальное действие	176
Социальные нормы (нормативное поведение)	180
Социальная адаптация	183
Социальная инновация	185
Социальная девиация	189
Условия реализации сознания, поведения и деятельности	195
Социальная среда (макро-, мезо- и микросреда)	195
Социальная инфраструктура	197
Раздел IV. Синтетические понятия социологии	201
Социальное развитие	202
Социальные отношения	210
Социальные процессы	212
Социальные явления	213
Социальный институт	215
Социальная организация	218
Социальная структура	222
Социальная стратификация	227
Социальная мобильность	235
Социализация	238
Социальное изменение	244
Социальные конфликты	246
Социальный контроль	252
Раздел V. Отраслевые и специальные социологические теории	257
Общество и его основные сферы	258
Экономическая социология	267
Социология рынка	271
Социология труда	274
Социология города	277
Социология села	281
Экологическая социология	285
Демография	288

Социология социальной сферы	292
Образ жизни	294
Этносоциология	296
Социология молодежи	303
Гендерная социология	307
Геронтология	312
Социология семьи	314
Социальная работа	318
Политическая социология	322
Социология власти	325
Бюрократия	328
Социология партий	332
Общественные организации	337
Электоральная социология	340
Социология права	343
Самоуправление	346
Социология международных отношений	348
Социология духовной жизни	354
Социология личности	358
Социология образования	365
Социология культуры	368
Социология науки	374
Социология религии	378
Социология средств массовой информации	387
Социология литературы	390
Социология искусства	392
Социология управления	394
Социальное предвидение	396
Социальное прогнозирование	401
Социальное проектирование	408
Социальное планирование	412
Социальное программирование	417
Социальные технологии	423
Социология организаций	428
Социальный эксперимент	432
Раздел VI. Место социологии в структуре социальных наук	435
Основные принципы взаимодействия	436
Социология и философия	438
Социология и история	443
Взаимодействие социологии и экономических наук	446
Социология и политические науки (политология)	451
Социология и право	457
Социология и культурология	460
Социология и социальная психология	463
О тенденциях развития социологии в современном мире	466
Приложения	479

Тезаурус социологии
Тематический словарь-справочник

Под редакцией
Жана Терентьевича Тощенко

Редактор *Л.В. Речицкая*
Корректор *С.А. Сержант*
Оригинал-макет *М.А. Бакаян*
Оформление художника *А.П. Яковлева*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.005315.05.07 от 08.05.2007 г.

Подписано в печать 18.03.2009 (с готовых ps-файлов). Изд. № 1396
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 40,0. Уч.-изд. л. 40,0
Тираж 5000 экз. (1-й завод — 2000). Заказ 1952

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»
Генеральный директор *В.Н. Закаидзе*

123298, Москва, ул. Ирины Левченко, 1
Тел.: 8-499-740-60-14. Тел./факс: 8-499-740-60-15
www.unity-dana.ru E-mail: unity@unity-dana.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Тезаурус социологии — это уникальное издание, в котором впервые реализовано одно из основных направлений социологической мысли — *социология жизни*. В тезаурусе представлены научные и прикладные (практические) трактовки понятий, которые вводят социологов-исследователей и студентов — будущих специалистов в многогранный мир социологии, являются инструментом их повседневной творческой и учебной деятельности. Тематический принцип, принятый в тезаурусе, позволяет получить полную картину того, как возникла и развивалась социология, что образует ее богатство, как трактовать многообразие процессов и явлений, которые изучает социолог.

ЮНИТИ
UNITY

www.unity-dana.ru

ISBN 978-5-238-01638-2

9 785238 016382